

СССР ФЭНДЭР АКАДЕМИЯНЫ
БАШКОРТОСТАН ФИЛИАЛЫ
ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ЭЗЭБИЭТ ИНСТИТУТЫ

БАШКОРТОСТАН
АРХЕОЛОГИЯНЫ
Һәм
ЭТНОГРАФИЯНЫ

III

*И. В. Бикбулатов, Р. Ф. Кузеев (яуаплы редакторы)
Һәм Н. А. Мәжитов
редакцияһында*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХЕОЛОГИЯ
и
ЭТНОГРАФИЯ
БАШКИРИИ

III

Под редакцией
Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева (отв. редактор)
и Н. А. Мажитова

*Посвящается светлой памяти исследователя
археологии Южного Урала, доктора исторических наук
Константина Владимировича Сальникова*

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ
САЛЬНИКОВ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ. III. Уфа, БФАН СССР, 1968.

Третий том продолжает публикацию новейших достижений археологических, этнографических и антропологических исследований, проводимых на территории Башкирской АССР и сопредельных областей. В него вошли в основном работы, выполненные сотрудниками сектора археологии и этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, включены также статьи ученых из других учреждений — Института археологии, Московского и Башкирского университетов.

В археологической части сборника большое место занимают публикации по памятникам конца I тыс. до п. э. и первой половины I тыс. н. э. К ним примыкает статья об антропологическом типе населения Южного Приуралья эпохи раннего железа. Две статьи посвящены изучению мезолита и бронзы.

Этнографический раздел тома представлен исследованиями по этнической истории и материальной культуре башкирского народа, истории хозяйства и демографической характеристике башкир в разрезе нескольких столетий.

Не по всем вопросам, затронутым в томе, имеется единое мнение у авторов и членов редакционной коллегии сборника. Расхождение мнений обусловлено сложностью и малоразработанностью исследуемых проблем.

Авторы дали свои варианты решения поднятых ими вопросов. Они, как и члены редакционной коллегии, будут рады, если публикуемые статьи дадут толчок новым изысканиям и поискам новых решений их проблем.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ
КОНСТАНТИНА ВЛАДИМИРОВИЧА САЛЬНИКОВА

(1900—1966 гг.)

Имя Константина Владимировича Сальникова давно и хорошо известно исследователям древней истории Урала, и не только Урала. Круг научных интересов Константина Владимировича был широк; он не ограничивался собственно уральской проблематикой. И это естественно, так как судьбы уральских и соседних народов часто имели много общего.

Настойчивые поиски и исследования памятников древней культуры Урала, введение в научный оборот обширного, часто принципиально нового, археологического материала, обобщения по важнейшим вопросам древней истории, постоянное участие в практической жизни уральских музеев, публикации книг для широкого читателя, наконец, воспитание молодых археологических кадров — таков далеко не полный перечень многогранной творческой деятельности К. В. Сальникова.

Те, кто впервые пришел в археологию в конце 40-х годов, знали Константина Владимировича как уже сложившегося ученого, автора обобщающих работ по одному из интереснейших периодов древней истории — бронзовому веку Зауралья. В то время (1948 г.) К. В. Сальников завершил большой труд по систематизации обширных материалов бронзового века, накопленного им и его предшественниками. Памятники этой эпохи, отнесенные К. В. Сальниковым к андроновской культуре, были объединены в три типа и размещены по трем хронологическим этапам, перерастающим друг в друга — федоровскому, алакульскому и замараевскому. Все этапы, по мнению К. В. Сальникова, занимали в целом отрезок времени, определяемый второй половиной II тыс. до н. э. Развернутое обоснование периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы нашло отражение в монографическом труде К. В. Сальникова «Бронзовый век Южного Зауралья» (1951 г.), в котором освещены и другие существенные вопросы, касающиеся племен андроновской культуры: хозяйство, общественный строй, погребальный обряд и др. Опубликованная в этой монографии концепция К. В. Сальникова была одобрительно принята в ученых кругах; ею стали руководствоваться при исследовании археологических культур эпохи бронзы на смежных территориях. Картина бронзового века, нарисованная Константином Владимировичем, стала достоянием учебных программ исторических факультетов уральских вузов. Несколько поколений историков учились археологии непосредственно у Константина Владимировича, преподававшего длительное время этот предмет в Уральском государственном университете. Позднее, с накоплением нового материала, отдельные стороны концепции уточняются ее автором. Меняется

хронология этапов, вводится новый так называемый кожумбердынский этап, занявший место между федоровским и алакульским; однако сама конструкция периодизации сохранилась, являясь свидетельством высокой научной культуры и широкой эрудиции ее автора.

Интерпретация кардинальных вопросов истории андроновской культуры делает К. В. Сальникову честь первооткрывателя. Но исследование этой культуры, хотя и ставшее главным делом его жизни, было отнюдь не единственным. Еще в 1934 г. К. В. Сальников совместно с П. А. Дмитриевым при обследовании строящейся в Башкирии железнодорожной трассы Уфа — Ишимбай открыл абашевское поселение Баланбаш. В то время, когда представление об абашевской культуре строилось на единичных памятниках с территории Среднего Поволжья, принадлежность исследованного К. В. Сальниковым поселения к этой культуре и научное значение сделанного открытия долго оспаривалось. Вызывало сомнение не только территориальная отдаленность памятника, но и то, что на Средней Волге абашевская культура была представлена исключительно могильниками. Но в дальнейшем, уже в послевоенные годы серией новых исследований Константин Владимирович блестяще доказал, что Южный Урал и Зауралье входили в ареал расселения абашевских племен. В ряде статей им разработана хронология абашевских памятников и высказан взгляд на происхождение абашевских племен. Первоначально абашевцы рассматривались К. В. Сальниковым как потомки фатьяновского населения, поселившегося на Южном Урале в конце II тыс. до н. э. В последние годы он высказывал интересную мысль об участии в формировании абашевских племен уральского энеолитического населения; Константин Владимирович привел доказательства, удрежняющие датировку абашевских памятников до середины II тыс. до н. э.

Много внимания уделил Константин Владимирович изучению памятников Зауралья железного века. В 1940 г. он раскопал городище «Чудаки», которое до сих пор является единственным сравнительно хорошо изученным памятником, освещающим образ жизни и культуру зауральского лесостепного населения раннего железа. Ему принадлежит заслуга выделения таких культур железного века, как гороховская, иткульская и бакальская. В одной из своих последних работ, опубликованной уже посмертно в журнале «Советская этнография» (1966, № 5), он высказал интересную мысль о принадлежности памятников раннего железа степного Зауралья древнеугорским племенам.

Весьма плодотворными для Константина Владимировича были годы работы в Уфе (1960—1966), в Институте истории, языка и литературы, где он возглавлял сектор археологии и этнографии. Здесь он начал и завершил монографию «Южный Урал в эпоху бронзы», опубликованную недавно в издательстве «Наука» в г. Москве (1967). Эта капитальная работа подводит итог его многолетним исследованиям истории различных племенных групп Южного Урала в эпоху бронзы. С учетом богатого материала, накопленного уральскими археологами за последние годы, в этой книге он детально изучает вопросы развития и взаимодействия андроновской, абашевской и срубной культур. Значительное место в книге уделено черкаскульской культуре, выделенной им в последние годы (1964) и датированной второй половиной II и началом I тыс. до н. э. Отдельные керамические комплексы этой культуры были известны и раньше, но К. В. Сальниковым они впервые рассмотрены отдельно от андроновских памятников. Правда, Константин Владимирович тоже называет черкаскульские комплексы «лесным андроном», но видит в них четкое своеобразие, позволяющее говорить о самостоятельной культуре. Особый раздел в монографии посвящен курмантаевской культуре эпохи поздней бронзы, также выделенной К. В. Сальниковым.

В успешном изучении древней истории Урала большое значение имеют периодически созываемые уральские археологические совещания, которые в настоящее время по широте рассматриваемых проблем вышли далеко за рамки региональных. В числе учредителей первого такого совещания в 1948 г. в г. Перми был и К. В. Сальников; впоследствии он непрерывный участник всех совещаний и член Уральского археологической комиссии.

Перу Константина Владимировича принадлежит ряд научно-популярных книг, издающихся в простой и доступной форме историю Урала и Зауралья с древнейших времен до

средневековья. Среди них, ставших теперь уже библиографической редкостью, особо выделяется книга «Древнейшие памятники истории Урала», в которой в наиболее полном виде собраны и умело систематизированы известные науке сведения о далеком прошлом края.

У К. В. Сальникова много учеников и последователей на Урале и за его пределами. Десятки лет подряд он руководил археологическими исследованиями в различных районах Урала и Зауралья. На полевую деятельность К. В. Сальников смотрел не только как на возможность получить новую сумму фактов, но и как на школу, в которой у научной молодежи воспитывались наблюдательность, привычка к системности и последовательность раскопочных работ, опыт ведения скрупулезной полевой документации и многое другое. Никогда он не жаловался и, как нам молодым казалось, не обращал внимания на всевозможные неудобства, а порой и трудности полевой жизни. А ведь многие видели, как сложно было Константину Владимировичу просто передвигаться, пересекать ручей по шаткому мостку, идти по крутой береговой тропинке или даже по раскопу. Его личный пример действовал на всех. Правда, многие после романтики первых экспедиций оставляли археологию. Полевая «купель» порой отпугивала и способных начинающих учеников, но это был естественный и необходимый отсев. Кабинетная работа и экспедиционные исследования в понимании Константина Владимировича были неразрывны и непреложны для археолога.

Для него было характерным считаться с чужим мнением, независимо от того, кто был противником в споре — опытный специалист или делающий первые шаги в науке студент. Никто из нас никогда не испытывал на себе давления со стороны учителя эрудицией, дистанцией, создаваемой возрастом и положением. Простота в обращении, доступность всегда привлекали к нему людей, вызвали желание общения по разнообразным вопросам не только научного характера. Поэтому так часто Константин Владимирович был непременным участником различных наших малых торжеств в экспедиции и дома. Его тянуло к молодежи, к хорошей песне. И в эти минуты общения Константин Владимирович преображался, модал, разница лет как-то забывалась.

Уход от нас Константина Владимировича особенно ощутим, когда возникает потребность научных споров, потому что многие вопросы, интересующие нас, были впервые подняты и освещены в его трудах.

Продолжение споров теперь означает начало новой жизни всему сделанному Константином Владимировичем. И мы думаем, что этот диалог будет продолжаться еще долго и еще долго среди нас будет Константин Владимирович Сальников. В этом мы видим и память об умершем, и преимущество в нашем общем деле.

СПИСОК

НАУЧНЫХ ТРУДОВ К. В. САЛЬНИКОВА

1940

Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. — МИА, № 1, с. 58—68.

Сарматские курганы близ г. Орска. — МИА, № 1, с. 121—138.

Три года работ на городище Чудаки. — КСИИМК, вып. 5, с. 69—71.

Курганы Чкаловской области. — В альманахе: «Степные огни», № 3. Чкалов, с. 200—218.

1941

Отчет о работах на трассе Уфа—Ишимбай (в соавторстве с П. А. Дмитриевым). — «Археологические исследования в РСФСР 1933—1936 гг.». Л.

1947

Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. — СА, вып. 9, с. 221—238.

Древнейшее население Челябинской области (по данным археологических памятников). Челябинск, 62 с.

К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. — «Первое Уральское археологическое совещание». Молотов, с. 21—26.

Замаевское селище. — «Первое Уральское археологическое совещание», с. 41—46.

1949

В глубине веков. Очерки из жизни первобытного населения Урала. Свердловск, 108 с.
К вопросу о древней металлургии в Зауралье. — КСИИМК, вып. 29, с. 92—95.

1950

Следы древней металлургии меди в районе Свердловска. — «Материалы Второй научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска (26—29 мая 1948 г.)». Свердловск, с. 211—223.

Хвалыинско-андроновские курганы у с. Погромного. — СА, вып. XIII, с. 311—319.

Сарматские погребения в районе Магнитогорска. — КСИИМК, вып. 34, с. 115—121.

Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска. — КСИИМК, вып. 35, с. 91—96.

1951

Раскопки на озере Березовом. — КСИИМК, вып. 36, с. 122—130.

Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях (1949 г.). — КСИИМК, вып. 37, с. 88—96.

Бронзовый век Южного Зауралья. Андроновская культура. — МИА, № 21, с. 94—151.

1952

Южно-Уральская археологическая экспедиция. — КСИИМК, вып. 45, с. 48—61.

К вопросу о неолите степного Зауралья. — КСИИМК, вып. 47, с. 15—23.

Курганы на озере Алакуль. — МИА, № 24, с. 51—71.

Хорезмийская тамга в Зауралье. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1, с. 193—196.

Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 158 с.

1954

К вопросу о происхождении ананьинской культуры. — СЭ, № 4, с. 115—121.

Андроновские поселения Зауралья. — СА, вып. XX, с. 213—252.

Абашевская культура на Южном Урале. — СА, вып. XXI, с. 52—94.

Археологические работы в южной Башкирии. — «Вопросы истории», № 3, с. 184.

1956

Исетские древние поселения (По материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году). — СА, вып. XXV, с. 189—214.

1957

Новые памятники абашевской культуры в южной Башкирии. — КСИИМК, вып. 67, с. 83—88.
Кипельское селище. — СА, вып. XXVII, с. 193—208.

1958

Савроматское погребение близ г. Троицка (в соавторстве с Н. П. Кипарисовой). — СА, № 2, с. 246—251.

К вопросу о составе населения южной Башкирии в I тысячелетии н. э. — СА, № 4, с. 23—32.

1959

Раскопки у села Ново-Бурино (1948 год). — СА, вып. XXIХ—XXX, с. 172—185.

Рец.: Коллектив авторов. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. — МИА, № 58, 250 с.; СА, № 3, с. 261—265.

В глубине веков. Свердловск, изд. 2, 138 с.

Некоторые сведения об эпохе бронзы южной Башкирии.— «Башкирский археологический сборник». Уфа, с. 30—46.

1960

Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала.— «Из истории Урала». Свердловск, с.7—17.

1961

Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала.— «Вопросы археологии Урала», вып. 1. Свердловск, с. 48—52.

Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья.— СА, № 2, с. 37—48.

1962

Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья.— КСИМК, вып. 85, с. 3—10.

Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области (в соавторстве с А. С. Новиченко).— СА, № 2, с. 124—133.

Царев курган на реке Тоболе.— «Вопросы археологии Урала», вып. 2, с. 38—41.

Иткульская культура (К вопросу о «зауральском ананьине»).— «Краеведческие записки», вып. 1. Челябинск, с. 21—48.

Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы.— «Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа, с. 16—58.

К истории древней металлургии на Южном Урале (Металлургия абашевских племен).— «Археология и этнография Башкирии», т. 1, с. 62—74.

1964

Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.— «Археология и этнография Башкирии», т. 2. Уфа, с. 7—15.

Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии.— «Археология и этнография Башкирии», т. 2, с. 67—83.

Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы.— «Вопросы археологии Урала», вып. 6, с. 5—23.

1965

Кельты Зауралья и Южного Урала.— «Новое в советской археологии». М., с. 160—164.

1966

Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время.— СЭ № 5, с. 118—124.

*
*

Ред.: Коллектив авторов. Из истории Урала. Свердловск, 1960, 407 с.

Ред.: Коллектив авторов. Археология и этнография Башкирии, т. 1. Уфа, 1962, 365 с.

Ред.: Коллектив авторов. Археология и этнография Башкирии, т. 2. Уфа, 1964, 270 с.

АРХЕОЛОГИЯ

Г. Н. МАТЮШИ

О ЮЖНЫХ СВЯЗЯХ МЕЗОЛИТА УРАЛА

О характере мезолита и неолита Южного Урала и их роли в древнейшей истории Восточной Европы в литературе имеются разные взгляды. Р. Индрекко отнес Урал к северо-европейским культурам, считая, что вся территория Прибалтики (от восточных границ Польши), Финляндии, севера Европейской части СССР вместе с Уралом входила в зону влияния культуры Кунда¹. А. Я. Брюсов, напротив, анализируя материалы неолитических памятников Среднего Урала, еще в начале 50-х годов пришел к выводу о «первичном заселении севера европейской части СССР с Южного Урала» и определил «время этого первичного заселения севера» VII—VI тыс. до н. э.² Все это, вероятно, свидетельствует о значительной роли Урала, особенно Южного, в древнейшей истории Восточной Европы. К сожалению, эти предположения и гипотезы были сформулированы еще в то время, когда на территории Южного Урала не были открыты памятники мезолита, а известных и тем более обследованных неолитических памятников было очень мало. Предлагаемые гипотезы строились преимущественно на среднеуральских материалах. Единичные находки предметов неолитического облика на Южном Урале тогда как будто бы действительно показывали сходство культур неолита Южного и Среднего Урала. Изучение памятников мезолита и неолита заметно продвинулось только в последние годы.

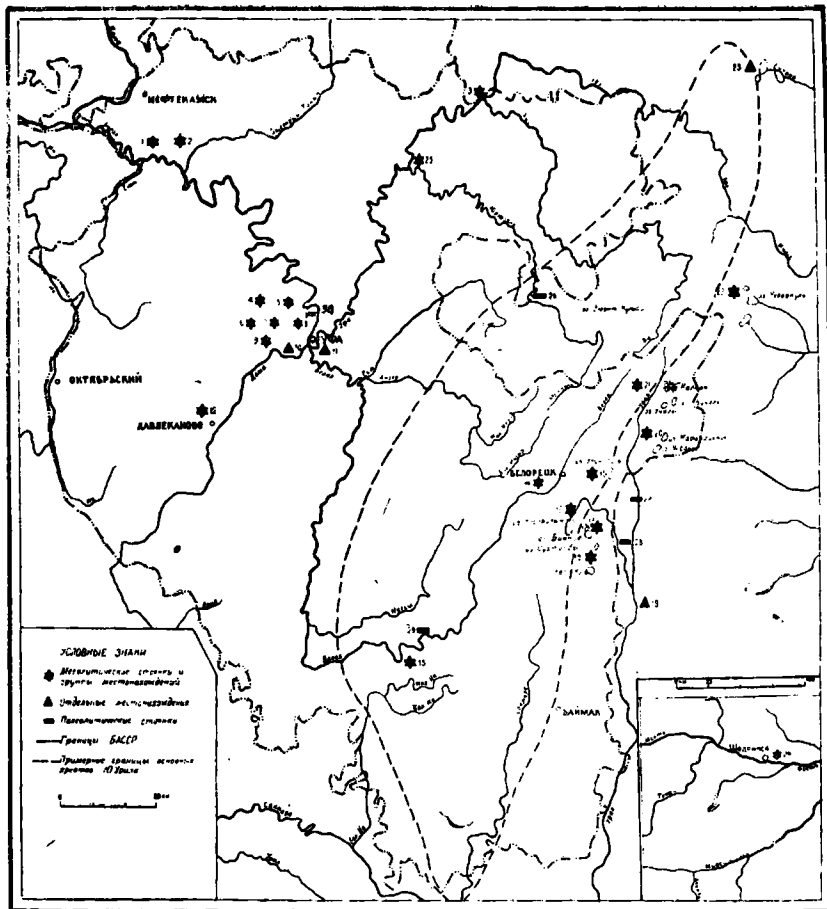
В 1959—1966 гг. на территории Южного Урала было открыто более двухсот мезолитических и неолитических памятников³, исследование которых позволило определить характер мезолитических и неолитических культур Южного Урала. К сожалению, в печати, особенно в зарубежных публикациях, Южный Урал в этом отношении по-прежнему остается «белым пятном»⁴. В связи с этим уместно хотя бы кратко коснуться истории исследования и общей характеристики памятников мезолита Южного Урала.

¹ R. I n d r e k k o. Mesolithische und frühneolithische Kulturen in Osteuropa und Westsibirien. Stockholm, 1964, st. 38, abb. 7.

² А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 38.

³ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолит и неолит Башкирии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964, стр. 6; е г о ж е. К изучению мезолита и неолита Башкирии.— ЛЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 32—42; е г о ж е. Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Южного Урала.— «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 52—54.

⁴ M. G i m b u t a s. The Prehistory of eastern Europe, Cambridge, Massachusetts, 1956, maps.; D. A. E. Carrod and J. G. D. Clark. Primitive man in Egypt. Western Asia and Europe— The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1965, vol. 1, chap. 111, p. 25, Map. 1.

Р и с. 1. Карта распространения памятников мезолита в Предуралье и на Южном Урале.

1 — Старо-Мушта; 2 — Старо-Канидаково; 3 — Черкасво; 4 — Ильмузрнго; 5 — Кумлекулво; 6 — Романовка II; 7 — Романовка III; 8 — Мидловка I; 9 — Мидловка II; 10 — Романовка VIII; 11 — Дудкино II; 12 — Давлеканово; 13 — Акбута; 14 — Азопкино; 15 — Мурат; 16 — Карабалыкты II; 17 — Карабалыкты V; 18 — Янгелька; 19 — Урал; 20 — стоянки на оз. Карагайское; 21 — группа стоянок на оз. Калкан, Большие и малые Учалы; 22 — Чебаркуль I; 23 — Сайма III; 24 — Боборькино II; 25 — Усть-Юрюзанская; 26 — палеолитические местонахождения в верховьях р. Юрюзани; 27 — стоянки на оз. Вугодак; 28 — Смеловская пещера II; 29 — Капова пещера; 30 — Горюнская.

Мезолитические стоянки впервые на Южном Урале были открыты в 1959 г. в окрестностях г. Уфы⁵. В 1961—1963 гг. в ходе систематической разведки Института археологии АН СССР на Южном Урале было выявлено более ста мезолитических и неолитических стоянок в горных районах и на восточном склоне. В 1965—1966 гг. разведкой Института археологии АН СССР был найден ряд новых памятников мезолита и неолита. Среди памятников каменного века, выявленных и частично исследованных на территории Южного Урала в 1959—1966 гг., преобладающая часть — неолитические, с керамикой и преимущественно двусторонне обработанным каменным инвентарем. На их фоне довольно резко выделяются около 40 стоянок с чисто микролитическим инвентарем, без керамики (рис. 1). Расположение этих памятников и их стратиграфия также довольно резко отличны от неолитических. Третья группа памятников совмещает в себе черты как мезолитических, так и неолитических памятников без керамики и, очевидно, относится к переходному периоду.

Мезолитические стоянки в большинстве случаев имеют хорошо выраженный культурный слой и чистый комплекс находок. Из них более 15 расположены в Западном Предуралье, остальные — в горных районах и в Зауралье.

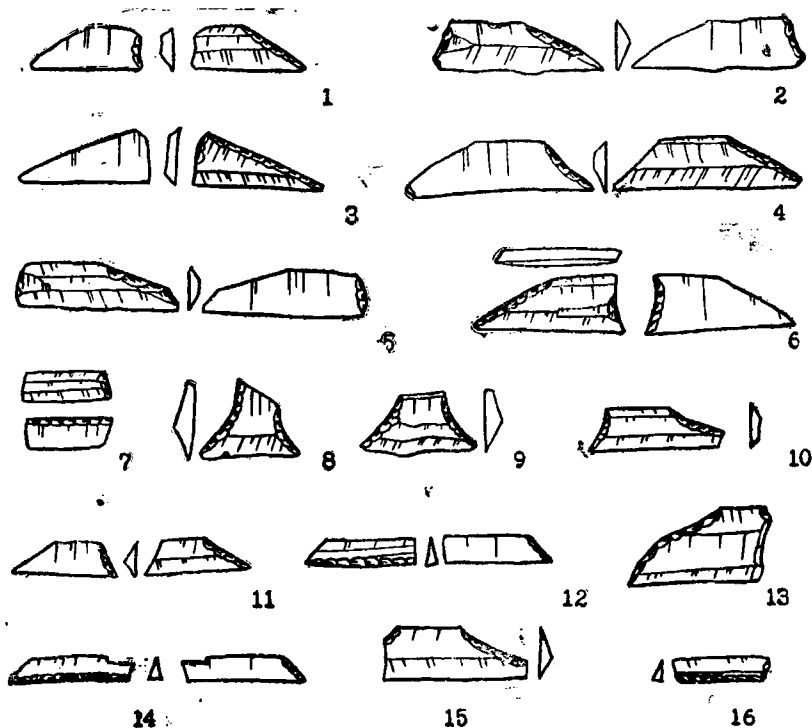
Часть мезолитических памятников Предуралья (Ильмурузино, Романовка II, Романовка III, Черкасово, Кумлуккулево, Холодный Ключ на реке Сюнь и др.) в 1958—1965 гг. подверглись раскопкам. Инвентарь указанных памятников очень близок между собой. Выразительны в этом отношении материалы стоянок Ильмурузино, Романовка II и Романовка III.

Верхний мезолитический слой, например, стоянки Ильмурузино содержит чисто микролитические материалы, изготовленные, как правило, на тонких узких пожевидных пластинках. Среди них пластинки с диагонально скошенным и притупленным краем, пластинки с боковыми выемками, резцы на углу сломанной пластинки, скребки, острия, вкладыши сегментовидной и прямоугольной формы с притупленной спинкой и большое количество преднамеренно поделенных пожевидных пластинок (рис. 5, 3, 7). Здесь же найдены наконечники стрел с незначительной подработкой черешка и кончика острия (рис. 5, 1). Инвентарь верхней части нижнего слоя несколько отличается от материалов его нижних горизонтов. Здесь отсутствуют наконечники стрел на пожевидных пластинках. Наиболее характерными изделиями этого слоя являются микрорезцы. Здесь же найден обломок гальки с прочерченным орнаментом. Более аморфными в сравнении с верхними горизонтами выглядят материалы нижних горизонтов нижнего слоя Ильмурузинской стоянки. Правильно ограниченных узких пластинок здесь уже совсем немного; преобладают широкие массивные пластины с выемками, с притупленным краем и срединные резцы. Особенно характерны для нижних горизонтов грубые аморфные нуклеидные куски и небольшие нуклеусы для отщепов поддисквидной формы, хотя здесь же встречаются и нуклеусы конической формы с негативами от скалывания тонких и узких пожевидных пластинок. Весьма сходны с Ильмурузинской стоянкой по инвентарю и другие памятники Предуралья. Инвентарь стоянок Романовка II и III, Миловка и других почти идентичен инвентарю верхней части нижнего слоя Ильмурузинской стоянки, а материал стоянок Старо-Мушта, Старо-Капильково и других близок изделиям верхнего слоя стоянки.

Интересный инвентарь содержит мезолитический слой Давлекановской стоянки, где помимо находок, аналогичных верхнему слою Ильмурузинской стоянки, найдено довольно значительное количество изделий из кости (гарпуны, наконечники стрел, шилья, муфты из рога северного оленя и др.). Такие же материалы, в том числе и костяные изделия (гарпун, нож с пазами для вкладышей и др.), найдены в 1965 г. при раскопках стоянки у Холодного Ключа на р. Сюнь.

В горных районах Южного Урала исследованы пока только две стоянки с микролитическим инвентарем. Помимо типичных для всех мезолитических памятников Южного Урала микролитических изделий (резцы на углу сломанной пластинки, пластинки с диагональ-

⁵ Г. Н. Митюшин. Новые археологические памятники в окрестностях г. Уфы, — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 133—135; его же. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы, — ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 58—61.

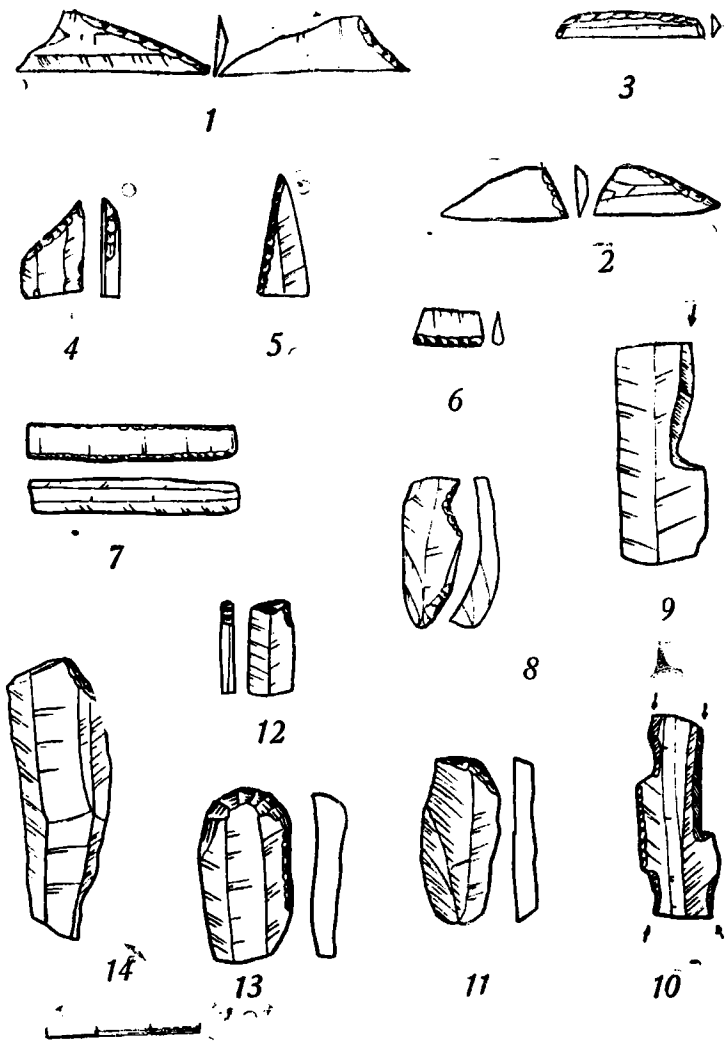
Р и с. 2. Стоянка Мурат. Геометрические микролиты (1—6, 8—11, 15) и вкладыши (7, 12, 14 16).

но скошенным краем, пластины с притупленной спинкой и т. п.) в инвентаре Азопкинской стоянки наиболее выразительно представлены микрорезцы с выемками (microvignin) ранне-тарденуазского типа (рис. 5, 9). В инвентаре стоянки Акбута вместе с микролитическими изделиями найдены долотовидные орудия из нуклеусов⁶.

Инвентарь памятников мезолита Предуралья и горных районов Южного Урала имеет многочисленные аналогии в материалах мезолитических памятников Прикамья, Поволжья, Волго-Окского междуречья и других областей Восточной Европы⁷. Исключение составля-

⁶ Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии.—КСИА, вып. 97, 1964, стр. 66—74

⁷ О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала. МИА, № 79, 1960, стр. 88—104; А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Казань, 1966, стр. 8—11; М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. 31, 1950, стр. 96—119; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР

Р и с. 3. Стоянка Мысовая (Карабалыкты VI). Микролитический инвентарь.

ют только два типа изделия—орнаментированные гальки и микрорезцы О. днако если обратиться к более отдаленным территориям, то и этим предметам аналогии находятся в позднем палеолите и мезолите. Так, гальки с орнаментом, малоизвестные на территории СССР, хорошо изучены по позднемладненским и азильским памятникам Западной Европы. Микрорезцы на территории Европейской части СССР пока неизвестны, но они найдены А. П. Окладниковым в мезолитических памятниках Средней Азии⁸.

Все отмеченные выше памятники характеризуются одинаковым геоморфологическим и стратиграфическим положением и сходством инвентаря. Мезолитические стоянки в бассейне р. Белой (Предуралье и горные районы Южного Урала), как правило, расположены на третьих речных (вторых надпойменных) террасах⁹. В этом отношении особенно типичны памятники Романовка II и III, Миловка I и II в Уфимском районе БАССР. Все они располагаются на мысах третьей 15-метровой террасы западного берега старицы р. Белой, удаленной от края первой террасы современного берега на 200—600 м. Третья терраса сложена в основном красно-бурыми суглинками (четвертый осадочный комплекс— по В. Л. Яхимович), образование которых связывается с первым вюрмским (калнинским) оледенением. Среди каспийского плейстоцена аналогами этих отложений являются нижнехвалынские слои.

Отложения первой половины верхнего плейстоцена, формирующие третьи (вторые надпойменные) террасы, обычно перекрываются делювиальным слоем, образовавшимся во второй половине верхнего плейстоцена, и почвой верхнеплейстоценово-голоценового возраста. С этим делювиальным слоем и нижними горизонтами почвы и связаны все находки мезолитического облика в Предуралье и в горных районах.

Стратиграфическая последовательность памятников эпохи мезолита в бассейне р. Белой однообразна. Характерной в этом отношении является стоянка Ильмурино, также расположенная на третьей террасе левого берега р. Белой. В настоящее время терраса удалена от реки на несколько километров. Разрез культурного слоя Ильмуриной стоянки выглядит следующим образом: сверху под дерном находится гумусовый слой мощностью 40—45 см с находками керамики типа сосудов ямной культуры, ниже до 75—80 см идет красно-бурый суглинок с большим количеством микролитических материалов (верхний мезолитический слой). Под ним залегает суглинок с 10-процентным содержанием песка, мощностью 4—5 м. В верхних его горизонтах до глубины 1,5—2 м от поверхности земли концентрируются грубые сильно латинизированные изделия (нижний мезолитический слой). В основании террасы лежат плотные голубовато-серые суглинки.

Стратиграфия памятников Романовка II и III почти полностью идентична Ильмуриной стоянке.

Возраст отложенных речных террас бассейна р. Белой и других рек Южного Урала систематически изучался В. Л. Яхимович, Н. Н. Яхимовичем и другими геологами¹⁰. Исследо-

в каменном веке. М., 1959, стр. 67—82; Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья.—СА, 1965, № 4, стр. 17—26.

⁸ А. П. Окладников и П. Пешера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— «Труды ЮТАКЭ», т. 7. Ашхабад, 1956, рис. 84, 5; «Исследование памятников каменного века в Таджикистане».— МИА, 1958, № 66, рис. 218.

⁹ Здесь и далее нумерация террас дается по В. Л. Яхимович. Кайнозой Башкирского Предуралья, т. 2, ч. 1. Уфа, 1958, стр. 5—7.

¹⁰ В. Л. Яхимович. Четвертичные отложения низких террас рек Башкирского Предуралья (стратиграфия).— «Кайнозой башкирского Предуралья», т. 2, ч. 1, стр. 4—16; е же ж. К вопросу о возрасте высоких речных террас и поверхности денудации, развитых в Башкирском Предуралье.— «Вопросы геологии восточной окраины Русской платформы и Южного Урала». Уфа, 1960, стр. 195—200; Н. Н. Яхимович. О возрасте II-й надпойменной террасы на восточном склоне Ю. Урала (по фауне млекопитающих).— «Уч. зап. СГУ», т. 67, вып. геологическ. Материалы по геологии Южного Урала. Саратов, 1961, стр. 269; е же ж. Стратиграфия плейстоценовых и четвертичных отложений восточного склона Южного Урала. М., 1966, стр. 11—12.

вания геологического характера, проведенные на мезолитических памятниках Предуралья В. Л. Яхимович, привели к выводу, что мезолитические слои отмеченных памятников следует датировать в пределах диапазона: конец юрмы — начало голоцена¹¹.

Результаты спорово-пыльцевых анализов образцов, взятых из разрезов на мезолитических стоянках Предуралья, показали, что эти стоянки существовали в то время, когда в Предуралье господствовала открытая холодная степь типа тундры с редкими участками лесной растительности. Эти климатические условия могут быть отнесены к концу плейстоцена геологической периподизации¹². Таким образом, данные типологического анализа полностью совпадают с данными геологических исследований мезолитических памятников и результатами спорово-пыльцевых анализов. Все это позволяет нам предполагать, что самое позднее время, которым можно датировать наши памятники, — это ранний голоцен.

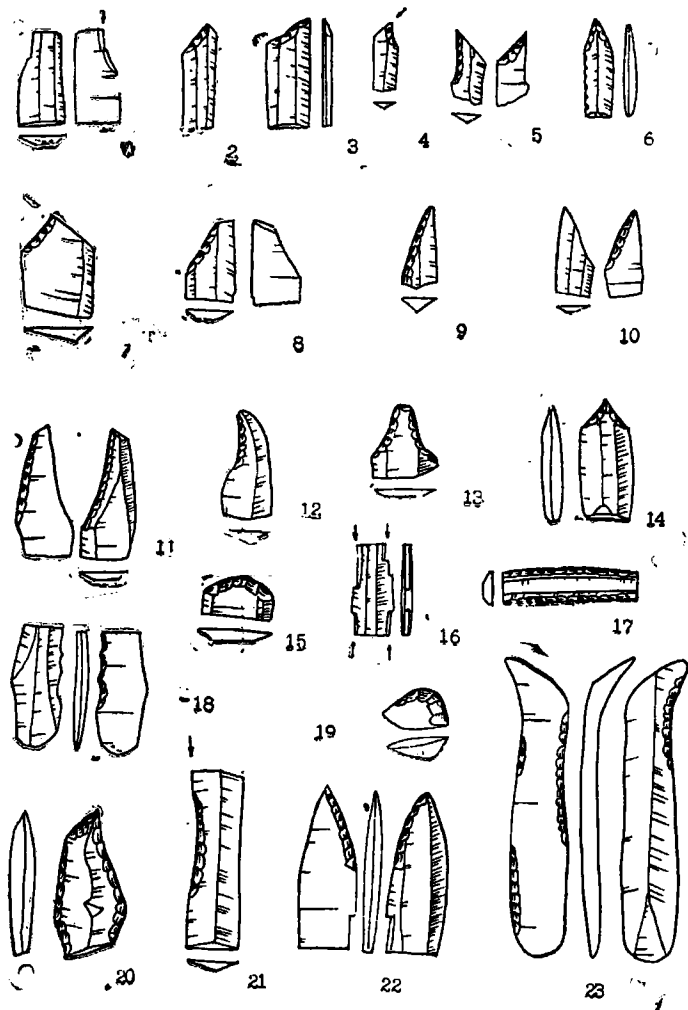
В Башкирском Зауралье наиболее выразительные стоянки с микролитическим инвентарем: Янгелька на оз. Чебаркуль, Мысовая на оз. Карабалыкты, Таш Яр на оз. Узункуль, Карабалыкты V и др. На многослойном поселении Мурат на оз. Узун-куль микролитические материалы залегают под слоями неолитического времени. Коллекции мезолитических памятников Зауралья, как и в Предуралье и в горных районах, чисто микролитические. Для них характерно преобладание изделий с резцовыми сколами, пластин со скошенным краем, пластинок с выемками, вкладышей и других предметов, идентичных предуральским. Для указанных памятников сходным также является гипсометрическое и стратиграфическое положение. Как и в Предуралье, мезолитические слои зауральских памятников залегают в суглинке или в глине позднелайстоценового возраста. Однако, имея в общем облик сходный с предуральскими памятниками микролитический инвентарь, мезолитические стоянки Зауралья имеют и довольно существенные различия. Ограниченные размеры данной статьи, к сожалению, не позволяют нам подробно остановиться на характеристике мезолитических памятников Зауралья. (Первые впечатления о разведочных раскопках двух из них — Янгельки и Мурата — частично опубликованы¹³). В отличие от предуральских памятников здесь отсутствуют наконечники стрел на ножевидных пластинках и преобладают микрорезцы и проколки разных форм (рис. 3, 4). Характер пластин со скошенным краем здесь также несколько отличен. Если для Предуралья характерны длинные узкие пластинки со скошенным под острым углом и отретушированным концом, то здесь подобные изделия короче, край у них скошен часто по диагонали всего орудия и отретуширован либо по скошенному краю, либо еще и по одному из лезвий пластины (рис. 4, 2—5, 8—10). В последнем случае ретушь противоположная, причем по диагонали она, как правило, нанесена с брюшка, а по длинной стороне — со стороны спинки (рис. 4, 5).

Наиболее резкой отличительной чертой инвентаря мезолитических памятников Зауралья является наличие геометрических изделий, основная масса которых представлена трапециями. Трапеции обнаружены на стоянках Янгелька, Мурат, Сайма I, Чебаркуль I, Мысовая, Карабалыкты V и др. В более ранних памятниках трапеции, как правило, имеют ассиметричную форму с боковой выемкой с одной стороны. Показателен в этом отношении комплекс находок стоянки Мурат, исследовавшейся в 1963, 1965—1966 гг. (см. рис. 2, 4). Изделий геометрического облика здесь 15, из них 13 — трапеций, 10 имеют ассиметричную форму с выемкой со стороны короткого бока. Обе боковые стороны оформлены ретушью, чаще всего нанесенной с противоположных сторон: с брюшка на коротком боку и со спинки — на длинном (см. рис. 2, 2, 4—6). Часть трапеций ретуширована по обоим бокам со спинки (см. рис. 2, 10, 13, 15). Две трапеции почти симметричной формы, имеют выемки с обеих боков. Ретушь нанесена только со спинки (см. рис. 2, 8—9). Среди изделий из ножевидных пластин мезолитического слоя стоянки Мурат имеются: один предмет трехугольной формы (см.

¹¹ «Антропоген Южного Урала». М., 1965, стр. 253.

¹² В. Л. Я х и м о в и ч. Четвертичные отложения..., стр. 5.

¹³ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолитическая стоянка Янгелька на озере Чебаркуль. — КСИА, вып. 101, 1964, стр. 86—93; е г о ж е. Стоянка Мурат на озере Узун-куль. — СА, 1965, № 1, стр. 135—153.

Р и с. 4. Изделия из пожевидных пластин нижнего слоя стоянки Мурат.

рис. 2, 3), несколько пластин трапециевидной формы с затупленной спинкой (см. рис. 2, 12, 14) и диагонально срезанным ретушью концом, вкладываясь прямоугольной формы (см. рис. 2, 7, 16), микрорезцы, всевозможные острия на ножевидных пластинках, пластины с ретушированными выемками, скребки, резцы (см. рис. 3, 1—23) и др.¹⁴.

Состав инвентаря в памятниках позднего мезолита несколько меняется. Например, в инвентаре стоянок Карабалыкты V, Мысовая и других количество геометрических микролитов резко падает. На 12 тыс. кремневых изделий стоянки Карабалыкты V приходится одно изделие геометрической формы; среди почти 40 тыс. кремней стоянки Мысовой их всего 3 (см. рис. 4, 1—3). По размерам они несколько уменьшаются, а по форме приближаются либо к симметричным, либо к сильно вытянутым несколько аморфным трапециям или скорее даже к остриям со скошенным одним концом полого, почти по диагонали, а другим — круто, почти перпендикулярно к плоскости режущих краев пластинки (см. рис. 4, 1—2). Пластины в большинстве своем становятся более крупными. Уменьшается и число изделий с резовыми сколами (см. рис. 4, 9, 10). Вместе с тем в инвентаре этих памятников начинают появляться изделия из отщепов, обработанных двухсторонней ретушью. В неолите эта тенденция продолжает развиваться.

Таким образом, несмотря на некоторые черты сходства, инвентарь мезолитических памятников Южного Предуралья и Зауралья различен. Довольно резко различается он и по характеру сырья. Инвентарь всех мезолитических памятников Предуралья изготовлен из светлого известкового кремня, в то время как изделия зауральских памятников изготовлены из цветных и многоцветных яшм и темного яшмовидного кремня. Хотя месторождения яшм строго локализованы на восточном склоне Южного Урала, изделия из них широко распространены далеко на восток и юг от Урала, доходя до полуострова Ямал на севере. Однако они совершенно отсутствуют на западных склонах Урала, в долине р. Белой и ее притоков, где расположено большинство мезолитических стоянок Предуралья, хотя в верховьях р. Белой они уже встречаются (стоянка Азопкино). Инвентарь мезолитических памятников Волго-Камья, как уже отмечалось, довольно близок по своему характеру к инвентарю мезолитических памятников южного Предуралья, но резко отличен от зауральского инвентаря. Значительное сходство имеется у предуральских памятников и с инвентарем мезолитических памятников Волго-Окского междуречья и более отдаленных территорий Восточной Европы. Это сходство большее, нежели с инвентарем соседних, почти вплотную расположенных памятников Зауралья. Единственное значительное отличие мезолитических памятников Предуралья от аналогичных памятников Волго-Камского региона — наличие микрорезцов.

В известных памятниках каменного века от Урала до Байкала нет изделий геометрического облика, микрорезцов и других предметов, типичных для мезолита Зауралья. Нет их ни в более ранних, ни в синхронных, ни в более поздних памятниках; ни к востоку, ни к северу*, ни к западу от Южного Урала. Аналогии можно найти только на юге. Здесь изделия геометрического облика широко распространены в памятниках позднего палеолита и мезолита почти на всей территории Ближнего Востока, Средней Азии, Крыма и Кавказа.

Геометрические изделия Крыма и Кавказа довольно заметно отличны от южноуральских. На Кавказе и в Крыму не встречаются асимметричные трапеции с боковыми выемками, неизвестны там микрорезцы; отличны и другие изделия¹⁵.

Единичные находки изделий геометрического облика встречаются в Нижнем Поволжье¹⁶. Однако они по своему облику ближе к кавказским, нежели к южноуральским.

¹⁴ Г. Н. М а т у ш и н. Стоянка Мурат..., стр. 133, рис. 1; стр. 142, рис. 2.

* Исключение составляет одна симметричная трапеция Огурдинской мезолитической стоянки (О. Н. Б а д е р. Указ. соч., рис. 5, 8).

¹⁵ Д. А. К р а й н о в. Пещерная стоянка Таш-Аир как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма.— МИА, 1960, № 91, стр. 7—29; Н. О. Б а д е р. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.— СА, 1965, № 4, рис. 1—4.

¹⁶ Т. М. М и н а е в а. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных Землях.— КСИИМК, вып. 59, 1955, рис. 13.

Западный Предурал	Горы Ю Урала	Восточные склоны Южного Урала	Приуралье	Урал	Кавказ
1					
2	8	13	14	15	16
3	9	17	18	19	20
4	10		21	22	23
5				24	25
6	11	12		26	27
				28	29
				30	31
				32	33
				34	35
				36	37
				38	39
				40	41
				42	43
				44	45
				46	47
				48	49
				50	51
				52	53
				54	55
				56	57
				58	59
				60	61
				62	63
				64	65
				66	67

Рис. 5. Корреляционная таблица инвентаря позднэполеолитических-мезолитических памятников Южного Урала, Ближнего Востока и Кавказа.

1, 3, 7 - Ильмурано; 2, 4-6 - Ромашовка II; 8-11 - Азопкино; 12 - Абухта; 13, 20, 22, 25, 39 - Мысовая; 18, 23, 24, 27, 40 - Янгалька; 14 - 17, 19, 21, 26, 30-32, 34-38 - Мурат; 28, 33 - Чебаркуль I; 29 - Сайма I; 41, 43, 44, 47 - Джебел; 50 - 54; 42, 45, 46, 48, 54 - Belt (after C. Coon); 55-61. Palegawa (after R. Braidwood and Hawes); 62 - Чох, слой 2; 63, 64 - Губский навес VII; 65, 68, 69 - Чох, слой 3.

Нет аналогий указанным орудиям Южного Урала и в неолитических памятниках Средней Азии и Ближнего Востока. Однако если обратиться к инвентарю памятников позднего палеолита и мезолита этой же территории, то сходство настолько поразительно, что некоторые изделия Южного Урала и Восточного Прикаспия кажутся идентичными (рис. 5). К сожалению, мезолит Средней Азии изучен еще далеко не достаточно. Собственно в восточном Прикаспии изучено всего два памятника мезолитического времени — это нижние слои пещеры Джебел¹⁷ и грота Дам-Дам-Чешме II¹⁸. Инвентарь этих памятников почти идентичен южноуральским. Для них также характерны асимметричные трапеции с боковыми выемками, треугольники, острия и другие изделия. Только здесь мы можем найти аналоги микрорезцам, которые отсутствуют в других районах СССР. Очень близко и процентное соотношение отдельных типов изделий в инвентаре мезолитических памятников Средней Азии и соответствующих изделий с южноуральских мезолитических памятников.

К сожалению, инвентарь нижних слоев пещеры Джебел весьма немногочислен, а инвентарь грота Дам-Дам-Чешме II еще мало опубликован, что затрудняет наглядное сравнение. Однако исследователи обоих памятников единодушно утверждают, что инвентарь их нижних слоев идентичен инвентарю пещеры Белт и аналогичен другим памятникам Ближнего Востока.

Учитывая это, мы можем, очевидно, привлечь к нашему сравнению вместо мезолитических памятников Средней Азии аналогичные им мезолитические памятники Южного Прикаспия и более отдаленных территорий Ближнего Востока.

В Южном Прикаспии, на территории северного Ирана, наиболее полно раскопанным и хорошо изданным памятником является пещера Белт (Кари Камарбанд). В мезолитических слоях этого памятника обнаружена значительная серия геометрических микролитов. Преобладают крупные певысокпие, иногда симметричные, а обычно асимметричные трапеции и треугольники с выемкой по бокам. Они очень характерны и придают всему микролитическому комплексу своеобразный, отличный от соседних районов Ближнего Востока облик. Кун выделяет несколько культурных слоев в пещере Белт: раннеолитический слой (1—7 горизонты), слой докерамического неолита (8—10), позднемезолитический (11—17), среднемезолитический (18—21) и раннемезолитический (22—28 горизонты)¹⁹. Все слои хорошо датированы многочисленными радиоуглеродными анализами как с этого, так и со сходных с ним памятников (Hotu, Palegawta)²⁰. Следует заметить, что даты, полученные методом радиоуглеродного анализа по пещере Белт, принадлежат к одним из ранних. Первые даты были сделаны на образцах раскопок 1949 г., которые не предназначались для радиоуглеродного анализа, так как они велись в то время, когда еще не было известно о методе С-14. Случайно привезенные в США кости животных из первых раскопок были исследованы в Чикаго д-ром Виллардом Либби. Полученная им серия дат приведена в работе Куна²¹:

10 слой	—	8035 ± 1500	—	6135 г. до н. э.
11	„	10560 ± 610	=	8160 „
15 и 16	„	8545 ± 510	=	6595 „
26—28	„	8004 ± 1010	=	6054 „

Заметна некоторая несообразность дат, затрудняющая их использование. Так, слой II датирован 8160 г. до н. э., в то время как нижележащие слои 15 и 16 — более поздним —

¹⁷ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 11—218.

¹⁸ Г. Е. Марков. Раскопки грота Дам-Дам-Чешме II. — СА, 1966, № 2, стр. 104—125.

¹⁹ С. С. Ооп. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, pp. 69—76.

²⁰ С. С. Ооп. The seven caves. New-York, 1957, pp. 208, 211; R. I. Braidwood and B. H. Howe. Prehistoric Investigation in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960, pp. 63—70, 147—155.

²¹ С. С. Ооп. Cave explorations., p. 89.

6595 г. до н. э. При раскопках 1951 г. в пещере Белт были взяты образцы угля уже специально для анализа на С-14. Анализ дал следующие результаты²²:

Керамический неолит (3 образца) —	7280 ± 260 =	5330 г. до н. э.
Докерамический неолит (2 образца) —	7790 ± 330 =	5840 „
Поздний мезолит (2 образца) —	8570 ± 380 =	6620 „
Промежуточный (мешаный) слой (1 образец) —	12275 ± 825 =	10325 „
Ранний мезолит (2 образца) —	11480 ± 550 =	9530 „

Даты, полученные при анализе образцов из пещеры Белт, были откорректированы результатами многочисленных анализов других памятников, в частности, из близко расположенного многослойного памятника Хоту²³.

Даты	Хоту	Белт
250 г. до н. э.	поздний железный век	
1000 „	ранний железный век	
2800 „	крашеная керамика	
4400 „	поздний неолит	
5400 „		ранний неолит
5800 „		докерамический неолит
6100 „	sub neolithic	
6600 „		поздний мезолит
7400 „	средний мезолит	
9500 „	ранний мезолит	ранний мезолит

Инвентарь первого года раскопок в пещере Белт содержал следующие изделия²⁴:

Изделия	С л о и					всего
	ранний неолит	докерамический неолит	поздний мезолит	средний мезолит	ранний мезолит	
	1-7	8-10	11-17	18-21	22-28	
Пластины для серпов (Sickle blades)	20	1	—	—	—	21
Резцы — ножевидные пластины (knives)	98	6	54	22	45	225
Дисковидные и высокие скребки	2	—	5	2	3	12
Концевые скребки	—	4	28	1	15	48
Выемчатые скребки	2	—	52	11	18	83
Saws	2	—	55	27	32	116
Сверла	2	1	7	1	4	15
Острия	—	—	1	—	4	5
Beaks-hooks	—	—	9	1	4	14
Пластины с ретушированными спинками	—	—	10	5	8	23
Геометрические микролиты	—	1	(1?)	—	17	19
Итого	126	13	222	70	100	531

²² С. С о о п. The seven caves..., p. 171.

²³ Там же, pp. 208, 211.

²⁴ С. С о о п. Cave explorations..., table 14 d.

Из таблицы хорошо видно, что некоторые изделия типичны только для слоя керамического неолита (например, *sickle-blades*), другие — характерны для всех слоев (скребки, ножевидные пластинки и др.), а третьи — встречаются только в мезолите. При сравнении комплексов опорными реперами вряд ли можно считать изделия, одинаково встречающиеся в одновременных слоях. Поэтому из сравнения сразу же можно было бы исключить изделия типа *knives* и скребки. Однако все эти типы изделий широко распространены в южноуральских памятниках, и поэтому хотелось бы сравнить их между собой. К сожалению, при недостаточном количестве иллюстраций трудно судить, какие конкретно разновидности имеются в виду. Так, для всех слоев пещеры Белт характерны изделия типа *knives*. Однако что скрывается за этим термином — ножи, ножевидные пластинки, резцы или какого-то типа скребки? Ответ трудно получить и из иллюстраций двух экземпляров таких изделий²⁵. При всех обстоятельствах все перечисленные типы широко представлены в инвентаре и неолитических и мезолитических памятников Южного Урала. Но в южноуральских памятниках резцы характерны только для мезолитических памятников, тогда как ножевидные пластинки типичны и для тех и для других.

Значительную долю инвентаря пещеры Белт занимают скребки. Характерны они и для южноуральских памятников. Причем, как и в пещере Белт, на Южном Урале концевые скребки более типичны для мезолитических памятников, нежели для неолитических. Например, в инвентаре мезолитической стоянки Янгелька (раскопки 1963 г.) 25 скребков, и все они концевые²⁶. В пещере Белт найдено 48 концевых скребков, из них только 4 — в слое керамического неолита, остальные — в мезолитических слоях.

Изделия типа *saws*, судя по иллюстрациям и описаниям, представляют собою в основном ребристые пластинки²⁷ или отщепы с ребристым краем, которые, по мнению исследователя, могли применяться в качестве пиловидных орудий²⁸. Изделия этого типа весьма характерны для всех мезолитических памятников Южного Урала. Причем число их также довольно значительно. Так, в инвентаре стоянки Янгелька (раскопки 1963 г.) их найдено 46, на стоянке Мурат только в результате раскопок 1963 г. обнаружено 58 ребристых пластинок и 26 продольных сколов с нуклеусов, не считая отщепов с ребристым краем. Особенно типичны они для позднемезолитических памятников типа Карабалыкты V, Мысовая и др.

Более полно опубликованы изделия типа сверл. Хотя они также встречаются во всех слоях пещеры Белт, легко заметить по иллюстрациям, что сверла нижних слоев довольно отличны от подобных изделий верхних (позднемезолитических) слоев. Сверла раннемезолитического слоя изготовлены на более правильных пластинах и имеют характерные выступы на конце пластины. Рабочий конец орудий утончен до предельной остроты (рис. 5, 46). Идентичные изделия обнаружены в инвентаре стоянки Мурат, причем число их, так же как и в инвентаре пещеры Белт, невелико.

Остальные типы: острия, изделия типа *beaks-hooks*, *blades* и геометрические микролиты — характерны только для мезолитических слоев. Почти не встречаются они и в неолите Южного Урала.

Изделия типа *beaks-hooks* напоминают часто встречающиеся в инвентаре мезолитических памятников Южного Урала продольные сколы с нуклеусов. Изделия типа пластинок с ретушированными спинками встречаются на Южном Урале реже. Однако и здесь они характерны только для мезолитических памятников. Так, они найдены в инвентаре стоянок Янгелька²⁹, Мурат и Мысовая.

²⁵ С. Сооп. Cave exploration..., plate VIII, 4, 5.

²⁶ Г. Н. Матюшин. Мезолитическая стоянка Янгелька..., стр. 90.

²⁷ С. Сооп. The seven caves..., p. 213.

²⁸ С. Сооп. Cave explorations..., plate VII, I a, b.

²⁹ Г. Н. Матюшин. Мезолитическая стоянка Янгелька..., рис. 24, 9; е го же. Стоянка Мурат..., рис. 1, 26, 27.

Наиболее выразительным, резко отличительным типом изделий из ножевидных пластин пещеры Белт являются геометрические микролиты весьма специфичной формы. Всего их найдено здесь 19. Из них два довольно неопределенных, нетипичных изделия обнаружены в 10 и 11 горизонтах, а все остальные — в 23—28 слоях; большая их часть (14 из 17) обнаружена в 24—26 горизонтах. Основная масса геометрических микролитов — трапеции. Преобладают крупные асимметричные формы с боковыми выемками. Боковые выемки на трапециях настолько специфичны, что они придают всему микролитическому комплексу весьма своеобразный, резко отличный от инвентаря подобных памятников соседних районов Ближнего Востока, облик. Единичные экземпляры трапеций имеют симметричную форму, но и у них по бокам имеются выемки³⁰.

Выше уже отмечалось, что асимметричные трапеции являются наиболее характерным отличием мезолитических памятников Южного Урала (Янгелька, Мурат, Чебаркуль I, Мысовая, Карабалыкты V, Сайма и др.). Совпадают и размеры трапеций. Близко и соотношение их с другими типами орудий. Так, в инвентаре пещеры Белт из 455 орудий 19 трапеций (более 4%). Инвентарь мезолитического слоя стоянки Мурат представлен несколько меньшим количеством орудий; геометрических изделий здесь найдено также меньше. Чрезвычайно близки между собой и другие типы изделий Южного Урала и Прикаспия: острия, пластинки со скошенным краем и т. д.

Имея несколько своеобразную специфику (асимметричные трапеции с боковой выемкой), памятники Южного Прикаспия (Белт, Хоту и др.) тем не менее не выпадают из круга родственных культур Ближнего Востока. Так, сравнивая их инвентарь с материалами позднелепелитических и раннемезолитических памятников Северного Ирака типа Зарзи Б, Шанидар Б, Палегавра³¹, можно заметить, что хотя в последних меньше трапеций с выемками и почти отсутствуют асимметричные трапеции, остальной инвентарь довольно сходен с прикаспийским. Некоторое сходство можно найти с южноуральскими материалами (см. рис. 5). Например, сходны сегментовидные изделия (см. рис. 5, 39, 40, 54, 61) и особенно интересно сходство изделий типа микрорезцов, почти нигде в СССР, кроме Южного Урала и Средней Азии, не встречающихся. Так, микрорезцы стоянок Янгелька (см. рис. 5, 18), Мурат (см. рис. 5, 17), Карабалыкты V, Акбута (см. рис. 5, 9) близки по форме и характеру обработки аналогичным изделиям из пещеры Палегавра (см. рис. 5, 57). Сходны также пластины с диагонально скошенным концом (см. рис. 5, 13—16, 55, 56) и другие изделия: ретушированные пластинки, пластинки с выемками и т. д.

Для большей наглядности сравнения мы вынесли все основные типы изделий мезолитических памятников Южного Урала и Ближнего Востока на одну таблицу (см. рис. 5).

Сложность сопоставлений обуславливалась неоднородностью в публикациях. Некоторые авторы (С. Сооп) опубликовали материал в рисунках, другие — в фотографиях (R. Braidwood and B. Howe).

Самый беглый и общий взгляд на таблицу может убедить в различии мезолитических культур Предуралья (см. рис. 5, 1—7) и Зауралья (см. рис. 5, 13—40). Учитывая, что инвентарь соседних с Предуральем волго-камских, волго-окских и других отдаленных памятников мезолита Восточной Европы еще более резко отличен от зауральских, можно легко убедиться в том, что к западу от Урала аналогий восточно-уральским материалам нет. Несколько ближе к восточно-уральским материалам памятников горных районов Южного Урала (см. рис. 5, 8—12). Однако основная специфическая особенность в инвентаре зауральских памятников, а именно — геометрические микролиты, здесь отсутствуют, так же как и в Предуралье. Вместе с тем уже при самом общем знакомстве с таблицей бросается в глаза

³⁰ С. Сооп. Cave explorations..., plate VIII, 21.

³¹ R. Braidwood and B. Howe, plate 24; F. C. Howells. Upper pleistocene stratigraphy and Early man in the Levant, Proceedings of the American Philosophical Society, vol. 103, № 1, 1963, pp. 1—66.

удивительное сходство инвентаря восточно-уральских памятников с инвентарем позднелеолитических и раннемезолитических памятников Южного Прикаспия. Сходство это наблюдается по всем основным типам изделий, их форме, размерам, характеру обработки. Однако есть и некоторые различия. Особенно заметны они в характере обработки трапеций. Так, в Прикаспии преобладает ретушь со спинки, на Южном Урале ретушь в большинстве случаев противоположная. Однако и здесь встречаются трапеции с ретушью только со стороны спинки.

В последнее время ряд исследователей склонны объяснять сходство инвентаря различных памятников сходными формами хозяйства и другими факторами экономического и географического характера. Однако мелкие детали формы орудий и техники их изготовления, такие, например, как форма трапеций, наличие или отсутствие боковых выемок, характер ретуши, их размеры и т. п. — вряд ли имели какое-то решающее значение в хозяйственной жизни и вряд ли отражают какое-то сходство природных условий и способа хозяйства. Очевидно, что трапеции с выемками и без них одинаково хорошо выполняли функции вкладышей или поперечнолезвийных наконечников, тем более, что отсутствие их на соседней территории Южного Предуралья в одинаковых природных условиях и при одинаковом способе хозяйства на одновременных памятниках свидетельствует не в пользу того, что они вызваны к жизни этими факторами. Это убеждает нас в том, что сходство всей совокупности мелких признаков мезолитического инвентаря (форма геометрических микролитов, микрорезцов, острий, сверл и т. п.) Южного Урала и Прикаспия отражает реальные связи населения этих областей в эту эпоху. С другой стороны, приведенные аналогии позволяют нам уточнить и датировку мезолитических памятников Южного Урала.

Выше отмечалось, что трапеции с боковой выемкой характерны для ранних мезолитических слоев пещеры Белт и почти отсутствуют в верхнем мезолитическом слое и в неолите. Если обратиться к более далеким аналогиям, то и на территории Ирака крупные трапеции, в том числе иногда и трапеции с выемками, типичны для позднелеолитических памятников типа Палегавра, Зарзи Б, Шанидар Б и др.²². В памятниках более позднего времени (типа Джармо) трапеции становятся меньше размером и приобретают более правильные очертания, исчезают прямоугольные и т. п.²³. Такая же тенденция наблюдается и в Средней Азии, и на Южном Урале. Например, трапеции, встреченные в Средней Азии в памятниках типа Джейтун, более мелкие, правильные симметричные очертаний. Трапеции с боковыми выемками здесь отсутствуют²⁴. Симметричные трапеции встречаются изредка и в Южном Приуралье, но они относятся исследователями уже к неолиту²⁵. Все это дает, как нам кажется, основание датировать южноуральские памятники с асимметричными трапециями с боковыми выемками эпохой раннего мезолита и синхронизировать их с раннемезолитическим слоем пещеры Белт и Хоту. К этому же приводит и стратиграфия и палинологические исследования культурных слоев мезолитических памятников Южного Урала. Как уже отмечалось, анализы пыльцы из культурного слоя некоторых из этих памятников показали растительность еще конца плейстоцена. Безусловно, южноуральские памятники с трапециями не одновременны, однако периодизация их выходит за рамки этой статьи и требует отдельного рассмотрения.

Итак, сходство южноуральских памятников с прикаспийскими очевидно. Казалось бы, исходя из этого, можно предполагать миграцию южноприкаспийского населения на север, в районы Южного Урала. Однако, учитывая отсутствие хорошо изученных памятников на промежуточной территории, вряд ли сейчас любое однозначное решение будет своевременным и правильным.

²² R. Braidwood and B. Howe, *id. w.*, plate 24, top row.

²³ Там же, plate 18, 13.

²⁴ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, стр. 35, рис. 5.

²⁵ А. А. Формозов. Кельтиминарская культура в Западном Казахстане. — КСИИМК, вып. 25, 1949, стр. 50, рис. 15, 19—24.

На первый взгляд кажется, что и расстояние между сходными памятниками Прикаспия и Южного Урала довольно значительно. Однако если учесть площадь распространения других культур (например, территорию распространения памятников с ямочно-гребенчатой керамикой), то вряд ли это расстояние между прикаспийскими и южноуральскими памятниками покажется большим. Следует при этом учитывать, что большинство южноуральских памятников с трапециями связано с бассейном р. Урал, прямо соединяющей Южный Урал с Прикаспием.

Конечно, едва ли мы имеем здесь дело с распространением памятников одной культуры. Скорее можно предполагать, что вся эта территория была заселена населением сходных культур, возможно, связанных между собой и общностью происхождения. Следует заметить, что территория распространения микролитических культур переднеазиатского типа (группа А по В. Ранову)³⁶ в Средней Азии ограничена западными каспийскими областями; восточнее этого района расположены памятники иного типа (группа Б по В. Ранову). Возможно, что последнее обстоятельство и послужило одной из причин распространения влияния прикаспийских культур на север к Южному Уралу или, наоборот, отсюда на юг. Так или иначе, южные связи мезолита Южного Урала несомненны, что, как нам кажется, убедительно доказывается сходством таких деталей предметов материальной культуры (формы трапеций, микрорезцов и пр.), которое трудно объяснить конвергенцией или сходством географических или экономических факторов.

Все это позволяет предполагать с достаточной уверенностью, что южные связи населения Южного Урала были более развиты, нежели западные или восточные. Больше того, удивительное сходство инвентаря мезолитических памятников Южного Урала с синхронными памятниками Прикаспия и Ближнего Востока позволяет отнести южноуральскую (зауральскую) мезолитическую культуру к кругу прикаспийско-ближневосточных культур.

Между памятниками Ирака и Южного Прикаспия есть, конечно, и различия, но они не настолько велики, как например, различия между памятниками восточных и западных склонов Южного Урала. К сожалению, на промежуточной территории Казахстана и севера Средней Азии пока еще неизвестны сколько-нибудь достоверно изученные памятники мезолита. Однако разведочные работы, начатые на плато Усть-Юрт³⁷, а также публикация А. А. Формозовым известных находок из Казахстана³⁸ позволяют надеяться, что и здесь будут выявлены мезолитические памятники, подобные южноуральским и прикаспийским, характерной чертой инвентаря которых будет являться наличие геометрических микролитов.

Таким образом, мезолитические памятники восточных склонов Южного Урала и Зауралья образуют своеобразный комплекс, довольно резко отличающийся от одновременных памятников соседних территорий и имеющий наиболее близкие аналогии в памятниках Южного Прикаспия. Своеобразие восточноуральских мезолитических памятников, обилие и разнообразие инвентаря в них позволяют выделить их в самостоятельную культуру, названную нами по имени первой из открытых стоянок этого типа — стоянки Янгелька в Абзелювском районе БАССР — янгельской культурой.

Предположение о южных связях мезолита Приуралья раньше высказывалось О. Н. Бадером. Анализируя материалы мезолитических памятников Прикамья, он пришел к выводу, что микролитический характер камского мезолита «трудно объяснить иначе, как этническим сдвигом мезолитических племен из области Прикаспия, Поволжья и Причерноморья к северу, в Среднее Поволжье и Приуралье³⁹». Причем О. Н. Бадер был более склонен считать, что эти сдвиги произошли из районов Причерноморья. Следует отметить, что дан-

³⁶ В. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965, табл. 13.

³⁷ Е. Бижанов, А. В. Виноградов. Неолитические памятники Каракалпакского Усть-Юрта. — «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 2(20). Нукус, 1965, стр. 46—57; № 3, стр. 63—70.

³⁸ А. А. Формозов. Кельтиминарская культура..., рис. 15, 19—24.

³⁹ О. Н. Бадер. Указ. соч., стр. 98.

ное заключение О. Н. Бадера было сделано в то время, когда изучение мезолитических памятников Южного Урала только начиналось. Однако сейчас, когда уже проделана значительная работа в этом направлении, можно, с одной стороны, подтвердить наличие южных связей, а с другой — ограничить область этих связей районами Прикаспия. Наличие единичных трапещий в Прикамье, на наш взгляд, объясняется более вероятными связями Прикамья с Южным Зауральем, нежели с Причерноморьем или другими более отдаленными районами Евразии.

В связи с этим вернемся к упомянутой работе Р. Индрекко, в которой он относит Урал к зоне влияния культуры Кунда. На Среднем Урале пока неизвестны памятники бесспорно мезолитического возраста. Стоянка Голый Камень, исследованная В. М. Раушенбах⁴⁰, настолько своеобразна и неопределенна, что ее хронологическая и культурная принадлежность до сих пор окончательно не выяснена. Относя Урал к зоне влияния (Einflussgebiet) культуры Кунда, Р. Индрекко основывался на сходстве костяных изделий Среднего Урала и Прибалтики, в частности, гарпунов типа Б из Шигирского торфяника с гарпунами культуры Кунда. Следует заметить, что великолепные шигирские находки не связаны с какими-либо комплексами кремневого инвентаря, и отнесение их к мезолиту весьма условно, так как по существу неясны стратиграфические условия, в которых они найдены. Неизвестны даже точно места находок этих предметов⁴¹. Это, на наш взгляд, должно было бы предостеречь Р. Индрекко от привлечения этих материалов для обоснования широких выводов.

Отсутствие хорошо изученных мезолитических памятников на Среднем Урале затрудняет и наши сравнения с южноуральскими памятниками. Однако идентичные шигирским костяные изделия известны на Южном Урале. Некоторые из них найдены при раскопках хорошо датирующихся поселений каменного века.

Генетическая преемственность южноуральского мезолита и неолита убедительно иллюстрируется многотысячными коллекциями кремневого инвентаря позднемезолитических и раннеэолитических памятников. Если иметь в виду однотипность неолитических памятников Среднего и восточных склонов Южного Урала, то вполне можно предполагать и общность их мезолитической подосновы.

Учитывая прочные связи мезолита Южного Урала с одним из древнейших очагов мировой цивилизации — Южным Прикаспием, вряд ли можно согласиться со стремлением Р. Индрекко отнести Урал к области влияния культуры Кунда. Вспомним при этом, что и расстояние между уральскими стоянками с трапещями и аналогичными среднеазиатскими памятниками вдвое меньше, нежели расстояние между уральскими и прибалтийскими мезолитическими памятниками (культуры Кунда). Напомним при этом, что если на территории между Южным Уралом и Средней Азией мезолитические памятники пока еще практически неизвестны, то на промежуточной территории между Уралом и Прибалтикой они изучены достаточно хорошо для нашего сравнения.

Выше уже отмечалось, что характер мезолитических памятников западного Приуралья (от бассейна р. Белой до Печоры и Вытегды), Волго-Камья, Волго-Окского междуречья и более западных областей резко отличен от южноуральских. Так, наиболее характерная черта янгельской культуры — симметричные трапещи с боковой выемкой и вытянутые треугольные — нигде здесь не встречаются. Да и вообще геометрические микролиты ни для одной этнокультурной области этого огромного региона нетипичны. Таким образом, сравнение инвентаря мезолитических памятников восточного склона Южного Урала с инвентарем синхронных памятников Прибалтики и промежуточных между Уралом и Прибалтикой областей показывает наличие между ними настолько существенных различий, что это снимает какие-либо сомнения в нереальности гипотезы Р. Индрекко.

⁴⁰ В. М. Раушенбах. Мастерская каменных орудий на Голем Камне под Нижним Тагилом. — СА, 1961, № 2, стр. 164—171.

⁴¹ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. — «Труды ГИМ», вып. 29, 1956, стр. 86.

В. С. СТОКОЛОС

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЧЕРНЯКИ II

Памятник расположен на левом берегу р. Миасс, в 1 км к западу от дер. Черняки* в узкой и неглубокой береговой ложине, полого спускающейся к реке. Береговой участок, на котором обнаружен культурный слой поселения, приподнят над уровнем реки до 1,5 м. Площадь памятника определяется примерно в 2400 кв. м по находкам фрагментов керамики на вспаханном поле. Двумя раскопами и тремя шурфами вскрыто всего 274 кв. м поселения, получено около 2000 находок, главным образом обломков сосудов.

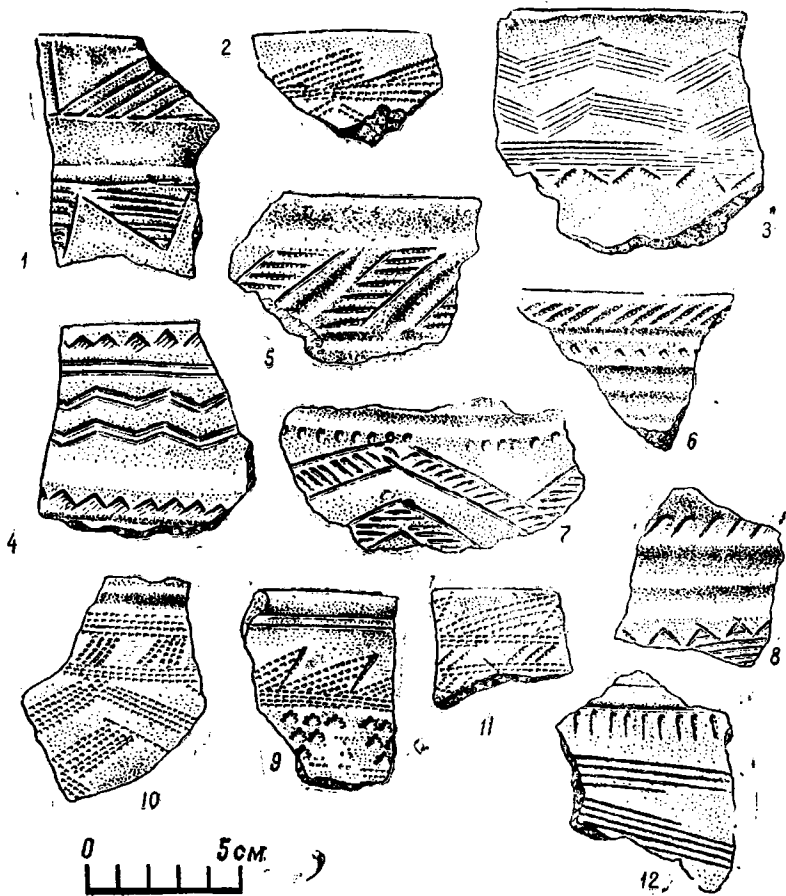
Р а с к о п I—108 кв. м. Верхний слой нарушен пахотой. Найдено 36 фрагментов алакульских сосудов и четыре черепка с лощеной поверхностью, сложным мелкозубчатым орнаментом, что ставит их рядом с федоровской керамикой; один черепок от сосуда замараевского типа¹. Со второго штыка получено 135 алакульских фрагментов (рис. 1, 1) и три фрагмента от федоровских сосудов (рис. 1, 2). В третьем штыке, гораздо беднее насыщенном, были только алакульские фрагменты. Крупные части двух больших алакульских сосудов с орнаментом из ломаных полос протасненной гребенки лежали в углублении сланцевого монолита, выступающего на поверхность в кв. 1/8.

Подстилающий горизонт состоит из желтого плотного песка с участками, покрытыми мелкой щебенкой. В этом же квадрате найден небольшой кусочек медистого песчаника и маленький металлический предмет (медь или бронза), напоминающий долото с дугобразным лезвием, аналогии которому нам неизвестны. Ширина рабочего края равна 2,3 см, общая длина — 5,5 см. Здесь расчищены две столовые ямки.

Данные об элементах орнамента господствующего, алакульского типа керамики сведены в таблицу (рис. 2, А).

* В связи с сооружением водохранилища деревня перенесена на правый берег. Поселение открыто экспедицией Челябинского краеведческого музея в 1962 г. Раскапывалось в 1962, 1965 гг. под руководством автора статьи.

¹ К. В. С а л ь н и к о в. Замараевское селище. — «Первое Уральское археологическое совещание» (Пермь), 1948, стр. 44. Кроме известных элементов орнамента можно добавить зигзаг, ломаные полосы с поперечной штриховкой, наклонные колонки с горизонтальной штриховкой внутри, желобки. Преобладающая техника нанесения орнамента — гладкий штамп, резьба, насечки.

Р и с. 1. Поселение Черняки II. Керамика

В южной, естественно пониженной части раскопа в материке прослежено неширокое углубление, идущее с востока на запад. Оно выклинивается к северу, не имеет четких границ и назначение его неопределенно.

Культурный слой раскопа пропитан золой, интенсивность которой растет сверху вниз. На контакте с подстилающим горизонтом протяженными линзами залегал зольяник.

Заскала I. Керамика алакульского типа

A	СТЕНКИ		ВЕНЧ.	
	ЛЮН. ЗУБ.	ЛЮН. ЗУБ.	ЛЮН. ЗУБ.	ЛЮН. ЗУБ.
	108	1	25	
	40		17	
	3	1	1	
	2	4		3
	1		1	
	18	17	25	
	4		4	
			1	
	3	2	20	29
	1			
	2		6	
	3		2	
	1			
	1			
			1	
			2	
			1	
			1	
			1	
			1	1
			1	
			2	
			1	1
			1	1
			3	
	1			
	1			

Раскол II. Керамика алакульского типа

СТЕНКИ	ВЕНЧ.		B	
	ЛЮН. ЗУБ.	ЛЮН. ЗУБ.		
	124	2	25	
	75		17	
	1			
	1	3	1	
	2			
	52	12	28	15
	1			
			1	
	4	7	12	5
	1			
	8		14	
			5	1
	1		1	
	2			
			1	
	2		2	
			1	3
			1	
	1			
	1		1	
	1			
			2	3
	1			
	3		4	
	1			
	1			
			1	
			1	
			1	
			1	

Раскол II. Керамика замараевского типа

B	СТЕНКИ		ВЕНЧ.		
	ЛЮН. ЗУБ.	ЛЮН. ЗУБ.	ЛЮН. ЗУБ.	ЛЮН. ЗУБ.	
	58		52		
			1		
	1	1		5	
	1				
	1				
	4	7	1	2	
				2	
	15	12	6	12	
	1		1		
	4	2		3	
			10	12	
	1	2		1	
			1		
				1	
	1	1		1	
			1		
	1	5			
			1		
			1		
			1		
				1	
				1	
				2	1
	3	1			
				1	
			1		
			2		
			1		
			2		
			1		
			1		

Р и с. 2. Поселение Черняк II. Таблицы элементов орнамента.

Раскоп II — 138 кв. м. Заложен в 10 м восточнее предыдущего на месте неглубокой впадины, запыля жилища. С первого штыка, в пахоте, собрано 32 алакульских фрагмента, 34 фрагмента замараевских сосудов. Из них три обломка венчика имеют валики. Шесть фрагментов принадлежат федоровским горшкам. Со второго штыка собрано 112 алакульских фрагментов (см. рис. 1, 3—41), 62— замараевских (см. рис. 1, 5—8) и 24— федоровских (см. рис. 1, 9—11). В третьем штыке найдено 89 алакульских, 15 замараевских и 3 федоровских черепка. Информация об элементах алакульского и замараевского типов керамики сведена в таблицу (см. рис. 2, Б, В).

К числу редких находок керамики относится фрагмент стенки сосуда с двумя, видимо, парными налепами и орнаментом в виде треугольных лопастей из угловых вдавлений.

Еще восточнее, в 10 м от раскопа II, в трех заложённых шурфах найдена в небольшом числе керамика уже описанных типов. Зольник, прослеженный на обоих раскопах, в районе шурфов выклинивается. Вместе с этим резко сокращалось число находок, указывающее на окончание культурного слоя и памятника в целом.

Вернемся к раскопу II. После зачистки на материке обозначилось четыре взаимосвязанных углубления с нечеткими границами, вписанных в одно общее углубление. Дно их очень неровно (рис. 3) и покато, как и вся площадь поселения, в сторону реки. В этом же направлении уклона была вырыта дренажная канавка, соединяющая при помощи отводов все впадины. Эффективность дренажа усиливалась постепенным углублением канавки.

Особенно в южной и центральной частях раскопа выявлено большое число столбовых ямок, планировка которых не устанавливается. Затруднительно сказать что-либо определенное о назначении самого сооружения. Оно не похоже на жилище, так как в нем отсутствовали необходимые в этом случае очаги.

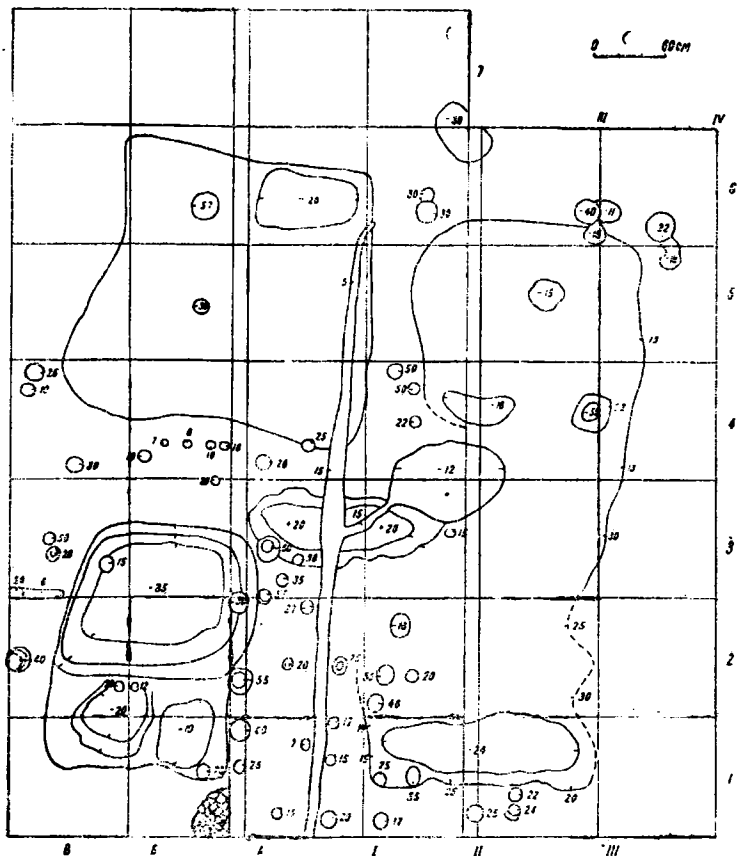
Помимо керамики в раскопах и шурфах найдено много костей животных, иногда обгоревших. Как правило, все находки сосредоточивались в слое зольника. По костям можно бесспорно определить овцу, лошадь, корову.

Керамический материал из обоих раскопов, несмотря на их близкое расположение, существенно различается. На раскопе I в самом низу, на материке обнаружены исключительно алакульские фрагменты сосудов. Выше встречены отдельные фрагменты иной керамики. Из 200 орнаментированных черепков с данного раскопа неалакульских всего 8. На раскопе II доля неалакульской керамики резко увеличивается до 144 из общего числа 377, т. е. почти в 10 раз. Повсеместное залегание алакульской керамики на площади обоих раскопов и неравномерное размещение фрагментов неалакульских, почти полное их отсутствие на раскопе I дают основание утверждать разновременное отложение различных керамических комплексов в культурном слое памятника.

В литературе уже отмечалось, что если археологический памятник многослоен, то, как правило, границы различных культурных наслоений не совпадают².

Отмеченное нами регулярное залегание алакульских фрагментов на площади обоих раскопов еще не дает оснований считать, что она в том и другом случае отложилась одновременно. Сходства в форме (баночные сосуды с уступчатым плечом) и элементах орнамента (см. рис. 2, А, Б) много, что определенно свидетельствует в пользу преемственности. Однако трудно заметить в орнаментации алакульской посуды из раскопа II, хотя и немногочисленные, но тем не менее своеобразные элементы, которые относить к вариантам алакульской орнаментации нельзя, так как в чистых памятниках этого рода аналогичные элементы нигде не встречаются. Сюда относятся каннелирование верха сосудов, ряды из наклонных и вертикальных отскоков гладкого штампа (см. рис. 1, 12), зигзаг, образованный тем же штампом (см. рис. 2, Б). Здесь определенное заимствование, вполне реальное и объяснимое, когда памятник оказывается расположенным в зоне контакта разных археологических культур.

² А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита.— СА, XVIII, стр. 21, 22.

Р и с. 3. Поселение Черняки II, раскоп 2.

С этого же раскопа выделяется большая группа фрагментов, на которых указанные элементы и приемы орнаментации преобладают и представлены более разнообразно (см. рис. 2, В). На некоторых обломках венчиков имеются валики и отпечатки шнура. По всем признакам эта группа керамики нами отнесена к замараевскому типу, близка ему по времени и отложилась синхронно со всей остальной керамикой раскопа II, но позже, чем возник культурный слой первого раскопа. Этим и объясняется тот факт, что на первом раскопе все неалакульские фрагменты чрезвычайно редки и встречаются в верхних горизонтах. В ходе исследований Нижне-Спасского поселения (в верховьях р. Урала) в заложенных на рассто-

янии друг от друга раскопах оказалось аналогичное планиграфическое размещение керамического материала: «один раскоп дал все виды керамики, а в жилище другого раскопа находилась только алакульская посуда при полном отсутствии валиковой керамики»³.

Особым и чрезвычайно интересным вопросом, возникающим в связи с анализом материалов с поселения, является объяснение назначения раскопанного сооружения и некоторых его конструктивных деталей. В связи с тем, что в нем отсутствуют отопительные очаги, напрашивается предположение не о жилом, а о чисто хозяйственном назначении сооружения, для содержания домашнего скота.

Никаких прямых фактических подтверждений для этого предположения мы не имеем. Но обращаясь для сравнений к раскопанным жилищам примерно этого времени и расположенным недалеко (поселение Замараевское, Алексеевское), следует отметить на последних помимо бесспорных очажных ям сравнительно ровную поверхность земляного пола, необходимую жилому помещению. Дренажная канавка для такого рода помещения вполне допустима на Черныках II, как уже говорилось, имеет чрезвычайно бугристое дно, делится на четыре небольших камеры неправильных очертаний, которые могли быть вытоптаны содержащимися здесь животными. Дренажная канавка для такого рода помещения вполне допустима. Необходимость дренажа в жилом помещении сомнительна. Насколько характерны были такие сооружения для племен эпохи бронзы Южного Зауралья — неизвестно. Памятники, одновременные Черныкам II (раскопу II), таких сведений не содержат, возможно, чисто случайно, вследствие частичных раскопок поселений, а более ранние места поселений неизвестны.

Если же считать, что описанное сооружение синхронно замараевскому комплексу (а для этого есть основания, приведенные выше), то можно связать данный тип постройки с замараевским населением, обитавшим в основном в лесных районах Зауралья. Далее к северу, в бассейне р. Оби, конструктивная деталь, близкая нашей, известна в жилище салехардской стоянки. Здесь канавка шла не посередине, как на Черныках II, а вдоль одной из стен жилища. Ее роль, по наблюдениям В. И. Мошинской, — усилить тягу очагу и отвод проникающей в жилище влаги, что характерно при устройстве жилищ народов северо-восточной Азии: айны, чукчи, алеуты⁴. Следовательно, можно предположить, что появление в пределах Южного Зауралья описанной конструктивной особенности при сооружении хозяйственных или жилых помещений связано с продвижением к югу племен лесных и таежных пространств в период, предшествующий усть-полуйскому времени. Еще более отдаленной по времени аналогией нашему сооружению являются полужемляночные постройки, с канавкой посередине пола, со средневекового поселения на р. Котлубанке в низовьях р. Дона. Они также отнесены к типу помещений для содержания скота⁵.

³ К. В. Сальников. История Южного Урала в эпоху бронзы. Автореферат докторской диссертации. М., 1966, стр. 30.

⁴ В. И. Мошинская. Жилище усть-полуйской культуры. — МИА, 1953, № 35, стр. 182.

⁵ И. И. Дяпушкин. Карнауховское поселение. — МИА, 1953, № 62, стр. 288.

Н. А. МАЖИТОВ, А. Х. ПШЕНИЧНЮК

КАМЫШЛЫ-ТАМАКСКИЙ МОГИЛЬНИК

Северо-западную Башкирию на рубеже нашей эры населяли племена пьяноборской культуры. До недавнего времени памятники этой культуры здесь почти не изучались, и история ее носителей освещалась лишь по материалам могильников, раскопанных на правом берегу р. Камы напротив устья р. Белой.

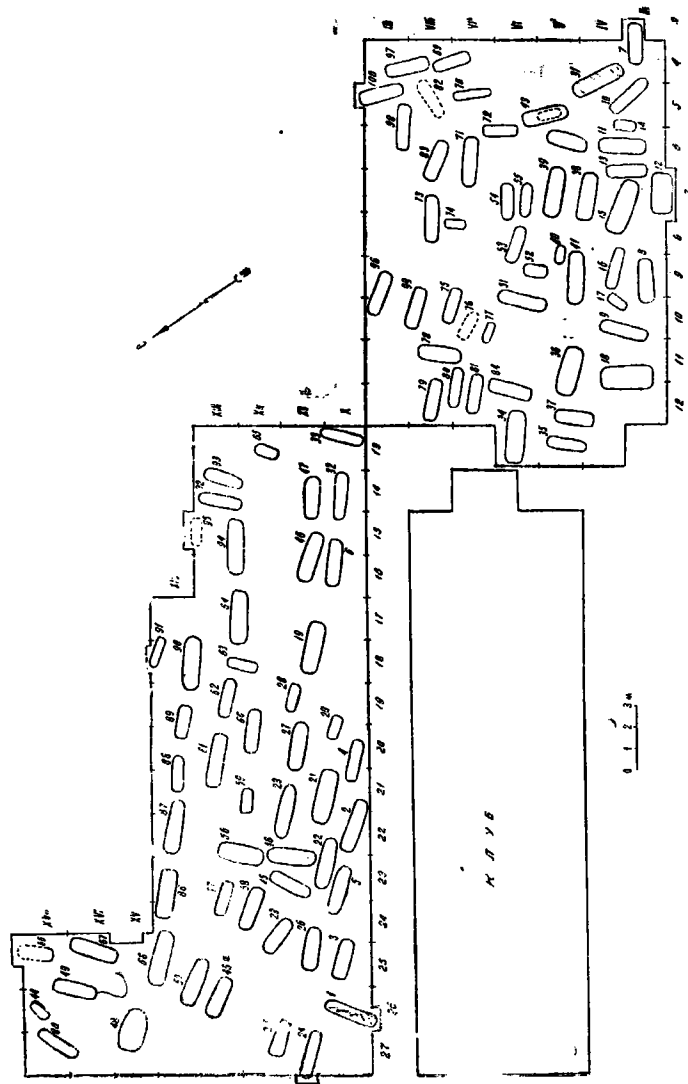
В последние годы на территории Башкирии открыты десятки новых памятников пьяноборской культуры. Среди исследованных памятников по степени сохранности и богатству материала особенно выделяется Камышлы-Тамакский могильник. Настоящая работа посвящена публикации материалов этого могильника.

Камышлы-Тамакский могильник обнаружен в 1958 г. на окраине дер. Камышлы-Тамак Бакалинского района. Могильник расположен на склонах небольшого мыса, образованного двумя неглубокими оврагами, спускающимися к пойме безымянного ручья. Территория могильника в центральной части нарушена при закладке фундамента клуба. По рассказам местных жителей, во время земляных работ было разрушено не менее 30 человеческих костяков; возле некоторых костяков находились различные металлические украшения. Часть вещей: бронзовые пряжки, височные подвески, бусы — была передана в Башкирский краеведческий музей, остальные — утеряны.

В 1961 г. могильник исследовался объединенной археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР, а также Института и музея антропологии Московского государственного университета.

На вскрытой площади 585 кв. м было обнаружено 101 погребение (рис. 1).

Погребальный обряд могильника однороден. Все погребения совершены в грунте, в могильных ямах простой конструкции. На поверхности признаки могильных ям не прослеживаются; в древности они, видимо, как-то отмечались, так как нет ни одного случая, чтобы одно погребение было нарушено другим. В расположении некоторых могил можно усмотреть ряды, в частности, погр. 12, 15, 38, 39, 54, 55, 73; 3, 26, 29, 57, 58, 86 и др. (см. рис. 1). В четырех погребениях под костяками прослеживались остатки деревянной подстилки. В погр. 3 найдены кости животного. Костяки лежат на спине, с вытянутыми руками и ногами. Изредка встречаются костяки со слегка подогнутыми ногами; иногда кости рук лежат на груди или на тазовых костях. Ориентировка костяков неустойчивая (рис. 2). Изредка в почвенном слое

Р и с. 1. План раскопа Камышлы-Тамакского могильника.

Р и с. 2. Планы погребений:

а — погр. 23; б — погр. 48; в — погр. 50; г — погр. 56; д — погр. 66; е — погр. 96.

между могилами были встречены остатки ритуальных захоронений конечностей и черепов лошади.

Подавляющее большинство погребений одиночные (93), в семи могилах было по 2 костяка и в одной — 3. Всего, таким образом, обнаружено 110 костяков, из них 25 — детских. Дети погребались как в отдельных могилах, так и совместно со взрослыми мужскими или женскими захоронениями. Антропологический материал для исследования удалось взять только из 26 погребений. Среди них М. С. Акимов выделяет 13 мужских и столько же женских погребений. Большинство из них сопровождалось вещами: мужские — предметами вооружения, женские — украшениями. Изредка в мужских погребениях находились такие сугубо женские предметы, как височные подвески или бусы, и, наоборот, в трех женских погребениях найдено по несколько экземпляров наконечников стрел.

Не все погребения сопровождалось вещами в равной степени: наряду с богатыми погребениями, как 23, 68, 96, 98, встречаются и такие, где зачастую инвентарь ограничивался одной-двумя вещами, а иногда и отсутствовал вообще. Особенно это относится к детским захоронениям.

Основную часть находок женских погребений составляют височные подвески, поясные и обувные застежки, ожерелья из стеклянных бус, различные бляшки, накладки, подвески.

Височные подвески и кольца. Наиболее распространенными и характерными украшениями Камышлы-Тамакского могильника являются своеобразные бронзовые височные подвески так называемого пьяноборского типа в виде кольца с расширяющимся к основанию стержнем. По форме стержня они делятся на 3 типа.

I тип — с литым стержнем (рис. 3, 3). Изредка встречаются подвески этого типа с одной или двумя насаженными бусинами (см. рис. 3, 4). Первый тип подвесок наиболее распространенный: в 37 погребениях обнаружено 142 экз.

II тип — с витым спиральным стержнем, сделанным из той же проволоки, что и колечко (см. рис. 3, 1, 2). В 23 погребениях найдено 105 экз.

III тип — с трубчатым стержнем, сделанным из тонкой гофрированной пластинки (см. рис. 3, 6). Этот тип подвесок встречен всего в 9 погребениях — 19 экз.

В двух погребениях, наряду с основными типами, найдено по одному экземпляру подвесок из витых проволок, заканчивающихся на конце кольцами (см. рис. 3, 9).

Типы подвесок встречаются в различных сочетаниях. В большинстве случаев в одной и той же могиле представлены два или три типа; особенно часто сочетание I и II. В некоторых погребениях встречаются подвески только одной формы.

Как правило, подвески в могиле лежат от одного до 7 экземпляров с каждой стороны черепа; иногда они находятся только с одной стороны.

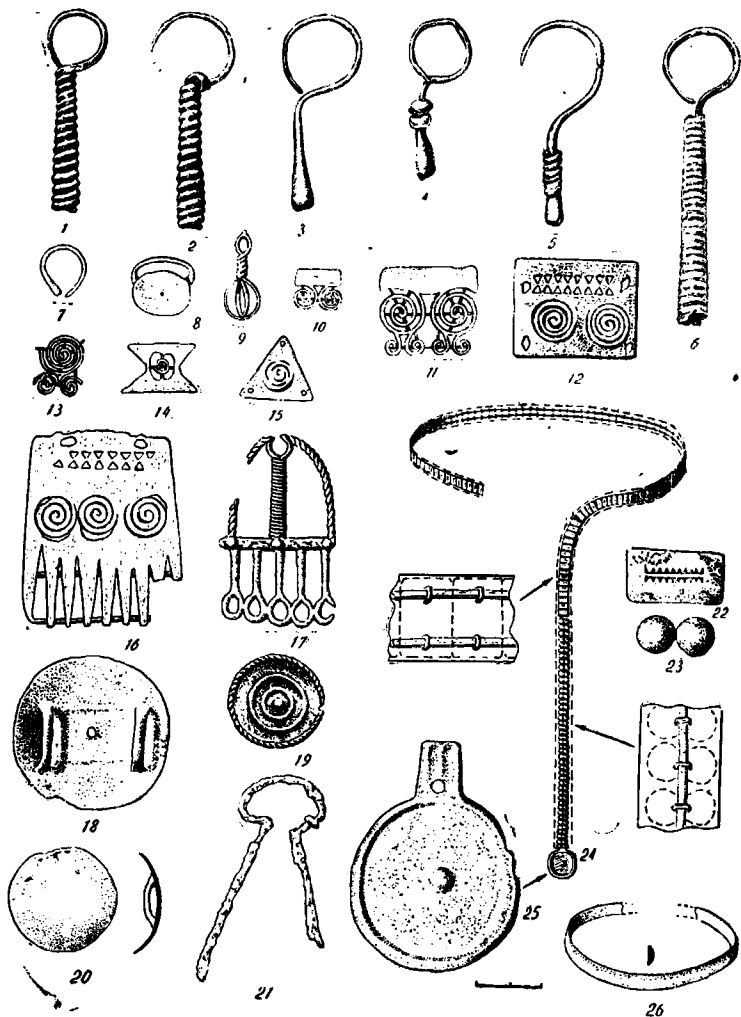
В четырех погребениях вместе с височными подвесками найдено по несколько экземпляров височных колец, сделанных из тонкой медной проволоки (см. рис. 3, 7).

Бусы. Принадлежностью большинства женских погребений являются ожерелья бус, которые лежат в области шеи и груди костяка. Всего в исследованных погребениях найдено более 1600 бусин. По погребениям они распределяются очень неравномерно. В одних случаях при костяке находится всего 3—10 бусин, в других — 50—70, а в погр. 41 ожерелье состояло из 519 стеклянных бусин желтого и темно-синего цветов.

В количественном отношении подавляющее большинство составляют стеклянные бусы четырех основных типов: мелкие светло-желтые (21 погребение — 490 экз.), мелкие темно-синие (29 погребений — 330), крупные темно-синие округлой формы (16 погребений — 294) и темно-синие, изредка светло-зеленые биконической формы (13 погребений — 345). Более 40 экз. составляют мелкие светло-зеленые бусы (рис. 4).

Многоцветные бусы представлены двумя типами: большие, глазчатые преимущественно темно-синего цвета (14 экз.) и удлиненные с разноцветным полосатым орнаментом. Оба типа встречаются обычно в ожерельях по 1—2 экз. Лишь в погр. 50 ожерелье состояло из 10 больших глазчатых темно-синих бусин.

Найдено несколько дольчатых, ребристых, цилиндрических бусин. В четырех погребениях в состав ожерелий входили раковины каури — 22 экз. (см. рис. 4).

Р. и с. 3. Украшения из женских погребений:

1—2, 6, 11, 12, 15 — погр. 35; 3—5 — погр. 18; 7, 26 — погр. 41; 8 — погр. 50; 9 — погр. 70; 10 — погр. 24; 13 — погр. 46; 14—16 — погр. 86; 17—19 — погр. 98; 20 — погр. 68; 21 — погр. 83; 22—25 — погр. 96.

Рис. 4. Бусы.

Пряжки и застёжки. Многочисленны и разнообразны как в мужских, так и в женских погребениях пряжки и застёжки. Судя по их положению, по отношению к костяку, они употреблялись для застёжки поясных ремней и обуви. В ряде случаев пряжки находились возле меча; с помощью их пристегивался, видимо, меч. Иногда они лежали рядом с удилами и, возможно, являются остатками узды.

Пряжки изготавливались из бронзы, железа и кости. Подавляющее большинство их — бронзовые, которые застегивались при помощи неподвижного крючка.

По форме бронзовые пряжки можно разделить на несколько типов.

I тип — кольцевые. Эта наиболее простая форма представляет собой круглое или слегка овальное колечко с крючком и пуговковидным выступом на противоположной стороне (рис. 5, 1). Пряжка из погр. 8 имеет 5 «пуговок» (см. рис. 5, 2), а из погр. 48 отличается тем, что у нее «пуговики» заменены петлей (см. рис. 5, 4). Пряжки I типа найдены в 10 погребениях по одному экземпляру; 8 из них лежали в области пояса, в двух женских погребениях — у черепа.

II тип — рамчатые. В основе их лежит та же кольцевая пряжка, но более усложненной формы; кольцо поделено «перекладками» на две и более частей; «пуговики», как правило, заменены петлей. Видимо, процесс усложнения пряжек шел постепенно, путем увеличения числа «перекладок» и замены «пуговок» петлями. Так, поясная пряжка из погр. 13 сохранила «пуговку» и имеет всего одну перекладку (см. рис. 5, 9). Пряжка подобной формы найдена в погр. 58. Широко были распространены мелкие пряжки с двумя перекладками: одна из них делила кольцо пополам, а вторая — лишь заднюю часть кольца, возле петельки. Кольца и перекладки этих пряжек не гладкие, как у кольцевых, а рубчатые (см. рис. 5, 3). Пряжки этой формы почти всегда лежат в погребениях возле ступни и, очевидно, выполняли роль обувных застёжек, причем хаактерны они для мужских погребений (13 экз.). В женских погребениях найдены лишь две такие пряжки: в погр. 16 — в области пояса и в погр. 92 — в ногах.

В погребениях 16 и 86 рамчатые пряжки лежали в области пояса; они отличались большими размерами и пуговковидными выступами вместо петелек (см. рис. 5, 7).

Некоторые пряжки имеют еще более усложненную форму; пряжка из погр. 68 имеет форму кольца, поделенного на четыре части двумя полуовальными перекладками (см. рис. 5, 5).

В мужских погребениях встречаются большие поясные пряжки с круглой бляшкой в центре, которая соединяется с кольцом четырьмя или более перекладками (см. рис. 5, 6—8).

III тип — пластинчатые. Некоторые из них (4 экз.) имеют ту же кольцевую форму и пуговковидный выступ (см. рис. 5, 10—11). Найдены они у ступней ног костяков. В ногах мужского погр. 21 найдено 2 пряжки вытянутой формы с петлей на оборотной стороне (см. рис. 5, 17). В погр. 90 рядом с мечом лежала пряжка, сделанная из узкой длинной серебряной пластинки (см. рис. 5, 13). Интересная поясная пряжка найдена в мужском погр. 21. Она имеет форму прямоугольной пластинки, украшенной по краям шнуровым орнаментом и выпуклинами в виде полугоршин. Ряд выпуклин проходит и посредине по длинной оси (см. рис. 5, 20). Обломок малеской пластинчатой пряжки найден в области пояса погр. 91 (см. рис. 5, 15).

Своеобразная рамчатая пряжка обнаружена во время земляных работ при строительстве клуба (см. рис. 5, 19).

IV тип — эпелетообразные. Среди них наиболее распространенными являются пряжки небольших размеров (рис. 6, 3, 6). Они представляют собой небольшую умбовидную бляшку с круглыми выпуклинами по краю и веревочным орнаментом, к которой припаивался проволочный полуовал с неподвижным крючком. На обратной стороне пряжка снабжена петелькой. Указанные пряжки выполняли главным образом роль обувных и лишь изредка — поясных застёжек. В погр. 49, например, найдены 3 таких пряжки — 2 в ногах,

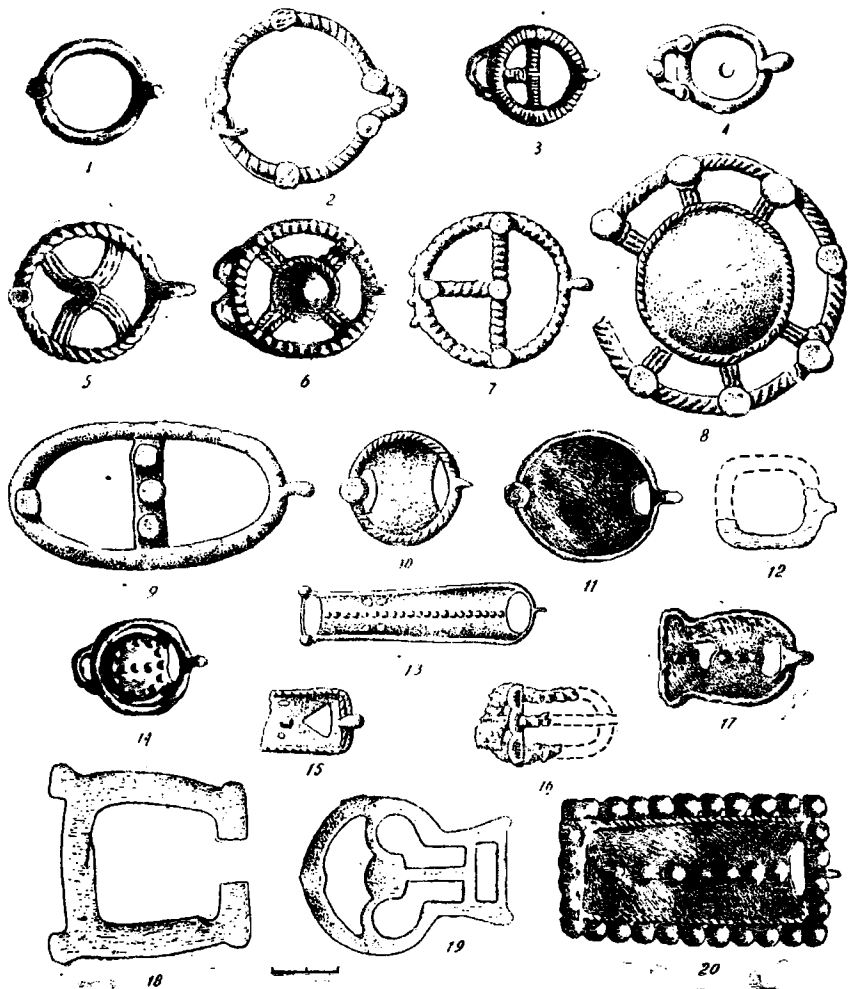
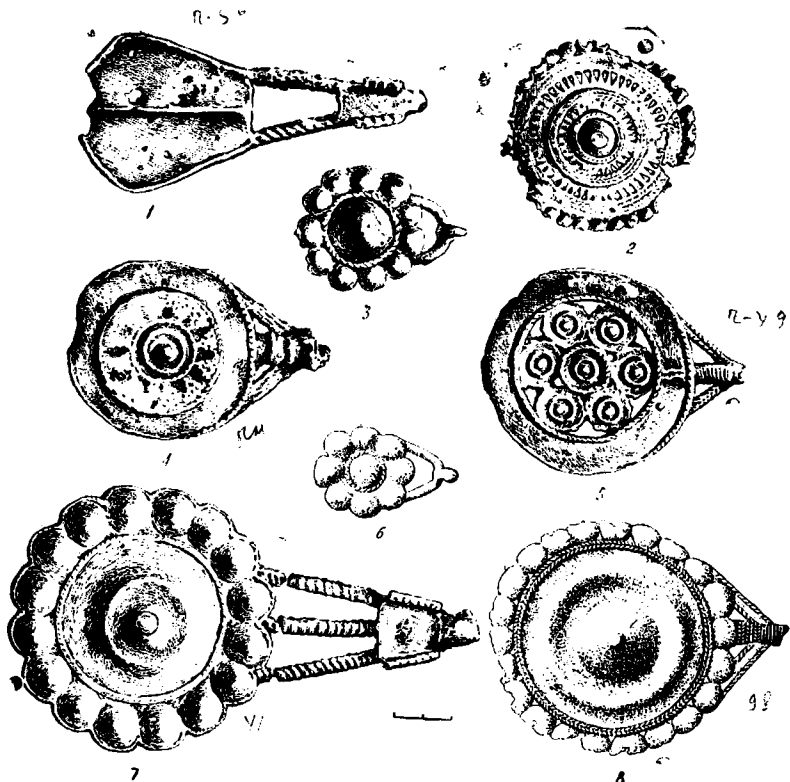

Рис. 5. Пряжки:

1, 3 — погр. 23; 2 — погр. 8; 4, 6, 11 — погр. 48; 5 — погр. 68; 7, 12 — погр. 16; 8, 18 — погр. 2; 9 — погр. 13; 10 — погр. 6; 13 — погр. 93; 14, 19 — п. м.; 15 — погр. 91; 16 — погр. 62; 17, 20 — погр. 21*

Р и с. 6. Эполетообразные застёжки:

1, 6 — погр. 56; 2 — погр. 68; 3 — погр. 3; 4 — п. м.; 5 — погр. 49; 7 — погр. 41; 8 — погр. 93.

одна — на поясе. В мужских погребениях аналогичные пряжки всегда находятся рядом с мечами и, очевидно, употреблялись для пристегивания меча.

Разновидностями эполетообразных пряжек являются и шесть застёжек, пять из которых найдены в женских погребениях, притом всегда в области пояса, а шестая происходит из подъемного материала (см. рис. 6, 1—2, 4—5, 7—8).

Железные пряжки в Камышлы-Тамакском могильнике представлены по сравнению с бронзовыми бедно. Их всего найдено 8 экземпляров: 6 — в мужских и 2 — в женских погребениях. В том и другом случаях они находились в области пояса. Сохранность пряжек, как и всех железных вещей, очень плохая. По форме все они, видимо, однотипны — коль-

цевые с подвижным язычком. В погр. 62 найдена железная пряжка вытянутой формы надежды на язычок трехчастной бронзовой обоймочкой (см. рис. 5, 16).

Костяные пряжки найдены лишь в двух погребениях по одному экземпляру. Обе они квадратной формы с неподвижными крючками (см. рис. 5, 12). В женском погр. 16 она лежала в области пояса, а в мужском погр. 2 — у левой ступни, рядом с удилами, и возможно, являлась принадлежностью узды.

Накладкам, бляшкам, подвескам. Костюмы пьяноборских женщин, а частично и мужчин, были довольно богато украшены различными бронзовыми, изредка серебряными накладками, бляшками, подвесками.

Накладками украшались поясные ремни, головные уборы и изредка, видимо, подол одежды. Поясные накладки встречаются довольно редко. Они имеют форму прямоугольника с углубленным орнаментом в виде двух рядов треугольников на лицевой стороне и с двумя ушками на обороте (см. рис. 3, 22). Встречены они в четырех женских погребениях. В двух случаях (погр. 50 и 96) ими, видимо, был украшен весь пояс, а в погр. 33 и 83 их найдено всего по 1—2 экземпляра также в области пояса. По одному экземпляру найдено в двух мужских погребениях.

Относительно часто встречаются накладки в виде двояных выпуклых бляшек с одним ушком на обороте (см. рис. 3, 23). Они представлены как в женских, так и в мужских погребениях. В женских погребениях ими украшался ремень, к которому иногда прикреплялась длинная ременная подвеска. В погр. 50 от пояса спускался узкий ремешок, сплошь покрытый такими накладками; внизу он заканчивался ажурной прорезной бляхой (см. рис. 3, 16). В погр. 96 на таком же ремешке было подвешено бронзовое зеркало (см. рис. 3, 24).

В мужских погребениях подобные накладки находятся по нескольку экземпляров обычно с мечами или кинжалами. Ими, видимо, украшался ремень, к которому пристегивался меч.

Довольно часто в женских погребениях встречаются различные ажурные бляшки-накладки с геометрическим прорезным орнаментом в виде треугольников, ромбов, кружочков, спиралей (см. рис. 3, 10—15). Чаще они находятся возле черепа. Особенно много их найдено в погр. 50. Здесь они представлены различными формами — треугольные, прямоугольные, ромбические. Ими, видимо, был украшен головной убор (см. рис. 2, в). В нескольких случаях прорезные бляшки найдены в области пояса костяка. Во многих погребениях встречаются по 1—2 экземпляра выпуклых бляшек с ушком на обороте. Бляшки-накладки описанных форм изредка находились и в мужских погребениях.

Украшения обуви. В богатых женских погребениях встречаются украшения обуви — бронзовые пряжки, пронизи, обоймочки и круглые плоские бляхи с ушком на обороте. Судя по часто находимому у ног тлену кожи, обувь у большинства населения была кожаной и застегивалась на маленькие пряжки. Пронизи и обоймочки назывались на тонкий ремешок и носились как браслеты на щиколотках. Концы ремней привязывались за ушки большой круглой пластинчатой бляхи, которая всегда располагалась сзади щиколотки. Обувь и ножные украшения камышлы-тамакских женщин во всех чертах сходны с украшениями из могильника Чеганда II¹.

Мужская обувь скромна. В области ног мужских костяков обычно находят только по одной небольшой пряжке.

Браслеты, перстни, зеркала относятся к числу малораспространенных предметов украшений.

Зеркало встречено лишь в одном погребении. Оно отлито из низкопробного серебра, диаметр круга 5 см, снабжено маленьким штырьком прямоугольной формы с отверстием у основания. Края на оборотной стороне утолщены в виде бортика, а в центре украшение в виде маленькой полугорошины (см. рис. 3, 25).

¹ В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, рис. 28.

Браслеты найдены в двух погребениях, в обоих случаях на правой руке: в погр. 41—1, в погр. 50—8 экз. (см. рис. 3, 26).

Перстни представлены двумя формами: кольцевые проволочные — 2 экз. (погр. 41) и с круглыми щитками (см. рис. 3, 8)—5 экз. (погр. 27 и 50).

В двух погребениях обнаружены глиняные плоские пряслища.

В мужских погребениях обычными являются предметы вооружения (наконечники стрел, копий, мечи, кинжалы), удила, оселки, различные пряжки.

Наконечники стрел представлены в Камышлы-Тамакском могильнике различными типами. Наиболее распространенными среди них являются железные трехлопастные черешковые (рис. 7, 7—9). Они найдены в 13 погребениях (139 экз.). Второе место по количеству занимают костяные трехгранные наконечники с внутренней втулкой (см. рис. 7, 1—5)—50 экз. Два подобных наконечника имели 4 грани. В четырех погребениях найдены костяные черешковые наконечники с трех- или четырехгранным пером (см. рис. 7, 10—17)—31 экз. Очень редки стрелы с бронзовыми трехлопастными наконечниками с выступающей втулкой (см. 7, 6)—4 экз. в погребениях.

Наконечники стрел обычно расположены в области ног костяка в кучке, остриями вниз. Характерно сочетание различных типов стрел, особенно часто — железных с костяными втульчатыми. Бронзовые наконечники также во всех трех случаях найдены вместе с железными черешковыми и костяными втульчатыми. Следует отметить, что далеко не все мужские погребения сопровождалась стрелами. Более чем в 10 погребениях они не обнаружены.

Наконечники копий найдены в 5 погребениях по одному экземпляру. Все они железные с ромбическим в сечении пером, размером от 18 до 28 см (рис. 8, 7). В могилках они расположены по-разному — у черепа, в области ног и т. д.

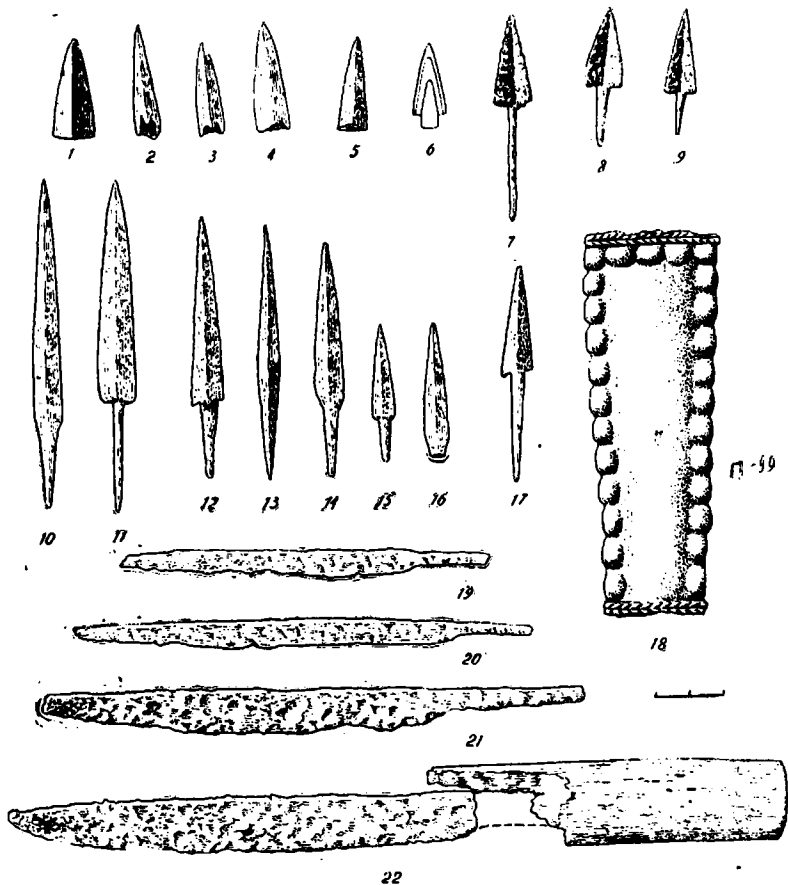
Мечи и кинжалы встречаются в мужских погребениях довольно часто. В большинстве случаев сохранность их очень плохая. Кинжалы все однолезвийные, без навершия и перекрестия, длина 25—35 см, рукояти некоторых из них обложены бронзовой пластиной. Подобные кинжалы найдены в семи погребениях. Мечей известно 3 экз. Все они разные. Меч из погр. 68 длинный (80 см с рукоятью), двухлезвийный, без навершия, с бронзовой пластиной на перекрестии (см. рис. 8, 1). В погр. 23 меч также двухлезвийный, но с кольцевым навершием; длина его с рукоятью — 46 см (см. рис. 8, 2). Третий меч (погр. 90)— однолезвийный без навершия и перекрестия, длина его 40—45 см. На конце хорошо сохранился бронзовый наконечник ножен, украшенный на лицевой стороне шнуром и выпуклинками (см. рис. 7, 18). В некоторых случаях ножи украшались различными бронзовыми бляшками-накладками. Кинжалы или короткие мечи пристегивались к поясу справа. Лишь меч из погр. 68 лежал слева; это вызвано, видимо, тем, что у правого бедра был пристегнут кинжал. Почти во всех погребениях у нижнего конца кинжала лежат бронзовые пряжки.

Удила представлены в могильнике 9-ю экз. Они железные, двухсоставные. У большинства из них псалии отсутствуют (см. рис. 8, 4)—5 экз. В трех случаях удила снабжены железными стержневыми псалиями (см. рис. 8, 10), а в кольцах удила из погр. 2 сохранились остатки костяных псалий, причем один удила, как и в других погребениях, лежали в области ног, а вторые — у черепа слева.

Оселки. В 7 мужских погребениях в области пояса костяков лежали каменные оселки с отверстием в верхней части для подвешивания. Большинство из них узкие, длинные, круглые или овальные в сечении (см. рис. 8, 6). Лишь один оселок имеет форму прямоугольной плитки (см. рис. 8, 3).

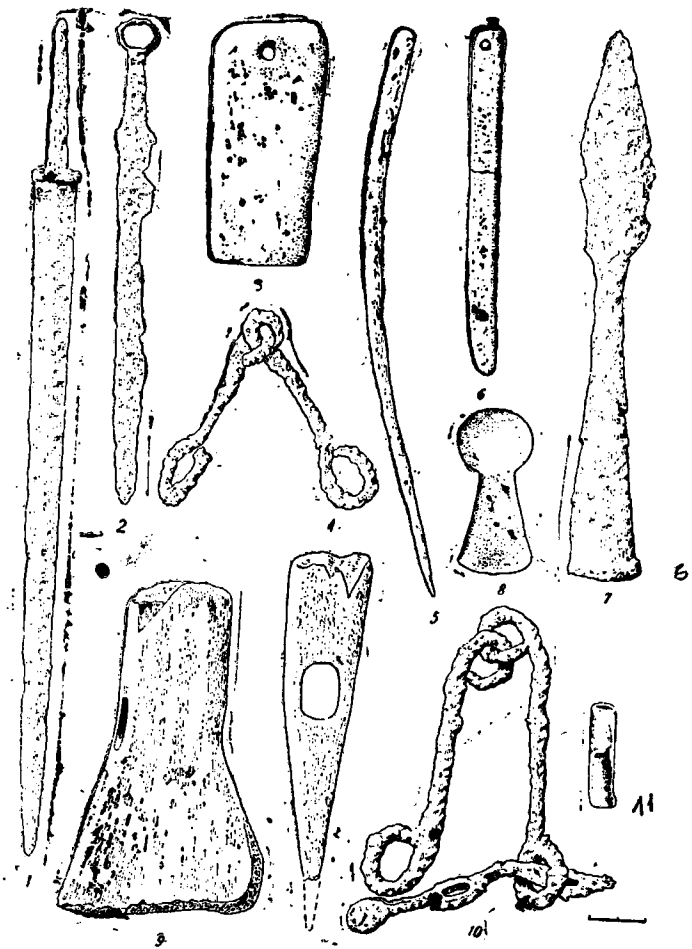
Характерными как для женских, так и для мужских погребений являются железные однолезвийные ножи, находимые в области пояса костяков. Сохранность их обычно очень плохая (см. рис. 7, 19—22).

Из единичных предметов в мужских погребениях встречены костяное орудие в виде проушконого топора (см. рис. 8, 9), костяная подвеска-проколка (см. рис. 8, 5), костяная трубочка — «мундштучок» — неизвестного назначения (см. рис. 8, 11).

Р и с. 7. Предметы из мужских погребений:

1 — погр. 34; 2—5 — погр. 91; 6 — погр. 48; 7—9 — погр. 21; 10—11 — погр. 7; 12—17 — погр. 43; 18 — погр. 90; 19 — погр. 11;
20 — погр. 10; 21 — погр. 2; 22 — погр. 83.

Р и с. 8. Предметы из мужских погребений:

1, 4 — погр. 68; 2 — погр. 23; 3 — погр. 94; 5 — погр. 87; 6 — погр. 65; 7 — погр. 90; 8 — погр. 86; 9 — погр. 25;
10 — погр. 21; 11 — погр. 2.

Дата вскрытых погребений Камышлы-Тамакского могильника определяется нами в пределах конца II в. до н. э. — I в. н. э.

На территории Башкирии в настоящее время известно несколько богатых памятников, как Биктимировский грунтовой и Старо-Кишкинский курганный² могильники, и сравнительно твердо установленной датой (III—II вв. до н. э.). Сопоставление этих памятников с Камышлы-Тамакским могильником показывает, что в вещевом материале имеются существенные различия, которые, очевидно, показывают их разновременность.

Различия между указанными памятниками особенно часто прослеживаются в бусинном материале. Так, и для Старо-Кишкинского и для Биктимировского могильников характерно сочетание в ожерельях двух типов бус — стеклянных светлых, часто с внутренней позолотой, округлой формы, величиной с горошину, и гешировых, цилиндрической или дисковидной формы. Эти типы составляют в обоих могильниках около 80% всего бусинного материала³. Такое сочетание характерно и для многих других памятников этого времени⁴. В Камышлы-Тамакском же могильнике светлые стеклянные бусы составляют всего несколько процентов, а гешировые отсутствуют совершенно. Ведущее место занимают мелкие стеклянные светло-желтого, голубого и синего цветов и крупные округлой формы темно-синего цвета. Появляются новые типы бус — биконические, стеклянные двух- и трехсоставные, красные пастовые цилиндрической формы и некоторые другие, отсутствующие или очень редкие в Кишкинском и Биктимировском могильниках.

Все эти типы бус широко представлены в памятниках рубежа и первых столетий нашей эры. Из таких бусин, например, составлены ожерелья всех ранних могильников (Каратамакский, Бирский, Бахмутинский) бахмутинской культуры (II—IV вв.). Следовательно, судя по бусинному материалу, нижняя дата Камышлы-Тамакского могильника должна быть определена временем после засыпки основной группы погребений Старо-Кишкинского и Биктимировского могильников, т. е. примерно с конца II в.

Примерно такая же картина наблюдается и при привлечении таких материалов, как наконечники стрел и пряжки. Для старо-кишкинских погребений характерно сочетание бронзовых втульчатых наконечников с железными черешковыми, где они в общем встречаются приблизительно в равном количестве⁵. В Биктимировском могильнике абсолютное большинство составляют бронзовые наконечники⁶. Иные наборы стрел в камышлы-тамакских погребениях; здесь характерно сочетание железных черешковых с костяными втульчатыми наконечниками, причем полностью преобладают железные. Бронзовых же наконечников обнаружено лишь 4 экз. Но они также не могут служить основанием для ранней датировки, поскольку встречаются с вещами, характерными и для остальных погребений. Эти наконечники следует рассматривать, видимо, как пережиточное явление.

Общепринято считать, что процесс вытеснения бронзовых наконечников железными происходил постепенно, начиная с II в. до н. э.; в конце II — в I в. до н. э. железные наконечники становятся почти единственной формой⁷, что мы и наблюдаем в Камышлы-Тамакском могильнике.

Время широкого распространения небольших застежек-пряжек с неподвижным крючком и пуговкивидным выступом или петлей в основании также падает на последние два сто-

² А. Х. Пшеничноку. Биктимировский могильник. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964; М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962.

³ М. Х. Садыкова. Указ. соч., стр. 119; А. Х. Пшеничноку. Указ. соч., стр. 223.

⁴ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. Свод, вып. Д. 1 — 10, 1963, стр. 45.

⁵ М. Х. Садыкова. Указ. соч., стр. 117.

⁶ А. Х. Пшеничноку. Указ. соч., стр. 223.

⁷ М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. — СА, 1959, № 1, стр. 62; М. Г. Мошкова. О раннесарматских втульчатых стрелах. — КСИА, вып. 89, 1962, стр. 82; Н. Н. Погорбова. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского. — МИА, 1961, № 96, стр. 118.

летия I тыс. до н. э.⁸ Интересно отметить, что многие типы застежек-пряжек, в том числе эполетообразные, в Камышлы-Тамакском могильнике встречены вместе, что говорит об их одновременности. Если иметь в виду, что пряжки с неподвижными крючками встречены во многих погребениях, то конец II—I вв. до н. э. надо считать временем существования могильника. В связи с тем, что хронология пряжек, как и бусинного и других материалов рубежа нашей эры, из памятников Южного Урала разработана слабо, из-за осторожности позднюю дату памятника мы доводим до I в. н. э.

К числу самых поздних погребений могильника, безусловно, относятся те, в которых найдены пряжки с подвижными язычками. Появившись на рубеже нашей эры, эти пряжки уже примерно со II в. становятся главной формой пряжек в южноуральских степях.

Камышлы-Тамакский могильник по обрядовым особенностям и вещевому материалу аналогичен могильникам пьяноборской культуры со Средней Камы. Несмотря на это, наша датировка Камышлы-Тамакского могильника несколько отличается от принятой в последнее время даты среднекамских могильников.

В. Ф. Геннинг, автор одной из новейших работ по пьяноборской культуре, материалы среднекамских могильников подразделил на 4 хронологические группы, датировав их временем от III в. до н. э. по II в. н. э. В основу данной периодизации им положено типологическое изменение предметов украшений, главным образом эполетообразных застежек⁹. Придерживаясь этой схемы, Камышлы-Тамакский могильник следовало бы датировать III—I вв. до н. э. Однако сравнивая даты Камышлы-Тамакского и среднекамских могильников, можно легко убедиться в том, что типология вещей не всегда может быть основой для правильной датировки. Так, Камышлы-Тамакское погр. 56 на основании эполетообразной застежки с двумя соединительными жгутами и прорезных блях, по В. Ф. Геннингу, следовало бы отнести к III—II вв. до н. э. Но эта дата не увязывается с другими находками из того же погребения (височные подвески с трубчатым стержнем и маленькие эполетообразные застежки для обуви), которые упомянутый автор относит к I в. н. э. С другой стороны, в Камышлы-Тамакском могильнике найдены различные формы эполетообразных и других застежек-пряжек и височных подвесок. Несмотря на то, что каждая форма существенно отличается от другой, определение для них более дробной даты, как это попытался сделать В. Ф. Геннинг на среднекамских материалах, весьма затруднительно, так как, судя по сопровождающему материалу, они или относились к одному времени, или возрастные различия между ними были настолько незначительны, что пока их не удается выявить.

В настоящее время трудно высказать окончательное мнение относительно правильности предложенной В. Ф. Геннингом периодизации среднекамских могильников, так как полной публикации материалов раскопок с описанием погребений пока нет. Тем не менее нельзя не отметить, что на Средней Каме пока не известны (если известны, то лишь фрагментарно) могильники раннепьяноборского времени—III—II вв. до н. э. Судя по камышлы-тамакским аналогиям, возраст многих предметов (височные подвески, ажурные накладки, накладки ремней, отчасти пряжки-застежки), отнесенных В. Ф. Геннингом к стадии А, должен определяться не III—II вв. до н. э., а временем не ранее конца II в. до н. э.

ПРИЛОЖЕНИЕ

П о г р. 1. Размеры могильной ямы 200 × 53 см, глубина 90 см*. Костяк лежал на спине, вытянуто; ориентирован головой на ССВ**. В области пояса скелет частично потревожен; кости таза, поясничные позвонки, лучевые кости найдены в различных частях могилы. Височные подвески со спиральным

⁸ М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки. — МИА, № 78, 1960, стр. 297.

⁹ В. Ф. Геннинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. — ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962.

* В дальнейшем указываются только цифровые данные: первая цифра — длина могилы, вторая — ширина, третья — глубина — 200 × 53 × 90.

** В дальнейшем описание положения костяка, если он лежит на спине, вытянуто, опускается и указывается только ориентировка.

стержнем (см. рис. 3, 1) — по 5 экз. справа и слева у черепа; мелкие стеклянные бусы желтого и синего цветов — в области шеи; две бронзовые бляшки с ушком на обороте (см. рис. 3, 20) и две бронзовые трубочки — в области шеи; остатки украшений обуви в виде трех рядов бронзовых прошивей, продетых сквозь узкие ремешки, и одной бляшки с двумя ушками на обороте (см. рис. 3, 18) — у голенистопных суставов; бронзовые эполетообразные пряжки (см. рис. 6, 6) — по 1 экз. у ступней ног.

По г р. 2. 245 × 67 × 110 см. Ориентировка ЮЮЗ. Под костяком прослежены остатки дерева. Удила с костяными псалтиями, пластинчатые пряжки (см. рис. 5, 11) — справа у черепа; височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — под черепом; рамчатая пряжка (см. рис. 5, 8) — справа у таза; железный нож (см. рис. 7, 21) — на левой тазовой кости; длинный нож (кинжал), железный черешковый наконечник стрелы (см. рис. 7, 7), 15 бронзовых прошивок — с наружной стороны правого бедра; эполетообразная пряжка (см. рис. 6, 3) — с наружной стороны правого колена; железный наконечник копья (см. рис. 8, 7), удила с железными псалтиями (см. рис. 8, 10), костяная трубочка (см. рис. 8, 11) — между коленными суставами; костяная пряжка (см. рис. 5, 18) — у левой ступни.

По г р. 3. 190 × 60 × 110 см. Ориентировка ЮВ. Височные подвески: 14 с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и одна со спиральным (см. рис. 3, 1) — возле черепа и под ним; стеклянные мелкие бусы желтого и темно-синего цветов — в области шеи; кости животного — за черепом в ЮВ углу; бронзовая бляшка с ушком на обороте — в области грудной клетки.

По г р. 4. 205 × 70 × 100 см. Ориентировка ЮЮВ. Бусы стеклянные мелкие зеленого цвета, биконические синего цвета и одна полосатая — в области шеи; бронзовая бляшка с ушком на обороте (см. рис. 3, 20), височная подвеска с трубчатым стержнем (см. рис. 3, 6) — в области грудной клетки.

По г р. 5. 205 × 60 × 92 см. Подрастовое. Ориентировка ЮВ. Мелкие стеклянные бусы — в области шеи.

По г р. 6. 228 × 64 × 95 см. Мужское. Ориентировка СЗ. 2 височные подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3-4) — возле черепа; железная пряжка с подвижным язычком, глазчатая бусина — в области пояса; обломок железного меча или кинжала, железный нож — у правого бедра; наконечник копья (см. рис. 8, 7), две бронзовые бляшки с ушком на обороте, три глазчатые бусины — между коленными суставами; две бронзовые пластинчатые пряжки (см. рис. 5, 10) — по одной у ступней.

По г р. 7. 214 × 60 × 50 см. Мужское. Ориентировка СЗ, кисть левой руки на тазовой кости. Наконечники стрел: 9 костяных черешковых (см. рис. 7, 10, 11), 2 костяных втульчатых (см. рис. 7, 1-2) и 4 железных черешковых (см. рис. 7, 7-9) — у правой ступни в кучке.

По г р. 8. 210 × 65 × 90 см. Костяк плохой сохранности. Ориентировка СЗ. Бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 2) — на груди; обломок железного меча, бронзовая эполетообразная пряжка (см. рис. 5, 6) — у правого бедра; две бронзовые рамчатые пряжки (см. рис. 5, 3) — в засыпке могильной ямы, в области ног.

По г р. 9. 230 × 65 × 100 см. Костяк плохой сохранности. Ориентировка СВ. Височные подвески: 7 — с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и 2 — со спиральным (см. рис. 3, 1) — у черепа; две маленькие стеклянные бусины — в области шеи.

По г р. 10. 233 × 60 × 70 см. Ориентировка ССЗ. Три стеклянных бусины — слева у черепа; бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 1) — возле черепа; железный нож (см. рис. 7, 20) — на правой тазовой кости.

По г р. 11. 220 × 70 × 70 см. Ориентировка СВ. Височные подвески: 1 — с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и 3 — со спиральным (см. рис. 3, 1) — по две справа и слева у черепа; бусы из стекла и раковины кауш — в области шеи; железный нож (см. рис. 7, 19) — у правого колена.

По г р. 12. 205 × 100 × 80 см. В могиле захоронены три подростка. Два костяка лежали головами на СЗ, а один — на ЮВ. Вещи обнаружены лишь возле костяка 3, ориентированного на ЮВ: две височные подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — слева у черепа и темно-синие стеклянные бусы — в области шеи.

По г р. 13. 200 × 60 × 70 см. Парное. Оба костяка детские, лежали ногами друг к другу, СЗ — ЮВ. Бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5 и 9) — в области пояса костяка 1 (с северо-западной ориентировкой); височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — у черепа костяка 2.

По г р. 14. 100 × 56 × 60 см. Ориентировка СВ — ЮЗ. Костяк не сохранился. По-видимому, детское захоронение. Вещей нет.

По г р. 15. 255 × 110 × 70 см. Парное: молодая женщина* и ребенок. Оба костяка ориентированы головами на СЗ. Вещи костяка 1 (женщины): темно-синие стеклянные бусы — в области шеи; 2 височные подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — на груди. Возли детского скелета вещей не найдено.

По г р. 16. 92 × 54 × 85 см. Детский костяк плохой сохранности, ориентированной головой на СЗ. Бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 7) — на поясе; костяная пряжка (см. рис. 5, 12) — на правой тазовой кости; бронзовая бляшка с ушком на обороте, три стеклянных бусины — в области груди.

По г р. 17. 100 × 60 × 80 см. Яма вытнута по линии В — З. Могилка пустая; видимо, было детское захоронение.

По г р. 18. 240 × 110 × 80 см. Парное: взрослый и ребенок. Оба ориентированы головами на СВ. Вещи костяка 1 (взрослого): височные подвески: 7 — с литым стержнем (см. рис. 3, 3-4) и 1 — со спиральным (см. рис. 3, 1) — у черепа; стеклянные бусы — вокруг шеи; ромбическая накладка — на груди;

* Пол здесь и в дальнейшем определен М. С. Акимовой.

подвески-амулеты из зубов животных — у левого плеча. Возле скелета ребенка найдено несколько мелких темно-синих бусинок.

П о г р. 19. 235 × 80 × 120 см. Мужское Ориентировка ЮВ. Железный нож (см. рис. 7, 20) — на левой тазовой кости; бронзовая прорезная накладка — у левого бедра.

П о г р. 20. 110 × 50 × 70 см. Яма вытнута по линии СЗ—ЮВ. Могила оказалась пустой; возможно, было детское захоронение.

П о г р. 21. 255 × 70 × 120 см. Мужское. Ориентировка ЮВ. Бронзовая пластинчатая пряжка (см. рис. 5, 20) и железный нож (см. рис. 7, 19) — на поясе; железные удила с псалмами (см. рис. 8, 10) — у кисти левой руки; железный меч — вдоль правого бедра; бронзовая эполетообразная пряжка (см. рис. 6, 6) — рядом с мечом; 30 железных черешковых наконечников стрел (см. рис. 7, 7—9) — у левой голени в кучке; бронзовые пластинчатые пряжки (см. рис. 5, 17) — по одной у ступней ног.

П о г р. 22. 250 × 75 × 90 см. Мужское. Ориентировка ЮВ. Железный нож (см. рис. 7, 19), каменный оселок (см. рис. 8, 6), железное шило (?) — на поясе.

П о г р. 23. 255 × 70 × 105 см. Мужское. Ориентировка ЮВ (см. рис. 2, а). Бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 6), бронзовая накладка в виде двоянных полужарных бляшек (см. рис. 3, 23), ромбов, прямоугольников (см. рис. 3, 10—11, 13—14), железный нож (см. рис. 7, 19) и кольцевая пряжка (рис. 5, 1) — на поясе; железный меч (см. рис. 8, 2) — вдоль правого бедра; бронзовая эполетообразная пряжка (см. рис. 8, 2) — возле меча; подвеска-амулет из зуба животного, железный наконечник копья (см. рис. 8, 7), железные удила (см. рис. 8, 4) — между бедренными костями; 2 бронзовые рамчатые пряжки (см. рис. 5, 3) — между голеними.

П о г р. 24. 230 × 60 × 60 см. Костяк плохой сохранности. Ориентирован на ЮВ. Глиняное пряслице, височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и прорезная бляшка (см. рис. 3, 10) — справа у черепа.

П о г р. 25. 170 × 68 × 85 см. Мужское. Ориентировка ЮВ. 3 бронзовых обоймы — на шее; костяной топор (?) (см. рис. 8, 9) — в СЗ углу могилы.

П о г р. 26. 210 × 80 × 90 см. Детское. Костяк плохой сохранности, ориентировка ЮВ. 2 височные подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — по 1 экз. справа и слева у черепа; две стеклянные бусины — на шее.

П о г р. 27. 240 × 75 × 110 см. Женское. Ориентировка СЗ. Височные подвески: 11 — с литым стержнем (см. рис. 3, 3—5) и 1 — с трубчатим (см. рис. 3, 6) — за и под черепом; стеклянные бусы — на шее и груди; бронзовые двоянные накладки (см. рис. 3, 23) — по одной справа и слева у черепа; бронзовые эполетообразные пряжки (см. рис. 6, 6) и бляшки с ушком на обороте (см. рис. 3, 20), железный нож (см. рис. 7, 19) — на поясе слева; бронзовый перстень (см. рис. 3, 8) — на фаланге правой руки; бронзовая эполетообразная пряжка (см. рис. 6, 6) и мелкие стеклянные бусы — у правой ступни. На тазовых костях найдено несколько мелких обожженных косточек.

П о г р. 28. 135 × 50 × 70 см. Ориентировка СЗ—ЮВ. Костяк не обнаружен; вероятно, было детское захоронение. Вещей нет.

П о г р. 29. 120 × 75 × 70 см. Ориентировка ССЗ—ЮЮВ. Могила также оказалась пустой; возможно, было детское захоронение.

П о г р. 30. 225 × 50 × 70 см. Ориентировка СВ. Железный нож (см. рис. 7, 21), бронзовая ажурная бляшка и ромбическая накладка — у правого бедра.

П о г р. 31. 250 × 80 × 85 см. Потрещено. Череп, плечевые кости, позвонки, ребра лежали в средней части могилы в кучке. Анатомический порядок сохранили лишь кости ног — в южной половине ямы. Вещей нет.

П о г р. 32. 220 × 65 × 115 см. Ориентировка ЮВ. Стеклянные бусы — на шее; 3 височных подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и 1 — с трубчатим (см. рис. 3, 6) — под черепом; железный нож (см. рис. 7, 19) — на поясе.

П о г р. 33. 210 × 50 × 20 см. Подросток. Ориентировка СВ. 5 височных подвесок с литым стержнем (см. рис. 3, 3), бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 1) и мелкие стеклянные бусы — возле черепа; бронзовая прорезная бляшка-нашивка (см. рис. 3, 15) и прямоугольная накладка (см. рис. 22) — на груди.

П о г р. 34. 250 × 86 × 74 см. Мужское. Ориентировка ЮВ. 14 костяных втульчатых (см. рис. 7, 1—4) и 4 железных черешковых (см. рис. 7, 7—9) наконечников стрел — у левого бедра; железные нож (см. рис. 7, 19) и пряжка с подвижным язычком — на тазовых костях.

П о г р. 35. 180 × 55 × 60 см. Ориентировка СВ. 5 височных подвесок с трубчатим стержнем (см. рис. 3, 6) и 2 — со спиральным (см. рис. 3, 1—2), 9 бронзовых прорезных бляшек-нашивок (см. рис. 3, 10—15) — возле черепа; стеклянные бусы — на шее; 2 бронзовые эполетообразные пряжки (см. рис. 6, 6), 2 круглые бляшки с ушками на обороте (см. рис. 3, 18) и 48 бронзовых обойм — на ступнях ног.

П о г р. 36. 230 × 90 × 85 см. Парное: взрослая женщина и подросток. Оба костяка ориентированы на СЗ. Кисти рук костяка 1 (взрослой женщины) лежат на тазовых костях. Вещи костяка 1. 3 височных подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и 1 — со спиральным (см. рис. 3, 1) — слева у черепа; стеклянные бусы — на шее. Вещи костяка 2. 2 височные подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — справа у черепа; стеклянные бусы — на шее.

П о г р. 37. 180 × 55 × 90 см. Детское. Ориентировка СВ. Височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — под черепом; стеклянные бусы — вокруг шеи; железная пряжка с подвижным язычком, несколько бронзовых прорезных накладок (см. рис. 3, 10) — на поясе.

По гр. 38. 30 × 80 × 70 см. Ориентировка ЮВ. Вещей нет.
По гр. 39. 235 × 80 × 20 см. Ориентировка ЮВ. 4 височных подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и 1 — со спиральным (см. рис. 3, 1), бронзовая прозрачная накладка — у левого плеча; несколько темно-синих стеклянных бусинок — вокруг шеи.

По гр. 40. 95 × 45 × 60 см. Яма ориентирована по линии СЗ—ЮВ. На дне могилы ничего не обнаружено. Вероятно, было детское захоронение.

По гр. 41. 250 × 70 × 135 см. Женщина 25—30 лет. Ориентировка ЮВ. Височные подвески: 6 — с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и 6 — со спиральным (см. рис. 3, 1) — справа и слева у черепа; ожерелье из темно-синих, желтых, голубых, светло-зеленых мелких бус на шею; эполетообразная застежка с тремя жгутами (см. рис. 6, 7) — на поясе; железный браслет — на правой руке; 2 бронзовых проволочных перстня (см. рис. 3, 7) — на фалангах правой руки.

По гр. 42. 190 × 70 × 80 см. Ноги согнуты в коленях в левую сторону. Ориентировка СВ. 11 височных подвесок: 6 — с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и 5 — со спиральным (см. рис. 3, 1—2) — справа и слева у черепа; стеклянные темно-синие бусы и раковины каури — на шею и у кисти левой руки.

По гр. 43. 200 × 60 × 80 см. На глубине 60 см в средней части ямы обнаружен детский череп очень плохой сохранности, а на дне — костяк взрослого человека, ориентированный головой на СВ. Железный нож (см. рис. 7, 19) — на правой тазовой кости; 12 железных черешковых (см. рис. 7, 7—9) 20 костяных черешковых (см. рис. 7, 12—17) и 4 костяных втульчатых (см. рис. 7, 1—4) наконечников стрел — у правой ступни костяка взрослого человека.

По гр. 44. 100 × 50 × 65 см. Детское. От костяка сохранились лишь обломки черепа у СВ стенки. Височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3), 20 мелких бусинок из темно-синего и желтоватого стекла — воле остатков черепа.

По гр. 45. 200 × 60 × 90 см. Женщина 20—25 лет. Ориентировка СВ. Височные подвески: 3 — с литым (см. рис. 3, 3) и 1 — со спиральным стержнем (см. рис. 3, 1) — справа у черепа; мелкие темно-синие стеклянные бусы — вокруг шеи.

По гр. 45а. 200 × 65 × 60 см. Женщина 20—25 лет. Ориентировка ЮВ. Вещей нет.

По гр. 46. 225 × 65 × 100 см. Ориентировка СВ. Из вещей найдена одна височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — под черепом.

По гр. 46а. 230 × 75 × 80 см. Женское. Ориентировка ЮВ. Кисть левой руки лежала на тазовой кости. 4 височные подвески с трубчатым стержнем (см. рис. 3, 6) — по 2 справа и слева у черепа; бронзовая плоская бляшка — на шею; пряслице или глиняная бусина — на крестце.

По гр. 46 б и в 47. 200 × 65 × 100 см. Ориентировка ЮВ. Височная подвеска с литым стержнем (рис. 3, 3) — слева у черепа; эполетообразная пряжка (см. рис. 6, 5) — на поясе; 6 железных трехлопастных (см. рис. 7, 7—9) и 1 костяной втульчатый (см. рис. 7, 1) наконечник стрел — с наружной стороны левой голени.

По гр. 48. 210 × 120 × 70 см. Углы могильной ямы сильно закруглены. Парное. Костяки ориентированы в противоположные стороны. Костяк 1 (мужчина 40—45 лет) лежал вдоль восточной стенки, головой на ССЗ (см. рис. 2, 6). Бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 6) — на поясе слева; железный нож (см. рис. 7, 19), каменный оселок (см. рис. 8, 6) — в области пояса; бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 3) — у левой ступни; 4 железных трехлопастных (см. рис. 7, 7) и 1 костяной втульчатый (см. рис. 7, 1) наконечник стрел — ниже правой ступни. Костяк 2 (также, вероятно, мужской) лежал вдоль западной стенки головой на ЮЮВ. Около него найдены: рамчатая пряжка (см. рис. 5, 3) — слева у пояса; кольцевая пряжка (см. рис. 5, 4) — справа у таза; каменный оселок (см. рис. 8, 6) — ниже таза между бедрами; остаток железных удил (?), темно-синяя глазчатая бусина, бронзовая бляшка с ушком на обороте — между коленными суставами; костяная проколка (?) (см. рис. 8, 5) — у правого бедра; 2 пластинчатые пряжки (см. рис. 5, 11) — по одной на ступнях ног; 19 железных трехлопастных (см. рис. 7, 7—9), 1 бронзовый втульчатый (см. рис. 7, 6) и 2 костяных втульчатых (см. рис. 7, 2—3) наконечника стрел — у правой ступни в кучке.

По гр. 49. 210 × 65 × 100 см. Ориентировка СВ. Бронзовая бляшка с ушком на обороте (см. рис. 3, 20) — за черепом; 10 височных подвесок с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — по 5 справа и слева у черепа; эполетообразная застежка с одним жгутом (см. рис. 6, 5) — ниже таза между бедрами.

По гр. 50. 230 × 80 × 85 см. Ориентировка ЮВ. Около 50 (см. рис. 2, в) бронзовых и серебряных ажурных бляшек-нашивок прямоугольной, ромбической и треугольной формы (см. рис. 3, 10—15) — на черепе и вокруг него; 10 височных подвесок с литым стержнем (см. рис. 3, 3—4) и 1 — со спиральным (см. рис. 3, 1) — справа и слева у черепа; 4 бронзовых перстня с круглыми штифтами (см. рис. 3, 8) — у правой ладони; ожерелье из 10 темно-синих глазчатых бусин — на шею; эполетообразная пряжка (см. рис. 6, 6) и 2 бляшки с ушком на обороте (см. рис. 3, 20) — на поясе; 8 железных пластинчатых браслетов (см. рис. 3, 26) — на правой руке; 10 бронзовых прямоугольных (см. рис. 3, 22) и 10 двоянных восьмеркообразной формы накладок (см. рис. 3, 23) — ниже таза на бедренных костях; эполетообразные пряжки (см. рис. 6, 6) — по одному экземпляру на ступнях. Под черепом проследены остатки ткани и дерева.

По гр. 51. 230 × 60 × 60 см. Женское. Ориентировка СВ. 14 бусин темно-синего цвета — под черепом; бронзовое височное (?) колечко и височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — в области черепа.

По гр. 52. 110 × 60 × 50 см. Кости и вещи не обнаружены. Вероятно, было детское захоронение.

По гр. 53. 180 × 65 × 60 см. Ориентировка ЮВ. Вещей нет.

- По г р. 54. 175 × 60 × 70 см. Ориентировка ССЗ—ЮЮВ. Костяк и вещи отсутствовали.
- По г р. 55. 160 × 58 × 60 см. Ориентировка СЗ—ЮВ. Костяк и вещи отсутствовали.
- По г р. 56. 210 × 80 × 80 см. Ориентировка СВ. 10 височных подвесок с литым стержнем (см. рис. 3, 3) и 3—со спиральным (см. рис. 3, 1) — справа и слева у черепа; мелкие стеклянные бусы, золотые и темно-синие цветов — на шею и у левого бедра; 3 бронзовых ажурных накладки (см. рис. 3, 14) — на груди; эполеообразная застежка с двумя жгутами (см. рис. 6, 1) и железный нож (см. рис. 7, 19) — на поясе; эполеообразной застежки спускался ремешок, украшенный 20 двоянными накладками (см. рис. 3, 23) и оканчивающийся ажурной прорезной подвеской (см. рис. 3, 16), на обеих ступнях обнаружены остатки обуви: эполеообразная пряжка (см. рис. 6, 6), «браслет» в виде ремешка, покрытого обойочками, заканчивающегося сзади круглой бляшкой с ушком на обороте (см. рис. 3, 18). Под костяком в нескольких местах прослеживались остатки дерева.
- По г р. 57. 170 × 54 × 60 см. Женское. Ориентировка ЮЮВ. 3 височных подвески с литым (см. рис. 3, 3) и 1—со спиральным стержнем (см. рис. 3, 1) — под черепом; железный нож (см. рис. 7, 19) — на поясе.
- По г р. 58. 210 × 70 × 80 см. Ориентировка ЮВ. Железный наконечник копья (см. рис. 8, 7) — у правого плеча; бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 7) — на поясе; бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 1) — на верхнем эпифизе левого бедра; костяные подвески (?) — у правой голени.
- По г р. 59. 100 × 55 × 70 см. Ориентировка СЗ—ЮВ. Костяк и вещи отсутствовали.
- По г р. 60. 200 × 70 × 80 см. Мужское. Ориентировка ЮЮВ. Череп отсутствовал. Кости рук сильно согнуты в локтях, кисти лежат на груди. Сохранность костяка хорошая. 4 костяных втульчатых (см. рис. 7, 1—2) и 2 железных черешковых (см. рис. 7, 7) наконечника стрел — у правой ступни; железный нож (см. рис. 7, 19) — на правой тазовой кости.
- По г р. 61. 250 × 70 × 20 см. Ориентировка ЮВ. Височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — под черепом; 2 железных пряжки с подвижными язычками, железный нож (см. рис. 7, 19) — на поясе.
- По г р. 62. 180 × 60 × 96 см. Женское. Ориентировка ЮВ. Височные подвески с трубчатым стержнем (см. рис. 3, 6) — по 1 экз. справа и слева у черепа; железная пряжка с подвижным язычком и железный нож (см. рис. 7, 19) — на тазовых костях.
- По г р. 63. 150 × 50 × 70 см. Женщина в возрасте около 40 лет. Ориентировка СВ. Из вещей найдена одна височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — у черепа.
- По г р. 64. 245 × 75 × 80 см. Ориентировка З. 2 височных подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — на груди; железная пряжка с подвижным язычком — в области пояса справа; железное шило (?) и железный нож — на тазовых костях; бронзовая обойма и костяная подвеска — у левого бедра.
- По г р. 65. 100 × 50 × 60 см. Детское. Ориентировка СВ. Каменный оселок (см. рис. 8, 6), железный нож (см. рис. 7, 19) — в области пояса.
- По г р. 66. 160 × 70 × 35 см. Подросток. Ориентировка СВ. Кости ног слегка согнуты в коленях в правую сторону. Вещей нет.
- По г р. 67. 230 × 70 × 100 см. Ориентировка СВ. 5 височных подвесок с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — возле черепа; обломок железного предмета, вероятно, ножа — на правой ключице.
- По г р. 68. 246 × 70 × 98 см. Мужское. Ориентировка ЮЮВ. Бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 6) — у правого плеча; железный кинжал, железный нож (см. рис. 7, 20), ажурная бронзовая бляха (см. рис. 6, 2), рамчатая пряжка (см. рис. 5, 3), 8 бронзовых двоянных накладок (см. рис. 3, 23), бронзовая обойма-обкладка рукоятки кинжала, бронзовая круглая бляшка с ушком на обороте (см. рис. 3, 20) — с наружной стороны правого бедра; рамчатая пряжка (см. рис. 5, 5) — с наружной стороны правой голени; 2 маленькие рамчатые пряжки (см. рис. 5, 3) — с внутренней стороны правой голени; железный двухвальный меч (см. рис. 8, 1) — вдоль левого бедра; железная бляшка и подвеска из просверленного зуба животного — рядом с перекрестием меча; железные удила (см. рис. 8, 4) — ниже правой ступни.
- По г р. 69. 185 × 60 × 55 см. Ориентировка ССЗ. Из вещей найден каменный оселок (см. рис. 8, 6) — справа у таза.
- По г р. 70. 170 × 50 × 55 см. Женское. Ориентировка ССВ. Височные подвески: 1 — с литым (см. рис. 3, 3) и 5 — со спиральным стержнем (см. рис. 3, 1); 2 бронзовые пронизи — под правым плечом; стеклянные бусы — в области шеи; бронзовая подвеска — под правой плечевой костью.
- По г р. 71. 245 × 70 × 70 см. Парное. Могила ориентирована по линии СЗ — ЮВ. Костяк 1 (у СВ стенки) имел хорошую сохранность, ориентирован головой на ЮВ. Возле него найдена бронзовая обойма. От второго костяка (подросток) сохранились лишь кости ног, лежащие в СЗ половине ямы. Вещей нет.
- По г р. 72. 150 × 52 × 50 см. Ориентировка СВ. Стеклянные бусы — в области груди; 6 — с литым (см. рис. 3, 3) и 6 — со спиральным (см. рис. 3, 1) стержнем височных подвесок — справа и слева у черепа; железный нож (см. рис. 7, 19), бронзовая пластинчатая пряжка (см. рис. 5, 17), бляшка с ушком на обороте и одна двоянная накладка (см. рис. 3, 23) — в области пояса.
- По г р. 73. 220 × 60 × 90 см. Женщина 16—18 лет. Ориентировка ЮВ. Височные подвески: 5 — с литым (см. рис. 3, 3) и 5 — со спиральным (см. рис. 3, 1) стержнем — справа и слева у черепа; мелкие стеклянные бусы темно-синего, зеленоватого и белого цветов — на груди; бронзовая ажурная бляшка-нашивка (см. рис. 3, 14) и 20 подвесок из просверленных зубов животных — на поясе.

П о г р. 74. 100 × 44 × 60 см. Детское. Ориентировка СВ. Височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — слева у черепа; стеклянные бусы и бронзовая бляшка с ушком на обороте — на груди

П о г р. 75. 170 × 60 × 115 см. Детское. От костяка сохранились лишь остатки черепа в СЗ половинные ямы. Возле них найдена подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, 3), две стеклянные бусинки и бронзовая проинка.

П о г р. 76. 140 × 45 × 50 см. Ребенок 7-8 лет. Ориентировка ЮЮВ. Вещей нет.

П о г р. 77. 95 × 45 × 60 см. Могильная яма ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. Костяк не сохранился. В средней части ямы на дне найдены бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 1) и мелкие стеклянные бусы темно-синего, голубого и белого цветов.

П о г р. 78. 200 × 70 × 60 см. Парное. Костяк взрослого человека лежал в центре ямы головой на СВ. На груди его лежал костяк ребенка. Вещей нет.

П о г р. 79. 200 × 60 × 40 см. Потрожено. Череп отсутствует. Ориентировка СЗ. 2 височные подвески со спиральным стержнем (см. рис. 3, 1) — возле черепа; мелкие темно-синие стеклянные бусы и 2 обломка бронзовой пластинки — на груди.

П о г р. 80. 190 × 54 × 65 см. Женское. Ориентировка ЮВ. 6 височных подвесок с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — возле черепа; мелкие стеклянные бусы темно-синего цвета — на шее; обломок эполетообразной застежки с одним жгутом — под тазовыми костями.

П о г р. 81. 180 × 60 × 60 см. Женское. Ориентировка ЮВ. Вещей нет.

П о г р. 82. 200 × 60 × 40 см. Мужское. Ориентировка ЮВ. Из вещей найдена железная пряжка с подвижным язычком — на правой тазовой кости.

П о г р. 83. 190 × 60 × 90 см. Ориентировка ЮВ. Железный нож с костяной рукоятью (см. рис. 7, 22); 2 прямоугольные (см. рис. 3, 22) и 2 двоянные (см. рис. 3, 23) накладки; 2 обломка железного стержня — на поясе; бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 1) — между бедренными костями.

П о г р. 84. 200 × 70 × 70 см. Ориентировка СВ. Из вещей найдена лишь костяная подвеска (?), лежащая у левой голени.

П о г р. 86*. 245 × 70 × 100 см. Мужское. Ориентировка ЮВ. Бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 7) — на правой тазовой кости; железный нож (см. рис. 7, 21) — на крестце; бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 2) — на головке правого бедра; железный наконечник копы (см. рис. 8, 7), 2 бронзовые бляшки с ушком на обороте (см. рис. 3, 20) — у левого колена; железные Удла со стержневыми псалмами (см. рис. 8, 10), бронзовая подвеска (см. рис. 8, 8) — между берцовыми костями; бронзовые рамчатые пряжки (см. рис. 5, 3) — по одной на ступнях ног; 10 железных черешковых (см. рис. 7, 7—9), 7 костяных втульчатых (см. рис. 7, 1—5) и 2 бронзовых втульчатых (см. рис. 7, 6) наконечников стрел — у левой ступни.

П о г р. 87. 250 × 70 × 96 см. Мужское. Ориентировка ЮВ. Каменный оселок (см. рис. 8, 6) — у левой тазовой кости; железные удла (см. рис. 8, 4) — ниже таза между бедрами; бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 1) — с внутренней стороны левого бедра; железный однолезвийный меч — вдоль правого бедра; эполетообразная пряжка (см. рис. 6, 3) — на правом бедре ближе к колену; одна прямоугольная (см. рис. 3, 22) и две двоянные (см. рис. 3, 23) накладки — рядом с пряжкой; костяная проколка (см. рис. 8, 5) — у левой голени; бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 3) — на левой ступне; 21 железный черешковый (см. рис. 7, 7—9) и 9 костяных втульчатых (см. рис. 7, 1—5) наконечников стрел — ниже левой ступни.

П о г р. 88. 155 × 53 × 65 см. Детское. Ориентировка ЮВ. Вещей нет.

П о г р. 89. 140 × 70 × 85 см. Детское. Ориентировка ЮВ. Руки согнуты в локтях, кисти на тазовых костях. Вещей нет.

П о г р. 90. 245 × 80 × 145 см. Ориентировка ЮВ. Железный наконечник копы (см. рис. 8, 7) — справа у черепа; бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 1) — на правой тазовой кости; железный нож (см. рис. 7, 20), бронзовая бляшка с ушком на обороте и обломки железного предмета — на левой тазовой кости; серебряная пластинчатая пряжка (см. рис. 5, 13) — на правом бедре; железный однолезвийный меч очень плохой сохранности с бронзовым наконечником ножен на конце — вдоль правого бедра; 2 кожаных ремешка, украшенных мелкими обойлочками — рядом с наконечником ножен; бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 3) — на левой ступне; 10 железных черешковых (см. рис. 7, 7—9) и 2 костяных втульчатых (см. рис. 7, 1—2) наконечников стрел — ниже левой ступни; железные удла (см. рис. 8, 4) — рядом с наконечниками стрел. Под костяком прослеживались остатки дерева.

П о г р. 91. 135 × 46 × 85 см. Детское. Ориентировка ЮВ. Височная подвеска со спиральным стержнем (см. рис. 3, 1), 2 височных колечка — возле черепа; мелкие стеклянные бусы с позолотой и темно-синего цвета — слева у черепа в кучке и на шее; бронзовая пластинчатая пряжка (см. рис. 5, 15) — на поясе.

П о г р. 92. 200 × 58 × 70 см. Ориентировка СВ. Из вещей найдена бронзовая рамчатая пряжка (см. рис. 5, 3) — у правой ступни.

П о г р. 93. 180 × 60 × 70 см. Ориентировка СВ. Из вещей найдены 2 височные подвески с литым стержнем (см. рис. 3, 3) — по одной справа и слева у черепа.

П о г р. 94. 250 × 85 × 105 см. Ориентировка ЮВ. Каменный оселок (см. рис. 8, 3), железная пряжка с подвижным язычком, бронзовая двоянная накладка (см. рис. 3, 23) и бронзовая бляшка с уш-

* Погр. 85 нет.

ком на обороте — на пояс; 1 бронзовый втульчатый (см. рис. 7, б), 2 железных черешковых (см. рис. 7, в) и 4 костяных втульчатых (см. рис. 7, г) наконечника стрел — у правой голени.

П о г р. 95. 130 × 45 × 60 см. Детское. Ориентировка ЮВ. Вещей нет.

П о г р. 96. 225 × 70 × 100 см. Ориентировка ЮВ (см. рис. 2, д). Височные подвески: 7 — с литым (см. рис. 3, з) и 7 — со спиральным (см. рис. 3, 1—2) стержнем — справа и слева у черепа; мелкие стеклянные бусы темно-синего цвета и золоченые — вокруг шеи; 2 бронзовые ажурные подвески (см. рис. 3, 16) — на груди; поясный ремень, украшенный 28 бронзовыми прямоугольными накладками (см. рис. 3, 22) — на пояс; от пояса вниз спускался ремень, украшенный 21 бронзовыми двояными накладками (см. рис. 3, 23); ремень оканчивался подвеской-зеркалом (см. рис. 3, 24—25); бронзовый браслет-щепка — на правой руке.

П о г р. 97. 210 × 70 × 100 см. Ориентировка ССВ. 5 височных подвесок с литыми стержнями (см. рис. 3, з) — справа и слева у черепа; мелкие стеклянные бусы, преимущественно темно-синего и зеленого цвета — на груди; железный нож (см. рис. 7, 20) — на пояс.

П о г р. 98. 200 × 60 × 90 см. Ориентировка СЗ (см. рис. 2, е). Височные подвески: 9 — с литым (см. рис. 3, з) и 4 — со спиральным (см. рис. 3, 1—2) стержнем — справа и слева у черепа; бронзовая квадратная бляшка — под черепом; стеклянные бусы темно-синего и желтого цветов и золоченые — на шее и груди; бронзовая ажурная подвеска (см. рис. 3, 17), бронзовая бляшка с ушком на обороте (см. рис. 3, 19) — на груди; эполеобразная застежка с одним жгутом (см. рис. 6, 8), бляшка с ушком на обороте и несколько бусин — на пояс. На ступнях ног сохранились остатки обуви в виде двух узких ремешков, украшенных бронзовыми обоймочками, опоясывающих голеностопные суставы. Сзади ремешки заканчивались круглой бляхой с четырьмя ушками на обороте. Рядом с бляхами находились по одной эполеобразной пряжке (см. рис. 6, 6). Под костяком в нескольких местах прослеживались остатки дерева.

П о г р. 99. 220 × 60 × 20 см. Ориентировка ЮВ. Из вещей найдена височная подвеска с литым стержнем (см. рис. 3, з) — справа у черепа.

П о г р. 100. 210 × 70 × 85 см. Ориентировка С. Височные подвески: 4 — с литым (см. рис. 3, з) и 8 — со спиральным (см. рис. 3, 1) стержнем, 6 височных колец — справа и слева у черепа; мелкие стеклянные бусы — на шее.

А. Х. ПШЕНИЧНЮК

ОХЛЕБНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

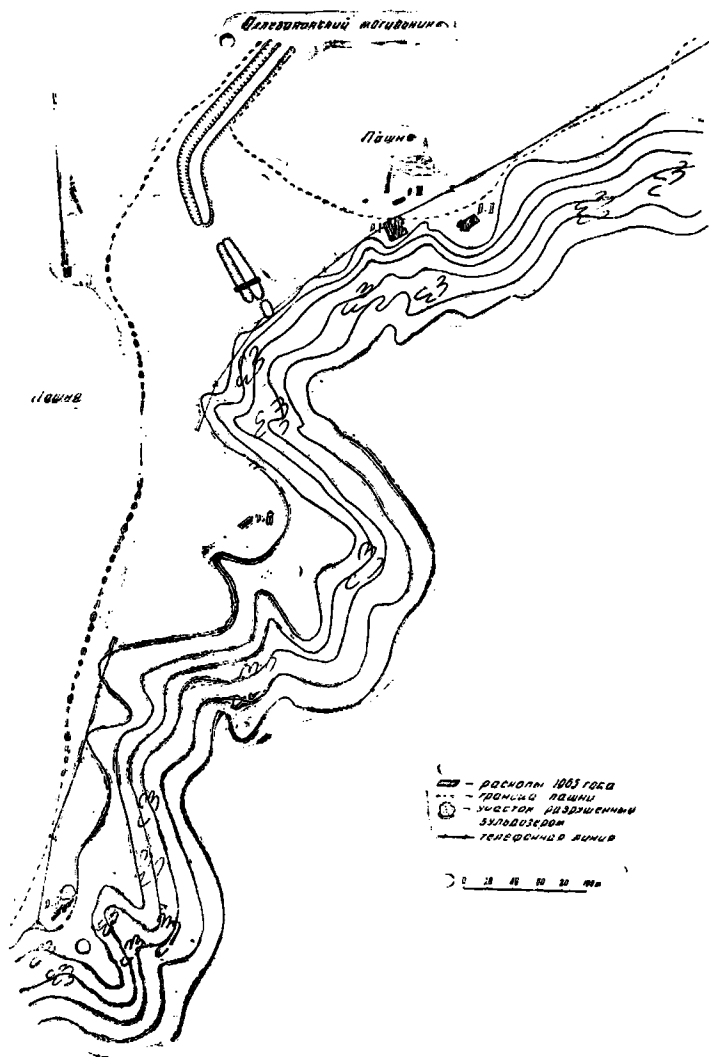
Охлебнинский могильник находится в 5 км восточнее с. Охлебнино Иглинского района, на высоком обрывистом берегу р. Белой, недалеко от устья р. Сим. На тупоугольном, изрезанном оврагами мысу, образованном течением рек Сим и Белой, расположено огромное городище площадью более 20 га¹. Могильник занимает юго-западную часть городища и тянется за пределы вала не менее чем на 500 м (рис. 1). Границы могильника точно выявить не удалось. От крайнего северо-восточного раскопа (раскоп II) до крайнего юго-западного (раскоп IV)—700 м. Далеко ли идут могилы в глубину террасы — неизвестно. Во всяком случае, в раскопе III, а также в раскопе, заложенном на валу, отстоящих от края террасы на расстоянии 30—40 м, погребения располагаются довольно густо. Это говорит о том, что здесь еще не периферия могильника. Но даже по приведенным выше явно заниженным цифрам площадь могильника составляет $700 \text{ м} \times 40 \text{ м} = 28\,000 \text{ кв. м}$. В 1965 г. нами раскопано около 500 кв. м, или примерно 1/60 часть всей площади могильника.

Могильник открыт в 1964 г. разведочным отрядом Башгосуниверситета при осмотре гравийного карьера. Там, где нами заложен раскоп IV в 500 м на запад от вала, были обнаружены человеческие кости и несколько изделий из бронзы: гривна, накладка пояса с изображением голов горных козлов, втулчатый наконечник стрелы, височная подвеска петлевидной формы. Эти находки, а также керамика с городища с ямочным орнаментом по шейке давали основание предполагать, что открыт новый могильник типа ранее известных Биктимирского или Нового Уфимского, относящихся к кара-абызской культуре.

При осмотре террасы на территории городища на пашне была найдена бронзовая прямоугольная накладка пояса пьяноборского типа. Здесь был заложен раскоп I. Так как этот раскоп находится на значительном удалении от местонахождения вещей, собранных студентами, первоначально думалось, что здесь открыт второй могильник. Но после того, как между этими пунктами были открыты новые погребения (раскоп на валу и раскоп V), стало ясно, что это единый, но очень большой по площади могильник.

Раскопки могильника представляют значительную трудность, так как грунт оказался очень твердым, каменистым, а погребения расположены очень густо, иногда перекрывая или

¹ А. Х. Пшеничнюк. К вопросу о керамике кара-абызских поселений. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 95.

Р и с. 1. План Охлебининского могильника.

перерезая друг друга. Очертания могильных ям на уровне материка часто не прослеживались, и поэтому приходилось прибегать к помощи контрольных канавок или сплошного прокапывания на большую глубину. Обилие больших камней на территории I и II раскопов (рис. 2—3), часть из которых раньше использовалась для обкладки стен могил, создавало дополнительные затруднения, так как никакой закономерности или системы в их расположении уловить не удавалось.

Всего на пяти раскопах и под валом вскрыто 115 погребений. Кроме огромной площади могильника, обращает внимание большая плотность погребений. Так, на раскопе I одно погребение приходится на 4 кв. м, а на раскопе V площадью 20 кв. м обнаружено 10 погребений.

Исследованные погребения хронологически четко делятся на две группы ранние и поздние. Обе эти группы объединяет единый в общем погребальный обряд: могильные ямы простой конструкции, труположение на спине, вытянуто. Около половины могильных ям I и II раскопов (38 из 86) были обложены по стенкам, преимущественно у дна, камнями (рис. 4—5). Ориентировка погребений неустойчивая, однако преобладает положение ногами к реке (72 погребения). Это, в первую очередь, относится к ранней группе: 8 погребений из 10 имели речную ориентацию.

Ранняя группа представлена всего 10 погребениями, из которых 5 женских (18, 34, 37, 85, 88) и 5 мужских (4, 73, 77, 94, 96). Погребальный инвентарь их сравнительно небогат. Как обычно, в женских погребениях — предметы украшения, в мужских — главным образом вооружение.

Для женских погребений характерны височные подвески, шейные гривны, поясные крючки, подвески.

Височные подвески представлены тремя типами. К первому типу относятся подвески восьмеркообразной формы, сделанные из тонкой бронзовой проволоки (рис. 6, 3). Они найдены в 4 погребениях по 2 экз. в каждом. Второй тип представлен подвеской из погр. 18, имеющей форму кольца из бронзовой проволоки (см. рис. 6, 6). Интересны подвески, обнаруженные в погр. 88 (III тип) рядом с восьмеркообразными подвесками. Они состоят из железной гофрированной трубочки, к которой прикреплена бронзовая пластинка S-образной формы с ушком на обороте (см. рис. 6, 4).

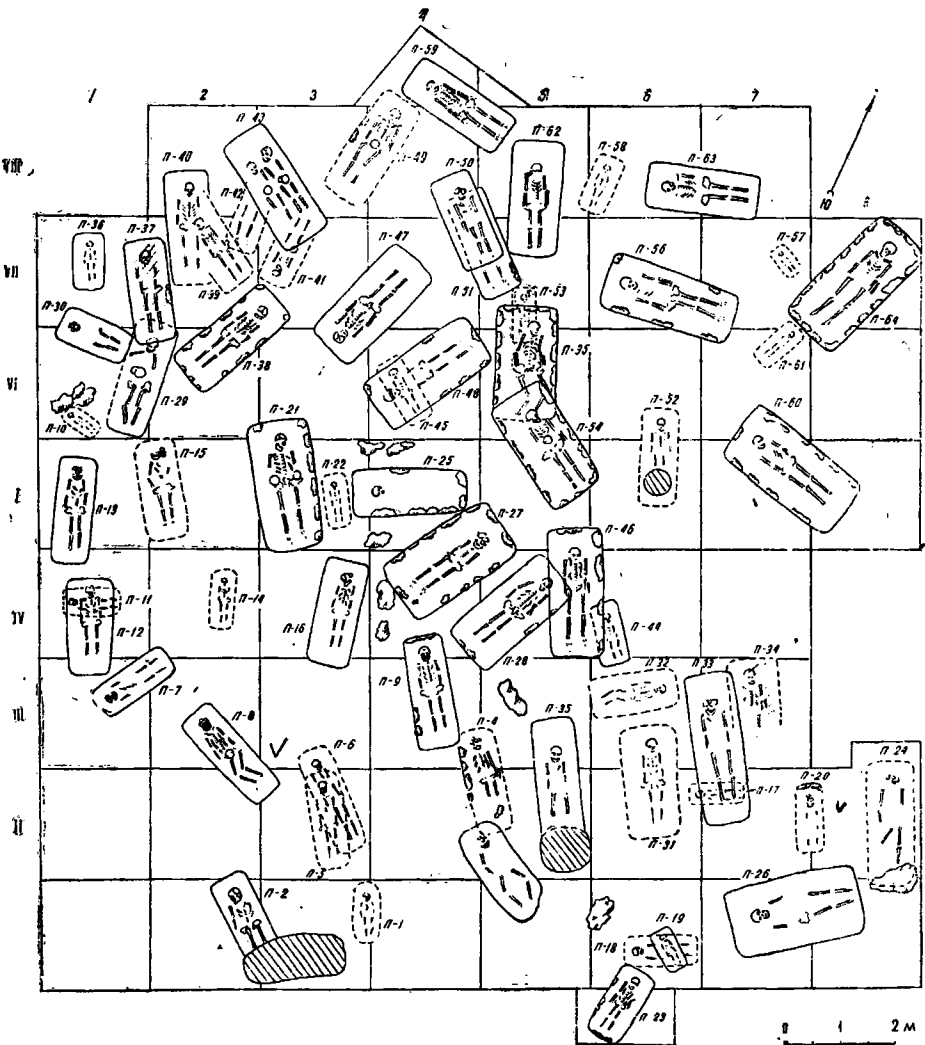
Гривны также найдены во всех пяти женских погребениях. Они сделаны из бронзового прута, круглого в сечении, концы слегка заходят друг за друга (см. рис. 6, 1).

Поясные крючки обнаружены в трех погребениях в области пояса костяков. Два крючка имеют форму вытянутого треугольника с двумя ушками на обороте. Один из них ориентирован у основания спиральными завитками (см. рис. 6, 9), а на втором четко прослеживается стилизованное изображение животного. Узкая часть крючка напоминает голову хищного животного: два выступа по бокам означают, видимо, уши, небольшое утолщение возле них — лоб, а собольею крючок — морду (см. рис. 6, 11). Крючок из погр. 34 богато орнаментирован узорами в виде шнура и различных завитков. На обратной стороне вместо ушков припаян костылек (см. рис. 6, 10).

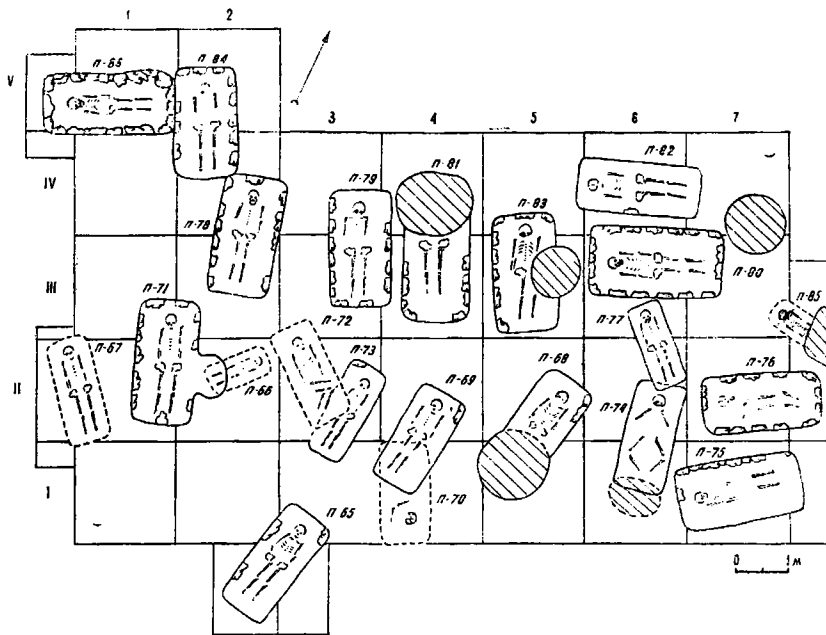
Браслеты, перстни. В погр. 34 найден бронзовый браслет с заходящими концами, сделанный из прута с овальным сечением (см. рис. 6, 18). В двух погребениях найдены остатки железных браслетов, очень плохо сохранившихся. По форме они были, видимо, подобны бронзовому (см. рис. 6, 19).

В погр. 34 найден спиральный перстень в 4,5 витка из плоской в сечении проволоки (см. рис. 6, 2). Еще один перстень, проволочное колечко, обнаружен в погр. 88 (см. рис. 6, 5).

Подвески — нескольких форм. В двух погребениях найдено по одной маленькой трапециевидной подвеске (см. рис. 6, 12—13); в погр. 88 и 18 — подвески-колокольчики (см. рис. 6, 14—15). Интересные подвески (в виде ажурных бляшек и спускающихся от них рядов узких мелких обоймочек) найдены в области груди костяка в погр. 85 (см. рис. 6, 16). Возможно, роль подвески выполняла большая бронзовая пластина, вырубленная из круга, найденная у черепа костяка погр. 34 (см. рис. 6, 17).

Р и с. 2. План раскопа I.

Р и с. 3. План раскопа II.

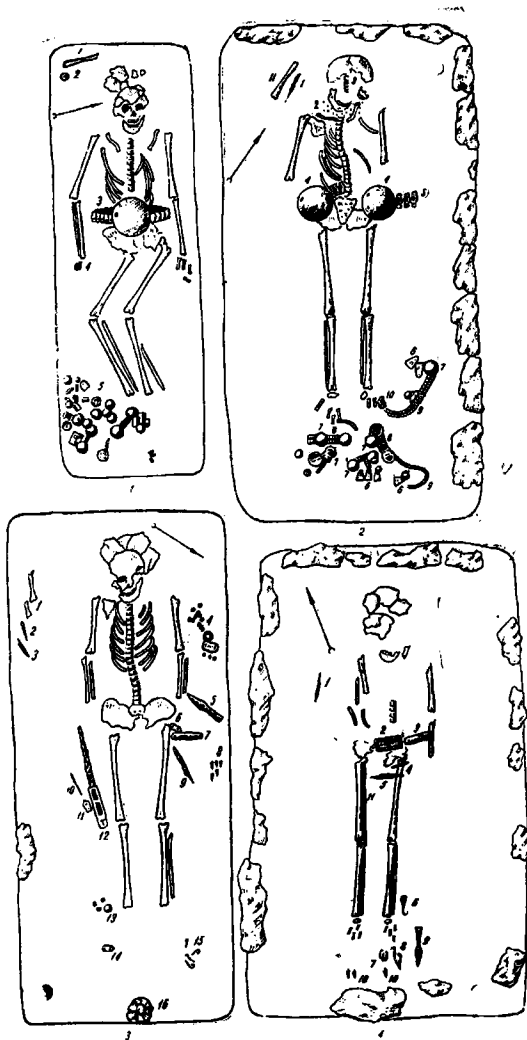
Обоймочки и бронзовые мелкие (см. рис. 6, 7) встречены в четырех погребениях. В погр. 85 найдены также обоймочки больших размеров (см. рис. 6, 8), лежавшие в один ряд в области пояса.

Изредка встречаются бляшки-нашивки прямоугольной формы (см. рис. 6, 22 — 23), круглые бляшки с ушком на обороте (см. рис. 6, 20), полушарные бляшки (см. рис. 6, 21).

В погр. 34 найдена литая бронзовая бляха прямоугольной формы со стилизованным изображением оленя (см. рис. 6, 24). Две нагрудные бляшки-нашивки из погр. 85 богато орнаментированы спиральными завитками.

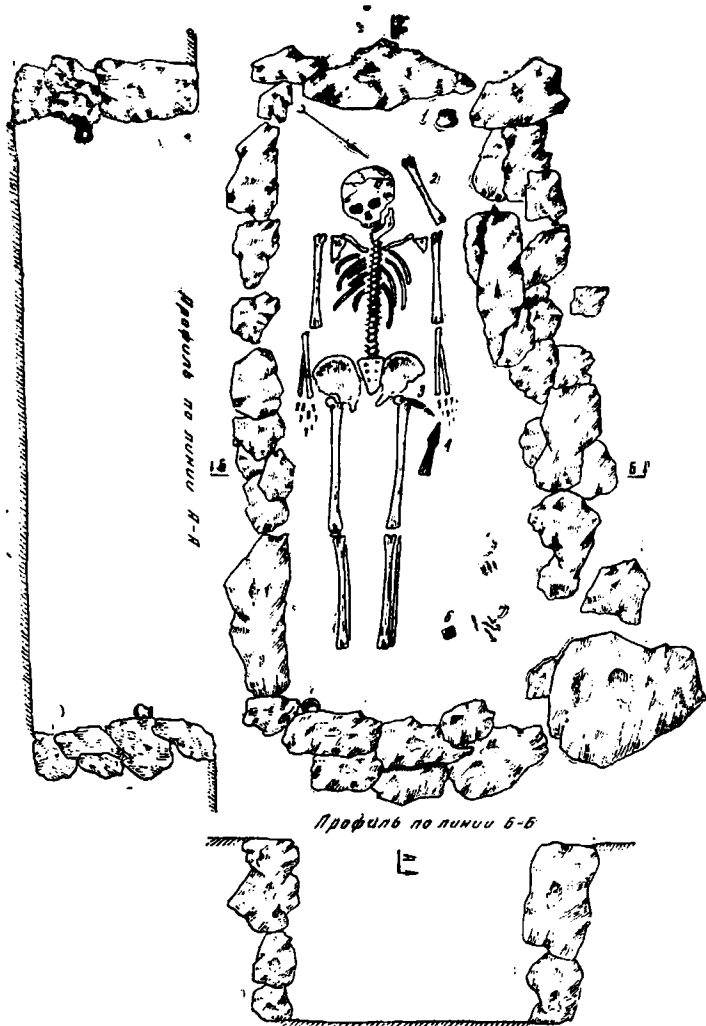
Инвентарь мужских погребений ограничен в основном бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел со срезанной и выступающей втулками (рис. 7, 1—2). Они найдены во всех 5 погребениях в области ног костяков. Особенно много наконечников встречено в погр. 96—58 экз. В погр. 4 их всего 2. Погр. 94 оказалось разрушенным. Примечательно то, что среди разбросанных беспорядочно костей взрослого человека найдено два позвонка и бедренная кость с застрявшими в них бронзовыми наконечниками.

В погр. 4 найден бронзовый кельт с шестигранной в сечении втулкой (см. рис. 7, 3); в погр. 77— две бронзовые круглые бляшки с ушком на обороте (см. рис. 7, 4) и железный ножичек.

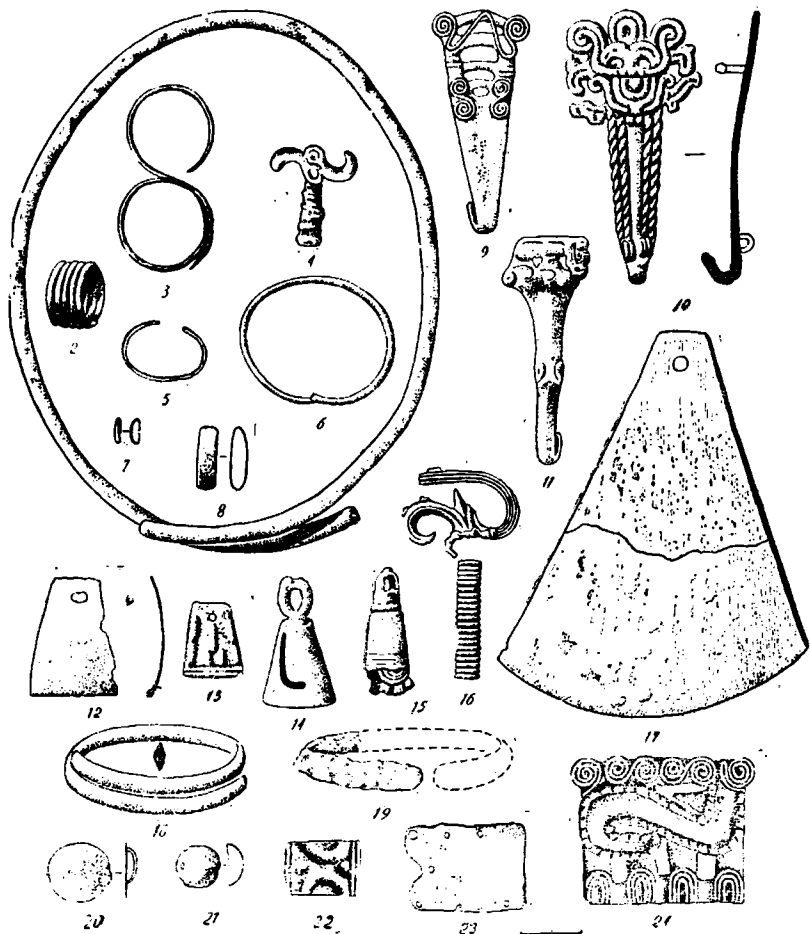

Р и с . 4. Планы погребений.

1 — погр. 8; 2 — погр. 21; 3 — погр. 77; 4 — погр. 27,

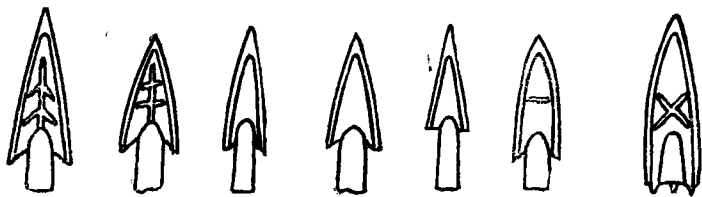

- и с. 5. План погребения 86.

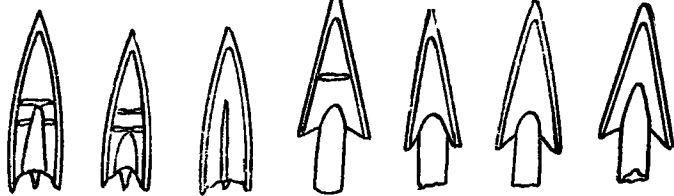

Р и с. 6. Предметы женских украшений из ранних погребений.

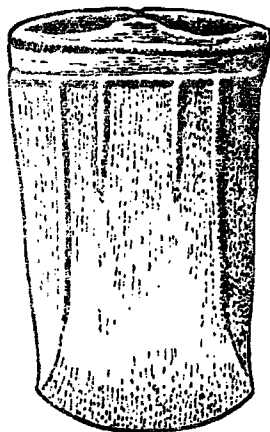
1, 6, 15 — погр. 18; 2, 3, 10, 17, 18, 23, 24 — погр. 34; 4, 5, 9, 12, 14, 19 — погр. 88; 7, 8, 11, 13, 16, 20—22 — погр. 85.

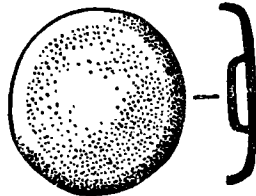
1

2

3

4

Р и с. 7. Инвентарь ранних мужских погребений.
 1 — погр. 96; 2 — погр. 94; 3 — погр. 73; 4 — погр. 4.

Поздние погребения составляют подавляющее большинство среди исследованных нами в 1965 г.

В погребальном обряде поздних погребений наблюдаются некоторые отличия. Могильные ямы у них, как правило, глубокие и больших размеров, в среднем 220×80 — 100 см, глубина 100 — 120 см. Особенно больших размеров могилы на раскопе II: например, у погр. 80— 200×130 см, у погр. 81 — 250×130 см. Для могил этого раскопа характерна также более плотная каменная обкладка и богатый инвентарь. Некоторые могилы обложены камнями не только у дна, но и выше. Могильная яма погр. 86 обложена каменными глыбами в два-три ряда по всей глубине (см. рис. 5).

Характерной особенностью погребального обряда поздних погребений является наличие в могилах, обычно у черепа, костей мелкого животного (барана) и железного ножичка, что свидетельствует об обычае сопровождения умершего заупокойной пищей. Ножи обычно маленькие с прямой спинкой и коротким черешком.

В большинстве погребений прослеживаются остатки древесной коры на костяке и под ним, особенно хорошо сохранившиеся на бронзовых украшениях. Видимо, умерших хоронили завернутыми в лубок.

Ориентировка костяков более неустойчивая по сравнению с ранними, хотя по-прежнему преобладает положение ногами к реке.

В нескольких случаях наблюдаются отклонения от обычного положения костяка — на спине, с вытянутыми руками и ногами. В четырех погребениях (8, 72, 99 костяк 2, 105) костяки лежали на спине с подогнутыми ногами (см. рис. 4, а). В погр. 74 скелет также лежал на спине, но с сильно раздвинутыми руками и ногами (см. рис. 3).

С чем связаны эти отклонения — объяснить трудно. В. Ф. Генинг, исследуя могильники пьяноборской культуры, близкой по территории и синхронной по времени с Охлебининским могильником, также обнаружил несколько погребений с полускорченными костяками. Им было высказано предположение, что в этих могилах захоронены иноплеменники, рабы, поскольку у них совершенно отсутствуют какие-либо вещи². В Охлебининском же могильнике все погребения с полускорченными костяками сопровождаются богатым инвентарем, ничем не отличающимся от инвентаря других женских могил.

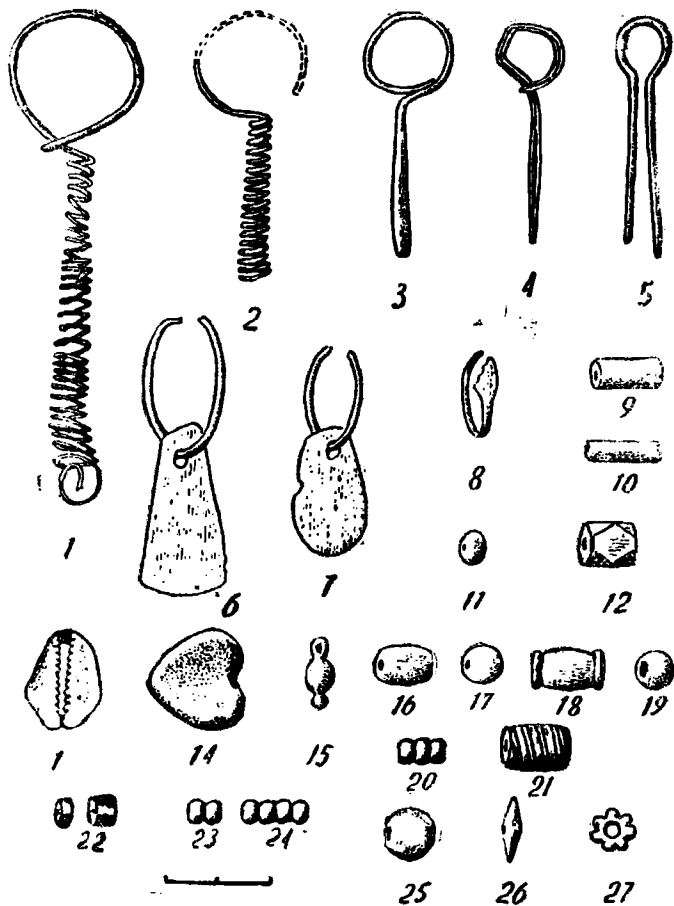
На I и, главным образом, II раскопах, находящихся на территории городища, обнаружено несколько глубоких ям, причем, за исключением одной, они нарушают в какой-то мере погребения (см. рис. 2—3). Вероятнее всего, что это ямы-хранилища хозяйственного назначения и связаны не с могильником, а с городищем. Видимо, эти ямы относятся к позднему периоду существования городища, так как они местами разрушали могилы. Форма ям — расширение у дна — подкрепляет предположение об их хозяйственном назначении. Такие ямы довольно часто встречаются на бахмутинских поселениях³. Фрагменты раздавленных глиняных сосудов, обнаруженные в яме, нарушившей погр. 68, маловыразительны и не дают ясно представления о времени и культурной принадлежности. По форме и фактуре они близки к кара-абызской и бахмутинской керамике, однако орнамент на них отсутствует, что в общем не характерно ни для той, ни для другой культур.

Погребальный инвентарь довольно однообразный и четко разделяется на мужской и женский. Характерна определенная закономерность в расположении вещей по отношению к костяку, например, мечи у правого бедра, наконечники стрел у левой голени и т. д.

Несмотря на обилие вещевого материала, в некоторых погребениях инвентарь ограничивался двумя-тремя мелкими находками, а иногда и отсутствовал вовсе; последнее особенно касается детских захоронений.

² В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 70.

³ Н. А. Мажит. Поселения бахмутинской культуры. — «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, рис. 3.

Р и с. 8. Височные подвески, кольца, бусы.

1 — погр. 21; 2 — погр. 40; 3, 20, 23, 24, 26 — погр. 72; 4 — погр. 90; 5 — погр. 93; 6—5, 13 — погр. 105; 9, 10, 12 — погр. 103; 11, 16—19, 21 — погр. 84; 14, 15 — погр. 49; 22 — погр. 78; 25 — погр. 50; 27 — погр. 20.

Обычными для женских погребений являются височные подвески, бусы, богато украшенные поясные ремни, различные бляшки, обоймы.

Височные подвески представлены тремя основными типами.

I тип, наиболее распространенный, имеет форму знака вопроса с опущенным стержнем. По материалу, из которого они сделаны, и форме стержня они подразделяются на три подтипа.

1. Подвески из тонкой золотой проволоки со спиральным стержнем (рис. 8, 1). Они обнаружены в 5 погребениях по 1—2 в каждом, всего 8 экз.

2. Подвески аналогичной формы, но несколько меньших размеров и сделанные из бронзовой проволоки (см. рис. 8, 2). Обнаружены в 3 погребениях — 4 экз.

3. Подвески из бронзовой или серебряной проволоки с прямым, несколько утолщенным к основанию стержнем (см. рис. 8, 3, 4). Обнаружены в 7 погребениях — 11 экз.

II тип — петлевидные подвески, сделанные из тонкой бронзовой проволоки (см. рис. 8, 5). Они найдены всего в двух погребениях — 3 экз.

III тип — трапециевидные — бронзовое проволочное колечко, к которому привешена бронзовая пластинка трапециевидной формы (см. рис. 8, 6, 7). Подвески этого типа найдены всего в двух погребениях — 5 экз.

Отметим, что подвески разных типов в одном и том же погребении не встречаются.

В трех погребениях в области черепа найдены маленькие височные колечки (см. рис. 8, 3).

Пояса. Поясные ремни являются основной принадлежностью женского костюма. Остатки их обнаружены в 30 погребениях. Пояс состоял из широкого кожаного ремня, украшенного бронзовыми накладками со стилизованным изображением голов горных козлов и одной-двух, реже трех дисковидных блях (рис. 9, 11—12). В одном погр. 20 пояс был украшен пятью накладками прямоугольной формы с зубчатым орнаментом (см. рис. 9, 9). В нескольких случаях пояса не были украшены накладками и дошли до нас только в виде дисковидных блях.

В 30 погребениях обнаружено 36 поясных дисковидных блях — в 26 погребениях — по одной, в 2 — по две и в 2 — по три. Бляхи имеют форму выпукло-вогнутого круга диаметром 8—15 см. Наружная (выпуклая) сторона тщательно отполирована. Отливались они, видимо, из сплава бронзы и серебра, а иногда подвергались и золочению, о чём свидетельствует очень хорошая сохранность, слабая окисленность и серебристый или золотистый цвет. В зависимости от количества отверстий для прикрепления к ремню и наличия орнамента на внутренней стороне, что может иметь, на наш взгляд, определенное значение для датировки, бляхи делятся на три типа.

I тип — с двумя отверстиями по краям, без орнамента или с орнаментом из нескольких концентрических кругов, диаметр обычно 12—13 см (см. рис. 9, 1—3) — 16 экз.

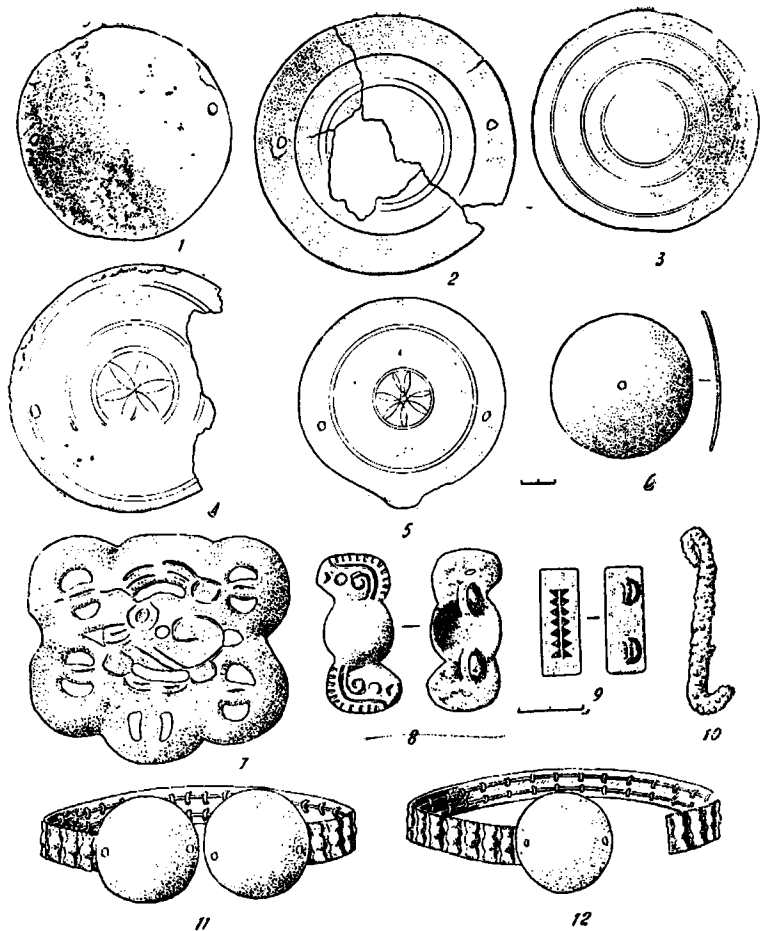
II тип — с двумя отверстиями по краям и на внутренней стороне циркульным орнаментом, состоящим из шести-, а в одном случае — из семилепестковой розетки и 2-х или 4-х концентрических кругов, диаметр в среднем 13—14 см (см. рис. 9, 4, 5) — 11 экз.

III тип — с одним отверстием в центре, без орнамента (см. рис. 9, 6) — 10 экз. Диаметр блях этого типа всего 8—10 см.

Первоначально бляхи прикреплялись к ремню, видимо, с помощью ремешков, которые продевались через отверстия. Позднее (особенно это характерно для блях III типа) ремешки продевались сквозь ушки маленьких бляшек, которые вставлялись в отверстия блях. Во многих случаях рядом с дисковидными бляхами или под ними прослеживаются остатки железных крючков, с помощью которых, видимо, и застегивался пояс (см. рис. 9, 10).

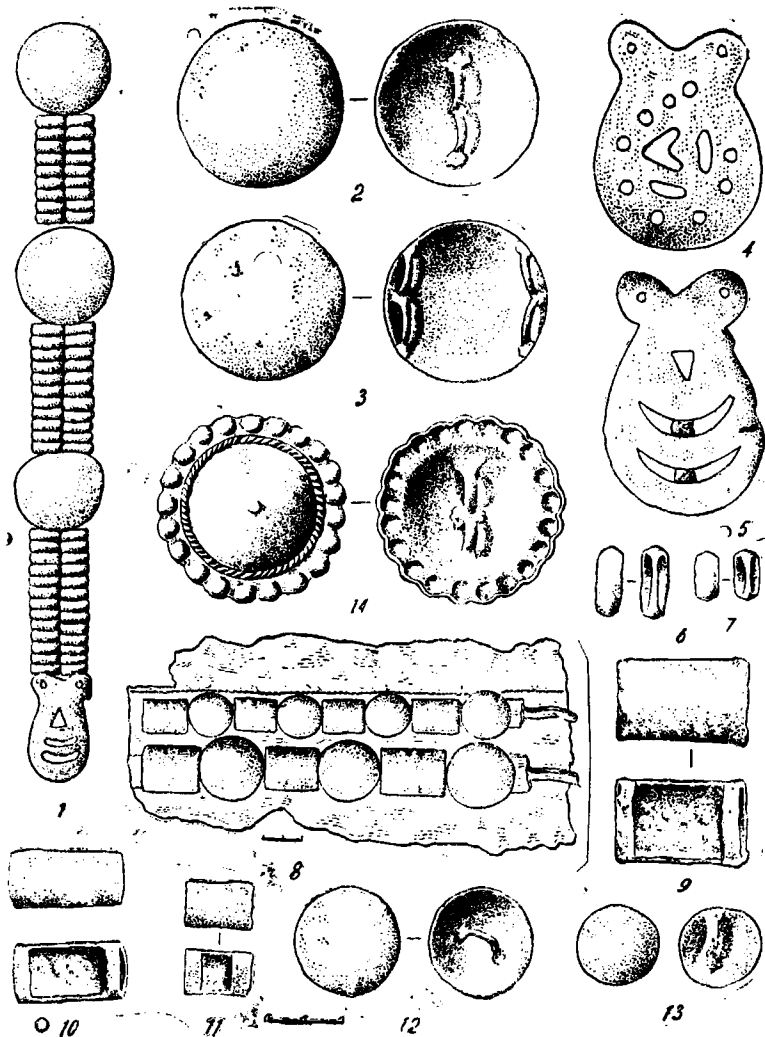
Покойников клали в могилу всегда с застегнутыми поясами, на что указывают находки блях и накладок в области пояса, причем часть накладок лежат под костяком и лицевой стороной вниз.

Украшения в ногах. Одной из характерных черт поздних женских погребений Охлебининского могильника является наличие в ногах костяка большого количества различных

Р и с. 9. Украшения женских поясных ремней.

1, 3, 8 — погр. 84; 2 — погр. 40; 4 — погр. 78; 5 — погр. 70; 6 — погр. 105; 7 — погр. 95; 9 — погр. 20; 10 — погр. 29; 11 — погр. 21; 12 — погр. 8.

Р и с. 10. Предметы женских украшений.

1, 5 — погр. 21; 2-4 — погр. 20; 6, 7, 14 — погр. 84; 8, 9, 10, 12, 13 — погр. 8; 11 — погр. 92.

металлических украшений. Обычно это обоймы разных размеров, различные бляшки, прорезки. В разных погребениях наборы этих украшений различны. Например, в погр. 21 ниже ступней и частично на уровне ступней ног костяка в куче лежали различные бляшки, обоймицы, трапециевидные подвески. При тщательной расчистке здесь удалось выявить несколько комплексов украшений.

1. Две «подвески», состоящие каждая из двух узких ремешков, украшенных тремя большими круглыми бляшками с ушками на обороте, чередующимися с двумя рядами удлиненными обойми. Оканчиваются подвески плоской лировидной бляхой со сквозными отверстиями по поверхности и двумя ушками на обороте (рис. 10, 1).

2. Восемь трапециевидных подвесок вырублены из круглых дисковидных блях. Ремешок, на который они подвешивались, был украшен удлиненными обоймицами (рис. 11, 2).

3. Подвеска, состоящая из плохо сохранившегося железного основания, двух узких ремешков, украшенных удлиненными обоймицами, оканчивается небольшой дисковидной бляхой (см. рис. 11, 1).

Почти аналогичный набор украшений лежал в ногах погр. 8. В остальных погребениях наборы украшений другие. Наиболее характерными здесь являются обоймы с прямоугольным вырезом на внутренней стороне и крупные бляшки с ушком на обороте. В большинстве случаев четко прослеживается два ряда обойм, чередующихся с бляшками, причем в одном ряду обоймы крупнее и чередуются соответственно с крупными бляшками, второй ряд состоит из более мелких обойм и бляшек (см. рис. 10, 8—13). Иногда такие украшения дополняются рядами мелких удлиненных обоймиц или прорезок (см. рис. 10, 6, 7, 11, 15). В некоторых случаях украшения в ногах состоят лишь из ряда удлиненных обоймиц или трапециевидных подвесок. Изредка встречаются умбовидные, прорезные и гладкие бляшки (см. рис. 11, 6—14, 16, 17).

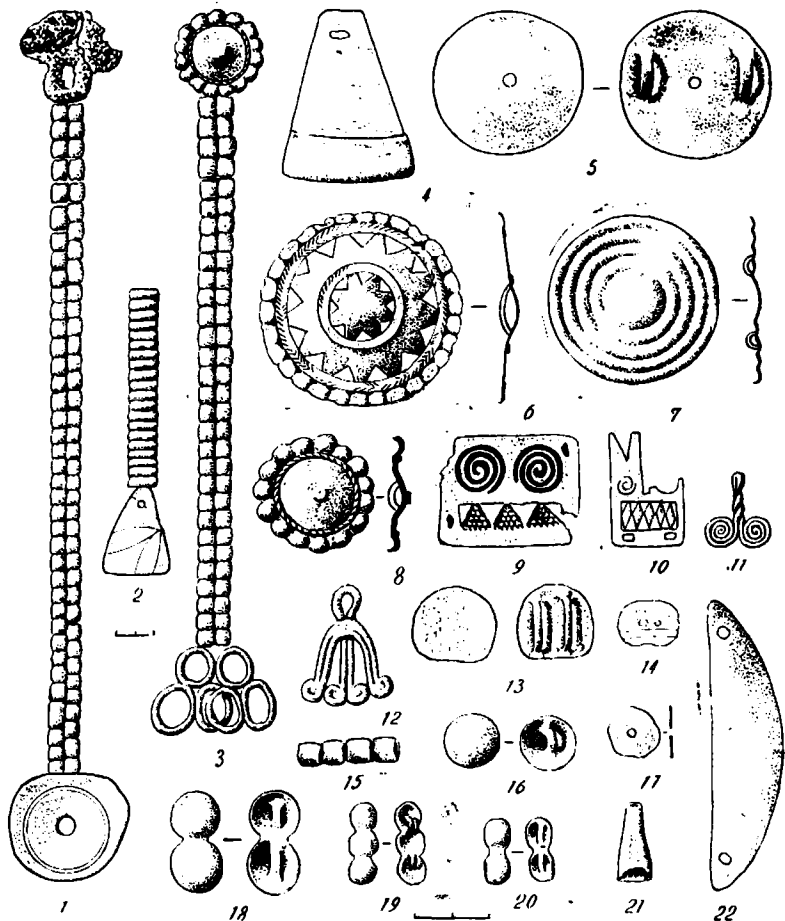
В трех погребениях в области ног найдены удлиненные накладки с одним или двумя перехватами, в виде сдвоенных или строенных бляшек (см. рис. 11, 18—20). Интересна подвеска из погр. 74; основанием ее служила умбовидная бляшка, от нее шли два узких ремешка, продетых сквозь прорезки, которые оканчивались тремя спаянными кольцами (см. рис. 11, 3).

Назначение предметов украшений, положенных в ногах, определить трудно. Несмотря на значительное число исследованных погребений, тщательность при расчистке, определить, какая часть костюма могла украшаться этими предметами, нам не удалось. Несомненно одно — это не украшения ног или обуви. Во-первых, как правило, эти украшения лежат ниже ступней ног или сбоку; во-вторых, невозможно представить обувь, которая была бы украшена таким множеством различных металлических предметов.

Интересно сопоставление указанных украшений с аналогичным материалом из более ранних женских погребений I Биктимировского могильника. Одной из наиболее характерных деталей женского костюма I Биктимировского могильника являются своеобразные нагрудные украшения — «портупей» — широкие кожаные ремни, украшенные гофрированными обоймами и круглыми бляшками, спускающиеся от плеч к поясу⁴. Подобные, правда, не идентичные, «портупей» мы видим в нескольких погребениях Охлебнинского могильника. Сюда относятся длинные ременные подвески, украшенные круглыми бляшками и удлиненными обоймицами и оканчивающиеся лировидными бляхами (см. рис. 10, 1). Примечательна такая деталь: в погр. 39 и 46 I Биктимировского могильника «портупей» также оканчивались бляхами с изображением оленя⁵. Охлебнинские лировидные бляхи по форме полностью совпадают с биктимировскими, но вместо оленя они орнаментированы сквозными отверстиями (см. рис. 10, 4, 5). Аналогичные подвески встречены в четырех погребениях Охлебнинского могильника.

⁴ А. Х. Пешенченко. Биктимировский могильник. — АЭБ, т. 2, рис. 3.

⁵ Там же, рис. 3, 1.

Р и с. 11. Предметы женских украшений.

1, 2, 4 — погр. 21; 3 — погр. 4; 5, 9, 10 — погр. 8; 6, 11, 19 — погр. 100; 7, 22 — погр. 92; 8 — погр. 30; 12 — погр. 102; 14, 20, 21 — погр. 105; 15, 16, 18 — погр. 84.

Самыми распространенными предметами, положенными в ногах погребенных в Охлебининском могильнике, являются ряды различных обоем. Аналогию им опять же находим в I Биктимировском могильнике, где также в женских погребениях очень часто встречаются ряды бронзовых обоем, чередующихся с круглыми бляшками. Правда, там обоемницы несколько иной формы: они согнуты из простой пластины, а в Охлебининском могильнике — с прямоугольным вырезом на внутренней стороне. Однако эти различия, на наш взгляд, хронологического порядка. В обоих могильниках обоемы располагались рядами, причем часть из них лежит лицевой стороной вверх, а часть — вниз, т. е. так, как если бы они были нашиты по кругу. В I Биктимировском могильнике ими украшался подол верхней одежды. Возможно, в Охлебининском они выполняли ту же роль.

Различные подвески, обнаруженные в ногах погребенных Охлебининского могильника, переключаются с поясными подвесками I Биктимировского могильника⁶.

Все это наводит на мысль, что у населения, оставившего Охлебининский могильник, существовал обычай класть одежду, или точнее — украшения одежды, в ноги умершего. В связи с этим интересно погр. 39 I Биктимировского могильника: основные предметы украшений были сдвинуты вниз по отношению к костяку, так что нагрудные украшения лежали в области пояса, а обшивка подола — ниже ступней ног⁷.

Обычай класть в могилу предметы украшений рядом с умершим возникает у кара-абызских племен, видимо, еще в III—II вв. до н. э. и окончательно оформляется на рубеже нашей эры. Очевидно, и здесь клали не одежду, а украшения одежды.

Бусы. Бусинный материал сравнительно беден, хотя и является неотъемлемым украшением почти каждой женщины, захороненной в Охлебининском могильнике. На 41 погребение, которые мы определяем как женские, приходится всего 730 бусин. Самые богатые ожерелья не превышают 60—70 бусин.

Типы бус многообразны. По количеству большинство составляют светлые стеклянные округлой формы, часто с позолотой (см. рис. 8, 11). Они находились в ожерельях 23 погребений — всего 259 экз. Сравнительно много (126 экз.) — светлых стеклянных двух-, трех- и четырехсоставных бусин (см. рис. 8, 23, 24). Во многих погребениях в небольшом количестве встречается мелкий бисер светло-зеленого, голубого и желтого цветов. В 12 погребениях найдено по 1—4 экземпляра пастовых рубленных бусин сургучного цвета (см. рис. 8, 9, 10). Изредка встречаются крупные полосатые (см. рис. 8, 21), крупные темно-синие и голубые округлой формы (см. рис. 8, 25), биконические темно-синего и голубого цветов (см. рис. 8, 26), стеклянные светлые катушкообразной формы (см. рис. 8, 18), светлые ребристые (см. рис. 8, 27), темно-синие многогранные (см. рис. 8, 12), темно-синие плоские в виде сердечка (см. рис. 8, 14), светлые подвески (см. рис. 8, 15).

Из каменных бус большинство составляют черные гешировые дисковидной и цилиндрической формы (см. рис. 8, 22) — 60 экз. Найдено 30 сердоликовых бусин округлой формы разных размеров (см. рис. 8, 16, 17). В погр. 105 в области пояса найдено 6 раковин каури (см. рис. 8, 13).

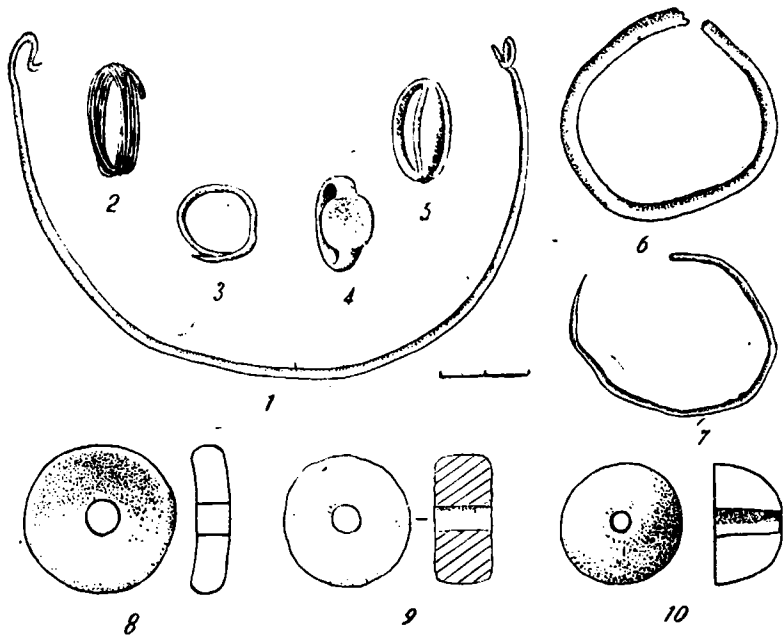
Все эти типы бус встречаются в ожерельях в самых различных сочетаниях. Как правило, ожерелья состоят из 3—5 типов бусин, а иногда из 6—7.

Наиболее богатое ожерелье обнаружено в погр. 21. Оно состоит из 20 светлых стеклянных бусин округлой формы, 12 светлых стеклянных двух- и трехсоставных, 12 стеклянных катушкообразной формы, 7 светлых ребристых, 2 полосатых, одной темно-синей биконической и одной гешировой. Много бусин обнаружено в погр. 84: 43 светлых стеклянных, 18 сердоликовых, 2 катушкообразных, по одной — полосатой, красной и гешировой.

Гривны, перстни, браслеты относятся к числу редких предметов в Охлебининском могильнике.

⁶ А. Х. Пшеничню к. Биктимировский могильник, рис. 4.

⁷ Там же, стр. 221.

Р и с. 12. Гривна, браслеты, перстни, прыслица.

1 — погр. 100; 2 — погр. 90; 3, 7 — погр. 12; 4 — погр. 95; 5 — погр. 16; 6 — погр. 102; 8 — погр. 24; 9 — погр. 43; 10 — погр. 8.

Гривны встречены лишь в двух погребениях. Обе бронзовые проволочные. В одном случае (погр. 103) она находилась на шее костяка и оказалась поломанной на мелкие кусочки. В погр. 100 гривна имела несомкнутые загнутые концы и лежала у могильной стенки на уровне таза (рис. 12. 1).

Перстни встречаются чаще. Они представлены тремя формами. Большинство (14 экз.) составляют проволочные спиральные в 3—7 витков (см. рис. 12, 2); 2 перстни имеют форму проволочного кольца (см. рис. 12, 3); в трех погребениях встречено по одному экземпляру перстней со штифтами (см. рис. 12, 4, 5).

Браслеты, как и гривны, не характерны для Охлебининского могильника. Они найдены всего в трех погребениях — 5 бронзовых проволочных (см. рис. 12, 6, 7) и 1 железный, очень плохо сохранившийся.

Прыслица являются единственными находками в женских погребениях, которые можно отнести к категории бытовых предметов. По одному экземпляру они находились в 17 погребениях. Из них 8 — плоских глиняных (см. рис. 12, 8), 8 — плоских каменных (см. рис. 12, 9) и 1 — глиняное конусовидной формы (см. рис. 12, 10).

Керамика женских и мужских погребений идентична, и характеристика ее будет дана ниже.

Наборы предметов в мужских погребениях более стандартны, чем в женских. Это наконечники стрел и копий, колчаные крючки, мечи, удила, оселки, остатки поясов.

Наконечники стрел. Обязательной принадлежностью почти каждого мужского погребения являются наконечники стрел. Из 38 взрослых мужских погребений наконечники стрел не обнаружены лишь в трех. Почти единственным типом стрел в поздних погребениях являются железные трехлопастные с коротким заостренным черешком — 541 экз. (рис. 13, 1, 2).

В погр. 115, кроме одного железного наконечника, найдено 6 костяных: 2 трехгранных с внутренней втулкой (см. рис. 13, 3, 4) и 4 трехгранных же, но с черешком (см. рис. 13, 5, 6). Количество стрел в погребениях различно — от 1 до 41 экз., в большинстве случаев 15—25 экз.

В могилах наконечники стрел чаще всего лежат в кучке у левой голени или колена, как правило, острыми вниз.

Колчаные крючки найдены в 21 погребении. Они представлены несколькими типами. Простейшей формой является крючок, сделанный из железного круглого в сечении прута (см. рис. 13, 9) — 7 экз. В 8 погребениях найдены подобные крючки, но с расплюснутым в виде блюдки основанием (см. рис. 13, 11).

Оригинальную форму имеют крючки из погр. 27 и 28. Они состоят из обычного железного крючка, к основанию которого припаяна бронзовая умбоновидная бляха. Один из крючков сохранился хорошо, умбоновидная бляха на оборотной стороне снабжена двумя маленькими ушками (см. рис. 13, 17). Бляха на втором крючке почти полностью разрушилась (см. рис. 13, 12).

В погр. 2 колчаный крючок сделан из двух соединенных железных стержней, загнутых у основания в виде спирали (см. рис. 13, 15).

В двух погребениях найдены бронзовые крючки: один — крестообразной формы (см. рис. 13, 14), второй — в виде обычного стержня, к основанию которого припаяна плоская бляшка, изображающая какое-то животное; на обороте бляшки имеется костылек (см. рис. 13, 16).

Мечи представлены в Охлебининском могильнике сравнительно богато — в 14 погребениях по одному экземпляру. Все они однотипны — железные, однолезвийные, без навершия и перекрестия, длиной 45—55 см (рис. 14, 1, 2). На 8 мечах сохранились бронзовые наконечники ножен. Они также однотипны и различаются лишь по размерам и орнаменту. Орнамент на лицевой стороне состоит в основном из жемчужин, идущих в ряд по краю (см. рис. 14, 3—7, 8).

Во всех случаях мечи лежали у правого бедра погребенного; они, видимо, пристегивались справа к поясу. Возможно, ножны прикреплялись к нижним концом, на что указывают находки у коленных суставов бронзовых пряжек, пронизок.

Наконечники копий встречаются в большинстве (в 23) взрослых мужских погребений. Это обычные железные наконечники с плоским, слегка утолщенным в середине пером и расширяющейся книзу втулкой (см. рис. 14, 4, 6).

В погребениях наконечники копий находятся обычно слева у ног костяка острием вверх или вниз.

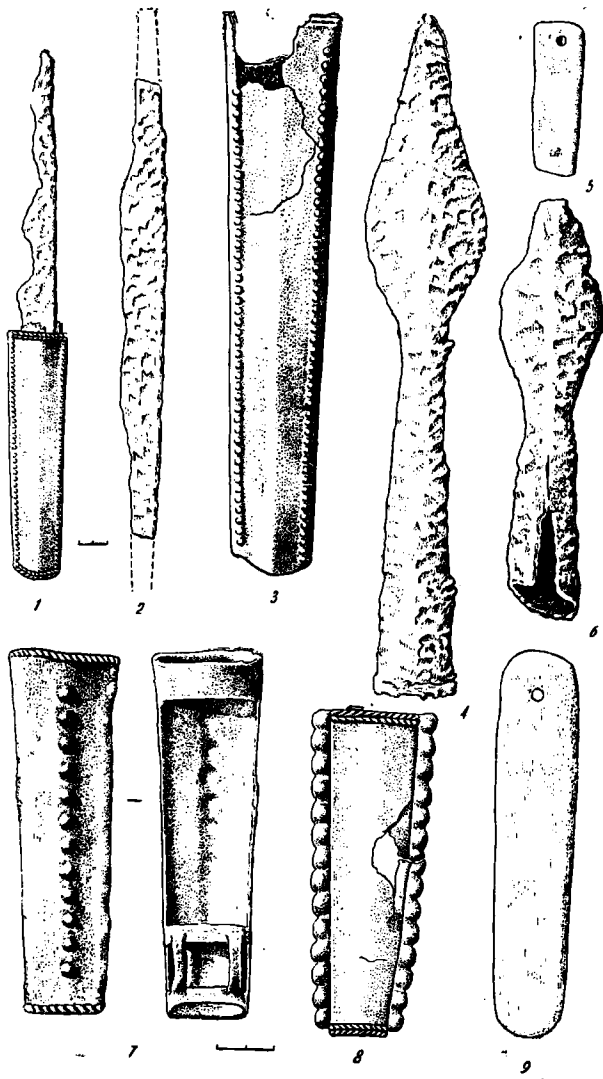
Удила. В 22 погребениях обнаружены двухсоставные железные удила. По наличию и материалу псалий они разделены нами на три типа:

- 1) удила без псалий — 10 экз. (см. рис. 13, 8);
- 2) удила с железными стрежневыми псалиями — 8 экз. (см. рис. 13, 13);
- 3) удила с костяными псалиями — 4 экз. (см. рис. 13, 7).

Следует отметить, что сохранность удил и особенно псалий очень плохая, и зачастую невозможно воспроизвести их первоначальную форму.

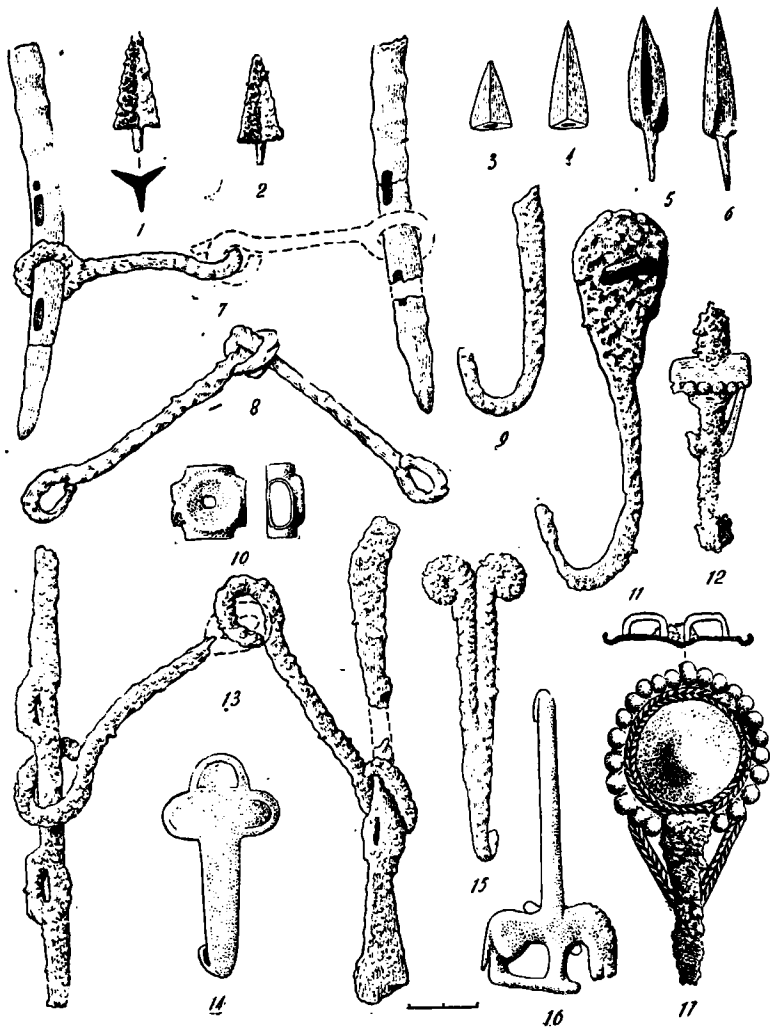
В могилах удила всегда встречаются ниже левой ступни костяка.

В погр. 63 рядом с удилами найдено 5 бронзовых обойм крестообразной формы, веро-

Р и с. 14. Мечи, накопечники копий, оселки.

1 — погр. 82; 2, 4 — погр. 80; 3 — погр. 28; 5 — погр. 25; 6 — погр. 15; 7 — погр. 6; 8 — погр. 76; 9 — погр. 2.

Р и с. 13. Наконечники стрел, колчаные крючки, удила.

1, 2 — погр. 6; 3—6 — погр. 115; 7 — погр. 60; 8, 16 — погр. 56; 9 — погр. 11; 10 — погр. 63; 11 — погр. 9; 12 — н^о гр. 27; 13, 17 — погр. 28; 14 — погр. 35; 15 — погр. 2.

ятно, украшавших узду (см. рис. 13, 10). В нескольких случаях рядом с удилами находились железные и костяные пряжки, также, видимо, относящиеся к уздечному набору.

Оселки найдены в 12 погребениях по одному экземпляру. Они сделаны из серого песчаника, прямоугольные или округлые в сечении, в середине слегка расширены, в верхней части имеется сквозное отверстие для подвешивания. У некоторых поверхность сильно сточена (см. рис. 14, 5, 9).

Лежат в области пояса костяка.

Поясные наборы, пряжки. Одной из необходимых принадлежностей мужского костюма являлись пояса. В большинстве случаев до нас они дошли в виде пряжек (в области пояса костяка), и лишь в нескольких случаях сохранились накладки из зубов животных. В том или ином виде остатки поясов обнаружены в 26 погребениях.

Поясные пряжки не одинаковы и по форме и по материалу.

Наиболее часты бронзовые пряжки. Всех их объединяет одна деталь — неподвижный крючок, с помощью которого производилась застежка. По форме бронзовые пряжки можно группировать в три типа.

I тип — рамчатые (5 экз.), в виде большого кольца, в центре которого находится умбовидная бляшка, соединенная с кольцом тонкими жгутами (рис. 15, 3—5). Одна из пряжек имеет пуговидные выступы по кольцу в виде головы какого-то животного (см. рис. 15, 4).

II тип — круглые пластинчатые (4 экз.), в виде большой умбовидной бляхи с припаянным сбоку крючком. Поверхность блях обычно орнаментирована выпуклыми жемчужинами и шнуром (см. рис. 15, 6, 7).

III тип — прямоугольные пластинчатые (5 экз.), в виде большой пластины, слегка расширяющейся в сторону крючка, возле которого имеется небольшой вырез. Поверхность пластины украшена по краям выпуклыми жемчужинами и шнуром. На внутренней стороне припаяно по два уха (см. рис. 15, 1, 2).

Оригинальную форму имеет пряжка из погр. 91 (костяк 2). По форме кольца она близка пряжкам I типа, но вместо неподвижного крючка с одной из сторон отходит прямоугольная рамка из плоских в сечении стержней (см. рис. 15, 8).

Довольно широко распространены железные пряжки. Они встречаются не только в области пояса, но и у ступней ног костяков. Как и многие другие железные предметы, пряжки сохранились очень плохо и не всегда с уверенностью можно воспроизвести их форму. Отличительной чертой большинства железных пряжек является подвижный язычок. По форме основы они делятся на 2 типа: 1) кольцевые — 12 экз. (см. рис. 15, 15) и 2) прямоугольные — 4 экз. (см. рис. 15, 16).

В погр. 82, кроме бронзовой пряжки III типа, найдена кольцевая железная с неподвижным крючком (см. рис. 15, 13).

Изредка встречаются в погребениях костяные пряжки — 6 экз. Причем только одна из них найдена на поясе, остальные обычно лежат ниже ступней ног. В погр. 64 пряжка находилась у правого плеча.

По форме костяные пряжки напоминают бронзовые III типа. Они также пластинчатые прямоугольные с неподвижным крючком, но вырез на пластине у них два, что придает им восьмеркообразную форму (рис. 16, 1, 2, 4). Пряжка из погр. 64 имеет более удлиненные пропорции (см. рис. 16, 5).

В четырех погребениях сохранились оригинальные накладки поясов из зубов животных. В трех случаях они лежали прямо на поясе, а в погр. 82 — слева от костяка на уровне груди. Здесь же в кучке лежали бронзовая пряжка III типа и железная кольцевая с неподвижным крючком. Видимо, пояс был положен отдельно, рядом с умершим.

Остатки своеобразного пояса найдены в погр. 80. В области пояса слева лежала массивная кольцевая пряжка с неподвижным крючком (см. рис. 15, 9), а справа — такое же массивное кольцо. Вокруг пряжки и кольца по кругу были расположены бронзовые гвоздишпешки с широкими шляпками. Рядом с кольцом — бронзовый наконечник ремня (см. рис. 15, 10).

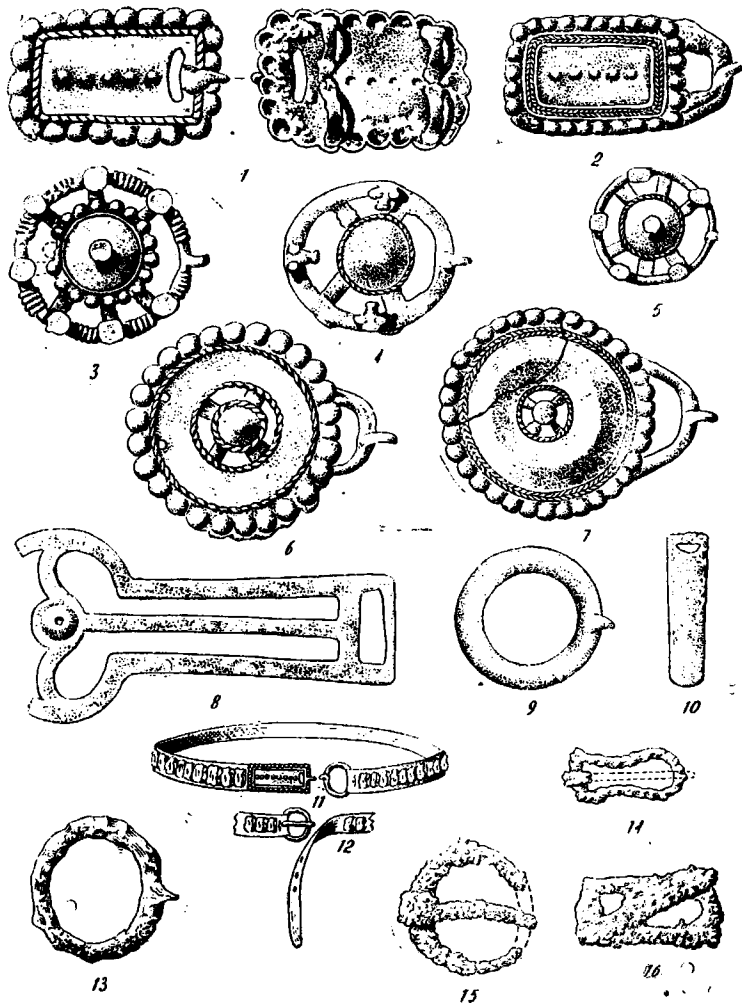

Рис. 15. Поясные пряжки.
11—12— реконструкция.

1 — погр. 3; 2 — погр. 56; 3 — погр. 81; 4 — погр. 38; 5 — погр. 71; 6 — погр. 28; 7 — погр. 83; 8 — погр. 91; 9—10 — погр. 80; 11, 13 — погр. 82; 12, 15 — погр. 33; 14 — погр. 26; 16 — погр. 89.

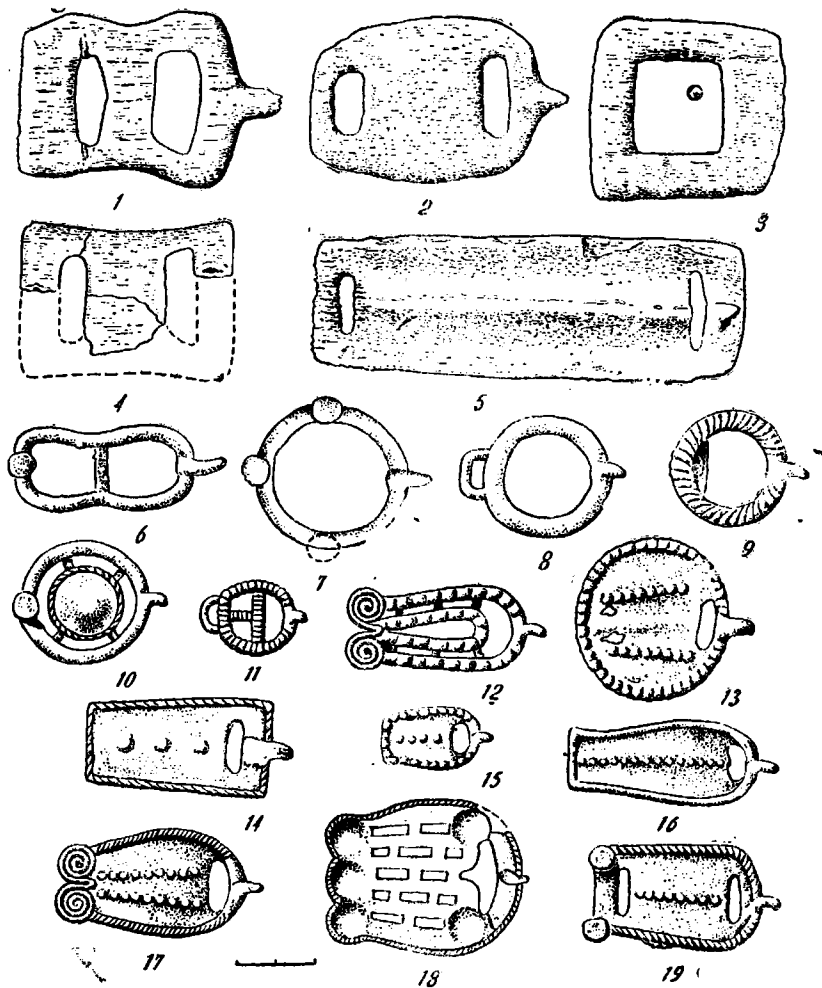

Рис. 16. Пряжки.

1, 12 — погр. 26; 2 — погр. 115; 3 — погр. 86; 4, 8 — погр. 91; 5, 15 — погр. 64; 6, 16, 19 — погр. 82; 7 — погр. 75; 9 — погр. 36;
10 — погр. 76; 11 — погр. 35; 13-14 — погр. 6; 17 — погр. 71; 18 — погр. 68.

Кроме поясных, довольно часто встречаются и пряжки иного назначения. Мы уже отмечали, что железные и костяные пряжки типа поясных иногда находились в области ступней ног, где они являлись, возможно, принадлежностью уздечного набора.

Частыми находками в мужских погребениях являются бронзовые пряжки небольших размеров с неподвижными крючками. В трех случаях они лежали возле наконечников ножен мечей; очевидно, ими пристегивались ножны. В двух погребениях они находились у ступней ног и выполняли, видимо, роль обувных застежек. Встречаются часто по две на уровне груди костяка справа и слева, у бедренных костей. Среди пряжек наиболее ранними являются восьмеркообразная из погр. 82 (см. рис. 16, 6) и кольцевая из погр. 75 (см. рис. 16, 7). Но они единичны. Многочисленны пряжки более сложных форм — рамчатые (см. рис. 16, 8—11), пластинчатые округлой формы (см. рис. 16, 13), пластинчатые прямоугольные (см. рис. 16, 14—19).

Костяные «лопаточки», проколки, «мундштучки» относятся к числу редких находок. «Лопаточки» встречены в двух погребениях. Они имеют широкую плоскую рабочую часть и короткую втулку с отверстием вверху (рис. 17, 2).

Проколка найдена в погр. 47. Она имеет короткую уплощенную рукоять, орнаментированную неглубокими перекрещивающимися линиями, и длинное круглое в сечении острие (см. рис. 17, 1).

«Мундштучками» условно названы нами костяные предметы неизвестного назначения — коротенькая трубочка, один конец которого срезан наполовину (см. рис. 17, 3). Найдены они в двух погребениях (3 экз.).

Предметы украшений не характерны для мужских погребений. К их числу можно отнести несколько бронзовых обоев и пронизок, найденных возле мечей (см. рис. 17, 8—10), бронзовые круглые бляшки с ушком на обороте (см. рис. 17, 11, 12), бронзовую проволочную подвеску (см. рис. 17, 13), фибулу (см. рис. 17, 17), перстень (см. рис. 17, 15), халцедоновую бусину-амулет (см. рис. 17, 16).

В погр. 6 вместе с сугубо мужским инвентарем (наконечники стрел, копья, меч, удила и т. д.) возле черепа найдена золотая височная подвеска (см. рис. 17, 7).

Керамика. В ряде мужских и женских погребений встречаются по 1—2 глиняных сосуда. Обычно они ставились в ногах или у головы умершего, причем часто на 15—30 см выше дна могилы. Это обстоятельство и большая густота погребений привели к тому, что несколько сосудов нам не удалось отнести к тому или иному погребению.

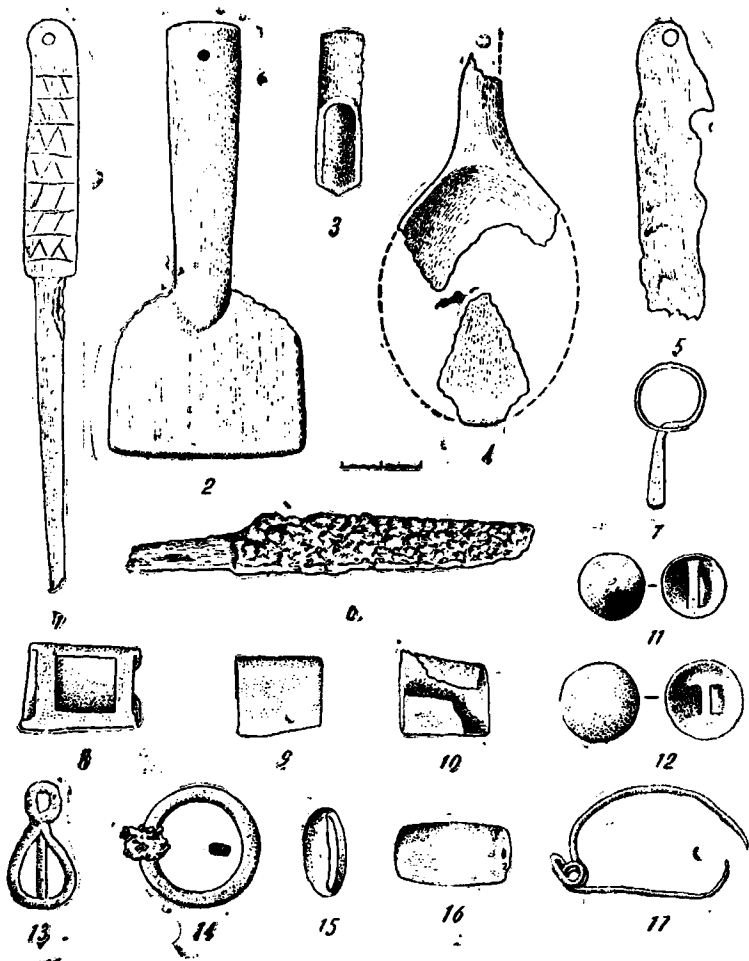
Всего найдено 50 сосудов. Почти все они небольших размеров; диаметр горла в среднем 8—12 см, высота 5—10 см, толщина стенок 4—7 мм. Как правило, диаметр горла больше высоты сосуда. Лишь один горшок имел относительно крупные размеры и удлиненные пропорции (рис. 18, 13). Цвет — преимущественно темный и темно-серый, поверхность хорошо заглажена. Примесь в тесте неоднородна, в большинстве это песок и белая крошка, очень напоминающая толченую раковину; 10 сосудов имеют в тесте примесь мелкотолченой раковины.

По форме сосуды делятся на два типа.

I тип — невысокие широкогорлые чашечки (23 экз.), часть из них — круглодонные (9 экз.), остальные — плоскодонные (см. рис. 18, 1, 2).

II тип — горшочки с низким широким горлом и слабо раздутым туловом; иногда в месте перехода горла в тулово имеется небольшой уступчик (26 экз.); 8 горшочков — круглодонные, остальные — плоскодонные.

Около половины сосудов (23 экз.) орнаментировано, причем 20 из них — горшочки. Орнамент располагается по плечикам и состоит из резных зигзагов в виде вертикальной елочкой, которые нанесены острой палочкой (см. рис. 18, 3—5). Часто зигзаги дополняются насечками между углами зигзагов (см. рис. 18, 6—8). Два сосуда орнаментировано двумя рядами подтреугольных вдавлений (см. рис. 18, 10), а один — косыми насечками (см. рис. 18, 9).

Р и с. 17. Инвентарь мужских погребений

1, 5 — погр. 47; 2, 11, 12, 16 — погр. 23; 3 — погр. 80; 4 — погр. 105; 6 — погр. 85; 7 — погр. 6; 8 — погр. 76; 9, 10, 14 — погр. 2; 13 — погр. 6; 15 — погр. 66; 17 — погр. 91.

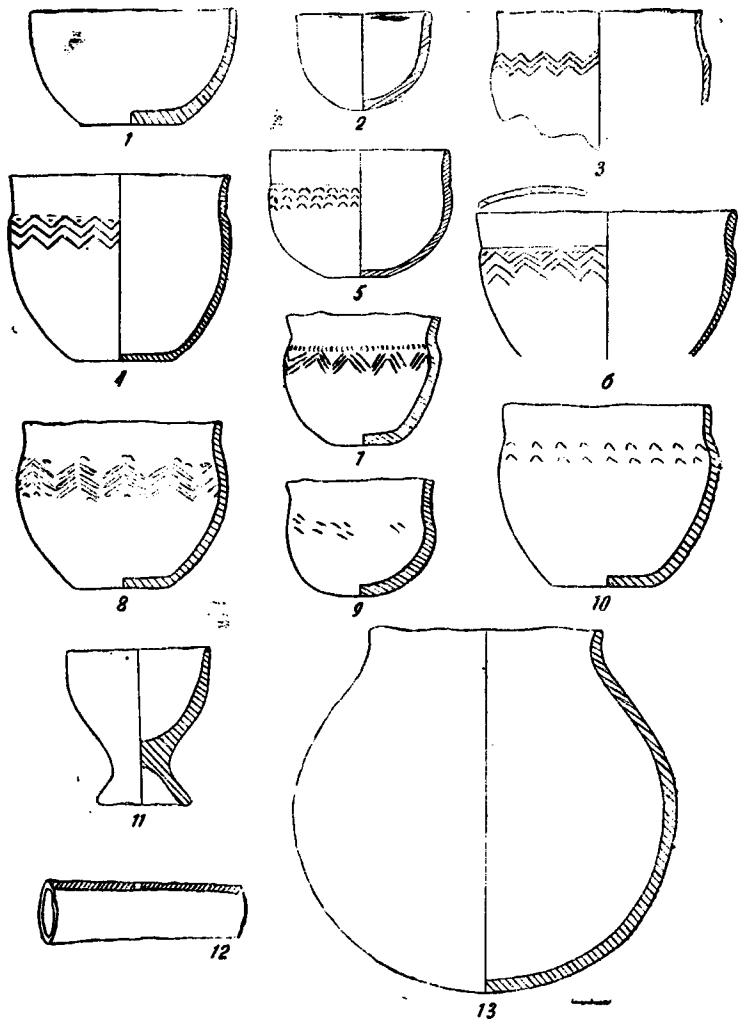

Рис. 18. Керамика.

1 — погр. 57; 2 — погр. 20; 3 — погр. 7; 4, 5 — в черепном; 6 — погр. 62; 7 — погр. 75; 8 — погр. 40; 9 — погр. 86; 10 — погр. 81; 11 — погр. 93; 12 — погр. 102; 13 — погр. 55.

В детском погр. 93 найден маленький сосудик на поддоне (см. рис. 18, 11). В погр. 102 найдено три сосуда и глиняная трубочка неизвестного назначения. Длина ее 11 см, диаметр 3—3,5 см (см. рис. 18, 12).

* *

Выше упоминалось, что погребения подразделяются на ранние и поздние. Остановимся на хронологии более подробно.

Р а н н и е по г р е б е н и я Охлебининского могильника дали вещевые комплексы, полностью аналогичные материалам Уфимского могильника⁸, дата которого единодушно определяется исследователями IV—III вв. до н. э.⁹ Для обоих могильников характерны бронзовые наконечники стрел, височные подвески восьмеркообразной формы, шейные проволочные гривны, поясные крючки и т. д. Все эти вещи находят аналогию в памятниках IV—III вв. до н. э. Так, височная подвеска восьмеркообразной формы известна в «Частых курганах»¹⁰. Поясные крючки близки по форме и аналогичны по назначению крючкам из этого же памятника¹¹. Сочетание наконечников с треугольной и дуговидной головками характерно для раннепрохоровских погребений¹². Гривны, аналогичные охлебининским, также встречаются в раннепрохоровских погребениях¹³. Эти аналогии довольно убедительно, на наш взгляд, подтверждают датировку ранних погребений Охлебининского могильника рубежом IV—III вв. до н. э.

Установление даты поздних погребений не вызывает особых затруднений. Материалы их находят аналогию, с одной стороны, в южных, преимущественно сарматских памятниках сусловского времени, с другой — в могильниках пьяноборской культуры.

В целом для поздних погребений Охлебининского могильника наиболее приемлемой датой, на наш взгляд, является конец II в. до н. э.—II в. н. э. Большинство вещей, которые могут иметь хронологическое значение, однотипны с материалами Камышлы-Тамакского пьяноборского могильника, публикуемыми в настоящем сборнике¹⁴. Это — железные наконечники стрел, бронзовые и железные пряжки, однолезвийные мечи, удила. Подтверждают эту дату и некоторые другие вещи. Так, аналогии петлеvidным височным подвескам имеются в Карабудахкентском могильнике I, который датируется в основном I—II вв. н. э.¹⁵, и в погребениях среднесарматского времени II Бережновского могильника¹⁶. Бронзовые проволочные фибулы, типа найденной в мужском погр. 91 (см. рис. 17, 17), также встречаются в памятниках среднесарматского времени¹⁷.

⁸ В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы. М., 1913.

⁹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьевскую эпоху. — МИА, 1952, № 30, стр. 42; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28, стр. 70—71; Р. В. Ахмедов. Археологические памятники Башкирии ананьевского времени. — КСИИМК, вып. 48, 1952, стр. 34.

¹⁰ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. — СА, VIII, 1946, стр. 26.

¹¹ Там же, рис. 27.

¹² М. Г. Мошкова. О раннесарматских втульчатых стрелах. — КСИИМК, вып. 89. —

¹³ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. Свод, вып. Д. I—10, 1963, табл. 24, 4, 5.

¹⁴ Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк. Камышлы-Тамакский могильник... — Статья в настоящем сборнике, стр. 38—58.

¹⁵ К. В. Смирнов. Грунтовые могильники албапосарматского времени у сел. Карабудахкент. — Материалы по археологии Дагестана, т. 2. Махачкала, 1961, рис. 10, № 201; рис. 24, № 265.

¹⁶ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). — МИА, 1960, № 78, рис. 11, 3.

¹⁷ В. П. Шилов. Калининский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, рис. 52, 1; И. В. Синицын. Указ. соч., рис. 18, 2.

Некоторые сомнения в правильности предложенной датировки могут вызвать такие вещи, как бронзовая восьмеркообразная и железная кольцевая пряжка, бронзовые колчаные крючки, датирующиеся обычно более ранним временем. Так, основная масса восьмеркообразных пряжек встречается в комплексах III—II вв. до н. э.¹⁸, железные кольцевые пряжки с неподвижным крючком также очень часты в памятниках прохоровской культуры¹⁹. Колчаный крючок из погр. 56 (см. рис. 13, 16) очень близок поясному крючку из «Частых курганов»²⁰, датирующихся IV—III вв. до н. э. Другой бронзовый крючок (см. рис. 13, 14) находит близкую аналогию в упомянутом выше Уфимском могильнике²¹.

Казалось бы, что приведенные аналогии требуют углубления даты поздних погребений Охлебининского могильника. Однако здесь необходимо учесть, в каких комплексах встречаются эти ранние вещи. Так, восьмеркообразная пряжка (см. рис. 16, б) найдена совместно с такими вещами, как железные черешковидные наконечники стрел, железный меч с бронзовым наконечником ножен, поясная пряжка прямоугольной формы и т. д., которые никак не могут быть отнесены ко времени ранее конца II в. до н. э. То же самое следует сказать о железной кольцевой пряжке и бронзовых крючках. Они также находились в погребениях с вещами, обычными для остальных поздних погребений. Очевидно, эти архаичные предметы следует рассматривать как пережиточное явление.

Верхняя дата исследованных погребений Охлебининского могильника—II в. н. э.—довольно условна. Дело в том, что большинство предметов, используемых для датировки: железные наконечники стрел, бусы, пряжки и т. д.—имеют довольно широкий хронологический диапазон и в равной мере характерны как для рубежа, так и для первых веков нашей эры.

Между ранними и поздними погребениями Охлебининского могильника получается хронологический разрыв примерно в полтора столетия: IV—III вв. до н. э. и конец II в. до н. э.; как видим, нет погребений III—II вв. до н. э. Наличие этого разрыва четко проявляется при сопоставлении обеих групп погребений с хорошо датированными могильными комплексами III—II вв. до н. э. Такими могильниками на территории Башкирии являются Старо-Кништинский сарматский²² и кара-абзский I Биктимировский²³. Сравнивая широко распространенные датируемые вещи (наконечники стрел, бусы, пряжки) этих двух памятников с однозначными находками из Охлебининского могильника, легко можно убедиться в их хронологическом различии. Так, для Биктимировских и Старо-Кништинских погребений характерны бронзовые наконечники стрел с узкой треугольной головкой или сочетание их с железными трехлопастными черешковидными стрелами с очень маленькой головкой, ожерелье из стеклянных золоченых и гешировых бус, восьмеркообразные или кольцевые бронзовые пряжки. Наконечники стрел из ранних охлебининских погребений отличаются от старокништинских и биктимировских более широкими дуговидными головками, бусы и пряжки совершенно отсутствуют. Для поздних погребений характерны только железные черешковидные наконечники стрел с более массивной головкой; в ожерельях много двух-, трех- и четырехстванных бусин, биконических темно-синих и голубых и т. д.; пряжки, как правило, имеют более усложненную форму (рамчатые, пластинчатые).

Отсутствие среди исследованных погребений Охлебининского могильника комплексов III—II вв. до н. э. объясняется, возможно, незначительной территорией раскопок по сравнению с общей площадью могильника. При более широких раскопках они, возможно, будут обнаружены.

¹⁸ М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки. — МИА, 1960, № 78, стр. 297.

¹⁹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, стр. 40, табл. 25.

²⁰ С. Н. Замятин. Указ. соч., рис. 27, 2.

²¹ В. В. Гольмстен. Указ. соч., табл. V.

²² М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Книшки. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962.

²³ А. Х. Пшеничнюк. Биктимировский могильник.

Какова культурная принадлежность Охлебининского могильника?

Выше уже говорилось, что ранние погребения и по обряду, и по инвентарю полностью аналогичны Уфимскому могильнику. Однокультурность их, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Для обоих памятников характерны неглубокие могильные ямы простой конструкции, ориентировка преимущественно ногами к реке; инвентарь: височные подвески восьмеркообразной формы, шейные проволочные гривны, бронзовые поясные крючки, браслеты, перстни. Бляха со стилизованным изображением оленя из погр. 34 полностью аналогична бляхам из погр. 13 Уфимского могильника²⁴.

О культурной принадлежности Уфимского могильника говорилось неоднократно, и все исследователи единодушно связывают его с поселениями типа Кара-Абыз (А. В. Шмидт, А. В. Збруева, А. П. Смирнов, Р. Б. Ахмеров, Г. В. Юсупов, Н. А. Мажитов). Поэтому вполне логичным будет и ранние погребения Охлебининского могильника связать с поселениями типа Кара-Абыз.

Ближайшей аналогией поздним погребениям является Новый Уфимский могильник, погребальный обряд в вещи которого идентичны или очень близки охлебининским. Для обоих могильников характерны простые могильные ямы, преимущественная ориентировка ногами к реке, заворачивание покойника в дубок, кости животного и маленькие глиняные сосудики; из вещей: пояса, богато украшенные бронзовыми накладками с изображениями голов горных козлов и дисковидными бляхами, однолезвийные мечи, различные обоймы, бляшки, пронизки, пряжки и т. д.²⁵.

Видимо, аналогичный памятник обнаружен при земляных работах в 1960 г. в г. Уфе в районе улиц Пушкина, Нагорная, Галанова — Галановский могильник. Во время обследования Н. А. Мажитовым было вскрыто более десятка могил, среди которых 5 относятся к рубежу нашей эры. В одном из них найдены остатки пояса в виде большой дисковидной бляхи с двумя отверстиями по краям и 15 накладок с изображениями голов горных козлов; а в другом — 29 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел.

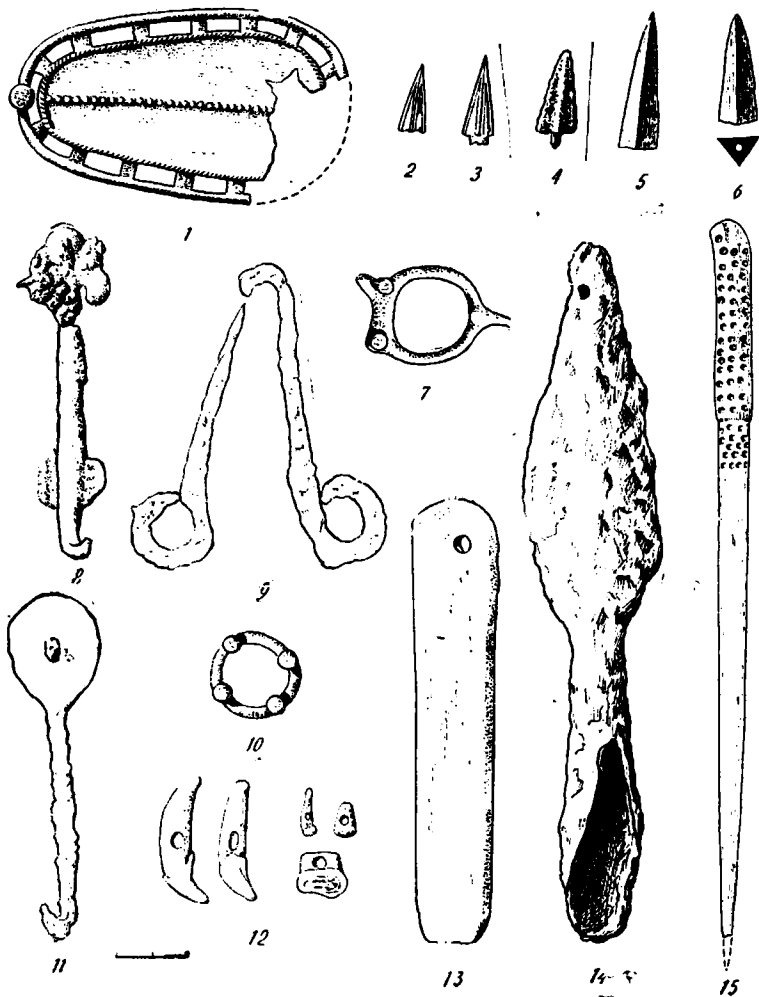
В 1964 г. были продолжены раскопки Биктимировского могильника. Большинство вскрытых погребений относится к III—II вв. до н. э. Интерес представляет погр. 53. В могиле размерами 220 × 105 см лежал костяк взрослого человека (мужчины) на спине, вытянуто, головой на СЗ. На пояс найдена бронзовая пластинчатая пряжка овальной формы (рис. 19, 1), у правого колена — железные двухсоставные удила (см. рис. 19, 9) и железный наконечник копыя (см. рис. 19, 14), здесь же — колчанный крючок в виде эполетообразной застежки (см. рис. 19, 8), а ближе к ступне — железные черешковые трехлопастные и костяные трехгранные втульчатые наконечники стрел (см. рис. 19, 4—6). Весь этот комплекс вещей очень близок погребальным комплексам мужских погребений Охлебининского могильника.

В 1964 г. были произведены небольшие раскопки на III Биктимировском могильнике. Большинство погребений, как и в I Биктимировском, относятся ко времени III—II вв. до н. э. Погр. 10 и 14 явно более поздние и датируются приблизительно рубежом нашей эры. В одном из них (погр. 10) найдены железный наконечник копыя (см. рис. 19, 14), оселок (см. рис. 19, 13), бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 19, 7), железный нож, железный колчанный крючок с раскованным широким основанием (см. рис. 19, 11); наконечники стрел: 2 бронзовых втульчатых, 3 железных черешковых и 2 костяных втульчатых (см. рис. 19, 2—6), 2 обувные застежки (см. рис. 19, 7).

В погр. 14 найдены следующие вещи: зубы животного со сверлинами (остатки пояса), оселок, железный нож, костяная проколка, железные наконечники стрел (см. рис. 19, 12, 15).

²⁴ В. В. Гольмстен. Указ. соч., табл. V.

²⁵ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник анапынско-пьяноборского времени. — СА, 1959, № 1.

Р и с. 19. Инвентарь поздних погребений I и III Биктимировских могильников.

Инвентарь обоих этих погребений находит прямые аналоги в поздних мужских погребениях Охлебининского могильника. Особенно показательны в этом отношении остатки пояса из зубов животных и костяная проколка, встреченные пока только в этих двух памятниках.

И последний памятник, давший аналогичный Охлебининскому материал, это Шиповский могильник, на котором в 1965 г. нами вскрыто 11 погребений. По всем основным признакам они полностью идентичны охлебининским.

Таким образом, на территории центральной Башкирии (правобережье среднего течения р. Белой) к настоящему времени известно 6 могильников, дающих однородный материал. И погребальный обряд и шевыесы комплексы их настолько близки, что не вызывают сомнений в их однокультурности.

Новый Уфимский, Галановский, Биктимировские могильники, как и Уфимский, связываются исследователями с кара-абызскими поселениями²⁶. Охлебининский могильник расположен рядом, а частично и на территории огромного городища, дающего в массе кара-абызскую керамику²⁷. Все это подтверждает связь Охлебининского могильника с кара-абызскими поселениями, а конкретно — с городищем Охлебининским II (Ак-Таш).

Однако в свете сказанного особняком стоит керамика Охлебининского могильника. Сосуды первого типа — чашечки без орнамента в общем и по фактуре, и по форме не чужды кара-абызским поселениям; в небольшом количестве они встречаются на кара-абызских городищах. Второй же тип сосудов — горшочки с резными зигзагами — не имеет почти ничего общего с кара-абызской керамикой. Этот тип посуды находит прямые аналоги в таких памятниках, как селища Убалар, Хамидовское, городище Каран-Зильга²⁸, селище Магаш (раскопки Г. И. Матвеевой, 1964). В 1965 г. небольшие раскопки были произведены нами на Шиповском городище, давшем значительное количество керамики типа Убалар. Подобная керамика встречена совместно с кара-абызской на селище Черниковском в г. Уфе, открытом в 1957 г. учителем Кузьминым. И что самое важное для нас — керамика типа Убалар в небольшом количестве представлена на II Охлебининском городище²⁹.

Таким образом, имеются поселения с чистым убаларским керамическим комплексом и поселения, на которых убаларская керамика встречается совместно с кара-абызской. Территориально поселения, на которых в той или иной мере представлена убаларская керамика, локализируются по правобережью р. Белой от с. Каварды (Гафурыйский район) на юге до г. Уфы на севере, т. е. они занимают южную часть кара-абызской территории. Дата убаларских поселений определяется приблизительно рубежом и первыми веками нашей эры, т. е. синхронны в общем с поздними Охлебининскими погребениями. Видимо, на рубеже нашей эры к югу от г. Уфы по правобережью р. Белой обитали две племенные группы — кара-абызская и убаларская. Вполне естественно, что они вступали в какие-то контакты, происходили процессы взаимовлияния, смешения и ассимиляции. Видимо, этими процессами и следует объяснить наличие в Охлебининском могильнике сосудов с резным зигзаговым орнаментом. Однако при таком объяснении возникает вопрос, почему же посуда в могильнике представлена только убаларскими типами (1 тип — чашечки встречаются не только среди кара-абызской керамики, они обычны и на чисто убаларских поселениях) и совершенно отсутствует собственно кара-абызские сосуды с ямочным орнаментом на шейке?

Некоторое объяснение этому вопросу мы находим в эволюции погребального обряда. В ранних кара-абызских могильниках, к которым относятся Уфимский и ранние погребения Охлебининского, глиняная посуда отсутствует. Совершенно не характерна она и для могильников III — II вв. до н. э.

²⁶ Р. Б. Ахмеров. Указ. соч., П. Ф. Ищеринов, И. А. Мажитов. Городище Уфа — II. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 148—149; А. Х. Пшеничнюк. Биктимировский могильник.

²⁷ А. Х. Пшеничнюк. К вопросу о керамике кара-абызских поселений. — АЭБ, т. 2, стр. 95—96.

²⁸ М. Х. Садыкова. Новые памятники железного века Башкирии. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962.

²⁹ А. Х. Пшеничнюк. К вопросу о керамике..., стр. 95—97.

В I Биктимировском могильнике на 68 погребений найдено всего 4 сосуда (при том два из них в черноземе), среди которых нет ни одного типично кара-абызского. Лишь в какой-то мере кара-абызскими можно считать маленький горшочек без орнамента из погр. 48 и чашечку с двумя ушками и мелким ямочным орнаментом по верху. Но и здесь ямки дополняются коротким резным зигзагом³⁰. Третий сосуд — чашечка на поддоне³¹. Четвертый — горшок сравнительно больших размеров, орнаментированный по плечикам резными зигзагами и насечками, отнесенный нами к группе сарматоидных. Орнамент и частично форма его весьма близки убаларской посуде. Важно подчеркнуть, что погребение это относится, видимо, ко времени позже III—II в. до н. э. Из сказанного можно сделать вывод, что для ранних кара-абызских могильников характерно отсутствие в погребениях глиняной посуды. Обычай сопровождать умершего глиняными сосудами был привнесен, видимо, на поздней стадии убаларскими племенами, возможно, поэтому и керамика в могилах убаларская.

Конечно, можно высказать и другое предположение. Поскольку керамика в погребениях убаларская и есть поселения с чистыми убаларскими комплексами, то логичным было бы их связывать и считать однокультурными.

Но в таком случае и остальные могильники типа Охлебининского — Уфимский, Новый Уфимский, Галановский, Биктимировские придется признать убаларскими, поскольку их однокультурность очевидна. С этим же согласиться нельзя. Уже неоднократно и, на наш взгляд, убедительно доказывалась связь могильников типа Уфимского и Ново-Уфимского с кара-абызскими поселениями. В подтверждение этого тезиса можно добавить, что поселения с чистым убаларским керамическим комплексом не известны в районе г. Уфы и севернее, найдено лишь несколько фрагментов этой керамики на селище Черниковском. Большинство же интересующих нас могильников расположено на территории г. Уфы и севернее. Показательны в этом отношении Биктимировские могильники, расположенные в 60—70 км севернее г. Уфы. Рядом с ними находится огромное городище с мощным культурным слоем, дающим типично кара-абызскую керамику. Каких-либо других поселений, одновременных с могильниками, нигде поблизости не найдено, хотя и производились тщательные поиски. Так что связь Биктимировских могильников и городища не вызывает, на наш взгляд, никаких возражений. Одновременно очевидна также принадлежность Биктимировских и Охлебининского могильников к одной культуре.

И для I, II, III Биктимировских, и для Охлебининского могильника характерны могильные ямы простой конструкции, преимущественная ориентировка ногами к реке, из инвентаря: поясные ремни, украшенные бронзовыми накладками с изображением голов горных козлов и дисковидными бляхами, различные обоймы, бляшки, подвески и т. д. Некоторые различия в погребальном обряде, форме дисковидных блях, обойм и бляшек носят чисто хронологический характер, поскольку Биктимировские могильники дали в массе погребения III—II вв. до н. э., а поздние Охлебининские датируются концом II в. до н. э. — II в. н. э.

Все вышесказанное убеждает нас в том, что и ранние и поздние погребения Охлебининского могильника следует считать кара-абызскими. Вопрос же о культурной принадлежности убаларских поселений остается пока открытым: считать ли их самостоятельной культурой или вариантом кара-абызской. Во всяком случае, связь их с могильниками типа Охлебининского прослеживается довольно отчетливо.

* * *

Существует давняя дискуссия о культурной принадлежности самих кара-абызских памятников. Не вдаваясь в историю и подробности этой дискуссии, отметим, что в последнее время, благодаря работам Г. В. Юсупова, Т. Н. Троицкой, Р. Б. Ахмерова и автора данной

³⁰ А. Х. Шенниченко. Биктимировский могильник, рис. 2, 3.

³¹ Там же, рис. 2, 4.

статьи была внесена некоторая ясность относительно хронологических рамок и культурной принадлежности кара-абызских памятников. Однако до сих пор исследователи не пришли к единому мнению. Н. А. Мажитовым, например, отстаивается точка зрения о принадлежности кара-абызских памятников к пьяноборской культуре²³.

Не затрагивая этот вопрос в широком плане, остановимся лишь на материалах поздних погребений Охлебининского могильника и опубликованного в этом же сборнике Камышлы-Тамакского.

Такое сопоставление особенно ценно потому, что оба эти памятника синхронны, исследованы в относительно широких масштабах (100 и 115 погребений) и являются в какой-то мере эталонами: Охлебининский — для кара-абызской культуры, Камышлы-Тамакский — для пьяноборской.

Оба могильника имеют ряд общих черт в погребальном обряде и инвентаре. Для тех и других характерны могильные ямы простой конструкции, труположение на спине, вытянуто. Встречаются вещи одинаковые в обоих могильниках — наконечники стрел и копий, бронзовые и железные пряжки, бронзовые наконечники ножен, мечей, височные подвески, поясные накладки и т. д. Но все эти предметы или являются эпохальными и имеют широкое распространение (наконечники стрел, ножи, пряжки), или же встречаются в том или ином памятнике в единичных экземплярах и не отражают особенностей культуры той или иной группы населения.

Материальную культуру поздних погребений Охлебининского могильника определяют следующие вещи: своеобразные женские поясные ремни, украшенные бронзовыми накладками с изображением голов горных козлов и с застежкой из одной-трех дисковидных блях; украшения, находимые в ногах костяка, состоящие из большого количества различных обойм, бляшек, трапециевидных подвесок, пронизок; височные подвески в виде знака вопроса, петлевидные и трапециевидные; в мужских погребениях — поясные ремни, дошедшие до нас в виде бронзовых пряжек различных типов и накладок из зубов животных; однолезвийные мечи, часто с бронзовыми наконечниками ножен; колчаные крючки различных форм. Большинство этих предметов или совершенно отсутствует в Камышлы-Тамакском могильнике (женские пояса, украшения в ногах, петлевидные и трапециевидные височные подвески, колчаные крючки, поясные накладки из зубов животных, круглые пластинчатые пряжки), или же встречаются в единичных экземплярах (бронзовые наконечники ножен мечей, прямоугольные пластинчатые пряжки). Во внимание не берется здесь наконечники стрел и копий, железные ножи, удила, оселки, бусы, многие виды пряжек, поскольку эти предметы, как уже говорилось, распространены гораздо шире территорий пьяноборской и кара-абызской культур.

К этнографическим признакам Камышлы-Тамакского могильника можно отнести следующие предметы: эполетообразные застежки, височные подвески в виде знака вопроса; обувные рамчатые и умбоновидные пряжки; различные прорезные бляшки; поясные накладки прямоугольной формы. Почти все эти вещи совершенно нехарактерны для Охлебининского могильника. Два крючка, подобных эполетообразным застежкам, найдено в Охлебининском могильнике. Но здесь роль их иная — они встречены в мужских погребениях и служили колчанными крючками, в то время как в Камышлы-Тамакском, да и во всех других пьяноборских могильниках, они всегда встречаются в женских погребениях на поясе. Височные подвески в виде знака вопроса в какой-то мере характерны и для Охлебининского могильника. Но здесь надо учесть, что на 101 погребение Камышлы-Тамакского могильника их приходится 266 экз., а на 115 в Охлебининском — 24, причем 8 из них спиральные золотые, совершенно не встречаемые в пьяноборских памятниках. Встречаются в Охлебининском могильнике прорезные бляшки и прямоугольные поясные накладки, но очень редко.

²³ Н. А. М а ж и т о в. Вахмутинская культура. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1963, стр. 8—10.

Имеются отличия и в погребальном обряде. В Охлебнинском могильнике могилы более обширны и глубоки, во всех погребениях встречается кости животных, а часто и глиняные сосудики, совершенно отсутствующие в Камышлы-Тамаке.

Делая упор на различия между этими двумя памятниками, а в какой-то степени и между пьяноборской и кара-абызской культурами, нельзя отрицать и их общие моменты, о которых уже говорилось. Их и не могло не быть, поскольку памятники одновременны, близки территориально и, что самое важное, пожалуй, в основе своей восходит к единой ананьинской культуре. В этом смысле пьяноборские и кара-абызские племена были, видимо, в какой-то мере родственны по происхождению и языку.

Однако это вовсе не означает, что памятники тех и других нужно рассматривать как единую археологическую культуру.

Нам могут возразить, что эти различия между ними локальные и объясняются тем, что кара-абызские памятники являются южной периферией общей пьяноборской культуры; занимаемая территория, граничащую с южными сарматскими и зауральскими племенами, кара-абызцы испытывали сильное влияние последних.

Не отрицая этого влияния, которое, действительно, ярко сказывается как в вещевом материале, так и, частично, в погребальном обряде, следует обратить внимание на то обстоятельство, что подавляющее большинство предметов, имеющих значение для определения культурной принадлежности (женские и мужские поясные ремни, различные обоймы, подвески, бляшки и т. д.) сугубо местные, характерны только для данной группы памятников и совершенно отсутствуют за ее пределами.

Все это убеждает нас в целесообразности и правомерности выделения кара-абызских памятников в самостоятельную культуру, датировав ее IV в. до н. э.—II в. н. э.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Раскоп I. Заложен на краю небольшого мыса на территории городища в 100 м от вала. Площадь около 245 кв. м (16 × 16 м). На этом участке обнаружено 64 погребения (см. рис. 2).

П о г р. 1. На глубине 25 см* в черепоме обнаружены остатки детского скелета очень плохой сохранности. Положение определить не удалось. Инвентарь отсутствует.

П о г р. 2. Могила парусена поздней ямой неизвестного происхождения. Приблизительные размеры могилы 135 × 65 см, глубина 70 см**. Северо-западная стенка у дна обложена камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Частично потревожен поздней ямой. Железный крючок (см. рис. 13, 15)*** — слева у черепа; железная пряжка (см. рис. 15, 16) — у левой тазовой кости; вторая железная пряжка (см. рис. 15, 15) — на правой тазовой кости; каменный оселок (см. рис. 14, 9) — в области пояса; 3 железных наконечника стрел (см. рис. 13, 1) — на месте кисти правой руки; кость животного — у юго-западной стенки на уровне плеча; несколько мелких пережженных косточек — в области пояса.

П о г р. 3. Размеры могильной ямы на уровне материка 195 × 80 см. Ко дну она слегка сужалась и приобрела размеры 180 × 60 см, глубина 105 см. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ, ноги широко раздвинуты в коленях. Бронзовая пряжка (см. рис. 15, 1) — в области пояса; железный нож и бронзовое колечко — в области таза; железные удила с костяными псалниями (см. рис. 13, 7) — на левом бедре; две бронзовые обоймочки (см. рис. 10, 7) — рядом с удилами; железный крючок (см. рис. 13, 11) — на левой голени; две бронзовые обоймы (см. рис. 17, 9—10) — у правого колена, кости животного — за черепом, у самой стенки.

П о г р. 4. Обнаружено на глубине 45 см, углублено в материк на 5—10 см. Юго-восточная стенка частично обложена камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Кости ног ниже колен и правой руки отсутствуют. Найдены бронзовый кельт (см. рис. 7, 3) — с наружной стороны левых лучевых костей и два бронзовых наконечника стрел (см. рис. 7, 1) — один у левой ключицы, другой — у левого бедра.

П о г р. 5. 185 × 60 × 95 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Шайдено лишь два маленьких раздвинутых глиняных сосуда — у левого колена и снаружи правой голени (см. рис. 18, 4).

П о г р. 6. На 20 см. ниже погр. 5. 190 × 70 × 115 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Глиняная чашечка (см. рис. 18, 1) — снаружи правого плеча, кость животного и золотая височная

* Здесь и далее глубина указывается от современной поверхности.

** В дальнейшем первое число будет означать длину могильной ямы, второе — ширину, третье — глубину.

*** В приложении ссылки даются не на рисунок конкретной вещи, а на ее тип.

подвеска (см. рис. 17, 7) — рядом с чашей; бронзовая пряжка (см. рис. 15, 1) — на поясе; несколько ниже — бронзовая бляшка; железный меч (см. рис. 14, 7) — вдоль правого бедра; 8 бронзовых обоймок, 9 пронизок и серебряная пряжка (см. рис. 16, 14) — рядом с мечом. На левой тазовой кости и на левой руке разбросано лезвие 14 бронзовых обоймочек (см. рис. 10, 7), железная пряжка (см. рис. 15, 15), бронзовая подвеска (см. рис. 17, 13), железный нож и крючок (см. рис. 13, 9) — снаружи левой голени; примерно 15 железных наконечников стрел (рис. 13, 1) — у левой ступни; 2 бронзовые пряжки (см. рис. 16, 13) — снаружи правой ступни; железные удила (см. рис. 13, 8) — в восточном углу, железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — у ССЗ стенки на уровне голени. Во многих местах хорошо прослеживались остатки древесной коры.

По г р. 7. 155 × 60 × 55 см. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на юг. Кости рук отсутствуют. Круглая бляшка (см. рис. 17, 12) — в области пояса. Выше дна могилы на 25 см, на уровне материка, в восточном углу — раздавленный горшок (см. рис. 18, 3).

По г р. 8. 200 × 65 × 85 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Кости ног согнуты в коленях вправо (см. рис. 4, а). Кость животного и каменная пряслице (см. рис. 12, 9) — в юго-западном углу, выше черепа; дисковидная бляха (см. рис. 9, 1) и 18 бронзовых накладок (см. рис. 9, 8) — на поясе, на костяке и под ним; перстень (см. рис. 12, 2) — на фаланге правой руки. Большое количество бронзовых украшений лежало в кучке в юго-восточном углу, ниже ступней ног: 1) две ременные подвески с двумя прозрачными бляхами, четырьмя круглыми бляшками и множеством мелких обоймочек (см. рис. 10, 1) и 2) два ряда обойм, чередующихся с круглыми бляшками разных размеров (см. рис. 10, 8). Здесь же 4 ажурных бляшки и 2 круглых плоских (см. рис. 11, 9, 10). На груди — обломок железного ножа. На бронзовых украшениях и под ними хорошо прослеживалась древесная кора.

По г р. 9. 210 × 70 × 120 см. ССЗ стенка и частично ЮЮВ были обложены камнями. Костяк лежал на спине с вытянутыми руками и слегка согнутыми в коленях в левую сторону ногами. Головой ориентирован на ССЗ. Кости животного и железный нож — выше черепа у самой стенки; железный меч (см. рис. 14, 2) — вдоль правого бедра; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) и железный крючок (см. рис. 13, 11) — между голениками; железная пряжка (см. рис. 15, 15) — на левой тазовой кости; железные удила (см. рис. 13, 8) — у ЮЮВ стенки на уровне голени; 16 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1) — у правой ступни. Под костяком слабо прослеживались остатки древесной коры.

По г р. 10. На глубине 15 см в черноземе обнаружен костяк ребенка (длина костяка 42 см), который лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Инвентарь отсутствует.

По г р. 11. Могильная яма прослеживалась очень слабо. 100 × 50 × 38 см. Костяк ребенка лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗЗ. Бусинки-бисер — на шее и в области груди, костяная пронизка — на поясе, слева на уровне таза стояла глиняная чашечка (рис. 18, 1), на ней лежала кость животного.

По г р. 12. Под погр. 11. 160 × 65 × 65 см. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Бронзовая подвеска (см. рис. 11, 12) — на черепе; вторая аналогичная подвеска — в области пояса; железный брашлет у правого локтя; второй, но бронзовый брашлет — у левого локтя (см. рис. 12, 7); железный нож в обломках — в области пояса; бронзовое проволочное кольцо (см. рис. 12, 3) — на фаланге левой руки.

По г р. 13. 190 × 70 × 80 см. В засыпке на различной глубине встречено несколько мелких пережженных косточек. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. Кость животного — снаружи правого плеча; бронзовый перстень (см. рис. 12, 2) — на фаланге правой руки; бронзовая пряжка (см. рис. 16, 15), бляшка и железный нож — ниже таза между бедрами; две бронзовые обоймочки (см. рис. 17, 8) и 7 бусин — снаружи правого бедра; железные удила (см. рис. 13, 8) — ниже ступни левой ноги у стенки.

По г р. 14. 105 × 45 × 50 см. Костяк ребенка лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Инвентарь отсутствует.

По г р. 15. 180 × 60 × 90 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Железный нож (см. рис. 17, 6) — на левом бедре; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — с наружной стороны левого бедра; 12 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1) — снаружи левой голени и ниже правой ступни; железная пряжка (см. рис. 15, 16) — ниже ступней.

По г р. 16. 200 × 80 × 60 см. Костяк лежал на спине, с вытянутыми руками и слегка согнутыми в коленях вправо ногами. Стекланные бусы — в области шеи; бронзовая золоченая дисковидная бляха (см. рис. 9, 6) — на поясе, здесь же под костяком вправо и влево от бляхи — 10 бронзовых накладок (см. рис. 9, 8); бронзовый перстень (см. рис. 12, 5) — на фаланге правой руки; трапециевидная подвеска (см. рис. 11, 4) — снаружи левой голени. Под поясом следы древесной коры.

По г р. 17. На глубине 35 см в черноземе обнаружен костяк ребенка на спине, вытянуто, головой на ЮЗЗ. Инвентарь отсутствует.

По г р. 18. В черноземе на уровне материка (глубина 52 см) лежал костяк подростка, на спине, вытянуто, головой на ЮЗЗ. Потроженный погр. 19, находящийся на 8 см ниже. Бронзовая гривна — на шее; 13 мелких обоймок и 2 маленьких бронзовых бляшки с ушками на обороте (см. рис. 6, 7) — выше черепа и на груди; справа на груди и у левого виска — по одной проволочной височной подвеске (см. рис. 6, 6); бронзовый колокольчик (см. рис. 6, 15) — в области пояса слева; рядом — железный нож.

По г р. 19. Прорезано погр. 18. 70 × 35 × 60 см. Детское. Костяк очень плохо сохранился. Вероятно, лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Инвентарь отсутствует.

П о г р. 20. В черепоме на глубине 70 см обнаружены остатки детского черепа и вещи. Костяк, по-видимому, лежал вытянуто, головой на ССЗ. К ССЗ от черепа лежали большие камни, которыми, вероятно, была обложена узкая ССЗ стенка могилы. Глиняная чаша (см. рис. 18, 2) — справа у черепа; в области шеи — стеклянные бусы; бронзовая позолоченная бляха (см. рис. 9, 6) — в области пояса; рядом с ней — железный крючок (см. рис. 9, 10) и 5 бронзовых накладок (см. рис. 9, 2); глиняная чаша (см. рис. 18, 1) — у южной стенки, рядом с ней — бронзовые украшения: 2 убоновидные бляхи (см. рис. 10 14), 2 бляхи в форме лиры (см. рис. 10, 4), 7 круглых бляшек разных размеров с двумя ушками на обороте (см. рис. 10, 2, 12), одна большая и две маленькие трапецевидные подвески (см. рис. 11, 4), 58 обоймочек (см. рис. 10, 6), одна пронизка (см. рис. 11, 15); по одному бронзовому браслету (см. рис. 12, 6) — справа и слева на уровне груди.

П о г р. 21. 230 × 120 × 100 см. ССЗ и ЮВВ стенки у дна обложены большими камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ (см. рис. 4, 6). Железный нож (см. рис. 17, 6) и кость животного — справа у черепа; золотая височная подвеска (см. рис. 8, 1) — под черепом; большое количество стеклянных и сердоликовых бус — на шее; две бронзовые дисковидные бляхи (см. рис. 9, 1, 4) — на поясе справа и слева, здесь же 16 бронзовых накладок (см. рис. 9, 8). Большое количество бронзовых украшений — ниже ступней ног. Среди них можно выделить следующие комплексы; две бляхи в форме лиры, подвешивавшиеся, вероятно, на узких ремешках; ремни были украшены тремя или четырьмя большими бляшками, чередующимися с бронзовыми обоймочками (см. рис. 10, 1); 8 трапецевидных подвесок, которые подвешивались на узких ремешках, украшенных круглыми бляшками с ушком на обороте и обоймочками (см. рис. 11, 2); одна дисковидная бляха с отверстием в центре, также подвешивавшаяся на двух таких же ремешках (см. рис. 11, 1). На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

П о г р. 22. На глубине 50 см в черепоме лежал костяк ребенка, вытянуто, на спине, головой на ССЗ. Кости плохой сохранности. Раздавленная глиняная чашечка (см. рис. 18, 2) — слева на уровне пояса; 7 мелких голубых бусинок на шее; железный нож (см. рис. 17, 6) — справа у пояса.

П о г р. 23. 150 × 75 × 65 см. Западная и южная стенки обложены небольшими камнями. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на север. На левом плече стоял глиняный горшок (см. рис. 18, 2).

П о г р. 21. На глубине 105 см в черепоме лежал костяк взрослого человека на спине, вытянуто головой на ССЗ. К северу и западу от костяка найдено несколько камней, которыми, очевидно, обкладывались стенки могильной ямы. Кость животного и железный пожичек — слева у черепа; дисковидная бляха (см. рис. 9, 4) — на поясе; 16 бронзовых поясных накладок (см. рис. 9, 8) — по обе стороны дисковидной бляхи под костяком лицевой стороной вниз; стеклянные бусы — в области шеи.

Большое количество бронзовых украшений находилось ниже ступней ног. Они состояли из двух ремней, украшенных прямоугольными обоймами, чередующимися с круглыми бляшками с ушком на обороте. Один ремень был украшен 18 мелкими бляшками и 19 обоймами, другой — 19 крупными бляшками и 14 обоймами (см. рис. 10, 8). Здесь же два узких ремешка, украшенных 48 мелкими обоймочками (см. рис. 10, 6). Справа на уровне ступней ног — глиняное пряслице (см. рис. 12, 8).

П о г р. 25. 200 × 100 × 100 см. Стенки могилы обложены большими камнями. Обработано. На дне могилы в западной половине лежал человеческий череп, западнее — кости рук. Остальные кости скелета встречались в засыпке на различной глубине. На дне в восточной половине — каменный оселок (см. рис. 14, 5), железная пряжка (см. рис. 15, 14) и железный наконечник стрелы (см. рис. 13, 1).

П о г р. 26. 240 × 140 × 110 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗ. Кости плохой сохранности. Бусы из гешира и стекла — на шее; бронзовая височная подвеска (см. рис. 8, 3) — у левого виска; дисковидная бляха (рис. 9, 4) — на поясе; железный крючок (см. рис. 9, 10) — рядом с бляхой, слева; железный нож (см. рис. 17, 6) и кость животного — у левого колена; глиняное пряслице (см. рис. 12, 8) — ниже левой ступни; бронзовая бляшка (см. рис. 10, 13) — ниже правой ступни. На дисковидной бляхе и под ней — следы древесной коры.

П о г р. 27. 220 × 130 × 105 см. Стенки могильной ямы у дна обложены камнями различной величины и формы. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССВ. Кости плохой сохранности (см. рис. 4, 2). Железный нож (см. рис. 17, 6) — справа на уровне груди; бронзовая пряжка (см. рис. 15, 1), каменный оселок (см. рис. 14, 9), второй железный нож (см. рис. 17, 6) и железное шило (?) — на поясе; железный меч (см. рис. 14, 2) — вдоль правого бедра; крючок (см. рис. 13, 12) — у левой голени; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6), удила (см. рис. 13, 8), пряжка (см. рис. 15, 15) и наконечники стрел (см. рис. 13, 1) — ниже левой ступни. На бронзовой пряжке и под ней сохранилась древесная кора.

П о г р. 28. 220 × 100 × 105 см. По стенкам могилы у дна лежало несколько камней. Вдоль западной стенки хорошо прослеживалась древесная кора. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССВ. Кость животного — за черепом; две бронзовые пряжки (см. рис. 16, 12) — справа на уровне плеча лицевой стороной вниз; большая халцедоновая бусина (см. рис. 17, 16) — на шее; бронзовая пряжка (см. рис. 15, 6), железный нож (см. рис. 17, 6) — на поясе; железный меч (см. рис. 14, 3) — вдоль правого бедра, здесь же — две бронзовые бляшки (см. рис. 17, 1); крючок (см. рис. 13, 17) — снаружи левого колена; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — ниже ступни левой ноги; железные наконечники стрел (см. рис. 13, 1-2), железные удила со стержневидными псалмами (см. рис. 13, 13) и костяная пряжка — ниже левой ступни (см. рис. 16, 1), рядом с ними, ближе к стенке — раздавленная глиняная

сосуд. В западной стенке на уровне 10 см от дна могилы найдена костяная лопаточка (см. рис. 17, 2). На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

П о г р. 29. 210 × 80 × 53 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север, ноги в коленях слегка раздвинуты. Погребен погр. 30. Кость животного — выше черепа в СВ углу, за черепом — 8 мелких бронзовых обоймочек (см. рис. 10, 6), 12 аналогичных обоймочек — ниже правой ступни; стеклянные бусы — на шею; две бронзовые дисковидные бляхи (см. рис. 9, 1, 4) и 18 бронзовых накладок — на пояс, у левого колена и у западной стенки на уровне черепа (см. рис. 9, 8); бронзовый перстень (см. рис. 12, 4) — ниже таза слева; бронзовая бляшка (см. рис. 10, 13) и железный нож (см. рис. 17, 6) — у левого колена. На пояс и под ним сохранилась древесная кора.

П о г р. 30. 125 × 60 × 70 см. Расположено перпендикулярно погр. 29 и частично нарушило его западную стенку. Костяк ребенка лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Несколько мелких бусинок желтоватого цвета, рассыпавшихся при прикосновении, — на шею; глиняное пряслице (см. рис. 12, 8) — снаружи левой голени; бронзовая умбонovidная бляшка (см. рис. 11, 8) — у правой ступни; 23 бронзовых обоймочки (см. рис. 10, 7) — ниже ступней у стешки.

П о г р. 31. 210 × 100 × 105 см. Костяк лежал на спине, головой на ССВ. Кости плохой сохранности. Глиняная чашечка (см. рис. 18, 2) — снаружи правой голени; серебряный (?) перстень (см. рис. 12, 2) — на фаланге левой руки.

П о г р. 32. В череповом на глубине 50 см обнаружен костяк взрослого человека, лежавший на спине, вытянуто, головой на ССВ. Глиняная чаша (см. рис. 18, 2) — у правого колена, кость животного — за черепом справа.

П о г р. 33. 280 × 85 × 120 см. Над ним находилось погр. 17. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Железная пряжка (см. рис. 15, 15) — на груди; зубы животных — накладки (см. рис. 15, 12) — на пояс. Накладки располагались по одной линии и оканчивались железной пряжкой. Железный меч (см. рис. 14, 3) — вдоль правого бедра; железный нож (см. рис. 17, 6) — снаружи левого бедра; железный крючок (см. рис. 13, 9) — у левого колена; бронзовая бляшка — между голеними; 40 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1—2) — у левой ступни остриями вверх. На бронзовом наконечнике ножен меча и под ним древесная кора.

П о г р. 34. В череповом на глубине 75 см обнаружена часть скелета подростка, положенного на спину, вытянуто, головой на ССЗ. Частично потревожено более поздним погр. 33. Большая бронзовая трапециевидная подвеска (см. рис. 6, 17) — справа у черепа, по одной височной подвеске — справа и слева у черепа (см. рис. 6, 3); бронзовая гривна (см. рис. 6, 1) — на шею; 8 маленьких бронзовых обоймочек (см. рис. 6, 7) — на груди и в области пояса, на пояс же — бронзовая бляшка прямоугольной формы (см. рис. 6, 23); бронзовая бляшка со стилизованным изображением оленя (см. рис. 6, 24) и бронзовый крючок — в области таза (см. рис. 6, 10); бронзовый браслет (см. рис. 6, 18) — на левой руке; спиральный перстень (см. рис. 6, 2) — у левого бедра.

П о г р. 35. 290 × 80 × 160 см. На дне могилы лежал скелет взрослого человека, на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Берцовые кости отсутствовали. Они были снесены поздней ямой, которая была глубже дна могильной ямы на 10 см. Кости животного — слева у черепа; железная пряжка (см. рис. 15, 15) — на груди; вторая аналогичная пряжка — между берцовыми костями, здесь же — железный нож (см. рис. 17, 6); железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — у восточной стенки на уровне пояса; железные удила (см. рис. 13, 8) и бронзовый крючок (см. рис. 13, 14) — рядом с копыем; железный меч (см. рис. 14, 2) — вдоль правого бедра; бронзовая пряжка (см. рис. 16, 11) — рядом с мечом; около 26 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — с наружной стороны левого бедра. На бронзовом крючке сохранились остатки древесной коры.

П о г р. 36. 100 × 60 × 55 см. Костяк ребенка лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Кости сохранились очень плохо. Инвентарь отсутствует.

П о г р. 37. 188 × 75 × 100 см. Погребение перекрывалось более поздним (погр. 29), глубина которого на 47 см меньше.

Плохо сохранившийся костяк взрослого человека лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Под костяком в области ног лежал большой камень, еще один камень находился у восточной стенки. Височные подвески (см. рис. 6, 3) — по одной справа и слева у черепа; бронзовая гривна (см. рис. 6, 1) — на шею; железные браслеты (см. рис. 6, 19) — на обеих руках ближе к кистям; бронзовая бляшка — на правой тазовой кости, здесь же — маленькая обоймочка (см. рис. 6, 7), вторая обоймочка — снаружи левого бедра.

П о г р. 38. 220 × 95 × 120 см. Стенки могилы у дна обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССВ. Железный нож (см. рис. 17, 6) — на лучевых костях правой руки; железные удила (см. рис. 13, 8) — у левой руки; бронзовая пряжка (см. рис. 15, 4) — на левой тазовой кости; железный наконечник копья (см. рис. 14, 4) и железный крючок (см. рис. 13, 11) — у восточной стенки на уровне таза; 10 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — у восточной стенки, на уровне колена; маленькая бронзовая пряжка (см. рис. 16, 9) — у правого бедра.

П о г р. 39. В слое череповом на глубине 1 м лежал костяк взрослого человека на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Костяк частично перекрывал погр. 40. Кость животного — справа у черепа; 3 бусинки — на шею; бронзовая дисковидная бляха (см. рис. 9, 1), 8 бронзовых накладок (см. рис. 9, 8) и железный крючок (см. рис. 9, 10) — на пояс; железный нож (см. рис. 17, 6) — на правой тазовой кости; бронзовые обоймы и бляшки разных размеров (см. рис. 10, 10—12) ниже ступней ног. Среди них найдена одна умб-

новидная бляшка (см. рис. 11, 8). Ниже бронзовых украшений — раздавленный глиняный горшок (см. рис. 18, 1).

По г р. 40. Под погр. 39. $220 \times 85 \times 110$ см. Северная и южная узкие стенки могилы были обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Железный нож (см. рис. 17, 6) — за черепом в СВ углу; бронзовые височные подвески (см. рис. 8, 2) — по одной справа и слева у черепа; бусы из гшира и стекла — на шею; дисковидная бляха (см. рис. 9, 2) — на пояс; две бронзовые поясные накладки (см. рис. 9, 8) — рядом с бляхой справа; железное шило (2) — у правой ступни; раздавленный глиняный горшок (см. рис. 18, 8) — ниже левой ступни. На бронзовой бляхе и под ней прослеживались остатки древесной коры.

По г р. 41. В черноземе на глубине 70 см. Парное. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЮЗ, у ступни правой ноги обнаружены остатки черепа ребенка плохой сохранности. Ниже ступней ног костяка 1 (подросток) стояла глиняная чаша (см. рис. 18, 1), справа на уровне таза — 2 астрогала.

По г р. 42. Разрушено погр. 43. В черноземе на глубине 85 см. От костяка сохранились лишь ноги — левая голень и полностью правая нога. Инвентарь отсутствует. Возможно, что к этому погребению относится глиняная чаша, найденная над могилкой, выше ее дна на 20 см (см. рис. 18, 2).

По г р. 43. $220 \times 90 \times 100$ см. На дне могильной ямы лежало два костяка на спине, вытянуто, головой на СЗЗ. Инвентарь костяка 1. Стеклняные бусы — на шею, глиняное пряслице, очень плохо сохранившееся — справа у черепа; дисковидная бляха (см. рис. 9, 1) — на пояс; по обе стороны бляхи — 5 поясных накладок (см. рис. 9, 8); 49 бронзовых обоймочек (см. рис. 10, 6) — ниже ступней ног. Инвентарь костяка 2. Каменная пряслице (см. рис. 12, 9) — за черепом; бусы из стекла, кости и сердолика — на шею; 2 дисковидные бляхи (см. рис. 9, 1, 4), железный крючок (см. рис. 9, 10) и 9 поясных накладок лицевой стороной вниз (см. рис. 9, 8) — на пояс. Много бронзовых украшений находилось на голенях: 2 трапециевидные подвески (см. рис. 11, 4), 4 больших и 15 мелких круглых бляшек с ушком на обороте (см. рис. 10, 12, 13), 97 мелких обоймочек (см. рис. 10, 7). У восточной стенки на 20 см выше дна могильной ямы стоял глиняный горшок (см. рис. 18, 2). Возле горшка на дне могилы найден бронзовый спиральный перстень (см. рис. 12, 2), у западной стенки за головами костяков — тазовая кость животного и 2 железных ножа. На бронзовых украшениях обоих костяков сохранилась древесная кора.

По г р. 44. На глубине 55 см в черноземе обнаружен костяк ребенка, который лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. На шею найдена одна маленькая стеклянная бусинка светло-голубого цвета.

По г р. 45. В черноземе на глубине 60 см обнаружен костяк ребенка. Положение его на спине, вытянуто, головой на СЗ. На шею 3 стеклянные бусинки темно-синего цвета.

По г р. 46. $230 \times 120 \times 115$ см. Восточная и частично северная стенки у дна обложены камнями. Частично потревожено погр. 28 и 44, которые имели меньшую глубину. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Оселок (см. рис. 14, 9), 37 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — у левого бедра.

По г р. 47. $220 \times 100 \times 120$ см. Возле западной стенки прослеживалась древесная кора. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЮЗ. Кость животного — за черепом у южной стенки; оселок (см. рис. 14, 9) — у левого локтя; костяная проколка (см. рис. 17, 1) и железный нож — ниже таза между бедрами; костяная подвеска (см. рис. 17, 5), железный наконечник копыя (см. рис. 14, 6) — с наружной стороны левого бедра; 23 железных наконечника стрел (см. рис. 13, 1, 2) — у левого колена; железная пряжка (см. рис. 15, 15) — справа у таза.

По г р. 48. Под погр. 45. $220 \times 110 \times 110$ см. Стенки могилы у дна частично обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЮЗ. Позвоночник сильно изогнут, кости левой руки отсутствуют. Кости животного и железный нож (см. рис. 17, 6) — слева на уровне груди; 7 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1—2) — снаружи левой голени; глиняная чаша — справа на уровне ступней, на 20 см выше дна могильной ямы (см. рис. 18, 1).

По г р. 49. В черноземе на глубине 90 см лежал костяк человека на спине, вытянуто, головой на север. Справа от костяка лежали два камня. Височные подвески (см. рис. 8, 5) — по одной справа и слева у черепа; стеклянные бусы — на шею; дисковидная бляха (см. рис. 9, 1) и 7 поясных накладок (см. рис. 9, 8) — на пояс; 8 бляшек различной величины (см. рис. 11, 16) и 58 мелких обойм (см. рис. 10, 7) — ниже ступней ног, рядом с ними — кость животного. На бронзовых украшениях и под ними хорошо сохранилась древесная кора.

По г р. 50. Прорезало погр. 51. $175 \times 70 \times 100$ см. На дне могилы лежало два скелета (ребенка и подростка), на спинах, вытянуто, головами на СЗ. Кости сохранились плохо. Инвентарь костяка 1 (ребенка): кость животного и железный нож — за черепом; бусы — на шею; 2 бронзовые пряжки (см. рис. 16, 9), железные удила с костяными псалмами (см. рис. 13, 7), бусы, аналогичные тем, что на шею, и 3 маленьких бронзовых обоймочек (см. рис. 10, 7) — ниже ступней ног. Инвентарь костяка 2 (подростка): бронзовая пряжка (см. рис. 15, 7), подвеска и железный нож — на пояс; железный наконечник копыя (см. рис. 14, 6) — у левого колена; 11 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — в восточном углу могилы; круглая бляшка (см. рис. 17, 1, 2) — у правой ступни.

По г р. 51. Потревожено погр. 50. Глубина 95 см. Кости встречены в слое заполнения. Там же — глиняная чаша (см. рис. 18, 2). Еще два раздавленных глиняных сосуда (см. рис. 18, 4, 10) обнаружены ниже ступней ног.

По г р. 52. В черноземе на глубине 45 см лежал костяк взрослого человека на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Костяк потревожен поздней ямой. Стеклняные бусинки — на шею; глиняное пряслице

(см. рис. 12, 8) — возле ямы, приблизительно на уровне колен; железный крючок (см. рис. 9, 10) — на крестце.

По г р. 53. В черноземе на глубине 40 см обнаружен плохо сохранившийся костяк ребенка грудного возраста. Он лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Вещей нет.

По г р. 54. 220 × 110 × 95 см. Частично искривляет погр. 55. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Потревожен поздней ямой. Золотые височные подвески (см. рис. 8, 1) — по одной справа и слева у черепа; мелкие стеклянные бусы — на шее; кости животного и железный нож (см. рис. 17, 6) — у ЮЗ стенки на уровне правого плеча. Здесь же — маленькая кость животного; бронзовая дисковидная бляха (см. рис. 9, 4), железный крючок (см. рис. 9, 10) и 16 бронзовых накладок (см. рис. 9, 8) — на поясе. Часть поспыных накладок — под костяком. В области кистей рук — по одному серебряному перстню (см. рис. 12, 2). На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

По г р. 55. 215 × 120 × 105 см. Стенки могилы у дна обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Ноги находились под погр. 54. Два острогала — справа на уровне плеча; бронзовая пряжка (см. рис. 15, 5) — на поясе; железный нож (см. рис. 17, 6) — на левом бедре; 10 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — с паружной стороны левого колена.

По г р. 56. 280 × 95 × 85 см. Стенки ямы у дна в нескольких местах обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Бронзовая пряжка (см. рис. 15, 2) — на поясе; оселок (см. рис. 14, 9), железный нож, бронзовая бляшка (см. рис. 17, 2) — на тазовых костях; две бронзовые обоймы (см. рис. 17, 10) — у правого бедра; железные удила (см. рис. 13, 8) — у правой ступни; бронзовый крючок (см. рис. 13, 16) — у левой ступни; бронзовый перстень (см. рис. 17, 15) — на фаланге левой руки.

По г р. 57. На глубине 15 см в черноземе обнаружены раздавленный сосуд (рис. 18, 1) и разбросанные кости детского скелета. Вероятно, здесь было детское захоронение.

По г р. 58. В черноземе на глубине 30 см обнаружен костяк ребенка, который лежал на спине, вытянуто, головой на север. В области шеи — несколько мелких стеклянных бусин.

По г р. 59. 210 × 80 × 95 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Несколько глиняных черепков от одного сосуда — справа от черепа; кость животного и железный нож — за черепом; второй железный нож — справа у таза; оселок (см. рис. 14, 9) — у правого бедра; железный крючок (см. рис. 13, 9) — у северной стенки на уровне бедра; 19 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — у голени.

По г р. 60. 240 × 115 × 110 см. Стенки ямы у дна обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Кости животного и железный нож (см. рис. 17, 6) — за черепом у западной стенки; кучка костей животного и железный нож — у северной стенки, на уровне груди костяка. Обломок бронзовой пряжки (см. рис. 15, 6) — на поясе; железный нож (см. рис. 17, 6) — на левом бедре; железный крючок (см. рис. 13, 9) — снаружи левого бедра; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — у северной стенки на уровне колен; 14 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — снаружи левой голени; железные удила (см. рис. 13, 7) — в СВ углу могилы; две бронзовые пряжки (см. рис. 16, 9) — в области ступней ног.

По г р. 61. В черноземе на глубине 40 см обнаружен костяк ребенка (длина 55 см), который лежал на спине, вытянуто, головой на ССВ. Вещей нет.

По г р. 62. 215 × 90 × 100 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Кость животного — слева у черепа, железная пряжка (см. рис. 15, 15) — на поясе слева; бронзовый провололочный перстень (см. рис. 12, 3) — на фаланге левой руки; железный нож (см. рис. 17, 6) — ниже таза; 14 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — у восточной стенки на уровне колена; раздавленный глиняный горшок (см. рис. 18, 6) — ниже правой ступни.

По г р. 63. 200 × 90 × 100 см. На дне у северной стенки — два камня. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗЗ. Железный нож (см. рис. 17, 6) — выше левого плеча; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) и 28 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1—2) — у левого бедра; железные удила (см. рис. 13, 13) и 6 бронзовых накладок-обойм (см. рис. 13, 10), вероятно, украшения узды — ниже ступней ног.

По г р. 64. 255 × 125 × 105 см. Стенки ямы почти доверху обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССВ. Костяная пряжка (см. рис. 16, 5) — у правого локтя; бронзовая пряжка (см. рис. 16, 15) — в области пояса слева; еще две бронзовых пряжки — снаружи правого колена (см. рис. 16, 19); железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) и железный крючок (см. рис. 13, 11) — у левого колена; 10 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1—2) — у левой ступни; железные удила (см. рис. 13, 13) — ниже левой ступни.

Раскоп II. Площадь 15 × 10 м, около 135 кв. м. Вскрыто 22 погребения (см. рис. 3).

По г р. 65 (1)*. 230 × 95 × 70 см. На дне по стенкам найдено несколько камней. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. Кости сохранились плохо. Стеклянные бусы — на шее; дисковидная бляха (см. рис. 9, 1), железный крючок, 18 бронзовых накладок (см. рис. 9, 8, 10) — на поясе, большинство накладок лежали лицевой стороной вниз; серебряные перстни (см. рис. 12, 2) — справа и слева у бедер. Большое количество бронзовых украшений находилось ниже ступней ног, у южной стенки: 18 больших прямоугольных обойм (см. рис. 10, 9), 15 больших круглых бляшек с ушком на обороте (см.

* Здесь и далее в скобках указан номер погребения по полевой документации.

рис. 10, 12), 23 мелких прямоугольных обойм (см. рис. 10, 10), 23 мелких круглых бляшек с ушком на обороте (см. рис. 10, 13), одна круглая бляшка с двумя ушками на обороте (см. рис. 10, 2), 82 узкие удлиненные обоймочки (см. рис. 10, 6), 67 таких же обоймочек меньшего размера (см. рис. 10, 7). Под костяком и поверх него сохранилась древесная кора.

По г р. 66(2). В черепице на глубине 15 см обнаружен детский костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на север. Кости сохранились плохо. Выше черепа лежали раздавленный глиняный горшок (см. рис. 18, 2) и кость животного.

По г р. 67(3). В черепице на глубине 12 см обнаружен костяк взрослого человека, лежавший на спине, вытянуто, головой на ССЗ. У левого колена найден раздавленный глиняный горшок (см. рис. 18, 4).

По г р. 68(4). 245 × 95 × 90 см. Восточная стенка могилы у дна частично обложена камнями. Южная половина могилы нарушена глубокой ямой неизвестного назначения. Яма круглая в плане, на уровне материка имела диаметр 110 см, затем немного сужалась, а с глубины 140 см вновь расширялась до 135 см в диаметре. Глубина ямы от уровня материка 250 см, от поверхности — 300 см. Заполнение ямы состояло из черепицы, сильно смешанного с золой. На глубине 130 см от уровня материка встречено большое количество керамики и битых костей животных, на самом дне найдена берцовая кость, принадлежавшая, вероятно, костяку погр. 68.

В могиле лежал скелет взрослого человека на спине, вытянуто, головой на север. Кости ног ниже колен снесены ямой, а бедренные кости опускаются в яму. Найдено: 20 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1—2) — в области груди; железный нож (см. рис. 17, 6) — у правого бедра; железный крючок (см. рис. 13, 11) — у левого бедра.

По г р. 69(5). 210 × 100 × 105 см. В СВ углу найдено два камня. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. Кости животного — в СВ углу; бронзовая фибула (см. рис. 17, 5) — на груди, слева; оселок (см. рис. 14, 9) — на левой тазовой кости; железный меч (см. рис. 14, 2) — вдоль правого бедра; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — у восточной стенки на уровне колен.

По г р. 70(6). Разрушено более поздним погр. 69. Форму могильной ямы проследить не удалось. На глубине 80 см были обнаружены в кучке кости рук, ног, таза, череп взрослого человека и среди них бронзовая дисковидная бляха (см. рис. 9, 5).

По г р. 71(7). 240 × 120 × 90 см. У дна стенки могилы обложены камнями. СВВ стенка нарушена ямой. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Левая нога согнута в колене. Кости сохранились плохо. Кость животного и железный нож — выше черепа в северном углу; железный меч (рис. 14, 1) — вдоль правого бедра; бронзовая пряжка (рис. 15, 5) — с наружной стороны левого бедра; две пластинчатые бронзовые пряжки (см. рис. 16, 17) — с наружной стороны левой голени; железный крючок (см. рис. 13, 11) — на левой голени; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — у левой ступни; 12 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1—2) — ниже левой ступни; железные удила (см. рис. 13, 13) — у правой ступни. На бронзовых изделиях и под ними сохранилась древесная кора.

Яма, нарушившая СВВ стенку, имела диаметр 85 см, глубину 90 см — на уровне дна могилы. Заполнена черепицей, перемешанная с золой. Встречено несколько расколотых костей животных.

По г р. 72(8). В черепице на глубине 45 см обнаружен костяк взрослого человека, лежавший на спине, с вытянутыми руками и сильно согнутыми в левую сторону ногами, головой на СЗЗ. Раздавленная глиняная чашечка (см. рис. 18, 3), железный нож — за черепом; стеклянные бусы и костяной амулет — на шею; серебряная височная подвеска (см. рис. 8, 3) — у правого виска; дисковидная бляха (см. рис. 9, 4), железный крючок (см. рис. 9, 10) и 13 бронзовых накладок ремня (см. рис. 9, 8) — на пояс. Много бронзовых украшений найдено ниже ступней ног: 6 больших обойм прямоугольной формы (см. рис. 10, 9), 10 больших круглых бляшек с ушком на обороте (см. рис. 10, 12), 7 мелких обойм прямоугольной формы (см. рис. 10, 10), 12 мелких бляшек с ушком на обороте (см. рис. 10, 13), 18 маленьких обоймочек (см. рис. 10, 7). На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

По г р. 73 (9). Его частично перекрывает погр. 72. 200 × 80 × 70 см. У северной стенки лежал один камень. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. Две бронзовые бляшки (см. рис. 7, 4) — ниже таза между бедрами; железный крючок — с наружной стороны левого бедра; 17 бронзовых наконечников стрел (см. рис. 7, 1) — с наружной стороны левого колена.

По г р. 74 (10). 210 × 100 × 105 см. Западная и частично северная стенки могилы у дна обложены камнями. Южный край могилы нарушен, вероятно, более поздней ямой. На дне могилы лежал костяк взрослого человека на спине, с согнутыми в локтях руками (судя по находкам перстней, кисти рук лежали на груди) и раздвинутыми в коленных ногах. Ступни ног разрушены ямой. Кости сохранились плохо. Кости животных и железный нож (см. рис. 17, 6) — в СВ углу за черепом; стеклянные и шершавые бусы — возле черепа и на груди; золотые височные подвески (см. рис. 8, 1) — по одной справа и слева у черепа; бронзовые височные подвески (см. рис. 8, 3) — также по одной справа и слева у черепа; серебряные перстни (см. рис. 12, 2) — по 2 экз. справа и слева на груди; три бронзовых дисковидных бляхи (см. рис. 9, 4, 6), 21 бронзовая накладка ремня (см. рис. 9, 8) — на пояс. С наружной стороны правой голени найдена подвеска, состоящая из умбовидной бляхи с ушком на обороте, двух ремешков, продетых сквозь бронзовые проноски (77 проносок), и двух «блях» в виде трех спаянных колец (см. рис. 11, 3). На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

По г р. 75 (11). 230 × 120 × 100 см. СЗ и частично ЮЗ стены у дна обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗ. Кости имели плохую сохранность. Глиняный горшок (см. рис. 18, 7), кость животного и железный нож — за черепом; железный стержень — на груди; бронзовая пряж-

ка (см. рис. 16, 7) и оселок (см. рис. 14, 9) — в области пояса; железный крючок (см. рис. 13, 9) — с наружной стороны левого бедра, 4 железных наконечника стрел (см. рис. 13, 1, 2) — с наружной стороны левого колена; там же — железный наконечник копья (см. рис. 14, 6); железный меч (см. рис. 14, 1) — вдоль правого бедра; бронзовая пряжка (см. рис. 16, 18) — рядом с мечом. На бронзовых изделиях и под ними сохранилась древесная кора.

По г р. 76 (12). 220 × 100 × 75 см. У дна стенки могилы обложены камнями. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗ. Кости сохранились очень плохо. Кость животного и глиняный горшок (см. рис. 18, 7) — за черепом в западном углу; железный меч (см. рис. 14, 1, 8) — вдоль правого бедра; железная пряжка, очень плохо сохранившаяся (см. рис. 15, 15) — слева у таза; железный крючок (см. рис. 13, 9) — с наружной стороны левого бедра; две бронзовых обоймы (см. рис. 17, 9) — между бедренными костями; 16 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — с наружной стороны левой стенки и между голениками; две бронзовые пряжки (см. рис. 16, 10) — у левой ступни.

По г р. 77 (13). Частично разрушено более поздним погр. 74. Размеры сохранившейся части — 170 × 60 × 65 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Кости ног частично разрушены могильной ямой погр. 74. 21 бронзовый наконечник стрелы (см. рис. 7, 1, 2) — с наружной стороны левого колена; железный нож — на крестце.

По г р. 78 (14). 230 × 120 × 120 см. Стенки могилы у дна обложены большими камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ, на уровне таза слева лежал очень плохо сохранившийся костяк ребенка, также, вероятно, на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Инвентарь костяка 1: серебряная височная подвеска (см. рис. 8, 4) — слева у черепа; золотая височная подвеска (см. рис. 8, 1) — под черепом; гешировые бусы — на шею; кости животного — у восточной стенки на уровне груди; бронзовые накладки ремня (см. рис. 9, 8) — под тазовыми костями; дисковидная блaha (см. рис. 9, 4) — ниже таза на правом бедре; в два ряда 133 бронзовых узких обоймочек (см. рис. 10, 6, 7), 4 бронзовых блшки с ушком на обороте (см. рис. 10, 13), каменные пряслице (см. рис. 12, 9) — ниже ступней ног, у южной стенки. В ЮВ углу найдена раздавленная глиняная чаша (см. рис. 18, 2). В области шеи костяка 2 (ребенку) найдено 3 стекляных бусины. На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

По г р. 79 (15). 225 × 120 × 130 см. У дна стенки могилы обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Кость животного и железный нож — за черепом у ССЗ стенки; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — на лучевых костях левой руки; железный крючок, очень плохо сохранившийся — снаружи левого бедра; 13 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — с наружной и внутренней стороны левой голени, между ступнями и ниже их; железные удила с костяными псалями (см. рис. 13, 7) — ниже правой ступни; железный нож (см. рис. 17, 6) — у правого колена; раздавленный глиняный сосуд (см. рис. 18, 7) — у ЮЮЗ стенки.

По г р. 80 (16). 260 × 140 × 150 см. Стенки могилы у дна обложены камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЮЗ. Кости животного и железный нож (см. рис. 17, 6) — за черепом; бронзовое кольцо и 5 заклепок — справа на поясе; бронзовая пряжка (см. рис. 15, 9) и 2 заклепки — слева на поясе; бронзовый наконечник ремня (см. рис. 15, 10) — в области таза; железный меч (см. рис. 14, 2) — вдоль правого бедра; железный кинжал — под мечом; железное шило (?) — рядом с мечом; оселок (см. рис. 14, 9) — с левой стороны меча; железные удила с псалями (см. рис. 13, 13) — с наружной стороны левого предплечья; железная пряжка (см. рис. 15, 15) — у левой кисти; костяная трубочка (см. рис. 17, 3) — там же; железный крючок (см. рис. 13, 11) — с наружной стороны левой голени; 13 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — у левой ступни; железный наконечник копья (см. рис. 14, 4) — рядом со стрелами. Под бронзовой пряжкой и кольцом сохранилась древесная кора.

По г р. 81 (17). 280 × 130 × 140 м. ССЗ половина могилы частично нарушена ямой. Глубина ямы равна глубине могилы. Засыпка — густой чернозем, отличающийся от заполнения могилы.

На дне могилы находилась часть костяка взрослого человека, ниже пояса. Верхняя половина скелета сена ямой. Вероятно, умерший был положен на спину, вытянуто, головой на ССЗ. Бронзовая пряжка (см. рис. 15, 3) — на левой тазовой кости; железный меч (см. рис. 14, 2) — вдоль правого бедра; 3 железных наконечника стрел — с наружной стороны левого бедра; железный крючок (см. рис. 13, 11) — с наружной стороны левой голени; железный наконечник копья (см. рис. 14, 9) — рядом с крючком. На бронзовой пряжке и под ней сохранилась древесная кора.

По г р. 82 (18). 240 × 100 × 100 см. На дне у южной стенки лежал один камень. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗЗ (см. рис. 4, 3). Кости животного, костяное шило из зуба животного, железный нож — у южной стенки на уровне груди костяка; остатки пояса — зубы животного со сверлилами, железная кольцевая пряжка и бронзовая пластинчатая пряжка (см. рис. 15, 1, 13) — с наружной стороны левого плеча; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — у кисти левой руки; бронзовая восьмеркообразная пряжка (см. рис. 16, 6) — у левой тазовой кости; оселок (см. рис. 14, 9) — рядом с пряжкой; железный нож (см. рис. 17, 6) — с наружной стороны левого бедра ниже оселка; 12 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — с наружной стороны левого бедра; железный меч (см. рис. 14, 1) — вдоль правого бедра; железное шило (?) и бронзовая пряжка (см. рис. 16, 19) — рядом с мечом; бронзовая блшка с ушком на обороте, обоймочка и 2 проишки — у правой ступни; бронзовая пряжка (см. рис. 16, 16) — ниже правой ступни, железные удила с псалями (см. рис. 13, 13) — ниже левой ступни. У восточной стенки найден раздавленный глиняный горшочек (см. рис. 18, 6), стоявший выше дна могильной ямы на 15 см. На изделиях из бронзы и под ними сохранилась древесная кора.

П о г р. 83 (19). 230 × 120 × 130 см. Стенки могилы у дна местами обложены камнями. СВВ стенка сильно нарушена ямой. Диаметр ямы на уровне дна могилы — 80 см, глубина ниже дна могилы — 120 см. У дна яма расширяется до 110 см в диаметре. Заполнение ямы состояло из густого чернозема с незначительной примесью золы. В заполнении встречено несколько обломков костей животных.

На дна могилы лежал костяк взрослого человека на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Левая часть костяка в области груди частично разрушена ямой. Бронзовая пряжка (см. рис. 15, 7) — на поясе; зубы животных со сверлинами — поясные накладки — (см. рис. 15, 12) — справа и слева от пряжки; железный нож (см. рис. 17, 6) — на левой тазовой кости; железные удила (см. рис. 13, 8), крючок (см. рис. 13, 15) и наконечник копья, полностью рассыпавшийся (см. рис. 14, 6) — у головки левого бедра; 20 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — с наружной стороны левого колена; две бронзовые пряжки (см. рис. 16, 19) — у левой ступни.

П о г р. 84 (20). В черноземе на глубине 60 см. Размеры могильной ямы определяются по камням, окаймляющим могилу у дна — 210 × 120 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Правая нога слегка согнута в колене. Кости животного — за черепом; каменное прислице (см. рис. 12, 9) — справа у черепа; 2 золотые височные подвески (см. рис. 8, 1) — одна под черепом, вторая у ССЗ стенки под камнем, вероятно, затасана грызунами; стеклянные и сердоликовые бусы — на шею; две бронзовые дисковидные бляхи (см. рис. 9, 1, 3), 22 бронзовые накладки (см. рис. 9, 8), стеклянные бусы — на пояс. Большое количество бронзовых украшений находилось с наружной стороны левой ноги и ниже левой ступни. Здесь, по-видимому, нужно выделить несколько комплексов украшений.

1. Два узких ремня, украшенных прямоугольными обоями, чередующимися с круглыми бляшками с ушком на обороте. Причем один ремень был украшен более крупными обоями и бляшками, второй — мелкими (см. рис. 10, 8). Всего: 19 прямоугольных обойм крупного размера, 19 круглых бляшек крупного размера, 20 прямоугольных обойм меньших размеров, 21 круглая бляшка меньших размеров.

2. Две подвески, состоящие из бляхи в форме лиры, четырех крупных бляшек с двумя или четырьмя ушками на обороте, чередующимися с мелкими удлиненными обоймочками в 2 ряда (см. рис. 10, 1). Всего: 2 лировидные бляхи, 5 бляшек с четырьмя ушками на обороте, 2 бляшки с двумя ушками на обороте, одна умбовидная бляшка, 128 мелких обоймочек.

3. Трапециевидные подвески, вырубленные из дисковидных блях. Подвешивались, видимо, на узких ремешках, продетых сквозь проноски (см. рис. 11, 2). Всего: 8 трапециевидных подвесок, 61 пронозка.

4. 13 мелких круглых бляшек с одним ушком на обороте (см. рис. 11, 16), 27 двухсоставных мелких бляшек в виде восьмерки с двумя ушками на обороте (см. рис. 11, 18). На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

П о г р. 85 (21). В черноземе на глубине 30 см обнаружена верхняя часть детского костяка, лежавшего на спине, вытянуто, головой на запад. Нижняя часть костяка, примерно от коленных суставов, разрушена более поздней ямой. Яма не раскапывалась, поскольку она уходила за границы раскопа. Найдено: 6 полушарных бляшек (см. рис. 6, 21) — вокруг черепа; 2 височные подвески (см. рис. 6, 3) — по одной справа и слева у черепа; бронзовая гривна (см. рис. 6, 1) — на шею; две подвески (см. рис. 6, 16) — справа и слева у плеч; 234 маленьких обоймочки, в два ряда опускающиеся от подвесок к поясу; две прямоугольные бляшки (см. рис. 6, 21) — на груди; две выпуклые бляшки, орнаментированные спиральными завитками — на груди; трапециевидная подвеска (см. рис. 6, 13) и 16 удлиненных обоймочек (см. рис. 6, 8), 6 полушарных бляшек, бронзовый крючок (см. рис. 6, 11) — в области пояса.

П о г р. 86 (22). Могильная яма очень плотно обложена большими камнями. Размеры внутри каменной 200 × 60 — 70 × 80 см. Стенки обложены камнями до высоты 60 см от дна могилы. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗ3 (см. рис. 5). Кость животного — слева у черепа; железный нож (см. рис. 17, 6) — у левой тазовой кости; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — ниже кисти левой руки; 7 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2), железные удила, полностью рассыпавшиеся (см. рис. 13, 8), костяная пряжка (см. рис. 16, 3) — с наружной стороны левой голени; два маленьких глиняных сосуда — один у ЮЮЗ стенки на уровне 20 см от дна могилы (см. рис. 18, 9), второй (см. рис. 18, 3) — в восточном углу на уровне 30 см от дна.

В квадрате IV/7 обнаружена глубокая (190 см от поверхности) яма неизвестного назначения. На уровне материка (50 см) она имела диаметр 110 см, затем несколько, сужалась а с глубины 50 см от уровня материка вновь расширялась и имела диаметр 150 см. Заполнение ямы состояло из густого чернозема с незначительной примесью золы. Изредка в засынке на различной глубине встречались обломки костей животных.

Раскоп III. Заложён в 12 м от раскопа I вглубь от края террасы. Площадь 2 × 10 м. Почвенный слой отличается от раскопов I и II. Почти отсутствуют камни и щебень, толщина чернозема доходит до 100 см.

П о г р. 87 (1). На глубине 85 см в черноземе обнаружен костяк ребенка, лежавший на спине, вытянуто, головой на запад. Кости сохранились очень плохо. За черепом найден раздаленный глиняный горшок (см. рис. 18, 3).

П о г р. 88 (2). На глубине 95 см в черноземе обнаружен костяк подростка, лежавший на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Кости очень плохой сохранности. 2 височные подвески S-образной формы (см. рис. 6, 4) — по одной справа и слева у черепа; 2 височные подвески 8-образной формы (см. рис. 6, 3) — по одной справа и слева от черепа; бронзовая гривна (см. рис. 6, 1) — на шею; 2 трапециевидные

подвески (см. рис. 6, 12) — справа и слева на груди; 2 круглые бляшки с ушком на обороте, 3 бронзовых провозки — на груди; железный браслет — на правой руке; железный нож — в области пояса справа; бронзовый колокольчик (см. рис. 6, 14) — в области пояса слева; бронзовый крючок (см. рис. 6, 9) — рядом с колокольчиком; бронзовый перстень (?) (см. рис. 6, 5) — с наружной стороны правой ступни.

П о г р. 89 (3). 210 × 70 × 120 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССВ. Череп перевернут и сдвинут к ССВ стенке. Кости животного — за черепом; железная пряжка (см. рис. 15, 16) — на крестце; оселок (см. рис. 14, 9) — рядом с пряжкой; железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — между голенищами; 11 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2), железные удила с псалмиями в виде стержня (см. рис. 13, 13) — ниже правой ступни.

П о г р. 90 (4). На глубине 110 см в черезоме лежал костяк взрослого человека, на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Стеклообразные бусы — на шее; 2 височные подвески (см. рис. 8, 4) — по одной справа и слева от черепа; кости животного — слева на уровне плеча; железный нож — рядом с костью животного; дисковидная бляха (см. рис. 9, 1) — на правой тазовой кости; 8 бронзовых накладок пояса (см. рис. 9, 8) — в области пояса под костяком; 2 серебряных перстня (см. рис. 12, 2) — по одному в области правой и левой кисти; каменное пряслице (см. рис. 12, 9) — слева на уровне пояса.

П о г р. 91 (5). 230 × 145 × 130 см. Погребение парное. На дне лежало два костяка взрослых людей, на спинах, вытянуто, головами на ЮЗ. Кости имели плохую сохранность. Инвентарь костяка I (у ЮВ стенки): кость животного и железный нож — у левого плеча; железная пряжка (см. рис. 15, 15) — слева на поясе; костяная лопаточка (см. рис. 17, 2), костяная пряжка (см. рис. 16, 4), железные удила, полностью разрушенные — ниже ступней ног. Инвентарь костяка 2 (у СЗ стенки): бронзовая пряжка (см. рис. 16, 8), железный наконечник копья (см. рис. 14, 6) — на поясе; 15 наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — между бедренными костями, у колен; железные удила, очень плохо сохранившиеся (см. рис. 13, 13), 2 железные пряжки, полностью разрушенные (см. рис. 15, 15) — ниже правой ступни. Между костяками на уровне черепа костяка I и ступней ног прослеживались неглубокие ямки диаметром 15 см.

Раскол IV. Площадь 2—4 × 21 м, около 60 кв. м. Как и на раскопах I и II, грунт очень жесткий, каменистый. На вскрытой площади обнаружено 9 погребений.

П о г р. 92 (1). Обнаружено при осмотре участка, разрушенного бульдозером — гравийного карьера. Бульдозером был снят слой толщиной 50 — 150 см. Вероятно, было разрушено много погребений — по всей вскрытой площади встречались кости человеческих скелетов. На месте одного скопления костей была сделана горизонтальная зачистка и обнаружены остатки разрушенного погребения. От костяка сохранились лишь часть бедренных и берцовые кости, лежащие в анатомическом порядке. Судя по их расположению, можно предположить, что первоначально костяк лежал на спине, вытянуто, головой за запад. Серебряная подвеска (см. рис. 11, 22) — у правого колена; круглая бляшка (см. рис. 11, 7), две бронзовые обойницы (см. рис. 10, 11) и одна круглая бляшка (см. рис. 11, 16) — между голенищами.

П о г р. 93 (2). В черезоме на глубине 30 см обнаружен детский костяк очень плохой сохранности, ориентированный головой на ССЗ. В ногах стояла глиняная курьинница (см. рис. 18, 11).

П о г р. 94 (3). В кв. 1/9—10 на уровне материка обозначалось черное пятно округлой формы диаметром около 150 см. При вскрытии его на различной глубине встречались сломки костей взрослого человека и бронзовые наконечники стрел. Два наконечника стрел найдены застрявшими в позвонках и один — в бедренной кости. На дне, на глубине 80 см, в анатомическом порядке лежали кости ног ниже колен. Костяк, вероятно, лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Несколько наконечников стрел найдено у ног. Всего 26 наконечников (см. рис. 7, 1, 2).

П о г р. 95 (4). 205 × 70 × 50 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Выше пояса костяк несколько нарушен, вероятно, грызунами — ребра и позвонки растащены, череп перевернут. В северном углу стоял большой глиняный горшок (см. рис. 18, 13) и рядом лежала кость животного. Второй сосуд, полностью раздавленный (см. рис. 18, 2), найден у восточной стенки на уровне таза; 2 бронзовых височных колечка (см. рис. 8, 8) — слева от черепа; стеклянные бусы — в области шеи; глиняное пряслице (см. рис. 12, 8) — с наружной стороны левого плеча; бронзовый перстень (см. рис. 12, 4) — на фаланге левой руки; бронзовая пряжка (см. рис. 9, 7) — у правого колена — маленькая кость животного (птицы) — с наружной стороны левой голени.

П о г р. 96 (5). 220 × 70 × 65 см. Погребение нарушено. Все кости взрослого человека лежали в куче у северной узкой стенки. Возможно, неповрежденным остался лишь череп, лежавший у северной же стенки. Из вещей найдено 58 бронзовых наконечников стрел (см. рис. 7, 1, 2), лежавших в кучке в южной половине могилы у восточной стенки, примерно в области голени.

П о г р. 97 (6). Детское. 75 × 30 × 65 см. Детский костяк очень плохой сохранности лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗ. Вещей нет.

П о г р. 98 (7). Детское. 90 × 50 × 60 см. На дне у ССЗ узкой стенки сохранилась труха от черепа. Здесь же стоял маленький горшочек, полностью раздавленный (см. рис. 18, 2).

П о г р. 99 (8). 215 × 160 × 110 см. На дне могилы лежало два костяка, на спинах, вытянуто, головами на ССЗ. У костяка 2 (у восточной стенки) правая нога сильно согнута в колене и лежит на левом бедре. Инвентарь костяка I: железный нож, каменное пряслице (см. рис. 12, 9) — справа у черепа; височные колечки (см. рис. 8, 8) — по одному справа и слева у черепа; бусы — на шее; кости животного — у правого локтя; дисковидная бляха (рис. 9, 1) — на правой тазовой кости, отверстия в бляхе были закрыты маленькими круглыми бляшками с ушком на обороте; 4 накладки пояса (см. рис. 9, 8) — возле дисковидной бляхи, на поясе, лицевой стороной вниз; 22 бронзовые удлинненные накладки с двумя

перехватами (см. рис. 11, 19) — у правой и левой голени, две бронзовые круглые бляшки (см. рис. 11, 16) — на левой ступне. Инвентарь костяка 2: железный нож и кость животного—выше черепа; височная подвеска (см. рис. 8, 5) — под черепом; бусы и 10 маленьких бронзовых бляшек с ушком на обороте (см. рис. 11, 16) — на шее; дисковидная бляха (см. рис. 9, 6) — на поясе, отверстие в бляхе закрыто маленькой бляшкой с ушком на обороте; 7 бронзовых накладок (см. рис. 9, 8) — рядом с бляхой на поясе, лицевой стороной вниз; глиняное пряслице, очень плохо сохранившееся — у левого локтя; две трапециевидные подвески (см. рис. 11, 4), круглая плоская бляшка с отверстием в центре (см. рис. 11, 17), 13 маленьких круглых бляшек с ушком на обороте (см. рис. 11, 16), 10 удлиненных обоймочек (см. рис. 10, 6) — ниже ступней ног. На бронзовых украшениях сохранилась древесная кора.

П о г р. 100 (9). 185 × 80 × 80 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. Кость животного и железный нож — у восточной стенки на уровне черепа; височные подвески (см. рис. 8, 5) — по одной справа и слева у черепа; бусы — на шее; дисковидная бляха (см. рис. 9, 1) — у правого локтя; 6 накладок пояса (см. рис. 9, 8) — на поясе, лицевой стороной вниз; бронзовая гривна (см. рис. 12, 1) — у восточной стенки, на уровне кисти; 27 бронзовых удлиненных накладок с двумя перехватами (см. рис. 11, 19) — у правой и левой голени; две трапециевидные подвески (см. рис. 11, 4), ажурная бляха (см. рис. 11, 6), 7 удлиненных обоймочек (см. рис. 10, 6), две плоские бляшки с отверстиями в центре (см. рис. 11, 17) — в области ступней ног; каменное пряслице (см. рис. 12, 9) — с наружной стороны правого локтя. На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

П о г р. 101 (10). Детское. 70 × 33 × 50 см. Костяк ребенка лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Вещей нет.

Раскоп V. Площадь 2 × 10 м, около 24 кв. м. Почвенный слой и материк аналогичны раскопу IV. Большая густота погребений очень затрудняла определение очертаний могильных ям.

П о г р. 102 (1). 150 × 65 × 52 см. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Левое бедро несколько сдвинуто влево, а голень левой ноги отсутствует. Два глиняных горшка (см. рис. 18, 2) лежали на боку горлом друг к другу слева у черепа; глиняная трубочка (см. рис. 18, 12) — рядом с горшочками; бронзовая височная подвеска (см. рис. 8, 2) — слева у черепа; 3 бронзовых круглых бляшки (см. рис. 11, 13) — слева у черепа, пониже височной подвески; глиняное пряслице (см. рис. 12, 8) — справа у черепа; бусы — на шее; бронзовое зеркало — на поясе; подвеска, состоящая из одной обоймы, большой плоской бляшки с отверстием в центре, 32 удлиненных обоймочек и двух трапециевидных подвесок, спускался от пояса вниз; два обломка костей животных — ниже ступней ног; бронзовые браслеты (см. рис. 12, 6) — по одному на каждой руке.

П о г р. 103 (2). На уровне материка, на глубине 40 см, обнаружен костяк взрослого человека, лежавший на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Бронзовая височная подвеска — слева у черепа; бронзовые плоские бляшки с отверстием в центре (см. рис. 8, 2) — 3 справа у черепа и 3 на груди слева; бронзовая гривна в обломках — на шее; 3 бронзовых полшарнирных бляшки — на груди; дисковидная бляха (см. рис. 9, 6) — на поясе; 2 удлиненных обоймочки (см. рис. 10, 6) — по одной у ступней ног. Кисть левой руки находилась у нижней челюсти слева, на одной фаланге был надет бронзовый перстень (см. рис. 12, 2).

П о г р. 104 (3). Приблизительные размеры 180 × 60 × 47 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Кости сохранились плохо. Из инвентаря найден лишь сильно проржавевший кусочек железа — в области пояса.

П о г р. 105 (4). В черноземе на глубине 60 см лежал костяк подростка на спине, с вытянутыми руками и согнутыми в левую сторону ногами, головой ориентирован на ССЗ. Височные подвески: три экземпляра в виде трапеций на бронзовых колечках (см. рис. 8, 6, 7) — одна справа и две слева у черепа и по одному экземпляру в виде знака вопроса — слева и справа от него (см. рис. 8, 3), бронзовая обойма (см. рис. 10, 1) — на шее справа; бронзовая бляшка — на шее; две бронзовые спирали — на груди справа; дисковидная бляха (см. рис. 9, 6) — на поясе слева; железный крючок (?) — на поясе справа; железный нож, каменное пряслице (см. рис. 12, 9), 9 бронзовых удлиненных накладок с одним перехватом (см. рис. 11, 20), маленькая бляшка с двумя отверстиями (см. рис. 11, 14), удлиненная обойма, две трапециевидные подвески (см. рис. 11, 4) — с наружной стороны правого предплечья; 6 раковин каури (см. рис. 8, 13) — ниже кисти правой руки; две бронзовых подвески-колокольчика (см. рис. 11, 21) — с наружной стороны правой голени.

П о г р. 106 (5). На глубине 65 см лежал костяк подростка, на спине, вытянуто, головой на север. Обломки большого глиняного сосуда — справа у черепа; тазовая кость животного и железный нож — слева у черепа; височные подвески (см. рис. 8, 6) — по одной справа и слева у черепа; дисковидная бляха (см. рис. 9, 6) — на крестце; 3 бронзовых накладок пояса (см. рис. 9, 8) — в области пояса, рядом с бляхой.

П о г р. 107 (6). Детское. 80 × 40 × 60 см. От костяка сохранились лишь зубы у ССЗ стенки. Кость животного и железный нож — слева выше остатков черепа; бусы и удлиненная обоймочка — в области шеи; костяная бляха — в области пояса. Это погребение было, очевидно, более ранним по сравнению с погр. 104 — правое плечо и несколько ребер костяка погр. 104 находились в засыпке погр. 107, т. е. опустились в могилу.

П о г р. 108 (7). После разборки погр. 105 и дальнейшей прокопки черноты на глубине 68 см был обнаружен костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на север. Голова покоилась на левом предплечье костяка погр. 109. Ниже таза найден обломок костяной пряжки и железный нож.

По гр. 109 (8). Костяк также лежал на спине, вытянуто, головой на север. Левое предплечье и левая нога находились под костяком погр. 108. Железный нож и кость животного — за черепом слева; бусы — на шее; дисковидная бляха (см. рис. 9, 1), 8 накладок пояса (см. рис. 9, 8) и железный крючок (см. рис. 9, 10) — на поясе; маленькая косточка животного — у правого бедра; круглая бляшка с ушком на обороте (см. рис. 11, 16) — у правой голени; две удлиненные обоймочки (см. рис. 10, 6) и одна пронизка (см. рис. 11, 12) — у левой голени. На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

По гр. 110 (9). 210 × 80 × 75 см. Восточная часть могилы находилась частично под погр. 102. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Голень левой ноги отсутствовала. Кость животного и железный нож — справа у черепа (см. рис. 9, 4) и 4 накладки пояса (см. рис. 9, 8) — на поясе; бусы — на шее; 2 удлиненные обоймочки (см. рис. 10, 6) — у правой ступни; 5 круглых бляшек с ушком на обороте (см. рис. 11, 16) — ниже правой ступни.

По гр. 111 (10). Под погр. 105. 200 × 70 × 90 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. Височное колечко (см. рис. 8, 8) — справа у черепа; бусы — на шее; каменное пряслице (см. рис. 12, 9), железный нож и кость животного — с наружной стороны левой голени.

Погребения под валом. После снятия насыпи вала и черлозема на уровне матерки было обнаружено 4 погребения. Разрез насыпи показал, что они были совершены до сооружения вала и рва. Погребальный обряд, могильный инвентарь аналогичен погребениям I—V раскопов, и, несомненно, все они представляют один огромный могильник.

По гр. 112 (1). 230 × 100 см., глубина от вершины вала 250 см, в матерк 50 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Кость животного — у правого плеча; бронзовая пряжка (см. рис. 16, 8) — на крестце; железный меч (см. рис. 14, 1) — вдоль правого бедра; костяная пряжка (см. рис. 16, 1) — ниже ступни правой ноги; 19 железных наконечников стрел (см. рис. 13, 1, 2) — ниже ступни левой ноги; раздавленный глиняный сосуд (см. рис. 18, 1) — у восточной стенки. На дне могилы прослеживалась древесная кора.

По гр. 113 (2). 200 × 80 см., глубина от вершины вала 225 см, в матерк 35 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Бусы — на шее; дисковидная бляха (см. рис. 9, 1) — на поясе; 5 бронзовых поясных накладок (см. рис. 9, 8) — на поясе под костяком, лицевой стороной вниз. На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.

По гр. 114 (3). 190 × 80 см, глубина от вершины вала 235 см, в матерк 35 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на юг. Глиняное пряслице (см. рис. 12, 8) — снаружи правого предплечья; бусинка желтого цвета — на шее.

По гр. 115 (4). 215 × 85 см, глубина от вершины вала 230 см, в матерк 30 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на юг. Выше пояса костяк несколько сдвинут к восточной стенке. Кость животного и железный нож (см. рис. 17, 6) — у левого плеча; костяная ложечка (см. рис. 17, 4) — в области пояса слева; костяная пряжка (см. рис. 16, 2) — на правой тазовой кости; 2 костяных трубочки (см. рис. 16, 3) — одна в области пояса, рядом с костяной ложечкой, вторая — у левого бедра; наконечники стрел: один железный (см. рис. 13, 1), 4 костяных черешковых (см. рис. 13, 5, 6) и 2 костяных втульчатых (см. рис. 13, 3, 4) — с наружной стороны левой голени. По стенкам хорошо прослеживались остатки древесной коры.

Г. Х. ПШЕНИЧНЮК

УФИМСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

Могильник расположен на территории г. Уфы, в лесу, на высокой террасе правого берега р. Белой, по обе стороны железнодорожной линии. Он занимает территорию около 15 га и состоит примерно из 150 земляных насыпей круглой, иногда слегка вытянутой формы. Диаметры курганов колеблются от 8 до 30 м, высота — от 0,15 до 1,5 м. Большинство курганов небольших размеров — диаметром 8—15 м, высотой 0,15—0,40 м; расположены они к северо-западу от железной дороги. Курганы, находящиеся к юго-востоку от дороги, более крупные, расположены небольшими группами. На некоторых курганах имеются впадины — следы гонимельских раскопок.

В 1961 г. произведены раскопки на небольшой площади, относительно свободной от деревьев (рис. 1).

К у р г а н 5*. Диаметр 9 м, высота 0,25 м. Погребение разgrabлено. Могила вытянута по линии СЮ. Размеры 2,40 × 0,90 м, глубина 1,45 м**. На дне могилы у западной стенки в кучке в беспорядке лежали кости человека. В северо-восточном углу стоял горшок (рис. 4, 1), а рядом лежали кости животного. В середине северной половины ямы найдена золотая серьга (рис. 3, 7), в кучке костей — два обломка железного предмета, в южной половине — бронзовый язычок пряжки.

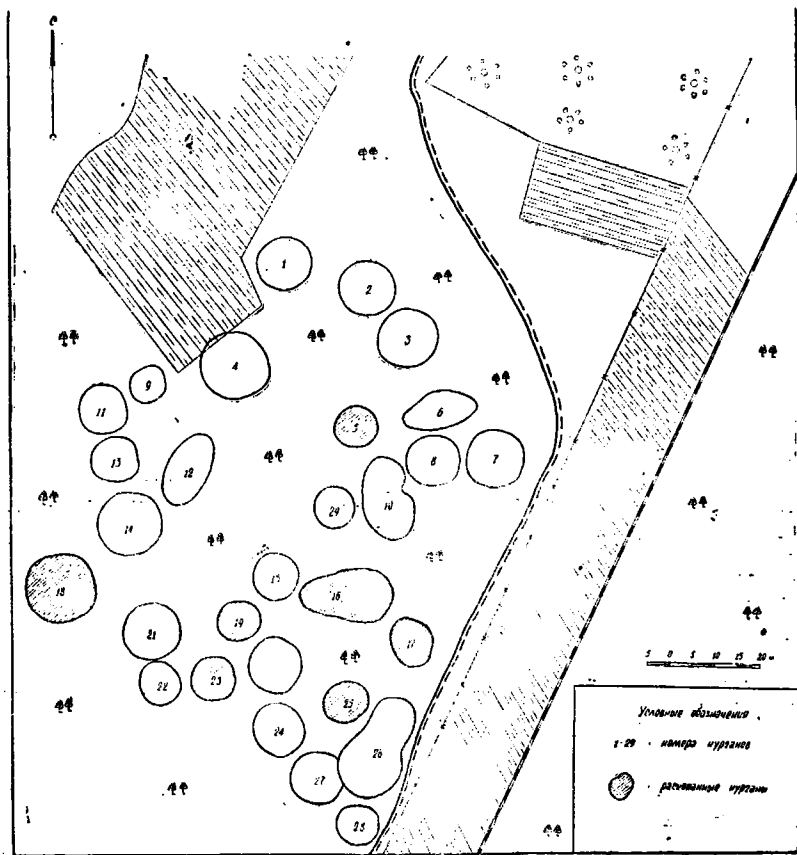
К у р г а н 16 состоял, вероятно, из двух слившихся насыпей. Диаметр по линии СЮ — 12,5 м, ВЗ — 22 м, высота 0,60 м.

Погр. 1. Могила вытянута по линии СЮ. Размеры на уровне материка — 2,43 × 1,12 м, у дна — 2,29 × 0,63 м, глубина 2,36 м. В южной части неповрежденными лежали берцовые кости и кости стоп, остальные — в беспорядке. В центре под костями найден сосуд (рис. 4, 4), в середине могилы лежала кость крупного животного.

Погр. 2. (рис. 2, 1). Вытянуто по линии СЮ. Размеры могилы на уровне материка — 2,50 × 1,17 м, у дна — 2,50 × 0,60 м, глубина 2,60 м. На высоте 0,50 м от дна по обеим длинным стенкам прослеживались заплечики. Погребение разgrabлено. В южной половине неповрежденно лежали кости ног, крестец и позвоночник. У северной стенки сбоку лежал глиняный сосуд (рис. 4, 8), под ним — кости животного. Южнее стоял второй сосуд

* Сохранена нумерация курганов по снятому общему плану.

** Здесь и в дальнейшем глубина указывается от вершины кургана.

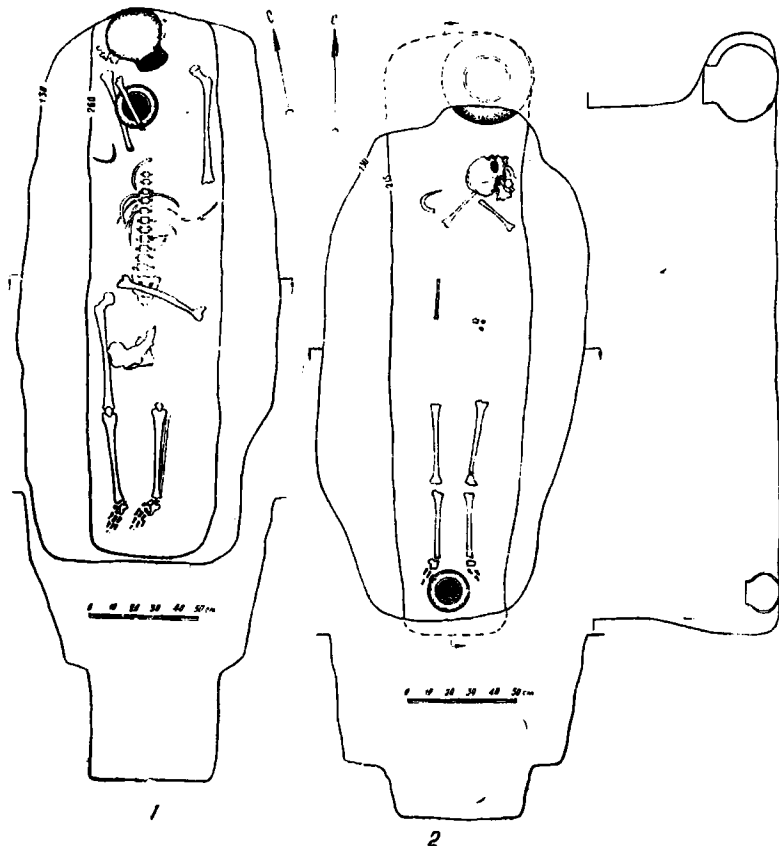

Р и с. 1. План северо-западной части могильника.

рис. (4, 10). В засыпке могилы на глубине 1,50 м найден костяной наконечник стрелы (рис. 3, 3).

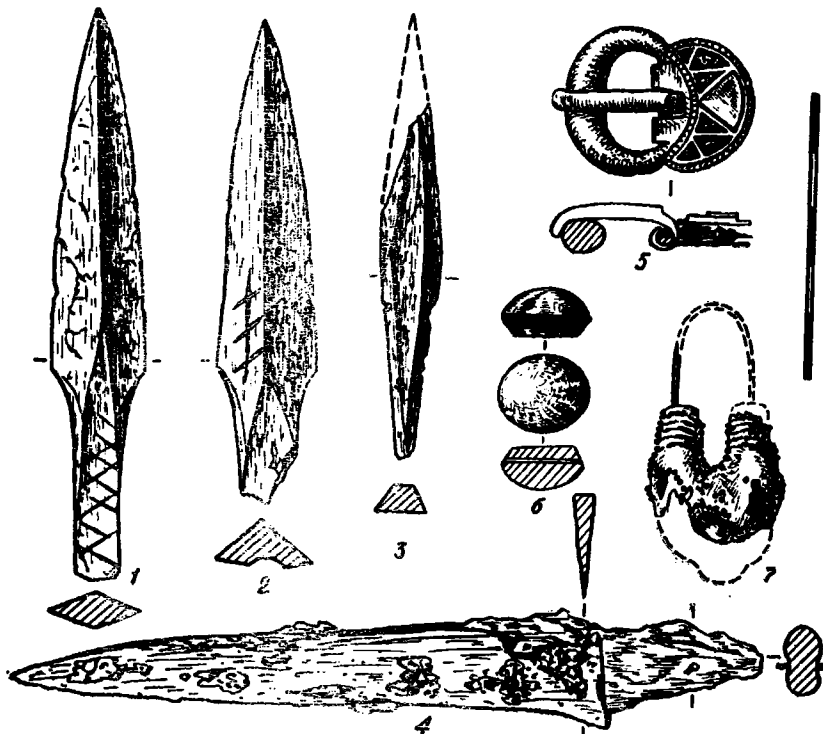
По гр. 3. Детское. Вытянуто по линии СЗ—ЮВ. Размеры 1,10×0,38 м, глубина 1,50 м. От костяка сохранились лишь остатки зубов в северо-западной части могилы. В северном углу стоял глиняный сосуд.

По гр. 4 (рис. 2, 2). Вытянуто по линии СЮ. В северной стенке у дна вырыта ниша глубиной 0,35 м и высотой 0,40 м, в южной стенке также имеется небольшое углубление. Длин-

Р и с. 2. Планы погребений:
1 — погр. 2, курган 16; 2 — погр. 4, курган 16.

ные стенки на высоте 0,25 м от дна имели заплечики шириной 0,15—0,20 м. Размеры могилы на уровне материка—2,35×1,20 м, у дна, включая нишу—2,75×0,65 м. На дне в южной половине непо тревоженно лежали кости ног человека, остальные кости разбросаны в северной половине могилы. В северо-восточном углу в нише стоял сосуд (рис. 4, 7), а под ним кость животного; между ступнями стоял второй сосуд (рис. 4, 9). В центре могилы найдены обломки бронзовой пластинки.

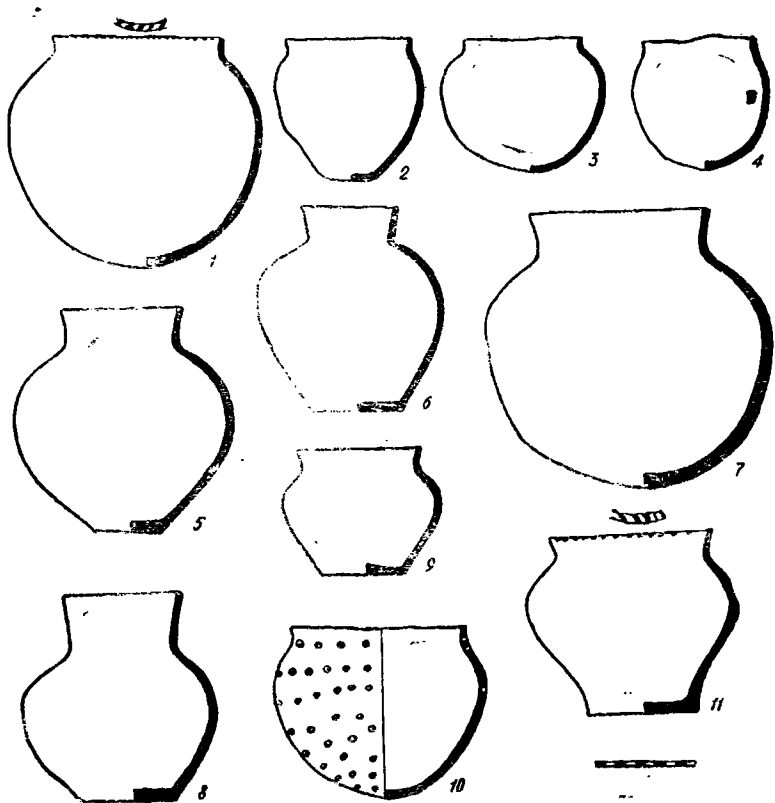

Р и с. 3. Вещи из погребений:

1, 5 — погр. 1, курган 18; 2 — курган 25; 3 — погр. 2, курган 16; 4 — курган 23; 6 — погр. 2, курган 18; 7 — курган 5.

П о гр. 5. Вытянуто по линии ССЗ—ЮЮВ. Длинные стенки могилы на высоте 0,40 м от дна имели заплечики шириной 0,15 м. Размеры могилы на уровне материка—2,20×1,1 м, у дна —2,04×0,58 м, глубина 2,20 м. В южной половине не потревоженно лежали берцовые кости человека, остальные — в беспорядке.

К у р га н 17. Диаметр по линии СЮ—11 м, ВЗ—9,5 м, высота 0,20 м. Могильная яма в древности имела, видимо, вытянутую с севера на юг четырехугольную форму, позднее сильно нарушенную грабительским ходом. К моменту раскопок яма приобрела неправильную подквадратную форму размером 2,50×1,50 м при глубине 1,80 м. Восточная половина ямы глубже западной на 0,20 м. В этой части могилы кости почти не встречались. В западной половине могилы у южной стенки в первоначальном положении лежали берцовые кости человека, севернее в беспорядке — кости рук, ног, позвонки, ребра, раздавленный череп. У северной стенки лежали две кости крупного животного.

Р и с. 1. Сосуды из погребений:

1 — курган 5; 2 — погр. 3, курган 16; 3, 7 — погр. 4, курган 16; 4 — погр. 1, курган 16; 5 — погр. 2, курган 18; 6, 9 — погр. 1, курган 18; 8, 10 — погр. 2, курган 16; 11 — курган 25.

К у р г а н 18. Диаметр 15 м, высота 0,70 м. В центре два погребения.

П о г р. 1. Вытянуто по линии ССЗ—ЮЮВ, размеры на уровне материка 2,70 × 1,0 м, у дна — 2,65 × 0,55 м, глубина 2,35 м. ССВ стенка нарушена грабительским ходом. В южной половине непогрязенно лежали берцовые кости и кости стоп человека. Обломки костей встречены в засынке и на дне могилы. В северном углу стоял сосуд (рис. 4, 6), немного южнее — второй сосуд (рис. 4, 9). Между берцовыми костями лежала пряжка (рис. 3, 5). В засынке могилы найден костяной наконечник стрелы (рис. 3, 1).

П о г р. 2. Вытянуто по линии ССВ — ЮЮЗ. В ССВ стенке была вырыта ниша высотой 0,35 м и глубиной 0,15 м. Размеры могилы на уровне материка 2,35 × 1,20 м, у дна,

включая нишу, 2,50×0,53 м, глубина 2,36 м. В засыпке и на дне могилы встречены полочные человеческие кости. На дне в южной половине непотревоженно лежали кости ног: правое бедро, берцовые кости и кости стоп. В нише в СВ углу стоял сосуд (рис. 4, 5), а рядом лежали кости животного. В центре могилы найдена сердоликовая бусина (рис. 3, 6).

К у р г а н 19. Диаметр по линии СЮ — 9 м, ВЗ — 8 м, высота 0,35 м. Могильная яма нарушена грабительским ходом, у дна имела вытянутую по линии ССВ—ЮЮЗ форму. Размеры 2,40 × 0,70 м, глубина 1,85 м. В засыпке на различной глубине встречались кости человека. В ЮЮЗ части могилы непотревоженно лежали кости ног, у западной стенки — кости правой руки. У ССВ стенки найден обломок (эпифиз) кости крупного животного.

К у р г а н 23. Диаметр 10 м, высота 0,40 м. Погребение вытянуто по линии ССВ — ЮЮЗ. Длинные стенки на высоте 0,40 м от дна имели неширокие заплечики. Размеры могилы на уровне материка — 2,65 × 1,30 м, у дна — 2,55 × 0,50 м, глубина 2,0 м. На дне могилы в северной половине разбросаны кости рук, таза, разбитый череп. В южной половине непотревоженно лежали кости ног. В засыпке найден железный нож (рис. 3, 4), у правой ступни — бронзовый пластинчатый наконечник ремня плохой сохранности. В западном углу лежал раздавленный сосуд с прямым горлом, раздутым туловом и плоским дном, а рядом с ним — кости животного.

К у р г а н 25. Диаметр по линии СЮ — 9 м, ВЗ — 10 м, высота 0,25 м. Могила ориентирована по линии СЮ. На высоте 0,30 м от дна длинные стенки имели заплечики. Размеры могилы на уровне материка — 2,50 × 1,30 м, у дна — 2,25 × 0,70 м, глубина 1,90 м. В южной части могилы находились малые берцовые кости человека. В северной половине разбросаны кости ног, рук, ребра, обломок черепа. На них лежал разбитый глиняный горшок (рис. 4, 11), немного южнее — кость животного. Между малыми берцовыми костями найден костяной наконечник стрелы (рис. 3, 2).

* *

Таким образом, всего раскопано 7 курганов. Под каждой насыпью находилось по 1—2, в одном случае — 3 погребения. Могильные ямы вытянуты по линии СЮ с небольшими отклонениями. Характерна большая длина (2,20—2,40 м) и глубина (2,0—2,60 м) могил при сравнительно малой ширине (0,55—0,60 м у дна). В пяти погребениях стенки могил на высоте 0,25—0,50 м от дна имели заплечики шириной 0,15—0,20 м. В двух случаях в узких северных стенках обнаружены небольшие ниши-подбон, в которых стояли горшки и лежали кости крупного животного (см. рис. 2).

Все могилы содержали кости взрослых людей и были ограблены в древности, за исключением одного погребения, в котором оказались остатки детского неграбленного захоронения. Почти во всех погребениях в первоначальном положении сохранились кости ног. Их расположение позволяет считать, что умершие лежали на спине, вытянуто, головой на север. В головах, реже в ногах, стояли по 1—2 горшка, а рядом лежали кости лошади.

Всего найдено 12 горшков, сделанных от руки, с примесью в глине песка и мелких камешков. Выделяется два основных типа сосудов.

Для первого типа (4 сосуда, рис. 4, 1—4) характерны широкие горла, слабо выраженные низкие шейки, раздутые тулова, округлые, в одном случае уплощенное днище. Лишь на одном сосуде имеется орнамент — насечки по венчику (рис. 4, 1).

Второй тип (5 сосудов, рис. 4, 5—8) имеет неширокие, слегка отогнутые наружу шейки, сильно раздутые тулова, плоские, в одном случае округлые днище. Орнамент отсутствует. Сосуд из погр. 1 кургана 18 (рис. 4, 9) условно можно отнести ко II типу, но он отличается более широким горлом и меньшими размерами.

Два сосуда не могут быть отнесены ни к одному из описанных типов. В погр. 2 кургана 16 вместе с сосудом II типа найден типичный бахмутинский, орнаментированный круглыми ямками по всему тулову (рис. 4, 10). В погребении кургана 25 обнаружен грубый сосуд

горшковидной формы с примесью шамота и дресвы (рис. 4, 11), близкий посуде Именьковского городища¹ и керамики верхнего слоя романовских поселений².

В могильных ямах найдены также 3 костяных наконечника стрел (рис. 3, 1—3), сердоликовая бусина (рис. 3, 6), железный нож (рис. 3, 4), бронзовая пряжка и золотая серьга.

Раскопанные курганы хорошо датируются по находкам пряжки и золотой серьги. Пряжка (рис. 3, 5) бронзовая, позолоченная, с длинным изогнутым хоботком и закруженным шитком. На шиток папаяно украшение в виде полумесяца, разделенное на 7 треугольников. В центральном из них сохранилась вставка из красного стекла. Пряжки с изогнутым хоботком были широко распространены в III—V вв. во многих районах. Пряжки, аналогичные нашей, найдены в Керченских катакомбах, где они сопровождалась находками монет IV—V вв.³

Серьга (рис. 3, 7) сделана из двух тонких листочков золота, соединенных в трубочку подковообразной формы. Лицевая сторона имеет 3 гнезда для вставок, в одном из которых сохранилось шлифованное темно-красное стеклышко. Места соединения пластин и гнезда для вставок украшены зернью. Концы серьги гофрированные. Серьга также датируется IV—V вв. по аналогии с находками в урочище Кара-Агач⁴.

Погребальному обряду раскопанных курганов имеются аналоги в памятниках Башкирии середины I тыс. н. э. Узкие глубокие ямы, ниши-подбой в узкой стенке, а также горшки и кости животных в головах захороненных связывают их с поздними погребениями Бирского могильника бахмутинской культуры⁵ и с Кушнаренокским могильником. Кроме того, общим для уфимских и кушнаренокских погребений является северная ориентировка костяка и наличие запялекков. Имеется сходство и в керамике этих двух памятников⁶. Но особенно большое сходство раскопанные курганы имеют с Ново-Турбаслинским могильником, исследованным Н. А. Мажитовым⁷. Для обоих памятников характерны небольшие земляные курганы, узкие глубокие могилы, северная ориентировка костяков, наличие ниш в узкой стенке, горшков и костей животных в головах. Большое сходство обнаруживается и в керамике этих памятников. Все это дает основание считать, что оба могильника оставлены племенами одной культуры.

Н. А. Мажитов первоначально связывал Ново-Турбаслинские курганы с аланскими племенами⁸. Позднее им была выделена самостоятельная турбаслинская культура, куда были включены, кроме курганных могильников типа Ново-Турбаслинского и Уфимского, поселения с плоскостной, так называемой романовской и изящной кушнаренокской керамикой. Этнос был определен автором как сильно смешанный, но с численным преобладанием племен тюркского происхождения⁹.

О правильности выводов Н. А. Мажитова судить пока трудно, поскольку все три комплекса памятников (можно назвать их керамическими комплексами): турбаслинский, романовский и кушнаренокский — изучены пока слабо. Скорее всего, эти выводы Н. А. Мажитова следует рассматривать как более или менее удачную гипотезу.

¹ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Именьковское городище. — МИА, 1960, № 80, стр. 242, рис. 3.

² Г. Н. Матюшин. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы. — ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 64.

³ А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб. — ИАК, вып. 17. СПб., 1904.

⁴ «Очерки истории СССР (III—IX вв.)». М., 1958, стр. 165.

⁵ Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964., стр. 108.

⁶ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала. — ВАУ, вып. 1. Свердловск, 1961, стр. 42.

⁷ Н. А. Мажитов. Курганный могильник в дер. Ново-Турбаслы. — «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 114—142.

⁸ Там же, стр. 142.

⁹ Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии..., стр. 104—106.

Если обратиться к аналогиям, нетрудно заметить, что погребальный обряд обоих могильников, Ново-Турбаслинского и Уфимского, имеет большое сходство с позднесарматскими памятниками Нижнего Поволжья: небольшие земляные курганы, преимущественно 1—2 погребения под насыпью, узкие грунтовые могилы, северная ориентировка костяка, наличие сосудов в головах погребенного¹⁰. Большое сходство обнаруживается и в керамике. Общим типам сосудов из уфимских курганов имеются широкие аналогии в позднесарматских памятниках Нижнего Поволжья¹¹ и Южного Приуралья¹².

В то же время в погребальном обряде имеются и серьезные отличия. Для сармато-аланских племен Нижнего Поволжья характерны могилы с подбоями в длинной стенке, которых совсем нет в наших памятниках. В сарматских могилах находятся обычно кости барана, в могильниках же Башкирии, как правило, — кости лошади. Заплевки и ниши-подбои в узких стенках погребений уфимских курганов не находят аналогий в сарматских могильниках Нижнего Поволжья.

Указанные отличия находят некоторые аналогии среди памятников ранних кочевников Казахстана, о чем пишет В. Ф. Генинг¹³, а именно: заплевки-«приступочки» и кости лошади в погребениях¹⁴. Однако там заплевки несколько иного характера, да и положение костей лошади другое. Большой хронологический разрыв между памятниками Казахстана (VI—IV вв. до н. э.) и курганами под Уфой (IV—V вв. н. э.), существенная разница в погребальном обряде не позволяют устанавливать между ними генетическую связь.

Изложенные выше наблюдения не дают возможности связать памятники типа Уфимского могильника с какой-либо конкретной культурой и этносом. Пока с уверенностью можно утверждать лишь, что уфимские, равно как и ново-турбаслинские курганы, оставлены пришлыми с юга или юго-востока племенами, продвинувшимися на север в эпоху «великого переселения». Придя на территорию центральной Башкирии, племена, естественно, вступили в какие-то контакты с местным, бахмутинским населением. Происходил, видимо, процесс смешения и ассимиляции. Наглядной иллюстрацией этому является нахождение в могиле кургана 16 вместе с горшком так называемого турбаслинского типа бахмутинского сосуда, орнаментированного по тулову ямочными наколами (рис. 4, 10).

¹⁰ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда. — МИА, 1959, № 60, стр. 202; В. П. Ш и л о в. Калиновский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, стр. 490—492.

¹¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования..., рис. 18, 2, 3; рис. 49, 2; е г о ж е. Древние памятники в низовьях Еруслана. — МИА, 1960, № 78, рис. 21, 13; 31, 12.

¹² К. В. С а л ь н и к о в. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии в I тыс. н. э. — СА, 1958, № 4, рис. 4, 2, 3.

¹³ В. Ф. Г е н и н г. Проблемы изучения железного века Урала. — ВАУ, вып. 1. Свердловск, 1961, стр. 42.

¹⁴ А. Е. А г е е в а, А. Г. М а к с и м о в а. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. — «Труды НИИЭ АН Казахской ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959.

Г. И. МАТВЕЕВА

ПАМЯТНИКИ I ТЫСЯЧЕЛИТИЯ НОВОЙ ЭРЫ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ р. БЕЛОЙ

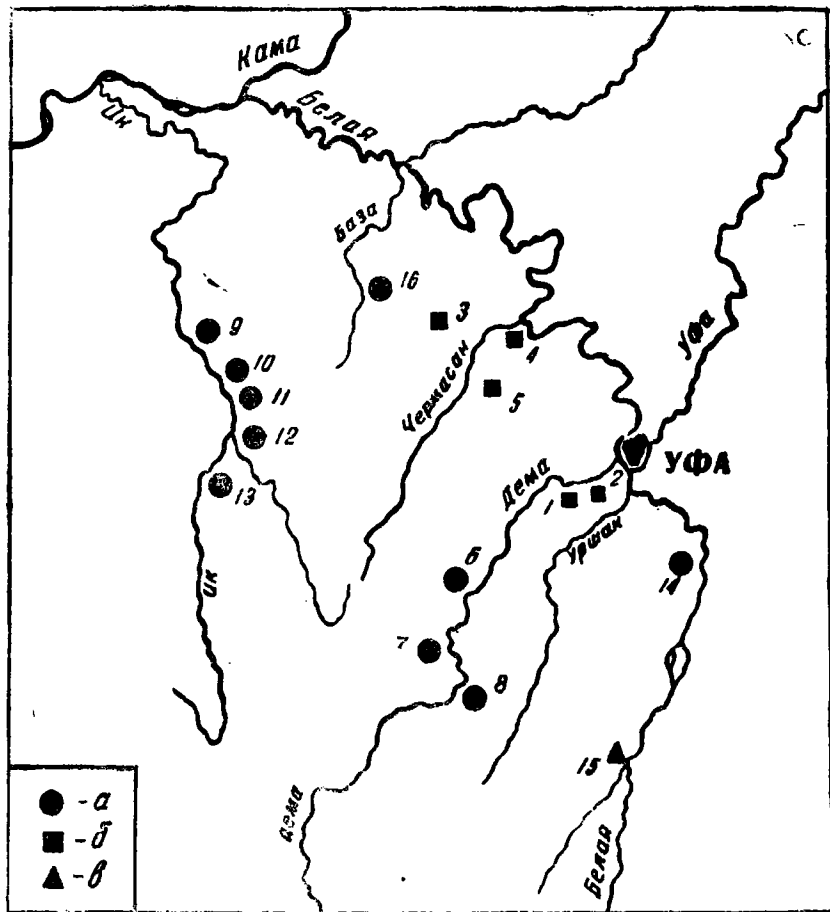
В последнее десятилетие разведочными отрядами археологической экспедиции Башкирского государственного университета, а также краеведом А. П. Шокуровым были обследованы наиболее крупные левые притоки р. Белой и правобережье р. Большой Ик. Здесь было открыто и обследовано пятнадцать поселений (рис. 1), датирующихся второй половиной I тыс. н. э.

Настоящая статья посвящена публикации материалов, полученных с наиболее интересных памятников пзученного района; к таким относятся Кара-Якуповское, Старо-Калмашское городища, Чатринское поселение и Давлекановское селище. Надо надеяться, что публикация вызовет интерес к продолжению более широкого и углубленного изучения этих памятников, что важно в плане выяснения этнокультурного состава населения Башкирии во второй половине I тыс. н. э.

Кара-Якуповское городище расположено на горе Кала-тау в 0,5 км к югу от дер. Кара-Якупово Чимшинского района БАССР. Южный и западный склоны городища высокие и крутые. С востока и северо-востока городище защищено двумя валами. Площадь городища 23⁰⁰ кв. м.

Было заложено три раскопа общей площадью 568 кв. м. Культурный слой мощностью от 0,2 до 0,5 м состоял из коричневатого чернозема, который залегал на известняке. Никаких углубленных в землю построек на городище не обнаружено. Для выяснения конструкции валов через них была проведена траншея. Внешний вал, низкий и оплывший, насыпан из земли и не имел никаких следов деревянных конструкций. Устройство внутреннего вала было более сложным: основание его представляло собой кладку из плотно подогнанных друг к другу известняковых плит. Поверх этой кладки была насыпана земля, частично припесенная со стороны, частично взятая из небольшого ровика, проходившего между валами. Стенки рва для прочности были облицованы плетнем, следы которого в виде ряда ямок от тонких столбиков сохранились на поверхности материковой глины. На вершине вала стоял частокол, о чем свидетельствуют обугленные бревна диаметром более 10 см в насыпи вала.

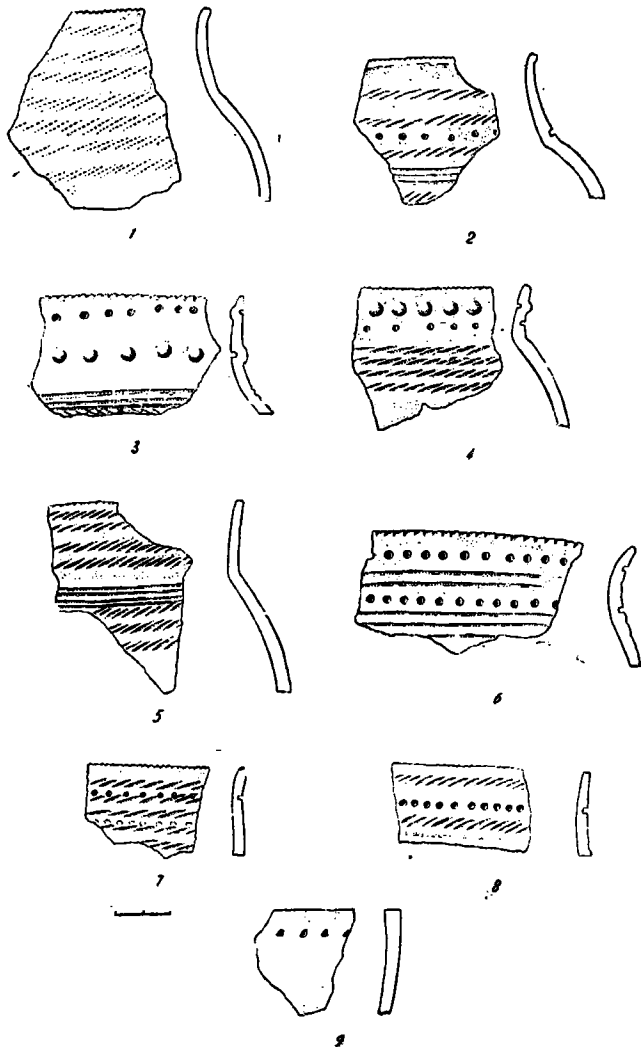
Основную массу вещественного материала, добытого во время раскопок, составляли фрагменты круглодонных сосудов, сформованных из хорошо отмученной глины с примесью песка (рис. 2, 1—9). Найдены также два рыболовных крючка (рис. 6, 2), нож (рис. 6, 1), железный наконечник стрелы ромбической формы (рис. 4, 3), ложкарь (рис. 4, 4), глиняная

Р и с. 1. Карта памятников кара-якуповского типа.

а — селите, б — городище, в — отдельная находка.

1 — Кара-Якупочское городище, 2 — Талтыковское городище, 3 — Старо-Калманские городище, 4 — Кушнаренковские городище, 5 — Чатрицкое городище, 6 — Давлекановское селите, 7 — Ильчигуловское селите, 8 — Туксанбийское селите, 9 — Сасыкульское селите, 10 — Ново-Сарлиповское селите, 11 — Тумак-Каранское селите, 12 — Факрбашское селите, 13 — Зантовское селите, 14 — Ибрагимовское селите, 15 — Михайловская находка, 16 — Сультинское селите.

Р и с. 2. Керамика Кара-Якуповского городища.

лячка (рис. 4, 5), обломки усеченно-биконических пряслиц. Собрано также большое количество костей животных и обугленные зерна полбы.

Чатринское поселение находится в 1 км к юго-востоку от дер. Чатра Чишминского района БАССР. Оно расположено на вершине холма с крутыми, почти отвесными склонами, благодаря которым хорошо защищено и не имеет искусственных укреплений. Площадка поселения составляет 187 кв. м. На поселении был заложен раскоп площадью 100 кв. м. Культурный слой мощностью 25—28 см состоял из чернозема и залегал на известняке. В культурном слое встречались небольшие фрагменты круглодонных сосудов, аналогичных кара-якуповским.

Старо-Калмашское городище находится в 6 км от дер. Старый КалмашЧекмагушевского района БАССР. Городище расположено на высоком мысу, который местное население называет Кала-тау. С напольной стороны мыс переходит в ровное плоское плато. Склоны городища высоки и труднодоступны, площадка его защищена валом и рвом.

Первые разведочные раскопки (176 кв. м) на городище были произведены в 1962 г. археологической экспедицией Института истории, языка и литературы БФАН СССР под руководством Н. А. Мажитова. Раскопки на городище возобновились в 1963 г. экспедицией Башгосуниверситета, вскрывшей здесь 488 кв. м. Тогда был прорезан траншеей вал и выяснено его устройство. Основание вала состояло из щебенки, поверх которой была насыпана земля. В насыпи вала сохранились бревна от частокола, окружавшего, очевидно, всю территорию городища.

Во время раскопок собрано большое количество фрагментов керамики, идентичных с сосудами из Кара-Якуповского городища (рис. 3, 1—5), глиняный тигель (рис. 4, 7), костяной наконечник стрелы (рис. 4, 6), глиняные пряслица усеченно-биконической формы (рис. 6, 8) и бусина из красного хальцедона.

Таптыковское городище находится на р. Деме в 1,5 км к западу от дер. Таптыково Уфимского района. Оно расположено на высокой стрелке, образованной надпойменной террасой правого берега р. Демы и глубоким оврагом, выходящим к пойме реки. Городище с трех сторон защищено крутыми склонами, а с четвертой — валом. Длина вала 50 м, ширина — 5 м, высота — 1,5 м. Площадка городища и его склоны поросли густым лесом и кустарником, что затрудняет проведение на нем раскопок.

На городище собраны фрагменты керамики кара-якуповского типа.

Кушнареновское (Япарковское) городище находится в 6 км к северу от с. Кушнареново и в 2,5 км к северо-западу от пос. Япарка Кушнареновского района БАССР, недалеко от устья р. Чермасан.

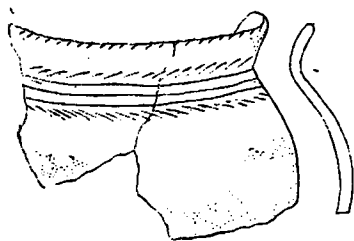
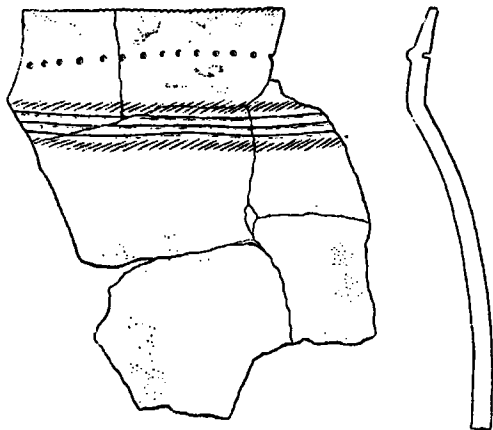
Городище занимает тупой мыс, возвышающийся над поймой р. Белой. С запада мыс разрушается оврагом, с юга площадка городища укреплена кокошникобразным валом длиной 80 м, шириной — 15 м, высотой — 2,5 м. Вал состоит из насыпанного чернозема и красной прокаленной глины; кое-где на валу прослеживаются следы обугленного дерева.

Площадка городища составляет 2000 кв. м. Культурный слой мощностью 40—50 см распространен не только на площадке, но и продолжается за валом. Поверхность площадки и склоны городища поросли густым лесом.

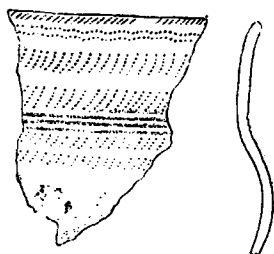
Городище обследовалось неоднократно. В 1956 г. А. Н. Шокуровым здесь собрана коллекция, состоящая из бронзовой пряжки (см. рис. 4, 9) пряслица усеченно-биконической формы, трех костяных наконечников стрел, костяной бусины, шлаков, обломков тигля и сосудов.

В 1959 г. на городище были произведены небольшие раскопки экспедицией Казанского университета (начальник отряда В. Ф. Генниг). Во время раскопок были собраны фрагменты, принадлежащие не менее чем 50 сосудам, железный кочедык и обломок ножа.

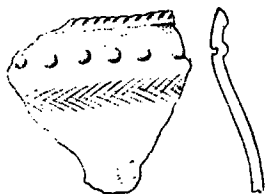
В 1965 г. на городище учащимися с. Кушнареново была собрана небольшая коллекция керамики, хранящаяся сейчас в местной школе. Сюда входят фрагменты 23 сосудов кара-якуповского типа, четыре ошлакованных тигля, шлаки, железные крицы и небольшой

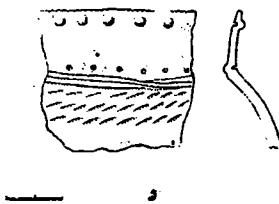
2

3

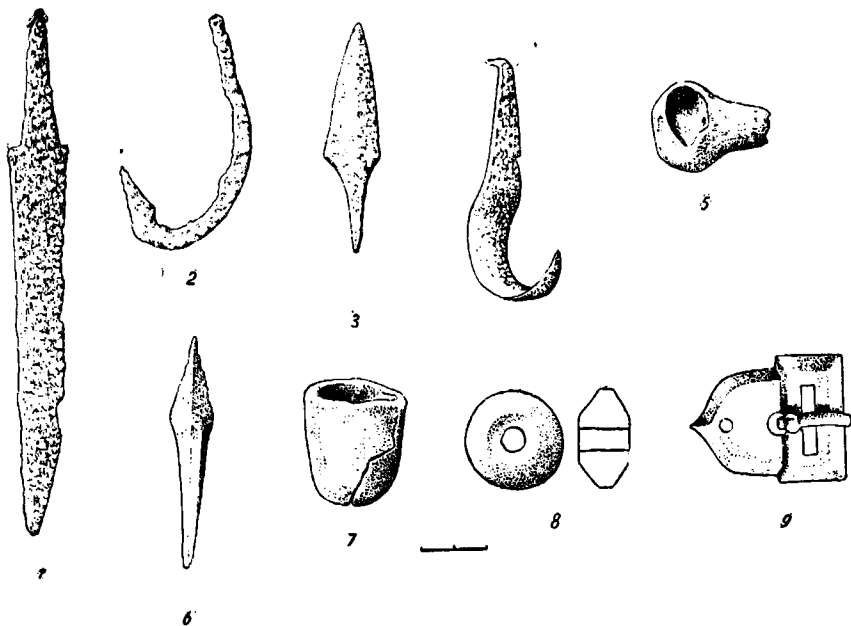

4

5

Р и с. 3. Керамика Старо-Калмышского городища.

Р и с. 4. Предметы с городищ.

камень с прочерченными на нем знаками. В том же 1965 г. городище было обследовано разведочным отрядом Башкирского университета.

Давлекановское селище находится в 200 м к северо-востоку от восточной окраины г. Давлеканово. Расположено на первой надпойменной террасе р. Демы. Значительная часть его разрушена песчаным карьером.

Памятник многослойный: его нижние слои относятся к эпохам мезолита, неолита и бронзы. Находки 1 тыс. н. э. представлены фрагментами 32 сосудов, очень близких по форме и орнаменту к сосудам Кара-Якуповского городища. Найдены также фрагменты 8 сосудов кушнаренковского типа.

Туксанбаевское селище находится в 2 км к юго-западу от дер. Туксанбаево Миякинского района. Расположено на мысу, образованном второй надпойменной террасой р. Демы. На поверхности селища и в шурфах были собраны фрагменты тонкостенной керамики кара-якуповского типа.

Тукмак-Коранское селище расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Ик, в 0,5 км к юго-западу от дер. Тукмак-Коран Туймазинского района БАССР.

В шурфах, заложенных на поселении, были собраны находки, относящиеся к эпохе неолита и к I тыс. н. э. Последние представлены небольшими фрагментами керамики кара-якуповского типа.

Сультинское селище — самое северное из известных в настоящее время кара-якуповских памятников. Оно находится на правом берегу р. Базы в 2 км от дер. Сульты Илишевского района БАССР. Поверхность селища ежегодно распахивается, поэтому культурный слой его полностью разрушен. На пашне было собрано небольшое количество мелких фрагментов керамики кара-якуповского типа.

Основную часть находок указанных поселений составляют обломки керамики, которые могут быть отнесены к одному кара-якуповскому типу, другие типы посуды встречаются редко.

Таблица

Наименование памятника	Общее кол-во	Кол-во и типы сосудов				
		Кара-якуповск.	Кушнаренковск.	Бахмутинск.	Романовск.	Другие
Кара-Якуповское городище	234	226	—	—	3	5
Старо-Калмашское городище	172	162	8	—	—	2
Кушнаренковское городище	74	62	6	2	4	—
Чатринское городище	14	14	—	—	—	—
Давлекановское селище	40	32	8	—	—	—
Итого	534	496	22	2	7	7
В %	100	92,8	4,3	0,3	1,3	1,3

Ввиду того, что керамика всех поселений однородна, мы даем суммарное ее описание. Вся керамика круглодонная, тонкостенная; толщина стенок сосудов колеблется от 2,5 до 5 мм; преобладают со стенками 3—4 мм. Изготовлены они способом ленточного налепа. Глиняное тесто, хорошо отмученное, обычно содержит незначительную примесь мелкого песка. Внешняя поверхность сосудов заглаживалась мягким предметом, внутренняя — обрабатывалась мелким зубчатым штампом. Цвет большинства сосудов светло-коричневый или светло-серый, изредка встречаются фрагменты черного цвета. Ангобированных сосудов очень мало.

Форма довольно однообразна: все сосуды имеют хорошо выраженную шейку и округлое или удлинненное тулово. Шейки сосудов прямые или отогнутые.

На Кара-Якуповском городище найдено еще 5 маленьких чаш (рис. 2, 9).

Орнамент сосудов довольно богат и разнообразен. Он располагается на венчиках и шейках, иногда опускаясь на плечики. Неорнаментированные сосуды единичны во всех коллекциях. Самый распространенный элемент орнамента — короткие наклонно поставленные насечки, полученные путем отпечатывания короткого «слепого» зубчатого штампа (см. рис. 2, 2, 4, 5, 7, 8; рис. 3, 5). Несколько реже встречаются выпуклины — «жемчужины», получаемые путем нанесения наколов с внутренней стороны сосуда (рис. 2, 3, 4; рис. 3, 4, 5). Иногда наколы делаются снаружи, образуя на внутренней стенке такие «жемчужины» (рис. 2, 3; рис. 3, 5). Многие сосуды орнаментированы длинными горизонтальными линиями, нанесенными также зубчатым штампом (рис. 2, 3, 5, 6). Очень часто встречаются наклонно поставленные отпечатки короткого штампа с четкими зубчиками (рис. 2, 1, рис. 3, 3). Из других узоров орнамента следует упомянуть отпечатки полулунного или подковообразного штампа (см. рис. 2, 7). Обычно орнамент каждого сосуда состоит из нескольких элементов, например, отпечатки зубчатого штампа сочетаются с «жемчужинной»

(рис. 2, 4) или с горизонтальными зубчатыми линиями (рис. 2, 5), ямка сочетается с зубчатыми линиями (рис. 2, 6) и др. Отпечатки зубчатого штампа часто образуют елочку (рис. 3, 4), реже — ромбическую сетку.

Венчики большинства сосудов орнаментированы зубчатым штампом или насечками. Иногда насечки покрывают и внутреннюю поверхность сосуда у венчика.

Находки льячек, тиглей, шлаков и криц на Кара-Якуповском, Старо-Калмашском и Кушнареновском городищах свидетельствуют о развитии металлургического производства. Основным занятием обитателей описываемых поселений, судя по находкам костей домашних животных и зерен полбы, были земледелие и скотоводство.

Неизученность кара-якуповских могильников и малочисленность находок на поселениях затрудняют датировку памятников кара-якуповского типа. Единственным хорошо датирующим предметом является пряжка, происходящая с Кушнареновского городища (см. рис. 4, 2). Подобные пряжки были широко распространены в Башкирии и за ее пределами в VI—VII вв. н. э.

Керамика кара-якуповского типа продолжала бытовать до VIII—IX вв. Об этом свидетельствует находка сосуда кара-якуповского типа с орнаментом в виде выпуклции «жемчужин» в одном из курганов Хусайновского могильника (VIII—IX вв.), раскопанного экспедицией Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР в 1966 г.*

Для решения вопроса о культурной принадлежности памятников кара-якуповского типа необходимо принять во внимание, прежде всего, своеобразие их керамики, которая отличается от всех типов посуды, бытовавших в I тыс. н. э. на территории Башкирии. Она может быть сопоставлена лишь с керамикой кушнареновского типа.

Сходство этих двух типов керамики наблюдается в составе глиняного теста, характере обработки поверхности, общих формах сосудов и орнаментальных мотивов. Сосуды с прямой шейкой и вытянутым туловом, характерные для керамики кушнареновского типа, встречаются довольно часто и на кара-якуповских памятниках. Те и другие формировались из хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка; внешняя поверхность их заглаживалась мягким предметом, а внутренняя — зубчатым штампом. Орнамент в обоих случаях располагается на шейке и на венчике и состоит из чередующихся поясков различных узоров.

Несмотря на сходство, кушнареновский и кара-якуповский типы керамики не могут быть полностью отождествлены, так как имеют ряд существенных различий. Например, у кушнареновских сосудов никогда не встречается отогнутая шейка, весьма характерная для сосудов кара-якуповского типа. Самые распространенные элементы орнамента кара-якуповской керамики: жемчужина, ямка и отпечатки «слепого» зубчатого штампа — не характерны для кушнареновских сосудов. В свою очередь, кушнареновский полулунный и треугольный штампы отсутствуют на сосудах кара-якуповского типа.

Очень четко вырисовывается территория распространения памятников кара-якуповского типа: все они расположены в районе Бельско-Икского междуречья. Ни на левом берегу р. Ик, ни на правом берегу р. Белой их нет. Самым северным памятником кара-якуповского типа является Сультинское селище в среднем течении р. Базы, самым южным — Туксанбайское селище на р. Деме близ границы Башкирии с Оренбургской областью.

Учитывая, что памятники типа Кара-Якуповского городища четко локализируются на определенной территории, а также имея в виду своеобразие керамического материала, мы склонны выделить эти памятники в особую кара-якуповскую культуру под названием кара-якуповской.

Вопрос об этнической принадлежности кара-якуповских племен пока не поддается решению. Ясно лишь то, что культура этих племен является не автохтонной, а привнесенной

* Сообщение Н. А. Мажитова.

пзвне. Кара-якуповская керамика не связана генетически ни с кара-абызской, ни с пьяноборской, ни с бахмутинской.

Поиск аналогий уводит нас в лесостепное Зауралье. Наибольшее сходство кара-якуповская керамика обнаруживает с керамикой бокальской культуры¹ и памятников типа Люгнинского городища², относящихся ко второй половине I и рубежу II тыс. н. э., что, возможно, указывает на наличие общих генетических корней, восходящих, может быть, к более раннему времени.

¹ К. В. С а л ь н и к о в. Исетские древние поселения. — СА, XXV, 1956, стр. 213, рис. 18, 6, 9, 13.

² В. Ф. Г е н и н г. Отчет археологической экспедиции Уральского университета за 1963 год. Рукописный фонд ИА АН СССР.

ЭТНОГРАФИЯ

С. Н. ШИТОВА

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА БАШКИР

Одежда, как часть материальной культуры, тесно связана с образом жизни и с производственной деятельностью людей. Материал, из которого шьют одежду, способ ее изготовления и даже форма обычно зависят от экономического и культурно-бытового уклада общества. В то же время в одежде находит отражение духовный мир человека, художественные вкусы и традиции. Внутреннее экономическое и культурное развитие народа вносит определенные изменения и в народный костюм. Однако вплоть до середины XIX в. сравнительно низкий уровень производительных сил, замкнутость и обособленность этнических групп способствовали консервации выработанных веками традиций. Лишь с развитием капитализма, в условиях складывания общего внутреннего рынка, появления промышленных центров, рождения нового класса — пролетариата — и влияния его на традиционный уклад сельской жизни, быт и, в первую очередь, материальная культура народов стали заметно видоизменяться. С одной стороны, произошло дальнейшее развитие, усовершенствование в духе времени традиционного. С другой — получили распространение новые формы, привнесенные извне, под влиянием, главным образом, города.

Эти два направления, наметившиеся на протяжении XIX — начала XX вв., определили в целом развитие одежды и в послереволюционный период. Уже в 20-е годы, в ходе осуществления культурной революции, было положено начало формированию современного народного костюма. Массовое движение против беспорядка и затворничества женщин, особенно остро проявившееся в среде мусульманских народов, сопровождалось ликвидацией некоторых вредных пережитков в одежде: одновременно с борьбой против ношения паранджи и подобных ей покрывал проводилась кампания за теплую одежду для женщин. Большим достижением явился отказ населения от различных негигиеничных и вредных для здоровья видов одежды: нагольных шуб, тяжелых громоздких головных уборов и украшений с большим количеством монет и металла, ослабляющих зрение налобных повязок с густой бахромой и пр.

Проведение коллективизации сельского хозяйства, вовлечение в общественное производство масс населения, особенно женщин, привело к сокращению домашнего производства, к замене материалов собственной выработки (домотканины, войлока, шерсти, шкур), де-

шевскими фабричными товарами. Сближение деревни с городом, развитие торговой сети на селе способствовали этому. Одновременно шло преобразование традиционного народного костюма. Менялся не только материал, но и покрой. Одежда становилась более легкой и удобной.

В последний период изменения в быту народов нашей страны с каждым годом становятся все более значительными, захватывают все слои населения.

История башкирской одежды — один из примеров развития костюма в соответствии с социальными и культурно-бытовыми преобразованиями. В центре внимания настоящего исследования — башкирская народная одежда с середины XVIII в. до наших дней. Хронологические рамки в какой-то мере ограничены отсутствием источников по более раннему периоду. Большое место в работе занимает история народной одежды в советское время. Объем этой части в значительной степени был предопределен значением проблем национального развития на современном этапе. Исследование современной одежды башкир помогает изучить судьбы традиционного в процессе складывания интернациональной советской культуры, установить факторы, способствующие развитию или исчезновению национального.

В основной части работа написана на материале полевых исследований, проведенных автором в составе этнографических экспедиций Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР на протяжении 1959—1966 гг.*. Обследованим башкирской одежды были охвачены почти вся территория Башкирской АССР, а также населенные башкирами районы Оренбургской, Куйбышевской, Саратовской, Курганской, Челябинской, Свердловской, Пермской областей и Татарской АССР. (См. «Карту изученности башкирской народной одежды»). По более раннему периоду были использованы литературные и некоторые архивные данные.

Почти единственным и весьма ценным источником по одежде XVIII в. являлись материалы академических экспедиций 70—80-х годов, опубликованные в трудах П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги¹. Большое место в исследованиях этих ученых занимает описание быта и обычаев поволжских народов, в том числе башкир. Кроме материалов по одежде башкир в книгах П. С. Палласа и И. Г. Георги помещены красочные иллюстрации башкирского костюма.

П. С. Паллас и И. И. Лепехин писали преимущественно об одежде южных и центральных групп башкир; И. Г. Георги, судя по описанному им комплексу, — северо-западных. Этнографические сведения о северо-восточных башкирах мы находим в более позднем издании — «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н. Попова². Однако Н. Попов, будучи знаком с работами предшественников, некоторые их сведения некритически распространил и на пермских башкир. Этим несколько снижается достоинство его собственных наблюдений.

О башкирской одежде XIX—начала XX вв. история сохранила немало сведений. Общее развитие русских обществоведческих наук, активная деятельность Российской Академии по накоплению материалов в области этнографии, появление крупных этнографических обществ, издание популярных народоописаний возбуждали интерес к малоизвестному быту «инородцев», рождали все новых исследователей. Редко случалось, чтобы образованные люди того времени, посетив башкирский край, столкнувшись с народным бытом, не оставили бы путевых заметок, публицистических статей, очерков, воспоминаний. Конец 50-х — начало 60-х годов ознаменовались появлением двух работ, содержащих интересные этнографические материалы о башкирах: обстоятельного историко-экономического описания

* В сборе материала по народной одежде башкир в экспедициях принимали участие лаборанты Р. В. Нафикова, М. В. Сурина, Г. Ш. Муратшина.

¹ И. Г. Ге о р г и. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. 1. СПб., 1799; П. С. П а л л а с. Путешествие по разным провинциям Русского государства, ч. 1. СПб., 1773; ч. 2. СПб., 1786; И. И. Л е п е х и н. Дневные записки путешествия по разным провинциям государства Российского, ч. 3. — «Полное собрание ученых путешествий по России», т. 4. СПб., 1822.

² Н. П о п о в. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 3. СПб., 1813.

Оренбургской губернии В. Черемшанского³, где немало места уделено характеристике населяющих ее народов, в том числе башкир, и небольшой статьи И. Игнатовича⁴ о башкирском населении Бурзянской волости этой губернии. Позднее, в 1889—1890 гг., среди южных башкир по р. Сакмарю работал антрополог П. С. Назаров; содержавшиеся в его научном отчете этнографические наблюдения были опубликованы затем на страницах «Этнографического обозрения»⁵. Несколько лет спустя увидело свет пространное этнографическое описание одной из южных деревень, составленное М. Баишевым⁶. В 1893 г. появилась статья о небольшой группе центральных (инзерских) башкир Л. Берггольца⁷. К 90-м годам XIX в. относятся наиболее значительные работы Д. Никольского⁸, в основу которых легли наблюдения автора во время службы его земским врачом в Екатеринбургском и Шадринском уездах Пермской губернии и кратковременных поездок к башкирам соседнего Верхнеуральского уезда. Во всех упомянутых выше работах, наряду с другими сторонами быта, уделено внимание и башкирскому народному костюму. Однако каждый из авторов сообщал об определенной, довольно незначительной по численности, группе башкир. Между тем в культуре башкирского народа существовали значительные локальные особенности (этим и объясняются некоторые расхождения и противоречия, часто имеющие место в источниках XIX в.). Большая часть территории Башкирии оставалась этнографически совершенно неизученной. Лишь четверть века спустя, в 1925 г., появилось монографическое исследование по этнографии башкир С. И. Руденко⁹, в котором не только были впервые подробно описаны культурные особенности различных групп населения, но и сделана удачная попытка объяснить это своеобразие сложностью этнических процессов на территории Башкирии. Карта этнографических областей, составленная С. И. Руденко с учетом распределения бытовых элементов на территории расселения башкир, и сейчас не потеряла научной ценности. В книге был использован богатейший материал, собранный автором во время его продолжительного (1905, 1906, 1907, 1912 гг. и позже) пребывания* на Южном Урале: личные записки, многочисленные фотографии, описание собранных коллекций. Одежде посвящена отдельная глава.

После выхода в свет труда С. И. Руденко изучением башкирской одежды долгое время никто не занимался. Лишь с 1958 г., после создания сектора археологии и этнографии в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, исследования по башкирской этнографии были возобновлены: началось тщательное изучение коллекций Государственного музея этнографии народов СССР, уфимских краеведческого и художественного музеев, Венгерского этнографического музея в г. Будапеште, коллекций краеведческих музеев соседних с Башкирией областей (гг. Челябинска, Свердловска, Перми, Оренбурга); в широких масштабах развернулась экспедиционная работа. За последние годы появилось

³ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1959.

⁴ И. Игнатович. Башкирская Бурзянская волость. — «Архив исторических сведений, относящихся до России», 1860—1861, кн. 5. СПб., 1863.

⁵ П. С. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение». М., 1890, № 1—2.

⁶ М. Баишев. Деревня Зянчурина Орского уезда Оренбургской губернии. — «Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества», вып. 7. Оренбург, 1897.

⁷ Л. Б. Берггольц. Горные башкиры-кайтацы. — «Этнографическое обозрение». М., 1893, № 3.

⁸ Д. П. Никольский. Из поездки к лесным башкирам. — «Земледелие», т. 2, кн. 4. М., 1895; его же. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

⁹ С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнографической монографии, ч. 2. Быт башкир. Л., 1925; его же. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. — Л., 1955.

* С. И. Руденко, будучи студентом, а затем сотрудником Санкт-Петербургского университета, по заданию этнографического отдела Русского музея (теперь Государственный музей этнографии народов СССР) совершил несколько поездок по башкирским уездам, собирая экспонаты. Его материалы составляют значительную часть башкирской коллекции музея.

несколько работ по одежде башкир отдельных районов¹⁰; вопросы декоративного оформления башкирского костюма частично были освещены в монографии С. А. Авижанской, Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева «Декоративно-прикладное искусство башкир»¹¹. Но основной материал, накопленный в течение последнего десятилетия, публикуется в настоящем издании впервые.

Глава I

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА БАШКИР

РАЗВИТИЕ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ БАШКИР В XVIII—XIX вв.

Первые письменные свидетельства обашкирской одежде относятся ко второй половине XVIII в. и связаны с известными экспедициями Российской Академии наук под руководством П. Палласа, И. Георги, И. Лепехина. Специфика башкирской одежды XVIII в., ее характер говорят о том, что башкирский костюм в основе своей сложился под влиянием традиций, связанных, в первую очередь, со скотоводческими племенами, участвовавшими в формировании башкирской народности.

Одной из особенностей башкирского быта XVIII в., обратившей на себя внимание путешественников, было широкое использование при изготовлении одежды домашних материалов, преимущественно животного происхождения, что, впрочем, вполне соответствовало условиям полунатурального скотоводческого хозяйства, характерного в то время для башкир. Из овчины шили шубы, головные уборы. Из конских шкур делали некоторые виды обуви и наплевные покрывала. Домашнее сукно было незаменимым материалом для теплых халатов. Для шляп и зимней обуви употребляли войлок. Из обработанных копчением кож шили туфли, глубокие башмаки и сапоги. Лишь для нательной одежды (штанов, рубах, нагрудных поясков), реже — для легких халатов, использовали крапивный или конопляный холст¹².

Описания башкирского костюма в трудах путешественников XVIII в. представляют собой отдельные, фрагментарные зарисовки одежды небольших групп населения. Из работ И. Георги, И. Лепехина и П. Палласа можно видеть, что у башкир состав костюма обоих полов был в целом одинаков. И мужчины, и женщины носили рубахи одного покроя (но различной длины), широкие в шагу штаны, на ногах — туфли или сапоги. Верхней одеждой были просторные суконные халаты («сапкен» — И. Георги, «шипкан» — И. Лепехин); поверх них мужчины подпоясывались поясом («бетгау» — И. Георги) или сабельной портупеей¹³. Наряд мужчины дополняла тубетейка («тебетей» — И. Георги) или характерный меховой убор, описание которого мы находим в работе И. Георги: «Она (шапка — С. III.) подобно кеглю, но не очень остро кверху сведена, вышиною в пядень; а шьется из сукна с узким околышем, оттопырившимся и загнутым наподобие голландских корабельных шляп»¹⁴.

Как показывают более поздние источники, мужской башкирский костюм описан авторами далеко не полностью, но его своеобразие подчеркнуто достаточно ярко. Длиннопольный

¹⁰ С. Н. Шитова. Женская одежда северных башкир. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.). — Там же; С. Н. Шитова. Башкирские костюмные комплексы XIX — начала XX вв. и районы их распространения. — Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 г. (Тезисы докладов). Уфа, 1966.

¹¹ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.

¹² И. Георги. Указ. соч., ч. 1, стр. 102; П. Паллас. Указ. соч., ч. 1, кн. 1, стр. 652; И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 168—169.

¹³ И. Георги. Указ. соч., ч. 1, стр. 102; И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 168.

¹⁴ Там же.

Р и с. 1. Башкирские конники. С гравюры худ. Бейера, 1810 г. (Фонды ГИМ).

шерстяной халат, скрывающий нижнее платье, и островерхий головной убор (малахай) — это именно те черты, которые резко отличали по внешнему облику башкир от соседних народов — чуваш, татар, со стороны которых И. Лепехин, П. Паллас и И. Георги прибыли в Башкирию. До нас дошли произведения немецких и русских живописцев начала XIX в. с изображением башкирских всадников в подобном наряде. В типичных для башкир малахаях и халатах, с набором традиционного вооружения запечатлены конники на гравюре Бейера, на рисунке Хюбейля, на полотнах известного художника первой четверти XIX в. А. О. Орловского*.

Женская верхняя одежда — халат, сшитый из тонкого сукна, а у богатых из шелковой ткани — украшалась на груди бисером и кораллами¹⁵.

Девушки, вплетая ленты и косички с бренчащими подвесками («брякушками» — И. Георги), ходили простоволосые или носили покрытые монетами шапочки с «заостренным, длиною в пядень, затыльником»¹⁶. Женщины покрывали голову платками различной формы (разновидность их составлял «тастар», названный у И. Георги также «фатою»¹⁷) и носили сложные головные уборы («чашбау» — П. Паллас, «кашпау» — И. Лепехин) в виде шлема

* Картины Бейера («Башкирские конники в походе»), Хюбейля («Башкирский воин, показывающий детям Берлина лук и стрелу»), А. О. Орловского («Башкирские воины в походе», «Башкирский военачальник в походе», «Башкирские воины» и пр.) хранятся в Государственном историческом музее в г. Москве.

¹⁵ И. Георги. Указ. соч., ч. 1, стр. 102; И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 168.

¹⁶ И. Георги. Указ. соч., ч. 1, стр. 102.

¹⁷ Там же.

Р и с. 2. Башкирские воины. Худ. А. О. Орловский, 1-ая четверть XIX в. (Фонды ГИМ).

с длинной задней лопастью из кораллов и монет, нашитых на суконную основу¹⁸. Иногда поверх такого убора закрепляли на макушке конусовидный колпак («вершок, фигуру конуса имеющий»), также сплошь зашитый монетами и блестками¹⁹.

¹⁸ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 169; П. Паллас. Указ. соч., ч. 1, кн. 1, стр. 651; ч. 2, кн. 1, стр. 98.

¹⁹ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 169.

Бисер, кораллы, монеты не только в большом количестве нашивались на верхнюю одежду и головные уборы, но и, будучи прикреплены к ткани различной формы (в зависимости от назначения), служили самостоятельным украшением костюма. Нагрудники («сакал» — П. Паллас), ожерелья, пелерины в виде коралловой сетки и пр.²⁰, яркость кораллов и блеск серебра придавали одежде башкирок особый колорит.

Из материалов И. Лепехина и П. Палласа можно заключить, что в конце XVIII в. в одежде башкир существовали территориальные различия. Путешественники выделяют башкирский костюм Исетской провинции²¹, нарядный и красочный, изобилующий украшениями²². Женская одежда состояла здесь из длинного холщового платья, тонкого матерчатого кафтана и верхнего суконного ярких расцветок халата, расшитого на груди и по полам цветным бисером. Женское платье исетских башкир, по словам П. Палласа, было вышито по вороту и на рукавах²³. Головным убором женщины служили надеты поверх белого полотенеобразного покрывала («тастар») меховая шапка²⁴, а в праздники — коралловые цепцы («кашпау», «чашбау») со множеством монет и блях.

Праздничный костюм выглядел нарядно также благодаря большому, сплошь зашпиганному кораллами и металлическими бляхами, нагруднику и длинной, узорно вышитой бисером и бусами, ленте, свисающей от кораллового «кашпау» вдоль спины. Подобные украшения, как и описанные выше головные уборы, по-видимому, были распространены на широкой территории; Паллас, к примеру, встречал их у башкир по дороге из Оренбурга, через Самарский городок, в Уфу²⁵. Исетские башкирки, кроме того, носили сходное по форме с нагрудником наспинное украшение («амьян») ²⁶, а поверх нагрудника надевали ленту-перевязь с бляхами и амулетами («спереди через плечо как будто орден висящее украшение») ²⁷. Отлична была и обувь этих мест. В то время, как на остальной территории носили кожаные сапоги домашней выделки («упоки»), здесь были распространены бахилы (обувь, формой повторяющая сапоги), «у которых только кайма у голов кожаная, а прочее все суконное»²⁷.

Местными различиями в башкирском костюме объясняются отчасти и некоторые расхождения в описаниях путешественников. И. Георги в качестве обуви бедной части башкирского населения называет лапти с онучами²⁸; у И. Лепехина же имеется утверждение, что «лаптей ни башкирки, ни башкирцы никогда не употребляют»²⁹. Судя по описанию костюма, И. Георги находился где-то на северо-западе Башкирии (об этом говорят, в частности, и упомянутый им головной убор девушек в виде шапочек, зашитых монетами, и отсутствие сведений о нагрудниках и женском головном уборе «кашпау», описанных И. Лепехиным и П. Палласом); И. Лепехин же проехал несколько восточнее и южнее, где в то время лаптей башкиры, по-видимому, не носили.

Время знаменитых путешествий Палласа, Лепехина и Георги совпало с активизацией заводского строительства на Южном Урале. Одно за другим на горных речках вблизи рудных разработок вырастали чугунные, медеплавильные и железоделательные предприятия. К концу XVIII в. в Башкирии было более 30 заводов³⁰. Заводское строительство усилило перемещение в край населения из южных и центральных губерний России. С одной стороны, колонизация башкирских земель, с другой — сокращение в ходе подавления Крестьянской войны 1773—1775 гг. поголовья скота у местного населения заметно пошатнули ве-

²⁰ Там же; П. Паллас. Указ. соч., ч. 2, кн. 1, стр. 98.

²¹ Теперь территория Челябинской области и восточной части Челябинского района БАССР.

²² П. Паллас. Указ. соч., ч. 2, кн. 1; стр. 98; И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 168—169.

²³ П. Паллас. Указ. соч., ч. 2, кн. 1, стр. 98.

²⁴ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 172.

²⁵ П. Паллас. Указ. соч., ч. 1, кн. 1, стр. 651—652.

²⁶ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 169.

²⁷ П. Паллас. Указ. соч., ч. 2, кн. 1, стр. 98.

²⁸ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 169.

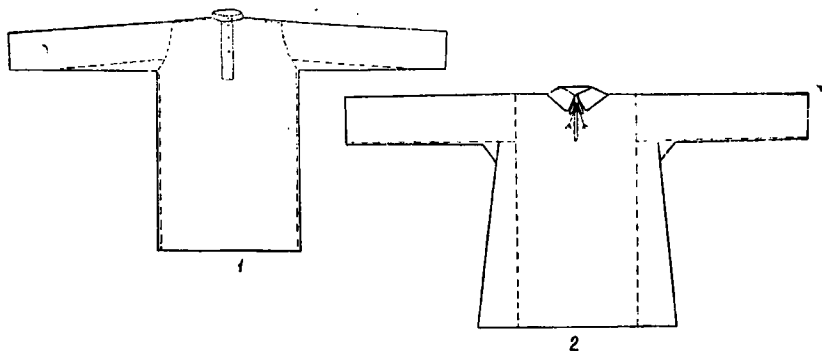
²⁹ И. Георги. Указ. соч., ч. 1, стр. 102.

³⁰ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 169.

³⁰ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 261.

ковой уклад многих башкирских хозяйств, способствовали переходу башкир, особенно в северных и западных районах, к земледелию.

Переход от скотоводства к земледелию, развитие кустарных промыслов и промышленного производства, оживление торговли, рост классового расслоения характеризуют в социально-экономическом смысле обстановку в крае на рубеже XVIII—XIX вв. и особенно — в первые десятилетия XIX в.³¹ В этот период, вслед за расширением экономических и культурных связей с внешним миром, началось быстрое накопление новых явлений в быту, основательно перестроившее старые народные традиции. Это не могло не затронуть и одежду. Наряду с возделыванием хлебных культур, перешедшие к оседлости башкиры стали сеять лен; использование льняных волокон намного улучшило качество домашних тканей. В начале XIX в. башкиры северных районов выработывали не только гладкий холст, но и «крупно-клетчатую пестрядь»³². По нижнему течению р. Белой и в бассейне р. Быстрый Таныл, где башкирское население к земледелию перешло гораздо раньше³³, в XIX в. холст домашней выработки употребляли не только на пошив нижней, но и горничной и даже верхней одежды³⁴.

Р и с. 3. Новый и старый покрой мужских рубах:

1 — дер. Ибрагимово, Кармаскалинский район БАССР, 1963 г.; 2 — дер. Бол. Султаново, Сафакулевский район Курганской области, 1959 г.

С укреплением экономических связей промышленных районов Урала с центральными губерниями России усилился приток в край различных товаров фабричного производства. На многочисленных ярмарках и базарах, появившихся в большом количестве в конце XVIII— начале XIX вв., самым распространенным эквивалентом в обмене на скот, кожи и меха были фабричные ткани. О широкой распродаже в начале XIX в. среди зауральских башкир (Шадринский уезд) различных «китайских, российских и иностранных шелковых, бархатных, суконных и других товаров» упоминает Н. Попов в «Хозяйственном описании Пермской губернии»³⁵. При характеристике башкирской одежды он говорит о мужских и

³¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2. Уфа, 1959, стр. 8.

³² Н. П о п о в. Указ. соч., ч. 3, стр. 21.

³³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 204—205.

³⁴ Полевые записи 1960, 1965 гг.

³⁵ Н. П о п о в. Указ. соч., ч. 3, стр. 355.

женских халатах из покупных шелковых и «китайчатых» (или хлопчатобумажных), в зависимости от материального достатка семьи, тканей, о шубах и малахаях, крытых «плисом», шелковой материи или «черною китайкою»³⁶. Еще больший спрос на готовую продукцию испытывали южные башкиры, которые, несмотря на резкое уменьшение у них численности скота, на протяжении XIX в. к земледелию приобщились сравнительно мало. Недостаток скотоводческого сырья для изготовления одежды здесь ни в какой мере не компенсировался материалами растительного происхождения; конопляные или льняные волокна, в противоположность северным башкирам, население южных районов использовало в ограниченном количестве, предпочитая необходимые предметы покупать на рынке. Из одежды башкиры приобретали готовое платье производства татарских ремесленников-портных, русские и среднеазиатские ткани или, в крайнем случае, хлопчатобумажную и льняную пряжу, продолжая изготавливать одежду на свой вкус. С середины XIX в. покупные ткани заняли прочное место в быту большинства башкирских семей. «Башкирцы, да впрочем не одни башкирцы, а вся южная полоса России, от Новороссийского края, пожалуй, до Даурии, одеваются нынче в хлопчатобумажные материи, в московские и владимирские ситцы, в кинешемские нанки и коломенки, в казанские кумачи и китайки и в персидские, хивинские, бухарские и прочие бязи, выбойки и зендели. Грубого, заграничного хлопчатобумажного товара привозят к нам множество и хлопчатая бумага все более и более вытесняет в Башкирии местные прядильные растения»³⁷, — записывает в дневнике, путешествуя в 50-х годах XIX в., П. Небольсин. Он же пишет о частых случаях обмена башкирами домашних холстов на фабричную китайку³⁸. Широкое распространение в середине XIX в. в Башкирии фабричных материалов отмечается в работах И. Игнатовича, В. Черемшанского, В. Флоринского. В этом смысле характерна жанровая сценка прощания башкира с семьей перед отъездом на ярмарку, живо переданная И. Игнатовичем (1860—1861 гг.): «Смотри же, — наказывает жена башкиру, — купи мне китайки на зилень*, ситцу на рубашу и чубарый тастар (пестрое покрывало на голову), да и ребятишкам-то не забудь купить ситцу на рубашу, или голубой китайки и по платочку, да уж будь так добр, пожалуй, купи мне конеш бахты** и штаны...»³⁹. Новым явлением в быту башкир с середины XIX в. стало использование фабричных материалов не только для верхней одежды, как это было принято раньше, но и для платьев и рубаш и даже для белья (штанов, нагрудных повязок). О синих и красных «бязинных» рубашках с кумачовыми ластовицами, с разноцветными тканевыми полосками по подолу и вокруг нагрудного разреза говорят при описании одежды южных башкир В. Черемшанский и П. Небольсин⁴⁰. Встречается у них упоминание и о шелковых или кумачовых нагрудных повязках, обшитых материей другого цвета, и о штанах из ярких «выбойчатых тканей»⁴¹.

Применение готовых материалов усилило цветовой колорит народной одежды, намного расширив возможности декоративного оформления костюма. Яркие покупные ткани использовались поначалу для одежды молодых женщин и девушек, но на протяжении XIX в., по мере вытеснения домашних материалов фабричными, интенсивная цветовая гамма стала определяющей в costume основной массы башкир, захватив в какой-то мере и одежду мужской части населения. Особенно красочно выглядели костюмы состоятельных башкир, сшитые из бархата, атласа, ярких среднеазиатских шелков и набоек.

Социальный признак одежды — характерная черта классового, особенно раннеклассового общества. Эта особенность характеризовала народный костюм башкир, по-видимому, со времени выделения родо-племенной знати. В прошлом не особенно резкая, она выделя-

³⁶ Там же, стр. 22—23. (Китайка — фабричная хлопчатобумажная ткань).

³⁷ П. Небольсин. Рассказы проезжего. СПб., 1854, стр. 225.

³⁸ Там же, стр. 257.

* Правильно *элем* — распашная одежда из ткани на толстой подкладке.

** Бахта — набивная красная бязь или грубая хлопчатобумажная среднеазиатская выбойка.

³⁹ И. Игнатович. Указ. соч., стр. 61.

⁴⁰ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 154; П. Небольсин. Указ. соч., стр. 275.

⁴¹ П. Небольсин. Указ. соч., стр. 275.

лась по мере углубления имущественной дифференциации, роста состояния одних слоев и обнищания других. Во второй половине XVIII в. костюм аульной верхушки заметно отличался от одежды широких масс. Немногие семьи покупали тонкие ювелирные украшения, дорогие кустарные ткани, имели большие запасы одежды и обуви. До нас дошел необычный документ 70-х годов XVIII в. — реестр имущества башкирского старшины Кулея Болтасева, похищенного у него грабителями, — редкое свидетельство благосостояния богатого башкирского дома. В числе унесенного добра (золотой и серебряной валюты, драгоценностей, домашнего скарба) — 8 цветных плисовых и суконных кафтанов с золотым позументом, 8 цветных бархатных и атласных бешметов с золотыми пуговицами и позументом, персидский шелковый кушак с золотом, 5 женских халатов, 4 шубы (2 — на лисьем меху, 2 — на мерлушке), закрытые цветным шелком или китайкою, 55 женских рубах, обложенных позументом вокруг ворота — всего одежды на 777 рублей, да кроме того, запас дорогих тканей (атласа, плиса, бархата, сукна) — на 843 рубля⁴². Разумеется, такой богатый гардероб имелся лишь у небольшой прослойки общества. У массы башкир в то время одежда была из грубого холста и толстого домашнего сукна; порой не было самого необходимого. В XIX в. с углублением имущественной дифференциации социальные грани в народном костюме башкир обозначились еще резче. Почти во всех этнографических работах второй половины XIX в. имеются сведения о продаже и отдаче в залог башкирами украшений и ценных головных уборов, о замене ценностей металлическими и стеклянными подделками под них. Н. Казанцев в «Описании башкирцев» говорит о башневидном, унизанном монетами головном уборе стоимостью до 1000 руб. серебром и более: «Такой наряд ныне редок по своей дороговизне; он переходит из рода в род, пока муж последней владельницы этого женского наследия не продаст его для удовлетворения других нужд семейства»⁴³. В статье И. Игнатовича сообщается о сдаче в заклад башкирами русским ростовщикам дорогих, обшитых серебром и кораллами женских головных уборов («кашбов»), о том, как они «не был долгое время выкупленными, остаются во владении кредиторов, и таким образом почти выводятся из употребления»⁴⁴. Уже к концу XIX в. из башкирского быта навсегда исчезли высокие, зашитые монетами и серебром головные уборы, тяжелые напникники из блях и монет и коралловые сетки-пелерины. Гораздо реже, чем раньше, стали встречаться другие металлические и коралловые украшения: нагрудники, нагрудные перевязи, чепцы-кашмау, девичьи шапочки из монет, носники, кольца, браслеты и ожерелья. Утратив наиболее яркие свидетельства древней этнической принадлежности — украшения, одежда большинства башкирского населения к началу XX в. заметно упростилась, потеряла прежний колорит.

XIX век вместе с тем явился и временем значительных изменений в форме и покрое башкирской одежды. Зачисление башкир в регулярное войско (1798 г.) и особенно привлечение их к пограничной сторожевой службе привели к распространению среди них новых, сильно приталенных глухих кафтанов явно казачьего покроя. Их общий вид, как и название (*казакей*), принятое в южной Башкирии, не оставляет сомнения в источнике их появления. В исторической литературе можно найти немало упоминаний о введении среди служилых башкир казачьего обмундирования, об открытии для них в г. Оренбурге специальной «самуничной лавки»⁴⁵. Эти меры не привели к внедрению в башкирском войске единой военной формы: вместе с кафтанами, служилые башкиры по-прежнему носили длинные суконные халаты, вместе с казачьими круглыми шапками с красным верхом — меховые башкирские малахай и высокие войлочные колпаки с разрезанными по бокам полями — атрибут военной или административной власти. Тем не менее казачье одежды вошли в башкирский быт, оказав влияние на покрое верхней гражданской одежды не только мужчин, но и женщин.

⁴² «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5. М., 1960, стр. 552—554.

⁴³ Н. Казанцев. Описание башкирцев. СПб., 1866, стр. 26.

⁴⁴ И. Игнатович. Указ. соч., стр. 49.

⁴⁵ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 138; «Хронологический указатель материалов для ист. рип народов Европейской России». Составлен под редакц. П. Келлена. СПб., 1861, стр. 49, 57.

Исторически, на протяжении столетий складывались сложные культурные взаимоотношения башкир со многими, в первую очередь, близкими по языку и бытовому укладу, народами. Этому в большой мере способствовало расселение на башкирских землях групп татарского, чувашского, русского, марийского и другого населения, начавшееся с момента присоединения Башкирии к Русскому государству. Периодически, во время русских военных походов, в которых активное участие принимали и башкирские конники, осуществлялись контакты башкир и с внешним миром. Все это накладывало отпечаток на башкирский быт, на башкирскую одежду. После Отечественной войны 1812 г., в которой участвовала значительная часть мужского башкирского населения (28 пятисотенных полков⁴⁶), многие из башкир, особенно офицеры, привезли домой не совсем обычные костюмы: в одних случаях это было казачье обмундирование, в других — трофейные французские панталоны и кивера, в третьих — городское европейское платье⁴⁷. В сочетании с традиционными одеждами новые костюмы бывших служивых башкир представляли странную «смесь европейского с азиатским и русского с иностранным»⁴⁸. В целом, однако, эти случайные вещи не могли изменить традиционный костюм башкир.

Втягивание Башкирии в сферу капиталистических отношений подготовило условия для активных экономических и культурных взаимодействий. Наиболее серьезным источником распространения нового среди башкир явилась торговля, связанная с экономическим развитием края. Выше говорилось об использовании башкирами различных материалов не только отечественного, но и иностранного производства. Мелкая торговля в Башкирии оказалась, в большей части, в руках предпринимателей-татар. Тысячи татарских торговцев и ремесленников: портных, сапожников, шапочников, ювелиров, — предлагая свою продукцию, бродили из аула в аул; сотни содержали в городах и крупных селах мастерские и лавки. Через них к башкирам проникали узорные палги, туфли без задников на каблуке, приталенные кафтаны (бешметы) и шелковые халаты, различных покровов мужские и женские безрукавки, расшитые тюбетейки, украшения. Большинство этих вещей расходилось среди зажиточных слоев башкирской деревни. После втягивания населения в местную промышленность и особенно в результате развития отходничества, когда наладилось непосредственное общение башкир с русским сельским, горнозаводским и городским населением, стала заметно меняться и одежда широких масс. Башкиры северных уездов на лето подрывались на земледельческие работы в Пермскую губернию, население южной половины Башкирии занималось на временные работы в рудники, на металлургические заводы, на лесозаготовки; сплавщики леса гоняли плоты по рекам Белой, Каме и Волге, до Астрахани. Нарушение вековой патриархальной замкнутости семей и обособленности башкирских аулов оказывало большое влияние на быт и его устои. Возвращаясь по окончании работ в родную деревню, башкир приносил с собой передовые взгляды, новые вкусы и привычки, в соответствии с которыми старался пересмотреть свой быт. Так появлялись необычные для башкир фасоны, начали применяться более сложные способы кроя. Во всем этом нетрудно было обнаружить влияние русской рабочей и крестьянской среды, в какой-то мере — городского быта. Внешнее влияние прежде всего испытывала одежда молодого поколения, связь которого с традициями старины была более слабой, и особенно одежда молодых мужчин, поскольку, в первую очередь, именно они были связаны с внешним миром.

Итак, постепенная замена животного сырья растительным (коноплей, льном, лыком), быстрое распространение фабричной продукции (в основном тканей), появление в костюмном комплексе новых элементов под влиянием, с одной стороны, пришлого населения, с другой (хотя и в меньшей степени) — города — вот те основные направления, которые намечались в развитии одежды башкир к началу XX в.

⁴⁶ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. 2, стр. 67.

⁴⁷ П. Небольский. Указ. соч., стр. 275; Н. Казанцев. Указ. соч., стр. 57—58.

⁴⁸ Н. Казанцев. Указ. соч., стр. 25.

Башкирский костюм конца XIX — начала XX вв. представляет собой результат развития народной одежды в течение целого ряда столетий. Он содержит в себе много традиционного, подчас связанного с истоками башкирской истории. В то же время в нем зафиксированы те изменения, которые произошли в XVIII—XIX вв. под влиянием развивающихся в крае капиталистических отношений.

Обилие материала (литературно-этнографического и полевого) помогает с большой достоверностью воссоздать народный костюм этого периода. Ниже дается описание одежды в соответствии с ее назначением, использованием в быту. Различается одежда повседневная, праздничная, обрядовая, в зависимости от пола и возраста. Учтены также местные особенности костюма, на основании которых выделяются территориальные комплексы.

Описание народной одежды башкир на грани XIX—XX вв. не только дает возможность выявить древние черты и понять специфику башкирского костюма, но и позволяет обобщить то новое, что появилось в нем в предшествующем столетии, способствует определению направления развития одежды в последующий период.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ОДЕЖДА

Одежда мужчин. Башкирский мужской костюм конца XIX — начала XX вв. характеризуется сочетанием длинополовых просторных одежд с короткими одеждками, плотно охватывающими торс. В обычном домашнем костюме это, с одной стороны, широкие в шагу штаны и свободная длинная рубаха (которую к тому же носили навыпуск), с другой — легкая приталенная безрукавка или сшитый строго в талию глухой кафтан. Большое разнообразие в одежду вносило употребление материалов различной фактуры (домотканнины, фабричных тканей), что в какой-то мере определяло и способы кроя.

К началу XX в. соотношение материалов, употреблявшихся при изготовлении башкирской одежды, в целом характеризовалось широким использованием продукции фабричного производства. Покупные ткани в большинстве случаев заменили не только холст, но и домашнее сукно. Шерстяные ткани в это время вырабатывали только в южной половине Башкирии — в районах длительного сохранения скотоводческих традиций — но в ограниченных количествах и не везде. Башкиры в долинах рек Ток и Большой Иргиз, несколько оторванные по территории от остальной массы народа, но рано втянутые в товарно-денежные отношения, а также расположенные близко к крупным торговым центрам, употребляли исключительно привозные материалы⁴⁹. Домотканнину на большей части территории Башкирии использовали в костюме мало, в основном для плащей и нижней одежды пожилых женщин и мужчин. Лишь на севере, по нижнему течению р. Белой и ее притокам, домотканная одежда была по-прежнему в широком употреблении. За сезон каждая семья заготавливала здесь по 40—60, а то и по 100 аршин различного рода холстов⁵⁰. Холсты, пестрядь или материалы из покупных хлопчатобумажных ниток использовали в этих местах для шитья всех видов одежды. Несмотря на это, и на севере фабричные ткани находили у населения большой спрос.

Мужские рубахи (*кулдэк*, *кулмак*)* из конопляного или льняного холста, ярко окрашенной пестряди или хлопчатобумажной домотканнины шили обычно туникообразного кроя, с длинными прямыми рукавами, боковыми клиньями и квадратными ластовицами; ворот рубах с широким (15—20 см) отложным или стоячим (на севере) воротником завязывался

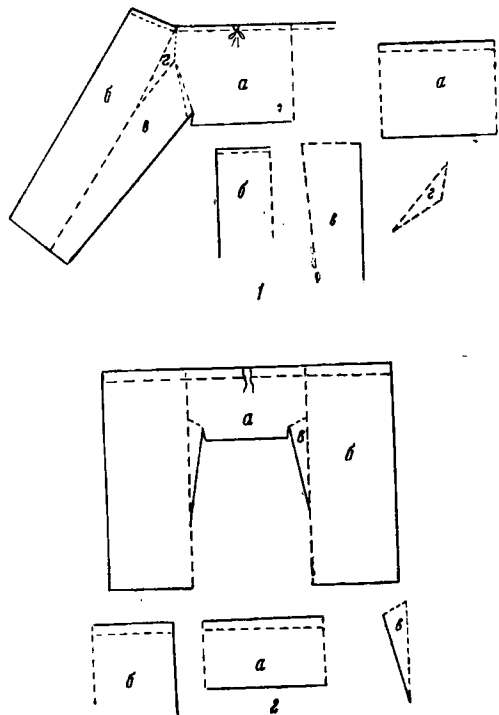
⁴⁹ Полевые записи 1963 г.

⁵⁰ Полевые записи 1960 г.

* Здесь и далее приводятся диалектные варианты терминов. Их территориальное распространение в большинстве случаев отмечено в разделе «Башкирские территориальные костюмные комплексы XIX — начала XX вв.». Кроме того, к очерку приложен словарь башкирских терминов с постраничным указателем; там же названа примерная территория их употребления.

плетеным шерстяным шпурком (*ицербан, уцербан, ыгырмау*). Традиционный покрой имели и холщовые (белые или в мелкую красную полоску) штаны (*ыштан*): к сложенному вдвое среднему полотнищу с двух сторон пришивали прямоугольные штанины; подвижность шага достигалась не только за счет ширины среднего полотнища, но и вставленных между ним и штанинами клиньев. Поверх них надевали иногда другие штаны (*салбар*) из более плотного материала (сукна, иногда — кожи или меха) или стеганные на вате. *Салбар* были более узкие в шагу, чем *ыштан*: прямоугольную середину в них заменял большой ромбовидный клин. Применение фабричных материалов привело к изменению формы одежды: покупные ткани, более широкие, более плотные по фактуре, можно было кроить не только по прямой, но и по косой нитке, собирать в складку, сборку, вырезать из них мелкие детали. Это способствовало появлению новых фасонов. Наряду с традиционными туникообразными стали носить рубахи со скошенными плечиками, с полукруглой проймой и зауженным, собранным на манжет рукавом, с небольшим стоячим воротником и неширокой планкой, аккуратно прикрывающей нагрудный разрез. Подобная башкирская рубаха напоминала русскую косоротку и распространилась у башкир под влиянием последней.

Кроме хлопчатобумажных или холщовых штанов, нижнего белья у башкир не было. Холщовая или ситцевая рубаха и дмотканые или шерстяные штаны в обычных домашних условиях служили часто основной одеждой большинства башкир. Некоторые очевидцы, описывая костюм башкирских мужчин XIX—начала XX вв., в качестве горничной одежды называют также глухую прителенную безрукавку (*камзул*)⁵¹. Однако в большинстве случаев авторы имели в виду одежду состоятельных слоев, которая яркостью шелков и дорогих сукон, богатством украшений в первую очередь поражала воображение путешественников. Камзолы шили исключительно из фабричных тканей или покупали готовыми; приобрести

Р и с. 4. Покрой башкирских штанов (ыштан):

1 — дер. Ибрагимово, Кармаскалинский район БАССР, 1963 г.; 2 — дер. Набулатино, Бурзянский район БАССР, 1963 г.; а, б, в, г — детали выкройки.

⁵¹ Д. П. Някольский. Башкиры..., стр. 53; В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 153.

Р и с. 5. Пожилые мужчины в верхней одежде:

1 — в старинного покроя *елэн* (дер. Ишдавлептово, Бурзьянский район БАССР, 1963 г.); 2 — в бешмете (дер. Ибраево, Салаватский район БАССР, 1963 г.); 3 — в *елэн* современной формы (дер. Ибрагимово, Кармаскалинский район БАССР, 1963 г.); 4 — в *казяки* (дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области, 1959 г.).

их могли далеко не все. Были районы, где камзолы не носили вообще: их не было у зауральских (курганских), ток-чуранских и иргизских башкир⁵²; П. Назаров не встречал камзолы у башкир по р. Сакмарю⁵³. Не случайно этот вид одежды не входил в мужской костюмный комплекс восточного Зауралья, представленный на I Этнографической выставке в Москве в 1867 г.⁵⁴. В начале нашего века в качестве мужской одежды камзолы были наиболее распространены в северо-западной Башкирии⁵⁵, т. е. по соседству с Татарией, и кое-где среди южных башкир, преимущественно в волостях и уездах, расположенных вблизи южного мусульманского центра — г. Оренбурга⁵⁶. В этих районах вместе с безрукавными носили камзолы с рукавом до локтя (на остальной территории их не знали). Здесь же, под-

⁵² Полевые записи 1959, 1963 гг.

⁵³ П. С. Назаров. Указ. соч., стр. 181.

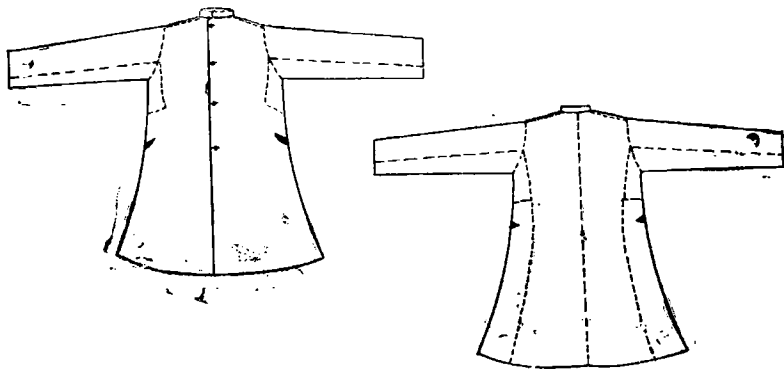
⁵⁴ В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического отдела, вып. 1. М., 1887, стр. 86—88.

⁵⁵ Полевые записи 1960 г.

⁵⁶ Полевые записи 1963 г.

ражая городской мусульманской знати, некоторые представители духовенства вместо камзолов надевали короткие (до пояса) прямоспинные безрукавки (*жилетка, садырья*), восточное происхождение которых не вызывает сомнения.

Большинство же мужского населения в летнее время, отправляясь в соседний аул, собираясь на работу в лес или в поле, а при посторонних людях — и дома, поверх рубах надевали легкие приталенные одежды типа халатов. В Зауралье, в горной и южной Башкирии, в долине рек Ток и Ирғиз это были недлинные (чуть ниже колен) *кээкей*, имевшие небольшой стоячий воротник и глухой, застегивающийся на пуговицы, ворот. В северной и западной Башкирии, а также по берегам рек Сим и Инзер носили более длинные бешметы, часто с шалевым воротником. Как и камзол, эти одежды шили преимущественно из темной хлопчатобумажной ткани*. В конце XIX — начале XX вв. по всей территории Башкирии *кээкей* и *бешмет* были незаменимой верхней одеждой на протяжении большей части года: их продолжали носить и зимой, но уже в качестве горничной одежды. Нужно кстати заметить, что в прошлом у башкир не было строгого различия в одежде для дома и улицы. Традиции, связанные с кочевым бытом и патриархальными отношениями внутри аула, когда каждая семья, не замыкаясь в стенах своего жилища, большую часть проводила за пределами его, на виду у всех, не способствовали сложению так называемой горничной (т. е. специально домашней) одежды. Это касается также головных уборов, обуви.

Р и с. 6. Покрой *кээкей* (дер. Набуллино, Бурзянский район БАССР, 1963 г.).

Обычай, корни которого уходят в ислам, запрещал взрослым башкирам ходить с непокрытой головой. В теплое время года не только дома, но и за его пределами мужчины надевали тюбетейки (*тубэтэй, такыя, кэлэпуш*). Невысокая (ширина околыша 7-8 см), с небольшим полусферическим верхом аккуратная шапочка хорошо гармонировала с легкими, плотными облегающими фигуру кафтанами, камзолами. В конце XIX — начале XX вв. тюбетейки шили из хлопчатобумажной ткани или покупали готовыми. У богатых башкир они были из

* Лишь у некоторых северных групп башкир для подобных кафтанов использовали домашний холст; здесь их называли *шыба, сыба, чыба*.

дорогого бархата. Особенно выделялись шапочки молодоженов: той же формы, но яркие (красные, желтые, зеленые), затейливо расшитые цветной шерстью, бисером, позументом, они были свадебным подарком невесты. В северных районах Башкирии, работая в поле, или во время сенокоса поверх тюбетейки надевали предохраняющие от солнца шляпы (*жиллап, калпак*) с невысоким закругленным верхом и широкими полями. На юге Башкирии таких шляп не было, но в непогоду в степи здесь иногда можно было увидеть на мужчинах кошомные головные уборы (*көләпәрә*) с острой верхой тулей, с широкими паушинками и назатыльником, прикрывающими от ветра и дождя не только голову, но и плечи человека. Впрочем этот старинный головной убор в конце XIX — начале XX вв. уже исчезал из народного быта и перед революцией встречался редко.

Еще более разнообразна была обувь башкир. На большой территории, включая современные башкирские районы Курганской и Челябинской областей и восточные районы БАССР, повседневной обувью были самодельные сапоги (*сарык*) с подошвой и головками (из сыромятной кожи) и с суконными голенищами. Мужские *сарык* имели высокий кожаный задник и украшались по низу голенища маленькими треугольниками из кожи (*бетей* — букв. «амулет»). В остальных районах носили самодельные глубокие кожаные башмаки на твердой подошве с небольшими холщовыми или суконными (10 см) голенищами (*бышмылы ката, бесем ката*) или без них (*ката, күн башмак, күн кәүеш* и пр.). Эти туфли, как и *сарык*, надевали с суконными чулками (*тула ойок*) или портянками (*сылгау*).

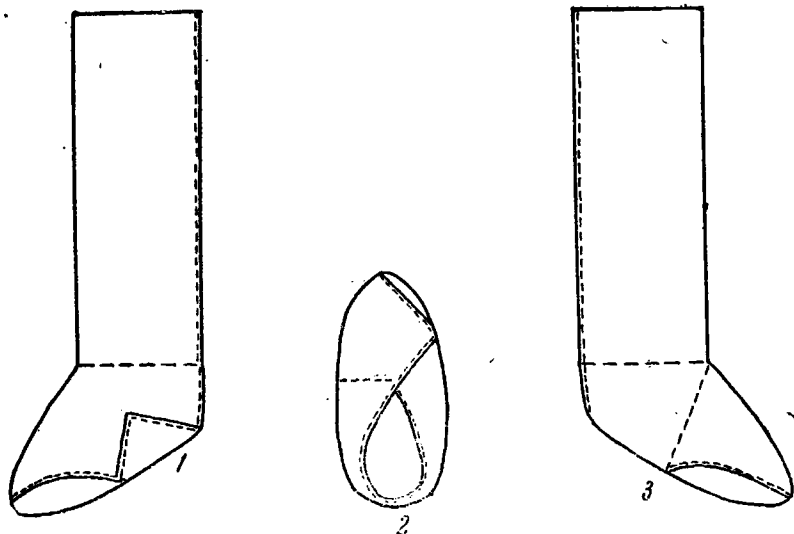
На северо-западе (в бассейне рек Ик, Б. Танып, по нижнему течению р. Белой) распространенной обувью в любое время года были лапти (*сабата, чабата*). На рубеже XIX — XX вв. лапти в качестве рабочей обуви (для работы в лесу, во время сенокоса и пр.) использовались также башкирским населением северо-восточных (айский бассейн) и центральных (приуфимских) районов.

Башкирские лапти имели низкие края и небольшие, но широкие головки. Носили их обычно в вязаными шерстяными (*йән ойок*) или суконными чулками, с портянками, значительно реже (и только на северо-западе) — с онучами (*бытыр*); веревки лаптей завязывали низко, у щиколоток.

Описанный комплекс одежды у большинства башкирского населения был не только летним, но и демисезонным. Лишь местами, в основном в горных районах и кое-где в южном Зауралье, в холодные дни поверх кафтанов надевали тканевые (на подкладке) длинные халаты (*елән*), подпоясываясь широким матерчатым или шерстяным поясом (*билбау, йән билгау*). Эта одежда была свободного прямолинейного покроя, с небольшим шалевым воротником и широкими полями, которые, не имея застёжек, легко запахивались на обе стороны. Подобный, весьма удобный для верхнего платья покроя, повторялся у башкир в целом ряде и зимних одежд: шубах, тулупах, чекменях.

Теплые суконные халаты (*сәкмән, сәпкән*) были распространены по всей территории, заселенной башкирами. В большинстве районов их шили из самодельного сукна (*тула*); в зависимости от качества материала различались *мәллә сәкмән* (из грубошерстного сукна), *буштау сәкмән* (из тонкого сукна). На севере и на юго-западе (по течению рек Ток и Большой Ирғиз), где в конце XIX — начале XX вв. сукно домашним способом не изготовляли, для таких халатов покупали шерстяные ткани в магазинах. Это, естественно, обходилось дорого; шерстяные халаты считались здесь роскошью и имелись лишь в наиболее зажиточных семьях.

Другой теплой одеждой были нагольные шубы (*тун*), сшитые из прокопченных (*тире тун, тиртон*) или дубленых (*дуплы тун*) овчин. Богатые башкиры носили дорогие шубы из лисьего меха (*тәлкә тун, тамак тун*) или волчьих шкур (*бүре тун*), крытые сверху тонким сукном или шелком. Самым распространенным покроем меховых одежд был прямолинейный. Но вместе с тем в некоторых деревнях можно было встретить приталенные полушубки (*биллә тун, хәска тун*); сами башкиры шили их редко, предпочитая покупать готовыми на ярмарках и базарах.

Р и с. 7. Покрой суконных чулок. Дер. Ибрагимово, Кармаскалинский район БАССР, 1963 г.
1, 3 — вид сбоку; 2 — подошва.

Шубы, полушубки и чекмены, как и матерчатые халаты, подпоясывали: обернув вокруг тора несколько раз, пояс завязывали впереди, подворачивая концы на боках вовнутрь.

Башкиры южных и зауральских степей, отправляясь в санях в дальнюю дорогу, поверх шуб и чекменей набрасывали огромный овчинный или волчий тулуп (*толоп*). Широкий и длинный, с огромным шалевым воротником, он покрывал всю фигуру седока, спасая от жестокого мороза и ветра.

С упадком скотоводства основная масса населения стала постепенно переходить на одежду, утепленную ватой. Вату (*мамык*) покупали на базарах, в магазинах. Появились стеганые штаны (*коболган салбар*, *фырыган салбар*), пальто на вате (*кәпә*, *сырма*, *бишмәт*).

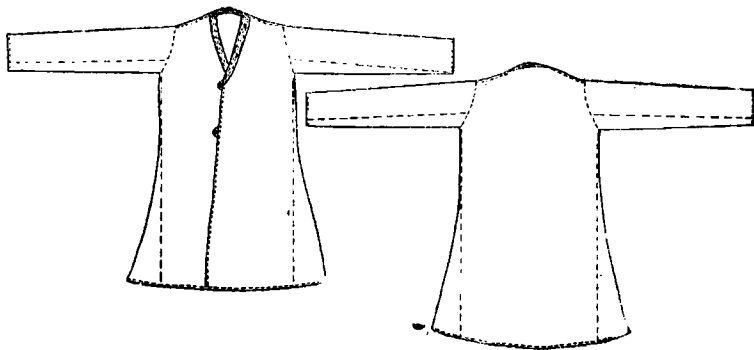
При пошиве зимних пальто население использовало известный ему покрой тканевых кафтанов (приталенный, со стоячим воротником и закрытым воротом, с глухой застежкой на левую сторону). Перед Октябрьской революцией ватные пальто по всей Башкирии были самой распространенной зимней одеждой.

На голову в холодные дни надевали меховые шапки из овчин (*бурек*, *тулпый*, *кәпәс*). Круглой формы, с мягким покатым верхом, они имели небольшую выпущку из того же меха или отделялись по краю мехом бобра, выдры, лисы (*кама бурек*, *жамсат бурек*, *төлкө бурек*). В южных аулах у некоторых башкир имелись удобные зимние малахан (*жолтксын*), с большой меховой полостью, прикрывающей плечи и часть спины*.

* Их покрой полностью повторял покрой вышеописанных войлочных шляп *кәлпәрә*.

Рис. 8. 1 — Мужчина в старинной шубе *дуплы тун*, подпоясан вязанным шерстяным кушаком (дер. Кагарманово, Белорезцкий район БАССР, 1963 г.). 2 — Мужчина в тулупе (дер. Набиулдино, Бурзянский район БАССР, 1963 г.).

Р и с. 9. Покрой мужского *галл* (дер. Набиуллино, Бурзянский район БАССР, 1963 г.).

Специальной зимней обуви у башкир не было. Самодельные башмаки, сапоги с суконными голенищами носили не только летом, но и в самую лютую зимнюю стужу. Лишь в некоторых северо-восточных районах зимой надевали меховые опорки — *бышымлы кынырак* из грубо выделанной шкуры лошади, мехом наружу, с небольшим (5 см) холщовым или суконным верхом. Под влиянием русского населения перед революцией некоторые башкиры стали носить валенки (*бийма*, *буйма*), валеные туфли (*бийма калуи*). Их заказывали обычно в соседних русских селах. Тяжелая, непривычная в носке, эта обувь большого распространения среди башкир в то время не получила. Повседневно валенки носили редко; их надевали чаще всего с тулупом, отправляясь в дальнюю дорогу.

■ Особенности костюма пожилых мужчин. В одежде башкир старшего поколения в большей степени сохранялись традиции народного костюма. Черты традиционного прослеживались, прежде всего, в материале, покрое, в привычной цветовой гамме. Несмотря на распространение фабричных тканей, даже в начале нашего века домашняя одежда пожилых людей, тем более — стариков, в большинстве случаев была из домашнего холста. Белая, более длинная (до колен, в отличие от молодежи), старинного (туинкообразного, с нагрудным открытым вырезом и большим отложным воротником) покроя, с широкими, почти закрывающими кисти рукавами рубаха и белые холщовые с широким шагом штаны — обычный наряд мужчин преклонного возраста. Новые фасоны, новые покроя, появившиеся в башкирской одежде на рубеже веков, почти не затронули костюм старшего поколения. Сохранился в одежде и традиционный цвет. Нижняя одежда обычно была белой. Исключение составляли лишь темно-коричневые шерстяные или полушерстяные рубахи (*йөн күлдек*), которые носили в холодное время года старики юго-восточных районов Башкирии, да теплые суконные брюки (*салбар*); впрочем, последние, не в пример молодежи, пожилые люди надевали редко. Верхняя одежда и головные уборы, напротив, как правило, были темными. Яркая цветовая гамма, оживившаяся с применением фабричных тканей костюм молодежи, мало коснулась одежды стариков. Черная тюбетейка, черный камзол или кафтан (точно такого же покроя, как у молодых мужчин, но несколько длиннее) завершали повседневный костюм. Правда, в отличие от молодых, пожилые люди за пределами своего жилища в одних тюбетейках показывались редко; обычно, выходя на улицу, даже жарким летом, поверх них надевали меховые шапки с оторочкой или широким мехо-

вым околышем, или (на северо-западе Башкирии) — мягкие войлочные шляпы. И те, и другие своей формой не отличались от общераспространенных. Мало своеобразия было и в обуви старших мужчин. Это были сапоги с холщовыми голенищами (*сарык*), самодельные кожаные башмаки (*ката*) или лапти — т. е. та обувь, которую обычно носило население данной местности. Полностью повторялся комплекс зимней одежды, но все то, что у младшего поколения стало к началу нашего века выходить из употребления (меховые малахай, меховая обувь, просторные тулупы, шерстяные чекмени и пр.), прочно еще держалось в костюме пожилых мужчин.

В состоятельных семьях старики, мало занятые работой по хозяйству, стараясь выделиться среди односельчан, одевались нарядно и ярко. Черная шелковая безрукава или камзол с рукавами до локтя, иногда на меху (*йор тун*), бархатная тюбетейка, мягкие изысканные чигги (*ситек*), большей частью купленные на стороне, — являлись обязательной принадлежностью домашнего костюма. Из дорогих тканей шли и верхнюю одежду. Одеждой старших, в основном состоятельных мужчин, почти на всей территории Башкирии (исключая юго-восток, где этот вид одежды носили мужчины всех возрастов) был просторный халат *слэч*, который надевали поверх кафтана в особо торжественных случаях: отправляясь на моление или отъезжая по делам к волостному или уездному начальству. На чигги, выходя из дома, надевали кожаные туфли (*ката*, *кун башмак*) или резиновые глубокие калоши (*кау-уши*). Так называемые «узбекские» калоши в то время только появились у башкир; в них часто щеголяли состоятельные старики, надевая не только на другую обувь, но и непосредственно на суконные или вязаные шерстяные чулки. Еще более претенциозности было в головных уборах. Вместе с обычными тюбетейками и шапками в южных районах Башкирии знатные старики носили высокие цилиндрические или конические шапочки с кистью сбоку (*фас*); некоторые, наиболее почитаемые люди, в отличие от других, носили белые шерстяные тюбетейки.

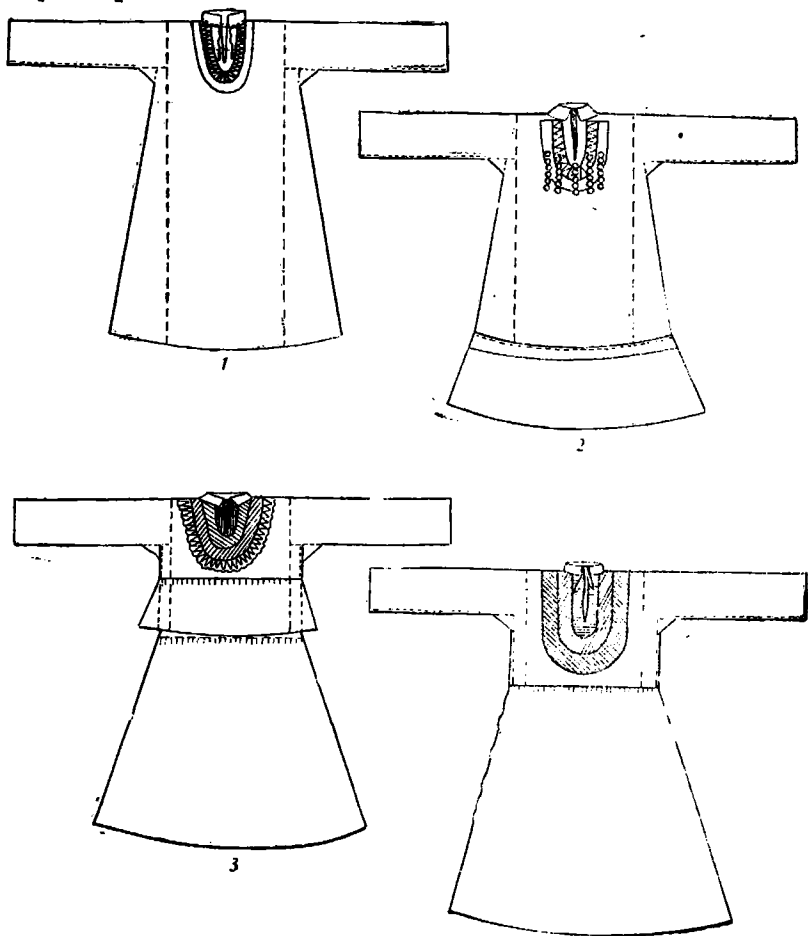
Таким образом, если одежду большинства представителей старшего поколения отличала вместе с возрастными особенностями строгая печать традиционности, то костюм аульной знати выделялся, помимо того, обилием красок, изысканностью одежды — своеобразным налетом городского мусульманского быта.

Одежда женщин. Изменения в экономике края несколько в меньшей степени коснулись одежды женского населения. На рубеже веков для изготовления повседневной домашней одежды еще довольно часто использовали гладкоокрашенный холст или пестроткань. Из них шили платья, штаны, иногда — халаты и головные уборы. Но вместе с тем на всей территории расселения башкир, особенно в южных районах, где изготовление домашних тканей осуществлялось в небольших размерах, получили распространение яркие однотонные и набивные ситчи и плотные хлопчатобумажные матерьялы.

В женской одежде конца прошлого века четко прослеживается комплекс, характерный в целом для всех башкирок, независимо от возраста и местных особенностей. Обычный женский костюм состоял, как правило, из платья, нагрудной повязки, широких штанов, заправленных в чулки или носки, короткой безрукавки или приталенного кафтана, туфель или сапог и соответствующего возрасту и семейному положению головного убора. Повседневный костюм подобного образца сохранялся вплоть до революции. Применение фабричных товаров не только не изменило его, но и почти незатронуло основного покроя одежды.

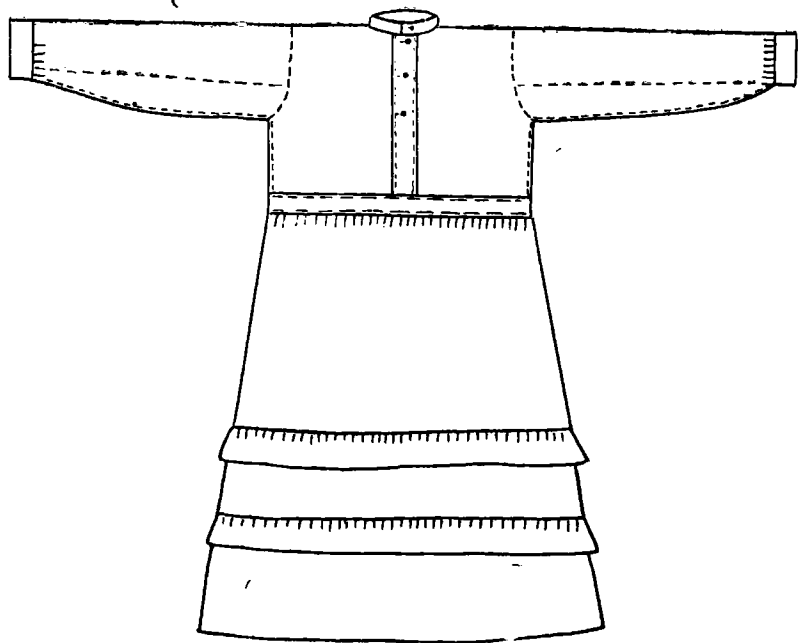
Женские платья были закрытой формы: с глухим воротом, длинным рукавом, широким, длинной до шиколотки, подолом. Неудивительно, что на каждое платье шло в среднем по 12 аршин (около 8 м) ткани¹⁷. Платья шили отрезными в поясе, с туникообразным верхом и боковыми клиньями, прямыми рукавами и ластовицами, небольшим стоячим или отложным воротником, с широкой прямой юбкой, собранной по талии в мелкую складку. Лишь некоторые детали (по-разному расположенная линия талии; отсутствие или наличие оборок, их

¹⁷ Полевые записи 1960, 1963 гг.

Р и с. 10. Покрой женских платьев:

1' — старинный покрой (БКМ, ИО — 1, № 4232); 2 — старинный покрой (дер. Кир: в ово, Абзелюловский район БАССР, 1962 г.);
 3 — покрой платьев северных и демских башкирок (дер. Беляница, Белокатайский район БАССР, 1939 г.); 4 — покрой платьев
 юго-восточных и низерских башкирок (дер. Темисово, Баймакский район БАССР, 1962 г.).

Р и с. 11. Распространенный в начале XX в. покрой платьев молодых башкирок (дер. Салихово, Ишимбайский район БАССР, 1963 г. . .

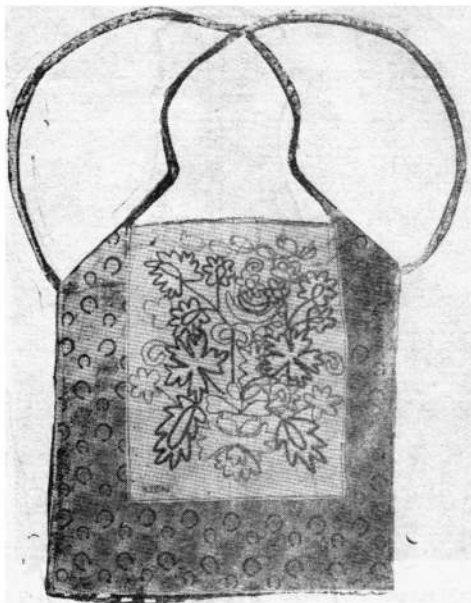
расположение: широкая, пришитая к низу подола — на юге, широкая у талии — на севере и юго-западе, одновременно у талии и на подоле — на северо-востоке и в центральных районах) отличали платья башкирок различных мест. Подобным образом шли большинство платьев, независимо от материала: из холста, пестряди, покупной ткани. Описанный выше покрой для того времени считался традиционным. Пришедшие в башкирскую одежду вместе с новыми товарами новшества лишь слегка видоизменили его: появились прикрывающая нагрудный разрез планка, заменившая ластовицы полукруглая пройма, манжеты; стали больше внимания уделять украшению одежды: увеличилось число оборок на подоле, стали нашивать оборки на грудке, на воротнике, начали применять для украшения бейки, зашпильки и складочки. Традиционный покрой сохраняли и широкие шаровары (*ыштан*): сшитые из белого или полосатого (в мелкую красную полоску) холста — на севере, красного ситца или кумача — на юге, они полностью повторяли форму подобных мужских штанов. Своеобразна была привычка спускать их низко на бедра так, чтобы во время работы за вздернутый шнурок (гашник) можно было подбирать подол платья.

Обязательной принадлежностью костюма взрослой женщины была нагрудная повязка (*тушелдерек*, *күкрәкчә*) — прямоугольная ткань с загнутыми верхними угла-

ми. В одних районах ее надевали сразу после свадьбы, в других — после рождения первого ребенка⁵⁸. Практически при прямом, ничем не прикрытом нагрудном разрезе на платье она являлась необходимым дополнением к нему. Ее украшали вышивкой, нашивками из лент, разноцветных полосок материи, которые были видны в нагрудный разрез. В прошлом, помимо того, с нагрудной повязкой, точнее, с изображениями на ней, были связаны определенные представления о женской силе, стремление уберечься от сглаза, злого духа. Потому-то вышитый на повязках узор, заклопавший, видимо, в себе силу оберега, бывал преднамеренно усложнен и мало реалистичен, а поверх разноцветных лент часто можно было увидеть монеты, камни в оправе, различные металлические украшения — своеобразные обереги и талисманы. Правда, в описываемое время смысл их был уже забыт, да и сами повязки, с появлением нагрудной планки, потеряли практическое назначение, что привело затем к постепенному исчезновению их, к превращению из элемента одежды в принадлежность некоторых семейных ритуалов*.

Платье, штаны и нагрудные повязки у большинства башкирских женщин были одновременно и нательной, и домашней одеждой. Лишь некоторые состоятельные башкирки в соседних с Татарией районах, подражая татарской аристократии, надевали под платье нижние рубахи (*эске кулдак*, *эжумлак*, *кэшпа кулмак*) из тонкого ситца.

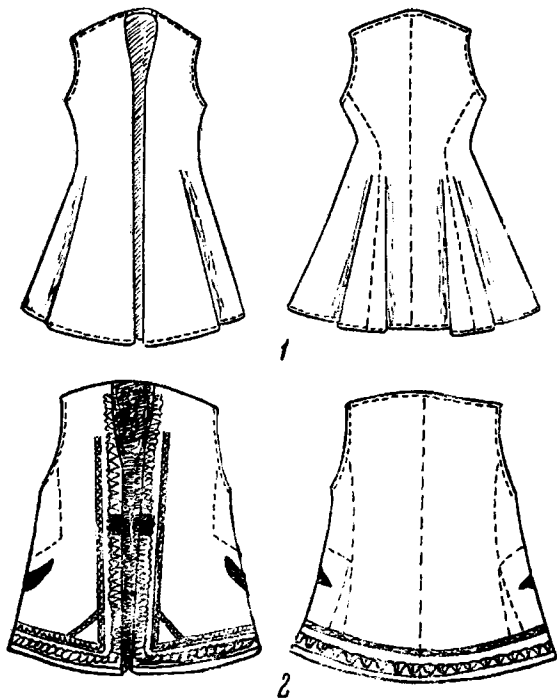
Как не было у башкир разницы между нательной и горничной одеждой, так и не было резкой грани между одеждой горничной и верхней. Приталенная безрукавка (*камзул*), как и мужская, далеко не везде являлась обязательной принадлежностью повседневного женского костюма. Постоянно ее носили башкирки некоторых районов Зауралья (на современной территории Курганской и Челябинской областей), на крайнем юге (современная территория Оренбургской, Саратовской и Куйбышевской областей) и в северных районах Башкирии. У остальных групп камзол встречался сравнительно редко и был одеждой преимущественно представительниц состоятельных семей. Гораздо чаще на платье надевали не

Р и с. 12. Женская нагрудная повязка (ВЭМ, Будапешт, 1909, ф. № 83296).

⁵⁸ Полевые записи 1958, 1959, 1962, 1963 гг.

* На свадьбах, торжествах по случаю рождения ребенка, на похоронах нагрудные повязки стали фигурировать исключительно в виде подарков пожилым родственникам.

Р и с. 13. Покрой женских камзолов:

1 — северный тип (дер. Бишаулунгарово, Кармаскалинский район БАССР, 1963 г.); 2 — южный тип (дер. Темисово, Баймакский район БАССР, 1962 г.).

слишком длинные, расклешенные в полах распашные одежды (наподобие вышеописанных мужских кафтанов): на юге и в Зауралье— *кэзэкей*; в Демском бассейне— *елэн*; на севере— *бишмэт*, кое-где на крайнем севере — *сыба*. Их шили обычно из плотного темного материала фабричного производства и лишь северные *сыба* — из грубой дмотканы. Покрой их в целом был одинаков. Однако характерно, что в тех районах, где камзолы носили мало, эти одежды были более короткими и приталенными, т. е. в большей мере приспособленными одновременно и к домашним условиям, и к условиям улицы. Напротив, в районах, где камзол стал повседневной одеждой, халаты сохранили просторную форму, став исключительно верхней одеждой.

В северных районах и в долине р. Демы поверх камзола или короткого приталенного халата во время выполнения домашних работ повязывали ситцевые или дмотканые передники (*алъяпкыс*, *алъяпма*, *ал ябыу*, *запун*) с небольшой грудкой и прямоугольным подолом,

собранным в мелкие складки у пояса. Некоторые мастерицы украшали фартуки браным узором, одной-двумя ситцевыми оборками или узкой полосой тамбурной вышивки.

В любое время года, независимо от погоды, башкирские женщины носили одну и ту же обувь. Как и у мужчин, это были кожаные башмаки (*жата*, *кун башмак*), сапоги из сыромятной кожи с суконными голенищами (*сарык*) или лапти. Но в отличие от мужских, женские кожаные башмаки были иногда на небольшом каблучке, а суконные голенища *сарык* вокруг задника украшали сложным аппликационным узором — нашивками из разноцветного сукна на черном, желтом или зеленом фоне.

Женский наряд в конце XIX — начале XX вв. дополнял несложный головной убор. Чаще всего это был светлый в мелкий цветочек или яркий красный платок, повязанный за два соседние угла — универсальный головной убор башкирской женщины любого возраста в любом из районов. Но были и уборы, строго подчеркивавшие определенное семейное положение женщины. На северо-востоке, в Зауралье, в долине р. Инзер, и кое-где на северо-западе поверх платка или небольшого колпачка молодая замужняя женщина должна была носить покрывало (*кушъяулык*, *боркәнчек*) из двух неразрезанных фабричных платков, почти полностью скрывавшее фигуру. В других районах (на юго-западе и юго-востоке) специальных головных уборов для невестки не было; но вместо них молодая женщина постоянно носила большую сложенную на угол шаль или, выходя на улицу, набрасывала халат, полый которого прикрывала лицо при приближении не только посторонних мужчин, но и всех родственников старше мужа. В старину, как было сказано выше, головным убором замужних женщин в южной половине Башкирии, а возможно кое-где и севернее этой территории, были похожие на шлемы коралловые *кашмау*, но к концу XIX в. эти головные уборы, стоимость которых равнялась цене лошади или коровы³⁹, сохранились лишь в немногих башкирских семьях.

Особенностью дореволюционного башкирского быта была крайне недостаточная обеспеченность женщин теплой одеждой. У большинства башкирок халат на тонкой подкладке являлся не только летней, но и единственной зимней одеждой. Даже в зимнюю стужу за пределами помещения набрасывали на голову шаль или халат; отправляясь в гости к соседям, на груди под тонким халатом или платком прятали от холода маленькие ребятишек. В редких семьях имелись теплые суконные халаты (*сәкман*), еще

Рис. 11. Молодая женщина в праздничном наряде (ГМЭ, 1908 г., фототека).

³⁹ Полевые записи 1958, 1962, 1963 гг.

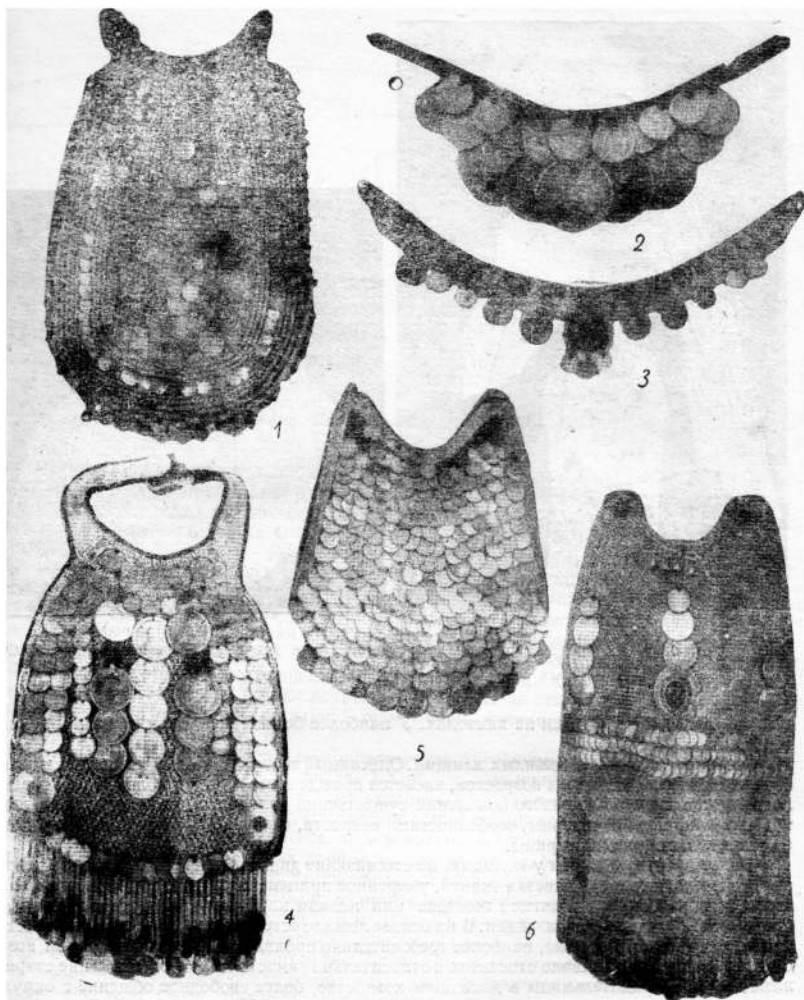

Р и с. 15. Женщина в старинном головном уборе *кашмау* (дер. Ст. Мурадымово, Аургазинский район БАССР, 1963 г.)

реже встречались шубы (*баран тун*). Ватные халаты (*көпө, сырма, бишмат*), которые начали было входить в народный быт, шили из фабричного материала и покупной ваты; обходились они довольно дорого и имелись потому далеко не у всех. Специальная зимняя одежда и обувь для женщин были достоянием зажиточных семей.

В старину наряд башкирской женщины дополнял целый набор разнообразнейших украшений из кораллов, бисера, монет, серебряных подвесок. Это были массивные нагрудники (*яга, селтәр, һакал, алмизеу, муйнса* и пр.), ожерелья из монет и ажурных блях (*муйынса, сырға*), ожерелья из кораллов (*муйынсуҡ, мунсаҡ, мәриән*), кольца, браслеты, серьги, различные украшения для кос*. Перед революцией большинство из них стало редкостью. Многие женщины, получив ценные вещи по наследству, были вынуждены расстаться с ними. Нагрудники из серебра, стоявшие по несколько сот рублей, продавались постепенно: срезали и продавали по отдельности ажурные серебряные бляхи, монеты, кораллы. Старались как-то найти выход, заменяя подлинные кораллы поддельными, а серебряные монеты жестяными или медными пластинками. Став редкостью, массивные украшения перестали быть дополнением к повседневному костюму. В обычные дни на башкирских женщинах можно было увидеть лишь мелкие ювелирные изделия: простой формы кольца, недорогие браслеты, серьги, косники с подвесками из нескольких монет или бус, а иногда просто из медяшек и

* Подробное описание украшений см. в разделе «Башкирские территориальные костюмные комплексы XIX—начала XX вв.»

Р и с. 16. Женские шейные и нагрудные украшения:

1 — нагрудник *сахад* (дер. Уметбаево, Белоричский район БАССР, ГМЭ, 1912 г., № 2881 — 447); 2 — шейное украшение *эмейлек* (дер. Магадево, Бурзянский район БАССР, 1963 г.); 3 — шейное украшение *мудиса* (дер. Елгагирово, Бардымский район Пермской области, ГМЭ, 1906 г., № 1002—38); 4 — нагрудник *яга* (дер. Байрамгулово, Аргаяшский район Челябинской области, ГМЭ, 1907 г., № 1234—1); 5 — нагрудник *мудиса* (дер. Беязика, Белокатайский район БАССР, 1959 г.); 6 — нагрудник *селетэр* (дер. Кусеево, Баймакский район БАССР, 1958 г.).

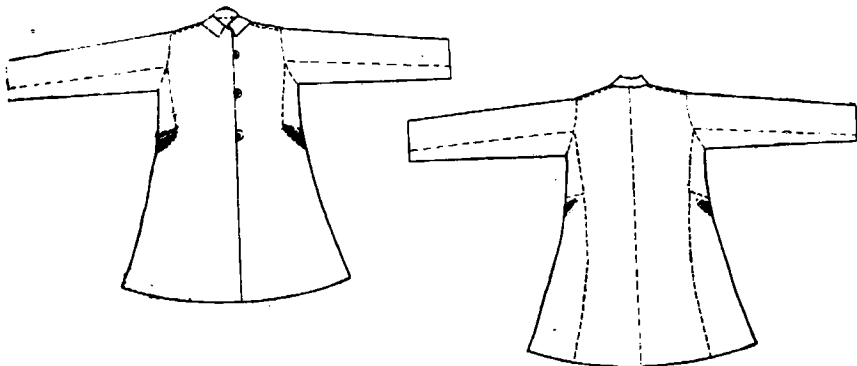

Р и с. 17. Женщина в старинном головном уборе *таштар* (дер. Темясово, Баймакский район БАССР, 1962 г.).

ключей, несложные пряжки на камзолах. У наиболее бедных женщин украшений не было вообще.

Особенности одежды пожилых женщин. Описанный выше костюмный комплекс, в основе своей характерный для всех возрастов, касается прежде всего женщин молодых или средних лет. Одежда женщин старшего поколения существенно отличалась массой деталей, легко объяснимых, с одной стороны, особенностями возраста, с другой — ревностным отношением стариков к обычаям старины.

Более просторные, чем у молодых, не стесняющие движения платья и халаты, неброская, спокойных тонов расцветка тканей, умеренное применение украшений из тяжелого серебра, удобная обувь на мягкой подошве или низком каблучке — черты, свойственные в прошлом одежде пожилых женщин. В их основе лежало естественное стремление к удобству, целесообразности в костюме, наиболее требовательно проявляющееся в преклонном возрасте. На одежду накладывало отпечаток и относительно самостоятельное положение старшей женщины-распорядительницы в домашнем хозяйстве, более свободное общение с окружающими, право на которое женщина приобретала с годами. Изменение в семейном положении старшей женщины особенно заметно отражалось в ее головном уборе. Обычай тщательно закрывать от мужчин лицо и фигуру был обязателен до 40-45 лет; с этих пор женщина сменяла яркое громоздкое покрывало на небольшой платок или полотенцеобразный головной

Р и с. 18. Покрой *кəне* (дер. Набуллило, Бурзянский район БАССР, 1963 г.).

убор (*тастар*), не пряталась больше, выходя на улицу, под тяжелым суконным халатом. В этом же возрасте или немного позже в южных районах переставали носить тяжелый, плотно облегающий голову *кашмау*. Но некоторые требования мусульманства продолжали быть обязательными в любом возрасте. Открыв лицо, пожилая женщина обязана была тщательно прятать волосы. Там, где носили небольшие платки, для этой цели служили налобные повязки (*каш ука*, *ука чəчəк*) из полосы позумента с шерстяной или серебряной бахромой, плотно облегающие голову теплые шапки (*тупый*, *тубəтəй*) или повязанный под платок на лоб сложенный в виде косынки квадрат цветной ткани (*баш бəйзəмес*, *бəлəкəй'яулык*, *тупый яулык*). Налобные повязки, шапочки, обычно расшитые спереди блестками (*йелбазəк*) и позументом (*ука*), в costume пожилых были в то же время своего рода украшением. Годам к 60—65 головной убор женщин становился еще более скромным. Обычно это было белое треугольной или прямоугольной формы покрывало (*кыйыкча* на северо-западе) или светлое длинное полотнище (*тастар* на остальной территории), плотно закрывающее не только волосы, но и часть лица и шею.

В costume пожилых чувствовалась определенная устойчивость привычек и вкусов — постоянство, которое в конце XIX — начале XX вв., по сравнению с новшествами в одежде молодых, казалось консервативностью. Смена головного убора в точно установленные сроки, ношение одежды старинного покроя, сохранение общей формы костюма стало со временем традицией, к соблюдению которой относились довольно придирчиво. В то время как у молодых появились в платьях округлая пройма, скошенное плечо, более узкий рукав, у пожилых платья сохраняли просторный туникообразный покррой; кое-где в юго-восточных районах на старых женщинах можно было встретить платья еще более древнего — туникообразного с неотрезной юбкой — покррой⁶⁰. Как правило, платья пожилых, как и в старину, украшались вокруг нагрудного разреза нашивками из лент, полосок цветной ткани (*изеу*); нагрудную планку пришивали к ним редко. Возможно, поэтому долгое время необходимой принадлежностью костюма женщин пожилого возраста оставались нагрудные повязки (*тушеддерек*, *күкрəкəс*). Очень трудно старшее поколение привыкало к новым фабричным тканям. Вплоть до революции платья и штаны многих пожилых женщин шились преимущественно из привычного, домашней выработки, холста, из пестряди. В тех же случаях, ког-

⁶⁰ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки, стр. 178.

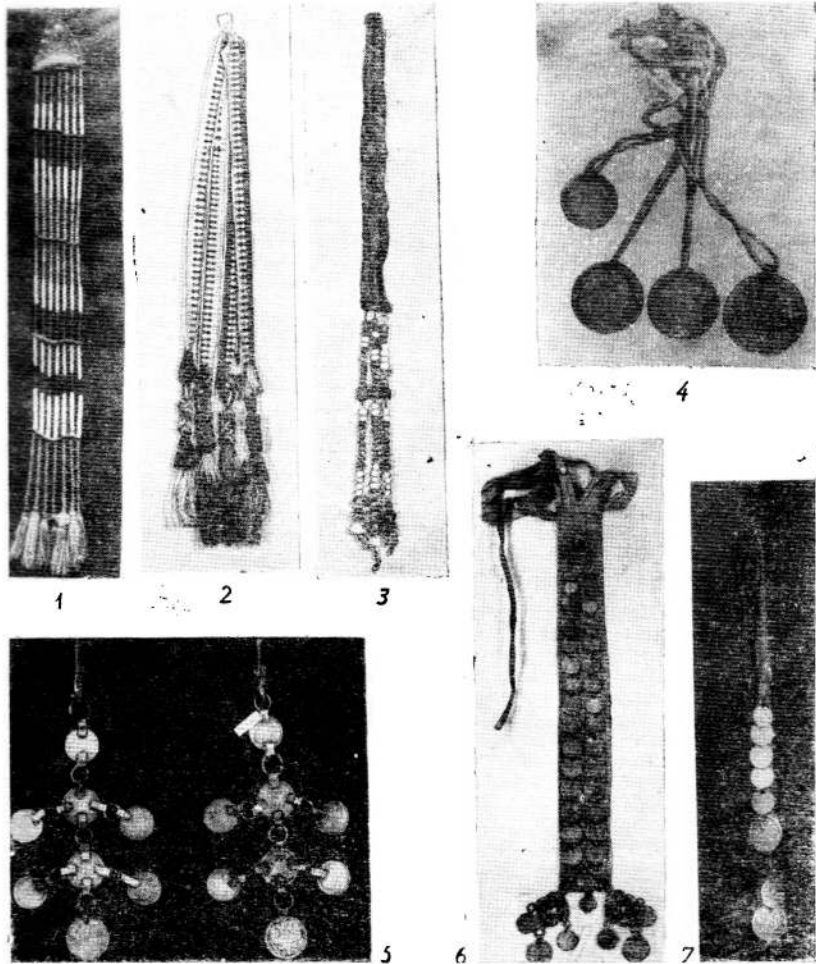
Р и с. 19. Женщина в старинной нагрудной перевязи *эняйдек* (дер. Ибраево, Сатаватский район БАССР, 1963 г.).

да употребляли покупные ткани, их подбирали по расцветке близкими к домашним материалам.

Некоторое своеобразие наблюдалось в одежде пожилых женщин из зажиточных семей. У башкир сословные комплексы одежды не успели оформиться в такой степени, как у более развитых в социально-экономическом отношении народов (русских, грузин и пр.). По составу предметов, по покрою одежда зажиточных башкир мало отличалась от одежды основной массы населения. Правда, развитие торговли в крае, распространение товаров фабричного производства, изделий татарских и среднеазиатских кустарей внесли некоторые новшества в костюм знати. У состоятельных башкирок появились изящные безрукавки, чрезмерно расклешенные в полах халаты, мягкие ичиги и туфли на каблуках без задников (*кун башмак*), украшенные цветной кожаной аппликацией, медной проволокой, оловянными кружочками. Гораздо шире распространились некоторые виды украшений: ожерелья из монет, нагрудные перевязи в форме полумесяца (*дәүэт, хәсита*) и пр. Во всем этом было заметно влияние мусульманской, в частности татарской, городской верхушки. В первую очередь подобные новшества находили место в одежде пожилых женщин. В преклонном возрасте богатые башкирки, мало занятые работой по хозяйству, чувствовали себя довольно свободно: поддерживая знакомство с женщинами из таких же богатых семей, они часто ходили в гости, принимали женщин у себя; располагая временем и средствами, быстро

перенимали то новое в одежде людей своего поколения, что в какой-то мере могло подчеркнуть их общественное положение. Так, повсеместно в Башкирии сложился костюм состоятельных женщин, обязательной принадлежностью которого были приталенная длинная безрукавка (даже там, где камзола обычно не носили), мягкие сапоги (*ситек*) с калошами, небольшое нагрудное украшение-перевязь из красной ткани с нашитыми монетами, раковинами, бляхами-амuletами, кожаными мешочками с изречениями из корана. Но в целом одежда зажиточных слоев сохранила прежний национальный тип и, несмотря на описанные выше особенности, может быть причислена к народной.

Одежда детей и подростков. В большинстве башкирских семей одежде детей, особенно в раннем возрасте, уделяли мало внимания. На протяжении нескольких месяцев после рождения ребенок не имел специальной одежды, от холода его прикрывали изношенным тряпьем. И лишь с тех пор, как он начинал самостоятельно передвигаться, на него надевали рубашечку, скроенную из одного куска ткани, с широким цельнокроеным рукавом и большим вырезом для головы, обшитым узкой полоской материи. На тканевый капор (*башлык*) в изобилии нашивали монеты, бусы, пуговицы, пух и перья, кисточки из цветной шерсти — многочисленные средства от сглаза. В богатых семьях на детей постарше (1—1,5 года) одежда капора надевали шегольской бархатный колпак с длинной, свешивающейся назад тульей, украшенной цветной шерстью, монетами. В первые годы жизни ребенка именно головной

Р и с. 20. Косые украшения:

1 — *сәсмау* (дер. Темисово, Баймакский район БАССР, 1962 г.); 2 — *карамк* (дер. Абзково, Абзелюзовский район БАССР, ГМЭ, 1906 г., № 1002—36); 3 — *сәсбау* (дер. Уметбасово, Белоречный район БАССР, ГМЭ, 1912 г., № 2881—444); 4 — *сис теңке* (дер. Сары, Кунашакский район Челябинской области, ГМЭ, 1908 г., № 1002—36 д); 5 — *тәлке сулым* (дер. Арнево, Дуванский район БАССР, 1959 г.) 6 — *аркалык* (дер. Сарыши, Бардымский район Пермской области, ГМЭ, 1906 г., № 1002—38); 7 — *урмес* (дер. Темисово, Баймакский район БАССР, 1962 г.).

убор вызывал основные заботы со стороны взрослых: видимо, в детском костюме он выполнял роль своеобразного оберега.

К 2—3 годам детям шили одежду, формой повторяющую костюм взрослых. Это были шаровары с широким шагом, у мальчиков—рубашки и тубетейки, у девочек — платья и платки; впрочем, довольно часто, заплетая волосы в две косы, девочки ходили простоволосые. В отличие от взрослых, ни камзолов, ни фартуков, ни халатов дети не носили. Не было у большинства из них своей обуви и теплой верхней одежды⁶¹. Не имея возможности выйти на улицу в холодную погоду, они много месяцев подряд проводили в помещении. Лишь в немногих состоятельных семьях для детей шили или вязали чулки, покупали кожаную или валяную обувь, делали меховые шапки и шубы.

После 10 лет ребенок вступал в новую пору жизни. В этом возрасте на детей перекладывали уже значительную часть работ по хозяйству; принятые в обществе ранние браки (11—14 лет) приучали смотреть на подростков как на взрослых людей. Новое отношение к вчерашнему ребенку, связанное с вступлением его в брачный возраст, находило отражение прежде всего в костюме. Одежда подростков по своему виду еще более приближалась к одежде взрослых⁶². Мальчики, подражая мужчинам, надевали камзол или кафтан, носили яркие тубетейки или отороченные мехом шапки; девочки начинали носить длинные платья, украшенные лентами и оборками, вплетали в волосы бисер, разноцветные шелковые и шерстяные нити. Старшие женщины придирчиво следили за соблюдением девочкой-подростком определенных требований религии: как и взрослой женщине, ей запрещалось ходить босиком, с открытыми руками и шеей. Обязательным предметом в костюме подростков становилась обувь: чулки или носки, кожаные башмаки, холщовые сарыки, на северо-западе—лапти.

В отличие от замужних женщин, как и у большинства других народов, башкирские девушки почти не носили платков и шапок. Отсюда отчасти понятно то внимание, которое уделяли до замужества украшению волос. Во многих юго-западных и северных районах носили налобную ленту с нашитыми монетами и бисером (*кизерма*, *маңлайса*), к концам которой, закрепленным на затылке, привязывалась шерстяная тесьма или лента, украшенная бусами, монетками. На большей части Башкирии (в горных районах Южного Урала, в долинах рек Ток и Большой Иргиз) существовало девичье затылочное украшение (*елкәлек*, *елкамес*) из бисера, кораллов или монет, плотно нашитых на красную ткань, натянутую на кожу или бересту полуовальной, треугольной (Самаро-Иргизский бассейн) или прямоугольной (верховье р. Ай) формы; обычно с обратной стороны его прикрепляли шнурки, которые вплетали в косы; к концам шнурков привязывали плетеный косник из разноцветной шерсти (*каралык*) или снизу бус и кораллов (*сәсмәу*). В северо-западной Башкирии к основной косы прикрепляли длинную полосу ткани с нашитыми монетами и подвесками (*сәскал*). Особенно был богат костюм девушек из богатых семей. Кроме разнообразных украшений, надевали коралловые ожерелья, небольшие нагрудники из красной ткани, зашитые кораллами, монетами, ювелирными подвесками (*һаһал*, *алмизеу*, *муһса* и пр.). В зажиточных семьях эти украшения дополняли не только праздничный, но и повседневный девичий костюм.

ПРАЗДНИЧНАЯ ОДЕЖДА

В народном быту башкир существовало немного видов одежды исключительно парадного назначения. Праздничный костюм по составу предметов, по форме и покрою почти полностью повторял будничный. Только что сшитое новое платье обычно надевали в гости, а спустя немного времени начинали носить каждый день. В состоятельных

⁶¹ Д. П. Никольский. Башкиры..., стр. 57; «Краткий очерк современного быта инородцев Красноярского уезда». — «Пермские губернские ведомости», 1887, № 5.

⁶² П. С. Назаров. Указ. соч., стр. 182.

семьях и повседневная одежда выглядела довольно нарядно. Многие украшения из кораллов и серебра (косые подвески, кольца, браслеты, нагрудники, серьги) те, у кого они имелись, носили и в праздники, и в будни. Некоторая декоративность вообще была характерна для башкирского костюма. Ярким было покрывало молодой замужней женщины (*кушьялык*), сшитое из двух больших «французских» платков, с длинными околовушными подвесками из плодов гвоздики и бисера, с зашитой мелкими монетами тяжелой подборочной тесьмой. Монетами и кораллами украшали повседневные женские халаты, безрукавки. Разноцветной шерстью и сукном были расшиты голенища *сарыж* в Зауралье.

Праздничный наряд, особенно женский, выглядел особенно красочно. Собираясь на народные гуляния или отправляясь в гости, надевали лучшую одежду, доставали из сундуков старинные украшения. Наиболее торжественным считался красный цвет; из красного кумача шили праздничные женские платья, мужские рубахи, штаны, тонким красным сукном (кармазином) отделявали верхнюю одежду, обувь. Во второй половине XIX в. во многих районах Башкирии было принято шить праздничную одежду преимущественно из покупных тканей. Женские платья из однотонных материалов украшали яркими атласными лентами (*һазык*), разноцветными полосками (*тарткыса*), аппликационными нашивками (узорами «дуга» — волнистая линия, «кускар» — завиток, «кәкерсәк» — ломаная линия, зигзаг и пр.). В Челябинском и курганском Зауралье и на северо-востоке Башкирии на подоле праздничных платьев цветными шерстяными нитками тамбурным швом вышивали пышный узор из завитков, стилизованных цветов и листьев, свешивающихся кистей. В западных районах в начале XX в. распространилась мода на платья со множеством обороч на подоле; их носили девушки и молодые женщины. В северной и центральной Башкирии до начала XX в. нарядами считались украшенные по подолу, груди и рукам розетками браного орнамента домотканые платья. В районах, близких к Татарии, женщины из богатых семей, помимо традиционных, шили приталенные платья с фасонными рельефами на груди и спинке, со множеством складочек на подоле, скрепленных пуговками, фестончиками и пр.

Праздничная одежда пожилых женщин выглядела намного скромнее. Платья их обычно украшала лишь широкая оборка по низу подола, да одна-две ленты на ней. По р. Сакмаре и в горах Южного Урала некоторые пожилые башкирки еще в начале XX в. в праздничные дни появлялись в светлых холщовых платьях, выглядевших нарядно благодаря цветным полоскам на юбке, нанесенным составом из толченых квасцов и сока некоторых растений.

Поверх платьев надевали праздничные камзолы, халаты; в некоторых северо-западных районах в состав праздничного костюма молодых женщин входил вышитый передник*.

* В большинстве же случаев передник был исключительно рабочей одеждой.

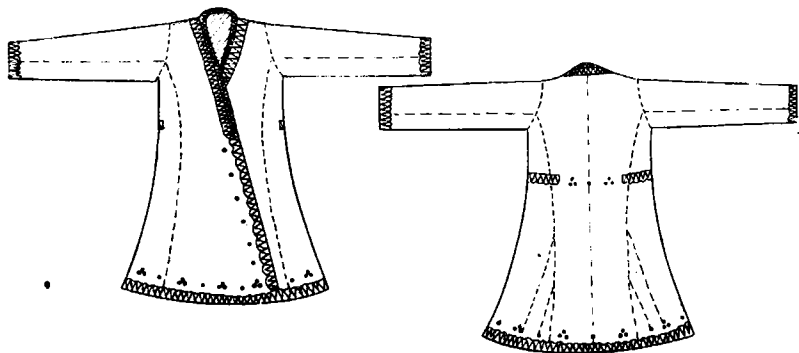

Р и с. 21. Женщина в праздничной одежде (Юго-восток БАССР, ВЭМ, г. Будапешт, 1909 г., № 11220, фототека).

Р и с. 22. Праздничный *елән* (дер. Исламгулово, Мелеузовский район БАССР, 1958 г.).

Камзол для торжественных случаев шили из бархата или темного сатина; по бортам и вдоль подола его обшивали полосой золотого или серебряного позумента, украшали ажурной пряжкой-застежкой (*жаптырма*), изящными цепочками (*сылбыр*), а в некоторых местах (в верхнем течении р. Урал и в Зауралье)— монетами. Там, где камзола не носили, надевали по-праздничному украшенный халат (*елән* — в южной половине Башкирии, *бимәт* — в северной). На юге Башкирии праздничные халаты молодых женщин обшивали широкой полосой красного сукна, украшали позументом, раковинами, кораллами, вышитыми звездочками, монетами; на плечах к ним прикреплялись своеобразные эпюлеты из золотого позумента. В бассейне р. Инзер, как и по всему северу Башкирии, единственным украшением верхней одежды были позументные ленты вдоль бортов и по краю подола; на Инзере позументом обшивали и низ боковых швов. Заметно выделялись праздничные халаты демских башкирок: короткие, сильно приталенные, густо зашитые на плечах, на лопатках и по поясу на спинке плотными рядами монет. В южной половине Башкирии в прохладные дни, отправляясь в гости, поверх праздничного наряда набрасывали цветные суконные халаты (*сакман, саккәч*) — голубые, синие, зеленые, украшенные позументом, аппликацией, иногда и вышивкой. Богатые женщины, желая подчеркнуть свою состоятельность, облачались в дорогие шубы из меха лисы, выдры, из шкурок ягнят, крытые сверху цветным сукном, бархатом, шелком (*жызыл тун, баса тун, күрпә, көнгөрә, камалы тун*).

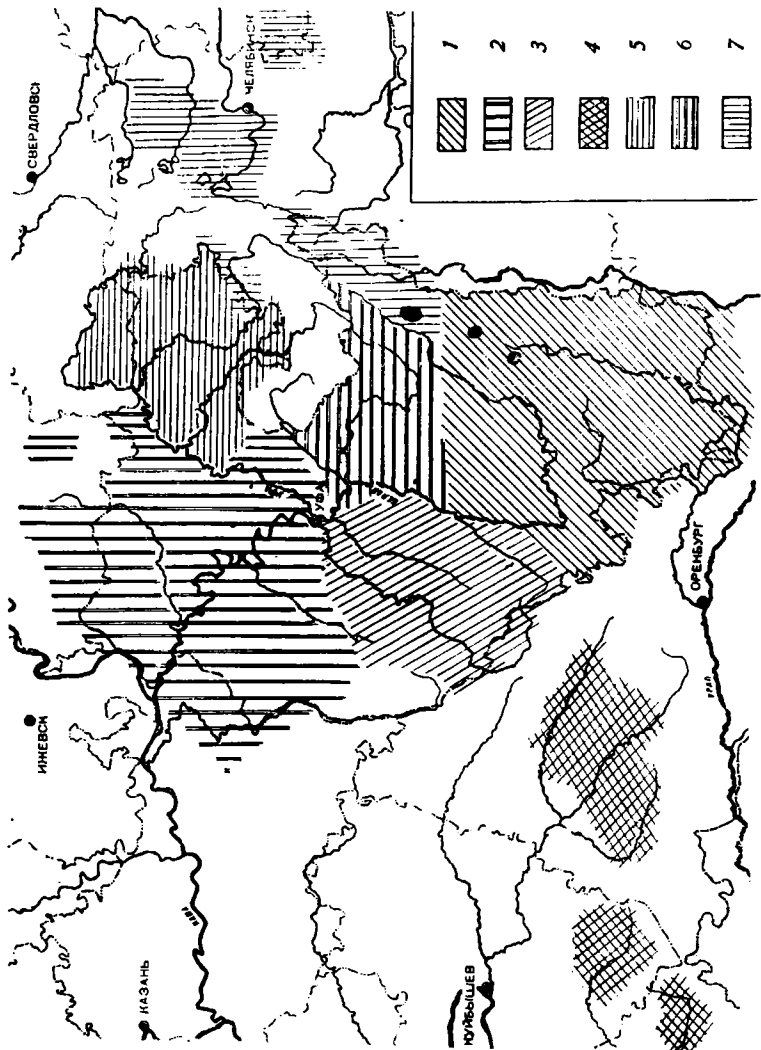

Р и с. 23. Покрой женского *елам* (дер. Юлдыбаево, Зилаирский район БАССР, 1958 г.).

Головной убор в праздничные дни по своей форме чаще всего оставался обычным. Но у каждой женщины для торжественных случаев хранился новый платок: у молодых — красный (*француз ялык*, *флур ялык*), у пожилых — светлый в мелкий цветочек. Сверху покрывали огромные цветастые или шерстяные шали (*өлкән ялык*, *кешмир шәл*, *сәсәкле шәл*, *калын шәл*, *дебет шәл*) с длинной бахромой. В северных районах женщины под платок или шаль надевали кокетливые колпачки, украшенные по околышу бисером или блестками. В некоторых семьях здесь сохранялись еще старые шапочки сферической формы, зашитые монетами (*такья*, *маңгайса*) с длинными цепочками-подвесками около ушей (*сыгәнә*); их надевали иногда девушки и молодые женщины по праздникам. Подобные нарядные головные уборы, но несколько вытянутой цилиндрической формы, встречались кое-где у зауральских башкир (*баш кейем*). В Зауралье, в северо-восточной части Башкирии, по течению р. Инзер и в верховье р. Урал праздничным головным убором пожилых женщин считались меховые шапки (*кама бурек*, *камсат бурек*) с широким околышем из меха бобра или выдры и бархатным верхом.

Праздничные сапоги и туфли были с металлическими подковками (*дагалы итек*, *дагалы ката*), головки и задники их украшали крученой свинцовой проволокой (*кузалы итек*, *кузалы ката*; *кузырлы итек*, *кузырлы ката*), шерстяными кистями (*суклы итек*, *суклы ката*), цветной строчкой. Мягкие праздничные сапожки украшали узором из цветной кожи (*самсәле ситек*). Однако в целом обувь для торжественных случаев по форме почти не отличалась от обычной. Лишь местами (в Зауралье, в бассейне р. Инзер) существовали специальные праздничные *ката*; это были сапоги на каблучке, с суконными голенищами, украшенными красочным аппликационным орнаментом на заднике (Зауралье), или кожаные туфли с небольшим (10 см) суконным верхом с нашитыми на него разноцветными полосками ткани (Инзер). Подобную нарядную обувь надевали по праздникам молодые башкирки. Обувью пожилых женщин в этих районах служили сапоги с подошвой и носком из сыромятной кожи и суконными голенищами (*сарык*); более зажиточные, как и везде, носили кожаные туфли, ничги (*ситек*) и покупные калоши (*эркинә*).

Праздничный костюм дополнял набор украшений из кораллов, монет, серебра. Кроме обычных серег, браслетов, колец, повседневных нагрудников и головных уборов, надевали

Р и с. 24. Костюмные комплексы в народной одежде башкир (территория распространения):

- 1 — северо-восточный; 2 — северо-западный (демский); 3 — юго-западный (демский); 4 — самаро-и-мижский; 5 — северо-восточный;
- 6 — центральный (инзерский); 7 — восточный (азуральский).

на себя массу драгоценностей. Иной раз на богатых башкирках можно было увидеть сразу по несколько нагрудных и шейных украшений: нагрудники *селтар* и *икал*, надетые один повыше другого, ожерелье из монет или кораллов. Но такие дорогие уборы для начала XX в. были редкостью. Коралловые шлемы и другие украшения из серебра, по мере разорения башкирских семей, постепенно переходили за долги в руки богачей, за бесценок продавались скупщикам, обменивались на скот и продукты.

* * *

Праздничный мужской костюм, по своей форме приближаясь к повседневному, как и женский, отличался в то же время большой яркостью, нарядностью. В этом смысле особенно выделялся костюм юношей и молодых мужчин: его составляли цветная рубашка, украшенная по воротнику и планке вышивкой или позументом, красные домотканые или ситцевые штаны, яркая тюбетейка, кафтан, подпоясанный широким поясом с вышитыми концами, белые холщовые или суконные чулки с красными нашивками, сапоги с суконными (*сарык*) или кожаными (*итек*) голенищами, башмаки (*ката*). Праздничная одежда мужчин старшего возраста не была настолько красочной; однако сочетание белого (рубашка, штаны) и черного (камзол, халат, тюбетейка, шапка) цветов придавало костюму пожилых торжественный вид.

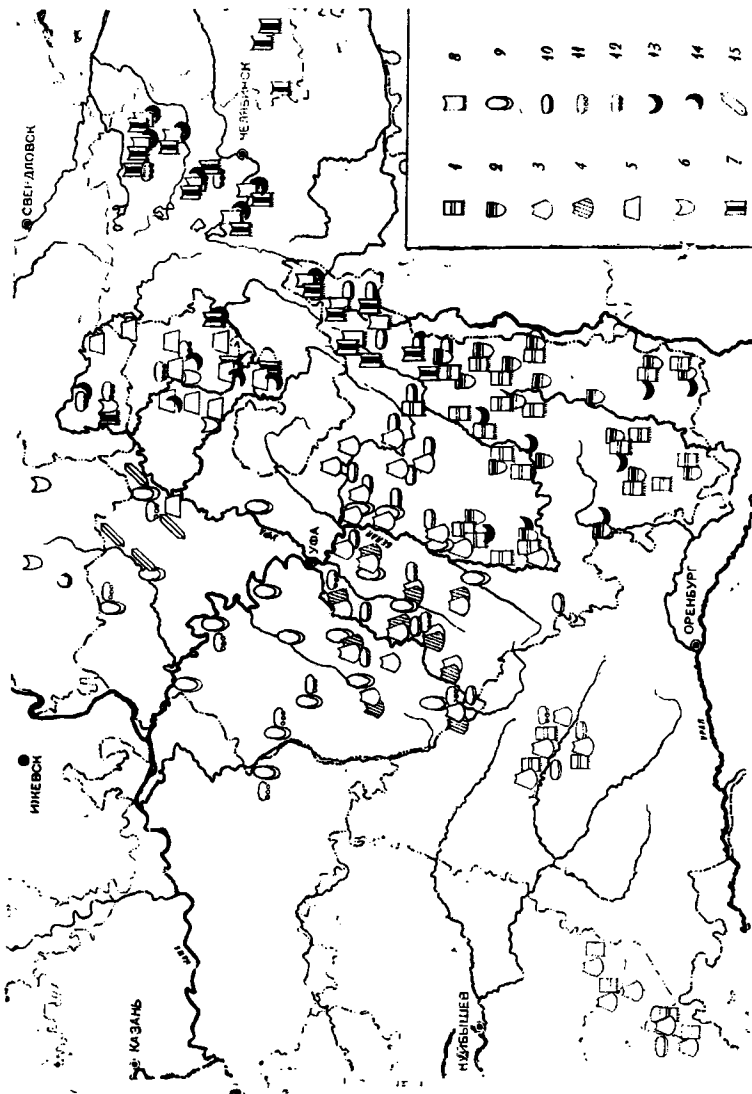
Роскошью отличался костюм богатых мужчин. Именно в праздничной одежде различных слоев населения в наибольшей степени отражалось имущественное неравенство в обществе. Печать достатка лежала на дорогих шубах из меха лисы, куницы, выдры. Камзолы и верхняя одежда аульной верхушки были из среднеазиатских шелков, атласа, отделаны позументом, мехом, ярким сукном. Исключительно одеждой пожилых башкир из состоятельных семей были зеленые, синие, красные, широкие и длинные шелковые халаты (*сапан*).

ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

Одежда, связанная с бытовой обрядностью, с консервативностью бытовых воззрений и привычек народа, слабо подвержена влиянию извне; в ней на десятилетия и века сохраняются черты прошлых эпох. Однако под влиянием таких мощных факторов, как изменения в общественном строе и в хозяйственном укладе народа, меняются и старые обычаи, а вместе с ними и старинные костюмы—внешнее декоративное оформление обрядности. В своем развитии обрядовая одежда идет по тому же пути, что и вся народная одежда в целом, но проходит его за более длительный срок.

Р и с. 25. Группа башкир в старинной одежде (дер. Бурангулово, Давлекановский район БАССР, 1911 г.).

Р и с. 26. Распространение шейных, нагрудных и наспинных украшений:

- 1 — нагрудник гелтар; 2 — ленточное нагрудное украшение алмаз; (башкиры); 3 — нагрудник сакса (Фелкс); 4 — наспинник сакса; 5 — нагрудник туйыкса; 6 — нагрудник туйыкса; 7 — нагрудник кяг; 8 — наспинник кяг; 9 — веревочные сарга; 10 — бусы кытай; 11 — бусы тайма; 12 — коралловое ожерелье мунсал; марила; 13 — нагрудная переноска эмайлек; 14 — нагрудная переноска лядко; 15 — шейное украшение эмайлек.

В источниках XVIII—XIX вв. ритуальной одежде уделяется мало внимания. Специальные мужские костюмы не описаны вообще. О женских — есть отдельные упоминания. И. Лепехин сообщает лишь об одной детали свадебного костюма девушки: платке или «кружевной сетке», закрывающих ее лицо в момент прощания с подругами и родными перед отъездом в дом мужа⁶³. Чаше исследователи останавливаются на особенностях костюма молодой замужней женщины. Наиболее характерной деталью женской одежды, в зависимости от семейного положения ее владелицы, являлся, судя по источникам, головной убор. В то время как девушки могли ходить простоволосые, женщины носили покрывало или платок, концом которого закрывали лицо при посторонних⁶⁴. Поверх платка замужние надевали коралловый чепец («кашбов», «кашбау») или меховую шапку (в Зауралье), иногда и то и другое вместе⁶⁵. До второй половины XIX в. обязательным элементом костюма женщин были нагрудные повязки⁶⁶.

Имея столь скудные сведения, мы лишены возможности судить о развитии обрядовой одежды башкир на протяжении продолжительного периода. Но изучая обычаи рубежа нашего столетия, можно прийти к выводу, что ритуальные костюмы того времени (особенно свадебные), как и весь народный быт башкир, не могли не испытать на себе влияния нового времени. Заметна, в частности, некоторая модернизация традиционных обрядов. В свадебной церемонии начала XX в. на первый план выступает праздничный характер. Отсюда — яркие одежды ее участников, стремление родственников брачующихся сторон перещеголять друг друга не только в различных рода состязаниях, без которых не обходилась ни одна свадьба, но и в костюмах. Особых правил для одежды приглашенных на свадьбу не было. Каждый участник свадебного торжества по своему усмотрению надевал свой лучший праздничный наряд. Традиционность сохраняла лишь одежда невесты и жениха.

На свадебное празднество (туй) жених надевал рубаху, украшенную по воротнику вышивкой или позументом, праздничные штаны, безрукавку или кафтан, а поверх них — просторный халат *елэн*, подпоясывая его вышитым тканевым или узким шерстяным поясом (*билбау*, *камэр*) с серебряными бляхами; головным убором была меховая шапка, надетая на цветную тюбетейку; на ноги надевали украшенные по верху цветными нашивками чулки и кожаные туфли (*ката*), сапоги на твердой подошве (*итек*) или мягкие ичиги (*ситек*) с калошами. Почти во всех районах еще накануне революции сохранялся обычай, по которому свадебную одежду, особенно нижнюю, шили из домотканых материалов, приближая покроя к традиционному. Во всей западной и северной Башкирии обязательными в costume жениха были тканые штаны с браным узором и вышитая тюбетейка — подарок будущей жены.

Невеста поверх домотканого платья старинного фасона (туникаобразного, с бокowymi клиньями и ластовицами; на севере и в Демском бассейне — с обязательной широкой оборкой по линии талии) надевала, как и юноша, камзол или кафтан (*казэкей*), поверх них нагрудник с монетами и кораллами или ожерелье; на голову — платок (на севере под него надевали бархатный колпачок); обувью служили кожаные туфли (*ката*), сапоги или покупные калоши. Наряд ее завершал наброшенный на голову и закрывающий всю фигуру халат (*елэн*, *сакмэн*), в некоторых местах его заменяли шаль или покрывало *кушъяулык*. Поверх покрывала девушку опоясывали красным поясом из полотенца или нескольких платков. В некоторых западных районах Башкирии в свадебный костюм девушки входил фартук⁶⁷.

Во время свадьбы костюм меняли на одежду взрослой женщины не полностью. Во многих районах Зауралья головное покрывало (*кушъяулык*) женщина надевала, лишь поселившись в доме мужа⁶⁸. Этот обряд приурочивался к моменту, когда молодая женщина впервые

⁶³ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, стр. 169.

⁶⁴ Там же, стр. 172; С. Г. Рыбаков. Музыка и песни уральских мусульман с очерками их быта. — «Записки Императорской Академии наук», серия 8, т. 2, № 2. СПб., 1897. стр. 279.

⁶⁵ И. Лепехин. Указ. соч., стр. 172.

⁶⁶ П. Небольсин. Указ. соч., ч. 3, стр. 275.

⁶⁷ Полевые записи 1960, 1963 гг.

⁶⁸ Полевые записи 1959 г.

Р и с. 27. Женщина в праздничном *елди* демского типа (дер. Чукраклы, Чишминский район БАССР, 1963 г.).

брала воду из местного источника: молодая бросала в ручей монету — дар духу, покровителю рода мужа, а девочка-подросток, близкая родственница мужа, набрасывала ей на голову огромный платок — в дальнейшем бывший обязательной принадлежностью ее повседневного костюма до 40—45 лет. Долгое время после замужества молодая женщина продолжала носить некоторые девичьи украшения: косники (*сэскал* и *сэсмэу*), налобную ленту с монетами; на праздники она по-прежнему могла надевать девичьи шапочки (*такыя*, *маңғайса*). На юге Башкирии головной убор замужней женщины девушке дарил иногда жених; если же этого не происходило, женщина после свадьбы носила обычный платок и шаль. В то же время она копила деньги для специального женского головного убора (*кашмау*); сшить его, да и то не всегда, появлялась возможность лишь к 30—35 годам.

Обряд наречения имени новорожденному сопровождался большой торжественностью, значительностью. Присутствующие одевались празднично, но в их костюме, в отличие от свадебного, была сдержанность: отсутствовали особенно яркие краски, соблюдалась мера в украшении костюма серебром, монетами, блестками. Пришедшие на праздник были лишь скромными участниками торжества; главная роль отводилась матери и новорожденному.

В семейных обрядах, связанных с похоронами, специальной ритуальной одежды не было. Умершего заворачивали по-мусульмански в саван. По описанию П. С. Назарова, «покойнику надевают на голову длинный, узкий, не шире полотенца, кусок холста с прорезом на середине; один конец его загибают на спину, а другой на живот и бедра. Затем его всего за-

вертывают двумя квадратными кусками также из холста, так что он является завернутым как бы в три ряда. Покойницы заворачиваются в пять рядов: у них еще прибавляется нагрудник, доходящий до щиколоток, да платок, которым заворачивают голову»⁶⁹. Участники похорон, как правило мужчины, провожали покойного в повседневной одежде. Особым требованием была лишь чистота костюма. Специальной траурной одежды не было и для близких умершего. Лишь вдова на некоторое время (полгода, год) снимала с себя все украшения; в остальном ее костюм оставался обычным.

Рис. 28. Пожилые женщины в старинной одежде (дер. Ниж. Ильясово, Сорочинский район Оренбургской области, 1963 г.).

Большую роль во всех семейных обрядах играли подарки; среди них заметное место занимали предметы одежды. К свадьбе, кроме тканых штанов и тюбетейки, девушка готовила жениху вышитую по вороту и планке домашнюю рубашку; отцу и другим мужчинам — близким родственникам жениха — рубахи и штаны, тюбетейки, шарфы, перчатки; матери жениха и родственницам его — платья и платки. В отличие от свадебных подарков невесты, изготовленных из домашних материалов, подарки жениха в конце XIX — начале XX вв. были покупными или из покупных тканей — непосредственный результат влияния времени. Будущей жене юноша дарил материал на платья, халаты, платки, обувь, иногда — головной убор *кашмау*; обычным подарком матери девушки были халат или крытая шуба (*инэ тун*), особенно ценилась шуба из лисьих лап (*баса тун*); отцу — рубаха, камзол или халат; родственникам и родственницам — мелкие подарки: монеты для украшений, перчатки и пр.

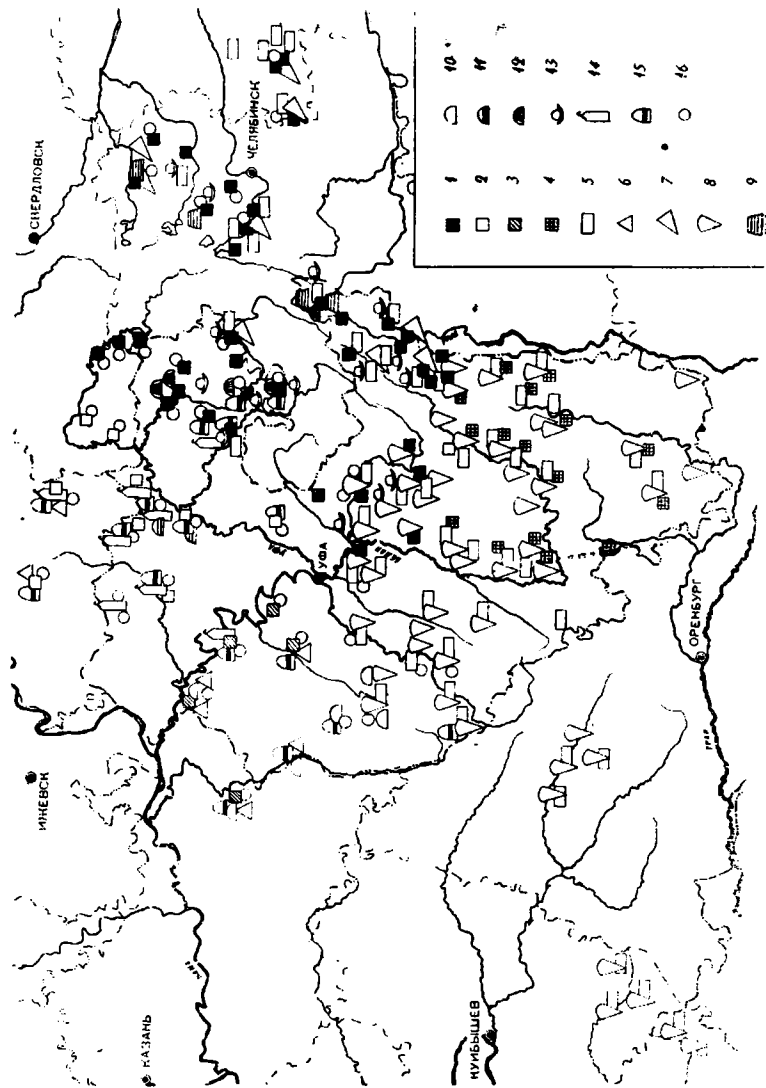
Самым распространенным подарком на похоронах умершей женщины были нагрудные повязки — *тушелдерек*. Ими одаривали ближайших родственников. При рождении ребенка такие повязки дарили роженице навестившие ее родственницы и соседи.

Сложившаяся веками система подарков в семейных обрядах прочно держалась в башкирском быту еще в первые десятилетия нашего века несмотря на то, что сами обряды заметно видоизменились и в целом начали забываться.

БАШКИРСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОСТЮМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Общий стиль, сходный состав основных элементов, одинаковый покрой характеризовали в целом башкирский народный костюм. В то же время башкирская одежда конца XIX — начала XX вв. имела много локальных особенностей. Она различалась материалом, деталя-

⁶⁹ П. С. Назаров. Указ. соч., стр. 192.

Р и с. 29. Распространение женских головных уборов:

1 — покрывало, известия кушанулак; 2 — платок *фалр кулак*, кушанулак; 3 — покрывало, известия *барджакет*; 4 — шерстяные тазысе шапки; 5 — полотенецобразное покрывало *тастар*; 6 — треугольное покрывало *кайкач*; 7 — покрывало *баша баша* *Ош-Зулте*; 8 — *Салмау*; 9 — *Дашкейя*; 10 — *Тажма*; 11 — декоративный шапочка-венчик с шикетави *Мелла*; 12 — стеганые шапки *тулай*; 13 — войлочные шапки *кама бурек*; 14 — длинные белые колпаки; 15 — колпаки с мехом; 16 — подшаванные перком; 10 — малосложные шапочки-колпачки.

ми покрою, формой, отделкой, традициями, связанными с употреблением ее в быту: преимущественным ношением в праздники или в будни, использованием в качестве обрядовой одежды и т. д.; чрезвычайно богата терминология, связанная с местными видами одежды. Большой оригинальностью по районам отличаются женские головные уборы и украшения, особенно — нагрудные; различна их форма, способ нашивки кораллов и монет.

Картографирование наиболее характерных видов башкирской одежды (головных уборов, украшений, обуви, верхней одежды) позволило выявить определенные закономерности в их распространении. Если нательная и верхняя одежда, некоторые головные уборы и обувь встречаются на довольно обширном пространстве, то украшения и обрядовые головные уборы — стойкие показатели племенной принадлежности в прошлом и в силу этого наиболее консервативные в своем развитии — обнаруживаются лишь на ограниченной территории. Анализ, сопоставление полученных результатов дали возможность выделить 7 основных костюмных комплексов, каждый из которых типичен для определенного района. Те элементы, которые появились на протяжении XIX в., но не стали обязательными в костюме, хотя и нашли отражение на картах, при выделении районов во внимание не принимались.

Костюмные комплексы названы в соответствии с теми территориями, на которых распространены: юго-восточный, северо-западный, юго-западный (демский), самаро-иргизский, северо-восточный, восточный (зауральский), центральный (инзерский).

Юго-восточный комплекс. Распространен на значительной территории, охватывающей юго-восток БАССР и прилегающие районы Оренбургской области. Северной границей является условная линия, проведенная от г. Ишимбая до Верхнеуральска. Западной — р. Белая от г. Ишимбая до г. Мелеуза, а затем — р. Мелеуз.

В прошлом характерно применение для одежды белого и гладкоокрашенного холста, однотонных покупных материалов. Широко использовались, даже для платьев и рубаш, домашние шерстяные и полушерстяные ткани.

В целом костюм отличался строгостью, преобладанием вертикальных линий в форме и покрое. Это впечатление складывалось не только за счет большей, чем в других районах, длины одежд, но и благодаря своеобразной манере их ношения, когда платки, халаты, шали, не скрепляясь на груди узлом или застежкой, свободно ниспадали с плеч. Низкие головные уборы, просторные одежды и массивные украшения создавали впечатление большой устойчивости фигуры, лишали ее легкости и динамики.

Вплоть до революции на этой территории сохранялся туникообразный покрой платья с ровным неотрезным подолом или с широкой оборкой внизу, прямоспинный покрой некоторых видов верхней одежды. Короткая безрукавка (камзол), за некоторым исключением, здесь не стала обязательной принадлежностью костюма. Непосредственно на домашнюю одежду надевали халаты. Повседневно, не только мужчины, но и женщины, носили глухой кафтан *казекей*; в праздники надевали тканевый *елэн* или суконный *сакман*; у женщин эти халаты были украшены золотыми «эполетами», красным сукном, позументом и вышивкой в виде розеток-солнц. Зимой мужчины носили овчинные шубы и тулупы (*тире тун*, *толоп*); у состоятельных башкирок были шегольские, крытые плюшем или бархатом, несколько приталенные шубы *курпа*. Головные уборы мужчин — меховые шапки с узкой опушкой (*кэпэс*, *корайыш*), малахаи с высокой тульей (*жолаксын*, *осло башлы кэпэс*), такой же формы кошомные колпаки (*көләпәрә*); женщин — платки, самотканые шали с кистями; традиционный головной убор замужних женщин — коралловый *кашмау*, старых — белый полотенецобразный *тастар*. Обувь: сапоги (*итек*) и глубокие кожаные башмаки (*ката*), которые носили обычно с суконными или войлочными чулками (*тула ойок*, *кейез ойок*).

Костюм украшался широкими нагрудниками из кораллов, бисера, металлических блях. Женщины носили длинный, трапециевидный *селтар*, состоявший из двух частей: плотно зашпотого кораллами верха и нашитой на ткань коралловой сетки, заканчивающейся бахромой; части отделялись несколькими горизонтальными рядами монет (по числу ря-

дов местное население легко устанавливало родовое происхождение обладательницы нагрудника). Девичий нагрудник *алмайзеу*, *башкизеу* представлял собой лопатообразной формы ткань, на которой (в верхней ее части) были прикреплены длинные подвески из скрепленных между собой монет и блях. Иногда вместе с нагрудником или отдельно от него носили небольшое шейное украшение — *амайдек* из 3—4 рядов монет на лентообразной матерчатой основе. Других шейных украшений, в том числе и бус, распространено не было.

Повсюду встречался косник из нескольких шерстяных нитей с бусами и кораллами (*сасмау*). В конце XIX—начале XX вв. он был больше известен как девичий. Его носили с полуовальным назатыльником (прикреплялся между косами у их основания) — *елкалек*, *елкамес*. Женщины вплетали в косы темные шерстяные или матерчатые косоплетки (*урмес*, *сас урмес*), к концам которых была привязана тесьма с нашитыми на нее в ряд монетами.

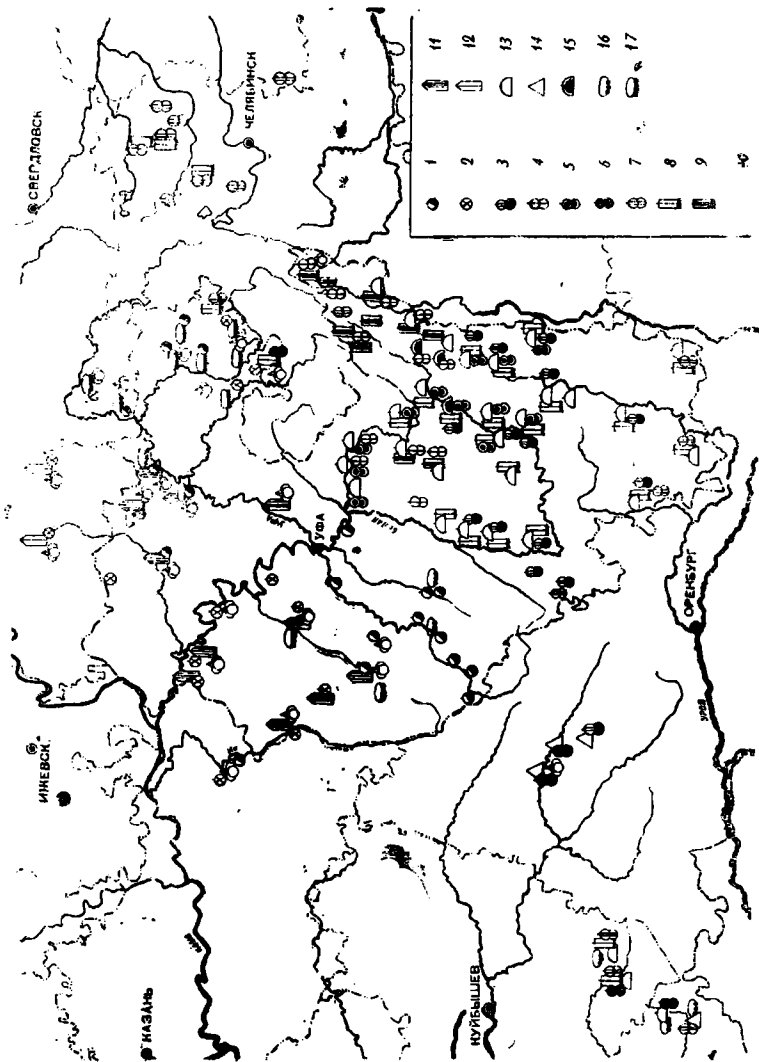
Вышеописанный комплекс был распространен на всей обширной территории юго-востока, почти не варьируя. Внимание обращает на себя лишь одежда горных башкир современных Бурзянского и Абзелиловского районов. Здесь костюм отличался некоторым своеобразием, объяснить которое можно сравнением с одеждой башкир более северных районов. По р. Белой и в Абзелиловском районе местами была известна обувь с суконными голенищами *сарык* и *ката* (причем, эти понятия часто смешивались); в качестве рабочей обуви на юге Бурзянского района, хотя и редко, использовались лапти. Обычный женский платок ближе к верховью р. Белой постепенно сменялся красным покрывалом (*флур ялык*, *француз ялык*); в более северных деревнях он был двойным. Параллельно с названием нагрудника «селтар» здесь существовало «накал», хотя нагрудник оставался трапециевидной юго-восточной формы. Женская косоплетка или часть ее здесь иногда называлась по-инзерскому «харалык». Наблюдалось некоторое смещение и в других терминах.

По-видимому, мы имеем дело не столько с культурным взаимовлиянием соседствующих продолжительное время различных по происхождению родо-племенных групп, сколько с целой этнической волной, в какое-то время продвинувшейся с Инзера, а может быть, с верховьев р. Урал в более южные районы. Особенно убедительно это подтверждает картографирование элементов одежды. Не вытеснив издавна существующий здесь костюм (основа его, бесспорно, юго-восточная), новые элементы наложились на них и стали существовать вместе с ними, внося некоторое своеобразие в традиционный юго-восточный колорит.

Северо-западный комплекс. Характерен для башкир между речья Белой и Уфы, нижнего левобережья р. Уфы до впадения в нее Юрюзани, бассейна рек Сюнь, Чермасан и Кармасан (левых притоков Белой), а также для населения по нижнему и среднему течению р. Ик. Вплоть до революции здесь широко использовалась, даже для верхней одежды, домотканина, причем предпочтительнее отдавалось постряди и тканям с браным узором. В то же время шерстяные ткани и войлок употреблялись мало, в основном для мужских чекменей и головных уборов.

В целом костюм менее тяжел и строг, чем юго-восточный. В покрое заметно преобладали горизонтальных линий. На смену прямому туникообразному здесь рано пришло отрезное по талии платье со вставным поясом или широкой верхней оборкой (*вэско. итэк*); эти детали, разделяя одежду на две части, зрительно уменьшали ее длину. То же впечатление производили и появившиеся позже узкие оборки, занявшие весь подол. И женщины, и мужчины носили на северо-западе камзол. В сочетании с пышной юбкой удлиненная, узкая в талии безрукавка (*камзул*) придавала женской фигуре большую стройность. Будничный костюм женщин дополнял передник (*алъялкыч*).

В отличие от юго-востока, в теплую погоду халаты (тканевый *башмат* или холщовый *сыба*, *чыба*) не были здесь необходимой принадлежностью повседневного костюма. Редко, только в непогоду, надевали мужчины чекмень (*чикмэн*). Возможно, этим и объясняется, что верхняя одежда, выполняемая на северо-западе преимущественно утилитарно, украшалась умеренно: лишь узкой полосой галуна по бортам и подолу, и только на праздничных женских халатах.

Р и с. 30. Распространение косых украшений:

[— шурок с крупными монетами на концах *сас урвас*; 2 — то же, под названием *сас талекс*; 3 — тесьма с нашивками в ряд монетами *урагес*, *сас урвас*; 4 — то же, под названием *саслау*, *саслау*; 5 — то же, под названием *каралак*; 6 — то же, под названием *сас урвас*; 7 — то же, под названием *сас талекс*; 8 — шити с бусинами *саслау*; 9 — то же, под названием *каралак*; 10 — серебряный подвесок *сулам*; 11 — лонга-чечол на кошу *саклап*; 12 — то же, под названием *ардлама*; 13 — затмычное украшение *саклак*, *саклакс* полуovalной формы; 14 — то же, треугольной формы; 15 — полуovalное затмычное украшение *кыдылек*; 16 — лобок — нак девят из позумента с бахроной *ука чылак*, *укачук*, *кашуса*; 17 — лобное украшение в виде шнура с монетами *кыдыра*, *лапталаса*, *лапчаласа*.

На северо-западе, как и по всей Башкирии, в применении к верхней одежде был известен термин «елэн» (в северо-западном варианте — «жилэн»), но обозначал он здесь просторную, длинную, с шальвым воротником, распахнутую одежду старших мужчин, надевавшуюся поверх бешмета в торжественные дни. Женщины елэн не носили.

Весьма распространенной зимней одеждой, кроме шуб, были ватные зипуны — *сырма*. Выделенная территория — район преимущественного распространения головных уборов-колпачков. Они различны по виду, размерам, способу украшения. Древняя форма — белый длинный (до 50 см) колпак, вязаный или холщовый (*ак калпак*, *мамык калпак*); в конце XIX — начале XX вв. его носили только старухи. Чаще встречался колпак с твердым ободком и мягким овальным верхом (*артиты калпак*) или маленький круглый колпачок с ободком и туго натянутым верхом (*балкай калпак*). Последний носили в основном молодые женщины. Ободок колпачков надо лбом украшали вышивкой бисером, стеклянрусом, блестками, нашивали монеты и позумент с бахромой. К концу XIX в. колпачки вытеснили характерные прежде для северо-запада девичьи полусферические шапочки с монетами (*такья*).

Почти по всему северо-западу, за исключением крайних западных деревень, замужние женщины младше 30 — 35 лет носили платки-покрывала (*бөркәнсек*, *бөркәнчек* — в левобережье Белой, *француз яулык* — к востоку от нее); в отличие от зауральских, они нередко были одинарными и ничем не украшались. Старые женщины голову и плечи покрывали белыми покрывалами *кыйытка*.

Мужские головные уборы этих мест — войлочные шляпы (*зилэнэ*) и меховые шапки с узкой олушкой (*бүрек*, *мәскен бүрек*).

Основной обувью мужчин и женщин были лыковые лапти (*саблта*, *чаблта*). Их носили с вязаными чулками (*бэйләм олох*), портянками (*сылгау*, *чолгау*), опучами (*ыштыр*). Праздничной обувью служили кожаные башмаки (*башмак*, *кункалди*), у женщин — на каблучке.

Украшения на северо-западе изготовлялись из монет и металлических блях. Были распространены массивные ожерелья из нескольких рядов монет и ажурных подвесок, скрепленных цепочками (*сырга*). Они закрывали всю грудь, спускаясь до пояса. Обычны для костюма этих мест бусы (*төймә*, *мунчак*). Пожилые люди носили нагрудные перевязи, известные в большинстве случаев под названием *дәүәт*.

Косоплеткой служил темный шнурок с монетами или серебряными подвесками на концах (*суллы*, *чуллы*, *таңкә*, *сумнык*). Особенностью этого района были чехлы-накосники (*сәс-кап*).

Описывая северо-западный комплекс одежды, нельзя не отметить своеобразие костюма северо-восточной группы — населения современного Аскинского района и, в какой-то мере, Пермской области. Кроме ожерелий, здесь носили небольшие нагрудники и полунагрудники, плотно зашитые монетами; их называли по-разному: *муйынса*, *яга итәк*, *түшләк*, *муйынтоп* и даже — *алка* (в Пермской области). Здесь были известны лобные ленты — перевязи с монетами (*мангайса*). Девичьи шапочки типа *такья* (их тоже называли *мангайса*) в этих местах были с длинными околушными подвесками — *сыгәнә*, иногда соединенными подбородными цепочками. Платки-покрывала невесток были, в отличие от остальных районов северо-запада, двойные, иногда украшенные монетами на подбородочной тесьме. Были отличия и в терминологии, касающейся одежды (например, чехол для кос в Пермской области назывался *аркалык*, косник — *сәс ургес*, перевязь во многих деревнях была известна под названием *Һэйка**; кожаные башмаки назывались *ката*). Изучение выделенных особенностей названной группы башкир, с одной стороны, позволяет установить определенную их связь с более восточными, зауральскими башкирами (нагрудные украшения на тканевой основе, общий вид платков-покрывал *килен* и др.), с другой — в украшениях, а больше — в терминологии наметить некоторые параллели с демскими (налобная лента и пр.) или одновремен-

* Впрочем, иногда так называлось здесь шейное украшение из 2-3 рядов монет на тканевой основе.

Р и с. 31. Женщина в праздничном бешмете северо-восточного типа (дер Янсантово, Карандельский район БАССР, 1963 г.).

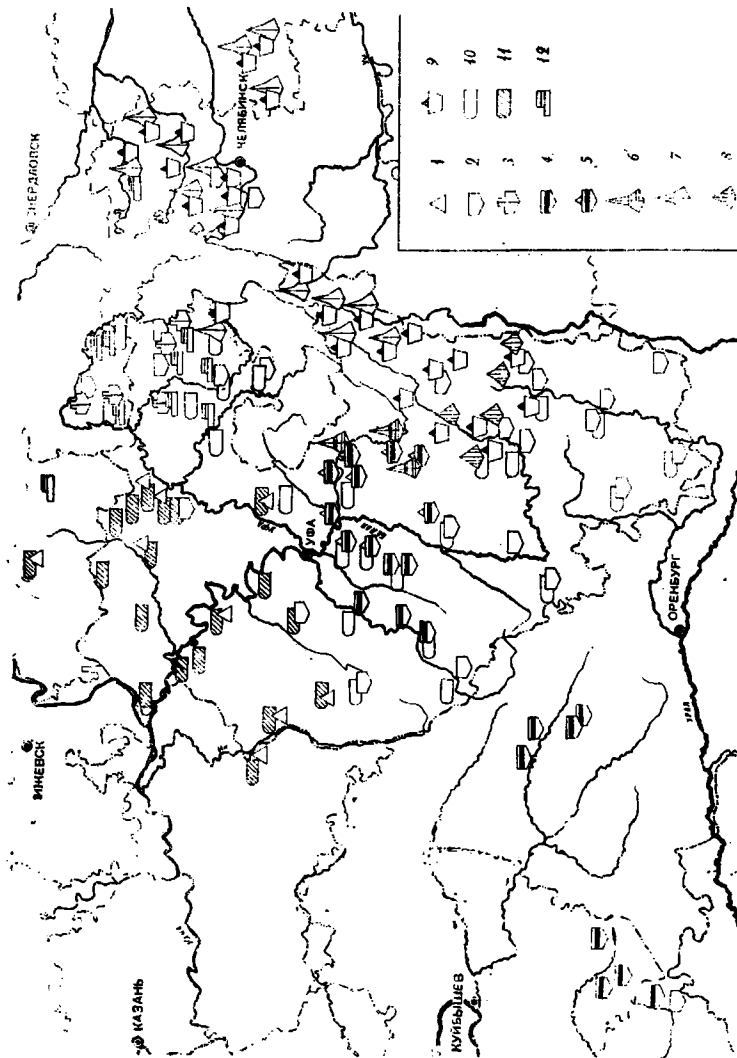
но — Демы и северо-востока Башкирии (косник *сас үргес*, обувь *ката* и пр.). Есть и оригинальные, встречающиеся только здесь, черты.

В историческом плане можно предположить, что этот участок был частью большого пути, по которому на заре башкирской истории шло передвижение племен с запада или юго-запада на восток. Здесь, на правом берегу Уфы, выше впадения в нее Юрюзани, задержалась часть башкир, каким-то образом прежде связанная с населением Демского бассейна. Растворившись в местном башкирском окружении, она восприняла особенности его культуры, не потеряв окончательно и некоторых своих черт. В то же время, сохраняя связь с группами, поселившимися за р. Уфой, она впоследствии впитала в себя и некоторые особенности сформировавшегося позже восточного комплекса одежды.

Юго-западный (демский) комплекс. Охватывает население бассейна р. Демы и левобережья р. Белой (от устья Нугуша до Уфы).

Нижнюю одежду — платья, рубахи, штаны — в этом районе шили как из однотонного холста, так и из пестроткани; изредка употребляли и браный холст. Для верхней одежды и головных уборов, кроме плотных покупных тканей, использовали овчину и домашнее сукно.

Костюм внешне легок и наряден: его характеризуют сходные с северо-западными платья с оборками (одной верхней или двумя-тремя — на подоле), недлинные в подоле, приталенные халаты, негромоздкие головные уборы. Даже сплошь зашитые монетами и бляхами

Р и с. 32. Распространение различных видов обуви:

1 — туфли кук башмак; 2 — кожаные глубокие башмаки кафта; 3 — башмаки с невысокими кожаными верхом башмаком кафта; 4 — башмаки с цветными вышивками и шерстяными носками; 5 — башмаки башмак кафта с низкими сукоными голенищами, украшенными сложным впадоносным узором; 6 — мужские сапоги суконными голенищами, украшенными цветными полосками; 7 — мужские сапоги суконными голенищами; 8 — мужские сапоги суконными голенищами; 9 — сапоги суконными голенищами; 10 — сапоги суконными голенищами; 11 — сапоги суконными голенищами; 12 — сапоги суконными голенищами.

нагрудники, благодаря полуовальной форме, не кажутся настолько тяжелыми, как юго-восточные. Чрезвычайно распространено украшение верхней одежды монетами.

Основная верхняя одежда башкир этого района — *елан*. В зависимости от материала и степени украшения, этот халат (по сравнению с юго-восточным более короткий и в большей степени приталенный) был и будничным, и праздничным. Праздничные женские халаты, особенно у башкир по нижнему течению р. Демы, украшали монетами и позументом не только по полочкам и на подоле, но также на рукавах и особенно обильно — на спинке: в области лопаток, поясницы. Пожилые люди иногда надевали бешметы, сходные с северо-западными.

По всему югу Башкирии мужчины и женщины носили чекмени. На Деме женские теплые халаты шли из цветного сукна, украшали позументом, вышивкой, монетами. Голубые, зеленые суконные халаты были здесь не только праздничной одеждой, но и входили в свадебный комплекс.

Головные уборы мужчин служили меховые шапки (*бурек*), меховые островерхие малахай (*колаксын*). Наиболее характерными для женщин были коралловый убор *кашмау* и белое покрывало *тастар*, сходные с юго-восточными. Однако на Деме их часто надевали вместе, начиная носить вскоре после замужества. В XIX в. *кашмау* и *тастар* постепенно вытеснились небольшими колпачками и простыми фабричными платками: головные уборы демских башкирок стали близки к северо-западным. Заимствования коснулись и других частей костюма.

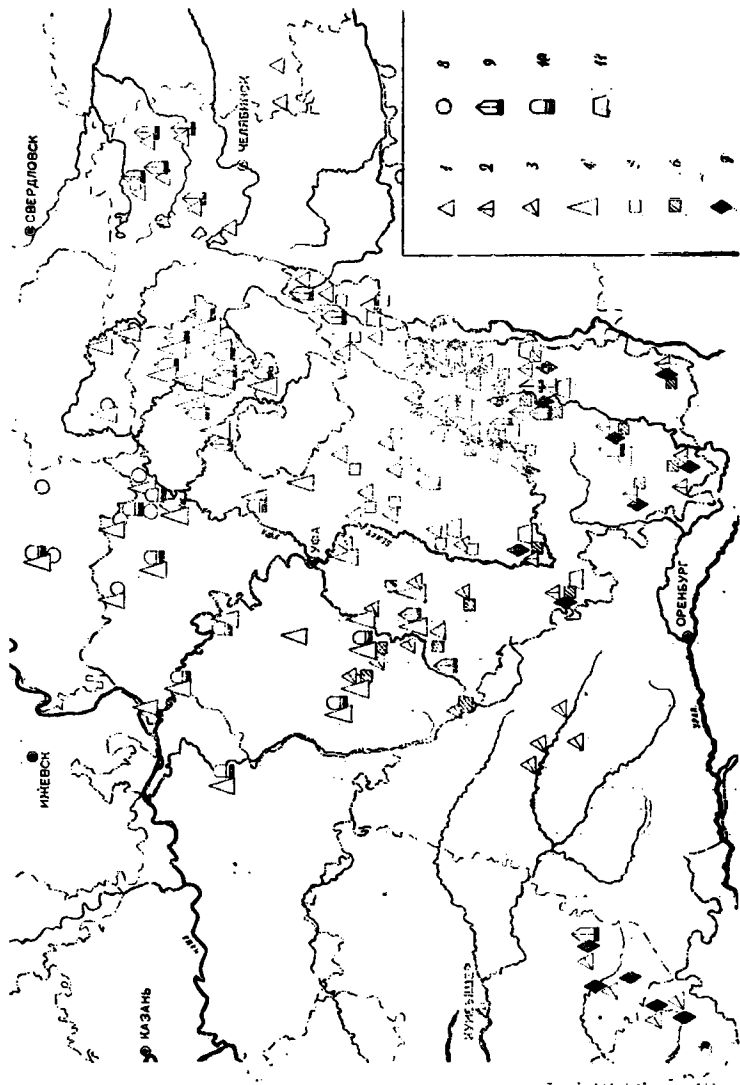
На суконные, позже — вязаные чулки надевали кожаные башмаки (*ката*), которые у женщин были украшены цветной кожаной аппликацией, свинцовыми накладками, шерстяными кистями. В конце XIX — начале XX вв. на Деме начали носить лапти, но сами их делали редко, предпочитая приобретать на стороне.

Своеобразны украшения демских башкирок. Об одном из них упоминалось выше — это полуовальной формы нагрудник (*сакал*), защитный по краю кораллами, в середине — монетами, раковинами-каури, ажурными бляхами со вставками из сердолика, агата, цветного стекла. Его можно было увидеть даже на девочках. Взрослые вместе с ним носили наспинник *сэскал*, скрепляя эти украшения на плечах. На связь наспинника с северо-западным чехлом для кос указывает не только его название, но и то обстоятельство, что в нижнем течении р. Демы и вокруг озера Аслы-куль (т. е. на территории, расположенной в непосредственной близости от северо-западного района) своей формой он удивительно напоминал вышеупомянутый накосник; кроме того, и в других деревнях, гораздо южнее, его могли носить без *сакала*, закрепляя нитяную петлю от него на голове. Напоминало северо-западное шейное украшение — ожерелье из монет, скрепленных цепочками, — *сырга*. В отличие от нагрудника, его могли носить только взрослые женщины. Из других нагрудных украшений можно назвать коралловое ожерелье, иногда в виде густой сетки, заканчивающейся коралловыми кистями (*мунсак, марйен сук*) и крупные стеклянные бусы (*тоймэ*).

Косные украшения были разнообразны: шнурок с крупными монетами или с ювелирными подвесками на концах; тесьма с нашитыми в ряд монетами; кое-где встречалась шерстяная косоплетка с прикрепленной к ее концам кожаной пластинкой, которой были скреплены металлические привески. Наиболее распространенное на юго-западе название для косника всех видов — *сэс үргес*.

В среднем течении Демы существовала налобная лента-перевязь с монетами — *маңлай-са*. В других местах юго-запада так называлась спускающаяся на глаза темная подвеска головного убора *кашмау*.

Как видно из описания, юго-западный костюм по своей специфике занимает среднее положение между северо-западным и юго-восточным комплексами. Основу народной одежды здесь составляли элементы, близкие юго-восточным. К ним в значительной мере примешивались северо-западные, распространившиеся на Деме в большинстве случаев лишь в последние века. Отличают демский костюм и свои, специфичные черты.

Р и с. 33. Распространение наиболее характерных видов женской верхней одежды:

1 — блэк, украшенный позументом; 2 — блэк, украшенный позументом; блесеры и вышивкой; 3 — блэк, украшенный позументом и мехом; 4 — блэк; 5 — блэк; 6 — блэк; 7 — блэк; 8 — блэк; 9 — блэк; 10 — блэк; 11 — блэк.

Самаро-иргизский комплекс. Включает одежду западноуренбургских, куйбышевских и саратовских башкир, расселившихся по течению рек Самара, Большой Иргиз и их притоков.

Особенности в культуре, в частности в одежде, самаро-иргизских башкир полностью обусловлены историей формирования данной группы. Переселенцы из различных южнобашкирских деревень, они соединили в своем быту элементы культуры двух районов: юго-восточного и юго-западного. Однако в отличие от южных башкир, оторванных от основного этнического массива, поставленное в особые экономические условия*, башкирское население этих мест постепенно утратило навыки домашнего ткачества, рано обра гилось для удовлетворения своих нужд к рынку. Уже во второй половине XIX в. здесь не было одежды ни из домашнего холста, ни из сукна собственного производства. Здесь не были известны и те предметы одежды, которые распространились на юге Башкирии под влиянием северных групп в последние 1 — 2 столетия. В то же время на костюме башкир этих мест, особенно наму жской, наложил отпечаток образ жизни, обусловленный причислением их к казачьему сословию.

Верхней одеждой мужчин был короткий глухой кафтан *казакей*. Женщины носили *казакей* редко и только в будни. Наиболее распространен среди них был длинный (до щиколоток), слегка расклешенный халат *елэн*.

Мужским головным убором служили меховые шапки (*бурек*); малахан (*колаксын*) почти не употреблялись. Женщины носили платки, покупные шали; лет с 40 надевали белое покрывало *тастар*. Праздничным головным убором был коралловый шлем *кашмау*. По традиции его «хвост» носили поверх халата, в то время как на Деме, где существовало особое наспинное украшение *саскап*, лопасть от *кашмау* прятали под верхние одежды.

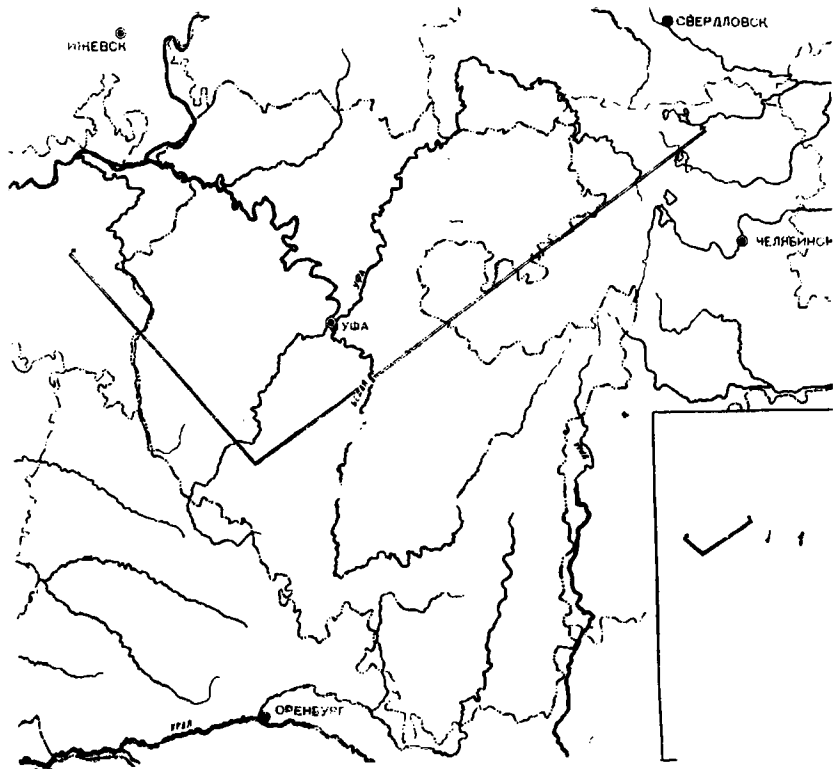
Основной обувью были кожаные башмаки (*ката*), у женщин, как и на юго-западе Башкирии, украшенные шерстяными кистями и кожаными нашивками. Сапоги были менее распространены. Обувь обычно носили с портянками (*сылмау*).

Нагрудное украшение — полуовальный *сакал* — не только по форме, но и по оформлению было похоже на демское; в некоторых семьях *сакал* сохранился до сих пор. Раньше был распространен другой нагрудник *селтар*, сходный с юго-восточным, но украшенный преимущественно монетами. Его носили иногда вместе с *сакалом*, прикрепляя чуть ниже; но чаще в употреблении этих нагрудных украшений существовало строгое возрастное разделение, хотя единых для всех деревень правил не было. Помимо нагрудников, носили или коралловые ожерелья (*мунсак*, *марйен*), или бусы (*тоймэ*). Ожерелья из монет здесь не знали.

Косниками служили шпурки с монетами (*сэс ургес*, *сэс урмес*), кое-где в Куйбышевской и Саратовской областях — игги с кораллами и бусами (*сэсмэу*). Повсеместно существовал назатыльник *елкалек*, в одних местах (Куйбышевская и Саратовская области) — как на юго-востоке, полуовальной формы, в других — треугольной.

Детальное изучение украшений, распространенных по Самаре и Иргизу, создает впечатление, что на территории Саратовской и Куйбышевской областей мы сталкиваемся с наиболее ранним пластом культуры, преимущественно юго-восточного происхождения (название косоплетки *сэс урмес*, косник с бусами, форма назатыльника и пр.). На этот пласт, как видно, позже наслаивались элементы, связанные с переселившимися в эти места демскими группами (нагрудник *сакал*, набобная повязка-лента и пр.). В одежде башкир в бассейне р. Самары хотя и встречаются некоторые достаточно яркие юго-восточные детали (речь идет в основном о нагруднике *селтар*), демские элементы преобладают. Видимо на р. Самаре (на ее притоках Ток и Суран) остановилась вторая, наиболее мощная волна переселенцев, шедшая в основном из юго-западного угла Башкирии; отдельные, немногочисленные группы этого потока продвинулись дальше, в уже обетованные башкирами долины по Иргизу и Камслику и расселились среди осевшего там ранее населения. Так исторически создава-

* Первые башкирские семьи, как сообщает В. М. Черемшанский, были переселены в эти места царским правительством для особой службы: обороны российских границ от набегов степных кочевников (В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 133).

Р и с. 34. Распространение одежды из браного холста: I—граница, на север от которой носили холщовую одежду, украшенную браным узором.

лись условия для смешения двух этнических групп, для взаимодействия их культур, что привело к образованию нового этнокультурного микрорайона.

Северо-восточный комплекс. Включает население северо-востока БАССР (западная граница проходит по р. Уфе) и прилегающих на севере районов Свердловской и Челябинской областей.

В одежде много общего с северо-западным комплексом. Здесь носили платья и рубахи из пестроткани, украшенные браным узором. В конце XIX— начале XX вв. местные башкиры носили камзолы, а женщины — еще и фартуки. Верхней одеждой был бешмет, сходный с северо-западным, у женщин — украшенный позументом. Много общего обнаруживается в обуви, головных уборах, особенно мужских.

Пожилая женщина в платье традиционного покроя. Дер. Кирдасово, Абзелиловский район БАССР, 1962 г.

Молодая женщина в старинном халате «елэн» и нагрудном украшении «алманзеу»
Дер. Аминево, Баймакский район БАССР, 1962 г.

Но в то же время в одежде башкир этих мест немало отличного от северо-западного костюма. В противоположность последнему, на северо-востоке было широко распространено украшение одежды вышивкой. Насколько древни здесь традиции вышивального искусства — сказать трудно. Известно, что в конце XIX в. вышитая мужская и женская одежда (рубашки, платья, передники, платки) существовала здесь наряду с одеждой из браного холста. В последующие десятилетия, с исчезновением ткачества, вышивка достигла наивысшего расцвета. В наши дни зашиваются плотным орнаментом, состоящим из реалистических растительных мотивов, тамбурным швом и гладью рукава платьев и их подол, грудка и подол передников, воротник и нагрудная планка свадебных мужских рубах.

Мало похожи на северо-западные обувь, женские головные уборы, украшения. Традиционным головным убором молодых замужних женщин было большое красного цвета покрывало *куйгяулык* с подбородочной тесьмой, зашитой в 2-3 ряда монетами (под которое, впрочем, часто надевали небольшой колпачок, расшитый бисером, в большей степени характерный для северо-запада). Пожилые под платок *лулык* надевали утепленные полусферические шапочки *туый*, известные преимущественно в этом районе; богатые башкирки носили бархатные шапки с дорогой меховой опушкой (*камсат бурек*). Характерным дополнением к головным уборам были налобные повязки из позумента с густой бахромой — *каш ука*.

Примечательность этого комплекса — обувь с невысоким холщовым верхом, кожаная (*бышымды ката*, *бышинлап тегелган ката*) — летом, меховая (*кыйырак*, *бышымды кыйырак*) — зимой. Наряду с этим были кожаные глубокие башмаки (*ката*) и туфли (*башмак*). В сырую погоду на работу иногда надевали лапти. Обувь носили с вязаными (*байлям ойок*), холщовыми (*киндер ойок*) или реже — суконными (*тула ойок*) чулками, лапти — с портянками (*сылгау*).

Основное украшение женщин — трапециевидный нагрудник (*муыйнса*, *муиса*), тканевая поверхность которого сплошь была зашита рядами монет. В деревнях по Аю на платье надевали небольшое съёмное украшение из лент и позумента, нашитых на полуовальную ткань (*туштек*). По левому берегу Уфы носили шейные повязки с нашитыми в ряд крупными монетами, но в большей степени — по всей территории северо-востока — были приняты разнообразные бусы (*кытай*, *марйен*). Нагрудная перевязь в форме полумесяца, зашита серебряными бляхами, монетами, подвесками, хотя и встречалась у пожилых женщин, в целом для костюма этих мест не была характерна. Единственным косым украшением был шарок с монетами или ювелирными подвесками на концах (*сәс таңкә*, *сулпы*, *сулпы таңкә*).

Р и с. 35. Женщина в праздничном костюме.
Конец 20-х годов.

Р и с. 36. Женщина и дети в праздничном наряде (дер. Кулгунино, Бурзянский район БАССР, 1950 г.).

Однородность одежды северо-восточных башкир нарушает некоторое своеобразие южных деревень (юг современного Салаватского района), которое касается в основном украшений. Здесь встречались косники с рядом монет (*сас ургес*), косники с бусами (*сасмау*), плетеные из шнурков косоплетки (*каралык*). Здешний нагрудник, известный под названием *яга*, *марйен яга* (т. е. так, как назывался он в более восточных и южных районах), был украшен не только монетами, но и кораллами; снизу он заканчивался коралловой бахромой. Женская верхняя праздничная одежда под названием *елэн* была украшена не только позументом, но и монетами. Другими словами, в costume южной группы северо-восточного района были явные следы активных культурных взаимодействий с более южными или даже восточными башкирами.

Центральный комплекс. Характеризует одежду горных башкир по течению р. Инзер и правобережью р. Белой (до г. Ишимбая).

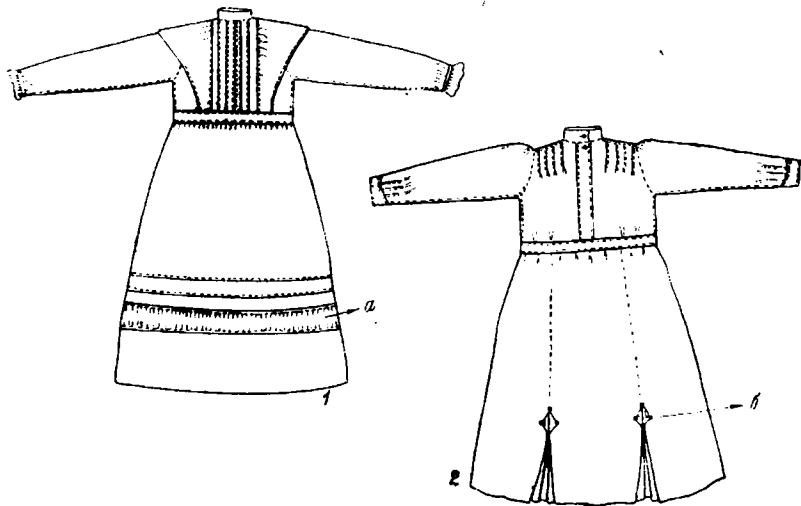
В costume много общего, с одной стороны, с одеждой южных башкир (в т. ч. — демских), с другой — с северо-восточным комплексом. В основе культуры лежат

черты, связанные по происхождению с традициями скотоводческого быта.

Нательную одежду, как и на юго-востоке, здесь шили из светлого холста, а позже — из однотонных фабричных материалов. Верхним халатом мужчин и женщин служил скромно украшенный позументом *елэн*, хотя в некоторых деревнях можно было встретить и бешметы (чаще — у мужчин).

Мужские меховые шапки с опушкой здесь называли несколько иначе, чем в других районах (*калпак*, *тупый*, реже — *бурек*), хотя формой они почти не отличались от прочих. Малахаев с наушниками и большой наспинной лопастью здесь не было.

Ярким примером взаимодействия этнически различных типов культуры являются головные уборы инзерских башкирок. Только в этом районе сосуществовали различные по происхождению головные уборы — *кушъяулык* и *кашмау*. Двойное покрывало *кушъяулык* с подбородочной тесьмой, защитой монетами, носили на всей отмеченной выше территории. В устье Инзера и на Симе, видимо, под влиянием более северных районов, под *кушъяулык* надевали маленький колпачок, украшенный бисером; это явление, по всей вероятности, позднего происхождения — во всяком случае, оно встречалось редко. *Кашмау* носили женщины старше 35 лет. В более южных деревнях (Усмангали, Худайбердино и пр.)

Р и с. 37. Новые покроя женских праздничных платьев:

— дер. Маяково, Купнареновский район БАССР; 2 — дер. Ибрагимово, Кармаскалинский район БАССР; а — пришитая с 2-х сторон рошга; б — мегалитические пуговицы.

где этот убор был более распространен, его надевали иногда и вскоре после замужества.

Старухи на Инзере носили белый *тастар*. Праздничным убором пожилых женщин были бархатные шапки с околышем из меха выдры (*кама бурек*); их надевали на *тастар*, покрывая сверху шалью.

Оригинальна обувь этого района — глубокие кожаные башмаки (*ката*) с небольшими (10—15 см) суконными голенищами, украшенными цветными поперечными полосами ткани. Кроме них были известны сапоги; в устье Инзера в начале XX в. носили лапти.

Основное женское украшение — нагрудник *накал*, в западных деревнях — полуовальной формы, сходный с демским, в среднем и верхнем течении Инзера — вытянутой прямоугольной формы, напоминающий юго-восточный *селтар*, но в отличие от него, в большей степени украшен монетами. Кроме того, носили ожерелья из кораллов (*мунсак*, *марйен*).

Основной косник *каралык* представлял собой то тесьму с нашитыми на нее монетами, то шерстяную плетеную тесьму с кистями; в последнем случае косник с монетами называли «*сасмау*». Обычно шерстяной плетеный *каралык* носили с назатылочным украшением лопатообразной формы (*елкелек*).

Восточный (зауральский) комплекс. Одежда башкир Учалинского района БАССР, Челябинской и Курганской областей. История связывает обитание многих этих групп до переселения в Зауралье, с одной стороны, с бассейном р. Ай, с другой — с горными районами. В одежде черты, общие то северо-восточному, то центральному и юго-восточному комплексам, перемежаясь, дополняются местными особенностями. Нательная и горничная одежда близка северо-восточной (тканая одежда, иногда украшенная браным узором, камзолы,

Р и с. 38. Молодежь на сабантуе (дер. Балшево, Баймакский район БАССР, 1964 г.).

фартуки), верхняя — юго-восточной (распространен халат *елэн*, чекмсь, в качестве повседневной мужской одежды — кафтан *казакей*). Однако в отличие от этих районов, нательная одежда украшалась тонкой старинной вышивкой из сложных, сильно стилизованных растительных узоров (тамбуром) или геометрическим орнаментом (счетными вышивками); верхняя же одежда, за исключением камзолов, напротив, выглядела очень скромно и украшалась только позументом; на камзолы в том или ином порядке (группами по 1—3—5) нашивались монеты.

Как на северо-востоке и в центральной Башкирии (на Инзере), замужние женщины носили покрывало *кушъяулык*. Здесь оно встречалось в наиболее развитой, совершенной форме: это был двойной платок (что соответствовало его названию); по краю надо лбом он украшался вышивкой, монетами, позументом и имел обязательные дополнения в виде подбородника с монетами (*һағалдырык*), околушных подвесок (*колакһа сук*) и средней нагрудной привески из расшитой тесьмы или шерстяных кистей (*эйәксен*, *һаһал*). Декоративное оформление этого головного убора составляло специфику только восточного комплекса. Под платок надевали цветную (красную, синюю) головную повязку (*баһ бәйзәмес*), также не известную в других районах. Последняя была обязательна для женщин всех возрастов. В пожилом возрасте ее надевали под полотенеобразный *таһтар* общераспространенной на юге формы, однако здесь концы *таһтара* богато расшились гладевой или филейной вышивкой, украшались кружевом. В старину праздничным убором молодых женщин служил высокий, в форме цилиндра, головной убор *баһ кейем*. Впрочем, уже к концу XIX в. он полностью вышел из употребления. Пожилые в торжественных случаях надевали богатые меховые шапки — *кама бурек*. Мужские головные уборы — меховые шапки (*бурек*, *һалһак*), *малаһан* (*һолакһын*).

Своеобразна обувь этого района: сапоги с мягкими или твердыми подметками и длинными суконным верхом — *сарык* и *ката* (в некоторых деревнях — *бамай*), расшитые ярким аппликационным узором на заднике.

Нагрудное украшение *яга*, характерное исключительно для этого комплекса, представляло собой трапециевидную ткань, украшенную кораллами и монетами и заканчивавшуюся коралловой бахромой. Вверху к ней пришивалась часть в виде полукруглого воротника, которая, видимо, и дала название всему украшению («яга» — букв. «воротник»). В старину, как правило, вместе с этим нагрудником носили наспинник *ицһәлек*, скрепляя их на плечах. Были распространены нагрудные перевязи (*эмайзек*), бусы (*кытай*), ожерелья из кораллов (*марйен сук*, *муйынсак*). Косник с монетами назывался *сәс таңкә*, но шуток-косоплетку обозначали двояко *сәс үрмес* и *каралык*, т. е. теми терминами, которые были известны в центральной и юго-восточной Башкирии. Кое-где, преимущественно на севере Челябинской области, было косное украшение из бус *сәсмәу* — такое же, как на Сакмаре Южнее, по Мпассу, так назывался косник с монетами; видимо, косник из бус, здесь некогда существовавший и сходный с юго-восточным, успел забыться, в памяти народа сохранилось лишь его название.

В целом можно отметить, что наибольшую близость с северо-востоком БАССР испытывают северные районы Челябинской области; средняя часть Челябинской области и юго-запад Курганской больше тяготеют к горному Южному Уралу. В то же время это не значит, что расселение башкирских племен в зауральской степи подчинялось строгой закономерности. У башкир на севере Челябинской области, по р. Тече, встречаются весьма древние элементы, характерные для башкир центральных районов и юга республики (косычки, *баш кейем* и пр.); напротив, в Курганской области прослеживаются элементы северо-восточного происхождения (браный холст, фартуки и пр.). Существующая близость Зауралья с соседними районами Башкирии объясняется не только этнически, но и географически — благодаря культурным и экономическим связям, установившимся и осуществлявшимся на протяжении последних веков.

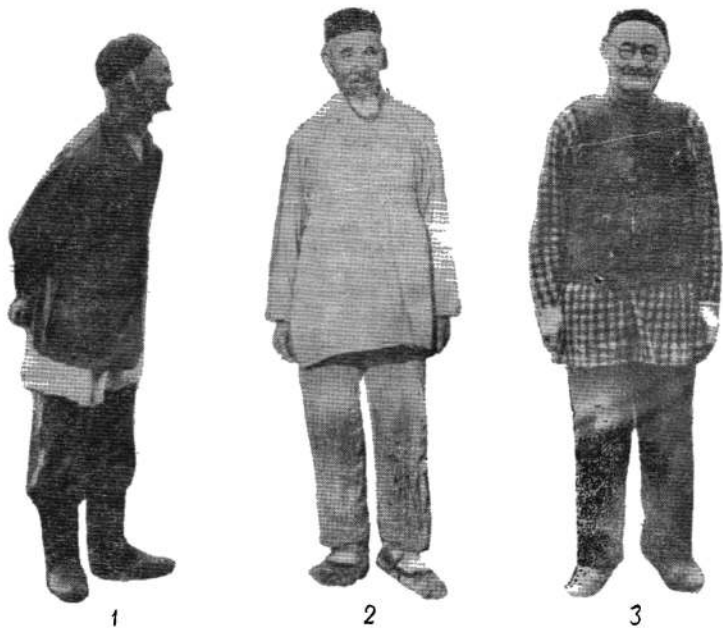
* * *

В костюмных комплексах башкир нашли отражение, с одной стороны, сложные этногенетические процессы, в которых в конце I — начале II тыс. принимали участие различные по происхождению племена и народы, с другой — особенности последующего историко-хозяйственного развития различных частей Башкирии.

В каждом выделенном районе запечатлены особенности культуры тех родоплеменных групп, которые сыграли решающую роль в формировании башкирского населения этой территории. Политическая и экономическая обособленность башкирских племенных союзов в начале II тыс. положила начало сложению культурных комплексов. Но из-за непрочности этих объединений, большой самостоятельности отдельных родов и племен, местные культурные особенности не смогли быстро нивелироваться.

Родоплеменные пережитки в быту башкир способствовали сохранению родовых особенностей и в более поздний период. В большой степени этим объясняется существовавшая в XIX в. пестрота в одежде населения даже в пределах небольшой территории, что значительно затрудняет выделение комплексов. Четких границ между комплексами нет. Лишь два из них, юго-восточный и северо-западный, крайне удаленные друг от друга, сформировавшиеся в различных природно-хозяйственных условиях и под активным воздействием разных этнических миров, наиболее своеобразны, в большей степени отличны друг от друга. Остальные, хотя и имеют свою специфику, как правило, включают черты соседних. Причем самаро-иргизский и в какой-то мере восточный (зауральский), сложившиеся позднее, являются непосредственным соединением элементов костюма тех территорий, с которыми связано их происхождение.

С ослаблением племенной и территориальной замкнутости, происходившим на протяжении средневековья и особенно в новое время, в связи с втягиванием Башкирии в сферу

Р и с. 39. Пожилые мужчины в повседневной одежде

1 — дер. Новобиккулово, Белебеевский район БАССР, 1963 г.; 2 — дер. Повобабичево, Кармаскалинский район БАССР, 1963 г.; 3 — дер. Янсаитово, Караидельский район БАССР, 1963 г.

торговли и капиталистического производства, наметилось сглаживание различий в культуре исторически образовавшихся комплексов. Еще в предреволюционное время получил толчок процесс национальной консолидации башкир, стал складываться единый народный костюм. Различия в одежде начала XX в. касались лишь отдельных элементов, деталей.

Последующий, советский период явился временем дальнейших преобразований народной одежды башкир; в результате местные особенности стали играть в ней менее заметную роль.

Глава II

СОВРЕМЕННАЯ ОДЕЖДА БАШКИР

РАЗВИТИЕ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ БАШКИР В ПОСЛЕОКтябрьский ПЕРИОД
(1917 — 1940 гг.)

Башкирская советская культура начала формироваться в сложной политической и экономической обстановке, сложившейся в крае в начале 20-х годов. На протяжении значительного периода гражданской войны (1918—1919 гг.) территория Башкирии была ареной воен-

ных действий; башкирское население подвергалось грабегам то со стороны казаков Дутова и армии Колчака, то отрядов местных националистов. После разгрома белых армий мирную жизнь Башкирии продолжали нарушать вспыхивавшие в различных частях республики кулацкие мятежи. Особая комиссия Совнаркома РСФСР по оказанию помощи башкирам, пострадавшим во время гражданской войны («Башкиропомощь»), зафиксировала огромные опустошения, вызванные длительной борьбой на территории республики: «Целые аулы и деревни сожжены, скот угнан, имущество отобрано и уничтожено. Эта беднота... жила в землянках и бочках, одевалась в рогожи, а иногда даже и этого не было. От голода тифа вымирали целые селения»⁷⁰. Уполномоченными «Башкиропомощи», обследовавшими около 100 тыс. башкирских дворов, наиболее разрушения были отмечены в Бурзян-Тангауровском, Дуван-Купчинском, Кипчак-Джиттировском, Табынском, Тамьян-Катайском и Юрматынском кантонах, т. е. в восточных и южных районах Башкирии. В отчетах «Башкиропомощи» содержится подробнейшие сведения о степени нуждаемости обследованных семей: «... Под открытым небом живет 7576 человек... нуждаются в одежде 139 155 человек, совершенно раздето 70 154 человек, а разуты 106 171 человек»⁷¹. В тяжелые годы борьбы большая часть башкир, испытав значительное ухудшение материального состояния, лишилась всего самого необходимого. Советская власть пришла на помощь молодой Башкирской республике. Для оказания помощи пострадавшим башкирским семьям Народным комиссариатом труда и социального обеспечения было ассигновано 150 млн. руб.⁷². Из центральных государственных запасов были выделены продукты, мануфактура, одежда, обувь. За период существования «Башкиропомощи» было распределено 600 тыс. аршин мануфактуры⁷³.

Как ни значительна была помощь центра, она не могла коренным образом выправить создавшееся положение. Наступивший в начале 20-х годов невиданный по своей силе голод — следствие неурожаев 1921 и 1922 гг. — окончательно подорвал экономикку крестьянских хозяйств. Особенно сильно он коснулся башкир тех районов, где население в недостаточной мере овладело навыками земледелия. В крайне тяжелом положении оказались башкиры горно-лесной зоны, главное занятие которых — лесные промыслы — в эти годы не приносило никаких доходов. Среди официальных документов — непосредственных свидетельств событий тех лет — немало таких, которые представляют интерес и с точки зрения нашей темы. «Среди бедствий, постигших население республики, — отмечает в отчете комиссия Наркомздрава после поездки ее членов по башкирским деревням в 1921 г., — видное место занимает острый недостаток одежды: комиссия видела случаи, когда целая семья забирается почти голая в бочки на то время, пока кому-либо из членов семьи надо пойти куда-либо по делу, и он натягивает на себя все, что есть потеплее у всей семьи»⁷⁴. Неурожай следующего года еще более ухудшил экономическое положение башкирского населения.

Трудные военные и послвоенные годы, наполненные лишениями и нуждой, не могли пройти, не оставив следа в жизни, в культуре народа.

Народная одежда этого периода являла собой довольно пеструю картину. Непривычные для башкирского быта вещи, присланные в качестве помощи голодающим башкирам из различных городов, одежда, выделенная из центральных складов и из запасов Красной Армии, сосуществовали рядом с традиционными формами, снова вызванными к жизни экономической необходимостью. Это был период возрождения связанных с изготовлением одежды домашних производств и промыслов там, где они были забыты, и расширения их в тех районах, где перед революцией они продолжали еще существовать. Прежняя одежда была из-

⁷⁰ Из доклада заместителя уполномоченного ВЦИК по «Башкиропомощи» А. Г. Дауага. — «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики». Сборник документов и материалов. Уфа, 1959, стр. 394.

⁷¹ «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики», стр. 394.

⁷² Там же, стр. 392.

⁷³ Там же, стр. 395—396; «X лет Советской Башкирии. 1919—1929 гг.». Материалы к юбилейному съезду Советов. Уфа, 1929, стр. 30.

⁷⁴ «Деревенская газета», 1921, № 44.

ношена или распродана; фабричную ткань достать было почти невозможно, да и купить ее было не на что. Поэтому из холста домашней выработки стали шить не только белье и платья, но во многих районах и теплую одежду. Домотканые платья, штаны, рубахи в эти годы носили все, начиная от детей и подростков и кончая людьми преклонного возраста. Покрой этих одежд был довольно разнообразен: пожилые люди использовали наиболее близкую им туникообразную форму — в платьях или рубахах, приталенную — в верхних халатах, пальто; молодые пытались перенести на домотканную новые фасоны, появившиеся в башкирской деревне перед революцией под влиянием города. Монеты, бисер, кораллы, как и вообще большая часть украшений, продавались или обменивались на продукты. Праздничный браый холст совершенно не изготовлялся. Одежда имела строгий, будничный вид.

В отдельных местах, где качество было забыто много десятилетий назад (в частности, в долине р. Ток), в это время широкое развитие получило вязание. Научившись у русских мастериц из соседних деревень, башкирки из шерстяной или хлопчатобумажной пряжи вязывали чулки, носки, варежки, платки, кофты⁷⁵.

Большое распространение получила обувь из наиболее доступного местного сырья — лыка; плетеные лыковые лапти носили не только в северных и западных районах, но и во многих аулах горного Урала, там, где прежде предпочитали кожаные башмаки. В этот же период прочное место в быту башкир заняла валяная обувь⁷⁶.

Развитие домашнего прядения, ткачества, вязания, кустарное изготовление обуви характеризуют не только 1918—1922 гг., но и последующее десятилетие. Статистические данные, относящиеся к экономическому развитию республики в 20-е годы, показывают, что в Башкирии на протяжении ряда лет после революции площадь, занятая техническими культурами, была значительно выше, чем в 1913 г., и продолжала увеличиваться вплоть до 1925 г.⁷⁷ И это было в то время, когда сельское хозяйство переживало упадок, а площадь под основными зерновыми культурами еще долго не могла достичь уровня последнего предвоенного года.

Не только косвенные, но и прямые документальные данные 20-х годов свидетельствуют о более активном развитии, а местами — и возрождении домашних промыслов. В ответах на анкеты, розсланные в 1924 г. по районам по инициативе Башнаркомпроса и Научного общества по изучению Башкирии, в графе «Домашние производства и промыслы, распространенные в районе» нередко значится: «Жители производят для себя холст». Здесь же часто упоминаются местные кожаные и сапожные производства⁷⁸. Сведения БашЦСУ по бюджетам крестьянских хозяйств Башкирской республики за 1924—1925 гг., составленные на основе выборочного описания хозяйств горно-лесных и степных районов, подтверждают не только развитие в башкирских деревнях домашних производств, но и указывают, что в некоторых семьях они превратились в промысловые занятия, дававшие дополнительный заработок. В сводках ЦСУ упоминается выполнение по заказу односельчан ткацких работ, вязание носков и варежек, шитье одежды, плетение лаптей, сапожное производство⁷⁹.

Вместе с тем уже в 1923 г., с нормализацией торговли в Башкирии, с налаживанием работы сельской потребкооперации, в башкирскую деревню начали проникать фабричные товары, в первую очередь, хлопчатобумажные ткани. Правда, их дороговизна, создаваемая большой разницей в ценах на продукты сельского хозяйства и промышленные товары (так называемые «ножницы цен»)*, поначалу сдерживала спрос на них. До середины 20-х годов

⁷⁵ Полевые записи 1963 г.

⁷⁶ Полевые записи 1962, 1963, 1965 гг.

⁷⁷ М. Г. Г а в р и л о в. Хозяйственные итоги. — «Хозяйство Башкирии» (Политико-экономический журнал), 1927—1928 гг., № 1—2.

⁷⁸ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 155. Сборник анкет по сборанию материалов для истории Башкирии, 1924 г.

⁷⁹ «Бюджеты крестьянских хозяйств Башреспублики за 1924—1925 гг.». Уфа, 1926, стр. 142—156.

* В 1924 г. стоимость 1 м ситца (в сравнении со стоимостью 1 фунта муки или ржи) была в 3—4 раза больше, чем в 1913 г. (М. Г. Г а в р и л о в. Хозяйственные итоги...).

в быту башкир прочно держалась одежда из тканей домашнего производства. Еще реже, чем мануфактура, население приобретало готовую одежду, фабричную обувь. Ниже публикуемые выборочные сведения о потреблении одежды, взятые из описаний бюджетов башкирских хозяйств в 1924—1925 гг.⁸⁰, подтверждают это (табл. 1).

Таблица, которая включает башкирское население различных природно-географических и хозяйственных зон, представляет общую картину народного потребления тканей и одежды по республике. Цифры говорят, что фабричные ткани меньше покупало население северных районов, где домашнее ткацкое производство и до революции, и после нее было наиболее развито; это избавляло башкирские семьи от острой необходимости приобретать в трудное время материал на стороне. Здесь же было принято изготовление дешевой, видимо, лыковой обуви. В большой зависимости от рынка находилось население Зауралья и юго-западной части Башкирии (Стерлитамакский кантон)⁸¹. Ткани, обувь покупали и южные башкиры. Готовая же одежда имела по всей республике незначительный спрос.

Восстановление промышленности, первые успехи экономики в стране дали государству возможность выравнивать цены, постепенно снизив стоимость товаров широкого потребления и подняв закупочные цены на продукты сельского хозяйства. Регулирование цен, с одной стороны, с другой — высокие урожаи 1925 г. и последующих лет значительно улучшили материальное состояние крестьянства, подняли его покупательную способность. Уже в 1926—1927 гг. общий покупательский фонд по республике, против предыдущего года, увеличился на 13,7 процента, а через два года возрос снова на 13 процентов (по сравнению с 1926/27 хозяйственным годом)⁸². Как показывает статистика, 75 процентов этой суммы составляли расходы населения на приобретение промышленных товаров широкого потребления⁸³. Среди них основное место занимали расходы на текстиль: 28,13 процента — в 1926/27 г., 29,6 — в 1927/28 г.⁸⁴. В расчете на душу населения потребление хлопчатобумажных тканей в 1926/27 г. равнялась 12,2 м, что намного превышало среднее личное потребление 1924/25 г. (см. табл. 1); в следующем, 1927/28 г. оно увеличилось до 14,1 м⁸⁵. Большим спросом начали пользоваться обувь и другие кожаные изделия: по удельному весу в общей реализации промышленных товаров в 1927/28 г. эти изделия стояли на 3 месте⁸⁵.

Легкая промышленность Башкирии, вплоть до 1928 г. отставшая от среднего уровня развития промышленности РСФСР, не могла полностью удовлетворить растущего спроса населения. И хотя в Башкирию завозилось немало товаров из других областей, не хватало ситца, кожаной и резиновой обуви, одежды, головных уборов. Вопрос об улучшении снабжения деревни товарами фабрично-заводского производства специально обсуждался на Второй сессии Башкирского Центрального Исполнительного Комитета Советов (1925 г.). Были приняты меры к увеличению на первых порах завоза в сельские районы Башкирии товаров из центральных областей. Уже в 1925 г. намечалось направить в деревню промышленных товаров на 50 млн. рублей. Одной мануфактуры планировалось послать 520 вагонов⁸⁶. Одновременно большое внимание было уделено развитию местной ремесленно-кустарной промышленности, особенно ее отраслей, связанных с изготовлением одежды и обуви. Из сельских кустарей-одиночек, путем объединения их в артели, в ближайшие годы были созданы десятки трикотажно-ткацких, вязальных, швейных, обувных коопераций. Кожевно-обувной промысел уже в 1927—1928 гг. стал одним из ведущих в республике. Полу-

⁸⁰ «Бюджеты крестьянских хозяйств Башреспублики за 1924—1925 гг.», стр. 178—186.

⁸¹ А также башкирское население в долине рек Ток и Большой Ирғиз. (Полевые записи 1963 г.).

⁸² «X лет Советской Башкирии. 1919—1929 гг.», стр. 281.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 282.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Газ. «Красный пахарь» (орган Башобкома РКП(б) и Всебашкирского Центрального Исполнительного Комитета Советов), 1925, № 27.

Выборочные сведения о потреблении башкирами одежды в 1924—1925 гг.

Место жительства	Фамилия главы семьи	Численность семьи	Обувь						Одежда			
			домашнего производства		готовила приобретённая		готовая на Сумы	домашние ткани		фабричные ткани		
			пар	на сумку	пар	на сумку		ор-пинн	на сумку	аршин	на сумку	
							пар					на сумку
Бирский кантон, Саринская вол., дер. Урлязы ¹	Ахметгаллен Исмаган Загратдинов Гайтудин	6	15	—	—	—	—	—	100	27—50	3	3—00
			6	4—00	—	—	—	1—00	60 *	15—00	16	10—60
Тамьян-Катайский кантон, Катайская вол., дер. Гадельшино ¹	Ханитов Абулла Шарифудинов Закирьян	4	—	—	—	—	—	—	15	4—50	25	13—25
			6	—	—	—	—	—	60	18—00	46	27—05
Тот же кантон, Салиховская вол., дер. Урликка ²	Тляубердин Гариф Ахтямов Сагид	3	3	0—45	2	11—50	16—50	25	6—25	11	6—75	
			3	2	3—42	—	—	40	8—00	11	5—85	
Аргаяшский кантон, Мухаметкулевская вол., дер. Кулсарино ⁴	Гайфуллин Мухамет Галин Халимулла	6	2	2—50	—	—	—	—	—	—	38	16—72
			5	—	—	—	6—50	40	12—00	55	39—40	
Там же, дер. Мустафино ⁵	Мухаметгаллен Хаббулла Юнусов Хайрулла	5	—	—	—	—	—	—	2.5	3—13	35	14—00
			5	2	4—10	—	—	—	—	—	29	13—40

¹ Дер. Урманьян Аргаяшского района БАССР.
² Дер. Бикшариф Урманьян Закирьянского района БАССР.
³ Дер. Гадельшино Бирского района БАССР.
⁴ Дер. Кулсарино Аргаяшского района Челябинской области.
⁵ Часть дер. Кулуево Аргаяшского района Челябинской области.

Место жительства	Фамилия главы семьи	Писанность семян	Обучь				Объект			
			домашнего производства		готовая приморет- ная		домашние типич		рабриные ткани	
			пар	на сумку	пар	на сумку	ар- шин	на сумку	аршин	на сумку
Стерлитамакский кантон, Азнаевская вол., дер. Байгузино ¹	Дусмухаметов Мин- нигаей Аллабердин Маль- бей	5 4	— 1	— 3—60	4 2	15—00 8—00	— —	— —	52 86	23—31 50—40
Месягутовский кантон, Ду- ван-Мечетинская вол., дер. Юсупово ²	Имбуллин Хисма- тулла Фахретдинов Нура- ахмет	4 8	— 15	6—00	30 —	9—00 —	150 40	37—30 12—00	— 42	— 23—25
Тот же кантон, Мурадар- ская вол., дер. Арсаул ³	Тухатуллин Сабир	16	4	11—20	5	1—10	50	12—50	30	14—80
Зияларский кантон, Бураян- ская вол., дер. Атиково ⁴	Хатмуллин Исхак Баймуратов Шагамет	8 5	20 —	3—00 —	— —	— —	85 20	22—80 6—00	13 31	8—20 28—35
Там же, дер. Байназарово ⁵	Наурузбаев Сагид	5	—	—	—	—	75	22—50	39	21—25
Там же, дер. Темирово ⁶	Яубасаров Мустафа Акназаров Зайнулла	3 5	— —	— —	1 —	3—90 —	15 32	4—50 9—60	9 15	5—00 9—20

- ¹ Дер. Байгузино Ишимбайского района БАССР.
² Дер. Юсупово Мечетинского района БАССР.
³ Дер. Арсаул Мурадарской волости Бураевского района БАССР.
⁴ Дер. Атиково Бураевского района БАССР.
⁵ Дер. Байназарово Бураевского района БАССР.
⁶ Дер. Темирово Бураевского района БАССР.

чило развитие совершенно новое для Башкир промышленное производство — пуховязание⁸⁷.

С 1928 г. началась реконструкция местных отраслей легкой промышленности. Согласно первому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР, в республике были значительно расширены и преобразованы все кожевенные предприятия. В первый же год пятилетки начал работать завод по обработке кож в г. Стерлитамаке. Вместо старого завода полукустарного типа в Уфе был построен новый кожевенный завод большой производственной мощности. В прежнем его помещении было открыто сравнительно крупное овчинно-шубное предприятие. В 1928—1929 гг. после переоборудования на основе новейшей техники возобновила производство Нижне-Троицкая суконная фабрика⁸⁸. В конце 20-х — начале 30-х годов вступили в строй Уфимская обувная фабрика и организованная на основе небольшой пошивочной мастерской швейная фабрика им. 8 Марта⁸⁹. Уже к концу первой пятилетки валовая продукция вновь открытых предприятий исчислялась в миллионах рублей⁹⁰. Это дало возможность наладить бесперебойное снабжение деревни одеждой, обувью и другими товарами фабрично-заводского производства.

Вместе с тем успешное проведение коллективизации в крае, повышение продуктивности по-новому организованного сельского хозяйства намного улучшили материальное положение башкирского крестьянства, повысив его покупательную способность. В 1933 г. сельское население республики в розничной продаже приобрело товаров на 254,5 млн. рублей; это уже более чем в 5 раз превысило покупательский фонд 1925—1926 гг.⁹¹. В дальнейшем покупательский фонд увеличивается из года в год. Розничный товароборот БАССР 1939 г., например, превышал товароборот 1932 г. в 3 раза⁹².

Вовлечение крестьян в колхозы имело и другую сторону: занятость в общественном производстве оставляла мало времени для домашних промыслов. В первую очередь стали исчезать наиболее трудоемкие из них. Постепенно потеряло свое прежнее значение ткачество. В середине 30-х годов им занималось башкирское население лишь в труднодоступных горных районах да кое-где на севере, сохранившем богатые традиции этого производства с давних времен. Но и здесь домашний холст редко использовался для изготовления одежды. В этом не было необходимости. Все нужные вещи можно было приобрести через организованные в деревнях потребительские кооперативы или в государственных магазинах в райцентрах и крупных населенных пунктах. Налаживание транспортных средств в Башкирии: постройка новых железнодорожных линий, шоссейных дорог, более полное использование водных путей — способствовало развитию торговли в крае. Товарооборот между городом и деревней рос год от года, захватывая все новые и новые районы республики.

* * *

Подъем материального благосостояния народа (следствие социальных преобразований и экономических успехов страны) — один из главных факторов, влиявших в послереволюционный период на формирование новых традиций в народном быту, в культуре башкир. Но не только это определяло соотношение нового и традиционного в башкирской деревне. Отмена эксплуатации человека человеком, изменение социальной структуры башкирской деревни, ликвидация эксплуататорских классов, уравнивание женщин в правах с мужчинами

⁸⁷ «X лет Советской Башкирии. 1919—1929 гг.», стр. 242, 244.

⁸⁸ Там же, стр. 205, 223.

⁸⁹ Б. Х. Ю л д а ш б а е в. Борьба за индустриализацию Башкирской АССР. — «Советская Башкирия. Исторические очерки». Уфа, 1957, стр. 187.

⁹⁰ «Социалистическое строительство Башкирии за пятнадцать лет». Экономико-статистический справочник. М., 1934, стр. 10—13, табл. № 3—4.

⁹¹ Там же, стр. 74, табл. 2.

⁹² Вычислено по статистическим материалам, представленным в ЦГА БАССР, ф. 804, оп. 2, д. 880, л. 45.

и втягивание их в общественно-производственную жизнь, повышение общего культурного уровня населения, все возрастающее по мере укрепления связи рабочего класса и крестьянства влияние городской среды, революционные взгляды отрядов башкирской интеллигенции — не менее важные обстоятельства, под влиянием которых складывалось общественное мировоззрение, с каждым годом все решительнее воздействовавшее на народный быт. Если развитие социалистической промышленности и сельского хозяйства, организация торговли, рост народного благосостояния, в частности, обеспеченность населения одеждой способствовали увеличению спроса на ткани и промышленные товары вообще, то распространение новых фасонов и видов одежды было подготовлено переменами во взглядах и вкусах, родившимися вслед за переменами в общественной идеологии. Создавалось новое отношение к старым традициям, появлялись требования к костюму, отвечающие духу времени. Каждый из вышеперечисленных факторов участвовал в процессе развития народной культуры по-разному. Результат одних обнаруживался уже в первые годы, другие действовали медленно, лишь постепенно меняя вкусы людей.

В 20—30-е годы в народном костюме башкир по сравнению с предреволюционным периодом произошло много изменений, но по существу далеко не все они были прогрессивными, а потому и долговечными. Выше уже говорилось о возрождении в широких масштабах почти забытого в ряде районов ткачества, наложившего отпечаток на одежду 20-х годов. Но как только отпала экономическая необходимость, шить одежду из домашних тканей перестали, а ткацкое производство сохранилось в дальнейшем как прикладной декоративно-художественный промысел. Случайными для башкирской деревни были некоторые виды одежды, присланные в годы разрухи и голода из других губерний России или приобретенные в годы знопа на городских рынках. Они исчезли, почти не оказав влияния на национальные формы. Рождение новых, современных традиций в одежде представляло собой длительный и подчас ирреверсивный процесс. Даже чуждый для советского строя отпечаток сословной принадлежности, являвшийся характерной особенностью одежды эксплуататорских обществ, исчез далеко не сразу. В начале и середине 20-х годов еще существовала громадная разница в одежде кулачества и остальных слоев деревни. В первое время она усугублялась войной и неурожаями 1921—1922 гг., последствия которых легли тяжелым бременем прежде всего на плечи народных масс. В то время как большинство населения дошло до крайней степени разорения, отдельные богатые башкирские семьи имели не только самое необходимое для существования, но и сумели приберечь запасы тканей, дорогих изделий, обуви, а подчас и драгоценности⁶⁸. В годы знопа эти богатства были вновь извлечены на свет. И какой же контраст представляли добротные, подчас щеголеватые костюмы мужчин и женщин из состоятельных семей по сравнению с едва прикрывавшими наготу изношенными до предела одеждою остальных односельчан! В последующие годы, пока башкирское кулачество и духовенство чувствовало свою силу, а крестьянские хозяйства не успели экономически окрепнуть, разница в костюме сельского населения, хотя и не настолько явная, как в предшествующий период, продолжала оставаться. Лишь рост общего жизненного уровня крестьянства во второй половине 20-х — начале 30-х годов, с одной стороны, с другой — ликвидация кулачества как класса выравнивали материальное положение башкирских семей, окончательно ликвидировали всякие различия во внешнем облике, связанных с неодинаковым имущественным положением в обществе.

Как говорилось выше, народная одежда башкир, по мере ликвидации замкнутой крестьянской хозяйства и обращения их к рынку, начала заметно преобразоваться задолго до революции. Это выражалось не только в использовании новых материалов, но и в изменении традиционных форм (покроя, силуэта, способов украшения) одежды. Большая роль в этом принадлежала городской культуре, влияние которой сказывалось, прежде всего, на одежде мужского населения, чаще выезжавшего за пределы деревни.

⁶⁸ «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики», стр. 387.

После революции мужской костюм претерпел еще более серьезные изменения. В бурные революционные годы многие башкиры сражались на фронтах гражданской войны, надолго сменив обычное штатское платье на военную форму. Но и вернувшись домой, бывшие бойцы не сняли армейских гимнастерок, шинелей и галифе, матросских бушлатов и тельняшек. Семьи бедствовали, одежды не хватало. К тому же боевая форма больше отвечала революционному настроению 20-х годов. Не случайно, износив солдатскую одежду, многие старались сшить себе или приобрести такую же или похожую на нее. Пожилая женщина Давлетова Зулейха из Кармаскалинского района БАССР, бывшая в 20-е годы общепризнанной портнихой в дер. Бишаулунгарово, вспоминает, что к ней часто обращались мужчины с просьбой сшить френч (глухую тужурку с отложным воротником и застежкой на пуговицах с нагрудными карманами с клапанами, с хлястиком на спинке), который был в то время самой распространенной одеждой мужчин молодых и средних лет во всей округе. Полувоенная форма (узкие брюки, стянутые ремнем гимнастерки и китель, высокие, до колен, сапоги, высокие фуражки) — наиболее характерная черта мужской одежды башкир после революционных лет. Подтянутость, собранность этого костюма стала настолько привычной для людей младшего и среднего поколения, что о возвращении к старому, традиционному наряду не могло быть и речи. Так и произошло, что многие башкиры, сняв национальную одежду в годы революции, никогда больше ее не надевали. Лишь старшие мужчины продолжали носить длинные широкие рубахи, штаны с широким шагом, длиннополые халаты. Для молодежи более подходящей сменой полувоенному костюму оказался впоследствии костюм городского покроя.

К восприятию элементов городской культуры башкирская деревня в какой-то мере была подготовлена уже предреволюционным экономическим развитием. Но по-настоящему сближение города и деревни началось лишь в социалистических условиях. Суть его была не только в тесной экономической взаимопомощи сельского хозяйства и промышленности, развивающихся теперь по единому плану. Связь городского и сельского населения стала многообразной. Благодаря все возрастающей по мере укрепления советского строя общности интересов, исчезла резкая грань между классом рабочих и классом крестьян. 20—30-е годы были периодом, когда вместе с ростом местной индустрии формировался и креп национальный рабочий класс. Правда, на первых порах, в годы послевоенной разрухи и безработицы, наблюдались массовые переезды имевших средств к существованию пролетарских семей в деревню. Но уже начиная с 1923 г. многие из них стали возвращаться в промышленность, увлекая за собой часть крестьянства. В 1928 г. число рабочих местных национальностей (башкир и татар) составляло 30 процентов к общему числу населения, занятого в фабрично-заводском производстве БАССР (против 21 процента в 1924 г.⁹⁴). Освоение в первой и второй пятилетках новых промышленных отраслей (особенно нефтедобывающей) вновь привлекло в промышленность тысячи башкир из сельской местности. Значительную роль в привлечении населения к занятиям промышленным трудом сыграли республиканские профессионально-технические школы и школы фабрично-заводского ученичества, производившие наборы учащихся непосредственно районах Башкирии⁹⁵.

Представители молодого рабочего класса республики, совсем недавно бывшие крестьянами, длительное время сохраняли тесную связь с родными местами. Восприняв необычный для них городской образ жизни, они являлись проводниками нового среди родственников и друзей, остававшихся в деревне. Без сомнения, под влиянием рабочих многие сельские башкиры — комсомольцы и общественники — стали носить закрытые рубахи-косоворотки, куртки или пиджаки, фуражки, ботинки, девушки — юбки, распашные блузы, косынки-пролетарки.

Не менее воздействующим на башкирское население, особенно на молодежь, являлся пример сельской интеллигенции. До революции образованных людей из башкир насчиты-

⁹⁴ «X лет Советской Башкирии. 1919—1929 гг.», стр. 217.

⁹⁵ Там же, стр. 354.

валось единицы. Теперь сотни юношей и девушек, выходцы из крестьянской среды, получив образование в рабфаках и техникумах, возвращались на работу в деревню, неся с собой новые взгляды на мир, новые вкусы. Выступая активными борцами за советский быт, они объявляли войну старому, реакционному. Их манера держаться, прическа, костюм звучали резким протестом против прежнего уклада. Их одежда была по существу подражанием костюму революционно настроенной интеллигенции города. Многие молодые врачи, учителя, работавшие в башкирских деревнях, в конце 20-х — начале 30-х годов носили узкие брюки навыпуск или заправленными в сапоги, белые сорочки, иногда с галстуком, строгие однобортные пиджаки из темной ткани, цветные кашне, кепки или фуражки. Но особенно необычной для векового уклада башкирской деревни была женская одежда. В одном из номеров Стерлитамакской газеты «Вперед!», посвященном борьбе за советскую власть в районе, есть любопытное воспоминание старейшей учительницы дер. Салихово Зухры Абдуллиной, башкирки родом из Мелеузовского района, о том, как она, окончив учительские курсы, в 20-х годах начала преподавать в сельской школе; в деревне она появилась в необычном для населения виде: в узкой и короткой черной юбке, белой кофточке, высоких ботинках, в берете, с коротко остриженными волосами⁹⁶.

Короткая прическа, берет, юбка и блузка или узкое платье — обычный наряд башкир-ки-активистки 20-х — начала 30-х годов. Однако в большинстве случаев этот наряд подчинялся некоторым, наиболее обязательным правилам, принятым в башкирском обществе: многие женщины, хотя и шили себе узкие в подоле платья и юбки, делали их, согласно общепринятым традициям, длиной до щиколоток, с длинными рукавами и наглухо закрытыми воротом. Даже в костюме передовой студенческой молодежи, более восприимчивой к новым фасонам, было заметно влияние некоторых традиционных форм. Многие девушки-студентки в конце 20-х — начале 30-х годов носили модные тогда в городе платья с пониженной до бедер линией талии и напуском над ней или короткие (узкие или в складку) юбки с длинной блузой, собранной на бедрах на резинку; как правило, этот наряд оставлял закрытыми шею и руки (до запястья); с этой целью блузу или платье шили с длинным рукавом на манжете и высоким, часто стоячим воротником или дополняли шарфом, плотно облегающим шею.

Описанная новая одежда, особенно женская, появившаяся различными путями в башкирской деревне 20—30-х годов, в целом не стала тогда общераспространенным явлением. Это был костюм части башкирского общества. Новая форма слишком не соответствовала установленным веками общественным нормам. Ношение узких и коротких платьев, одежды новых фасонов, коротких причесок, отказ от тяжелых головных уборов и покрывал являлись не просто подражанием городской моде; это был своеобразный способ подчеркнуть новое положение женщины в обществе, ее самостоятельность, независимость от порабощающих традиционных устоев. Все это выглядело ново, непривычно и вызывало на первых порах активный протест со стороны старшего поколения, подогреваемый к тому же местным духовенством, и недоверчивость — со стороны значительной части самих женщин, находившихся еще во власти прошлого. Однако пример сельских активисток, с самого начала отбросивших прежние условности, без сомнения, оказал большое влияние на традиционный народный костюм, явившись своего рода направляющим толчком в его развитии. Под влиянием передовой интеллигенции сельское население в выборе новых форм культуры, в частности одежды, обратилось, прежде всего, к городскому быту.

Само по себе стремление к новому, значительно видоизменившее национальный костюм башкир в первые десятилетия XX в., по своей природе процесс объективный. В условиях оседлости, земледельческого или промыслового хозяйства, пришедших на смену традиционному скотоводству, прежняя башкирская одежда оказалась далеко не совершенной. Длинная и широкая, к тому же ничем не подпоясанная, она была мало приспособлена

⁹⁶ «Вперед!» (орган Стерлитамакского райкома КПСС, Стерлитамакского Совета депутатов трудящихся БАССР), 1963, № 45.

Р и с. 40. Мужчина в шубе, крытой тканью (дер. Ясантово, Карандельский район БАССР, 1963 г.).

к повседневной работе на пашне или в лесу. Этим отчасти и объясняется отказ населения от многих халатов и одежд национального покроя, прежде всего, мужчин молодых и средних лет, на плечах которых и лежали все полевые и прочие работы за пределами дома. Женщины же по-прежнему были заняты домашним хозяйством; их одежда в большей степени сохраняла традиционные формы.

Новые условия труда и быта, возникшие в результате объединения башкир после революции в большие производственные коллективы, стимулировали дальнейшее развитие повседневной одежды в том направлении, которое наместилось в начале века. Мужская традиционная нательная одежда и халаты были окончательно вытеснены вначале полувоенной формой, затем удобной одеждой фабричного производства; на смену военным френчам и галифе пришли брюки, сорочки, пиджаки или куртки, а в холодное время года — плащи, пальто, ватники. Появилась и более приспособленная к сельским условиям рабочая обувь: резиновые, керзовые или брезентовые сапоги, ботинки. Трактористы и другие механизаторы работали в комбинезонах.

Коренным образом менялось семейное и общественное положение женщин; расширился круг их забот и интересов, возростали их самостоятельность и активность. Эти перемены совершались постепенно, в постоянной упорной борьбе со старыми представлениями о неполноценности женщины, а отсюда — о их бесправном и приниженном положении в обществе. Низкий культурный уровень башкирок — следствие вековой кабалы и ограничения в правах, множество домашних обязанностей, отсутствие простейших навыков в заня-

Девушка в праздничном наряде. Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области. 1959 г.

Женщины в старинной одежде. Дер. Пабнуллино, Бурзянский район БАССР.

тнях земледелием тормозили вовлечение женщин в общественный труд. В конце 20-х годов в горно-лесных районах Башкирии в колхозном и совхозном производстве участвовало только 35 процентов трудоспособного женского населения; на остальной территории республики — лишь немногим больше⁹⁷. Некоторых успехов в вовлечении башкирских женщин в общественное производство (в мясо-молочные, птицеводческие и другие артели) достигла Комиссия по улучшению труда и быта женщин Востока, организованная в 1927 г. при Башкирском Центральном Исполнительном Комитете Советов⁹⁸. Но особенно возросла активность женского населения в 30-е годы — в период коллективизации башкирского сельского населения: многие женщины, вступив в колхозы, наравне с мужчинами стали участвовать в полевых работах, трудились на фермах, основывали различные промысловые артели. Не случайно, существенное изменение народной башкирской одежды вообще, женской в особенности, связано именно с этим периодом.

Традиционный костюм женщины, рассчитанный на малозаметное, замкнутое существование в кругу семьи, тщательно скрывал ее лицо и фигуру, стеснял движения. Он был мало приспособлен к разносторонней активной жизни и теперь тяготил женщину. Кроме того, связанные в прошлом только с домом, многие башкирки не имели теплой одежды и обуви.

Но одного приобщения к общественному труду было недостаточно для решительной ломки прежних обычаев. Чтобы отказаться от традиционных покрывал и одежды, которую носили десятки предшествующих поколений, осознать ее неудобство, надо было почувствовать себя новым человеком в новом обществе, освободиться от власти вековых привычек, поддерживаемых обычным правом и религией. Экономическое улучшение семейного положения женщины немало способствовало укреплению ее самосознания. Вместе с тем большую роль сыграло повышение культурного уровня башкирского населения, в том числе женщин, достигнутое в республике к началу 30-х годов. К 10-летию юбилею существования Башкирской советской республики в общеобразовательных школах обучалось 34,5 процента башкирских девочек⁹⁹. Если учесть особенности положения мусульманок до революции, эта цифра не покажется малозначимой. Среди учащихся-девушек профессиональных учебных заведений башкирки составляли 34 процента¹⁰⁰. Большие успехи в приобщении к грамоте женщин были достигнуты на протяжении 30-х годов. В этот период в Башкирии было осуществлено всеобщее обязательное начальное образование и с 1937/38 г. начался переход к семилетнему. Для взрослых были открыты школы и кружки ликбезов. Неграмотность среди взрослого населения была ликвидирована к 1940 г. Помимо обучения в общеобразовательных школах, сотни женщин получали знания и трудовые навыки на специально организованных для башкирок сельской местности животноводческих и полеводческих курсах, кружках по домоводству и пр. Эти завоевания культурной революции уже сами по себе явились свидетельством освобождения масс из-под влияния духовенства, всеми силами препятствовавшего обучению башкирок.

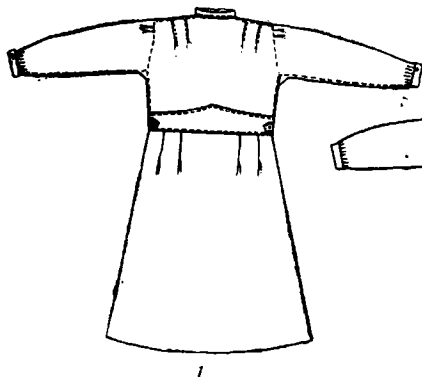
В большинстве случаев пережиточные явления сохранялись в семьях, еще находившихся под влиянием религии. Непокоримым законом в таких домах по-прежнему считалось затворничество женщин, избегание невесткой всех мужчин старше мужа. Вполне понятно, что неотъемлемой принадлежностью костюма молодых женщин в таких семьях в любое время года оставался громоздкий платок-покрывало; обязательными были скрывающие всю фигуру широкие и длинные платья. Старались сохранить прежний комплекс и остальные члены семьи, особенно старшие. При этом придерживались не только старых форм, но и традиционных покровов. Пример строгого соблюдения обычаев старины для наиболее отсталых в культурном отношении слоев деревни подавала часть реакционно настроенных элементов деревни: семьи бывших мулл, кулаков. Близкую к дореволюционной одежду в таких семьях

⁹⁷ «X лет Советской Башкирии. 1919—1929 гг.», стр. 422.

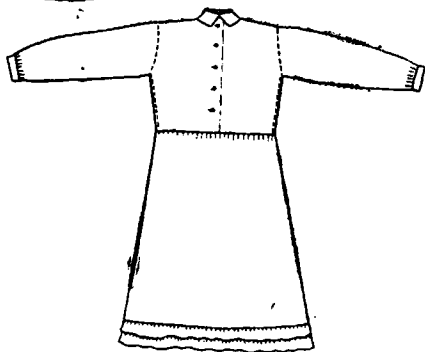
⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, стр. 361.

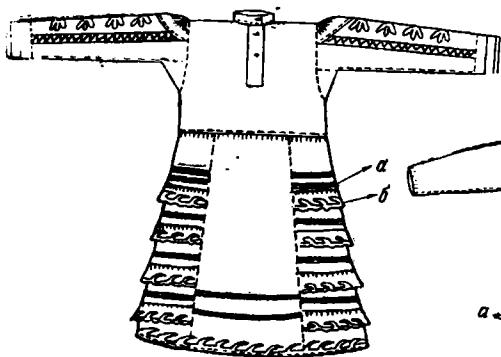
¹⁰⁰ Там же, стр. 421.

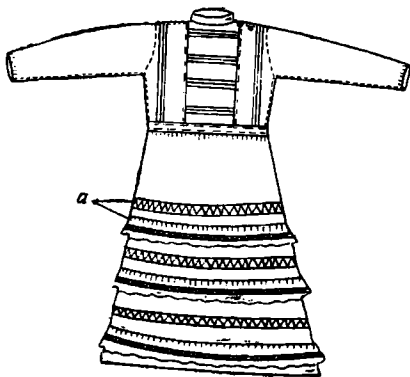
1

2

3

4

Р и с. 41. Покрой современных платьев с использованием традиционных способов кроя:

1 — дер. Чудраклы, Чишминский район БАССР, 1963 г.; 2 — дер. Кирласово, Абзелиловский район БАССР, 1962 г.; а — ленты;
 б — сутаж; 3 — праздничное платье, расшитое сутажем (дер. Арсланово, Назелетровский район Челябинской области, 1959 г.);
 4 — платье с лентами (дер. Темксоло, Баймакский район БАССР, 1962 г.).

Р и с. 42. Пожилые женщины в повседневной одежде:

1 — дер. Ибраево, Салаватский район БАССР, 1963 г.; 2 — дер. Ст. Мурадымово, Аургазинский район БАССР, 1963 г., 3 — дер. Байгузино, Перелобский район Саратовской области, 1963 г.

ях продолжали носить в 30-е годы даже в тех районах, где народная одежда в общем уже успела в значительной мере испытать влияние городской.

Совершенно противоположное явление наблюдалось среди населения, свободного от религиозных и националистических предрассудков, в среде, которой в большей степени коснулось веяние нового времени. Как правило, последнее тесным образом было связано с обучением грамоте, с занятиями в различных образовательных школах и кружках, с активным участием в культурной и общественной жизни села. Выше уже говорилось об одежде интеллигенции и активистов деревни этого периода. Нередко 35—45-летние люди сейчас вспоминают, что прежний традиционный костюм они носили лишь в детстве; отказ от него для них был связан с началом обучения в школе.

Отказ от старой формы одежды в целом не исключал ношения отдельных, порой довольно характерных ее элементов: обуви, головных уборов, одежды. Яркий национальный колорит сохраняла, например, одежда людей старшего поколения. По-прежнему были в быту обычные головные уборы, отдельные виды верхней одежды, камзолы, фартуки, некоторая обувь; но главное — одежду стариков отличала своеобразная манера ее ношения: неподпоясывание платьев и рубаш, повязывание платка «по-мусульмански» и пр. Некоторые традиционные черты отличали женский костюм, особенно предназначенный для торжественных

Р и с. 43. Девушка в современном праздничном наряде (дер. Арасланово, Нязепетровский район Челябинской области, 1959 г.).

населением. Подобно фабричным сорочкам, мужские рубашки стали шить с небольшим стоячим или полуотложным воротником, нагрудной планкой и застежкой на пуговице, с рукавами, собранными у запястья на манжеты. Используя фасоны покупной одежды, женщины шили платья с более узкой прямой или многоклинной юбкой, с верхом на полукруглой или прямой кокетке, украшенной новыми деталями: складками, оборками, отделкой из другого материала, пуговицами, бантами, галстуками. Все эти новшества, особенно необычные отделки, применялись, прежде всего, в платьях девочек-подростков и девушек, а вслед за этим большинство из них становились общепризнанной модой. Новые покрои, хотя и в меньшей степени, изменили и верхнюю одежду башкир. Халаты, зимние одежды (*биш-мат, көпө*) под влиянием фабричных стали шить с накладными карманами, хлястиком на спинке, двухсторонней застежкой, с отложным воротником и различной формы лацканами. Даже в наиболее стойкой обрядовой одежде успели найти отражение перемены, видоизменившие быт башкир. К примеру, обязательно считалось сохранение в приданом девушки традиционного покрывала невесты—платка или специального халата; исполнялся в определенное время свадебного торжества и обряд облачения невесты в одежду

случаев. Праздничные платья шили закрытыми и длинными, с подолом, украшенным оборками, лентами, аппликацией или вышивкой. Иногда в торжественные дни надевали сохранившиеся в некоторых семьях тяжелые от монет и прочих украшений нагрудники и головные уборы, тонкой ювелирной работы браслеты и перстни, расшитые шерстью и позументом халаты и камзолы, старинные сапоги и ичиги. Полностью традиционный костюмный комплекс и покрой сохраняла обрядовая одежда. И все же у большинства населения основное место в костюме занимали покупные вещи фабричного производства. В первую очередь, это была одежда, по своей форме близкая к традиционной: тюбетейки, соломенные или фетровые шляпы, сапоги, калоши, чувяки, мужские рубашки, пиджаки и пр. Вместе с ними пользовались спросом и совершенно новые виды одежды: кепки, шапки-ушанки, более короткие, чем халаты и шубы, осенние и зимние пальто, плащи, фуфайки, женские платья новых фасонов, трикотажные (шерстяные или хлопчатобумажные) кофты, чулки и другие готовые изделия, наиболее приспособленные к сельским бытовым условиям. Охотно приобретало население и разнообразную детскую одежду.

Новые вещи своеобразным сочетанием с традиционными заметно преобразили костюм башкир; в то же время они оказали большое влияние на ту одежду, которая изготовлялась самим

женщины; но срок пошения головного убора *килен* после замужества сократился в большинстве случаев до нескольких лет. В некоторых семьях обычай затворничества молодых женщин не соблюдался даже в таком виде.

Итак, развитие народной одежды башкир на протяжении более чем двух десятилетий после Октябрьской революции — процесс сложный. Окраску ему дала революционная действительность этих лет: он свершался под непосредственным влиянием преобразований в экономике, общественных взаимоотношениях и культуре в период свержения старого строя, строительства и победы социализма. Тесно связанный с современными ему процессами, он был неотделим от них и представлял одну из сторон формирования новой, социалистической культуры, нового быта. Факторы, оказавшие влияние на народный костюм в 20—30-е годы, взаимосвязаны, результат их воздействия — общий итог, в котором нелегко проследить отдельные моменты проявления каждого из них. Расчленив значение того или иного фактора в развитии одежды поэтому трудно.

Зависимый от социально-экономических условий народной быт испытал на себе многие противоречия, свойственные послереволюционному периоду. В народной одежде новое сосуществовало рядом с традиционным. Вместе с современными городскими модами уживались возрожденные старые формы. В разной степени менялась одежда различных поколений. Неодинаковы были и темпы развития: в 20-е годы существенные изменения произошли лишь в мужском костюме и только с конца 20-х — начала 30-х годов серьезные новшества коснулись одежды женщин. По-разному развивалась одежда по районам. Сразу же после революции изменения произошли в костюме населения тех территорий, где домашние производства были развиты незначительно; население этих мест (степи Оренбуржья и башкирского Зауралья, южные отроги Урала), в наибольшей степени испытывавшее тяжесть военной разрухи и голода, раньше других обратилось к фабрично-заводской продукции.

В целом послереволюционный период в развитии народной одежды башкир характеризуется направлением, суть которого заключается в ломке и отмирании старых национальных традиций, рождении новых; нельзя не отметить большое влияние на формирование последних городского быта. Эти процессы, наметившиеся в 20-е и утвердившиеся в 30-е годы, определили и весь последующий этап развития одежды башкир.

СОВРЕМЕННАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА БАШКИР (1942—1965 гг.)

Вытеснение старых форм одежды новыми на протяжении 30-х годов происходило постепенно, на первый взгляд, почти незаметно, но неуклонно из года в год.

Ровный темп развития народной одежды внезапно нарушили события, связанные с войной 1941—1945 гг. С первых же месяцев войны хозяйство Советского Союза стало перестраиваться на военный лад. Легкая промышленность резко сократила производство товаров широкого потребления. В Башкирии такие ведущие предприятия, как Уфимская швейная фабрика им. 8 Марта и обувная фабрика им. Ворошилова, полностью переключились на производство военной продукции. Произошло заметное свертывание розничной торговли. В 1943, самом тяжелом в экономическом отношении военном году, товаров широкого потребления в Башкирии было продано на 21 процент меньше, чем в 1941 г.¹⁰¹ Только в последний год войны выпуск и продажа товаров широкого потребления были несколько увеличены.

Недостаточная обеспеченность в военные годы населения одеждой была обусловлена не только свертыванием и сокращением ряда мирных производств. Вся экономическая жизнь страны была связана в единое целое. Материальные затруднения военного времени отразились, естественно, на бюджете каждой советской семьи. Впрочем, в первый год

¹⁰¹ Вычислено по данным ЦСУ БАССР, опубликованным в кн.: «Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР». Статистический сборник. Уфа, 1959, стр. 132.

войны недостаток товаров в торговой сети еще мало сказывался на одежде населения: выручали некоторые запасы прежних лет, донашивалось купленное в мирное время. В дальнейшем каждая семья вынуждена была изыскивать доступные ей возможности для приобретения самого необходимого из одежды. В этих условиях, вспомнив опыт старшего поколения, многие башкирские женщины вновь воскресили традиционные способы домашнего изготовления одежды. Даже в тех районах, где до войны этим не занимались, теперь вязали из овечьей шерсти чулки, носки, шали, шили зимнюю одежду из шкур домашних животных, плели лапти, делали валяную обувь, обувь с холщовыми или суконными голенищами (*сарык*). Некоторые мастерицы не только обеспечивали свою семью, но и выполняли заказы односельчан. Единственным видом домашних производств, почти не нашедшим распространения у башкир в эти годы, было ткачество. Лишь на севере Башкирии в отдельных семьях тканый холст производили для пошива одежды. Чаще случалось, что если одежду и шили из домотканнины, материал был заготовлен еще в 30-х годах или куплен на стороне. Объяснение этому надо искать, видимо, в трудоемкости процесса ткачества. Повседневная занятость в военные годы женщин в колхозном производстве не оставляла времени для подобного рода домашних работ. К тому же некоторый запас продуктов, заработанных на трудовни или полученных с приусадебного хозяйства, давал колхозникам преимущество перед горожанами. На рынках овощи и другие продукты можно было обменять на полотно, готовую одежду. Сшитые из наиболее доступного простынного полотна белые рубашки, платья и фартуки были распространенным явлением в башкирской деревне военных лет. Форму одежды старались сохранить прежнюю. Украшенные тесьмой или оборками платья традиционного покроя, камзолы, фартуки, ситцевые платки, привычная обувь (лапти, башмаки, *сарык*) были повседневной одеждой башкирок этого времени. В качестве зимней одежды гораздо шире, чем до войны, употреблялись ватные приталенные пальто собственного пошива. И все же довольно часто на женщинах и особенно на детях и подростках можно было увидеть случайную одежду самых разнообразных форм и фасонов.

Если говорить о том новом, что принесла с собой в повседневную жизнь война в более широком смысле, нельзя не учитывать, в первую очередь, громадных сдвигов в общественном мировоззрении, появившихся под влиянием тяжелых испытаний войны, в напряженной трудовой обстановке тыла. Эти сдвиги в основном и определили специфику народного быта 40-х годов.

Прежде всего в военные годы значительно укрепилось общественное положение женщин. Десятки башкирок встали во главе звеньев и бригад. Сотни — сели за штурвалы тракторов и комбайнов, заменив на самых трудных участках колхозного производства ушедших на фронт мужчин. Естественно, это не могло не повлиять на общее отношение к женщине, привело к признанию ее независимости, авторитета. Потому что, в частности, появление колхозниц-механизаторов в удобном, но непривычном для окружающих «мужском» рабочем костюме: ватных брюках и телогрейках или в комбинезонах — не вызвало особого осуждения даже в глазах наиболее консервативного старшего поколения.

В годы войны усилилось перемещение людей из села в город и обратно. В 1941—1942 гг. много колхозников перешло на городские предприятия, испытывавшие острую нужду в рабочей силе. Через несколько лет часть их вернулась; оставшиеся в городе башкиры по-прежнему поддерживали связь с родственниками на селе. Некоторые городские семьи, напротив, из-за материальных трудностей поселились у родных и знакомых в сельской местности. Тесное общение сельского населения и горожан подрывало привычные традиции, стирая резкую грань между национальным и интернациональным.

Война являлась школой воспитания интернациональных чувств. В борьбе с общим врагом каждая семья, каждый коллектив реально ощущали себя частью единого целого. К тому же, размещение эвакуированного из западных районов страны населения в деревнях Башкирии еще более усложнило национальную пестроту республики, вызвало активное взаи-

действие представителей разных народов в повседневном труде. А это, в свою очередь, ускорило распространение интернациональных форм.

В годы войны, как отмечалось выше, в башкирской деревне появилось много вещей, чуждых традиционной народной культуре. Событием большой важности явилось распространение женского рабочего костюма. Как и в 20-е годы, привычной стала мужская одежда военного образца: гимнастерки, брюки, шинели, телняшки, пилотки, шлемы и фуражки, солдатские ботинки и сапоги; их носили не только демобилизованные фронтовики, но и люди, далекие от военной службы — подростки, старики.

Однако в наиболее полной мере качественно новое, рожденное войной, проявилось впоследствии, и даже не столько в трудные послевоенные годы, когда деревня еще испытывала недостаток многих промышленных товаров, сколько в конце 40-х — начале 50-х годов, после восстановления разрушенного хозяйства и поднятия жизненного уровня народа. В этот период более четко определилось основное направление в развитии наций: сближение народной культуры с общегородской, сглаживание традиционных различий. Эти процессы, все более углубляющиеся по мере продвижения советского общества по пути к экономическому и культурному прогрессу, знаменуют весь послевоенный период, включая современность, и становятся явными год от года.

На протяжении последнего двадцатилетия новые черты в быту башкир, как и прежде, утверждаются, главным образом, через замену традиционного общераспространенным. В мирной жизни, одновременно с налаживанием экономики и подъемом жизненного уровня народа, произошло быстрое свертывание домашних производств. Уже к началу 50-х годов, за редким исключением, одежда из домотканнины ушла из башкирского деревенского быта. Местное население, подготовленное к этому всем предшествующим развитием, окончательно обратилось для удовлетворения своих нужд к рынку. Направление развития экономики страны: развитие индустрии и сельского хозяйства, рост денежных доходов колхозников, расширение производства товаров народного потребления, — полностью отвечали интересам широких масс.

Разрушенное войной народное хозяйство уже в течение первой пятилетки было не только полностью восстановлено, но и позволило превзойти довоенный объем промышленной продукции на 48 процентов¹⁰². Значительно было расширено производство предметов народного потребления: выпуск хлопчатобумажных тканей за 5 лет увеличился на 225 процентов, кожаной обуви — на 333 процента¹⁰³. В Башкирии с целью увеличения выпуска необходимых товаров были приняты меры к развитию местной промышленности, подведомственной Совету Министров БАССР, в том числе кооперативной.

В 1946—1950 гг. на территории республики были введены в действие 403 предприятия и цеха, освоены десятки новых изделий, налажено производство хлопчатобумажных тканей. Уже в конце 40-х — начале 50-х годов, дополняя общегосударственные производственные ресурсы, местная промышленность БАССР ежегодно давала различных товаров массового потребления (обуви, текстильных и трикотажных изделий и пр.) на сотни миллионов рублей. В целом в 1950 г. объем валовой продукции промышленности местного подчинения превысил довоенный уровень (1940 г.) на 57,4 процента¹⁰⁴.

В следующее десятилетие, в период дальнейшего подъема советской экономики, выпуск предметов массового потребления еще более возрос. С середины 50-х годов в СССР началось производство одежды с применением искусственных и синтетических материалов. Появились искусственные шелка, заменители шерстяных тканей, синскавшие вскоре всеобщее признание материалы из штапельного волокна, обувь из искусственной кожи. Новые изделия намного расширили ассортимент товаров, способствовали более полному удовлетворению растущих потребностей населения в одежде. Одновременно увеличился выпуск то-

¹⁰² П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 3. М., 1956, стр. 565.

¹⁰³ Вычислено по данным ЦСУ, приведенным в кн.: П. И. Лященко. Указ. соч., т. 3, стр. 585.

¹⁰⁴ «Советская Башкирия. Исторические очерки», стр. 330.

варов из натуральных материалов. В унисон с промышленностью страны поднималась и росла легкая промышленность Башкирии. За 15 послевоенных лет, по сравнению с 1940 г., производство хлопчатобумажных тканей в БАССР увеличилось в 40 раз, шерстяных тканей — в 3,3, чулочно-носочных изделий — в 10, бельевого трикотажа — в 28, кожаной обуви — в 6,5 раза¹⁰⁵. В 50-е годы в республике началось массовое производство резиновой обуви.

Большим событием в стране явился семилетний план развития народного хозяйства СССР (1959—1965 гг.). На основе преимущественного развития тяжелой индустрии был достигнут резкий подъем производства продуктов питания, одежды, обуви. Решающую роль в увеличении продуктов массового потребления сыграла химическая промышленность, в частности, отрасли, связанные с производством синтетических и искусственных волокон и других материалов. Большой вклад в развитие экономики страны, в том числе легкой промышленности, внесла Башкирия. Далеко за ее пределами расходуется продукция Уфимского хлопчатобумажного комбината, Уфимской, Стерлитамакской, Давлекановской и Октябрьской обувных фабрик, Бирской фабрики бельевого трикотажа, Уфимской и Салаватской фабрик верхнего трикотажа. Новые, дешевые и практичные материалы для легкой промышленности выпускает завод синтетических волокон в Уфе. Заслуженным одобрением среди населения пользуется продукция республиканской швейной фирмы «Мир», работающей в тесном контакте с творческим коллективом Уфимского дома моделей. Башкирские художники-прикладники и конструкторы, связанные с производством одежды, изучая местные традиции, создают образцы, близкие народному духу и в то же время вполне соответствующие общепринятым нормам.

Важным дополнением к продукции государственных фабрик и заводов являются изделия швейных и обувных кооперативных предприятий, открытых в городах, рабочих поселках и крупных селах Башкирии. К услугам некоторых из них (мастерских по изготовлению одежды и обуви, близких национальному духу: мягких сапог на каблучке, пошиву тюбетеек и других головных уборов) население обращается весьма охотно.

* * *

Расширение промышленного производства в СССР в послевоенный период сопровождалось ростом национального дохода, повышением благосостояния народа. Уже в течение четвертой пятилетки национальный доход СССР по сравнению с 1940 г. вырос на 64 процента; общая сумма доходов рабочих и служащих и доходов крестьян (зарплата и оплата трудной) увеличилась на 62 процента¹⁰⁶. В следующие 10 лет национальный доход увеличился более чем в 2 раза: вдвое возросли доходы в расчете на душу населения¹⁰⁷. Другими словами, за одно десятилетие материальные ресурсы СССР выросли на величину, для достижения которой потребовалось ранее более 30 лет. С 1961 по 1965 г. (включительно) национальный доход вновь увеличился на 33 процента¹⁰⁸.

Неизрывно связанное с возрастающими доходами населения из года в год растет народное потребление. Свидетельством тому являются развитие торговой сети, ежегодное увеличение объема розничного товарооборота. С 1941 по 1963 г. в сельской местности БАССР было открыто 1631 торговое предприятие, причем большая часть из этого числа — 1063 магазина и палатки — начали работу лишь в последнее десятилетие¹⁰⁹. Сейчас в сельских населенных пунктах Башкирии 6458 магазинов. Если учесть, что, согласно Всесоюзной

¹⁰⁵ Подсчитано на основании материалов, опубликованных в кн.: «Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР». Статистический сборник. Уфа, 1964, стр. 64.

¹⁰⁶ П. И. Лященко. Указ. соч., т. 3, стр. 596.

¹⁰⁷ П. Мстиславский. Подъем народного благосостояния — закон социализма. — «Коммунист», 1964, № 4.

¹⁰⁸ «Материалы XIII съезда КПСС». М., 1966, стр. 57.

¹⁰⁹ Вычислено по данным, опубликованным в кн.: «Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР», 1964, стр. 232.

переписи населения 1959 г., сельское население республики составляет 2060890 человек, а средняя численность семей на ее территории — 4,1 человека¹¹⁰, то 1 магазин призван обслуживать в настоящее время 70—80 семей. Практически обеспечение населения торговыми точками массового потребления происходит не всегда равномерно, хотя при размещении торговых точек численность жителей деревень, разумеется, учитывается. Обычно в райцентрах имеются универмаги и специализированные магазины по продаже одежды, обуви. В крупных населенных пунктах: центральных усадьбах и центрах отделений совхозов, колхозов — открыты магазины по продаже промышленных товаров (сельмаги). В остальных деревнях работают небольшие магазины и ларьки, где одежда продается наряду с продуктами. Обеспечение сельских магазинов происходит по их заявкам через поселковую и районную конторы потребкооперации. Заявки составляются продавцами магазинов, знающими требования и вкусы местных жителей. Более крупные сельские магазины (раймаги, сельмаги) по ассортименту товаров не отличаются от городских. В них имеется богатый выбор различных тканей, мужские и дамские зимние и демисезонные пальто, шубы, полушубки и тулупы, мужские костюмы, пиджаки, рубашки, женские платья, трикотажные кофты, всевозможное белье, чулки и носки, обувь, варежки, перчатки, теплые платки и летние косынки, шапки-ушанки и кепи, различные украшения; имеется специальная рабочая одежда (ватники, спецовки, комбинезоны, сапоги), одежда для занятий спортом (лыжные и гимнастические костюмы, спортивная обувь), школьные формы, одежда для детей и подростков. В крупных магазинах ассортимент товаров рассчитан на людей разных возрастов и разнообразных вкусов. Наряду с одеждой и тканями современных расцветок и форм (которые охотно покупает молодежь) имеются вещи, пользующиеся спросом старшего поколения: несколько старомодные свободные плащи и пальто, закрытые платья с длинными рукавами и удлиненным подолом, цветастые шали и платки, глубокие «узбекские» калоши. Мелкие магазины и лавки обеспечены промышленными товарами хуже. Нередко, чтобы купить необходимые вещи, приходится ехать в центральный усадьбу, расположенную иногда за несколько десятков километров, или в райцентр. Надо учитывать, что в условиях современной колхозной деревни, когда исчезли домашние производства, связанные с изготовлением одежды, кухонного инвентаря, с убранством жилища, торговая сеть стала единственным источником удовлетворения обширного круга бытовых нужд колхозников-башкир. Это обстоятельство, в совокупности с ежегодно увеличивающимися доходами и потребностями народных масс, и является главной причиной регулярного роста розничного товарооборота, какой мы наблюдаем в республике на протяжении всех послевоенных лет¹¹¹. Анализ структуры розничного товарооборота по интересующему нас профилю дает еще более красноречивый материал для выводов. Ниже приводится таблица, в которой в процентном отношении к общей сумме непроизводственных товаров отражена картина развития розничной торговли по основным видам одежды и обуви за последние 10—15 лет (табл. 2).

Как показывают цифры, закономерностью двух последних десятилетий является сокращение затрат населения на приобретение материалов, наряду с увеличением сумм, вложенных в покупку готовых фабричных изделий. Еще в 1953 г. в общей сумме реализации промышленных товаров, как и 25 лет назад, на первом месте стоял текстиль. В настоящее время первое место в объеме непроизводственного розничного товарооборота занимают швейные изделия; за 10 лет (1953—1963) их доля поднялась с 17,5 до 23 процентов. Произизоли изменения и в качественном отношении. В отличие от начала 50-х годов и тем более конца 20-х, население чаще и охотнее покупает шерстяные и шелковые материалы; выручка от их продажи в 1963 г. составляла 56,4 процента всей суммы, полученной от продажи тканей, против 26,4 процента в 1953 г. Доля хлопчатобумажных тканей, напротив, снизилась

¹¹⁰ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР». М., 1963, стр. 26 (табл. 5), стр. 447 (табл. 59).

¹¹¹ «Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР», 1964, стр. 224.

Структура розничного товарооборота тканей и одежды в БАССР за 1953—1963 гг.

(в % к сумме непродовольственных товаров) *

Товары	1953 г.	1958 г.	1963 г.
Все непродовольственные товары	100	100	100
Швейные изделия	17,5	19,8	23
Ткани (всех видов)	26,1	18,1	11,9
хлопчатобумажные	18,7	8,2	4,7
льняные	0,5	0,6	0,5
шелковые	3,6	5,7	3,9
шерстяные ткани и платки	3,3	3,6	2,8
Обувь (вся)	10,9	11,1	12,3
кожаная	5,7	6,8	7,1
текстильная и комбинированная	0,8	0,5	0,7
резиновая	0,9	3	3,5
валяная	3,5	0,8	1
Чулки и носки	2,3	2	2,1
Трикотажные изделия	3,2	3,9	4,3
Головные уборы	1,1	1	1
Вся одежда	61,1	55,9	54,6

* Таблица составлена на основании данных, опубликованных в кн.: «Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР», 1964, стр. 226. Прогнозный состав товарооборота по отдельным видам изделий подсчитан автором.

с 71,6 до 39,4 процента. Однако, если учесть низкую стоимость хлопчатобумажных тканей, то и эта цифра весьма внушительна.

Второе место в составе розничного товарооборота БАССР после швейных изделий занимает обувь (12,3 процента). Из года в год растет потребление населением кожаной обуви: туфель, ботинок, сапог. Широким спросом во многих районах республики пользуются резиновые сапоги и калоши — распространенная обувь в башкирской деревне в любое время года.

На третьем месте в объеме распродажи стоят ткани. Медленно, но постоянно растет спрос населения на трикотажные изделия.

Изучая состояние розничной торговли в Башкирии, можно отметить, что несмотря на общий рост сумм товарооборота, расходы населения на одежду постепенно снижаются. Это лишнее доказательство того, что потребности людей становятся более разнообразными.

* * *

Широкие слои населения, тесно связанные в наши дни с рынком, находятся в непосредственной зависимости от состояния хозяйства страны, от степени развития производства товаров массового потребления, от характера выпускаемой продукции. В свете этого изучение некоторых сторон экономики, наиболее приближенных к народному быту (легкой промышленности, торговли) имеет исключительное значение: оно дает представление об эпохе, о материальной жизни общества. Ознакомление с продукцией, выпускаемой легкой про-

Р и с. 44. Женщины в праздничных костюмах:

1 — дер. Ст. Акбулак, Ка, анзельский район БАССР, 1963 г.; 2 — дер. Кулканово, Гафурийский район БАССР, 1961 г.

мышленностью, анализ спроса населения на эту продукцию создают впечатление о современной народной одежде.

Однако продукция предприятий легкой промышленности страны отличается сходством форм и фасонов, поскольку бывает подчинена общим нормам, принятым в соответствии с господствующей модой: тем не менее каждая этническая группа, как бы широко она не пользовалась готовыми изделиями, продолжает сохранять свою национальную специфику в costume.

Для современной одежды того или иного народа характерно использование материалов привычных расцветок, традиционных рисунков; употребление одежды, наиболее близкой по покрою к привычной, национальной; определенное сочетание различных предметов одежды, характерный способ пошения их; применение, наряду с покупными, старинных одежд и украшений. Другими словами, специфика современной народной одежды — в степени использования вместе с общепринятым национального. По-настоящему изучить народный костюм, понять его можно лишь в глубокой связи со всем бытом, истоки его особенностей надо искать в истории.

В наши дни, как и много десятилетий назад, одежда сельского башкирского населения прочно сохраняет те черты, в основе которых лежат естественные биологические особенности человека: костюм находится в тесной зависимости от пола и возраста; хорошо приспособ-

Р и с. 45. Женщина в самотканной шали (дер. Телясово, Баймакский район БАССР, 1962 г.).

вающих заводов, пасек, для строительных рабочих. Приспособление сельской рабочей одежды к условиям труда, хотя и медленно, продолжается, совершенствуясь вместе с развитием конструирования одежды и дальнейшим разделением труда. В отличие от повседневной, стиль праздничной одежды, более консервативной в своем развитии, мало зависимой от образа жизни и занятий людей, определяется в основном возрастом человека и его мировоззрением или, конкретнее, большей или меньшей приверженностью его к традициям прошлого, степенью использования в одежде новшеств нашего века.

Впрочем более или менее удачное сочетание нового и традиционного, как было показано выше, характеризует в целом народную одежду башкир на протяжении, по крайней мере, ста лет. Но если относительно одежды прошлого, всего 20—30-летней давности, мы говорим о новом, появившемся в традиционном, то теперь речь идет о традициях, еще сохранившихся в современности.

!Мужскую одежду в башкирских семьях сейчас редко шьют сами. Как правило, все необходимое покупают в магазинах или заказывают в мастерских и ателье. Молодежь своим костюмом ничем не отличается от парней соседних русских, татарских, марийских и других деревень. В летнее время обычный наряд мужчин 20—30 лет — сорочка с длинным или коротким рукавом, брюки из плотной шерстяной или полушерстяной ткани, хлопчатобу-

лен к местным климатическим условиям (различается одежда для лета, прохладных дней весны и осени, суровых зимних холодов). Как и прежде, одежда для торжественных случаев (семейных и общественных празднеств, официальных и прочих выездов) отличается от одежды повседневной.

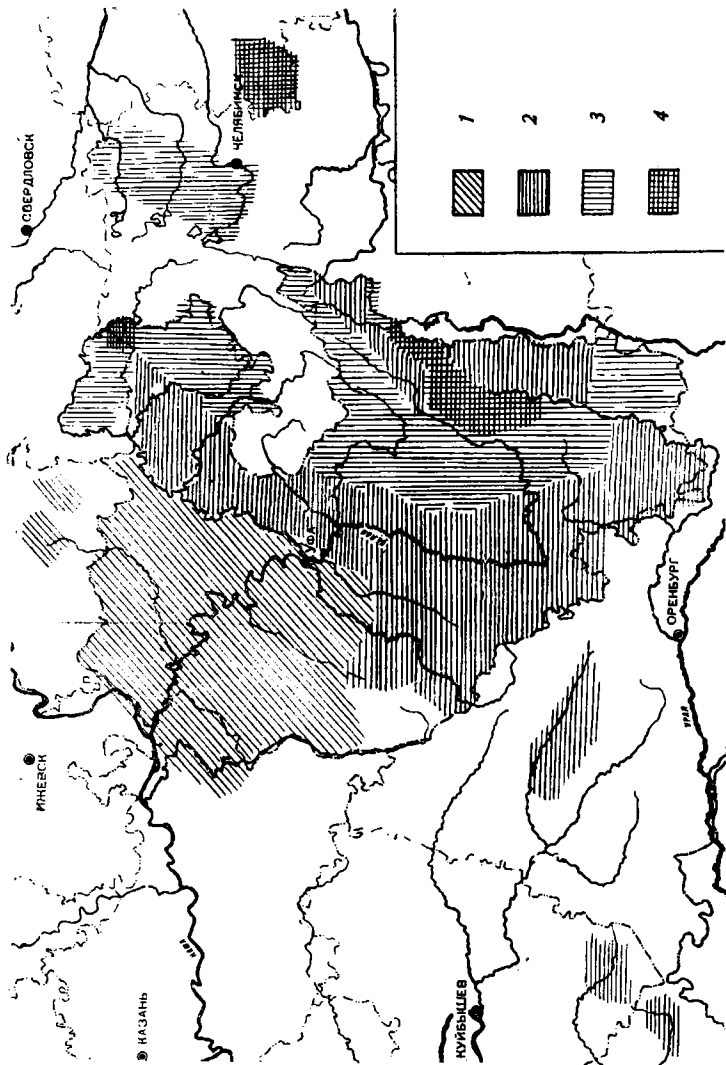
Однако в современных условиях, когда весь национальный костюм претерпел существенные изменения (изменился покрой одежды, способ декоративного оформления костюма, исчезли старинные украшения и головные уборы — наиболее верные признаки одежды различных по возрасту групп мужчин и женщин), возрастные, сезонные и прочие костюмные комплексы характеризуются иначе, чем в далеком прошлом. Сезонная одежда при современной достаточной обеспеченности семей, стала обязательной в гардеробе каждого человека, независимо от возраста и положения в семье; благодаря богатому выбору товаров в торговой сети она теперь более разнообразна и в большей мере приспособлена к колебаниям температуры. Социальный признак, самый характерный для национальной одежды в прошлом, перестал определять народный костюм башкир в прежней мере. Повседневная одежда различается сейчас лишь по роду занятий людей. В этом плане и идет дифференциация: наряду с привычной одеждой, появились специальные комплексы для механизаторов, рабочих ферм, молокоперерабатывающих заводов, пасек, для строительных рабочих.

мажные носки, туфли или сандалии. В прохладные дни поверх рубашек надевают куртки или пиджаки, а на голову — кепки. Люди постарше, лет 35—40, пиджак и кепи носят постоянно. Привычным для людей молодых и средних лет стало белье: майки, трусы. Многие из тех, кто работает на тракторах, комбайнах, машинах, в рабочее время носят комбинезоны, спецовки, брюки из плотных хлопчатобумажных тканей темных расцветок. В сырую дождливую погоду надевают непромокаемые плащи и резиновые или керзовые сапоги. Плащи и сапоги у большинства мужчин являются основной одеждой также весной и осенью. Демпсезонные пальто, не совсем удобные в рабочей обстановке, встречаются гораздо реже. В холода на смену плащу приходит ватник. Эта короткая утепленная и в то же время недорогая одежда оказалась незаменимой в условиях деревни. Зимнее пальто имеют все, но надевают его лишь в свободное время: вечером, собираясь в клуб, в воскресные дни, отправляясь в гости. Для дальних поездок в сельской местности служат овчинные короткие полубухи и просторные тулупы. Теплым головным убором повсеместно стала шапка-ушанка. Зимний наряд дополняют обычно самодельные валенки, вязанные из овечьей шерсти варежки или покупные меховые рукавицы.

Р и с. 46. Молодая замужняя женщина в традиционном головном уборе (дер. Карагулово, Салаватский район БАССР, 1963 г.).

Праздничный костюм бывает обычно из более дорогих тканей. Все мужчины, за исключением неженатых юношей, в торжественных случаях надевают полные костюмные пары (брюки, пиджаки) и покрывают голову кепкой или фуражкой. В то время как на работу могут надевать спортивные тапочки или кеды, праздничной обувью служат туфли, кожаные сандалии или хромовые сапоги. Галстуки в деревне носят редко; их можно увидеть в основном только на представителях интеллигенции и на студентах, приезжающих в деревню на каникулы. Учащаяся в городе молодежь, как и прежде, является проводником на селе различных новшеств: под ее влиянием в деревне появились суженные брюки, более узкая ортоносовая обувь, одежда из новых химических материалов (плащи, куртки и пр.). Это, впрочем, не мешает сохранению в некоторых местах довольно самобытных одежд: вышитых по вороту и планке праздничных рубах (на северо-востоке Башкирии, в Курганской области), ярко вышитых цветных тюбетеек (в Пермской, Курганской областях), кумачовых поясов-полотенцев (Курганская область). Обрядовые по своему назначению (свадебный подарок девушки жениху), они надеваются молодыми мужчинами в особо торжественные дни: на семейные праздники, на народные гуляния. Однако подобные проявления прежних традиций в наши дни чрезвычайно редки и потому кажутся необычными.

Р и с. 47. Карта-схема сохранения традиционных элементов в современной народной одежде башкир:
 1 — район наименьшего сохранения традиций (преимущественно в одежде женщин старше 60 лет); 2 — сохранение традиционного костюма женщины старше 40 лет; 3 — сохранение традиционного в одежде женщины старше 40 лет и в праздничном костюме женщины старше 25—30 лет; 4 — район наибольшего сохранения традиций (в одежде женщин всех возрастов).

Одежда людей старше 45 лет несет на себе более явные следы прошлого. Правда, мужчины в пределах 40—60 лет сейчас уже редко надевают одежду старого образца. Обычно, как и остальные, они носят фабричного производства брюки, пиджаки и рубашки, головные уборы и обувь. Но манера ношения выдает их национальную принадлежность. В отличие от молодых, пожилые люди носят рубаху навывпуск, не подпоясывая. Другой особенностью их костюма является традиционный головной убор: тюбетейка или шляпа с мягкой тульей и нависающими полями; с непокрытой головой в пожилом возрасте ходить не принято. Характерной обувью старшего поколения являются мягкие ичиги и глубокие или мелкие резиновые калоши; некоторые надевают калоши на шерстяные или хлопчатобумажные носки. Местами на севере Башкирии, как и прежде, рабочей обувью в пору сенокоса служат лапти.

В костюме глубоких стариков, особенно приверженцев в прошлом религиозного культа, еще больше остатков старины. У некоторых из них одежда до сих пор шьется вручную; если же рубаху или халат шьют на машинке, подол и рукава обязательно подшивают иголкой. На рубахи употребляют белый холст, белый или в узкую полоску ситец и сатин. Их делают с отложным или стоячим воротником, с широким рукавом, вшитым, однако, по-новому — полукругом; нагрудный разрез прикрывают неширокой планкой, с застежкой на пуговицах. Штаны бывают из темной хлопчатобумажной ткани (сатин, байка, молескин и пр.) с широкими штанинами и прямоугольным средним полотнищем или на манер прежних *салбир* — со штанинами, соединяющимися под углом сверху; те и другие носят на вздержке. Некоторые старики поверх рубахи, как объясняют, из соображений тепла, надевают безрукавные камзолы или жилеты. В прохладные дни носят короткие приталенные халаты — *бишмат кэзэкей*. В торжественных случаях поверх них надевают более длинные, часто — прямоспинные, распашные халаты *елэн*, *бишмат*. Иногда на мужчинах преклонных лет можно увидеть по 3 халата; отличаются они друг от друга лишь длиной да формой ворота (нижний халат глухой, верхние — открытые, с шалевым воротником). Впрочем, с годами все чаще на смену этим древним одеждам приходят покупные плащи и пальто, которые, однако, уступая традициям, выбирают свободными и довольно длинными. Постоянный головной убор стариков — тюбетейка, поверх нее при выходе из дома надевают войлочную или фетровую шляпу (в северной половине БАССР) или меховую шапку; головной убор «для улицы» всегда висит в доме над входной дверью. Кепи и фуражки старики-башкиры не носят. Лишь шапка-ушанка потихоньку начала вытеснять традици-

Р и с. 48. Женщина в праздничном камзоле и нагруднике *амлизеу* (дер. Муракаево, Абзелиловский район БАССР, 1962 г.).

Р и с. 49. Девочка в традиционной одежде (дер. Верхнемамаево, Хайбуллинский район БАССР, 1958 г.).

них браслетов. Вместе с тем и в повседневной одежде заметно влияние традиций. Сильна, например, привычка в любую погоду носить чулки. Относительно женского костюма существуют и другие запреты и правила, оставшиеся от прошлого: замужняя женщина обычно не показывается на людях с непокрытой головой, осуждаются платья без рукавов, слишком узкая и короткая одежда, не поощряется применение косметики. Некоторые из этих запретов и правил живут до сих пор в силу того, что держатся не столько на пред-рассудках, сколько на соображении целесообразности. Узкие юбки и платья для работы в поле, тем более на сельскохозяйственных агрегатах, приспособлены, конечно, мало. Головной платок давно перестал тщательно укрывать женские волосы, но хорошо защищает голову в зной — от солнца, в непогоду — от холода и ветра. На большой территории Башкирии, даже там, где раньше не было принято, в последнее время получил распространение фартук. Его надевают, собираясь на работу, или дома, при выполнении хозяйственных дел. Теперь, когда он служит только практическим целям, он значительно упростился: иногда это лишь квадрат ткани с пришитыми к нему завязками. Другой элемент традиционного костюма — камзол — выходит из употребления. Вместо него для тепла надевают короткие жилеты или трикотажные кофты-безрукавки. Как правило, в тех случаях, когда привычки не оправдываются необходимостью, они все чаще нарушаются и

онную бурек. Обувь стариков (калоши, ичиги, валенки) ничем не отличается от обуви молодых мужчин, за исключением глубоких валяных калош (валенки без голенищ) — комнатной обуви преимущественно пожилых.

Праздничная одежда старших мужчин, мало занятых физическим трудом, почти не отличается от одежды повседневной. Обычно одну — две пары одежды, более новые, берегут для торжественных случаев, в то время как остальные носят постоянно.

Женская одежда консервативнее мужской: не только у глубоких старух, но и у людей среднего возраста, а подчас и у молодых сохраняется много черт прежнего национального костюма. И все же у женщин, как и у мужчин, костюм, связанный с активной трудовой деятельностью, основательно изменился. Речь идет прежде всего об одежде людей 17—45 лет, поскольку именно они, в первую очередь, заняты в общественном производстве. Обычный котом девушек и молодых женщин прост: трикотажное белье, ситцевое или штапельное платье, легкий платок, туфли, тапочки или калоши. Современное платье, купленное в магазине или сшитое по выкройке из журналов мод, короче и намного уже традиционного. Повседневный костюм дополняют скромные украшения: маленькие серьги и нитка бус; не только утилитарное назначение выполняют

часы, которые носят теперь вместо прежних браслетов. Вместе с тем и в повседневной одежде заметно влияние традиций. Сильна, например, привычка в любую погоду носить чулки. Относительно женского костюма существуют и другие запреты и правила, оставшиеся от прошлого: замужняя женщина обычно не показывается на людях с непокрытой головой, осуждаются платья без рукавов, слишком узкая и короткая одежда, не поощряется применение косметики. Некоторые из этих запретов и правил живут до сих пор в силу того, что держатся не столько на пред-рассудках, сколько на соображении целесообразности. Узкие юбки и платья для работы в поле, тем более на сельскохозяйственных агрегатах, приспособлены, конечно, мало. Головной платок давно перестал тщательно укрывать женские волосы, но хорошо защищает голову в зной — от солнца, в непогоду — от холода и ветра. На большой территории Башкирии, даже там, где раньше не было принято, в последнее время получил распространение фартук. Его надевают, собираясь на работу, или дома, при выполнении хозяйственных дел. Теперь, когда он служит только практическим целям, он значительно упростился: иногда это лишь квадрат ткани с пришитыми к нему завязками. Другой элемент традиционного костюма — камзол — выходит из употребления. Вместо него для тепла надевают короткие жилеты или трикотажные кофты-безрукавки. Как правило, в тех случаях, когда привычки не оправдываются необходимостью, они все чаще нарушаются и

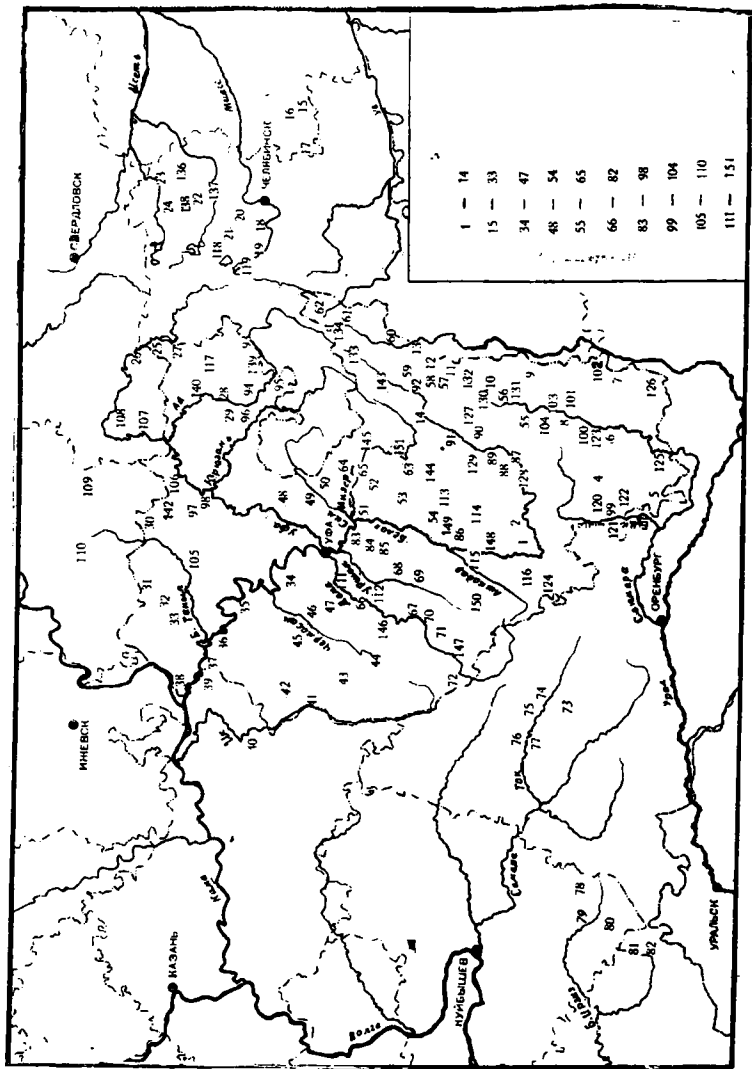
перестают быть традицией. В первую очередь, их ломает молодежь. Несмотря на очевидное недовольство старшего поколения, девушки в жаркое время все чаще появляются в открытых платьях, в обуви, надетой на носки или на босую ногу, делают короткие прически.

Новшества, неузнаваемо преобразившие народный костюм, оставляют, однако, место исключительным случаям сбережения некоторых традиций старины. В деревнях на юго-востоке Белорецкого и на севере Абзелиловского районов БАССР, в Курганской области в летнее время молодые женщины выходят на работу в бархатных камзолах, низ которых сплошь зашит монетами, с тяжелыми нагрудными украшениями, в ярких головных покрывалах. Нужно, впрочем, оговориться, что в этих местах национальная одежда вообще сохранилась в большей степени, чем в остальных районах.

Гораздо чаще случается, что традиционный костюм (старинный или сделанный по старым образцам) бережно хранится и надевается лишь в праздники. На сабантуи в Белокатайском районе Башкирской АССР и в Нязепетровском районе Челябинской области девушки и молодые женщины выходят в колоритных нарядах, оформленных весьма искусно в соответствии с традициями и индивидуальными вкусами владельцев. В одних случаях — это черное сатиновое платье с яркой полосой тамбурной или гладевой вышивки на подоле и рукавах, черный фартук, сплошь расшитый в стиле платья, маленький бархатный колпачок с узорами из белого бисера и блесток, яркий платок с бахромой, белые узорчатые чулки, кожаные сапожки или новые резиновые калоши. В других случаях платье шьют из кумачового, розового, сиреневого, синего, зеленого атласа со множеством защипов на подоле; тонально приближается к ткани платье фартук, тоже украшенный защипами. Иногда костюм состоит из однотонного ситцевого платья с лентами на подоле и белого фартука. На территории Бурзянского района и в некоторых населенных пунктах Башкирского Зауралья в праздничные дни на улицах деревни женщины показываются в платьях со множеством оборок по подолу, украшенных атласными лентами, в камзолах с нашитым на них позументом, монетами и серебряными бляхами, в цветных платках и шелковых шالях. В башкирских деревнях Курганской области молодые женщины на праздники надевают вышитые по подолу традиционный тамбурным или гладевым узором платья, голубые, зеленые и красные бархатные камзолы, тяжелые, сплошь зашитые бисером и монетами нагрудники, яркие красные платки-покрывала (*жигъяулык*). И все же эти примеры редки. Потому-то, поражая воображение, остаются подобные встречи в памяти, что на фоне современности они резко выделяются, кажутся необычными, исключительными. Это понимают и сами хранительницы традиций. Самобытный наряд надевают лишь в пределах своего района, для выездов же у каждой женщины имеются костюмы вполне городского покроя.

Р и с. 50. Молодая женщина в праздничном наряде (дер. Магадеево, Бурзянский район БАССР, 1963 г.).

Р и с. 51. Карта изученности башкирской народной одежды (название населенных пунктов см. в приложении к очерку).

Населенные пункты, обследованные: 1 — 14 — этнографической экспедицией 1958 г.; 15 — 33 — этнографической экспедицией 1960 г.; 34 — 47 — этнографической экспедицией 1960 г.; 48 — 54 — этнографической экспедицией 1961 г.; 55 — 65 — этнографической экспедицией 1962 г.; 66 — 82 — этнографической экспедицией 1963 г.; 83 — 98 — этнографической экспедицией 1963 г.; 99 — 104 — этнографической экспедицией 1965 г.; 105 — 110 — этнографической экспедицией 1965 г.; 111 — 151 — во время командировок, других поездок и пр.

Большинство девушек и молодых женщин в праздничные дни, как и в будни, одевается по-новому. Выходные платье делают из шелковых тканей, бархата, панбархата, шерсти; в последнее время, когда основное внимание стали уделять фасонам, наряду с дорогими материями, используют ситец, сатин, штапель. В тех случаях, когда платье шьют на заказ у местных портних или дома, фасон выбирают несложный: закрытый ворот, маленький отложный воротничок, разной длины (до запястья или до локтя) рукав, расклеванный подол. Фабричные платье покупают более сложного покроя, близкого к городской моде. Платье, шелковая косынка или платок, туфли на низком каблуке — в наши дни самый распространенный праздничный наряд молодых башкирок. У некоторых торжественным костюмом служит темная юбка и белая блузка — одежда, в прошлом нехарактерная для башкир. Праздничный костюм украшают серьги, бусы, кольца, броши. В прохладную погоду поверх платья надевают пиджак или шерстяную вязаную кофту.

Зимней одежды девушки и молодые женщины, как сказано выше, прежде не имели. Единственными теплыми вещами в любое время года у них были легкий халат и шаль. Теперь верхняя одежда молодого поколения, как правило — фабричного производства, весьма разнообразна. Весной и осенью — это чаще всего плащ, реже — демисезонное пальто; зимой на работе — ватник и ватные или лыжные брюки, в остальное время — зимнее пальто или теплый плюшевый жакет. Голову покрывают шерстяным или пуховым платком; носить шляпы до последнего времени в деревне не было принято; всего несколько лет, как появились зимние шапки и то преимущественно у сельской интеллигенции. Обувью в грязь служат резиновые сапоги, калоши, в холода — валенки, зимние ботинки, боты. Варежки или перчатки носят вязаные, своего изготовления или покупные.

По сравнению с молодыми, одежда женщин старшего поколения более самобытна, хотя в зависимости от возраста степень сохранения традиционного в ней неодинакова. Обычно чем старше человек, тем полнее он отражает в своем облике черты прошлой эпохи. Будничная одежда женщин 40—60 лет по общему виду приближается к одежде современной, повторяя в то же время в общих чертах прежний покроя; праздничный костюм их более близок к традиционному. Одежда старух (старше 60 лет), и будничная, и праздничная, почти полностью сохраняет национальную специфику.

Повседневная одежда пожилых женщин — трикотажное или своего шитья белье, закрытое темных расцветок платье (с длинным рукавом, закрытым воротом, небольшим стоячим или отложным воротником, с собранным по талии широким подолом), платок (повязанный то «по-мусульмански», то «по-русски», то косынка с узлом на затылке), чулки, шерстяные вязаные носки и калоши. В северной половине Башкирии и по р. Деме обязательной принадлежностью костюма, кроме того, является фартук. В прохладные дни носят трикотажные кофты, пиджаки или сшитые на образец камзола ватные душегрейки.

Старые женщины шьют платье из светлого в мелкий рисунок ситца или штапеля, широкие и длинные (до щиколоток), с широким рукавом, вшитым по-старинному под прямым углом, с нагрудным разрезом, закрытым планкой или, как в бытность, украшенным полукругом лент и тесьмы, с оборкой и лентами по низу подола. Под платьем некоторые старые башкирки продолжают носить трапециевидный нагрудник — *түшелдерек*. Натальной одеждой, кроме него, служат сатиновые штаны с широким шагом. Многие старухи и в наши дни носят бархатные, обшитые позументом камзолы. Платок повязывают традиционно, по-мусульмански, под него надевают стеганые сферические шапочки (*тупый, түбәтэй* — на северо-востоке Башкирии) или яркие, сложенные косынки и повязанные на лоб платки (*байбәзәс, балакәй яулык* — в Челябинской и Курганской областях, в Учалинском районе БАССР). Обычная обувь — шерстяные вязаные чулки и калоши.

В праздничные дни женщины 40—60 лет надевают платье из цветного штапеля или атласа, шерстяной или штапельный платок, сапоги из мягкой кожи или ичиги с калошами. Старые предпочитают штапель и ситец светлых тонов; в состав их праздничного костюма входит часто камзол, тонкий халат из среднеазиатского шелка *эдрәс*, бархата или черно-

го сатина на подкладке, традиционные украшения. Старые женщины в праздники вместе с вещами, сшитыми по старым образцам, надевают иногда старинные одежды, головные уборы и металлические украшения, в обычные дни бережно хранящие как память о их молодости. Иногда можно увидеть старух в халатах, обшитых красным сукном, позументом, аппликационными нашивками, монетами, в старинном тастаре, с косниками из бус и ажурных блях, с серебряными инкрустированными браслетами и кольцами, в украшенных аппликацией цветных ичигах. Однако в наши дни эти уникальные вещи становятся редкостью и с каждым годом все больше отходят в прошлое.

Много традиционного в верхней одежде пожилых женщин и особенно глубоких старух. Фабричные теплые пальто только недавно стали появляться и у старших по возрасту башкирок. Чаще они носят одежду, сшитую по-старинному: слегка приталенные тонкие *бишмат*, *елэн* и *казакей* или того же покроя ватные пальто (*бишмат*, *көпө*, *сырма*), бывшие у башкирок в употреблении еще до революции. Распространенной теплой одеждой у пожилых башкирок до сих пор являются тканые шерстяные шали (иногда их заменяют покупные клетчатые платки-пледы). Зимой носят вязаные варежки и валяную обувь своего изготовления.

Детской одежде сейчас уделяют большое внимание с самых первых месяцев жизни ребенка. Многие родители, вопреки старым обычаям, еще до его рождения готовят пеленки, распашонки, шапочки. Все это покупают в магазине или шьют сами по фабричным образцам. С тех пор, как ребенок начинает сидеть и активно двигаться, на него надевают штанишки, платьице или кофточку, теплые шерстяные носочки или башмачки. Ребенок в возрасте 1,5–2 лет, как и городские дети, имеет полный комплект одежды для каждого сезона. В отличие от прошлого, начиная с первого года жизни малыша родители заботятся о его теплой одежде: покупают пальто и теплую шапочку, приобретают валенки.

Большое обновление детского гардероба связано с поступлением ребенка в школу. С этих пор самой распространенной одеждой у девочек становятся форменное платье и фартук, у мальчиков — форменные брюки, гимнастерка или куртка. Иногда в обеспечении учеников одеждой активное участие принимает школа, предпринимая организованный закуп школьных форм в городах. Пионерская форма для девочек (темная юбка и кофта) в башкирских деревнях мало привилась, возможно потому, что в прошлом одежды в виде юбки башкиры не знали. Мальчики в торжественные дни охотно надевают темные брюки и белые рубашки. С занятиями в школе в большой мере связано появление детской спортивной формы (теннисок и шаровар, лыжных костюмов). В прохладные дни носят свитера, вязаные кофты, куртки, пиджаки.

Почти вся одежда детей, особенно старшего возраста, фабричного производства. Именно потому в ней меньше прослеживается традиционное. Лишь в мелочах (по длине платье в у девочек — ниже колен, по обычаю носить головные платки, шерстяные носки) угадывается прошлое. Больше всего привычного в одежде детей от 1 до 2—3 лет. На них можно увидеть то маленький камзол в форме лифа, украшенный бисером и монетами, то капор с гусиным пухом, цветными пуговицами и бусами, то рубашки туникообразного покроя, то с широким шагом штаны. Некоторые родители, вспоминая прошлое, по образцам своей молодости шьют одежду и для старших детей. В ней девочки показываются на общественных праздниках или выступают в составе школьных коллективов художественной самодеятельности. Но это не обычный наряд. Даже там, где костюм взрослых сохранил в себе много пережиточного, одежда детей в основной массе весьма современна.

* * *

Обрядовая одежда, тесно связанная с идеологией народа, меняется обычно медленно. В ней консервируются особенности всех предшествующих эпох. Казалось бы, и в современной башкирской одежде мы должны встретить нечто подобное. В целом, однако, это не так. Речь идет о свадебной одежде, поскольку у башкир понятие «обрядовая одежда» ограничи-

вается в основном ею. Современный свадебный обряд у башкир, сильно упростившись, лишь в самой общей форме имитирует старинную свадебную обрядность. Многие элементы из него выпали, оставшиеся давно утратили первоначальный смысл. В этом и заключается основная причина исчезновения прежнего свадебного костюма. Все участники брачного торжества, в том числе жених и невеста, одеваются так, как обычно на праздники. Во многих случаях у молодых одежда вполне современна: у жениха — костюм и белая рубашка, у невесты — праздничное платье, обычно из цветного шелка. О прежних особенностях свадебного обряда помнят только глубокие старухи да некоторые пожилые женщины. Лишь в отдельных районах детали прошлой обрядности дошли до наших дней, и то только потому, что они соответствуют современному эстетическим требованиям народа. На северо-востоке БАССР, в челябинском и курганском Зауралье существует обычай дарить будущему мужу рубашку, широкий тканевый пояс и тюбетейку, расшитые цветными нитками и бисером. Обычай дарить молодому мужу и свекру вышитые бархатные тюбетейки распространены сейчас также среди башкир Пермской области. Местами, особенно там, где праздничный костюм сохраняет много самобытного (в Курганской области, кое-где на юго-востоке Башкирии), красочен и ярок и свадебный костюм невесты. В Зауралье — это платье национального покроя, камзол, массивный нагрудник и покрывало (*кушъяулык*). В других местах поверх платья надевают легкие темные халаты с позументом (*елэн*), старинные украшения (браслеты, ожерелья, нагрудники).

Стал иным и костюм молодой замужней женщины. Выше говорилось о затворничестве женщин до революции, об одежде, призванной служить этим целям (платках-покрывалах, шальях, халатах-покрывалах). Современное семейное и общественное положение башкирской женщины резко отличается от прежнего. Многие девушки, начав трудиться после получения образования, ко времени замужества имеют уже прочное положение и заработка, которые в дальнейшем во многом определяют положение их в семье. Отношения в большинстве семей строятся сейчас на равноправии и взаимном уважении. В этих условиях не остается места для старого обычая избегания. К тому же халаты и покрывала, стесняющие движения крайне неудобны в современном быту. И хотя по традиции в некоторых районах Зауралья и на северо-востоке Башкирии девушки к свадьбе готовят платки (*кушъяулык*), исполнение древнего ритуала, да и то число номинальное, ограничивается лишь свадебным торжеством да несколькими неделями, в крайнем случае несколькими месяцами. Иногда традиционный головной убор замужней женщины надевают лишь в праздничные дни.

Более серьезным пережитком прошлого являются требования к невестке не покрываться с непокрытой головой, с открытыми руками и ногами. Этот обычай, ставший привычкой, до сих пор строго соблюдается во многих башкирских деревнях. Но последнее время и он начинает нарушаться.

* * *

В башкирской одежде XIX — начала XX вв. четко выделялись территориальные комплексы, каждый из которых, наряду с общенациональными чертами, характеризовали оригинальные украшения, головные уборы, определенные типы верхней одежды, обуви, детали кроя. Локальные особенности, сформировавшиеся в процессе сложения башкирской народной культуры, явились результатом взаимодействия различных племен и родовых групп. Связанные с глубокой историей, они являлись древними, а порой и архаичными элементами прошлого. В революционном процессе развития народной культуры на протяжении нашего века многое из специфичного в одежде было утрачено. Почти не сохранились старинные украшения, перестали носить распространённые в прошлом головные уборы, одежда фабричного производства почти полностью вытеснила традиционную, приблизилась к общепринятому покроя. Старое исчезло или исчезает на наших глазах. Во многих местах, где всего 10 лет назад женское население всех возрастов одевалось в традиционную одежду, теперь прошлое проявляется лишь в одежде старух. Новое, прочно утвердившееся в культуре башкир, не имеет районных отличий: оно общенародно, интер-

национально. О прошлых локальных различиях у башкир напоминают лишь одинокие островки самобытной культуры, в силу тех или иных обстоятельств сохранивших своеобразие. Выше говорилось о красочных праздничных и будничных нарядах молодых женщин на северо-востоке БАССР, в Курганской области, в некоторых горных районах Башкирии. В других местах то специфичное, что определяло прежде одежду того или иного района, теперь существует лишь в одежде пожилых женщин. В некоторых случаях традиционная верхняя одежда, головные уборы и украшения хранятся в сундуках, но чаще — традиционные местные отличия живут лишь в памяти старшего поколения да на выцветших семейных фотографиях начала XX в.

Костюмные комплексы и территория их распространения, выделенные путем картографирования элементов башкирского костюма конца прошлого века, спустя 50 лет стали предметом истории. Изучение современного костюма башкир, хотя и выявляет некоторую специфику одежды по районам, целостного представления об исторических территориальных комплексах дать уже не может. Если и приходится сейчас говорить о районных различиях в одежде, то принцип характеристики тех или иных районов уже иной: в основном это степень сохранения традиционного. Однако новый принцип выделения районов совершенно не связан с прежним. Границы новых территорий не соответствуют старым.

* * *

С вопросом традиционного в культуре народа тесно связан вопрос о факторах, влияющих на судьбу традиционного. Безусловно, различие одежды, в первую очередь, тесно связано с экономическим развитием страны. Выше было показано, как общий подъем экономики в послевоенные годы, рост народного благосостояния повысили обеспеченность колхозников-башкир всем необходимым, способствовали распространению новых материалов, обуви, одежды, в значительной мере вытеснивших привычные вещи старого образца. Однако экономический фактор, проявляющий свое действие на всей территории расселения башкир сам по себе не объясняет неодинаковую степень сохранения традиционного в различных районах и населенных пунктах. Чем объяснить, например, что в то время, как подавляющее большинство населения дер. Темясово (Баймакский район БАССР) одевается по-новому, в расположенной в 3 км от нее дер. Аминово и в других соседних пунктах все женщины, в том числе и молодежь, носят платье традиционного покроя, платки «помусульмански», шерстяные носки и калоши? Почему в горной части Башкирии национальная одежда сохранилась в большей степени в районе деревень Кагарманово — Кулгуна — Магадеево? Как получилось, что население Курганской области донесло до нас древнейшие черты башкирской культуры? От чего зависит, что в водных местах традиционное сохранилось в повседневном костюме, в других — даже праздничная одежда претерпела большие изменения?

Для объяснения этих и других вопросов необходимо обратиться к факторам иного порядка, связанных с экономикой лишь косвенно. В известной мере судьба традиционного в одежде зависит от культурного уровня людей. Чем образованнее человек, чем разнообразнее его связи с миром, тем большее воздействие внешние обстоятельства оказывают на формирование его привычек, взглядов, вкусов. Не случайно, что сельская интеллигенция и молодежь, окончившая школу, старается жить на новый лад, одевается современно. Сохранение традиции среди населения в целом в большой мере зависит от культурного облика деревни: от числа людей со средним и высшим образованием, организации культурной и общественной жизни на селе. Крупные деревни на юго-востоке Башкирии (Темясово, I Иткулово и др.), в прошлом волостные центры, а теперь производственные и культурные центры колхозов и совхозов, с большими школами, многочисленными кадрами культуротрафиков, активно действующими культурными учреждениями, в большинстве случаев в материнской культуре сохранили меньше традиционного; наоборот, в соседних небольших деревнях, с менее оживленной общественной жизнью, мы видим не-

сколько архаизированный быт с остатками старых обычаев и традиций. В отдельных мелких населенных пунктах, сохраняя традиционные порядки, большое влияние на семейный быт все еще оказывают некоторые старики — ревностные приверженцы мусульманства.

Большую роль в процессе развития современной культуры играет влияние города. Этот фактор, действие которого проявлялось еще до революции, в наши дни, когда связи деревни с городом стали многообразными и разносторонними, приобрел едва ли не решающее значение. Удаленность населенного пункта от промышленных центров, возможность связи с ними, с одной стороны, с другой — насколько эта возможность осуществляется (т. е. реально существующие связи с городом: связь с культурными очагами, с рынком, число обучающейся в городе молодежи, родственные связи и пр.) — эти обстоятельства в совокупности и каждое из них в отдельности во многом разрешают вопрос о степени сохранения в быту старых традиций. Консервативность в быту башкирского населения юго-восточных и особенно горных районов во многом объяснялась изолированностью этой части республики, отсутствием здесь больших транспортных магистралей. С постройкой железнодорожных линий Сибай — Магнитогорск, Белорецк — Магнитогорск, Учалы — Миасс, ряда автомобильных дорог, с открытием воздушного сообщения, с установлением связей местного населения с крупными промышленными городами, новое стало все решительнее вторгаться в жизнь этих районов. Например, в дер. Муракаево Абзелиловского района, где еще 8—10 лет назад культура сохраняла много архаичного, за последнее время, с момента постройки дороги из Магнитогорска на Белорецк (дер. Муракаево оказалась в 2 км от железнодорожной станции), жизнь стала намного оживленнее, а прошлые традиции, хотя и соблюдаются, перестали занимать ведущее место в быту населения. За 40 послереволюционных лет женская одежда, даже повседневная, перетерпела здесь незначительные изменения; за последнее же десятилетие одежда фабричного производства стала успешно конкурировать с традиционной: многие женщины на работу вместо длинных платьев, камзолы, тьяловесных украшений и больших платков-покрывал, стали надевать платья современного покроя и легкие платки; у всех женщины, кроме национального платья, для выездов в город имеются вполне современные костюмы, сшитые на городской лад.

В решении вопроса о судьбе традиционного большое значение имеют этнокультурные особенности каждого микрорайона или, конкретнее, то, насколько ярки были национальные традиции в культуре той или иной группы в прошлом. Женский костюм тех мест, где он долго сохраняется, как правило, всегда отличался яркостью одежд и украшений. В башкирских деревнях на севере Абзелиловского района, в деревнях Кулгана и Магадеево Бурзянского района, в дер. Кагарманово Белорецкого района женские платья поражают воображение множеством оборок и разноцветных лент на них, камзолы обращают на себя внимание сплошными блестящими рядами монет на груди и по низу.

Кроме вышеназванных факторов, для групп башкир за пределами республики немало важное значение имеет фактор изолированности их, конкретные условия отделения. Примеры показывают, что отрыв больших групп населения в ранние периоды истории, жизнь их в чуждом по языку и мировоззрению окружении ведет к длительной консервации этнических особенностей материальной культуры. Так случилось с башкирами Челябинской и особенно Курганской областей, где накануне XX в. был вполне сложившийся, общий для всех групп комплекс культуры, яркий и своеобразный. Этого не было у остальных, оторванных от основного массива групп башкир: в одних случаях (пермские, саратовские, куйбышевские, горьковские башкиры) это объясняется тем, что группы были слишком малочисленны и легче поддавались влиянию извне; в других (оренбургские, те же саратовские и куйбышевские башкиры) — тем, что переселение совершилось сравнительно поздно и происходило небольшими этническими группами, принесшими с собой с материка уже готовые комплексы культуры тех или иных этнографических районов; в третьих — сильным влиянием со стороны близких в культурном отношении народов (чаще татар), под которым оказались, к примеру, мензелинские и частично пермские башкиры.

Итак, в каждом отдельном случае проявления самобытного действует целый ряд причин и закономерностей. Каждый отдельный факт приходится рассматривать индивидуально, анализируя конкретные этнические, экономические и культурные особенности развития башкирских групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Башкирский костюм двух последних веков представлен нами в развитии. Народная одежда XIX в. заметно отличается от одежды предшествующего столетия; костюм наших дней мало похож на тот, что носили веком раньше. Каждая эпоха накладывала отпечаток на народный быт, на облик людей. Развитие одежды во второй половине XVIII—XIX вв. определялось изменениями в хозяйственном укладе башкир, особенно их втягиванием в товарно-денежные, а затем — и капиталистические отношения, переходом от скотоводства к земледелию. В конце XIX — начале XX вв. более активным стало общение с другими народами; усилилось влияние городской среды. В условиях советского строя круг факторов, влияющих на развитие национальной культуры, расширился. Большую силу приобрели интернациональные настроения, укрепление культурных связей с другими народами, повышение культурного уровня населения. Расширились связи деревни с городом. В то же время усилилось воздействие экономических факторов: экономики, торговли, возросшего уровня материального благосостояния. В соответствии с возрастающими темпами экономического и культурного развития народа все больше менялся народный костюм. Качественные изменения в нем постепенно переходили в качественные. С последним, советским, периодом связано формирование в башкирской одежде нового стиля.

Стиль — синтез взглядов и вкусов общества определенной эпохи, проявляющийся через прочно установившиеся привычки, обычаи, т. е. через традиции. Экономические и культурные преобразования в обществе влияют на общественное мнение, видоизменяют стиль; новые традиции при этом приходят на смену старым. Еще в начале XX в. в башкирском обществе, слабо вовлеченном в сферу капиталистического развития, несмотря на некоторые изменения в быту, господствовали прежние нормы и этикет. Лишь революционное преобразование общественной жизни в советское время послужило решающим толчком для переосмысления и перделки всех сторон культуры и быта народа. Этот процесс в большой мере затронул и башкирский костюм. Современную башкирскую одежду характеризует тесное переплетение нового и старого, видоизменение традиционных форм в духе их приближения к современному быту, вытеснение архаичного более удобным, целесообразным, стирание особенностей в одежде населения различных районов, широкое распространение под влиянием города элементов общеевропейского костюма. Однако еще не все в одежде наших дней совершенно, не всегда она соответствует особенностям сельского быта. Башкирский костюм XVIII — первой половины XIX вв., описанный И. Георги, П. Палласом, Н. Поповым, В. Черемшанским и другими исследователями, сложился в течение тысячелетия, современная же одежда башкир — результат развития, в сущности одного века, а больше всего — последних 50 лет. Многие из старого, традиционного, оказавшись неудобными в новых условиях, стало быстро отвергаться и предаться забвению. Новое, во многих случаях созданное не самим народом, привнесенное в деревню через торговлю, извне, не всегда близко и понятно башкирскому населению и потому не всегда удачно им используется. К тому же, наша легкая и художественная промышленность лишь на пути к разрешению проблемы максимального соответствия конструкции одежды условиям жизни и труда; большая часть ее продукции — это образцы, не рассчитанные специально на сельский быт. Поэтому некоторые вещи в костюме сельчан кажутся подчас непривычными, чужими. Башкирская народная одежда находится в развитии. Отсюда — некоторая незавершенность, незаконченность костюма. И все же относительно башкирской деревни уже можно говорить об определенном, едином типе одежды, для которого характерно сочетание вещей фабрич-

ного производства с наиболее удобными, практичными элементами из костюмных комплексов прошлого.

Башкирская одежда развивается в том же направлении, что и одежда других народов Советского Союза. Работы советских этнографов показывают, что особенно долго сохраняются те ее виды, появление которых было вызвано природными условиями, в частности, климатом. Так, у народов Севера в широком употреблении глухая меховая одежда, на дальневосточном побережье — непромокаемая одежда и обувь из шкур морских животных, в жарких пустынях Средней Азии — стеганые ватные халаты, в горных условиях Кавказа — легкие сапоги, короткие черкески и шерстяные папахи. У башкир до сих пор распространены некоторые виды зимней одежды: шубы, тулупы, шапки. Их носят даже те, кто в целом далек от соблюдения прежних традиций. Более того, башкирская меховая одежда, как и некоторые виды одежды других народов этой полосы, давно стала общераспространенной не только в Поволжье, но и по всей средней России, в областях со сходным климатом. В Башкирии, наряду с меховой прямоспинной одеждой старого образца, стали носить приталенные шубы, короткие полушубки, валенки, более характерные в прошлом для соседних народов. Впрочем, в последние десятилетия в Башкирии, как и на остальной территории, на смену меховой одежде приходит более дешевая, но не менее теплая для этих мест одежда на вате.

Более стойко держится традиционная художественно-эстетическая специфика одежды. В работе говорилось о сохранении лучших образцов народной одежды в качестве праздничного костюма, о дальнейшем развитии традиций его декоративно-художественного оформления. Более того. Особенности народной башкирской одежды определили колорит современной одежды не только сельского, но и многонационального городского населения Башкирии. Яркие насыщенные цвета (красный, оранжевый, синий, зеленый) отличают костюм местных горожан в любое время года.

Современную нам народную одежду нужно рассматривать как один из этапов формирования костюма будущего коммунистического общества. Судя по характеру развития, этот костюм вберет в себя все положительное, наиболее рациональное, высокохудожественное из национальной одежды каждого народа. Башкирская одежда — одно из небольших звеньев в общей цепи развития одежды на современном этапе.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, В КОТОРЫХ СОБИРАЛСЯ МАТЕРИАЛ ПО НАРОДНОЙ БАШКИРСКОЙ ОДЕЖДЕ*

Этнографическая экспедиция 1958 г.

1. Дер. Исламгулово, Мелеузовский район БАССР
Дер. Смаково, там же
Дер. Арсланово, там же
2. Дер. Нижне-Ташево, Юмагузинский район БАССР
3. Дер. Каскиново, Кугарчинский район БАССР
4. Дер. Ибраево, Зиданчуринский район БАССР
5. Дер. Иткулово, там же
Дер. Акдавлетово, там же
6. Дер. Юмагузино, Зилаирский район БАССР
Дер. Капзафарово, там же
7. Дер. Верхне-Исмакаево, Хайбуллинский район БАССР
8. Дер. I-Иткулово, Баймакский район БАССР
9. Дер. Кусеево, там же —
Дер. Халилово, Абзелиловский район БАССР

* Порядковые номера соответствуют нумерации на «Карте изученности башкирской народной одежды».

10. Дер. Ярлыкапово, там же
11. Дер. Аюсазово, там же
12. Дер. Баимово, там же
13. Дер. Москва, Учалинский район БАССР
Дер. Наурузово, там же
14. Дер. Верхне-Серменево, Белорецкий район БАССР

Этнографическая экспедиция 1959 г.

15. Дер. Аскарново, Альменевский район, Курганская область
16. Дер. Куйсан, Сафакулевский район, Курганская область
17. Дер. Большое Султаново, там же
18. Дер. Давлетбаево, Аргаяшский район, Челябинская область
19. Дер. Кулуево, там же
20. Дер. Метелево, там же
21. Дер. Ново-Соболево, там же
22. Дер. Сары, Кунашакский район, Челябинская область
23. Дер. Чокурово, Багарякский район, Челябинская область
24. Дер. Ямантау, Кунашакский район, Челябинская область
Дер. Колошбаево, там же
Дер. Забирово (Юлдашево), там же
25. Дер. Арасланово, Нязепетровский район, Челябинская область
26. Дер. Шокурово, Нососергневский район, Свердловская область
27. Дер. Кирикеево, Белокатайский район БАССР
Дер. Канпово, там же
Дер. Белянка, там же
28. Дер. Ясын, Мечетлинский район БАССР
Дер. Ново-Мещерово, там же
Дер. Гумерово, там же
29. Дер. Маржамгулово, Дуванский район БАССР
Дер. Мелькет, там же
Дер. Арнево, там же
30. Дер. Кшлау-Елга, Аскинский район БАССР
31. Дер. Верхне-Кудашево, Татышлинский район БАССР
32. Дер. Ямады, Янаульский район БАССР
33. Дер. Ваныш, Калтасинский район БАССР

Этнографическая экспедиция 1960 г.

34. Дер. Мамяково, Кушнарковский район БАССР
35. Дер. Старо-Баишево, Дюртюлинский район БАССР
36. Дер. Базитамак, Илишевский район БАССР
Дер. Большое Газеево, там же
37. Дер. Ново-Медведево, там же
38. Дер. Ново-Кабаново, Краснокамский район БАССР
Дер. Еней-Иткино, там же
39. Дер. Нижне-Гареево, Актанышский район ТАССР
Дер. Чалманарат, там же
40. Дер. Нижний Табын, Муслюмовский район ТАССР
Дер. Тамьян, там же
Дер. Меллетатамак, там же
41. Дер. Урманяево, Бакалинский район БАССР
42. Дер. Килькабызово, там же
43. Дер. Кандрыкуль, Туймазинский район БАССР
44. Дер. Кидрасово, Давлекановский район БАССР
Дер. Бурангулово, там же
45. Дер. Старо-Ахуново, Буздякский район БАССР
46. Дер. Санташ, Благоварский район БАССР
47. Дер. Старо-Гумерово, Кушнарковский район БАССР

Этнографическая экспедиция 1961 г.

48. Дер. Старо-Кулево, Нуримановский район БАССР
Дер. Старо-Исаево, там же
49. Дер. Тикеево, Иглинский район БАССР

- 50. Дер. Нижне-Темеза, там же
- 51. Дер. Тавакачево, Архангельский район БАССР
Дер. Абзаноно, Архангельский район БАССР
- 52. Дер. Ново-Терекла, там же
Дер. Муллакаево, там же
- 53. Дер. Имендяшево, Гафурийский район БАССР
Дер. Санктбаба, там же
Дер. Кулканово, там же
- 54. Дер. Ташбукан, там же

Этнографическая экспедиция 1962 г.

- 55. Дер. Амнино, Баймакский район БАССР
Дер. Темясово, там же
- 56. Дер. Кирдасово, Абзелиловский район БАССР
Дер. Баймурзино, там же
- 57. Дер. Ташбулатово, там же
- 58. Дер. Муракаево, там же
- 59. Дер. Казаккулово, Учалинский район БАССР
- 60. Дер. Ново-Байрамгулово, там же
Дер. Истамгулово, там же
- 61. Дер. Мало-Муйнаково, там же
- 62. Дер. Старо-Байрамгулово (Аушкулево), там же
Дер. Ялсыгулово, там же
- 63. Дер. Усмангали, Белорецкий район БАССР
- 64. Дер. Габдюково, там же
- 65. Дер. Азово, Архангельский район БАССР

Этнографическая экспедиция 1963 г. (I)

- 66. Дер. Чукраклы, Чишминский район БАССР
Дер. Старо-Япарово, Давлекановский район БАССР
- 67. Дер. Сарышево, там же
- 68. Дер. Турсугали, Стерлитамакский район БАССР
- 69. Дер. Старо-Мурадымово, там же
Дер. Валитово, там же
Дер. Абдуллино, там же
- 70. Дер. Ильчигулово, Альшеевский район БАССР
Дер. Ново-Ильчигулово, там же
- 71. Дер. Биккулово, там же
- 72. Дер. Канкаево, Бижбулякский район БАССР
Дер. Ново-Биккулово, там же
- 73. Дер. Старо-Гумерово, Новосергиевский район, Оренбургская область
Дер. Ново-Гумерово (Кутушево), там же
Дер. Кара-Яр, там же
- 74. Дер. Старо-Юлдашево, Сорочинский район, Оренбургская область
- 75. Дер. Нижне-Ильясово, там же
Дер. Средне-Ильясово, там же
- 76. Дер. Карьяпово, там же
- 77. Дер. Бахтиярово, там же
- 78. Дер. Муратшино, Большеглушицкий район, Куйбышевская область
Дер. Ташбулатово, там же
- 79. Дер. Утекеево (Бурзян), там же
- 80. Дер. Таллы (Каскиново), там же
- 81. Дер. Байгундино, Перелюбский район, Саратовская область
- 82. Дер. Кучумбетово, там же
Дер. Юлдашбаевка, там же

Этнографическая экспедиция 1963 г. (II)

- 83. Дер. Ибрагимово, Кармаскалинский район БАССР
Дер. Вишаулунгарово, там же
- 84. Кармаскалы, райцентр

85. Дер. Ново-Бабицево (Ташбаш), Кармаскавиянский район БАССР
Дер. Старо-Бабицево, там же
86. Дер. Салихово, Стерлитамакский район БАССР
87. Дер. Ишдавлево, Бурзянский район БАССР
Старо-Субхангулово, райцентр
88. Дер. Новомусятово, Бурзянский район БАССР
89. Дер. Куяново, там же
Дер. Байназарово, там же
90. Дер. Магадесво, там же
91. Дер. Кагарманово, Белорецкий район БАССР
92. Дер. Кубагушево, Учалинский район БАССР
93. Дер. Петрушкино, Куусинский район, Челябинская область
94. Дер. Ибраево, Салаватский район БАССР
95. Дер. Карагулово, там же
96. Дер. Мечетлино, там же
97. Дер. Старо-Акубяк, Карадельский район БАССР
98. Дер. Янсаитово, там же

Этнографическая экспедиция 1964 г.

99. Дер. Тазларово, Зиянчуринский район БАССР
Дер. Исянгулово, там же
100. Дер. Юмашево, Баймакский район БАССР
101. Дер. Акмурун, там же
102. Дер. Баншево, там же
Пос. Зилаирский, там же
103. Дер. Тавлыкеево, там же
Дер. Нижне-Яникбаево, там же
104. Дер. И-Иткулово, там же
Дер. Кульчурово, там же
Дер. Саитбатталово, там же

Этнографическая экспедиция 1965 г.

105. Дер. Сейтяково, Бураевский район БАССР
106. Дер. Кашкино, Аскинский район БАССР
Дер. Гумбино, там же
107. Дер. Сызги, Красноуфимский район, Свердловская область
108. Дер. Куяново, там же
Дер. Рахманкулово, там же
109. Дер. Карьево, Ордынский район, Пермская область
110. Дер. Султанай, Бардымский район, Пермская область
Дер. Сарашин, там же

Командировки н.п.р.

111. Дер. Кара-Якупово, Чишминский район БАССР
112. Дер. Алибаево, там же
113. Дер. Макарово, Стерлитамакский район БАССР
114. Дер. Азнаево, там же
Дер. Иткулово, там же
Дер. Уразбаево, там же
115. Дер. Аючево, там же
116. Дер. Сейтово, Федоровский район БАССР
Дер. Юрматы, там же
117. Дер. Ашаево, Белокатайский район БАССР
Дер. Мидятово, там же
118. Дер. Старо-Соболево, Аргаяшский район, Челябинская область
119. Дер. Яраткулово, там же
Дер. Халитово, там же
120. Дер. Башкирская Ургинка, Зиянчуринский район БАССР
121. Дер. Смак-Аюпово, там же
122. Дер. Кинзебулатово, там же
Дер. Байдавлево, там же

123. Дер. Юлдыбаево, Зилаирский район БАССР
 Дер. Кашкарово, там же
124. Дер. Ялсыжаево, Мелеузовский район БАССР
125. Дер. Азям, Хайбуллинский район БАССР
126. Дер. Гадалово, там же
127. Дер. Кулгуна, Бурзянский район БАССР
128. Дер. Кiekбаево, там же
129. Дер. Аскароро, там же
130. Дер. Рыскужино, Абзелиловский район БАССР
 - Дер. Казмашево, там же
131. Дер. Билалово, там же
132. Дер. Салаватово, там же
133. Дер. Байсакалово, Учалинский район БАССР
134. Дер. Бурангулово, там же
135. Дер. Байгазино, Аргаяшский район, Челябинская область
136. Дер. Кунакбаево, Кунашакский район, Челябинская область
137. Дер. Сабакты, там же
138. Дер. Суртаныш, там же
139. Дер. Идрисово, Салаватский район БАССР
140. Дер. Куршалино, Мечетлинский район БАССР
 Дер. Сулейманово, там же
141. Дер. Яныбаево, Белокатайский район БАССР
142. Дер. Кубиязы, Аскинский район БАССР
143. Дер. Кулушево, Учалинский район БАССР
 Дер. Махмутово, Белорецкий район БАССР
144. Дер. Худайбердино, там же
 Дер. Арышпарово, там же
145. Дер. Бриш, там же
146. Дер. Кармышево, Альшеевский район БАССР
 Дер. Ахуново, Давлекановский район БАССР
147. Дер. Азнаево, Бижбулякский район БАССР
 Дер. Сираштамак, Миякинский район БАССР
148. Дер. Термень-Елга, Ишимбайский район БАССР
149. Дер. Сайраново, там же
 Дер. Саргаево, там же
 Дер. Гумерово, там же
150. Дер. Муртазино, Стерлибашевский район БАССР
151. Дер. Хасаново, Белорецкий район БАССР
 Дер. Сафаргулово, там же

•

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

С Л О В А Р Ь

б а ш к и р с к и х т е р м и н о в

Настоящий словарь охватывает круг терминов, непосредственно связанных с башкирской народной одеждой. В словаре представлены не только общепринятые термины, но и встреченные диалектные варианты, при этом сохранены местные особенности в произношении. Написание слов соответствует башкирской орфографии. В тех случаях, когда элемент костюма — не общепринятое явление, а также в случае употребления местной терминологии, в скобках указана территория их распространения. Буквенные обозначения соответствуют выделенным в работе территориальным костюмным комплексам, цифровые — указывают номер по приложенному «Списку населенных пунктов...» (приложение 1); необходимость последнего продиктована диалектным многообразием или необычностью термина.

Принятые сокращенные обозначения комплексов:

- ю-в — юго-восточный
- ю-з — юго-западный (демский)
- сам.-ирг. — самаро-иргизский
- с-з — северо-западный
- с-в — северо-восточный
- инзер. — центральный (инзерский)
- заур. — восточный (зауральский)

- Аж калпак** (с-з, с-в — 96) — длинный белый колпак, вязаный или сшитый из холста, головной убор пожилых женщин. Вышел из употребления в XIX в.
- Аж туи** (с-з, с-в) — шуба из неокрашенной овчины.
- Алка** (с-з, ю-з, сам.-ирг., с-в, инзер., заур.) Серьги, обычно маленькие, круглые, без подвесок; на северо-западе этот термин относился и к серьгам с подвесками. 2 (с-з — 110). Шейное украшение из 2-3 рядов монет, нашитых на узкую полоску ткани.
- Алма изеу, алмизеу** (ю-в) — небольшой полуovalный нагрудник, сплошь зашитый вертикальными рядами монет. Обычно — девичье украшение, носится поверх платья или камзола.
- Алсепрэк** (с-в — 26, 107) — фарук.
- Альяпкыс** (альяпкыч — с-з) — наиболее распространенное среди башкир название для фарука, передника.
- Альялма** (заур. — 16) — см. альяпкыс.
- Ал ябыу** (109) — см. альяпкыс.
- Аркалык** 1 (с-з — 109, 110) Накосник, полоса ткани, зашитая двумя-тремя вертикальными рядами монет, с подвесками на конце; иногда в виде чехла, с подкладкой. 2 (с-в — 95). Широкий пояс у нагрудного женского украшения яга, сплошь зашитый мелкими монетами.
- Артты калпак** — женский колпак с полуovalной мягкой тульей, украшенной шерстяными кистями, иногда — вышивкой.
- Бала итэк, балайтэк, балитэк** — узкая оборка на подоле платья.
- Бала итэке кулдэк** — платье с оборками на подоле.
- Балак** — штанина.
- Балдак** — кольцо, женское наручное украшение.
- Баса туи** (ю-в, ю-з, сам.-ирг.), **басэ туи** (заур.) — женская шуба из лисьих лап, часто — свадебный подарок жениха матери невесты.
- Басжан калпак** (с-з — 31, 110) — см. артты калпак.
- Башай** (заур. — 18, 20) — женские праздничные сапоги с сукоными голенищами, украшенными цветной аппликацией, вышивкой, шерстяными кистями; см. ката (2).
- Баш бэйзэнес** (заур.) — небольшой, сложенный по диагонали платок красного или синего цвета, головная повязка.
- Башкейм** (заур.) — высокий головной убор из бисера, кораллов и монет, с околочными подвесками. Принадлежность костюма женщины. Вышел из употребления в XIX в.
- Башкизеу** (ю-в — 120, 122, 123, 125, 126) — см. алма изеу.
- Башлык** (сам.-ирг., ю-з, инзер., с-з), **баштык** (с-в, заур.) — детская шапочка в виде капора, украшенная шерстяными кистями, несколькими бусинами, монетами и раковинами-ушками (от «сглаза»).
- Башмак, күн башмак** (с-з, с-в) — кожаные туфли, иногда без задников.
- Бейзай** — рукавицы, варежки.
- Беззек, беззек** — браслет.
- Бесем ката** (инзер.) — кожаная обувь в виде башмаков с небольшим холщовым или суконным верхом, у женщин иногда — украшенным цветными поперечными полосками ткани.
- Бетеу** — талисман, амулет.
- Бизакле шэл** — цветастая шаль.
- Билбау, билгау** (с-в, ю-з, сам.-ирг.), **билмау** (ю-в), **билмау** (заур.) — шерстяной кушак или полотнообразный пояс, иногда украшенный вышивкой.
- Билле бишмэт** (ю-з — 83) — короткая расклешенная, с подрезом и сборкой в талии верхняя одежда.
- Билле туи** — полшубок.
- Бишмэт** 1. Легкая верхняя приталенная одежда на подкладке, у женщин — иногда (с-в) украшенная полосой позумента. 2. Распашная верхняя одежда, стеганая на вате. 3 (ю-в — 56, 57, 90, инзер. — 63, 91). Безрукавка, см. камзул.
- Бойөрөк** (ю-в) — нашивка из позумента по линии пояса на спине женского халата елэн.
- Бөркнечек** (с-з) — головное покрывало молодой женщины (*килеи*), одинарное или двойное.
- Буйнича** 1 (с-в — 107). Нагрудник с монетами и кораллами, женское украшение; см. яга. (с-з — 110). Перевязь, женское нагрудное украшение в виде полосы ткани, зашитой монетами и серебряными привесками; см. хоситэ, эмэйзек.
- Бүре туи** — шуба из волчьих шкур.
- Бүрк, бүрек** — меховая шапка.
- Бустау сәкмән** (ю-в, ю-з) — верхняя праздничная одежда из тонкого сукна.
- Буйма** (ю-в, ю-з, сам.-ирг.), **буйма** (заур.) — валенки; см. пима.
- Буйма калуш** — валенные калоши.
- Бышым** — холщовое голенище у обуви.
- Бышым** (местами — **бышымлы, бышымды, бышындап тегелгән**) ката (с-в) — кожаные башмаки с невысоким холщовым верхом; см. бесем ката.
- Бышымды** (бышымды) **кыйырақ** — обувь из шкуры лошади или жеребенка, мехом наружу, с небольшим холщовым верхом, затягивающимся вокруг ступни.

Байлам ойок — вязаные шерстяные чулки.
Балакэй калапак — маленький круглый колпачок с низким околышем и плоским верхом, головной убор девушек и молодых женщин, носится под платком.
Балакэй жулык (с-з) — платок-повязка, см. **баш бэйзэмес**.
Бэрнхап тун (с-з — 46, с-в — 29) — шуба из шкурок агнят.
Бэрн тун (с-з) — овчинная шуба.

Гэрэбэ (с-з — 110, с-в) — бусы из янтаря.

Дагалы итек — праздничные сапоги с подковками.

Дагалы ката — праздничные башмаки с подковками.

Дебет шэл — пуховая шаль.

Дуплы тун (с-з) — дубленая овчинная шуба.

Дугэт. 1 (с-з, ю-з). Перевязь, женское нагрудное украшение из 5—6 рядов монет, нашитых на ткань, надевается обычно с левого плеча под правую руку. см. **хэситэ. 2 (сам.-ирг.)** Мешочек, футляр для молитв и заклинаний, подвешивается под правой рукой к перевязи **хэситэ**.

Ебэк шэл — шелковый шалевый платок.

Елкалек. 1 (ю-в, сам.-ирг., заур.). Девичье затылочное украшение, обычно лопатообразное, реже прямоугольное (заур. — 93) или треугольное (сам.-ирг.); представляет собой кожаную или берестяную основу, обтянутую красной тканью и зашитую монетами и кораллами. **2 (ю-в — 55)**. Серебряная большая бляха со вставкой из камня или стекла, девичье затылочное украшение.

Елкаэмес (сам.-ирг. — 82, ю-в — 86) — см. **елкалек (1)**.

Елэм. 1 (ю-в, ю-з, сам.-ирг. заур., инзер.). Женская нарядная верхняя одежда из черного бархата на подкладке, украшенная позументом, вышивкой, кораллами, монетами. **2**. Мужская верхняя одежда из черной ткани, на подкладке, **жилэн (с-з)**.

Ец — рукав.

Жилетка — жилетка, короткая безрукавка.

Запул (с-в — 107, заур.) — см. **альяпкыс**.

Изеу. 1. Нагрудный разрез рубахи, **платье. 2**. Украшение платья в виде лент и позумента, нашитых вокруг нагрудного разреза. **3**. Женский полуovalный нагрудник из лент и позумента, носится поверх платья.

Инес — подкладка, подоплека у платья, платка-покрывала.

Ине тун (ю-в) — см. **баса тун**.

Инербау, унербау — плетеный шерстяной шнурок, которым завязывается ворот мужской рубахи.

Иньдэлек. 1 (заур.) Женский наспинник, зашитый кораллами, монетами, с кистями по низу; носится с нагрудником яга, скрепляясь с ним на плечах. **2 (ю-в — 58, 59, 91)** — см. **елкалек (1)**.

Иньлэк — булавка, заколка с ювелирными украшениями.

Итек — сапоги.

Итэк — подол.

Йелбэзэк — бусетки из цветного металла, нашиваются на одежду, головные уборы.

Йор тун — меховца короткая безрукавка.

Йезэк — перстень.

Йен билбау, йен биггау — шерстяной кушак, пояс.

Йен күдэк (ю-в) — платье из темной шерстяной ткани домашнего изготовления.

Йен ойок — вязаные шерстяные чулки.

Калуш, калуша — раньше кожаные, теперь — резиновые глубокие калоши.

Камзуа. 1. Обычно камзол, короткая приталенная безрукавка. **2 (ю-в — 58)** — приталенная верхняя одежда, длиной до колен, с рукавами. **3 (ю-в — 89)** — приталенная верхняя одежда, с рукавами до локтя.

Кейез итек (с-з — 43) — см. **быйма, пима**.

Кейез ката (с-з — 110) — см. **быйма калуш**.

Кейез ойок — войлочные чулки.

Керпек (с-в) — узкая оборка на груди платья или фартука.

Кескэй жулык (заур. — 17) — см. **баш бэйзэмес**.

Кешмир шэл — кашемировая шаль.

Кештэк — ластовица.

Киез шэл — хлопчатобумажный шалевый платок.

Кизермэ (ю-з — 69) — налобная лента, украшенная монетами, девичье украшение. См. **мацлайса (1)**.

Киндер ойок — холщовые чулки.

Кобэган салбар (ю-з) — стеганые теплые штаны; см. **фырыган салбар**.

Кодэлэра. 1. Войлочная шапка-башлык, закрывающая уши и шею. **2 (ю-в — 58, 86)** — детская шапочка-чепчик; см. **башлык**.

Көнгөрэ (с-з — 35) — богатая лисья шуба.

Көпө. 1 (ю-в, сам.-ирг., с-в, ю-з — 69). Верхняя теплая одежда, стеганая на вате или шерсти. 2 (ю-в — 58, иIZER. — 63. Шуба из овчин.

Күзөрдө ситек (сам.-ирг. — 81) — ичиги, украшенные цветной аппликацией.

Күзрәксә (күзрәчкә — с-з) — женская нагрудная повязка, носится под платком; см. түшедерек.

Күлдәк, күлмәк (күндәк — заур.) — женское платье, мужская рубаха.

Күн ката (с-з, ю-з, ю-в) — кожаные глубокие башмаки; см. ката (1).

Күн кәүеш, күн кәлуш (с-з, ю-з) — см. кәлуш, күн ката.

Күпмә (ю-з — 72) — стеганный халат из верблюжьей шерсти.

Күрпә (ю-в) — женская овчинная шуба, крытая тканью.

Кәзәкәй. 1 (ю-в, сам.-ирг., заур.) Верхняя приталенная одежда с длинным рукавом и стоячим воротником, у мужчин — до колен, у женщин — длиннее. 2 (ю-в — 58). Приталенная одежда с коротким рукавом.

Кәзәкәй сәкмән (ю-в), — кәзәкәй из шерстяной домотканнины.

Кәкәрсәк. 1 (ю-в) Узор в виде зигзага из тесьмы или лент, украшение на одежде. 2 (с-в). Оборка на грудке платья, фартука.

Кәләпүш (91, 108) — мужская тюбетейка.

Кәпәс (ю-в) — мужская шапка.

Кәүеш — см. күн кәүеш.

Кәшпә күлдәк (с-з) — нижняя женская рубаха; сорочка. См. әскә күлдәк.

Калпак. 1. Женский головной убор. См. ак калпак, артты калпак, бөләкәй калпак. 2 (сам.-ирг.) Головной убор детей с мягкой, свешивающейся тульей, украшенной кисточками. 3 (ю-в). Войлочная шляпа-колпак. 4 (иIZER. — 63). меховая шапка; см. бүрек.

Калын шәл — суконная шаль, плед.

Кама бүрек — шапка с околышем из меха выдры.

Камалы тун — шуба, отороченная мехом выдры.

Камсат бүрк — бобровая шапка.

Калкас (с-в) — здесь: планка, прикрывающая нагрудный разрез на платье.

Калтауыс, калтама (ю-в) — см. калкас.

Каптырма. 1. Пляжка-застежка у камзолов, у головного убора **кашмау**. 2 (с-з, ю-з). Шейное украшение в виде воротника с пляжкой-застежкой, к которой прикреплены длинные подвески.

Каразык. 1 (ю-в — 58, 60, 87, 89, иIZER. — 63, заур.— 93). Косник из цветной шерстяной тесьмы или плетеных шнуров. 2 (ю-в — 56, 57, 58, 90, иIZER. — 64, 65, 91). Косник из тесьмы с нашивками в ряд монетами.

Ката. 1. Глубокие кожаные башмаки на твердой подошве. 2 (заур.) Женская праздничная обувь с белыми суконными голенищами, украшенными ярким аппликационным узором; см. башай. 3 (ю-в — 56, 58, 90, 91). Мужская обувь с кожаными подборами, на каблук, с суконными голенищами.

Кашмау (ю-в, ю-з, сам.-ирг., иIZER.) — женский головной убор в виде шлема из кораллов и монет, с околушными подвесками и длинным наспинником из полосы красной ткани, зашитой кораллами, украшенной вышивкой, раковинами-ужовками и пр.

Кашука (с-в) — налобная лента или шнурок с позументом и бахромою, принадлежность костюма пожилых. См. уха чәчәк, укачук.

Койрок, кашмау койрого — наспинная лопасть у головного убора **кашмау**.

Куйтыр (заур. — 24) — нагольная шуба. См. тире тун.

Колагаяка (сам.-ирг. — 79) — см. алка.

Колаксух (заур. — 17) — околоушные подвески из бисера и плодов гвоздики у покрывала **кушьялык**.

Колак сулысы (с-з — 106) — серьги. См. алка, һырга (1).

Колакшан бүрек (с-з, с-в) — шапка-ушанка.

Колакты кәпәс (ю-в) — см. колакшан бүрек.

Колаксын. 1 (ю-в, ю-з, заур.) Малахай, мужской меховой головной убор, прикрывающий плечи и спину. 2 — см. колакшан бүрек.

Колакша сук (ю-з, заур. — 15) — околоушные подвески из кораллов и плодов гвоздики у головного убора **кашмау**; у детского колпачка; см. колаксух.

Корайыш (ю-в, сам.-ирг.) — меховая шапка; см. кәпәс.

Кортбаш, хортпаш (ю-в, сам.-ирг.), **кортмаш** (с-в, заур.) — раковины-ужовки, которые нашиваются на одежду, головные уборы от «слеза».

Кузалы итек, кузырлы итек (ю-з) — праздничные женские сапоги, украшенные цветной кожаной аппликацией и свиной проволочкой.

Кузалы ката, кузырлы ката (ю-з) — праздничные женские башмаки, украшенные цветной аппликацией, шерстяными кистями.

Кушьялык (заур., иIZER., с-в) — большое прямоугольное покрывало замужней женщины преимущественно красного цвета, из двух ситцевых «французских» платков.

Кызы тун (с-з) — праздничная женская шуба, крытая красным плюшем, бархатом.

Кыйыжка (с-з) — платок-покрывало старух, белого цвета.

Кыйырак (с-в) — см. бышымы кыйырак.

Девушка в праздничном наряде. Дер. Карьево, Ординский район Пермской области, 1965 г.

Девушка в праздничном наряде. Дер. Куйсан, Сафакулевский район Курганской области, 1959 г.

Тырма бурек — каракулевая шапка в форме цилиндра, сплюснутого с боков.
Тырпы бурек, **тырпыулы бурек** (ю-в) — меховая шапка с опушкой.
Тыршау — тесьма, ленты на подоле женского платья.
Тыршаулы күдәк (ю-в — 58, 60) — платье, украшенное по подолу разноцветными лентами.
Тыска туи — полушубок; см. **билде туи**.
Тытай (с-в, заур.) — бусины, крупные бусы. См. **төймә** (2).
Төмөр — ковровый или бархатный пояс, украшенный жемчугом, серебряными бляхами, драгоценными камнями.

Мамык — пух, вата.

Мамык калпак (ю-з — 105) — см. **ак калпак**.

Мамык шәл (ю-в — 58, 59) — см. **дебет шәл**.

Мангайса. 1. (с-з — 98) — девичья шапочка, зашитая монетами, с околушными подвесками. 2 (с-з — 97, 106) — головной убор девушек и молодых женщин в виде ободка, зашитого монетами; к нему прикрепляются околушные подвески.

Маңдайса. 1. (ю-з — 69) — лента с монетами, девичье налобное украшение, переходящее на затылке в косник; см. **кизермә**. 2 (ю-з — 72), **моғолайса** (ю-з — 70) — темная серебряная подвеска у хашмау, спускающаяся на лоб.

Мескен бурек (с-з) — дословно «бедная шапка», шапка из овчины, крытая тканью, без околыша и оторочки.

Муйса (с-в — 29, 95), **муйыса** (с-в — 27, 94) — женский трапециевидный нагрудник, сплошь зашитый рядами монет; надевается поверх камзола.

Муйыи тәңкәсе (с-з — 46) — тесьма с одним рядом монет, шейное украшение; см. **муйыса тәңкә**.

Муйыса. 1 (с-з — 41, 43, с-в — 93, 94), **муйыича** (с-з — 105) — ожерелье из монет. 2 (с-з — 40). Бусы; см. **мунсах** (2), **төймә** (2).

Муйыса тәңкә (с-в — 95) — ожерелье из одного ряда монет, нашитых на шнурок; см. **муйыи тәңкәсе**, **муйыса** (1).

Муйынесук (ю-в — 57, 58, 60) — ожерелье из кораллов.

Муйынтоп. 1 (с-з — 97, 98). Ожерелье из одного ряда монет; см. **муйыи тәңкәсе**, **муйыса** (1).

2 (с-з — 106). Небольшое лунообразное шейно-нагрудное украшение из нашитых на ткань монет; см. **эмәйзек** (1).

Мунсах. 1 (ю-з — 69, 83, ю-в — 86, 87, 90). Коралловое ожерелье; см. **муйынесук**, **мәрийен** (1). 2 (ю-в, ю-з, сам.-ирг.), **мунчак** (ю-з — 110) — бусы; бусины, нашитые на одежду; см. **төймә** (2).

Мәллә сәкәм — чекмень из грубого, толстого сукна.

Мәрийен. 1 (сам.-ирг., ю-з — 66, 83, ю-в — 87, 90). Кораллы; коралловое ожерелье. 2 (ю-з — 66), Налпечное украшение, сетка из кораллов, заканчивающаяся кисточками.

Мәрийен сук (заур.) — см. **мәрийен** (1), **муйынесук**.

Мәрийен аға (с-в — 95) — нагрудник из кораллов и монет; носится поверх платья или камзола; разновидность **яга**.

Ойок — чулки.

Ойок баш — носки.

Осло башлы кәпәс (ю-в — 124) — см. **колаксын**.

Өлкән жулык (сам.-ирг.) — цветастая шаль с кистями.

Өрфиә (с-в — 94) — пряжка с подвесками, украшение на камзоле, платье.

Өскө итәк (с-з, с-в, ю-з) — широкая оборка, пришитая на платье выше талии.

Пима (с-з — 46), **пыйма** (с-в, ю-з, низер.) — см. **быйма**.

Сабата (**чабата** — с-з) — лапти.

Сабата бауы — оборы.

Сабму — пола; боковой клин в одежде туинкообразного покроя.

Садьрья (с-з — 98) — жилетка.

Салбар — верхние штаны из плотной ткани; брюки, шаровары.

Салап (**чапан** — с-з) — шелковый цветной халат, принадлежность костюма состоятельных башкир, духовенства.

Сарык. 1 (заур., ю-в). Обувь из сыромятной кожи с суконными, иногда холщовыми голенищами; голенища женских **сарык** украшены цветной аппликацией. 2 (заур. — 24) — см. **хыйырак**.

Селтәр (ю-в, сам.-ирг.) — женское нагрудное украшение из коралловой сетки, нашитой на ткань, и прикрепленных поверх нее рядов монет и блях; внизу нагрудник имеет бахрому из бус и кораллов.

Ситек (**читек** — с-з) — мягкие сапоги, ичиги.

Суклы ката (ю-з) — праздничные башмаки, украшенные разноцветными шерстяными кистями.

Сулып. 1. Серебряные филигранные подвески со вставками из яшмы или другого камня. 2 (с-в, ю-з, сам.-ирг., заур.), **чуалы** (с-з) — косоплетка в виде шнурка с серебряными подвесками.

Сулып тәңкәсе (с-в) — шнурок-косник с подвесками из монет; см. **суалы** (2).

Сыба (с-з — 97, 106), **чыба** (с-з — 31, 109), **шыба** (с-з — 107, 108) — верхняя распашная одежда из дмотканого холста.

Сыбар быйма (ю-з) — валенки, украшенные по веру голенищ цветным (обычно красным) узором из валеной шерсти или суконной аппликации.

Сығанә (с-з — 97, 98) — околушные подвески из цепочек и монет к головному убору маңғайса.

Сылбар (чылбыр — с-з) — цепочки, нашитые на одежду в качестве украшения на одежде.

Сылгау (ю-в, ю-з, сам.-ирг., заур., инзер.), **чолгау** (с-з), **шылгау** (107, 110) — портянки.

Сылтырак (ю-в — 59) — косник с монетами.

Сылтыраклы балак, сылтыраклы беләзек — колыцо, браслет с привешенными к ним для звона монетами.

Сыйыр (ю-в) — см. **сылбыр**.

Сырма (с-з) — теплая верхняя одежда, стеганая на вате; см. **көпө**.

Сэйлән (с-з, ю-з) — бисер.

Сәкмән, сәккән (ю-в), **чикмән** (с-з) — чекмень; верхняя распахивающаяся одежда из домотканого или фабричного сукна. Женские белые сәкмән южных районов украшены красным сукном и вышивкой. Красочные женские сәкмән — праздничная одежда, принадлежность костюма невесты.

Сәмсәле ситек (ю-з, с-з) — ичги, украшенные аппликацией из разноцветной кожи.

Сәскал 1 (с-з). Накосное украшение; см. **аркалык** 1, 2 (ю-з). Наспинник, зашитый монетами, внизу с бахромою; носился с нагрудником сакал; см. **иңләк**.

Сәсмәу 1 (ю-в, сам.-ирг.). Косник из низок бус, заканчивается шерстяными цветными кистями. 2 (инзер., сам.-ирг. — 73, ю-в — 56, 57), **сәсбау** (заур. — 62) — косник-шнурок с монетами. См. **кара-лык** 2).

Сәсмәу тәңкәһе (93) — см. **сәсмәу** 2).

Сәс тәңкә (60, 83, 93, 95, сам.-ирг.) — косник с крупными монетами на конках.

Сәс үргес (93, 94), **сәс үрмес** (82, 86). 1. Косоплетка в виде цветной шерстяной тесьмы; см. **кара-лык** 1). 2 (ю-з) — см. **сәс тәңкә**. 3 (с-в — 95, сам.-ирг. — 79, 81, ю-з — 69, ю-в — 87, 89). Косник в виде тесьмы с нашитыми в ряд монетами.

Тақья 1 (ю-в — 55, 87, 91, 93; сам.-ирг. — 73, 78). Мужская тюбетейка; см. **түбәтәй** 1). 2 (ю-в — 58); Детская шапочка. 3 (с-з). Девичья шапочка, зашита монетами.

Тамак туи — шуба из грудок лисы.

Тамақса, тамақча — подбородная тесьма у покрывала **бөркәнчек**.

Тасма — ленты; см. **қыршау**.

Тасмалы күлдәк — платье, украшенное по подолу лентами.

Тастар — женское белое покрывало, головной убор преимущественно пожилых женщин.

Тире бүрек — овчинная шапка.

Тире кәпәс (ю-в) — см. **тире бүрек**.

Тире туи, тиртун — нагольная шуба.

Токсай калпак (72), **токсайы калпак** (заур. — 15, 17, 94). 1. Детский колпачок с мягкой тульей. 2. — см. **артгы калпак**.

Толоп — тулуп.

Төймә 1. Пуговицы. 2 (с-з, ю-з, сам.-ирг. — 74). Крупные бусы.

Төлкө бүрек — лисья шапка.

Төлкө туи — лисья шуба.

Төп — средняя, прямоугольная часть **ыштан**.

Тула — домотканое сукно.

Тула ойок — суконные чулки.

Тула салбар — верхние суконные штаны.

Туи — шуба.

Туний (107, 108) — см. **быйма калуш**.

Тупый 1 (инзер., ю-в — 57, 58, 59). меховая шапка. 2 (с-в). Стеганая шапочка пожилых женщин, надевается под платок.

Тупый калпак (105) — см. **бәлкәй калпак**.

Тупый аулык (95) — см. **баш бәйзәмес**.

Түбәтәй 1. Мужская тюбетейка. 2 (с-в — 25, 29, 107, 110). Небольшая женская шапочка, надевается пожилыми женщинами под платок.

Түшелдерек — женская нагрудная повязка; см. **күкрәксә**.

Түштек (с-в — 107, 109, 110) — тканевый женский нагрудник, украшенный лентами, позументом, кораллами; надевается на платье.

Тышлы туи — крытая тканью шуба.

Тышлыз толоп — нагольный тулуп.

Тәңкә (с-з — 34, 41, 46) — см. **сәс тәңкә**; монета.

Тәңкә сулпыны (86) — см. **сәс тәңкәһе**.

Тәңкәле калпак (110) — колпак, украшенный монетами.

Теркәмә (83, 85) — нагрудная перевязь; см. **хәситә, дәүәт** 1).

Тәүәт (инзер.) — см. **дәүәт** 1).

Ука — позумент.

Ука калпак — колпак, украшенный позументом.
Ука чэчэк (с-з) — см. каш ука, укачук.
Укалы бүрек (41) — стеганая бархатная шапка, украшенная позументом; подарок отца жениха невесте.

Укачук (108) — см. каш ука, ука чэчэк.
Урмес 1 (ю-в) — см. сас ургес (3). 2 (сам.-ирг. — 78). Налобная лента с монетами, сзади переходит в косник, девичье украшение.

Флур аулык (ю-в — 57, 58, 59) — ситцевый красный платок с белым цветочным узором, обычно покрывало невестки (килен).

Француз аулык (с-з — 36, ю-в — 89, 90) — ситцевый красный платок с характерным «французским» узором, обычно головной убор молодой замужней женщины.

Фас (сам.-ирг.) — феска, шапочка с кисточкой, головной убор стариков с духовным саном.

Хэситэ (с-з — 34, 41, 46, ю-в — 55, 58, 60, сам.-ирг. — 79, 82) — нагрудная перевязь в виде полосы ткани, зашитой монетами и серебряными подвесками; см. дэүэт (1), теркэмэ, эмэйзек (2).

Һагаалдырк, һакаалдырк — подборочная тесьма-завязка у покрывала кушъяулык, обычно украшенная монетами.

Һакал 1 (низер., ю-в — 57, 86), сакал (ю-з, сам.-ирг.) — женский нагрудник лопатообразной формы, украшенный кораллами, бусами и серебром. 2 (15, 17). Подбородная тесьма у покрывала кушъяулык, зашитая монетами; см. һагаалдырк. 3 (заур.). Подвеска в виде кистей или вышитой ленточки к подбороднику покрывала кушъяулык; см. эйксен.

Һарык тун — овчинная шуба.

Һумык, һумдык (заур. — 62, с-в — 107), сумнык (66) — косник с монетами-рублевками на концах; целковая монета.

Һынар аулык — одинарный платок (в противоположность покрывалу кушъяулык).

Һырга 1 (ю-в, сам.-ирг., низер., заур., с-в). Серьги с подвесками, иногда соединенные под подбородком цепочкой или шерстяным шнурком. 2 (низер. — 64, 65). Ожерелье из бус или кораллов. 3 (ю-з, — 66, 83, 85), сырга (с-з, ю-з — 69, 70) — ожерелье из нескольких рядов монет, соединенных цепочками; нагрудное украшение.

Һырган салбар, мамык салбар — стеганые ватные штаны, брюки; см. көбөлгөн салбар.

Һэйкэ 1 (31). 2—3 ряда монет, нашитых на ткань, шейное украшение; см. эмэйзек (1). 2 (97, 98, 105, 106). Нагрудная перевязь с монетами, женское украшение; см. дэүэт (1), хэситэ, эмэйзек (2).

Шэл — шаль.

Шэл аулык (66, 83, 98) — полшалок.

Ыйы, эйе — жемчуг; бисер.

Ыйы калпак — колпак, украшенный бисером или жемчугом.

Ынырбау — см. ицербаяу; ыгырмау (заур.).

Ыштап — штаны.

Ыштыр (с-з) — опучи.

Ышым хата (низер. — 63, 64) — кожаная обувь с длинными суконными голенищами, украшенными поперечными цветными полосками ткани.

Эйксен (заур.). 1. Подбородник у покрывала кушъяулык; см. һагаалдырк, һакал (2). 2. Вышитая или тканая ленточка, привеска к подбороднику кушъяулык; см. һакал (3).

Эркинэ, резинкэ — мелкие резиновые галоши.

Эркинэ итек — резиновые сапоги.

Эске күлдэк, эскүлдэк — нижняя женская рубашка, женская сорочка; см. кэшпэ күлмэк.

Эшлэпэ, шлэпэ (с-з) — войлочная шляпа.

Эүрэс — адрас, среднеазиатский шелк.

Эмэйзек 1 (ю-в — 87, 89, 90). 2—3 ряда монет, нашитых на ткань, женское шейное украшение; см. муйынтөп. 2 (93, 94, 107, заур.). эмэйзек (86) — широкая нагрудная перевязь в виде полумесяца, зашитая монетами и серебряными бляхами, женское украшение; см. дэүэт (1), хэситэ.

Юпэ тун (98) — см. тышлы тун.

Яга (яка). 1. Воротник. 2 (заур.), яка (94), яга итэк (97) — женское нагрудное украшение из кораллов и монет на тканевой основе.

Ялгау (86) — см. өскө итэк.

Яппа (ю-в) — планка, прикрывающая нагрудный разрез на платье; см. капкас, каптаумс.

Яулык — головной платок.

Яулык сук (60) — см. колакесук.

Р. Г. КУЗЕЕВ

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАШКИР В КОНЦЕ I — НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

(опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд)

Сбор и публикация башкирских шежере, исторических преданий и легенд

В последнее десятилетие по этнической истории башкир появилось много литературы: археологами и этнографами, антропологами и языковедами накоплен и введен в научный оборот обширный материал¹. Прошедшие годы характеризуются не только накоплением материала; во многих работах содержится попытка нарисовать общую схему этногенеза башкир или хотя бы осветить один из этапов этого процесса². Однако если под этногенезом понимать процесс сложения той племенной общности, которая послужила фундаментом формирования народности, то приходится констатировать безуспешность или незавершенность этих попыток; большинство предложенных схем башкирского этногенеза не простирается далее, хотя и интересных, но все же гипотез и предположений. Становится ясным, что в силу специфических особенностей этногенеза башкир (расположение Башкирии на стыке нескольких этнокультурных зон; трудность выделения археологической культуры ранних башкир-кочевников; этническая неопределенность термина «*башкорт*» в арабо-персидских и западно-европейских средневековых источниках и др.) в настоящее время накопленные материалы не позволяют с необходимой полнотой осветить различные аспекты этой проблемы. Изучение этнической истории башкир на современном уровне требует существенно-го расширения круга привлекаемых источников и нового накопления материалов.

¹ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки гл. XV. Вопросы этногенеза башкир. М.—Л., 1955; Р. Г. Кузеев. Об этногенезе башкир.— «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 27—37; А. П. Смирнов. Железный век в Башкирии.— МИА, 1958, № 58; «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1960; «Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа, 1962; т. 2. Уфа, 1964; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960 и др.

² С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 328—352; В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э.— АЭБ, т. 2, стр. 111—129; Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тыс. н. э.— АЭБ, т. 2, стр. 101—110; М. С. Акимов. Некоторые итоги изучения палеоантропологии Приуралья и вопрос о древних венграх. М., 1964 (доклад на VII МКАЭН); Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. «Башкиро-мадьярская» проблема.— АЭБ, т. 1, стр. 336—343; Б. А. Серберенин. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 22—23 и др.

Некоторые новые перспективы в изучении этнической истории башкир открываются в связи с привлечением таких источников, как шежере, исторические предания и легенды. Вопрос об использовании шежере в качестве источника для изучения этнической истории и общественного строя башкир в период средневековья ставится не впервые. Интерес к ним возник еще в конце прошлого — в начале нашего века; в исторических сочинениях Шихабуддина Марджани, Мурада Рамзи, Хасан-Гата, Ал-Габашни, Мухаметсалима Уметбаева и других при описании различных моментов древней и средневековой истории башкир довольно часто используются шежере³. Это был период, когда формирующаяся татаро-башкирская национальная историография стремилась, наряду с традиционными (обычно мусульманско-богословскими), использовать и местные источники, а именно: шежере, родоплеменные этнонимы, исторические предания, легенды и т. д. Особенно это характерно для такой крупной фигуры в истории татарской культуры XIX в., как Ш. Марджани, в архиве которого недавно обнаружено шежере башкир племени табын, посланное ему одним из его корреспондентов в Башкирию⁴. Для М. Уметбаева шежере были объектом специального изучения; ему мы обязаны сохранением и публикацией в книге «Ядкар» («Памятки») полных текстов шежере башкирских родов кальсер-табын, кесе-табын и айле. В сочинении М. Рамзи опубликованы фрагменты древнего шежере башкир племени бурзян.

Из упомянутых выше татарских и башкирских историков только Ш. Марджани попытался использовать шежере для обобщенного изложения истории башкир; в целом же уровень критического анализа источников типа шежере в исторических сочинениях конца XIX — начала XX вв. был в общем невысок: сведения шежере воспринимались как достоверные, и на их основе создавались громоздкие генеалогические схемы, имеющие целью доказать родство тех или иных башкирских племен с уйгурами или монголами, туркменами или каракалпаками и т. д. Эта же тенденция в интерпретации башкирских шежере сохраняется и в немногочисленных последующих публикациях⁵. Шежере нередко сообщают совершенно различные сведения о происхождении одних и тех же родов, поэтому в первые десятилетия XX в. в печати появляется множество противоречивых этногенетических концепций, опирающихся на некритическое использование текстов, на народные толкования этнонимов и т. д. Однако это время оказалось довольно плодотворным в смысле сбора и накопления шежере. В архиве созданного после революции Института национальной культуры в г. Уфе появился фонд рукописных текстов шежере (к настоящему времени, к сожалению, в значительной степени утраченный)⁶.

[В 1930—1940 гг. шежере перестают быть объектом изучения. Влияние вульгарного социологизма в исторической науке сказалось и в недооценке источниковедческой базы исследований. Резко сокращается объем исследований по социально-экономической и этнической истории башкир. Источники типа шежере полностью предаются забвению, как «атрибут классовой культуры» башкирских феодалов и духовенства. Именно в это время появляется и надолго утверждается мнение, что шежере — это «сочиненные духовенством» родословные (генеалогии) феодалов, преследующие узко классовые цели: доказать аристократическое происхождение того или иного лица и его право на привилегии. При этом игнорируется тот очевидный факт, что шежере тюркских (и монгольских) народов, в принципе, могут быть поставлены в один ряд с такими общепризнанными памятниками, как «Шаджарә-итурк» (Родословная тюрков) и «Шаджарә-итәрақимә» (Родословная

³ Ш. Марджани. Мустафад-эль-ахбар фи ахваль Казан в Булгар, ч. 1. Казань, 1885; ч. 2. Казань, 1900; М. Рамзи. Тельфик-эль-ахбар. Оренбург, 1907; М. Уметбаев. Ядкар. Уфа, 1908; Х. Гата. Муфассал тарихи кауми тюрки, т. 1. Уфа, 1909; Н. Ф. Катанов. Краткий обзор татарских исторических книг. Казань, 1912.

⁴ А. Усманов. Шәжәрәләр тарихенән сәхифә. — «Ағизлә», 1966, № 3, 82—83 бит.

⁵ С. Мирасов. Башкорттарның боронғы тарихы. — «Башкорт аймағы», 1926, № 2; С. Мирасов. Башкорт шәжәрәләре. — «Башкорт аймағы», 1927, № 4.

⁶ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 36, Башкирские шежере.

туркмен) Абу-л-Гази и многими фрагментами знаменитого труда «Джами ат'-таварих» (Сборник летописей) Рашид-ад-дина⁷.

В 50-х годах, когда появляется возможность объективной оценки как исторических событий, так и источников, вновь возрождается интерес к шежере и вообще к письменным источникам этого типа. В 1954 г. А. П. Ковалевский, например, писал о неоправданности «пренебрежительного отношения к татарским письменным источникам». «Источники эти, — по мнению А. П. Ковалевского, — требуют критического изучения с целью установления степени их достоверности и извлечения имеющихся в них интересных фактических данных»⁸. Примерно с этого времени шежере становятся объектом этногенетических изысканий. Большинство исследователей соглашалось с тем, что шежере, еще и сейчас бытующие в письменном виде или в памяти отдельных народов, несмотря на недостатки, связанные с легендарностью, а нередко и библейским характером сообщаемых ими сведений, могут, при условии тщательного их критического анализа на широком фоне других исторических данных, оказаться ценнейшим источником по средневековой истории тюркских народов⁹.

ИИЯЛ БФАН СССР возобновил в 1955—1956 гг. систематический сбор и изучение этих своеобразных исторических документов. В 1960 г. была опубликована книга «Башкирские шежере»¹⁰, которая хотя и обобщила собирательскую работу предшествующего периода, но по существу явилась лишь началом критического анализа этих источников. В эти и последующие годы шежере довольно плодотворно были использованы для исследования политической истории башкир в XV—XVI вв. и истории культуры башкир в эпоху позднего средневековья¹¹. Шежере явились если не единственной, то главной источниковедческой основой, позволившей впервые широко исследовать проблему вхождения Башкирии в состав Русского государства.

В книге «Башкирские шежере» были опубликованы фотокопии, транскрипции и переводы на русский язык 25 шежере (из известных тогда 60) южных и восточных племен: юрматы, мин, бурзян, кыпсак (в том числе родов кары-кыпсак и карагай-кыпсак), усерган, тамьян, табын (в том числе родов кальсер-табын и кара-табын), ай. В момент публикации было известно лишь одно шежере западных башкир, а именно — племени киргиз, но оно не было включено в сборник, так как дошло до нас не в подлиннике, а в вольном пересказе журнала «Шура»¹². В 1960—1965 гг. найдено 12 новых шежере*. В архиве ИИЯЛ БФАН СССР обнаружены шежере родов тобеляс (или кувакан) и общее шежере северо-восточных башкирских родов ай, мурзалар, тырнаклы¹³. Экспедиционными отрядами Института в восточных районах ТАССР в 1964 г. приобретены шежере племен байлар и буляр, а в различных пунктах БАССР, а также в архивах обнаружены новые варианты шежере родоплемен-

⁷ А. Н. Кононов. Родословная туркмен, сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1, 2. М.—Л., 1952.

⁸ А. П. Ковалевский. Чуваши и булгары по данным Ахмеда-ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 52.

⁹ Т. А. Жданков. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950; А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 25; Т. А. Жданков. Проблема этногенеза каракалпаков. — КСИЭ, 1962, №36; С. М. Абрамзон. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. — Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 2. Фрунзе, 1959; Г. П. Васильев. А. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. М., 1964 (доклад на VII МКАЭН).

¹⁰ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

¹¹ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству. — СЭ, 1957, № 4; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1960; Г. Хөсәинов. Башкорт азәбитә тарихенә карата. — «Башкортостан ухытшысы», 1958, № 9; Ф. Харисов. Башкорт халкының азәби мирасы. Өфө, 1965.

¹² «Шура», 1914, № 1, стр. 14.

* Тексты новых шежере, представляющих научный интерес, будут опубликованы в следующем выпуске «Археологии и этнографии Башкирии».

¹³ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 36.

ных групп кыпсаков, тамьян, кара-табын, кесе-табын¹⁴. Среди вновь найденных особые интерес представляют шежере западных и некоторых северо-восточных башкирских родов, по этнической истории которых до сих пор сведений было очень мало. К настоящему времени в нашем распоряжении оказалось в целом более 70 шежере южных, юго-восточных, а также некоторых западных и северо-восточных башкирских племен и родов.

Исторические предания и легенды башкир издавна привлекали внимание исследователей. Впервые широко использовал исторические предания крупный историк XVIII в. П. И. Рычков; история башкир накануне присоединения к России, картины борьбы башкирского народа с ногайским господством восстановлены П. И. Рычковым в значительной степени на основании «устных сказаний»¹⁵. Во второй половине XIX в. появляется серия работ, посвященных как публикации, так и исторической интерпретации башкирских исторических преданий и легенд¹⁶. Подавляющее большинство этих публикаций осуществлено без соблюдения научных принципов издания источников такого рода, что, естественно, снижает возможность их использования.

Многочисленные предания и легенды собраны в 30-х годах и хранятся в фольклорном фонде научного архива ИИЯЛ БФАН СССР; это предания о расселении башкир на Урале, легенды к историческим песням *Урал*, *Сыңрау торна*, *Куңыр буга*, *Ажбузат*, *Бала карга* и другие, сказания о борьбе с ногайцами, калмыками, казахами и т. д.¹⁷. Особую ценность представляют (в научно-методическом отношении правильно зафиксированные) предания и легенды, собранные в последнее десятилетие этнографическими и фольклорными экспедициями Института¹⁸. За весь предшествующий период накоплен, таким образом, огромный материал, однако до настоящего времени он мало систематизирован и, естественно, почти не использован в историко-этнографических исследованиях. Систематизация и издание башкирских исторических преданий и легенд имели бы серьезное научное значение.

В настоящей статье предпринята попытка привлечь шежере, предания и легенды для исследования некоторых вопросов этнической истории башкир в конце I — начале II тыс. н. э.

Этнические связи Башкирии со Средней Азией

В шежере, преданиях и легендах башкирских племен усерган, тангаур, бурзян, ай, кошы, кудей, тырнаклы, мин и некоторых табынских родов содержится рассказ о приходе их предков из Средней Азии. В качестве прежней родины эти источники указывают Приаралье, долину или низовья Сыр-Дарьи, «Башкортские горы» близ Бухары, Мавераннахр, Прикаспийские (туркменские) степи, берега легендарного моря Мбуф (Аральское)¹⁹. По особенностям сюжета предания о переселении на родину подразделяются на три группы:

¹⁴ Несколько шежере найдено и скопировано Н. Шункаровым (шежере племен байляр, буляр и др.); шежере племени кыпсаков обнаружено М. Рахимуловым в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ф. 2175, оп. 2, ед. хр. 344).

¹⁵ П. И. Рычков. Топография Оренбургская, ч. 1, 2. СПб., 1762; его же. История Оренбургская. Оренбург, 1896.

¹⁶ М. В. Лосиевский. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. — «Справочная книжка Уфимской губернии». Уфа, 1883; Д. Н. Соколов. Опыт разбора одной башкирской летописи. — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 4. Оренбург, 1898; П. Н. Ебольшин. О башкирах. — «Вестник РГО», кн. 4, 1852; Ф. Д. Нефедов. В горах и степях Башкирии. — «Русская мысль», 1882, № 2, 5, 12.

¹⁷ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, дд. 272, 292.

¹⁸ Некоторые варианты преданий к историческим песням опубликованы в кн. «Башкорт халык ыжды». Составление, комментарий и предисловие А. И. Харисова, т. 1. Уфа, 1954, стр. 286—300; Полевые записи и научные отчеты этнографических и фольклорных экспедиций ИИЯЛ за 1956—1965 гг. хранятся в научном архиве Института.

¹⁹ «Башкирские шежере», стр. 50—52, 54, 58; Ф. Д. Нефедов. Указ. соч. — «Русская мысль», 1882, № 2, стр. 71; Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 292, л. 12 (история песни Конгор-буга).

а) Предания юго-восточных башкир — усерган, тангаур и некоторых бурзянских родов — связывают их первоначальное местопребывание до переселения на Урал с нижним течением Сыр-Дарьи и северным Приаральем. В шежере племени усерган говорится, что «прадед башкирского народа сын бия Ток-саба [по имени] Муйтен» жил со своим родом в низовьях Сыр-Дарьи²⁰. Любопытна в этом же плане генеалогия имен в шежере племени бурзян: внуков Бурзян-бия — родоначальника бурзян — звали Урал-бий и Арал-бий. Согласно преданию, У р а л-б и й перекочевал в долину р. Яик, А р а л-б и й остался на старой родине²¹. Эти сведения перекликаются с многочисленными устными преданиями юго-восточных башкир о приходе их предков на Урал с низовьев Сыр-Дарьи или с берегов легендарного моря *Мбуф* (варианты *Уф*, *Уп*, *Муф*), которое ассоциируется имми сказателями с Аральским морем²². Предание о переселении (которое можно часто услышать среди усерган и тангауров, реже — среди бурзян) гласит: в те далекие времена, когда предки башкир жили в Приаралье (или на Сыр-Дарье), они по велению судьбы вынуждены были покинуть свою прежнюю родину. Однако они заблудились в безбрежных степях, и когда их гибель казалась уже неизбежной, в некотором отдалении от кочевников появился волк. Волк не подпускал к себе людей, но и не покидал их, все время держась в некотором отдалении от них. Тогда аксакалы сказали: «Следуйте за волком; пусть волк будет вашим предводителем (*ырыубашы* — вождь рода)». Предки башкир шли много дней и много ночей за волком. Когда они дошли до Уральских гор, волк неожиданно исчез. И поняли аксакалы, что горы Урала, плодородные его долины и степи станут новой родиной башкир²³. Существует множество вариантов предания, но в них всегда преваляется главная идея сказания: усерганы, тангауры и бурзяне приобрели свою новую родину благодаря волку — тотему-покровителю и путеводителю древних башкир.

Волк как тотем занимал большое место в генеалогической мифологии древних тюрков и монголов Центральной Азии и в тотемистических культах многих тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы. В тюрко-монгольской мифологии волк выступает в качестве прародителя и покровителя всех тюрков и монголов²⁴. С. П. Толстов, обобщивший огромный материал по тотемизму тюрко-монгольских народов, пришел к выводу, что образ «голубого» или «небесного» волка является «древнейшим пластом в средне- и центрально-азиатском тотемизме», в котором волк выступает как предок «целого ряда народов Средней и Центральной Азии»²⁵. Особый интерес для нашей темы представляют аналогичные сюжеты в туркменском фольклоре: по замечанию В. В. Радлова, в цикле легенд о мифическом прародителе туркмен-огузов Огуз-кагане «голубой волк — көк Вөги» отчетливо выступает как п у т е в о д и т е л ь и п о к р о в и т е л ь тюрков. Замечание В. В. Радлова привлекает внимание не только тем, что в башкирских этногенетических преданиях волк, как и в огузском фольклоре, выступает в роли путеводителя и покровителя древних башкир. В. В. Радлов приводит ту часть древнеогузского предания, в которой Огуз-каган дарит своему народу тамгу: лук и щит²⁷. Тамги башкир — усерган и тангауров, среди которых записано наибольшее количество преданий о волке, можно истолковать как геометризованные трансформации в первом случае лука со стрелой (основная тамга усер-

²⁰ «Башкирские шежере», стр. 84, 200.

²¹ Т а м ж е, стр. 128, 139; Полевые записи 1958 г.

²² Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 292, л. 12.

²³ Полевые записи 1953 и 1958 гг.

²⁴ А. Н. К о н о н о в. Опыт анализа термина «тюрк». — СЭ, 1947, № 1, стр. 47; Л. Н. Г у м и л е в. Алтайская ветвь тюрков — тугю. — СА, 1959, № 1, стр. 105; М. И. А р т а м о н о в. История хазар. М., 1962, стр. 103; Г. Н. П о т а н и н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 29; е г о ж е. Очерки северо-западной Монголии, вып. 2, стр. 161.

²⁵ С. П. Т о л с т о в. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — «Проблемы истории докпиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 15.

²⁶ В. В. Р а д л о в. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 23.

²⁷ Т а м ж е.

○)²⁸. Эти наблюдения позволяют сделать заключение, что предания юго-восточных башкир (в частности, усерган), о волке, как тотеме-путеводителе и покровителе, наиболее близки к аналогичным сюжетам в огузо-туркменской мифологии.

До настоящего времени у алтайских тюрков, туркмен, узбеков, казахов, якутов, бурят и других народов сохраняются многочисленные поверья и приметы, связанные с волком и уходящие своими корнями в древние тотемические представления тюрко-монгольских племен²⁹. Характерной чертой «культы волка» у тюркских народов являются представления, рисующие волка как защитника от всяких несчастий (болезней, слеза и т. д.) и покровителя рода. Волк оберегал благополучие и само существование рода; не случайно предки туркмен в VI в. на своих знаменах имели изображение волчьей головы³⁰. Впрочем, эта тенденция восходит к древнейшей истории тюрков: один из их легендарных родоначальников Ашин также имел знамя с изображением головы волка³¹. Постепенно волк становился «семейным» тотемом-покровителем: еще недавно среди узбеков, туркмен, некоторых алтайских народов сохранялся обычай подвешивать к колыбели ребенка в качестве оберега волчьи зубы, когти, бабки, давать детям «волчьи» имена (*Борбай*) и т. д.³²

В этнографических материалах по юго-восточным башкирам роль волка как тотема-покровителя также выступает весьма явственно. Среди юго-восточных башкир еще в начале XX столетия сохранялся обычай закапывать под порог строящегося дома волчий череп или же волчью шкуру³³. Делалось это, по словам информатора, чтобы оградить род, семью от злых сил, чтобы род и семья благоденствовали и размножались (*насел-ырыу хороманын тиш*)³⁴. Здесь совершенно четко прослеживаются представления башкир о волке как покровителе рода; но в этом же обычее чувствуются также отзвуки древнейшего мифа о волке как прародителе тюрков.

Широко был распространен среди юго-восточных башкир обычай ношения амулетов из волчьих зубов или клыков. Эти амулеты вешали в виде ожерелья на шею детей, привязывали к колыбели или нашивали на детскую одежду от «слеза». Волчьи зубы, кости использовались при лечении различных болезней. «... От исцеления болезни, — писал в XVIII в. капитан Г. И. Стрижевский о башкирах историку В. Н. Татищеву, — привязывают на шею или к рукам, или к ногам волчьи зубы...»³⁵. Всего несколько десятилетий назад башкиры лечили туберкулез волчьей желчью, а многие другие болезни — отваром волчьего мяса или

²⁸ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. I. Уфа, 1957, стр. 75—76; Полевые записки 1953 и 1958 гг.

²⁹ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма, стр. 12—15; Л. П. Потапов. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. — КСИЭ, 1958, № 30, стр. 136—140; Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. — «Живая старина», 1916, т. 25, вып. 2, 3, стр. 171, 172; К. Насыров. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на их жизнь суниитского магометанства. — «Записки РГО по отделению этнографии», т. 6. СПб., 1880, стр. 266; Г. Карпов. Родословные туркмен. — «Туркменоведение», 1929, № 1, стр. 56.

³⁰ Г. Карпов. Указ. соч., стр. 56.

³¹ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 136—137; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 103—104.

³² Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 139.

³³ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 5, л. 254.

³⁴ Там же.

³⁵ Г. И. Стрижевский. Ответы капитана Стрижевского на программу В. Н. Татищева. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 25, вып. 1. Казань, 1909, стр. 173

волчьих когтей³⁶. Почитание юго-восточными башкирами волка как тотема-покровителя нашло отражение в топонимике и анимастике. На территории расселения усерган (Хайбуллинский район БАССР, Кувандыкский и Ново-Покровский районы Оренбургской области) зафиксировано четыре населенных пункта *Башбуре* или *Бурезбии* (*баш* — голова, *буре* — волк). Мужское имя *Бурейбай* раньше также было довольно распространенным в степной Башкирии.

Юго-восточные башкиры более отчетливо, чем многие другие тюркские народы, сохранили пережитки древних тотемистических представлений о происхождении и тюрков от волка. Это хорошо иллюстрируется народной этимологией этнонима *башкорт*. Усерганы, тангауры, бурзяне связывают происхождение этнонима «*башкорт*» с упомянутым преданием о переселении предков под водительством волка с Приаралья на Урал; в соответствии с преданием этноним расчленяется на слова *баш* — голова и *корт* или *горт* — на юго-западных (огузских) языках тюркской группы в о л к. Народное толкование происхождения этнонима *башкорт*, очевидно, не имеет реальной исторической основы³⁷, но оно чрезвычайно ценно тем, что с одной стороны, указывает на сохранение в фольклоре башкир отзвуков древней мифологии центральноазиатского происхождения, с другой — на трансформацию этих древних мотивов в более позднее время, под воздействием огузской этнической среды. Не менее существенно и другое заключение, которое закономерно вытекает из нашего материала: какова бы ни была научная этимология этнонима *башкорт*, его происхождение связано с этнической историей, по крайней мере, трех юго-восточных башкирских племен, а именно: усерган, тангаур и бурзян³⁸. Можно предполагать, что к этой группе еще в период ее пребывания в Приаралье, тем более в момент переселения на Урал и в Приуралье, примыкал ряд западнобашкирских племен, однако этот последний тезис требует тщательного изучения и специального рассмотрения.

Таким образом, приведенные материалы и аналоги свидетельствуют о центральноазиатских истоках в этнической истории юго-восточных башкир (племена усерган, тангаур, бурзян). Захватившие мощной миграционной волной кочевников, хлынувших в первые века н. э. на просторы Западной Сибири и Средней Азии, предки башкир перекочевали и в течение какого-то времени (видимо нескольких столетий) пребывали на обширной территории, включающей Северное Приаралье, низовья и среднее течение Сыр-Дарьи и прилегающие к ним с севера степи. На этой территории в середине I тыс. н. э. обитали и взаимодействовали различные в этническом отношении племена и племенные объединения: тюркские, угорские, иранские. Это обстоятельство не могло не сказаться на этническом облике складывавшихся здесь племенных объединений, сыгравших впоследствии ту или иную роль в формировании многих тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы.

Родоплеменные этнонимы усерган, тангаур, бурзян в составе других народов Центральной и Средней Азии не зафиксированы. Это обстоятельство, на наш взгляд, говорит о сравнительно раннем переселении указанной группы юго-восточных башкир на территорию современной Башкирии. Если бы переселение состоялось после Хв., тогда, очевидно, мы об-

³⁶ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 5, л. 254; оп. 47, ед. хр. 1—2. Научный отчет фольклорно-этнографической экспедиции 1964 г., стр. 121—122.

³⁷ Некоторые исследователи XVIII—XIX вв. приняли народную этимологию этнонима *башкорт*, хотя сочетание слов *баш* и *корт* по-разному воспроизводили на русский язык: «главный волк» (П. И. Рычков), «волчья голова» (В. Н. Татищев) и др. В то же время были предложены многие другие толкования этнонима: «голова пчелы» или «пчеловод» (*корт* — в значении «пчела», «наскомое») (А. Кастрен, М. В. Флоринский), «красная голова» (С. Сомье) и др.; см. обзор различных взглядов и литературы по этому вопросу В. Ф и л о н е н к о. Башкиры. Уфа, 1915, стр. 10—14.

³⁸ Попытки этимологизации этнонима *башкорт* с позиций современной лингвистики и краткие обзоры литературы по этому вопросу содержатся в работах Д. М. Д и н л о р. The History of the Lewis & Klazazs. New Jersey, 1954, стр. 40; Т. М. Г а р и п о в. Изучение башкирского языка в дореволюционный период. — «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 35—36; А. Б и н и ш е в. «Башкорт» һүзе кайған килә? — «Агидел», 1962, № 8, стр. 94—95.

наружили бы аналогичные этнонимы в родоплеменной номенклатуре тех или иных тюркских народов Средней Азии. Именно такую картину мы наблюдаем, как увидим ниже, с той частью башкирских родоплеменных групп, которые переселились на Урал и в Приуралье в XI—XIII вв.— в эпоху активных этнических движений, приведших к формированию основных контуров многих будущих тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы.

Довольно точно можно очертить дату переселения на родину упомянутой группы юго-восточных башкир, опираясь на арабские источники: оно могло произойти во второй половине IX или в самом начале X в. При этом мы исходим из сформулированного выше положения о том, что этноним «*башкорты*» был общим названием для группы юго-восточных племен (усерган, тангаур и некоторых родов бурзян) еще в период их пребывания в северном Приаралье и низовьях Сыр-Дарьи.

Начавшееся в начале IX в. н. э. в глубинах Азии новое движение кочевников, вытолкнувшее в Восточную Европу и Северный Кавказ многочисленные волны воинственных переселенцев, не могло остаться незамеченным в усиливающейся в то время Хазарии и могущественном Арабском халифате, внимательно следящем за событиями в евразийских степях. Стремлением поближе познакомиться с характером событий в кочевническом мире была вызвана, по мнению М. И. Артамонова, организация в 842 г. халифом Васиком путешествия Саллама Торджемана. По официальной версии халифата, целью путешествия был поиск легендарной стены, якобы построенной Александром Македонским и запиравшей ужасные библейские народы Гога и Магога³⁹. Сведения об этом путешествии в изложении самого Саллама сохранились в сочинении Ибн-Хордадбега (вторая половина IX в.), у которого они заимствованы другими арабскими писателями, в частности Идриси (XI в.); русский перевод доклада Саллама халифу в извлечении из Идриси опубликовал в 1909 г. Н. П. Пантусов⁴⁰. Саллам и небольшой его отряд в 50 человек сначала совершили путешествие из резиденции халифа Васика города Серрменран через горы Кавказские и прибыли в Хазарию, видимо, в ее столицу Итель. Здесь царь хазарский дал Салламу 5 опытных провожатых, «которые, — по словам Саллама, — довели нас через 27 дней до пределов страны башкир»⁴¹. Большинство исследователей, изучавших доклад Саллама Торджемана халифу, считают, что из Хазарии отряд Саллама направился на восток; М. И. Артамонов вслед за Де-Гуе полагает, что целью путешествия была Великая Китайская стена; Н. П. Пантусов доказывает, что судя по описанию Салламом увиденных им стран и народов, он побывал где-то в районе Алтая, в верховьях Иртыша⁴². Путешествие Саллама продолжалось 28 месяцев, и он вернулся на родину в 844 г. через город «Лохман (или Лошман), Гарияп, Таран, Самарканд» и далее, видимо, через южную оконечность Каспийского моря⁴³. Впрочем, такой маршрут возвращения еще раз подтверждает, что целью путешествия отряда Саллама были восточные области.

Исходя из изложенного, попытаемся определить район, где Саллам вступил со своим отрядом в страну башкир. Если в среднем считать дневной переход равным 30 км, то за 27 дней отряд Саллама мог продвинуться из столицы Хазарии на восток примерно на 800 км, т. е. достичь района северного или северо-западного Приаралья. Следовательно, в 842—844 гг. башкиры кочевали в степях Приаралья в соседстве или в составе печенежских или печенего-огузских племенных образований. В свете этого заключения было бы, на наш взгляд, плодотворным сопоставительное изучение гидронимии и топонимии северного Приаралья и территории обитания башкир в Приуралье в эпоху средневековья (например,

³⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 306—307.

⁴⁰ Н. П. Пантусов. Сведения арабских географов о Средней Азии.— «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 25, вып. 5. Казань, 1909, стр. 95—104.

⁴¹ Там же, стр. 96.

⁴² М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 307; Н. П. Пантусов. Указ. соч., стр. 104.

⁴³ Н. П. Пантусов. Указ. соч., стр. 100.

р. Ыргыз в северном Приуралье и река того же названия—в юго-западном Приуралье; аналогичные совпадения названий *Йыгк—Бтк* и др.)

Вскоре после путешествия Саллама под давлением мощного движения кочевников, подхваченные волной их общего движения на запад башкирские племена переселились в Приуралье и на Урал. Это передвижение состоялось, очевидно, во второй половине IX в. или в самом начале X в., так как, согласно хорошо известным в науке сообщениям Ибн-Фадлана, в 922 г. башкиры занимали обширную область в юго-западном Приуралье⁴⁴.

б) Предания и легенды группы северо-восточных башкирских племен и родов (айле, кошы, кудей, тырнаклы) содержат рассказ о приходе их предков на Урал из Средней Азии, где они якобы кочевали на Сыр-Дарье или на отрогах «Башкортских гор» близ Бухары. Обычно предания повествуют: отцы и деды потеряли на прежней родине отару овец и в ее поисках, идя по следу, пришли на Уральские горы — на свою новую родину. Предание это также имеет множество вариантов. В шжере айлинцев рассказывается, что их предок Юлбуга пришел в поисках потерявшейся отары овец в местность Миадак (гора на северных отрогах Южного Урала) из Средней Азии, с отрогов «Башкортских гор»⁴⁵. Предания сарт-айлинского рода передают о трудном путешествии своих предков «из-за Сыр-Дарьи» на Урал, куда они пришли, перекочевывая с места на место за отарой овец⁴⁶. Свообразные детали содержит предание о нахождении новой родины башкирами из рода тырнаклы; сказание это гласит: «В старину мы назывались сыр-дарьинскими башкирами»*. Однажды, бий рода тырнаклы потерял любимого вороного коня (*Бузат*); идя по следу, он пришел на Урал и вскоре перекочевал сюда со всем своим родом⁴⁷.

Варианты этого предания известны табынскому роду барын, занимавшему в период средневековья обширную территорию в горно-лесной и зауральской Башкирии южнее айлинского объединения. В недавно обнаруженном шжере рода барын-табын говорится о приходе предков барынцев на Урал «со стороны Бухары» (*Бохара ягындич*)**. Любопытно в этом плане сведения шжере о родстве племен айле и табын: родоначальник айлинцев Юлбуга был якобы родным братом предка табынцев Майки-бия; их отец Субра в родословной племени айле выступает общим предком айлинцев и табынцев. Вместе с установленными фактами близости материальной культуры и общности говора айлинцев и табынских башкир⁴⁸, эти сведения свидетельствуют о наличии если и не генетических, то весьма давних и тесных исторических связей, по крайней мере, основных айлинских и табынских родов. Этнические или исторические контакты айлинских и табынских башкир могли иметь место в Присырдарьинских районах Дешт-и-Кипчака задолго до начала монгольского нашествия; еще в тех краях зародился, очевидно, на более древней основе сюжет того предания о переселении на родину, самые различные варианты которого распространены среди северо-восточных башкир.

Предания юго-восточных башкир о приходе на родину вслед за волком и предания северо-восточных башкир о переселении на Урал вслед за отарой овец, вороным конем или табуном лошадей имеют, на наш взгляд, общие корни. Сюжет предания северо-восточных башкир является более поздней переработкой в соответствии с изменившимися хозяйственными условиями, и особенно религиозными представлениями древней тотемистической легенды о волке как прародителе и путеводителе тюрок. Эта переработка произошла, видимо,

⁴⁴ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарии под редакцией акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 66—67.

⁴⁵ Полевые записи 1959 г.; «Башкирские шжере» стр. 66.

⁴⁶ «Башкирские шжере», стр. 218.

* Полуостров в северной части Аральского моря, несколько северо-западнее устья Сыр-Дарьи по-ситу название *Кук-тырнак*.

⁴⁷ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, ед. хр. 6. Материалы Кулмухаметова, лл. 3—21.

** Шжере рода барын-табын найдено в 1964 г. в Учалинском районе БАССР П. А. Мажитовым. Хранится в секторе археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР.

⁴⁸ Ж. Ф. Кибяев. Башкорт диалектэре һәм уларның тарихенә хыскаса инешә. — «Ученые записки БГУ», вып. 3, башкирская филологическая серия, № 2, Уфа, 1958, стр. 55—57; С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, т. 1, стр. 137—139.

в X—XII вв. в Приаралье, в Присырдарьинских степях под воздействием активного в тот момент мусульманского влияния на кочевническую периферию, что зафиксировано в ряде крупных исследований⁴⁹. Трудно было бы объяснить бытование на сравнительно небольшой территории обитания айлинской и табынской групп башкир на Урале разных, зачастую мало похожих вариантов предания, если бы мы предположили местное его происхождение. В действительности развитие сюжета предания о переселении на родину в среде древних башкир и их предков было длительным и сложным: широкое распространение предания относится к первой половине и середине I тыс. н. э., когда произошло массовое вторжение кочевников Центральной Азии и Алтая в Приаралье, Западную Сибирь и смежные области. Со второй половины, и особенно с конца I тыс. н. э., по мере формирования различных племенных объединений и в соответствии с характером воздействия на те или иные этнические группы различных хозяйственных, политических, территориальных и культурных факторов, предание повсюду приобретает местные, специфические черты. Башкирские племена усерган, тангаур и бурзян (юго-восточная группа), которые сравнительно рано покинули Приаралье, низовья Сыр-Дарьи и прилегающие с севера степи, принесли на Урал наиболее древние черты предания и, кроме того, многочисленные обычаи, связанные с культом волка. Те же родоплеменные группы, которые были вовлечены в этнические процессы и передвижения в Приуралье и других периферийных районах Средней Азии позднее, в X—XII вв., сохранили в своих сказаниях лишь модификации древних легенд.

Как отмечено выше, племенные названия бурзян, усерган, тангаур не встречаются в родоплеменной номенклатуре тюркских народов, что, на наш взгляд, указывает на сравнительно раннее их переселение в Башкирию. Совсем иная картина с родоплеменной этнонимикой северо-восточных башкир: родовые организации ай, айы (сравни. башк. *ай*, *айзе*), кази, кедей (сравни. *көзэй*), куши, кушчу (сравни. *кошы*), сарт (сравни. *һарт-әйзе*), баарин (сравни. *барын-табын*) входят в состав туркмен-нохурли, узбеков, каракалпаков, казахов или киргизов⁵⁰. Исследователям еще предстоит трудная и весьма кропотливая задача по изучению древней и средневековой истории ряда племенных образований и установлению их роли в этническом формировании многих тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы. Но уже сейчас можно со значительной долей вероятности утверждать, что большинство племен и родовых групп, этнонимы которых присутствуют в родоплеменной номенклатуре ряда народов, включились в активный этногенетический процесс сравнительно поздно, примерно в IX—XII вв., т. е. в период, к которому относятся широкие передвижения и политическое возвышение печенегов, огузов и кипчаков. Что касается конкретно северо-восточных башкир, то приведенные материалы достаточно убедительно свидетельствуют об этнических и территориально-исторических связях упомянутых родовых групп с Приаральем, с Присырдарьинскими степями и, возможно, с некоторыми внутренними районами Средней Азии. Если миграция юго-восточной группы башкир относится к печенежскому этапу истории кочевнического мира, то материалы по северо-восточным башкирам позволяют проследить их более тесную связь с огузами, а с появлением в X в. этнонима «туркмен» — с туркменами и позднее — с каракалпаками⁵¹.

Родоначальник айлинцев — Се й д а ш, как рассказывается в шежере башкирского писателя Тажетдина Ялыгулова, — был сыном Нурсаида (который в свое время «завзе-

⁴⁹ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 238—239. (Кстати, упоминания о приходе из Бухары, содержащиеся в нескольких северо-восточных башкирских шежере, надо воспринимать не в буквальном значении, а как косвенное свидетельство политической зависимости кочевников от одного из крупных среднеазиатских мусульманских центров эпохи средневековья).

⁵⁰ Г. П. В а с и л е в а. Туркмены-нохурли. — «Труды Института этнографии», т. 21. М., 1954, стр. 90—91, 98—100; С. М. А б р а м о в. Этнический состав киргизского населения северной Киргизии. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. 4. Фрунзе, 1961, стр. 17, 72; Т. А. Ж д а н к о. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1. М., 1952, стр. 479; С. А. А м а н ж о л о в. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, стр. 13; К. Л. З а д ы х и н и др. Узбеки дельты Аму-Дарьи. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1. М., 1952, стр. 329—334.

⁵¹ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 1, стр. 239.

вал Ургенч, и Хиву, и Кунград») и туркменской женщины. Сейдаш, будучи «смелым и жестоким богатырем», бежал из страны туркмен на Урал, в долину р. Миасс⁵². Он женился на похищенных им дочерях «каракалпакского и киргизского (казахского — Р. К.) ханов». Потомки Сейдаша и этих женщин образовали айлинский род⁵³. Не пытаясь найти хотя бы отдаленные реальные исторические параллели описанным событиям, отметим лишь яркость интересующего нас в настоящий момент мотива — связи айлинцев со Средней Азией, с туркменами. Этот же мотив имеется в шежере тырнаклинцев: тырнаклинцы возводят свою генеалогию к бию (родовому вождю), который был женат на дочери каракалпакского хана⁵⁴. Иногда связи башкир с туркменами представлены в плане политического господства туркменских ханов над башкирами; в тексте башкирского шежере, дошедшего до нас в пересказе Д. Соколова, рассказывается о могущественном туркменском хане Кибате (или Кибатие), который якобы господствовал на огромной территории от Средней Азии до р. Куганак — левого притока р. Белой⁵⁵. В данном случае предание может отражать лишь огузский этап истории кочевников, когда огузы, действительно, господствовали не только на востоке, но и в степях между Уралом и Каспием. Наконец, бывшие этнические связи северо-восточных башкир с огузами-туркменами подтверждаются родоплеменной этнонимикой: в состав племени кудей входит род туркмен (*төрөкмән*); часто можно здесь встретить родовые подразделения туркмен, каракалпаков (*каракалпак*), узбеков (*узбек*), сартов (*һарт*), бухарцев (*бохар*) и др.⁵⁶

Совокупность изложенных материалов позволяет, кажется, датировать переселение основных северо-восточных племен (айле, кошсы, кудей, тырнаклы) в Башкирию примерно концом X—XII вв. Причем процесс миграции этих племен был постепенным. Впрочем давние и постоянные связи Урала и Приаралья не были прерваны и с началом в XIII в. монгольского нашествия. В одной из работ нам приходилось уже писать, что заселение территории Башкирии основными табынскими родами, в том числе барын-табынцами, произошло в XIII—начале XIV вв. в условиях возвышения Золотоордынского государства⁵⁷. В этнической истории табынцев пока много неясного. В свете наших материалов можно предположить, что в золотоордынское время в состав табынцев влились монгольские и восточно-туркские этнические группы. Основная же часть табынцев до начала монгольского нашествия обитала, видимо, где-то в Приаралье, находясь в этническом контакте с айлинцами и родственными им племенами. Предание о переселении барынцев «со стороны Бухары», надо думать, отражает именно этот этап истории табынцев.

в) Шежере и предания самого крупного на юго-западе Башкирии племени м и н рассказывают о приходе предков мишцев из Мавераннахра⁵⁸. В генеалогических преданиях и легендах башкир-мишцев какие-либо элементы тотемистического плана совершенно отсутствуют. Родоначальник мишцев Санаклы, прозванный «Урдас-бием с тысячью колчанов» (*Мең һазаҡлы Урадас-бий*), согласно шежере, был ханом в Мавераннахре после того, как ушли с политической арены ханы из дома Чагатаев, т. е. примерно в середине или начале второй половины XIV в. Однако, не выдержав жестокой междоусобицы, Санаклы (*Урдас-бий*, *Урадас-бий*, *Урадч-бий*) вместе со своим родом переселился на Урал⁵⁹. В устных преданиях мишцев имя Урдас-бия также обычно связывается со Средней Азией, с долиной р. Сыр-Дарья⁶⁰.

⁵² «Башкирские шежере», стр. 171.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, ед. хр. 6. Материалы Кулмухаметова, лл 3—21.

⁵⁵ Д. Соколов. Опыт разбора одной башкирской летописи, стр. 48.

⁵⁶ Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитов а. Зауральские башкиры. — АЭ, т. 1, стр. 196—197.

⁵⁷ Там же, стр. 145.

⁵⁸ «Башкирские шежере», стр. 52, 58, 190.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Полевые записи 1957 г.

В одном из минских шежере говорится: «*Мәглүм булсын, Чыгтай әуладидиң Мавераннаһәрдә 25 кеше бадшаһ улды*» (Да будет известно, из рода Чагатая 25 человек в Мавераннахре были царями)⁶¹. Последним ханом из дома Чагатая на Мавераннахре был Казан-хан (в шежере *Казан хан*)⁶². В 1346 г. Казан-хан был убит и до 1358 г. правил эмир Казган (в шежере *Эмир Кызын*)⁶³. После смерти Казагана страна находилась в состоянии феодальной раздробленности. Мавераннахр распался на несколько враждующих друг с другом более или менее крупных владений. Описание этих событий минское шежере заключает словами: «*Андиң соң Санаклы хан булды*» (Затем Санаклы стал ханом)⁶⁴. Очевидно, накануне создания государства Тимура, Санаклы (Урдас-бий) был одним из мелких владетелей в Мавераннахре, а точнее где-то в долине Сыр-Дарьи. Именно в этот период одно из старых военно-политических образований тюрков (*мен* — тысяча) могло стать этнической ячейкой и в качестве таковой принять участие в этническом оформлении некоторых народов. А. А. Валитова, исследовавшая один из замечательных тюркоязычных памятников XI в., отмечает, что термин *минг* (так же как *юз*, *черик*) означает в «Кутадгу билиг» «войско, воинские подразделения», и лишь позже у некоторых тюркских народов он приобретает «значение этнонима»⁶⁵. Этноним *мин* (*минг*) зафиксирован в родо-племенном составе узбеков; это в какой-то степени также подтверждает расселение в прошлом предков башкирских минцев в Средней Азии.

Таким образом, отсутствие тотемистических элементов в генеалогических преданиях и легендах минцев, позднее происхождение этнонима и приведенные выше исторические данные позволяют основные минские роды отнести к этническим группам, поселившимся в Башкирии не ранее середины XIV в. Не исключена возможность, что переселение части минских родов относится к периоду борьбы эмира Тимура с золотоордынским ханом Тохтамышем. Известно, что в 1319 г. обе враждебные армии прошли через территорию южной Башкирии, где кочевали минцы⁶⁶.

Материалы, содержащиеся в шежере, исторических преданиях и легендах, позволяют в предварительном плане сформулировать следующие выводы.

С периода раннего средневековья существовали тесные этнические связи Башкирии со Средней Азией и северным Приаральем. В IX—XIV вв. имели место, по крайней мере, три значительные волны миграций тюркских родо-племенных групп из этих районов в Башкирию: переселение некоторых юго-восточных башкирских племен (усерган, тангаур, бурзян) произошло во второй половине IX — начале X вв., ряда северо-восточных племен (айле, кудей, кошсы, тырнаклы) — в период с конца X до начала XIII вв., юго-западных башкир (*мин*) — в середине или во второй половине XIV в.

Сведения башкирских шежере, преданий и легенд о приходе древнебашкирских племен и родов из Средней Азии, Приаралья, Мавераннахра, долины Сыр-Дарьи нельзя, естественно, воспринимать как свидетельство их среднеазиатского происхождения. В материальной и духовной культуре большинства восточных башкирских племен достаточно четко выступают элементы центральноазиатского происхождения⁶⁷. Аналогичные сведения содержатся

⁶¹ «Башкирские шежере», стр. 190.

⁶² Там же, стр. 54.

⁶³ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 1, стр. 311.

⁶⁴ «Башкирские шежере», стр. 54, 190.

⁶⁵ А. А. В а л и т о в а. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. «Кутадгу билиг». М., 1964 (доклад на VII МКЛЭН), стр. 10.

⁶⁶ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 51—52.

⁶⁷ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 328—352; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч., стр. 149, 154, 156, 241, 242; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Указ. соч., стр. 178—201; Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир.— ЛЭБ, т. 2, стр. 174—175.

в шежере и исторических преданиях, которые в большинстве, хотя и не четко, но все же проводят различие между происхождением рода и его передвижениями; башкиры племени усерган возводили свою генеалогию к Культегину — тюркскому кагану VIII в., мишцы — к гуннскому хану Баламиру (Валамиру) и т. д.⁶⁸. Древние предки большинства восточных башкирских родо-племенных групп, так же как и других тюркских народов Средней Азии — выходцы из Центральной Азии и Алтая. Захваченные волнами движений кочевников, они длительное время кочевали на просторах Южной и Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, постепенно локализуясь в районе Приаралья и этнически смешиваясь с местным населением. Видимо, здесь начался процесс складывания в печенежско-огузской среде древнебашкирской этнической общности, прерванной широким вторжением печенегов, торков, половцев в Восточную Европу. Дальнейшее развитие башкирского этногенеза было перенесено на новую территорию — Южный Урал и Приуралье, где в этническое взаимодействие включились различные по происхождению местные и пришлые племенные образования. Тесные этнические и территориально-хозяйственные контакты Башкирии с Приаралем, с формирующимися в народность туркменами и каракалпаками продолжали развиваться на протяжении многих столетий, вплоть до конца XV—середины XVI вв., когда они постепенно ослабли в связи с политическим раздроблением Золотой Орды и последующим присоединением Башкирии к Русскому государству.

О древней территории расселения башкир на Урале

Южный Урал, Приуралье и Зауралье с IX—X вв., а возможно и раньше, заселяли древнебашкирские племена, однако центр их обитания находился западнее, на Бугульминско-Белебеевской возвышенности и прилегающих к ней территориях. В шежере, исторических преданиях и легендах восточных башкирских племен юрматы, бурзян, тамьян и других содержатся сведения о былом расселении их предков по левым притокам Камы — Заю, Шешме, Большому Ику, в долинах рек Ток и Самара. Юрматынцы, например, «кочевали во все стороны земель (по долинам рек) Зай и Шешма» (*«Зэй, Шешма диган ерләр-дә һәр тарафдан күнә йөрәкләр ирде»*). Судя по описанию маршрута путешествия, Ибн-Фадлан встретил башкир в западной части Бугульминско-Белебеевской возвышенности. «Мы оставались у печенегов один день, — пишет Ибн-Фадлан, — потом отправились и остановились у реки Джайх (*Йайык* — Яик — Р. К.)... Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом же через реку Азхан, потом через Баджа, потом через Самур (Самара — Р. К.), потом через Кабал (Кинель — Р. К.), Сух (*Сок* — Сок — Р. К.), потом через реку Ка[н]джалу и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд»⁷⁰. Расположение страны башкир по Ибн-Фадлану с поразительной точностью совпадает с зафиксированной в шежере территорией расселения юрматынцев в долинах рек Шешма, Зай и прилегающих к ним районах. В свете этих наблюдений появляется, на наш взгляд, возможность по-новому взглянуть на те сведения арабских писателей и путешественников средневековья, в которых кочевки башкир располагаются в непосредственном соседстве с «землями болгарскими»⁷¹.

В исторических сказаниях многих других юго-восточных башкирских племен имеются упоминания о старинных родовых кочевьях в верховьях рек Демы, Чермасана, Усени, Большого Ика и др. Предки бурзян кочевали, как рассказывают предания, в верховьях р. Б. Ик и по ее правому притоку Шатлыку (Шалтыку?)⁷², т. е. в одном из центральных районов Бугульминско-Белебеевской возвышенности. В героическом эпосе юго-восточных

⁶⁸ С. М и р а с о в. Башкорттарның боронго тарихы, 7, 8 бит.

⁶⁹ «Башкирские шежере», стр. 27, 31.

⁷⁰ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 66.

⁷¹ Д. А. Х о л ь с о н. Известия о казарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах. — Ибн-Даста. — ЖМНП, 1868, XII, стр. 669—670.

⁷² Полевые записи 1958 г.

башкир обнаруживаются весьма интересные мотивы, формирование которых с достаточным основанием можно отнести ко времени пребывания бурзян в западных пределах современной Башкирии. Бурзяне (наряду с башкирами карагай-кипчакского рода) являются основными носителями и, очевидно, создателями эпоса «Бабсак и Кусяк» (*Бабсак менән Кусяк*). В отличие от других башкирских эпических сказаний (*Алтайшиша*, *Куз-Куртас менән Маянлыу* и др.), сюжет эпоса «Бабсак и Кусяк» не имеет аналогий в фольклоре других современных тюркских народов. Содержание эпоса кратко следующее: на башкирской земле правит хан Мәсем; ничто не омрачает жизнь кочевников. Но вот появляется в стране дракон (*аждаха*); варианты — лев или просто страшное животное), который пожирает людей. Мәсем-хан призывает подвластные ему племена на борьбу с драконом. Дракона убивают, но из-за честолюбия родовых вождей, каждый из которых стремится прослыть победителем, возникает соперничество, вылившееся в жестокую междоусобную борьбу⁷³.

Эпос «Бабсак и Кусяк» мало известен юрматынцам — западным соседям бурзянских башкир; тем больший интерес вызывает то, что в старинное щежере племени Юматы как бы «вписано» предание, повторяющее сюжет эпического сказания. Еще в те времена, когда юрматынцы кочевали в долине рек Зай и Шешма, на их земле неожиданно появились драконы. Находился он на расстоянии одного дня и одной ночи (ходьбы). С тех пор прошли многие годы, с ним боролись. Много людей погибло. После этого дракон исчез... Затем ханы стали (между собой) соперничать. Став врагами, (они) подняли меч один на другого⁷⁴. Эти параллели свидетельствуют о том, что наиболее древние мотивы эпоса «Бабсак и Кусяк» зародились не на Южном Урале. Уже на заре башкирской истории, когда племена юматы и бурзян занимали смежные территории по долинам рек Зай, Шешма и Б. Ик, основные мотивы будущего эпоса были им хорошо известны. Очевидно, бурзяне принесли в гору Башкирию эти мотивы, где в соответствии с картинами сложившейся к XIV—XV вв. политической жизни они развились в среде юго-восточных башкир в оригинальное эпическое сказание.

Пребывание предков бурзян до расселения на Южном Урале в западных пределах современной Башкирии подтверждается любопытными наблюдениями М. Сагитова, посвятившего эпосу «Бабсак и Кусяк» специальное исследование⁷⁵. В одном из записанных М. Сагитовым вариантов эпоса рассказывается о погребении одного из главных героев сказания, Бабсак-бия, в полном вооружении верхом на боевом коне; на насыпанный курган была воздвигнута каменная плита. Со ссылкой на известного ученого-краеведа Х. Х. в. Р. Г. Игнатъева⁷⁶, М. Сагитов обращает внимание на широкую распространенность так называемых «богатырских курганов» в Белебеевском уезде Уфимской губернии, т. е. в области древнего расселения бурзян. Любопытно, что Р. Г. Игнатъев передает рассказы местных башкир о том, что в курганах «погребены богатыри, зарытые посаженными на своих боевых конях»⁷⁷, что не может не вызвать ассоциации с записанным М. Сагитовым обрядом погребения Бабсак-бия.

Наконец, привлекает внимание в свете древних территориальных перемещений башкир в Приуралье и на Южном Урале повторяемость гидронимических названий на Бугульминско-Белебеевской возвышенности и в современных районах расселения юрматынцев, бурзян, айлинской группы родов и др. Река Б. Ик — одна из главных водных артерий, берущих начало на возвышенности и текущих на север до впадения в Каму, имеет крупные притоки Усень (*Узэн*), Нугуш (*Нөгөш*), Стерля (*Стәрле*) и др. Все эти гидронимы повторяются в восточной Башкирии, а Ик (*Ыҡ*), Усень (*Узэн*) — неоднократно.

⁷³ «Башкорт халык ыжады», т. 1, 83—103 бит.

⁷⁴ «Башкирские щежере», стр. 31 (текст оригинала: *Анча нәгәһ ул ердә аждаһа йман бәйдә булды. Бер кичә-көнлек ердән ятар ирдә. Маяр куб ыялар кичдә, анык, берләп оршы кылдылар. Куб хәдәй-ык нәгәһ булды. Шундан соң ул йман гәйб булды. ...Анчадан хан ханга хәсүд булдылар. Бер-беринә дошман булды, бер беринә кылчы чабаһ башладылар.* — стр. 27).

⁷⁵ М. С а г и т о в. Башкирское народное сказание «Бабсак и Кусяк». (Рукопись хранится в секторе литературы и фольклора ИИЯЛ ФАН СССР), стр. 44—45.

⁷⁶ «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. 4. Оренбург, 1881, стр. 146.

⁷⁷ Там же, стр. 147.

Бугульминско-Белебеевская возвышенность явилась, таким образом, древним или, точнее, одним из древних районов расселения ранних башкир. Существенное значение в этом играли природно-географические особенности возвышенности, благоприятные для кочевников лесостепной области. Возвышенность является крупным водоразделом: с ее невысоких склонов (максимальная высота над уровнем моря 460 м) сткают южные притоки рек Камы и нижней Белой (Уршак, Дема, Кармасан, Чермасан, База, Сюнь, Б. Ик, Зай, Шешма), восточные притоки Волги (Черемшан, Сок, Кипель и Самара), северные притоки рек Урала (Саелмыш) и Самары (Ток, Б. и М. Уран), западные — среднего течения р. Белой. Изучение особенностей расселения ранних кочевников в Приуралье и Южном Урале показало, что основными (точнее «базовыми») районами расселения они избирали невысокие лесостепные возвышенности; в зимнее время здесь меньше была глубина снега, что создавало хорошие условия для тебеневки скота; склоны холмов и небольшие леса позволяли укрыть скот во время пурги и буранов. С наступлением весны кочевые группы, подобно рекам, стек ающим с возвышенности, растекались в речные долины или на север и восток в предгорья и горы Урала. Древние башкиры расселялись не только на Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Они издавна кочевали в зауральских степях и на самых южных отрогах Уральского хребта, образуя с западными племенами в сущности единую территорию расселения, как бы расчлененную горно-лесной областью. Однако в этой статье акцентируется внимание на западном центре расселения древних башкир, так как в литературе установился не совсем точный взгляд, утверждающий, что наиболее древними районами обитания башкир являются восточные пределы их современной территории.

Вывод о древнем центре расселения башкир на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, обоснованный в другой нашей работе⁷⁸ более детально и на источниках иного типа, имеет, на наш взгляд, принципиальное значение в плане дальнейших изысканий по этногенезу башкир. Именно на этой территории происходил сложный процесс формирования основных этнических признаков башкирской народности. Древнебашкирские племена, приобретшие здесь новую родину, вступили в конце I тыс. н. э. во взаимодействие с угорским и тюркским населением этой территории, входившим в булгарский этнический круг, или с племенами, связанными своим происхождением с восточными, также тюркскими, политическими образованиями, но мигрировавшими в Поволжье еще в добулгарское время. Башкиры сохранили принесенный ими этноним, но со временем смешавшись, впитали в себя многие этнические признаки более древних насельников края. Однако здесь мы затрагиваем другую тему, к решению которой надо привлечь новые источники.

Об этнониме «истяк»

В XIII—XVI вв. башкирские племена переживали тот этап своего исторического развития, когда наиболее отчетливо проявилась тенденция к их политической централизации. Именно в этот период появлялись и вновь распадались союзы и объединения различных племен; в этот же период, особенно во второй его половине, башкиры, благодаря объединению сил, проявили способность к сопротивлению и волю к борьбе против господства ногайских и казанских ханов и мурз за свою независимость.

Отражением этой тенденции явились предпринимавшиеся в то время попытки кодифицировать родовые и племенные шежере и создать обобщенную концепцию происхождения и родоплеменного состава башкир. XIII—XVI вв. были эпохой этнической и политической консолидации не только башкир, но и многих других тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы. Очевидно, с этим временем связано широкое распространение библейского мифа о происхождении тюрков от Яфета и многочисленные его детализированные разработки на местной почве. Поэтому, как правило, обобщенные «героические истории» племен в

⁷⁸ См. статью «Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.» в настоящем сборнике, стр. 265—276.

периоды их политического подъема сочетают в себе традиционные генеалогические предания, «связанные» в верхней части с библейским предстанием о «начале тюрков». Ценность этих кодификаций в том, что включенные в них в качестве составных элементов древние сказания и генеалогии нередко отражают реально существовавшие в прошлом исторические или этнические связи между племенами.

В наших источниках пока известно только одно шежере, в котором содержится попытка обобщенно представить историю башкирских племен⁷⁹.

В соответствии с этим шежере группа племен и родов башкир носила общее название «истяк» (*истяк, иштяк*); сюда входили племена усерган, тамьян, тырнаклы, тубеляс (или кувакан), дуван, кубалы, сарт, бикатун. К этим племенам примыкали айле, юрми, иракте, байлар, также в разное время относившие себя к истякам⁸⁰. В объединение «истяк» входили преимущественно племена, которые населяют сейчас восточную Башкирию; исключение составляют племена юрми и байлар, занимающие долину р. Б. Ик, главным образом в пределах восточных районов Татарии, а также башкиры-иракте, которые частью живут на крайнем северо-западе Башкирии, частью — в низовьях р. Белой.

Первое, что привлекает внимание в этом шежере, это отсутствие в первоначальном перечне «истякских» племен юрматынцев, которые, как известно, многими исследователями считаются по происхождению тюркизированными уграми (венграмм)⁸¹. Название «истяк» применительно к башкирам известно, по крайней мере, с начала XIV в.; среднеазиатский проповедник ислама Рабгузи в 1310—1311 гг. написал жизнь пророков и святых «для народа иштякского», т. е. для башкир⁸². В то время племена юрматы в составе истяков не было. Юрматынцы стали называть себя «истяками» лишь с конца XV — начала XVI вв. В юрматынском шежере это событие описывается так: «...Ядкар-мурза во главе бесчисленных погайцев перекочевал на Кубань... Триста погайцев, вместе с родами оставшие от Ядкара, позднее также бежали на Кубань. Те, которые остались с Бурак-бием, назывались (т. е. стали называться — Р. К.) иштяками»⁸³.

В объединение «истяк» входят племена, большинство которых свое расселение до прихода в Башкирию так или иначе связывают с Приаральем, долиной Сыр-Дарьи (усерган, тырнаклы) или вообще со Средней Азией (айле, сарт). Впрочем в одном из вариантов нашего шежере прямо сказано, что «древняя родина истяков на Гомод-Дарье» (*Иштякнең төп иле Гомод-Дарьёсында*)⁸⁴. Никаких сведений, которые указывали бы на пребывание предков юрматынцев в Приаралье, в Сибири или в Средней Азии нет. Видимо, общее название «истяк» группа древних башкирских племен получила еще до переселения в Башкирию, в период кочевания в степных просторах Западной Сибири, северного Приаралья и прилегающих областей. Если бы описываемая группа башкир получила название «истяк» здесь, в Башкирии, то невозможно было бы объяснить, почему оно не распространилось до XVI в. на юрматынцев, т. е. на одно из наиболее древних племен в составе башкир, и на другие племена. Отмеченные наблюдения позволяют утверждать, что в момент переселения группы «истяк» в Приуралье юрматынцы и некоторые другие племена (названия которых еще предстоит установить) уже обитали на Бугульминско-Белебеевской

⁷⁹ «Башкирские шежере», стр. 173—174. (Впервые один из вариантов шежере был опубликован в 1908 г. М. Уметбаевым в сборнике «Ядкар». Другой вариант шежере был в 1962 г. скопирован в Хайбуллинском районе БАССР доктором филологических наук А. Н. Киреевым и любезно передан автору настоящей статьи. Все три варианта шежере идентичны).

⁸⁰ Там же, стр. 174.

⁸¹ Э. М о л ь н а р. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955, стр. 115.

⁸² «События в Уфимском крае до основания г. Уфы». Выписка из рукописи татарского переводчика М. У м е т б а е в а, л. 3. (Рукопись, хранится в секторе археологии и этнографии ИИЯЛ Б.Ф.АН СССР).

⁸³ «Башкирские шежере», стр. 33 (... Ядкар мурза баш булты, сачсыз нугай берләч Кубаче күчделәр... Әч йөз нугай ырыулары илан Ядкардин калгач анлар дхи д) Кубаче бочталаз Бурчас би б р л а ч калган иштяк атаиджар. — стр. 29).

⁸⁴ «События в Уфимском крае до основания г. Уфы», л. 1 об. Гомод-Дарья — видимо, Сыр-Дарья или одна из западносибирских рек.

возвышенности и явились в последующем одним из важнейших компонентов в формировании башкирского народа. Племена (или часть племен) группы «истяк» расселились первоначально в центральной части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, являясь восточными соседями юрматынцев. Об этом, кроме преданий и легенд, свидетельствуют топонимы «истяк» в западной Башкирии и расселение до настоящего времени ряда «истякских» племен (юрми, байлар и иракте) в долине р. Б. Ик, в современных восточных районах ТАССР⁸⁵. Территориальная близость и характерные для домонгольской эпохи (X—начало XIII вв.) постоянные передвижения кочевников активизировали на этой территории взаимодействие племен и процесс сложения этнических признаков башкирского народа. По мере углубления этого процесса название «истяк» постепенно распространялось на племена, сравнительно поздно (XIII—XIV вв.) включившиеся в процесс башкирского этногенеза. В XVII—XVIII вв. казахи и ногайцы называют «истяками» уже всех башкир; иногда это название они распространяют и на барабинских татар⁸⁶.

Таким образом, этническое содержание названия «истяк» в разные периоды башкирской истории было различным. Первоначально оно обозначало всего несколько племен и родов; постепенно значение термина стало расширяться и к XVII—XVIII вв. охватило сначала восточных, а затем и всех башкир. При этом заметим одну особенность: нет никаких данных, которые позволили бы считать, что термин «истяк» — древнее самоназвание хотя бы части башкир. Напротив, в большинстве случаев информаторы слово «истяк» сопровождают обычным рефреном: «так называют нас казахи» или «так называют нас в старину»⁸⁷. Во многих случаях (особенно на северо-западе Башкирии) этноним «истяк» башкирам вообще неизвестен. Поэтому трудно сказать, имело ли в древности название «истяк» строгое этническое содержание. Во всяком случае для ответа на этот вопрос материалов сейчас недостаточно. Что касается недавнего времени (XVII—XIX вв.), то среди башкирских родо-племенных образований, относящихся к группе «истяк», можно выделить три основных пласта:

1. Племя усерган и часть тамьянцев; до переселения в Башкирию они находились в длительном и тесном контакте с предками туркмен и каракалпаков, что нашло отражение в некоторых особенностях фонетико-морфологических признаков языка этой части башкир, говорящих на южном диалекте башкирского языка⁸⁸. Наряду с этим в культуре юго-восточных башкир (в том числе усерган и тамьянцев), как указано выше, отчетливо сохраняются элементы центральноазиатского происхождения.

2. Племена айле, тырнаклы, бикатун; к этой же группе, возможно, примыкают племена иракте, куванан и кубалая, входившие формально в табынское объединение. Эти племена занимают преимущественно северо-восточную и зауральскую Башкирию и говорят на восточном диалекте башкирского языка⁸⁹. Этническая история северо-восточных племен айле, тырнаклы и других также связана с Приаральем, со Средней Азией, но в отличие от юго-восточных башкир, они в XIII—XIV вв. и позднее подверглись сильному влиянию табынских и катаянских родов, в языке и культуре которых преобладали восточно-тюркские элементы⁹⁰.

3. Несколько особняком в группе «истяк» находятся племена юрматы, юрми и, возможно, байлар. Первоначально они не входили в группу «истяк», об их связи с Приаральем или Средней Азией, как уже говорилось, никаких сведений нет. Некоторые данные, требующие

⁸⁵ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 57.

⁸⁶ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 237; Н. Казанцев. Описание башкирцев. СПб., 1866, стр. 3, 4; С. Сомье. О башкирах. Екатеринбург, 1891, стр. 24. (Казахи и ногайцы нередко и в настоящее время называют башкир истяками).

⁸⁷ Полевые записи 1953, 1958 гг.

⁸⁸ Дж. Г. Кибяев. Фонетика башкирского языка. М., 1959, стр. 3.

⁸⁹ Там же, стр. 3—4.

⁹⁰ Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. П. Шитова. Указ. соч., стр. 180—195.

дальнейшего изучения, заставляют предполагать, что племя юрматы по происхождению связано с булгаро-чувашским этническим миром⁹¹.

Имеет ли название «истяк» общее происхождение с этнонимом обских угров «остяк» или же мы имеем дело со случайным созвучием? Уже в конце XIX в. эта тема заинтересовала некоторых исследователей. С. Сомме, например, считал, что «иштяк и остяк только различное происхождение одного и того же слова», но добавлял при том, что «иштяки» (или башкиры) и остяки (обские угры) — разные по происхождению народы и «что мы имеем здесь один из тех случаев», когда «одно общее имя дается различным народностям...»⁹². Конечно, в общем плане можно согласиться с этим мнением, однако аргументированный ответ на поставленный вопрос требует привлечения более широкого круга источников, особенно лингвистических. В наших же материалах привлекают внимание некоторые аналогии в тотемистической мифологии башкир, древних венгров и обских угров. Предание о волке в мифологии тюркских народов имеет, как отмечено выше, два основных элемента: волк — прародитель тюрков (или монголов) и волк — покровитель и путеводитель (предводитель) тюрков. Последний сюжет среди тюркских народов особенно хорошо сохранился, как мы видели, в башкирском фольклоре. Тотем — покровитель и путеводитель хорошо известен также в мифологии и в преданиях древних венгров и обских угров. Г. Дьерфи со ссылкой на старые венгерские хроники передает рассказ о том, как Нипог и Могог, сыновья предка венгров Менгот'а, преследуя во время охоты молодого оленя, открыли путь через болота Меотиды (Азовские лиманы) на свою новую родину⁹³. Вариант этого же предания содержится в сочинении Прокопия Кесарийского⁹⁴ и упоминание о нем — у Агафия⁹⁵. В древности, — рассказывает Прокопий из Кесарии, — когда «великое множество гуинов» занимали обширные территории северного Кавказа и прилегающих равнин, у гуинского царя «было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур». После смерти отца они поделили власть между собой и подвластные им племена стали соответственно называться утигурами и кутригурами. Утигуры и кутригуры во времена Прокопия, занимаемая земля с востока от Меотиды, совершенно не общались с племенами и народами, которые жили «по ту сторону Болота»⁹⁶. Но вот однажды несколько юношей во время охоты «... гнали лань; она, убегая от них, бросилась в эти воды. Юноши... последовали за этой ланью и не отставали от нее, пока вместе с ней они не достигли противоположного берега»⁹⁷. Любопытна следующая деталь в передаче Прокопия: как только юноши достигли другого берега Меотиды, «преследуемое ими животное (кто может сказать, что это было такое?) тотчас же исчезло»⁹⁸. Юноши вернулись за своими родичами, и западный берег Меотиды стал новой родиной утигуров и кутригуров. Вспомним башкирское предание, в котором волк также неожиданно исчез, как только предки башкир, преодолев пустыню и безбрежные степи, достигли Урала; животное (в одном случае волк, в другом — лань или олень) исчезает тогда, когда ведомые или увлекаемые ими древние люди достигают земли, которая становится их новой родиной. Невольно также появляется ассоциация с преданием башкирского рода кувакан, в котором рассказывается, как двое братьев в поисках потерявшегося коня перешли Уральский хребет и были поражены привольностью и красотой долины р. Юрюзань. Вернувшись к отцу и родичам, они вместе с ними перекочевали на свою новую родину.

⁹¹ На современной территории расселения юрматынцев и в соседних районах зафиксированы топонимические и гидронимические названия, которые могут быть истолкованы, как имеющие булгаро-чувашское происхождение, например, Тура-тау (Бог-гора), Курман-тау (укрепленная гора), Эсем (символ — древний напиток чуваш). См. Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашы. Казань, 1902, стр. 60, 66 и др.

⁹² С. Сомме в. Узак. соч., стр. 24.

⁹³ Györfy György. Krónikánk és a magyar őstörténet. Budapest. 1948, стр. 181—182.

⁹⁴ «Прокопий из Кесарии. Война с готами». М., 1959, стр. 386.

⁹⁵ Агафия. О царствовании Юстиниана. Перевод М. В. Левченко. М.—Л., 1953, стр. 147—148.

⁹⁶ «Прокопий из Кесарии», стр. 385.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, стр. 385—386.

Утигуры и кутригуры многими исследователями уже давно отождествляются с древними уграми — предками венгров. Близка к этому гипотеза, полагающая, что утигуры и кутригуры — отореченные угры — стоят у истоков болгарской истории⁹⁹. Так или иначе, для нашей темы в данном случае важно зафиксировать большую близость и даже тождество предания в передаче древневенгерских хроник, с одной стороны, и Прокопия Кесарийского и Агафия — с другой. Едва ли в связи с этим могут возникнуть сомнения в древнеугорской (древневенгерской) основе данного варианта предания, хотя главный сюжет сказания мог быть известен многим племенам, входившим в гуннское объединение. В то же время мы можем уверенно зафиксировать близость, а в некоторых деталях — тождество древневенгерского и древнебашкирского преданий о нахождении новой родины.

Аналогичные предания зафиксированы и у обских угров: манси и ханты рассказывают о том, что их предки обрели свою родину, идя вслед за оленем или коровой. Среди них было распространено и представление об олене (или корове) как прародителе манси и хантов. Этот же мотив известен и в мифологии якутов и бурят¹⁰⁰. Наши источники по башкирам позволяют не только провести общую аналогию с древними преданиями обских угров, но и задержать внимание на некоторых деталях. Одна из старинных башкирских народных песен называется *Кунгур буга* (*Куңгур буга* или *Коңғор буга*); в легенде о происхождении этой песни рассказывается: в очень давние времена с тех земель, где на берегах большого моря жили каракалпаки и кызылкалпаки, на Урал пришел богатый человек, взял в жены башкирскую девушку и увез ее на родину. Отец девушки дал ей в приданое телую корову, которая отелилась уже в стране калпаков (*калпак илендә*). Однажды корова и теленок (*куңыр буга* — досл. бурый бык; *куңыр быза* — бурый теленок) пропали. Мслодая Сашкирка пшла искать их, она шла по следу коровы и теленка много дней и ночей, пока не пришла на Урал, в дом своего отца¹⁰¹. В этом повествовании явственно сохранились мотивы древнейшей мифологии о животном — тотеме-покровителе и путеводителе. В фольклоре обских угров и башкир эти мотивы имеют, очевидно, хотя и очень далекие, но все же общие корни. Небезынтересно в этом плане мнение Г. Дьерфи о том, что древневенгерское имя *Epeš* восходит к старинной угорской (?) форме *ito* — корова¹⁰². Если это так, то совпадения в башкирской и древневенгерской родо-племенной этнонимике (башк. *йәнәй*, венг. *Ienő*) подтверждают существование в древности общих моментов в истории предков башкир и угров.

Многие факты и наблюдения, изложенные в этом разделе, пока не могут получить исчерпывающего исторического толкования; в то же время появляется возможность дать ответ на поставленный выше вопрос о появлении названия «истяк» у башкир. Кажется, сходство и общий источник происхождения древневенгерского, обскоугорского и древнебашкирских преданий о нахождении новой родины трудно отрицать. Большинство исследователей полагают, что сюжет предания о тотеме-животном, помогающем найти родину, имеет центральноазиатское, а точнее — гуннское происхождение¹⁰³. Если принять эту хорошо аргументированную в научной литературе точку зрения, то придется признать существование в глубокой древности исторических или этнических связей между предками угров и башкир. Однако сколько-нибудь убедительные этнографические и особенно языковые факты, подтверждающие активные этнические контакты древних башкир и угров и

⁹⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 79—102; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 113—114.

¹⁰⁰ Gубггггг Gубггггг. Указ. соч., стр. 181.

¹⁰¹ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 292, лл. 12—12 об.; А. И. Харисов. Указ. соч., стр. 193, 291.

¹⁰² Gубггггг Gубггггг. Указ. соч., стр. 181—182.

¹⁰³ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма..., стр. 12; Л. П. Погапов. Указ. соч., стр. 136—137; В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 23.

об их взаимопроникновении, исследователями пока не обнаружены¹⁰⁴. Речь, видимо идет в основном о тесных исторических (территориальных) контактах предков башкир и угров. Эти контакты могли иметь место на обширной территории северного Приуралья и прилегающих к ней областей Западной и Южной Сибири в первой половине и середине I тыс. н. э., т. е. в период движения гуннов на запад и их политического возвышения. Эти контакты, очевидно, продолжались и позднее среди многочисленных тюркских и угорских племен Приуралья и Западной Сибири, когда основные гуннские орды продвинулись дальше на запад — в Восточную Европу, Северный Кавказ и Причерноморье. В одном из районов Западной Сибири, по верхнему и среднему течению р. Оби, часть угров (предки хантов и манси) и древние башкиры получили, очевидно, в конце I тыс. н. э., общее название «остяк», или в башкирском варианте «истяк», «иштяк». Это хорошо согласуется с предложенной еще в начале века Б. Мункачи этимологической трактовкой этнонима «остяк», как *As-jax*, т. е. обские люди¹⁰⁵. Применительно к венграм этноним «остяк» остался неизвестным; их передвижение на запад состоялось значительно раньше появления или распространения этого имени. Нельзя игнорировать и другую возможность: если территорией формирования угров был район Урала и прилегающих областей, то на восток, к Оби, отодвинулась, видимо, только часть угров, тогда как предки венгров остались на Урале, в стороне от описываемых событий. Но древние венгры принесли на Северный Кавказ старые предания, которые оформились еще в эпоху древних тюрко-угорских контактов в Западной Сибири и получили развитие в Приуралье. Европейская часть угров до расселения в X в. на территории современной Венгрии пережила сложнейшую этническую историю, одним из эпизодов которой были башкиро-мадьярские этнические и исторические взаимоотношения в последних веках I тыс. н. э.; однако эта тема требует специального рассмотрения на основе более широкого круга источников.

Остается добавить, что мысль об исторических и территориальных контактах древних башкир и угров где-то в районе Западной Сибири находит подтверждение и в некоторых явлениях материальной культуры, в частности, народного изобразительного творчества. Одной из старинных башкирских вышивок, выполненных в технике косого стежка и росписи, являются так называемые хараусы (*haraуys*) — женские налобные повязки, на которые нанесены трапециевидные узоры. Мотивы узоров на хараусах различны, наиболее древним является рисунок с изображением двух противостоящих птиц. Налобные повязки типа хараусов хорошо известны обским уграм и западносибирским татарам; наблюдается сходство не только в технике исполнения и основных мотивах орнаментации, но и в названии предмета: у обских угров — *саравать*, у западносибирских татар — *сарауц*. Нет никаких оснований думать, что общие черты в вышивке упомянутых народов сложились в результате их культурного взаимодействия на современных местах расселения. Хараусы распространены зачастую среди башкирского населения тех районов, которые не имели на Урале и в Приуралье непосредственного соприкосновения ни с обскими уграми, ни с татарами Сибири. С. И. Руденко и Н. В. Бикбулатов считают вышивку косым стежком на хараусах «результатом ранних этнокультурных связей башкир с угро-финским миром»¹⁰⁷. Этот тезис подкрепляет и поддерживает наши материалы и выводы. Это тем более очевидно, что район распространения хараусов в Башкирии (горные районы Урала и западные его склоны, башкирское Зауралье) совпадает в основном с территорией расселения племен, входивших некогда в объединение «истяк».

¹⁰⁴ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 351; Б. А. Серебряников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 22, 23; М. С. Акимов. Некоторые итоги изучения палеоантропологии Приуралья и вопрос о древних венграх. М., 1964, стр. 5—6 (доклад на VII МКЛЭН); Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов. «Башкиро-мадьярская» проблема. — АЭБ, т. 1, стр. 342.

¹⁰⁵ Н. И. Ашмарин. Указ. соч., стр. 41.

¹⁰⁶ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч., стр. 89—91.

¹⁰⁷ Там же, стр. 100 (подчеркнуто мною — Р. К.); С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 303—305.

Материалы и выводы об этнониме истяк вносят, таким образом, новый аспект в так называемую башкиро-мадьярскую проблему; они свидетельствуют о том, что история башкиро-угорских исторических и этнических связей имела несколько этапов, которые развивались на разных территориях и в разное время.

* *
*

Таковы примеры, показывающие возможность использования шежере, исторических преданий и легенд в этногенетических исследованиях. Результативность анализа этих источников повышается по мере накопления материала и расширения исторического фона исследуемой темы. Такой подход позволяет несколько смягчить недостатки наших источников: хронологическое смещение событий, трудность, а иногда и невозможность датировки и т.д. Эти обстоятельства, однако, подсказывают лишь необходимость более тщательного анализа шежере, преданий и легенд, ничуть не отвергая возможности и целесообразности их широкого использования в историко-этнографических исследованиях.

Л. П. ЛАШУК

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО СКОТОВОДСТВА

Среди многих вопросов исторической этнографии Башкирии привлекает внимание проблема возникновения, развития и исторического соотношения основных хозяйственно-культурных типов, которые с давних пор были присущи отдельным группам населения, в конечном итоге составившим башкирский народ. Постановку этой проблемы мы находим в фундаментальной монографии С. И. Руденко, который приходит к выводу, что «... только с первых веков I тысячелетия н. э. можно рассматривать башкир как единую группу племен с бытом, обусловленным в какой-то мере кочевническим скотоводством в сочетании с охотой в степной полосе, в горной же и в лесной полосе с преобладанием занятий охотой, пчеловодством, в известной мере земледелием в сочетании с оседлым скотоводством»¹.

Генезис хозяйственно-культурных особенностей башкирского населения привлекал внимание С. А. Токарева, который подошел к нему с позиций сравнительно-исторической этнографии. Отмечая факт древнего обитания башкир в контактной зоне леса и степи (с включением горно-таежного массива) и учитывая сложность башкирского этногенеза, он подчеркивает, что скотоводческое хозяйство сближает юго-восточных башкир со степняками — кочевниками Казахстана и Средней Азии, а земледельческая культура, напротив, роднит башкир с оседлыми народами Поволжья и вообще Восточной Европы. Даже в охотничьем хозяйстве обнаруживаются два различных типа: в северо-западной и в центральной горной Башкирии существует та же техника промысла зверей, что и в таежной зоне Урала и Западной Сибири (всякого рода самодействующие ловушки); в степной же Башкирии известен совсем иной вид охоты, такой же, как например, у казахов (верховая охота с собаками и ловчими птицами)².

Сформулированная выше проблема нуждается в дальнейшей разработке и углублении как по линии историко-культурной, так и этнической. Рассматривая первый аспект, необходимо точно установить эпоху и естественно-исторические условия появления в Башкирии того или иного хозяйственного типа. Рассматривая второй аспект, следует определенно решить, является ли конкретный хозяйственный тип аборигенным наследием, следствием ли взаимодействия у соседей, или же он был занесен в Башкирию некогда обосновавшимся здесь пришлым населением.

¹ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 351.

² С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 183—184.

Между этнографами и археологами нет принципиальных разногласий относительно того, что охотничье-рыболовный хозяйственный тип лесной и лесостепной Башкирии генетически может быть возведен к неолитическим временам и приписан последию местных племен, со сходными формами волнисто-гребенчатой керамики конца IV, III и начала II тыс. до н. э.³ Этнически это были, по всей вероятности, древнейшие уралоязычные (в данном случае протоугро-финские) племена. По мнению археологов, южные связи этих племен уходили в степные пространства Казахстана и Приуралья, где развивалась кельтеминарская культура. Несмотря на попытку В. Н. Чернецова объединить неолитическое население Зауралья и носителей кельтеминара «в единую этно-культурную общность», между теми и другими (с одной стороны, оседлыми рыболовами и охотниками лесной зоны, а с другой — бродячими охотниками открытых пространств) обнаруживаются заметные различия не только хозяйственного, но и, видимо, этно-культурного порядка⁴. По нашему мнению, в обзореваемых районах в неолите завязались два самостоятельных узла этногенетического процесса: «урало-западносибирский» (протоугро-финно-самодийский) и «арало-казахстанский», или «кельтеминарский» (этнический характер которого остается невыясненным), может быть, сближенных друг с другом обычными межплеменными связями, но не более*.

Но как бы ни был интересен этот вопрос, в настоящей статье нас больше привлекает проблема происхождения скотоводческо-земледельческого цикла Башкирии. К. В. Сальниковым выдвинута гипотеза о том, что «в первой половине II тысячелетия до н.э., может быть, в начале этого тысячелетия, часть племен юго-восточного Приуралья переходила к скотоводству»⁵. Он же допускает возможность расширения в это время примитивного земледелия в поймах рек Южного Приуралья. И уже совершенно определенного существования скотоводства и земледелия (наряду с промысловым хозяйством) свидетельствуют памятники следующей исторической эпохи развитой бронзы от середины II до начала I тыс. до н. э.⁶ В этот период на территории Башкирии соседствовали и находились в сложных взаимоотношениях несколько развитых археологических культур — абашевская, срубная, андроновская, черкаскульская (северо-андроновская), курмантау. Ни одна из них не имела чисто местного происхождения, представляя собой лишь более или менее своеобразные варианты этно-культурных общностей, зародившихся, надо полагать, в иных областях лесостепной и степной полосы Евразии⁷.

Не вдаваясь пока что в проблему этнической принадлежности этих культур, подчеркнем то важное для нас обстоятельство, что никак нельзя хозяйственно отделить раннее пастушеское скотоводство от земледелия на пойменных землях Южного Приуралья, что, в частности, находит подтверждение на материалах более широкого историко-этнографических сравнений. В раннем железном веке в лесостепной полосе от Алтая до Урала особенных изменений в типе хозяйства не произошло: кочевнические культуры здесь не сложились, и население продолжало оставаться оседлым, занимаясь тем же пастушеским скотоводством в сочетании с охотой, рыболовством и заметно возросшим земледелием⁸.

³ Н. П. К и п а р с о в а. О культуре лесного Зауралья. — СА, 1960, № 2, стр. 20—22; В. И. М а т ю щ е н к о. Некоторые вопросы связи племен Урала и Западной Сибири. — ВАН, вып. 1. Свердловск, 1961, стр. 109—110.

⁴ В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности. — «Congressus Internationalist Fenno-Ugristarum». Budapest, 1963, стр. 408.

⁵ К. В. С а л ь н и к о в. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 30 и след.

* Возможно, археологи не согласятся с такой трактовкой этнического размежевания неолитических обитателей контактных урало-западносибирской и арало-казахстанской областей, однако у нас нет никаких оснований искать истоки уральской языковой семьи в пределах Средней Азии. С обоснованием этой точки зрения автор предполагает выступить в печати особо.

⁶ К. В. С а л ь н и к о в. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. — Там же, стр. 35.

⁷ А. П. С м и р н о в. Железный век Башкирии. — МИА, 1957, № 58. М.

⁸ К. В. С а л ь н и к о в. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 68.

⁹ В. Ф. Г е н н и г, А. Х. Х а л и к о в. Ранние булгары на Волге. М., 1964, стр. 145.

Одновременно в степных районах Башкирии отмечено пребывание сарматов — самых ранних скотоводов-кочевников Южного Приуралья. С первых веков новой эры степняки-кочевники проявляют повышенную активность по отношению к оседлому населению сопредельной лесостепной полосы, оказывая на него культурное и ассимилятивное этническое воздействие¹⁰. По мнению А. П. Смирнова, этот степной прилив, с IV—V вв. уже, может быть, тюркский, все более усиливался, и одной из поздних его волн были башкиры-кочевники, занимавшие южные районы Башкирии в VII—IX вв.¹¹.

Так в общих чертах освещаются в специальной литературе начальные этапы и истории скотоводческо-земледельческого хозяйства Башкирии. И хотя многие важные материалы еще не добыты археологами, вряд ли кто станет оспаривать тот тезис, что Башкирия не вошла в зону первоначального становления скотоводства (равно как и земледелия), а получила его со стороны уже в «готовом виде» — сначала в форме оседлого пастушеского, а затем, довольно поздно, в форме относительно кочевого. Башкирия дает один из многих примеров сложных этно-культурных взаимоотношений южных лесных и степных племен Евразии, понять которые по-настоящему можно лишь в широком историческом диапазоне, что заставляет исследователей выходить далеко за пределы Башкирии. Пользуясь этим обстоятельством, мы получаем возможность выдвинуть ряд принципиальных вопросов истории древнего скотоводства вообще, будучи уверенными, что это позволит глубже проникнуть в историю башкирского хозяйства и одновременно в этническую историю носителей скотоводческо-земледельческих культур древней Башкирии.

Генезису скотоводческого хозяйства Евразии посвящена огромная литература¹², которая продолжает непрерывно накапливать конкретный материал. Однако серьезных обобщений по этой проблеме явно недостаточно. Более того, над многими исследователями продолжают тяготеть некоторые «традиционные» заблуждения, возникшие некогда по причине узости фактологической базы, а также под воздействием формалистических и предвзятых идей.

Правда, все реже встречаются отзывы господствовавшей в минувшем столетии «теории трех ступеней» хозяйственного прогресса человечества: от первобытной охоты к скотоводству и только от него к земледелию. Но все еще чувствуется неуверенность тех или иных авторов в решении таких важных вопросов, как: что чему предшествовало генетически — земледелие скотоводству или наоборот, а если они возникли в одну эпоху, то была ли между ними органическая связь, или же обе эти отрасли возникли независимо друг от друга: земледелие — из собирательства, скотоводство — из охоты. Все еще дискуссионными остаются вопросы о центре или центрах первоначального одомашнения полезных животных, о ведущей роли в этом деле населения лесостепных или собственно степных районов, о времени и условиях распространения скотоводства в различных странах Старого Света и т. д.

Сейчас нам нет необходимости всесторонне вникать в существо этих споров, так как все-му этому посвящена наша специальная работа «Об условиях возникновения и ранних формах скотоводства»*. Изложим лишь ее основные положения, аргументацию которых заинтересованный читатель найдет в самой статье. Так, мы считаем лишним почвы предположение, что скотоводство возникло совершенно независимо от земледелия в условиях бродячего охотничьего быта, который, кстати, был характерен для населения степных районов Евразии вплоть до эпохи энеолита и даже ранней бронзы. Наиболее ранние следы разведения животных зарегистрированы в древних «докерамических» культурах Передней Азии (IX—

¹⁰ К. В. С а л ь н и к о в. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. — АЭБ, т. 2, стр. 10—11.

¹¹ А. П. С м и р н о в. Указ. соч., стр. 75. См. также Н. А. М а ж и т о в. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. — АЭБ, т. 2, стр. 101—110.

¹² Наиболее полная библиография дана в изданиях: «Проблемы происхождения, эволюции и породобразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940; С. Н. Б о г о л о б с к и й. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.

* Публикуется в одном из ближайших номеров «Вестника Московского университета», серия историческая.

VI тыс. до н. э.); их создатели занимались не только охотой и рыболовством, но и усложненным собирательством диких злаков, наряду с которым уже зародилось примитивное земледелие. Важнейшим условием перехода к земледелию и разведению животных был оседлый быт населения.

Только обладая оседлостью и таким надежным источником пропитания, как земледелие, древние люди получили возможность обратиться и к более сложному занятию — приручению различных видов животных. Первоначальные очаги зарождения животноводства географически и исторически совпадают с азиатско-африканско-южноевропейской областью становления земледелия, с ее отдельными, но взаимосвязанными, центрами. Именно здесь были одомашнены важнейшие виды мелкого и крупного рогатого скота, которые уже в «готовом виде» со временем (видимо, не раньше III тыс. до н. э.) распространились по степям в процессе этнических миграций и культурных заимствований. В степной полосе самостоятельно или одновременно дополнительно подверглись лошади и верблюды.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что раннее животноводство заметно отставало в своем развитии от более прогрессивного земледелия даже в его мотыжной форме. Прошли тысячелетия, прежде чем скотоводство достигло примерного экономического равновесия с земледелием и лишь местами и в особых условиях возобладало над последним.

Исторически известны следующие основные разновидности скотоводства: 1) примитивное в виде дополнительного источника мясной пищи от случая к случаю, с содержанием незначительного количества мелкого скота (коз, овец, свиней) преимущественно в загонах, без специального его выпаса; 2) более развитое пастушеское, т. е. с ежедневным отгоном скота на прилежащие к оседлым селениям пастбища и выпасом его под присмотром пастухов; имеющее в стаде животных крупный рогатый скот и лошадей; тесно связанное с земледелием и оседлым бытом основной части населения; приобретающее со временем важное экономическое значение и становящееся даже более важным, чем мотыжное земледелие на небольших площадях; 3) сравнительно поздно возникающее отгонное, главным образом в предгорных местностях, «яйлажное», состоящее в том, что мелкий и крупный рогатый скот зимой содержался на плоскости подле оседлых селений, а с наступлением весны на все лето отгонялся пастухами в горы, на «яйла» — альпийские пастбища; 4) полукочевое степное, при котором скотоводство, став уже более подвижным и не привязанным к какому-либо постоянному месту жительства его владельцев, все же сочеталось с примитивным земледелием в удобных местах, а также с охотой и собирательством; 5) собственно кочевое специализированное хозяйство, требующее сезонных перекочевок всего населения; местами связанное все-таки с посевами злаков.

История скотоводческого хозяйства степных и лесостепных районов Евразии (в том числе и Башкирии) начинается как бы сразу с пастушеской стадии, когда уже в достаточном количестве имелись основные виды домашних животных: корова, свинья, овца, коза, лошадь, собака. В этой связи возникает вопрос о генетических корнях евразийского скотоводства, на который палеозоологи ответили гораздо раньше и правильнее, чем историки культуры, долгое время придерживавшиеся надуманной теории «автохтонности основных этно-культурных явлений и процессов».

Вопреки адептам этой концепции, настаивавшим на исключительно самостоятельном возникновении скотоводства чуть ли не в каждом районе открытых пространств от Украины и Крыма до Забайкалья и Монголии, В. И. Громова еще в 1940 г. писала: «Я останавливаюсь подробнее на разбираемом вопросе, сравнительно ясном для зоолога, ввиду того, что специалисты по истории культуры не склонны допускать возможность передачи на большие расстояния культурных приобретений на очень ранних культурных стадиях от одной народности к другой. Тем не менее, в рассматриваемой области такую передачу признать необходимо. Мне представляется наиболее вероятным, что крупный и мелкий рогатый скот в Восточную Европу был первоначально передан с Запада, из Средней и Южной Европы, откуда постепенно завоевал более восточные районы, с одной стороны, и более северные — с другой. Нет сомнения, что в Западной Европе и в западной части Восточно-Евро-

пейской равнины домашние животные существовали раньше, чем в остальных частях Восточной Европы и Северной Азии... Историкам материальной культуры предстоит решить вопрос, как происходила предполагаемая нами передача первоначальных домашних животных от одной народности к другой, путем ли переселения племен или передачи от одного оседлого племени к другому»¹³.

Столь длинная цитата понадобилась в данном случае потому, что в ней сформулировано положение принципиальной важности, раскрывающее широкие горизонты культурно-исторического процесса. Дальнейшее накопление археологического материала позволило С. Н. Бибикову вслед за В. И. Громовой поставить проблему «внезапного» появления домашнего скота на раннем этапе трипольской культуры в той плоскости, что «не в местных юго-восточно-европейских условиях следует искать ответ на происхождение домашних животных триполья, не в местной племенной среде сложились и оформились скотоводческие навыки»¹⁴. Развивая эту же мысль, палеозоолог В. И. Бибикова высказалась в пользу существования широких хозяйственно-культурных связей ранних трипольцев с обитателями Восточного Средиземноморья и даже более отдаленных южных областей¹⁵.

Новейшие работы по истории трипольских племен Днепро-Днестровского междуречья убедительно показывают, что последние сложились в ходе очень сложных, перекрывающих друг друга этно-культурных процессов, берущих истоки в неолите Балкано-Дунайских стран (V—IV тыс. до н. э.), и в связи с развитием земледелия, скотоводства и металлургии, приведших к значительному расселению племен на северо-восток в Среднее Поднепровье и на юг к побережью Черного моря¹⁶.

Возникновение трипольского земледельческо-скотоводческого очага не могло не сказаться на хозяйственно-культурном развитии племен к востоку от Днепра, которые позднее познакомились с начатками земледелия и скотоводства. Несмотря на внешние (по-видимому, племенные) различия между приднепровской трипольской и лежащей от нее к востоку ямной культурой III тыс. до н. э., наличие в ямных захоронениях костей домашних животных (но в меньшем количестве, чем в развитом триполье) наводит на мысль о трипольском хозяйственном влиянии.

Данный тезис, конечно, нуждается в дополнительном обосновании, но он имеет очень важное значение в свете той выдающейся роли, которую носители ямной культуры сыграли в истории юга Восточной Европы. Как устанавливает археология, ямная культура, распространявшаяся от Днепра до Поволжья и юго-западного Приуралья, послужила первичной основой для формирования последующей цепи отчасти синхронных, отчасти сменяющих друг друга культур: 1) катакомбной — «киммерийской»; 2) абашевской; 3) полтавкинской срубной — «скифской»; 4) срубной — андроновской — «сарматской»¹⁷. Все эти культуры — скотоводческо-земледельческие и как таковые, очевидно, возникли из одного источника — древнего ямного, в свою очередь, как нам представляется, связанного с еще более древним источником — трипольским¹⁸.

¹³ В е р а Г р о м о в а. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. — «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. 1. М., 1940, стр. 107—108.

¹⁴ С. Н. Б и б и к о в. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевая на Днестре. — МИА, 1953, № 38. М. — Л., стр. 191.

¹⁵ В. И. Б и б и к о в а. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевцевая. — МИА, 1953, № 38, стр. 457—458.

¹⁶ Т. С. П а с с е к. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. — МИА, 1961, № 84, стр. 184—203; е е ж е. Новое из истории трипольских племен Днепро-Днестровского междуречья. М., 1964.

¹⁷ О. А. К р и в ц о в а-Г р а к о в а. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46. М. А. Х а л и к о в. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Казань, 1966; К. Ф. С м и р н о в. Савроматы. М., 1964.

¹⁸ Правда, может быть сделано допущение о возможности распространения земледелия и скотоводства в северо-восточное Причерноморье не с запада, а с юга — с Кавказа, передавшего металлургическое искусство в Поволжье и Приуралье (Б. Г. Т х о н о в. Металлические изделия эпохи бронзы на

В настоящее время поднята интересная проблема взаимных контактов культур «срубно-андроновского круга», протянувшихся от северо-восточного Причерноморья до Енисея с глубоким проникновением в Среднюю Азию (тазабагыльская и родственные ей культуры)¹⁹. Как и на юге Восточной Европы, это были культуры скотоводов и земледельцев с оседлым образом жизни в прочных полуземлянках. Каковы же генетические корни их скотоводства? Относительно срубной культуры довольно уверенно предполагается все тот же юго-восточно-европейский источник²⁰. Сложнее обстоит дело с андроновским скотоводством Казахстана и Южной Сибири. То, что андроновцы вместе со своим скотом продвинулись с запада, кажется, не вызывает сомнений. Но и на доандроновских неолитических стоянках Казахстана и в афанасьевских погребениях на Енисее обнаружены кости домашних животных²¹. Учитывая это, А. П. Окладников ставил вопрос о самостоятельном южносибирском очаге возникновения животноводства²². В. И. Громова допускала, однако, возможность его заимствования из восточноевропейского или среднеазиатского источника²³. Очень может быть, что правда — на ее стороне.

При современном уровне знаний мы, видимо, в состоянии раскрыть основные факторы, способствовавшие историческому движению скотоводства из юго-восточной Европы через Северное Причерноморье, Поволжье и далее в азиатские просторы. Конечно, здесь имела место и своего рода «цепная реакция» заимствований от племени к племени, при условии, что заимствующая группа была уже в какой-то мере подготовлена к восприятию хозяйственного новшества. Но такой процесс распространения скотоводства по евразийским лесостепям и степям был бы слишком медленным и прерывистым, если бы ему не сопутствовали (а подчас и предваряли его) массовые миграции населения, хорошо знакомого со скотоводством.

Это не были миграции, так сказать, «безымянные»; есть много оснований к тому, чтобы связать их с начавшимися переселениями древних индоевропейцев. Затянувшиеся споры об индоевропейской «прародине» ныне в общем и целом склоняются к тому, что формирование первоначальной индоевропейской языковой общности происходило в Дунайско-Балканских странах и северо-западном Причерноморье, т. е. там, где в V—IV тыс. до н. э. развивались близкие друг другу культуры типа Кёреш-Старцев, Винча-Тордош, Боян, от которых генетические связи ведут к трипольской культуре. Кстати, представления об индоевропействе трипольцев давно уже укрепились в науке; сейчас они получили только новое обоснование. Общеиндоевропейская лексика отражает тот культурный уровень, когда земледелие и скотоводство были уже достаточно развиты, но металлы только что входили в употребление²⁴.

Распад индоевропейской общности на составные части («диалектные зоны») начался где-то в пределах III тыс. до н. э. В среде лингвистов все большее признание получает версия о том, что одна из таких «диалектных зон» — протоиранская общность — первоначально развивалась в северо-восточной части Причерноморья, с последующим расселением древних иранцев на восток через прикаспийско-поволжские степи и на юг через Кавказ²⁵.

Среднем Урале и в Приуралье. — МИА, 1960, № 90. М., стр. 89). Однако такие связи с Кавказом возникли не ранее конца III тыс. до н. э., когда ямная культура, генетически ничего общего с Кавказом не имеющая, уже выполнила свою историческую миссию в южноуральных степях.

¹⁹ С. П. Толстов. Новые археологические открытия в Хорезме. — «Индия в древности». М., 1964.
²⁰ П. Д. Либера. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА, 1960, № 53. М., стр. 150—151.

²¹ М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири. — КСИЭ, вып. 26, стр. 21.

²² «Народы Сибири». М. — Л., 1956, стр. 56.

²³ В. И. Громова, Указ. соч., стр. 108.

²⁴ Б. В. Горюнов. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л., 1966, стр. 64—69.

²⁵ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1966, стр. 121—127.

Если это так (а иначе мы многого не поймем в истории восточных индоевропейцев), то все права гражданства приобретает гипотеза об индоевропейском происхождении носителей ямной культуры*. Те линии преемственного развития, которые ведут от ямной культуры, с одной стороны, к катакомбной и «кimmerийской» культурам, с другой — к полтавкинской, срубной и скифской и т. д., сопровождаемые значительными передвижениями и контактами скотоводческо-земледельческих племен, по всей видимости, являются отражением этнических процессов дробления и расхождения, расселения и взаимодействия древних восточных индоевропейцев.

В пределы Башкирии индоевропейцы (очевидно, различных племенных групп) проникли вместе со своими культурами — абашевской, срубной, андроновской, и какой бы ни была их последующая судьба, эти ранние индоевропейцы, возможно, передали местному населению искусство скотоводства и земледелия. Трудно сказать, какая из перечисленных культур оказалась в этом отношении доминирующее влияние. Во всяком случае, преемники западных андроновцев, смешавшихся с носителями срубной культуры, — «сарматы» в раннем железном веке играли большую роль в жизни южных окраин Башкирии.

Явный индоевропейизм сарматов позволяет в этногенетическом плане, обернутом ретроспективно в эпоху поздней бронзы, считать и андроновцев людьми древнеиранского корня²⁶. Нам совсем непонятно, чем, кроме крайне спорной гипотезы Л. Р. Кызласова²⁷, руководствовались авторы, пишущие о том, что «андроновские племена в их северных и восточных вариантах достаточно обоснованно могут быть отождествлены с предками угров»²⁸. Искать угров на востоке — на Верхней Оби, на Енисее или на Алтае, по нашему глубокому убеждению, тщетно²⁹, ибо даже наиболее южные угорские (протомадьярские) группы располагались в основном между Южным Уралом и Иртышом, о чем, кстати, свидетельствует древнеугорская топонимика, занимающая лесостепную часть Южного Зауралья и Северного Казахстана и контактирующая там с древнеиранской³⁰.

Протомадьяры испытали значительное культурное влияние индоевропейцев (как известно, древнейшая скотоводческая терминология в угорских языках имеет древнеиранское происхождение)³¹, но они сохранили свой язык и поэтому в этническом отношении никак не могут быть отождествлены с ираноязычными собственно андроновцами**.

В свете обрисованных выше массовых переселений племен, знакомых с развитым скотоводством, невольно возникает критическая мысль: как же происходили эти миграции, если скотоводы не были еще настоящими кочевниками и жили в поселках с довольно прочной оседлостью? Следует решительно возразить против популярных в зарубежной научной литературе предположений о том, что главной причиной этих переселений явились климатические изменения — наступление сухого суббореального периода, когда огромные пространства на юге Европы, в Средней Азии и Южной Сибири будто бы подверглись такому

* Ямная культура в основном сдвинута по всей области ее распространения от Днепра до Приуралья, но это не исключает возможности ассимиляции ее создателями-скотоводами и, видимо, земледельцами — автохтонного неолитического охотничье-земледельческого населения.

²⁶ Ср. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 68; Э. Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. — „Studia Historica“, т. 13. Budapest, 1955 стр. 63.

²⁷ Л. Р. Кызласов. Ташкентская эпоха. М., изд. МГУ, 1960, стр. 166 и след.

²⁸ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 147.

²⁹ Кажется достаточно определенно установлено, что типичные угорские топонимы к востоку от мест современного проживания угров не встречаются (А. П. Дultzон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. М., 1964, стр. 2).

³⁰ А. К. Матеев. Древнеуральская топонимика и ее происхождение. — ВАН, вып. 1, стр. 140.

³¹ В. Н. Чернецов. Термины средств передвижения в мансийском языке. — «Памяти В. Г. Богорова». М.—Л., 1937.

** Поразительное культурное единство андроновцев (при наличии вполне естественных племенных вариантов) — лишний аргумент в пользу того, что они представляли собой этнически однородный массив племен. Наличие в кетском языке иранизмов указывает на то, что свой иранский язык андроновцы донесли до Енисея, где вошли в соприкосновение с афанасьевцами — наиболее вероятными предками кетских племен.

катастрофическому «усыханию» и остепенению, что тамошнее население стало искать более благоприятных условий для жизни где-то на стороне. Объективные данные показывают, что никаких таких катаклизмов в III—II тыс. до н. э. на юге нашей страны не произошло, а имело место лишь некоторое расширение степи к северу, отнюдь не приведшее к запустению сложившихся к тому времени центров земледельческой и скотоводческой культуры³².

Ныне точно известно, что земледельческо-скотоводческие миграции начались задолго до наступления наиболее сухого ксеротермического климата (примерно между XV и V вв. до н. э.) и происходили как раз не из глубины степи, а из областей со смешанным лесостепным ландшафтом, вполне пригодным для деятельности ранних земледельцев и скотоводов — из Балканско-Дунайских стран и северо-западного Причерноморья (см. выше). Значит, причину миграций мы должны искать не в изменениях географических условий, а в особенностях развития производительных сил.

Это требует некоторого отступления от нашей основной темы, так как мы уверены, что важнейшие очаги хозяйственного прогресса возникали не в степной, действительно трудной для культурного освоения полосе, а в достаточно увлажненных, умеренно лесистых местностях с почвами, пригодными для мотыжного земледелия и дающими богатый травостой для прокормления скота. Идеальными в этом отношении были местности, где очень раннее развитие получили дунайская культура линейно-ленточной керамики и днестровско-днепровская культура Триполья. Основой хозяйства здесь было мотыжное земледелие отчасти на свободных от леса участках лёссового плато, отчасти на почвах, освобожденных от древесной поросли подсеčno-огневым способом. Здесь же, подле засеянных полей, располагались пойменные пастбища для скота. Довольно убедительно доказано, что поселения дунайской и трипольской культур не были долговременными: основ полностью пригодные при экстенсивном мотыжном земледелии и пастушеском скотоводстве земельные угодья подле оседлых поселков, население через 10—15 лет вынуждено было искать новые удобные земли, переселяться на девственные массивы (по истощении которых возвращалось иногда на прежнее место)³³. Численный рост населения, дробление племен на дочерние подразделения и давление со стороны соседей, видимо, довольно рано вызвали у земледельцев и скотоводов лесостепной полосы западной части Северного Причерноморья тягу к переселению на восток от Днепра.

Палеогеографами установлено, что в среднем голоцене (V—I тыс. до н. э.) граница степи и лесостепи в Восточной Европе проходила южнее 50-й параллели, поднимаясь к северу в направлении от Среднего Поднепровья к Среднему Поволжью³⁴. Иначе говоря, зона остепенения расширялась по мере продвижения на восток, однако, как отмечал еще В. В. Докучаев, «в доисторическое время все речные долины наших степей, по крайней мере, долины, начало которых находится в лесной полосе России, были одеты смешанной лесной растительностью, вплоть до Черного и Азовского морей³⁵». Двигаясь на восток, земледельцы и скотоводы индоевропейского происхождения пересекали воздораздельные степные пространства, но первоначально осваивали не степи, а речные долины, где при тогдашнем уровне производительных сил им сподручнее было заниматься мотыжным земледелием и пастушеским скотоводством. Такой вывод вытекает, конечно, не из умозрительных соображений, а из того материала, которым на сегодняшний день располагает наука относительно хозяйственно-бытовых особенностей племен ямной и развившихся на ее основе других культур.

³² А. А. Ф о р м о з о в. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 106; П. Н. Т р е т ь я к о в. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, стр. 63—64.

³³ Е. К. Ч е р н ы ш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье. — МНД, 1962, № 102. М., стр. 83—84.

³⁴ М. И. Н е й ш т а д т. Палеогеография природных зон Европейской территории СССР в последлдиновое время. — Известия АН СССР, серия географическая, № 1, 1953.

³⁵ В. В. Д о к у ч а е в. Наши степи прежде и теперь. СПб, 1892, стр. 68.

Средством передвижения носителям ямной культуры служили тяжелые повозки с колесами из цельного дерева без спиц. «Едва ли, однако, — справедливо замечает О. А. Кривцова-Гракова, — эти повозки, запряженные быками, могли служить для далеких передвижений по степным пространствам Причерноморья, Поволжья и Приуралья»³⁶. Скорее всего, распространение населения ямного периода носило характер медленного просачивания на восток и север по мере освоения земель в речных долинах, если только оно временами не ускорялось межплеменными столкновениями. Носители ямной культуры определено тяготеют к приречным местностям, имевшим леса и хорошие пастбища. Напомним, что где бы ни были найдены ямные захоронения, они представляют собой прямоугольные, реже — округлые углубления, перекрытые накатником из крупных и толстых стволов деревьев (что-то вроде воспроизведения полудеревянных жилищ сооружений)³⁷. Все это никак не соответствует быту типичных степняков.

Сходными чертами был отмечен образ жизни восприимчивов ямной культуры. Как свидетельствует К. В. Сальников, проникновению полтавкинских скотоводов в Башкирию, на берега р. Белой, способствовало удачное расположение речной системы. Они должны были передвигаться по долинам рек Урал и Илек, а с правых притоков Урала — на притоки р. Белой³⁸. В свою очередь, срубные племена, выйдя с Нижнего Поволжья, глубоко внедрились в северо-восточное Причерноморье, достигли бассейнов Верхнего Донца, Ворсклы и Сулы и в самом конце бронзовой эпохи столкнулись со встречным движением чернолесской культуры среднего днепровского Правобережья; это привело к сложению своеобразных вариантов лесостепной культуры скифского времени³⁹.

От скифской эпохи в сочинениях античных авторов до нас дошли первые достоверные известия о том, что в Северном Причерноморье, наряду с оседлыми земледельческо-скотоводческим населением, уже кочевали многочисленные группы, в основе экономики которых лежало преимущественно скотоводство. Об образе жизни последних Гиппократ писал: «На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватает, переходят в другую местность» (С., 1, стр. 60). Столь же красноречиво свидетельство Страбона: «Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами — зимою в болотах около Меотиды, а летом — на равнинах» (С., 1, стр. 120—121).

Таким образом, в Северном Причерноморье где-то на рубеже бронзового и раннего железного веков совершился переход от пастушеского к кочевому скотоводству. Самый простой ответ относительно причины такого хозяйственно-бытового изменения обычно формулируется следующим образом: так как основным источником существования типичных степняков является скот, то количество его (при нормальных условиях) должно непрерывно возрастать, а это, в свою очередь, порождает необходимость постоянной смены мест пребывания, т. е. кочевничества населения для обеспечения скота пастбищами. Все эти жизненные обстоятельства, действительно, свойственны кочевничеству, но само его возникновение подготовлено длительным ходом производительных сил в своеобразных природных и хозяйственных условиях пограничной зоны лесостепи и степи. Раскрытие подлинных причин становления кочевничества в различных его локальных и эпохальных вариантах все еще остается нерешенной в полном объеме научной проблемой.

Специалисты продолжают спорить о том, где, когда и при каких обстоятельствах впервые зародилось кочевое скотоводство. П. Д. Либеров отстаивает точку зрения, согласно которой процесс превращения пастушеского скотоводства в кочевое в степном Правобережье Днепра происходил раньше, чем в Левобережье: в первом районе уже в эпоху ранней бронзы (первая половина II тыс. до н. э.), во втором районе — где-то в начале I тыс. до н. э. При-

³⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 72.

³⁷ Там же, стр. 14—15.

³⁸ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы, стр. 49.

³⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 6.

этом он считает указанный процесс довольно длительным и автохтонным, но осложненным проникновением в Северное Причерноморье восточных скотоводов-кочевников: племен срубной культуры, скифов и пр.⁴⁰ Иначе думает С. С. Черников: «... На территории СССР перешли к кочеванию и забросили свои оседлые поселения в первую очередь племена андроновской и срубной культур, жившие в степной и лесостепной полосе во II и в начале I тысячелетия до н. э.»⁴¹. Свообразен ход рассуждений М. П. Грязнова: в силу скачкообразного (?) характера развития производительных сил в Казахстане и Южной Сибири совершился стремительный переход от оседлого пастушеского скотоводства андроновской эпохи к полукочевому скотоводству карасукской эпохи, а после VIII—VII вв. до н. э. — сразу же к хозяйству «ранних кочевников»⁴². В общем же господствующим является мнение о возникновении кочевничества на широких степных просторах Евразии в первой четверти I тыс. до н. э.

Оценивая эти точки зрения, справедливо заметить, что каждая из них исходит только из того сравнительно узкого материала, которым располагают авторы в отдельности, причем материала из различных географических областей, а поэтому ни одна из них не может претендовать на некое универсальное раскрытие истории возникновения кочевого скотоводства. В одной из работ П. Д. Либерова удачно подобран сравнительно поздний этнографический материал, который, несмотря на его фрагментарность, достаточно убедительно показывает большое разнообразие местных форм скотоводства и скотоводческого быта, сложную динамику перехода от одной формы скотоводства к другой, неодинаковый состав стада и разное соотношение видов скота в различных естественно-исторических условиях⁴³. Мы уже не говорим о том, что скотоводство — все равно, пастушеское или кочевое — всегда подчинялось общим закономерностям развития производительных сил в данную эпоху и в данной стране.

Поэтому раскрытие полной картины истории скотоводства во всем многообразии его конкретно-исторических проявлений — есть дело будущего и, возможно, не столь близкого. Но это не избавляет нас от необходимости уже сейчас наметить основные вехи общего развития производительных сил, приведшего к возникновению кочевого скотоводческого хозяйства. Руководящее направление в такого рода разысканиях дает известное положение «Капитала» Маркса: «Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственно-го процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»⁴⁴.

По сравнению с неолитом эпоха бронзы в лесостепной полосе Евразии ознаменовалась заметным ростом производительных сил в двух основных сферах: в производстве орудий труда и в производстве средств существования. Во II тыс. до н. э. повсеместно, где это было возможно, под посевы возделывались участки надпойменных террас, но особенно успешно прогрессировало скотоводство. Значительно возросло народонаселение. Приведем лишь один убедительный пример. В местах, где производились тщательные археологические разведки, в частности, в бассейне Большого и Малого Иргица (в Заволжье), населением срубной культуры были сплошь заняты берега всех больших и малых рек, тогда как поселения предшествующей полтавкинской культуры здесь встречаются редко⁴⁵.

Однако следует учитывать, что этот производительный рост был экстенсивным, т. е. происходящим главным образом за счет непрерывного расширения хозяйственно используемых площадей. Земля и ее растительный покров эксплуатировались самым примитивным

⁴⁰ П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 152—154.

⁴¹ С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965, стр. 72.

⁴² М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — КСИЭ, вып. 25. М., 1956.

⁴³ П. Д. Либеров. Указ. соч.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 18.

⁴⁵ И. В. Сяницын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. — СЛ. 51, 1949, стр. 197; О. А. Крицова-Гракова. Указ. соч., стр. 77.

способом: неумеренно вырубались леса, истощалась пущенная под мотыжную обработку почва, вытаптывались и засорялись пойменные пастбища. Единственным средством восстановления естественного плодородия почвы было прекращение ее эксплуатации на какое-то время, что требовало периодических переселений оседлых скотоводов и земледельцев на новые места. Кстати, в научном споре о причинах иссушения степей и остепнения лесостепи следует обязательно учитывать разрушающую деятельность человека в условиях господства экстенсивных форм хозяйствования⁴⁶.

Но опять-таки, признавая факт активного остепнения, имевшего место в том же II тыс. до н. э., нам нет никаких оснований следовать за сторонниками географического детерминизма, определяющими взаимоотношения между географической средой и обществом как однолинейный процесс приспособления человеческой культуры к специфической экологической природной среде. Причину перехода к полукочевому скотоводству мы усматриваем в экономических условиях, сложившихся к исходу эпохи бронзы и в раннем железном веке.

Есть основания полагать, что в данный период усилилось объективное противоречие между возросшим народонаселением, его все более усложняющимися материальными и социальными потребностями и достигнутым уровнем их удовлетворения посредством мотыжного земледелия и пастушеского скотоводства на сравнительно ограниченной кормовой территории. В местных условиях остепненной среды прогрессу земледелия могла способствовать только широкая распахка тучных, сильно задернованных черноземов, а для этого необходима была новая агрикультура, основанная на плужной обработке почвы. Бронзовый век южнорусских и зауральских степей такой агрикультуры не знал. Как известно, пашенное земледелие развивались в Причерноморской Скифии только с раннего железного века, где оно было связано с постоянной оседлостью. Здесь необходимо отметить то существенное обстоятельство, что развитие плужного земледелия в Причерноморье явно способствовало возвращению многих, ставших перед этим кочевыми, скифских групп к оседлости, но на более прочной, чем в бронзовом веке, основе⁴⁷.

Но повторяем, во II тыс. до н. э. господствующее мотыжное земледелие лимитировало возросшие потребности населения в пропитании. Поэтому естественно, что посетители срубной и синхронных ей культур большее внимание обратили на развитие скотоводства, которое во второй половине обзереваемого тысячелетия выдвигается на передний план. Но и тут вскоре возникает объективное противоречие между растущим поголовьем скота и возможностью его круглогодичного содержания на присельских пойменных пастбищах без достаточной (весьма трудоемкой) дополнительной заготовки травяных и веточных кормов на зиму. Определенным выходом из положения было развитие коневодства. Обладая высоко развитой способностью тебеневать по снегу, лошадь не только легче других животных добывает себе пищу в зимних условиях, но и, разбивая снежный покров, делает травянистую растительность лесостепных и степных пастбищ доступной для других видов скота, у которых эта способность выражена слабее (овцы и козы) или вовсе отсутствует (крупный рогатый скот, верблюды)⁴⁸.

Тем не менее практический опыт убедил скотоводов позднебронзовой эпохи в необходимости изменения режима выпаса количественно растущих стад (ко всему прочему становящихся основным богатством и предметом развивающегося обмена) путем периодического выхода со скотом на степные водоразделы летом с возвращением на пойменные пастбища зимой. Поэтому быт скотоводов становится полукочевым, поселки в речных долинах служат преимущественно зимникам¹, мотыжное земледелие или совсем забрасывается, или

⁴⁶ Ф. Н. Мильков. Взаимотношения леса и степи и проблема смещения ландшафтных зон в Русской равнине. — Известия ВГО, 1952, № 5, стр. 44.

⁴⁷ П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 154.

⁴⁸ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА, 1960, № 53, стр. 91.

существует на небольших пойменных участках подле мест длительных остановок скотоводов.

Твердо установлено, что в любом скотоводческом хозяйстве при нормальных условиях его функционирования в определенной географической среде между отдельными видами скота существует закономерное соотношение. Так, в южной полосе оседлому быту соответствует значительный процент (иногда до половины общего поголовья) крупного рогатого скота, всегда меньший процент лошадей, в несколько раз меньший процент мелкого рогатого скота и сплошь и рядом наличие какого-то количества свиней. Таков, в частности, классический уровень скотоводства срубной культуры⁴⁹. В хозяйстве, переходящем к кочевничеству, роль крупного рогатого скота, как правило, заметно снижается, свинное поголовье доходит до минимума или совсем исчезает, но резко возрастает количество лошадей и овец. Эти наиболее «мобильные» животные лучше других видов приспособлены для круглогодичной тебеневки и наиболее успешно разводятся на степных пастбищах.

Данное обстоятельство позволяет специалистам на основании изучения остеологических остатков в археологических памятниках довольно объективно судить о хозяйственном образе жизни их создателей. Такой опыт, проделанный П. Д. Либеровым на материалах поселений последовательных этапов развития срубной и скифской культур северо-восточного Причерноморья⁵⁰, убедительно показал, что среди срубников элемент оседлости и полuosедлости был довольно значительным и только от начала I тыс. до н. э. в южнорусских степях все более возрастают элементы кочевничества. Конечно, это не означает, будто все скифское население перешло «на колеса» (в буквальном смысле, как об этом сообщал Гиппократ)⁵¹. Довольно плотные массивы оседлых жителей имелись не только в лесостепи, но и в степи.

Как бы то ни было, широкий выход скотоводов в степи и освоение их под пастбища означал дальнейшее расширение производительных способностей населения южной зоны, так как переход к полукочевому образу жизни потребовал выработки многих новых производственно-бытовых навыков и, как мы видели, даже полной перестройки состава стада. Выделение степного скотоводства в самостоятельную отрасль производства следует рассматривать как начавшееся углубление широкого общественного разделения труда между земледельцами и скотоводами, подготовленное всем предшествующим развитием экономики населения южной зоны Евразии эпохи бронзового века. Мы намеренно говорим здесь о начавшемся процессе, так как в позднеантичное и раннесредневековое время широкое разделение труда между земледельцами и скотоводами продолжало углубляться.

В связи с этим возникает интереснейший вопрос об экономическом взаимодействии этих соседящих групп населения, которое, как показывают многие факты, не прерывалось никогда, даже в периоды активного политического и военного давления кочевнических объединений на земледельческий мир. Но это уже тема другого исследования.

У автора нет сомнений, что поднятые в данной статье историко-этнографические вопросы широкого диапазона имеют определенное касательство к истории Башкирии. Разработка их на местном материале позволит значительно продвинуть вперед научное понимание истории древней и средневековой культуры и экономики этнических групп, сыгравших решающую роль в формировании башкирского народа.

⁴⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 70—71.

⁵⁰ П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 120, 123.

⁵¹ По словам Гиппократа, у скифов «нет домов, живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные... В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов... В таких кибитках помещаются женщины, мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей» (Sc, I, стр. 60).

Р. Г. КУЗЕВ

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА БАШКИР в X—XIX вв.

(к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию)

История хозяйства башкир специальной монографической разработке не подвергалась. Эта тема, однако, была в центре внимания многих исследователей, для которых история Башкирии и башкир была объектом капитального изучения. Ценные сведения о хозяйстве башкир содержатся в трудах выдающихся историков XVIII в. В. Н. Татищева и П. И. Рычкова; собственно в русской историографии им принадлежит первая попытка обобщенно представить историю башкир, в том числе историю их хозяйства в XVIII в.¹ В XIX в. появляется несколько крупных исторических или историко-этнографических исследований с обстоятельной характеристикой хозяйства башкир в разные исторические эпохи. Выделяются среди них подробнейшие описания хозяйственной жизни северных башкир Н. Попова, монографии В. М. Черемшанского и особенно В. Н. Витевского². Эти три работы в исторической литературе XIX в. о башкирах занимают особое место; они не только представили впервые систематизированную хозяйственную и политическую историю башкир в XVI—XIX вв., но и заложили основы научного познания (с позиции дворянско-буржуазной историографии) истории населения Южного Урала и Приуралья. Многие из десятков и даже сотен работ, опубликованных в XIX в. по истории и хозяйству башкир³, написаны под тем или иным влиянием этих исследователей.

В конце XIX столетия появилась серия работ, специально посвященных характеристике экономического положения башкир определенного региона или описанию и анализу

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, стр. 237; П. И. Рычков. Топография Оренбургская, ч. 1, гл. IV. Оренбург, 1887; е г о ж е. О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии.— «Памятная книжка Уфимской губернии», ч. 2. Уфа, 1873, стр. 131—136.

² Н. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 3. СПб., 1813, стр. 1—50; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859; В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. 1, гл. VI—VIII; т. 2, гл. XIII—XV; т. 3, гл. XXVII—XXVIII. Казань, 1889—1897.

³ См. подробную библиографию в «Материалах по истории Башкирской АССР», ч. 1. М.—Л., 1936, стр. 497—536.

состояния какой-либо одной отрасли хозяйства всех башкир⁴. Написание с привлечением обширного статистического материала и под влиянием растущих тогда в России буржуазно-демократических идей, эти работы придали исследованиям хозяйственной жизни башкир новую направленность, характерной чертой которой была более глубокая характеристика истории и структуры башкирского хозяйства.

Качественно новая ступень в изучении хозяйства башкир наступила после Октябрьской революции. Уже в 20-х годах нашего столетия появляется ряд работ, в которых развитие башкирского хозяйства рассматривается в тесной связи с основными направлениями социально-экономической и политической истории края⁵. Крупным событием, резко расширявшим фактологическую основу исследований по социально-экономической и политической истории Башкирии в XVII—XVIII вв., было начало публикации «Материалов по истории Башкирской АССР». Первый том этой серии вышел в 1936 г.⁶ с обширной вводной статьей А. П. Чулошникова, в которой впервые, правда в общей форме, был поставлен вопрос о соотношении оседлого земледелия и кочевого скотоводства в хозяйстве башкир в XVIII в. и эволюции этого соотношения на протяжении ряда столетий⁷. Характеристика башкирского хозяйства в исследованиях, опубликованных в конце 30-х и в 40-х годах дана под тем или иным влиянием работы А. П. Чулошникова, а также включенных в «Материалы...» документов⁸. В 1949 г. была возобновлена публикация документов по истории Башкирской АССР; с выходом в свет 3, 4, 5 томов этой серии историческая наука обогатилась обширнейшим кругом источников по социально-экономической и политической истории Башкирии XVIII в.⁹ Во всех работах, увидевших свет в последнее десятилетие, хозяйство башкир XVII—XVIII вв. подвергнуто описанию с учетом новой документальной базы. Это позволило уточнить многие прежние характеристики относительно структуры башкирского хозяйства, выделить на территории Башкирии XVIII в. районы с преобладанием какого-либо одного типа хозяйства (обычно полукочевого скотоводства или оседлого земледелия), дать достаточно подробное описание тех или иных занятий башкир, определить уровень их развития и технической оснащенности¹⁰.

История хозяйства башкир в XIX в. остается малоизученной. По этому периоду наиболее капитальными работами остаются упомянутые выше монографии В. М. Черемшанского и работа Н. А. Чулошниковой. Медленно идет также и накопление архивных источников.

⁴ Л. П. Сабанеев. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873; Н. Л. Скалозубов. Очерк экономического положения населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1898; А. Калачев. Очерки современного экономического положения башкир Уфимской губернии. — «Живая старина», т. 9, вып. 3. СПб., 1899 и др.

⁵ Н. А. Чулошников. К истории башкирского земледелия и русской поземельной политики в Башкирии после указа 1832 г. — «Труды Оренбургского общества по изучению Киргизского края», вып. 1. Оренбург, 1921, стр. 5—40; М. Никитин. Основные моменты колонизации Башкирии. — «Хозяйство Башкирии», 1928, № 6—7.

⁶ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1 (Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв.). М. — Л., 1936.

⁷ А. П. Чулошников. Феодалы и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. — «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, стр. 3—7.

⁸ В. И. Лебедев. Башкирское восстание 1706—1711 гг. — «Исторические записки», № 1. М., 1937; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1940; Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1662—1664 гг. — «Исторические записки», № 24. М., 1947 и др.

⁹ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3 (Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в.). М. — Л., 1949; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 4, ч. 1 и 2 (Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50—70-х годах XVIII в.). М., 1956; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5. М., 1960.

¹⁰ С. И. Руденко. Башкиры, историко-этнографические очерки. М., 1955, стр. 61—65; Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1. Уфа, 1957, стр. 21—26; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960, стр. 25—27, 158—164; Н. В. Устюгов. Башкирия. — «Очерки истории СССР». Период феодализма, XVII в. М., 1955, стр. 796—798; Н. Ф. Демидов. Социально-экономические отношения в Башкирии в первую четверть XVIII в. — «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, стр. 26—39.

Между тем наиболее крупные качественные сдвиги в структуре башкирского хозяйства произошли именно в XIX столетии. Это зафиксировано, правда, без развернутого анализа внутренних и внешних причин эволюции хозяйства башкир и на сравнительно небольшом фактическом материале, в исследованиях, посвященных главным образом политической истории края начала XX в.¹¹ Лишь недавно историческая литература о Башкирии обогатилась капитальным исследованием, специально посвященным проблемам социально-экономической истории края в начале XX в.; в нем дана также интересная характеристика хозяйства башкир на рубеже двух веков¹².

Самой крупной обобщающей работой, в которой дан обзор истории хозяйства башкир на протяжении ряда столетий, главным образом — XVII—XIX вв., являются «Очерки по истории Башкирской АССР»¹³. Хотя они явились серьезным достижением историков республики и впервые дали обобщенную картину постепенной эволюции хозяйства башкир, им в то же время присущи почти все те недостатки и пробелы, которые в свете нашей темы характерны для упомянутых выше монографических исследований и отдельных статей.

Если взять всю опубликованную литературу по истории хозяйства башкир, нетрудно заметить, что хозяйственная жизнь башкирского народа в различные эпохи изучена далеко не равномерно. Наименее исследована история хозяйства башкир до XVI в.; несколько шире наши знания о XVI—XVII вв.; основная же часть работ освещает экономику башкирского общества в XVIII—XIX вв., хотя и здесь полнота изучения разных периодов весьма различна. Это обстоятельство является серьезным препятствием на пути создания общей схемы развития башкирского хозяйства в масштабах нескольких столетий. Историкам и этнографам предстоит проделать весьма трудоемкую работу по заполнению существующих пробелов. На этом пути, однако, им придется столкнуться с рядом конкретных вопросов, без решения которых о разработке общей истории хозяйства башкир не может быть и речи. Недостаточно, например, ясна историческая основа хозяйства башкир. До недавнего времени этот вопрос дискуссионным не считался: башкиры до X в. н. э. рассматривались как кочевники-скотоводы. Однако открытие археологами материальных остатков земледелия, в частности, в поздних слоях бахмутинской культуры (V—VII вв. н. э.)¹⁴, послужили основанием для выдвижения тезиса о древних корнях оседлого земледельческого хозяйства среди северо-западных башкир¹⁵. Аналогичные предположения выдвигаются также некоторыми историками, которые нередко истоки пашенного земледелия северо-западных башкир, зафиксированного многочисленными письменными источниками XVIII в., склонны возводить к земледельческим занятиям племен, населявших край в I тыс. н. э.¹⁶. Нет также ясности в таком первостепенной важности вопросе, как у д е л ь н ы й в е с о с е д л о г о з е м л е д е л ь я в х о з я й с т в е б а ш к и р с к о г о н а р о д а в различные исторические эпохи. Господствовавший ранее в литературе взгляд на то, что башкиры были исконными номадами, сохранившими свой образ жизни с некоторыми изменениями до конца XIX и даже первых десятилетий XX в., постепенно сменился другой концепцией, основная идея которой сводится к утверждению, что башкиры после присоединения к Русскому государству на протяжении XVI—XVIII вв. перешли к земледелию и в XIX в. в основной своей массе мало отличались по образу жизни от оседлых соседей.

¹¹ Р. М. Раимов. 1905 год в Башкирии. М.—Л., 1941, стр. 9—14; его же. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952, стр. 35—55; С. Н. Нигматуллин. Крестьянские движения в Башкирии в период революции 1905—1907 гг.— «К 50-летию первой русской революции». Уфа, 1956, стр. 96—97.

¹² Х. Ф. Усманов. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958, стр. 14—20.
¹³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 44—45, 86—89, 124—127, 204—213, 259—263; ч. 2. Уфа, стр. 9—14, 176—180, 292—293.

¹⁴ Н. А. Мажитов. Поселения бахмутинской культуры.— «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 149; его же. Поселение Ново-Турбаслинское II.— АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 158.

¹⁵ К. В. Сальяиков. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.— АЭБ, т. 2. 1964, стр. 14—15.

¹⁶ Н. В. Устюгов. Башкирия, стр. 796.

По расчетам Р. М. Раймова, уточненным Х. Ф. Усмановым, к концу XIX в. «основная масса башкирского населения занималась хлебопашеством»; 64% башкир занимались земледелием, 26% — лесными промыслами и лишь 10% — полукочевым скотоводством в сочетании с начатками земледелия¹⁷. Изменения взглядов на эволюцию башкирского хозяйства по мере накопления новых материалов являются естественными; однако приходится констатировать наметившуюся в последние годы тенденцию преувеличивать темпы внедрения оседлого земледелия в экономику башкир в XVII—XIX вв. При определении масштабов развития земледелия в тех или иных районах наблюдается смешение таких взаимосвязанных, но все же разных понятий, как тип хозяйства и образ жизни; в условиях Башкирии XVIII—XIX вв. наличие посева далеко не всегда означало полную оседлость данного хозяйства, и наоборот, не все оседлые башкиры имели посевы.

Нуждается в дальнейшем изучении и вопрос о хозяйственном районе в а н и территории Башкирии. Уже в конце XIX в. исследователи делят территорию Башкирии на западную — земледельческую — и восточную — скотоводческую области¹⁸. В дальнейшем эта идея была развита и более четко обоснована в работах советских историков. В частности, Х. Ф. Усманов выделяет земледельческий район (западная Башкирия), горно-лесной район, где основным занятием башкирского населения были лесные промыслы и скотоводство, и земледельческо-скотоводческий район (восточная Башкирия)¹⁹. Разделение Башкирии на указанные выше хозяйственные районы в XIX в. существенных разногласий не вызывает, однако определение уровня развития и структуры хозяйства в каждом из районов требует тщательного изучения. Особенно малоисследованным является вопрос о времени формирования хозяйственных районов Башкирии. Большинство исследователей считает, что местные различия в хозяйстве башкир сложились преимущественно в XVI—XVIII вв.; в то же время нередко формирование земледельческой области Башкирии возводят, по крайней мере, к болгарскому периоду истории народов Среднею Поволжья²⁰.

Пробелы в исследовании истории башкирского хозяйства объясняются не только новизной и сложностью многих вопросов или односторонностью письменных источников XVII—XIX вв., которые в общем-то слабо отражают внутреннюю структуру башкирских хозяйств; дело еще в том, что в исторической литературе установился несколько упрощенный подход к такому сложному явлению, как влияние на хозяйственное развитие башкир оседлых земледельческих народов: болгар, русских, татар и др. Во многих работах исходным является положение, предполагающее, что соседство и территориальные контакты скотоводов-кочевников и оседлого земледельческого населения само по себе обеспечивает направление и силу влияния и более или менее быстрый переход кочевников к оседлости и земледелию. Такая абсолютизация силы влияния, которой начали объяснять очень многие, а иногда почти все сложные процессы эволюции хозяйства башкир, неизбежно происходит за счет ослабления внимания к внутренним, глубинным явлениям, без учета которых едва ли возможно построить достоверную картину истории хозяйственной жизни любого народа. Переход народа от одного типа хозяйства к другому (в данном случае от кочевого скотоводства к оседлому земледелию) чрезвычайно сложный процесс и упрощать его, сводя все или почти все к влиянию, было бы вульгарной примитивизацией исторического процесса.

¹⁷ Р. М. Раймов. 1905 год в Башкирии, стр. 14; Х. Ф. Усманов. Указ. соч., стр. 20.

¹⁸ П. С. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», № 1—2. СПб., 1890, стр. 173.

¹⁹ Х. Ф. Усманов. Указ. соч., стр. 18—19.

²⁰ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 132; Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 22; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству, стр. 26.

Все эти вопросы интересны не сами по себе, а главным образом с точки зрения создания более точной основы для анализа социально-экономических отношений и истории культуры башкир. Известно, что смена типа хозяйства и даже способов его ведения никогда не ограничивается только сферой хозяйственной деятельности человека; она вызывает крупные изменения в развитии производительных сил в целом и соответственно серьезные сдвиги в социальной структуре общества, общественных отношениях и культуре.

Настоящая статья ставит целью не столько решить упомянутые выше вопросы, сколько привлечь к ним внимание исследователей; другая задача — обрисовать исторический путь развития хозяйства башкир в X—XIX вв. в тесной связи с основными направлениями политической и этнической истории края.

В соответствии с установившимися главными контурами периодизации истории Башкирии хозяйство башкир рассматривается нами по трем крупным периодам:

- а) с X в. до присоединения Башкирии к Русскому государству (XVI в.);
- б) с момента завершения присоединения Башкирии к Русскому государству в конце XVI в. до буржуазных реформ 60-х годов XIX в.;
- в) пореформенный период XIX в.

Территория и хозяйство башкир в X—XVI вв.

Приступая к рассмотрению хозяйства башкир до XVI в. надо иметь в виду, что Башкирия в этот период, особенно в первые столетия нашего тысячелетия, не была ни замкнутым природно-хозяйственным, ни автономным политическим регионом. В X в. Башкирия представляла собой северную и северо-западную периферию огромного кочевнического мира тюркских племен и племенных объединений. По крайней мере, с конца I тыс. н. э. Южный Урал, Приуралье и населяющие их племена находились в тесной хозяйственной и этнической связи с Приаральем, низовьями Сыр-Дарьи, Западной Сибирью, Волго-Яицкими степями, Северным Кавказом и Средним Поволжьем. Эти связи по существу не прерывались много столетий, хотя в соответствии с развитием политической карты упомянутых районов евразийского континента сила и направление этих взаимосвязей постоянно менялись. До начала монгольского нашествия, например, часть башкирских племен составляла восточную провинцию Булгарского государства; основная же территория Башкирии входила в политическое объединение Дешт-и-Кипчак. В XIII—XIV вв. башкиры — подданные золотоордынских ханов, а с начала XV в. территория Башкирии была расчленена между Ногайской Ордой, Казанским и Сибирским ханствами. Лишь с конца XV в. и особенно в XVI в. среди башкирских племен начинает активно проявляться тенденция к политической централизации. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству было одним из проявлений этой тенденции. С другой стороны, X—XVI вв. были периодом формирования башкир в народность: именно в ту эпоху происходит расселение башкирских племен на современной территории их обитания и активное их приспособление к природным условиям. Без учета всех этих факторов — особенностей природно-географических условий территории и, в равной степени, основных направлений этнической и политической истории огромного региона от Черного моря до Аральского — невозможно было бы рассчитывать на сколько-нибудь достоверный анализ хозяйственной жизни башкир в эпоху средневековья.

* *

В X в. башкирские племена были кочевниками-скотоводами. Ибн-Фадлан (922 г.), описывая свое прибытие «в страну народа турок, называемого аль-Башгирд», указывает, что обитатели этой страны кочевали поблизости от камских булгар и печенегов²¹. Краткую, но

²¹ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 66.

в то же время чрезвычайно точную характеристику образу жизни башкир дает Ибн-Руста (около 912 г.): «Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища»²².

В установлении на обширных пространствах Приуралья и Зауралья кочевого скотоводства как господствующего типа хозяйства первостепенную роль сыграли физико-географические условия этого региона. Сочетание гор, покрытых густыми лесами и богатых летними пастбищами, с малоснежными степями и лесостепями, в перелесках которых удобно укрывался скот во время зимних буранов, — было необходимым условием для кочевников, круглый год державших скот на подножном корму (тебеневке). Расчлененный рельеф предгорных долин создавал хорошие возможности для зимовки скота — ветер, сдувая снег с возвышенных частей на низины, облегчал тебеневку. Разнообразная фауна лесов, многочисленные реки и озера были основой для развития других традиционных занятий кочевников — охоты, бортничества, рыболовства. Примечательно то, что древние районы кочевого скотоводства возникли и развивались примерно в аналогичных природно-географических условиях: на Алтае, предгорьях Тянь-Шаня, в Монголии, Северном Кавказе²³.

Есть серьезные основания полагать*, что примерно с середины I тыс. н. э. юго-восточный Урал, а позднее южное и юго-западное Приуралье входили в единый территориально-хозяйственный комплекс с северным Приаральем и низовьями Сыр-Дарьи; здесь установился круглогодичный цикл кочевки с учетом климатических особенностей отдельных частей этого огромного региона. Короткие зимние месяцы кочевники со своими стадами проводили в присырдарьинских и приаральских степях. По мере приближения весны стада уходили на север; сроки продвижения кочевников на летние пастбища соответствовали срокам наступления весны и ее продвижения к северу. В жаркие летние месяцы скот укрывался в прохладных долинах уральских предгорий. С первыми признаками осени кочевники снимались с летних пастбищ и медленно продвигались на юг, добираясь до приаральско-присырдарьинских зимних пастбищ лишь к наступлению зимы. Такие дальние переходы кочевников заставляли совершать, как видим, особенности природно-климатических условий: летом трава на приаральско-присырдарьинских равнинах часто выгорала и приходилось перегонять стада на богатые и сочные травы горных и предгорных пастбищ Урала. Осенью кочевники уходили от холода и снежных буранов снова на юг.

Передвижения кочевников от зимних к летним пастбищам на многие сотни километров не являются чем-то необычным, особенно для эпохи раннего средневековья. Восточные источники часто упоминают о том, что кочевники, чтобы сохранить стада, на зимнее время перебирались далеко на юг. Гардизи сообщает о кипчаках: «Зимой они вводят лошадей в отдаленную страну»²⁴; Масуди (X в.) и Идриси (XI в.) упоминают о далеких перекочевках «гузов» и других тюркских племен на зиму в причерноморские и приазовские степи²⁵. Это вполне соответствует описаниям Гильома Рубрука, который в середине XIII в. писал об обитателях половецкой степи: «Зимой они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные»²⁶. Главной целью далеких передвижений кочев-

²² Д. Х в о л ь с о н. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, маджарах, славянах и руссах Ибн-Руста. — ЖМНП, декабрь, 1868, стр. 669—670. (Описание Ибн-Руста относится к «маджарам», однако для восточных авторов IX—XIII вв. смешение «маджар» — мадьяр и башкир явление обычное. Приведенная цитата относится, очевидно, к башкирам, так как Ибн-Руста уязвляет: «Маджары — это тюркское племя», стр. 669).

²³ Л. Н. Г у м и л е в. Хунну. М., 1960, стр. 95; С. И. Р у д е н к о. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства но кочевниках. — «Материалы по этнографии», вып. 1. Л., 1951, стр. 13; М. И. А р т а м о н о в. История хазар. Л., 1962, стр. 362.

* См. статью «К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э.» в настоящем томе, стр. 227.

²⁴ В. В. Б а р т о л ь д. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 106—107.

²⁵ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. 1. М. — Л., 1939, стр. 167, 221.

²⁶ Г и л ь о м д е Р у б р у к. Путешествие в восточные страны. — «Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука». Редакция, вступительная статья и примечание Н. П. Шатиной. М., 1957, стр. 91.

ников было сохранение трав на зимних пастбищах, расположенных в малоснежных районах. Традиция такой системы ведения кочевого скотоводческого хозяйства у башкир сохранилась очень долго: даже в XIX в. зауральские башкиры весной и летом старались отходить от деревни на несколько десятков километров, чтобы уберечь от вытравливания наиболее ценные зимние пастбища²⁷.

Таким образом, основной особенностью «Арало-Уральского цикла» кочевания, который установился в этом районе к рубежу I и II тыс., были постоянные круглогодичные передвижения кочевников со стадами с юга на север и с севера на юг в строгом соответствии со сменной времен года. С изменением политической обстановки в Восточной Европе и в Средней Азии «Арало-Уральский цикл» кочевания постепенно затухал, однако о былом его господстве свидетельствуют некоторые недавние традиции присырдарьинских казахов. Еще в конце прошлого столетия они на лето перегоняли стада на верховья Яика, Тобола и даже Уя, т. е. в зауральскую Башкирию²⁸. Древность и глубокая традиционность Арало-Уральского цикла кочевания хорошо иллюстрируются материалами по этнографии башкир: этногенетическими преданиями башкир о переселениях их предков на Урал с низовьев Сыр-Дарьи, многочисленными историческими повествованиями о нахождении древней родины башкирских племен в «Башкортских горах» близ Бухары, у побережья легендарного моря Мбуф (Аральское) или на Мавераннахре и т. п.²⁹. Показательны в этом отношении предания, легенды и исторические песни о животных-покровителях в башкирском фольклоре, объединенных единым сюжетом повествования: животное (волк, конь, корова, овца) помогает найти дорогу заблудившимся предкам башкир и приводит их из Приаралья на Урал. Таковы предания о мифическом волке, который был покровителем юго-восточных башкир на пути из низовьев Сыр-Дарьи на Урал; сказание башкир рода тырнаклы, бий(родовой вождь), который еще на Сыр-Дарье потерял любимого коня (*бузат*), и, идя по его следу, перекопывал вместе со своими соплеменниками на Урал. Многие северо-восточные башкиры, как рассказывают их легенды, переселились на Урал из Средней Азии, идя по следу потерявшей отары овец³⁰. К этому же циклу примыкает старинная башкирская песня Конгор-буга (*Жуңыр-бога*) и легенда к ней, повествующие трогательную историю о том, как башкирская девушка, выданная замуж в далекую Каракалпакию, вернулась оттуда на родину, идя по следу коровы, с наступлением весны отправившейся в путь на родину, к прохладным горным долинам Урала³¹. Былые урало-приаральские этнические и хозяйственно-территориальные связи зафиксированы письменными документами, и сравнительно недавно времени. В описании «Киргиз-Кайсакской Орды», составленном в 1734 г., указывается, что казахи Среднего Жуза «кочуют по реке Таргой (Тургай — Р. К.) и по другим, которые башкиры называют своими»³². Казахи Младшего Жуза, кочевавшие «близ Аральского озера», а также между пределами Среднего Жуза и Яиком, по словам того же источника, «не мало башкирской земли захватили»³³.

Эти материалы не только подтверждают существование на рубеже двух тысячелетий Арало-Уральского цикла кочевания; они позволяют выдвинуть положение о том, что с этой системой кочевания связана миграция на Южный Урал тюркских племен, сыгравших решающую роль в формировании этнического облика башкирской народности.

²⁷ Полевые записи 1953 г.

²⁸ М. С. М у к а н о в. К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области (вторая половина XIX в.). — «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 12, 1961, стр. 137; В о с т р о в. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Тургайской области. — «Вопросы этнографии и антропологии Казахстана». Алма-Ата, 1962, стр. 75; Полевые записи 1959 г., стр. 103—112.

²⁹ «Башкирские шежере». Уфа, 1960, стр. 50—52, 54, 58, 66, 84, 200.

³⁰ Полевые записи 1953, 1958, 1959 гг.

³¹ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 292. История песни «Конгор буга», л. 12; Э. Х а р и с о в. Башкорт халыҡ ижады, т. 1. Өфө, 1954, 193, 291 бит.

³² ПСЗ, т. 9. СПб., 1830, стр. 309.

³³ Т а м ж е.

С. П. Толстов характеризует хозяйство аральских племен с древнейших времен и до XI в. н. э. как комплексное скотоводческо-рыболовно-земледельческое. Такой тип хозяйства сложился здесь в результате взаимодействия и смешения пришлых тюркско-кочевников (в том числе кангаров, известных позже под именем печенегов) с местными племенами оседлых рыболовов и земледельцев. Едва ли это смешение было окончательным. На протяжении всей второй половины I тыс. н. э. среди различных племен приаральских степей и аральского побережья, хозяйство которых характеризуется в целом как комплексное, преобладал тот или иной тип хозяйства: в степях — кочевое скотоводство, в долине рек и на побережье моря — оседлое земледелие и рыболовство. По мере продвижения с востока новых волн кочевников и, возможно, в силу других, нам пока не известных, причин удельный вес кочевого скотоводства в хозяйстве значительной части аральских племен поднимается. Весьма вероятно, что новый подъем кочевого скотоводства в аральском регионе и передвижения кочевников на дальние расстояния были связаны с временным засыханием степной зоны, начавшейся в IX и достигшей кульминации в X в. Увлечательная гипотеза, опубликованная недавно Л. Н. Гумилевым, убедительно показывает тесную взаимосвязь явлений природы, развития хозяйства и этнополитической истории в эпоху средневековья³⁴.

Так или иначе, в IX—XI вв., по словам С. П. Толстова, происходит «отрыв стад» от древних оседлых поселений», активно идет процесс «образования настоящего кочевого хозяйства — развитым циклом»³⁵. Именно к этому времени относится, судя по нашим материалам, расцвет Арало-Уральской системы кочевания, в иных масштабах практиковавшейся кочевниками и в предшествующие столетия. Новейшие археологические данные свидетельствуют, что «освоение» Южного Урала и прилегающих степных и лесостепных просторов кочевниками с азиатскими чертами культуры имело место по крайней мере с VII—VIII вв. н. э.³⁶.

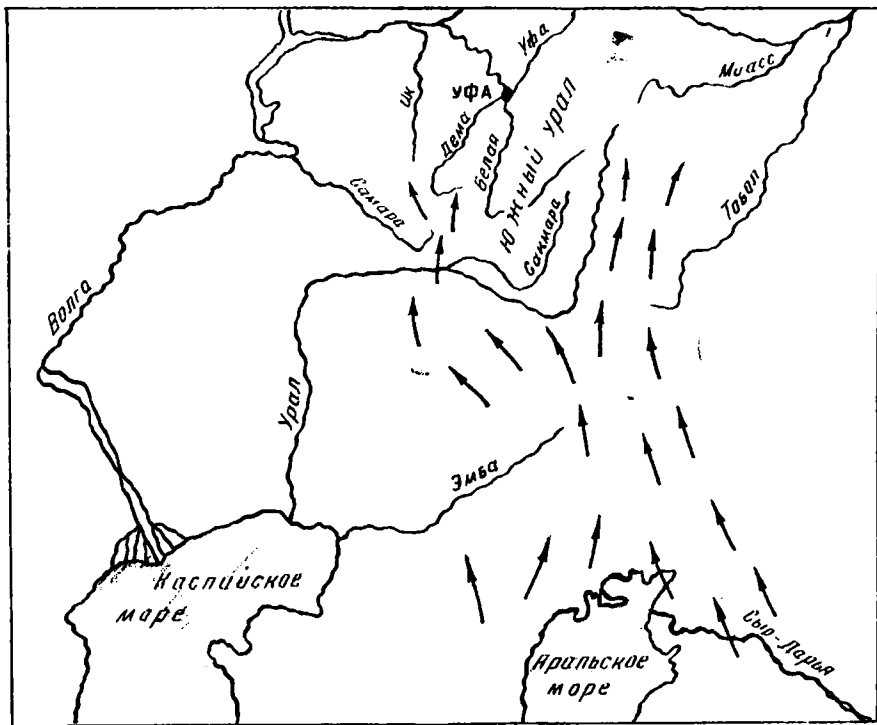
Таким образом, в последние века I тыс. н. э., и особенно на рубеже тысячелетий, Южный Урал и прилегающие с востока и запада территории были самым активным образом включены в орбиту нового этапа степной жизни, которая вновь заурлила тогда на просторах Средней Азии, Западной Сибири и захлестнула южнорусские степи. С этого времени кочевое скотоводство азиатского происхождения в качестве господствующего типа хозяйства постепенно захватывает основную территорию древней Башкирии. Процесс этот протекал медленно. Заурале вплоть до среднего течения р. Тобол и ее притока р. Уй издавна составляло часть огромного природно-хозяйственного комплекса, освоенного кочевниками. Эта часть башкирского Зауралья, по крайней мере на протяжении последних двух столетий I тыс. н. э., представляла собой по существу единый хозяйственный и этнический мир с Приаралем. С началом печенежского движения в сферу перекочевков включается и юго-западное Приуралье. Так, к IX— началу X вв. образуется как бы два основных потока Арало-Уральского цикла передвижений кочевников (рис. 1), причем западный поток оказал существенное воздействие на этнические процессы в этом районе. Племена печенежско-огузского этнического мира, расселившись в Приуралье, образовали северную периферию кочевого мира Волжско-Янцких и Прикаспийских степей.

Вторжение тюркских кочевников в западное Приуралье не было чем-то неожиданным; они пришли в страну, которая была им известна по предшествующим традиционным летним кочевкам. Кочевники сохраняли тесные связи с прежней родиной; еще долго на зимнее время стада перегонялись в Приаральские степи. Весной, возвращаясь в Приуралье, они увлекли с собой из глубин степных просторов новые и новые кочевые группы, часть которых активно включалась в башкирский этногенез, часть — вновь покидала эту страну,

³⁴ Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарий. М., 1966, стр. 89—90.

³⁵ С. П. Толстов. Города гузов. — СЭ, 1947, № 4, стр. 100.

³⁶ Н. А. Мажигов. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа. — «Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы. 1965». Уфа, 1966, стр. 97; е г о ж е. Новые материалы о ранней истории башкир. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 153, 156.

Р и с. 1. Движение древнебашкирских племен в конце I — начале II тыс. н. э.

и растворялась в безбрежных степях Западной Сибири, Средней Азии или Восточной Европы.

* * *

Характер расселения кочевников в Башкирии в X в. находился в тесной зависимости от физико-географических условий страны и типа их хозяйства. Основными районами расселения древние башкиры выбирали невысокие возвышенности и речные долины. Степные возвышенности, со склонов которых раньше стаявал снег, в пределах которых не было широких разливов, а пастбища из-за малоснежности годились для зимней тебеневки и уже ранней весной покрывались травой, стали первыми местами зимовок, когда далекие передвижения кочевников на зимние пастбища на юг прекратились или были ограничены.

С этих возвышенностей на долгие весенне — летние — осенние месяцы башкиры растекались по долинам берущих здесь начало многочисленных рек и речек.

У древних башкир на Южном Урале и прилегающих территориях было два основных центра расселения: в Приуралье — Бугульминско-Белебеевская возвышенность, являющаяся водоразделом рек, текущих на восток (Ашкадар), на север (Уршак, Дема, Большой Ик, Зай, Шешма), на запад (Черемшан, Сок, Кинель, Самара) и на юг (Саелмыш, Юшатырь); в Зауралье — обширный район бассейна верхнего течения р. Урал (Яик), включая северные отроги Мугуджар, часть Тургайского плато и юго-восточные предгорья Уральского хребта. Эти два центра не были территориально изолированными областями; напротив, «древняя Башкирия» представляла собой единую, огромную страну на стыке Европы и Азии. Европейская и азиатская части древней Башкирии смыкались на юге широкой полосой приуральских степей и лесостепей, чрезвычайно удобных для скотоводов-кочевников (рис. 2). В то же время покрытые густыми лесами и поэтому труднодоступные для степных кочевников хребты Южного Урала как бы рассекали страну древних башкир на две довольно отдаленные друг от друга области. Несмотря на этническое и территориальное единство «приуральских» и «зауральских» башкир, в их исторической судьбе (в том числе в формировании хозяйства) уже с конца I тыс. н. э. намечаются заметные своеобразия, связанные главным образом с тем, что племена на Бугульминско-Белебеевской возвышенности вошли в тесное взаимодействие с пестрым тюрко-булгаро-угорским и финским этническим миром Среднего Поволжья. Зауральские башкиры продолжали впитывать новые и новые группы кочевников, которых выбрасывали необозримые казахстанские степи. Таким образом, уже с момента расселения в древней Башкирии крайние западные и восточные группы башкирских племен попали хотя и в примерно одинаковые природные условия, но в различную политическую обстановку и в разное этническое окружение. В этом смысле удобнее вести речь о двух основных районах расселения, тем более, что в дальнейшем хозяйственное развитие в разных частях Башкирии имело специфические оттенки.

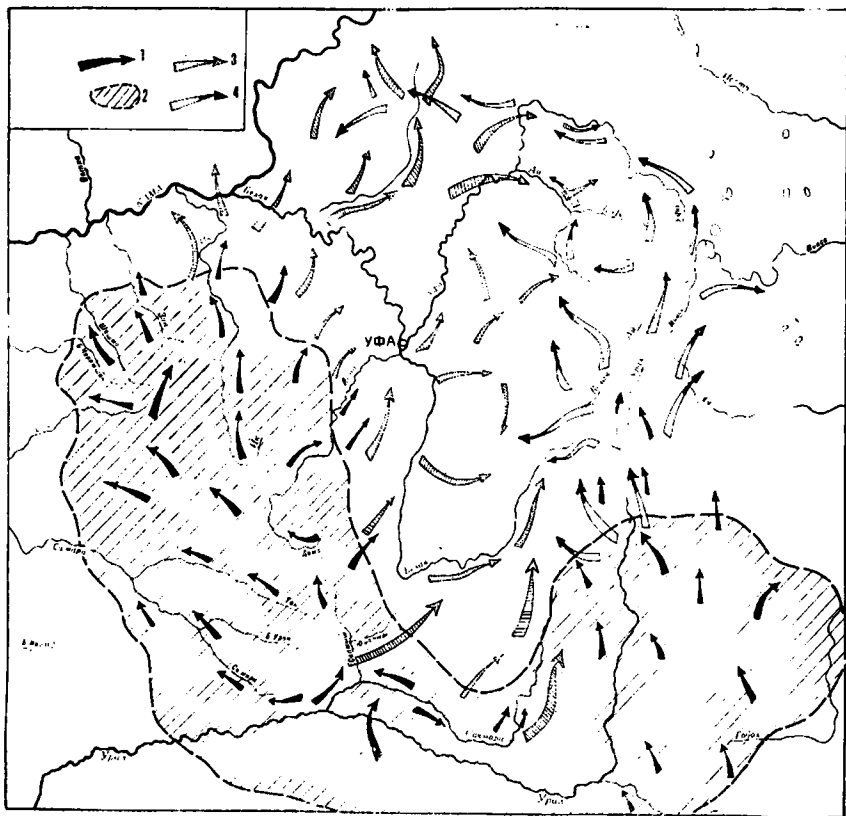
В IX—X вв., когда еще сохранились хозяйственные связи древних башкирских племен с Приуральскими степями, уже определились главные направления дальнейшего освоения башкирами современной территории Башкирии. С Бугульминско-Белебеевской возвышенности кочевники растекались на летние пастбища по всем направлениям стран света, однако основные кочевые группы двигались по течению рек на север и восток, на богатые лесные и горно-лесные пастбища. Западнее долин рек Зай и Шешма, где еще в XIII в. оставались некоторые башкирские племена³⁷, начиналась территория волжских булгар, а на юго-западе ранние башкиры соприкасались с племенами мадьярского союза, которые, по всей вероятности, занимали бассейн рек Самара и Кинель³⁸. Из другой, зауральской области расселения тюркских кочевников дальнейшее движение шло, главным образом, на северо-запад и запад. Это направление определялось течениями рек Урал, Белая, Уфа, Ай, Юрюзань, Инзер и других, по которым ранней весной скот перегонялся на летние горные пастбища. Таким образом, движение кочевников как с Бугульминско-Белебеевской возвышенности, так и из Зауралья было направлено на освоение горно-лесных зон Южного Урала, Уфимского плато и Таныпской долины (см. рис. 2). Сказанное дает основание выдвинуть предположение о том, что образование двух диалектов в башкирском языке, северо-восточного и южного³⁹, исторически связано с двумя древними районами расселения тюркских кочевых скотоводческих племен, легших в основу сложения башкирской народности.

Способ ведения кочевого скотоводческого хозяйства древними башкирами был, очевидно, таким же, как и в остальном кочевом тюркском мире. Однако длительный период приспособления к природно-климатическим условиям Урала не мог пройти бесследно. Глав-

³⁷ «Башкирские шежере», стр. 31.

³⁸ Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. «Башкиро-мадьярская» проблема. — АЭБ, т. 1, стр. 342.

³⁹ Дж. Г. Кибяев. Фонетика башкирского языка. М., 1959, стр. 3.

Р и с. 2. Расселение башкирских племен в X—XVI вв.

1 — передвижения башкирских племен в конце I — начале II тыс. н. э.; 2 — территория первоначального расселения башкирских племен; 3 — расселение башкирских племен Приуралья в XIII—XVI вв.; 4 — расселение башкирских племен Зауралья в XIII—XVI вв.

ным образом, это отразилось на составе стада. Стадо в развитом кочевом обществе печенегов, огузов, половцев в IX—XIII вв. состояло из лошадей, овец, верблюдов, коз, крупного скота⁴⁰. Однако некоторые из этих животных, в частности верблюды, а во многих случаях и крупный рогатый скот, в условиях средних широт, где снежный покров бывает значитель-

⁴⁰ С. А. П л е т н е в а. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях. — МИА, 1958, № 62, стр. 187.

ным, не могут добывать корм из-под снега. Поэтому на территории Башкирии стадо кочевников состояло главным образом из лошадей, овец, коз, что в последнее время подтверждено открытиями археологов как в западной, так и в зауральской Башкирии⁴¹. Верблюды, крупный рогатый скот разводились башкирами лишь в южных широтах края, на территории современной Оренбургской области, частично — в степном Зауралье, где существовали условия для круглогодичного их содержания на подножном корму. Эта традиция сохранилась еще в XVIII в., хотя П. Паллас, побывав в этих краях, писал: «Здешние пастба и зимние стужи верблюдам не великое размножение предзнаменуют»⁴². По мере продвижения в горно-лесные районы в составе стада все более и более преобладали лошади и овцы. Прошло немало десятилетий и даже столетий, пока башкиры, освоив сенокосение, вновь не стали в значительных масштабах разводить крупный рогатый скот.

* * *

Анализ состояния хозяйства древних башкир в связи с природными условиями края позволяет, на наш взгляд, высказать некоторые соображения о масштабах освоения башкирами территории края в X в. Роль физико-географических условий в истории кочевых народов в эпоху их расселения была весьма существенна. Между тем боязнь переоценить значение географического фактора в развитии производительных сил кочевых народов привела в последние годы к тому, что в исторических исследованиях по башкирам природная среда игнорируется или, во всяком случае, учитывается недостаточно. Изучение общества в той географической среде, в которой оно формировалось, безусловно, повышает эффективность изысканий и объективность выводов. Так, рассматривая историю расселения кочевых народов, надо прежде всего иметь в виду, что продвижение кочевников на новые территории зависит от наличия удобных зимних пастбищ и возможностей их освоения. Это естественно, так как от зимних пастбищ зависит количество и сохранность скота и, следовательно, благополучие народа. Глубокой осенью или зимой передвижения кочевников на некоторое время прекращались. «У тюрков, — пишет персидский автор XI в. Фахрэддин Мубаракшах Мерверруди, — имеется очень много племен, большинство живет в степях и имеет шатры, из-за скота они остаются на одном месте только зимой, когда степь покрывается снегом»⁴³. На зимних пастбищах проводились празднества, коллективная охота; зимовки обычно были в периоды войн местами сбора войска⁴⁴. Одним из существенных признаков переселения на новую территорию является появление на ней родовых кладбищ; кочевники стремились хоронить умерших поблизости от зимних пастбищ, которые ассоциировались у них с понятием «родина». Следовательно, завершение переселения кочевников на ту или иную новую территорию связано с освоением зимних пастбищ. Только при этом условии можно считать, что кочевники целиком заселили эти земли.

Такими районами, прочно заселенными башкирскими племенами, в X в. были, как уже отмечено, Бугульминско-Белебеевская возвышенность, юго-восточное Зауралье и прилегающие приаякские степи. Именно на этой территории археологами обнаружено множество разнохарактерных памятников, принадлежащих кочевникам и датированных концом I — началом II тыс. н. э. Следовательно, распространенный в исторической литературе тезис о том, что башкиры издревле заселяли ту же территорию, какую они занимали, например,

⁴¹ Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир. — АЭБ, т. 2, стр. 153—154; М. Х. Садыкова. Тюркоязычные кочевники на территории южной Башкирии. — Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, стр. 164—165; В. С. Стоколос. Курганы на озере Синеглазово. — АЭБ, т. 1, стр. 165.

⁴² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 2. СПб., 1786, стр. 95.

⁴³ И. Умняков. История Фахрэддина Мубаракшаха. — ВДИ, 1938, № 1, стр. 114.

⁴⁴ В. С. Тизенгаузена. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., 1884, стр. 81.

в XVIII в., в том числе северную и северо-западную части края⁴⁵, вызывает сомнение. Почти вся территория северо-западной Башкирии в междуречье рек Уфа и Белая сплошь была покрыта хвойными и лиственными лесами, прерываемыми редкими пятнами лесных прогалов по правобережью среднего течения р. Танып. О былом господстве здесь густых, часто непроходимых лесов свидетельствует структура почвенного покрова этой части края: к северу от Уфы преобладающими типами почв являются дерново-подзолистые и серые лесные, формирующиеся под хвойными и широколиственными лесами⁴⁶. Даже сравнительно недавно, в середине XIX в., когда истребление башкирских лесов достигло значительных масштабов, карта распространения лесов в северной Башкирии все же существенно отличалась от современной (рис. 3, 4)*. Не менее показательны в этом отношении этнографические материалы. Башкирские предания о расселении, записанные в северо-западных районах, обычно включают такой элемент: прадеды башкир ставили дома из деревьев, срубленных на том же месте, так как кругом стеной стояли леса и на многие десятки верст не было даже открытых полей⁴⁷. Север и северо-запад современной территории Башкирии были, таким образом, по преимуществу лесной зоной, непригодной или местами малоприспособленной для кочевого скотоводства. Вот почему мысль о том, что эта территория уже в X в. была прочно заселена древними башкирами, которые в то время жили в условиях расцвета кочевого скотоводства, весьма и весьма трудно допустима. Скорее напротив: северные и северо-западные лесные районы тогда оставались еще за пределами активных передвижений кочевников, и если они пересекали такую серьезную для них в летнее время преграду, как р. Белая, то это случалось, очевидно, лишь эпизодически.

Основной район расселения древних башкир в X в. в общем совпадал с территорией, в физико-географическом отношении наиболее благоприятной для кочевого скотоводства. Эта обширная территория удачно сочетала степной и лесостепной ландшафт с горными. С севера пределы древнебашкирских земель ограничивались нижним течением рек Белая и Кама, с запада — долинами рек Зай, Шешма и верховьями восточных притоков Волги, на востоке — западной окраиной Тургайской возвышенности, верхним течением Яика. В центре область древнего расселения башкирских племен, как уже сказано, расчленялась южноуральским хребтом на две не изолированные, но все же отдаленные области. На юге пределы кочевков башкир всегда были неопределенными; однако уже в X в. южные кочевки находились по течению Сакмары и захватывали, видимо, по крайней мере, часть бассейна Самары, где они заняли территорию, покинутую в IX в. мадьярами. Именно в этих краях встретил древних башкир направляющийся в Булгары Ибн-Фадлан (922 г.), которому принадлежит первое достоверное описание этого народа⁴⁸. Кочевки башкир, особенно зимние, распространялись, когда позволяла политическая обстановка в заволжских степях, далеко на юг, вплоть до Прикаспийской низменности. Во всяком случае, еще в первой половине XIX в. на реках Большая и Малая Сесе (*Сазе*), которые берут начало примерно на широте г. Уральска, а на юге теряются в песках Прикаспия, были многочисленные башкирские кочевья, которые самими башкирами считались старинными⁴⁹.

Итак, основной частью огромной территории обитания башкир в X в. в з а п а д н о м Приуралье была Бугульминско-Белебеевская возвышенность, откуда башкиры постепенно распространили свою территориальную экспансию на север и восток. Из зауральской области башкирские племена продвигались на север и северо-запад, заселяя Уфимское плато

⁴⁵ А. Н. У с м а н о в. Указ. соч., 1960, стр. 25; «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1 стр. 7.

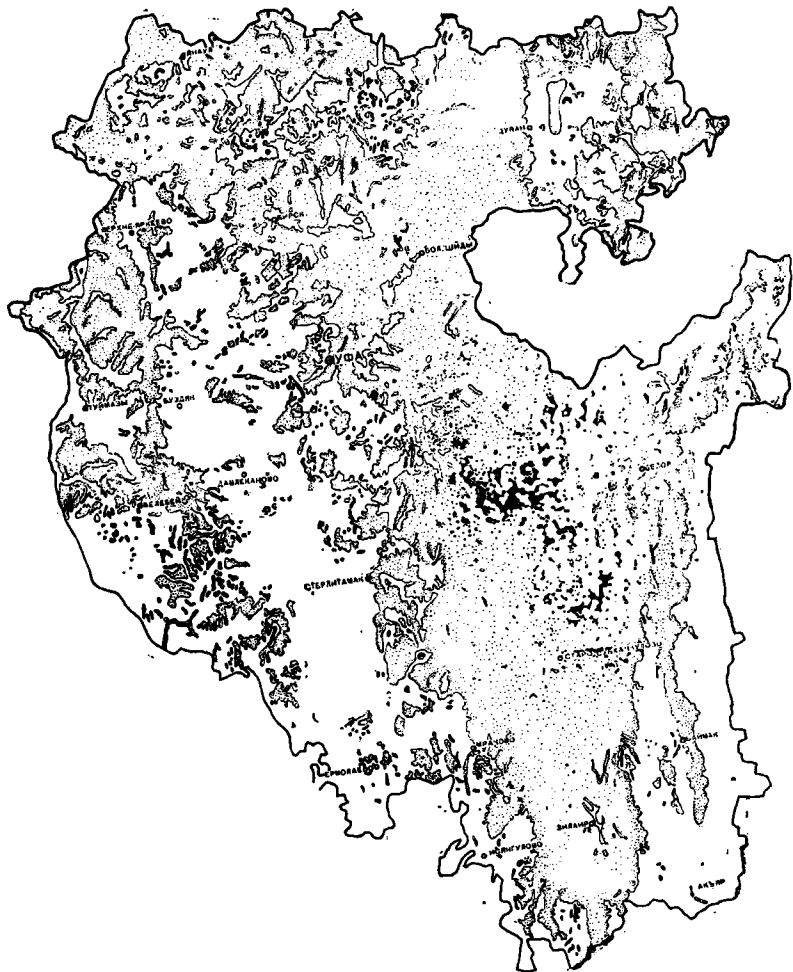
⁴⁶ Х. Я. Т а х а е в. Природные условия и ресурсы Башкирской АССР. Уфа, 1959, стр. 159—168.

* Карты распространения лесов в Башкирии в 1850 и 1940 гг. составлены научным сотрудником Башкирского института сельского хозяйства П. Я. Туровцевым. Вдова ученого К. И. Туровцева любезно разрешила их опубликовать.

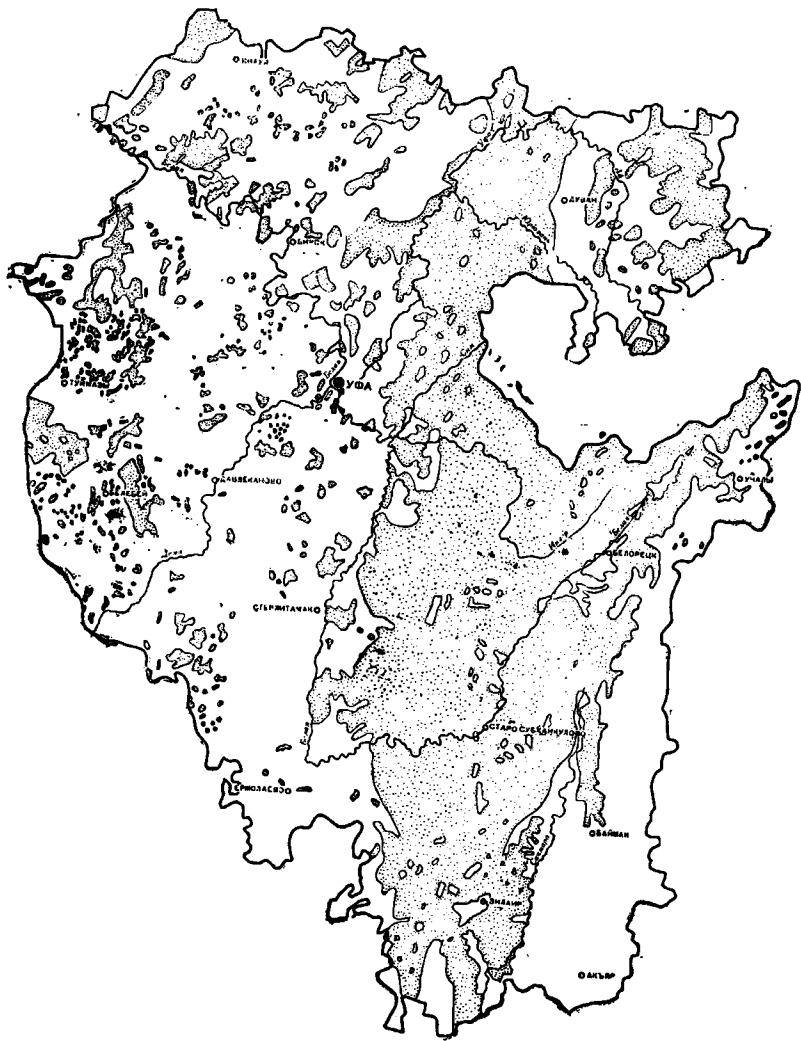
⁴⁷ Полевые записи 1959 г., стр. 7, 18, 20—21 и др.

⁴⁸ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 66—67.

⁴⁹ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, фонд Ш. Салимьянова, лл. 14, 16 и др.

Р и с. 3. Распространение лесов в Башкирии в 1850 г.

Р и с. 4. Распространение лесов в Башкирии в 1940 г.

и долину р. Ай, верховья Белой, долины Кизила, Талалыка и предгорья Южного Урала (см. рис. 2). История расселения западных и восточных башкир имела, как видим, свои особенности. Это впоследствии сыграло определенную роль в формировании этнического облика и культуры башкирского населения северных территорий, где сомкнулись разные потоки миграционных волн. Но в то же время надо подчеркнуть другое: несмотря на местные особенности в истории расселения западных и восточных башкир, они продолжали оставаться единым этническим миром. Связи между обеими группами древнебашкирских племен не прерывались с самого момента их переселения из Средней Азии и Западной Сибири. Во всяком случае арабским писателем X в. приуральские и зауральские башкиры были известны под одним именем, хотя некоторые источники (аль-Балхи, X в.) различают башкир «внутренних» и «внешних»⁵⁰. Чрезвычайно ценно то, что источниками X в. территория расселения древних башкир зафиксирована такой, какой мы ее описали. По словам Ибн-Руста, башкиры — «народ самостоятельный, занимавший территорию по обеим сторонам Уральского хребта между Волгою, Камою, Тоболом и верхним течением Яика»⁵¹. Это свидетельство, если сопоставить его с другими данными, толкуется в том смысле, что древние башкиры обитали к западу и востоку от Уральских гор; северными границами их расселения были нижнее течение Камы, верховья Яика и Тобола. Следовательно, мы можем снова, на этот раз опираясь на арабские источники, подтвердить вывод о том, что в X в. горные районы Южного Урала, а также северные области современной территории расселения башкир еще не были заселены древнебашкирскими племенами.

* * *

Кочевое скотоводство и связанные с ним домашние промыслы (изготовление войлока, кож, конской сбруи, одежды, жилища) не были единственным занятием башкир в X в. Значительные доходы им приносили набеги на соседние племена, грабежи и захват пленных. На этот счет имеется довольно четкое свидетельство Ибн-Фадлана: башкиры, по его словам, были весьма воинственны; они — «худшие из турок... и более других посягающие на убийство»⁵². Древние башкиры совершали далекие набеги; караван Ибн-Фадлана опасался их нападения уже у р. Багнади (Чаган)⁵³, вытекающей из южных оконечностей Мугоджарских гор, т. е. в степях между Каспийским и Аральским морями. Такой образ жизни не был для башкир чем-то необычным. По характеристике Ф. Энгельса, «война и организация для войны» у племен, стоявших на военно-демократической стадии общественного развития, были «регулярными функциями народной жизни»⁵⁴. Вот как описывает кочевников Феофилакт Болгарский: «... Жизнь мирная для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны»⁵⁵. Одной из главных добыч во время набегов являлись пленные — рабы. Как пишет Ибн-Фадлан, его караван принимал всяческие меры предосторожности и охранялся «отрядом бойцов, имеющих при себе оружие», дабы «они (т. е. башкиры. — Р. Г.) не захватили их...»⁵⁶. Башкирское общество не знало применения рабского труда, хотя возможность распространения в небольших масштабах патриархального рабства не исключается. Пленных башкиры продавали в другие, в более цивилизованные страны: в Среднюю Азию и, особенно, на Северный Кавказ. Возвышение и расцвет в X в. Хазарии заметно расширило торговые связи северных областей с Кавказом, а через Хазарию — и со странами Востока. Среди «важных» товаров, которые из Руси, Волжской Булгарии и других север-

⁵⁰ «История Татарии в материалах и документах». М., 1937, стр. 8, 33.

⁵¹ И. И. С о к о л о в. Территория Башкирии в свете источников древности. Уфа, 1935, стр. 5 (рукопись, хранится в рукописном фонде библиотеки ИИЯЛ ВостАН СССР).

⁵² «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 66.

⁵³ Т а м ж е, стр. 65, 100 (прим. 233).

⁵⁴ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1959, стр. 157.

⁵⁵ Цит. по кн.: В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Византия и печенеги. СПб., 1872, стр. 15.

⁵⁶ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 65.

ных областей через Хазарию шли на восток, М. И. Артамонов указывает рабов. В столице Хазарии — Итиле существовал даже специальный рынок для продажи рабов⁵⁷. Этот торговый центр и поглощал, видимо, весь тот «живой товар», который поставляли сюда древние башкиры и другие северные народы.

* * *

В последующие столетия после X в. основой хозяйства башкир остается кочевое скотоводство. Крупных изменений в структуре хозяйства башкир со времен Ибн-Фадлана и до начала монгольского завоевания, видимо, не произошло. Во всяком случае, пока историки не располагают ни письменными источниками, ни данными археологии, которые фиксировали бы серьезные сдвиги в этом отношении. Напротив, волны кочевников печенего-огузо-половецкого степного мира, одна за другой заполнявшие в X—XII вв. обширные пространства Восточной Европы, постоянно питали кочевую культуру и кочевой образ населения этого региона. Многочисленные средневековые источники, и особенно археологические материалы, свидетельствующие о господстве кочевое скотоводства и кочевой культуры в южно-русских степях и в Дешт-и-Кипчаке той эпохи, собранные и опубликованные в исследованиях последних лет, относятся во многих случаях и к башкирам, которые были тогда составной частью этого мира⁵⁸. Вскоре после подчинения башкир власти монгольских завоевателей в Волго-Яицких степях побывал по пути в Каракорум Гильом Рубрук (1240 г.), по словам которого, башкиры — «пастухи, не имеющие никакого города»⁵⁹. Через столетие, в середине XIV в., башкиры также оставались кочевниками. Это мы узнаем из сочинения Ибн-Фадлаха эль-Омари (XIV в.), который, рассказывая о Золотой Орде, перечисляет среди ее подданных «тюркский народ на крайнем севере» ханства и замечает, что этот народ живет «в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная стужа губит их скотину»⁶⁰. В середине XVI в. в Башкирии скотоводство по-прежнему главное занятие. Английский путешественник Антоний Дженкинсон, побывавший в 1558 г. в стране «по левую сторону Волги от Камы до Астрахани», пишет, что жители этой страны — «скотоводы и имеют большое количество скота, который и составляет их главное богатство». Они «едят много мяса, преимущественно конского и пьют кобылье молоко»⁶¹. Источники, которые исходят от самих башкир (шежере, предания и легенды), с еще большей определенностью говорят о том, что скотоводство вплоть до присоединения Башкирии к Русскому государству оставалось основой хозяйства башкир⁶².

Мысль об устойчивости кочевого (или полукочевого) скотоводства у большинства башкир в X—XVI вв., которая в той или иной форме высказывалась и раньше, не означает, что в хозяйстве башкир в течение нескольких столетий не произошло никаких сдвигов. Напротив, эти сдвиги оказались довольно существенными. Наиболее серьезными были изменения в самом кочевом скотоводстве, точнее — в формах его ведения; иной стала в жизни башкир и роль такого традиционного занятия кочевников, как охота.

Формы ведения скотоводческого хозяйства устанавливаются на протяжении многих десятилетий и даже столетий. Чтобы изменить устоявшиеся традиции, необходимы весьма серьезные экономические или политические причины. Эти причины в Башкирии были: во-первых, башкиры, постепенно продвигаясь к северу и в горно-лесные районы Урала, оказывались под воздействием новых физико-географических условий; во-вторых, эта эпоха

⁵⁷ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 403.

⁵⁸ С. А. Плестнев. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях, стр. 189—190; Г. А. Ф. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — «Археологические памятники». М., 1966, стр. 194—196.

⁵⁹ «Путешествие в восточные страны Плако Карпини и Рубрука», стр. 122.

⁶⁰ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. 1, стр. 229.

⁶¹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Л., 1937, стр. 169, 170.

⁶² «Башкирские шежере», стр. 32, 73, 78 и др.

была насыщена крупными историческими потрясениями, которые сначала, в предмонгольскую эпоху, изолировали башкир от привычной жизни приаральско-прикаспийских степей, а позднее, с началом монгольского нашествия, заставили башкирские племена откочевать в районы, мало пригодные для круглогодичной кочевки. Основная структура башкирского хозяйства сохранялась и в эту эпоху, тем более, что завоеватели также были кочевниками, но в то же время под воздействием указанных факторов способы кочевания претерпевали заметную метаморфозу.

Еще в XI—XII вв., в связи с движением и возвышением половецких племен, для значительной части башкир Бугульминско-Белебеевской возвышенности, вступивших к этому времени в тесный этнический контакт с населением левобережья Средней Волги, ковые пути в Приаралье или в Прикаспий были закрыты или существенно ограничены. В башкирских шежере сохранились многочисленные сведения о притоке в Башкирию в этот период из Средней Азии, из Приаралья новых родов и племенных групп⁶³, но нет сведений о перекочевках в обратном направлении. Еще более отчетливо ослабление связей Башкирии со Средней Азией, с Приаральем прослеживается по арабским источникам. В IX в. Салламом Торджеманом — послом халифа Васика, в начале X в. — Ибн-Фадланом древние башкиры зафиксированы в Приаралье или к юго-востоку от Эмбы, в степях между Каспийским и Аральским морями⁶⁴. Но уже со второй половины X в. в источниках нет никаких упоминаний о постоянном или временном пребывании башкирских родов так далеко к западу и к востоку степями и лесостепями и чина а е т с первых столетий II тыс. н. э. постепенно формироваться в самостоятельный природно-хозяйственный район. События XIII в.: нашествие монголов, образование Золотой Орды, подчинение башкирских племен власти монгольских баскаков — лишь убыстряют этот процесс. Кроме того, многие башкирские племена, напуганные приближением монгольского войска, или под давлением других родо-племенных групп, пришедших в движение в связи с монгольскими походами, сами покидают удобные для скотоводства степи и лесостепные районы южного и юго-западного Приаралья и углубляются в горы, в леса, что само по себе способствует обособлению башкирской территории. Нарушение привычных связей и природно-географических условий не только постепенно трансформируют формы ведения скотоводства, но и воздействуют на структуру всего хозяйства в целом, повышая роль других занятий (охоты, бортничества), имевших в прошлом второстепенное значение.

Изменения территории обитания башкир были, видимо, в ту эпоху значительными. До конца XII — начала XIII вв. башкиры Приаралья вряд ли углублялись далеко к северу от р. Белой. С началом монгольского нашествия, когда степь и лесостепь надолго стали огромным полем бесконечных битв, набегов, грабежей и истреблений, башкирские племена нередко навсегда покидали уже прочно освоенные места. В башкирских шежере содержатся любопытные сведения об этих событиях; предки юрматынцев, например, в XIII в. навсегда оставили свои старые кочевья по рекам Зай и Шешма, «переправились за большую реку» и откочевали далеко на восток⁶⁵. Процесс вытеснения башкир с территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности, так же как с левобережья верховой Яика, продолжался долго. В зависимости от обстановки на засушливом юге и в Дешт-и-Кипчакских степях, в Уральские предгорья на летние кочевки приходили все больше и больше родо-племенных групп, которые или смешивались с башкирами, или заставляли их уходить дальше на север. В середине XVI в. А. Дженкинсон огромную территорию по левобережью Волги от устья Камы до Астрахани называет «землей ногаев»; р. Самара, — район древних кочевых башкир, — по его словам, также «течет через ногайскую землю»⁶⁶. Можно думать, конечно, что Джен-

⁶³ «Башкирские шежере», стр. 58, 95, 171.

⁶⁴ Н. И. П а н т у с о в. Сведения арабских географов о Средней Азии. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 25, вып. 5. Казань, 1909, стр. 95—96; «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 65.

⁶⁵ «Башкирские шежере», стр. 31—32.

⁶⁶ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 169, 170.

кинсон имел в виду прежде всего политическое господство Ногайской Орды. Если так, то какая-то часть башкир определенно оставалась на этих «ногайских» землях. Хорошо известно, что кочевые политические образования типа Ногайской Орды никогда не имели твердо очерченных границ; это положение тем более было верным здесь, в Башкирии, где ногайцы столкнулись с родственной им по языку, образу жизни и обычаям народностью. Но с другой стороны, законы степей были суровы — победителям всегда принадлежали лучшие пастбища, особенно те, которые были пригодны для зимней тевенекви. Именно этими качествами прежде всего обладали Приуралье (Бугульминско-Белебеевская возвышенность и ее периферия) и прияикские степи до Тургайской возвышенности на северо-востоке. Естественно поэтому, что на всем юго-западе и юге Башкирии вплоть до Уфы господствовали ногайцы. «Из актов, относящихся ко времени царствования Ивана Васильевича, видно, — писал известный исследователь истории Башкирии В. А. Новиков, — что ногайские владетели кочевали в тех местах, где ныне (стоит) город Уфа» и на всем «протяжении долины р. Демы»⁶⁷. Значительная часть приуральских башкирских племен была оттеснена на север — в леса, и на восток — к горам; башкиры, которые остались здесь и в прияикских степях, стали подданными ногайских ханов и «владельцев», платили им ясак, а в XV—XVI вв., судя по источникам, вступили с ними в ожесточенную борьбу. Особенно яркие картины этой борьбы запечатлены в шежере башкир племена мня, потомки которых живут ныне в Демской долине⁶⁸. В тех же шежере сохранились и многочисленные свидетельства о башкиро-ногайских этнических связях⁶⁹. Таким образом, в XV—XVI вв. южное и юго-западное Приуралье — огромная территория от Уральского хребта и до восточных притоков Волги — представляло собой в племенном отношении пестрый район; господствовали здесь ногайцы, оказавшие сильное воздействие на этнический облик той части башкир, которая кочевала в соседстве с ними на тех же землях.

В то же время XIII—XVI вв. — это период активного освоения современной северной территории Башкирии. В XIV в. впервые появляются сведения о том, что башкиры достигли «Чулымана» (Чулман — р. Кама. — Р. К.) и областей «Сибирь и Ибери». «Страны Сибирские и Чульманские, — пишет Ибн-Фадла эль-Мари (XIV в.), — прилегают к Башкирдам»⁷⁰. Продвижение башкир на север шло в двух основных направлениях: один, наиболее мощный поток шел с юга, с Бугульминско-Белебеевской возвышенности, через таежные леса бельско-уфимского междуречья в верховья Таныла, в долину р. Буй, на левобережье средней Камы; другой поток шел с востока из Зауралья; он захватил северо-восточную Башкирию (Уфимское плато) и далее по течению р. Уфы направился в области р. Тую, верховьев рек Ирени и Тулвы, где два потока сомкнулись (см. рис. 2). В будущем предстоит тщательно исследовать эти миграционные процессы. Пока этнографические материалы (легенды, предания о расселении, особенности материальной культуры башкир севера и т. д.) позволяют предполагать, что миграция башкир из Зауралья на северо-запад имела место позднее, чем из Приуралья на север⁷¹. Продвижение башкир на север было постепенным; по сообщению епископа пермского Дионисия, татары и башкиры «сделались жителями опустелых земель Перми, особливо южной части оных» лишь после падения Казани в 1552 г.⁷²

Каковы были результаты этих миграций для хозяйства башкир? Главным последствием было значительное сокращение дальности и продолжительности кочевок. Превращение лесных и горно-лесных районов в места постоянного расселения само по себе требовало приспо-

⁶⁷ В. А. Новиков. Сборники материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879, стр. 8.

⁶⁸ «Башкирские шежере», стр. 52.

⁶⁹ Там же, стр. 32, 52—53.

⁷⁰ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. 1, стр. 236, 238.

⁷¹ Полевые записи 1959 и 1964 гг.; см. также работу С. Н. Шитовой в настоящем томе, в которой указывается, что одежда северных башкир, наряду с преобладающими чертами, свойственными для всей северо-западной Башкирии, характерны и зауральские мотивы.

⁷² «Исторический, статистический и географический журнал», ч. 4, кн. 2. СПб., 1825, стр. 84; подробнее о северных границах башкирской территории см.: Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 45.

собления или перестройки хозяйства. Сначала на этих землях, особенно на горных пастбищах Южного Урала, находились лишь летовки, куда скот перегоняли на несколько жарких летних месяцев. Карагай-кипчакские башкиры в одном из своих преданий рассказывают: «В древности здесь (т. е. на карагай-кипчакских землях на Урале.— *Р. К.*) не было деревень; стада пригоняли лишь на летовки»⁷³. Теперь, когда лесные и горно-лесные районы были заселены, положение меняется: кочевники зимой, сами оставаясь на одном месте, отгоняли табуны на склоны гор, на небольшие возвышенности, где скот мог тебеневать, а все лето кочевали в горах, на лесных пастбищах. Зимовка скота существенно осложнилась; в суровые, многоснежные зимы много скота погибло. Там, где еще была возможность, башкиры по-прежнему стремились на зиму отгонять стада в степные районы. М. С. Уметбаев рассказывает о давних традициях юмран-табынских и бишул-табынских башкир: постоянно живя в лесных и горно-лесных районах по среднему течению р. Белой, они в XVI в. перегоняли стада в самарские степи; эта традиция у них жила, впрочем, еще и в XIX в.⁷⁴

К XV—XVI вв. дальность перекочетов все же была значительной, и на лето кочевники уходили иногда за сотни верст от своих зимовок. Но в целом масштабы передвижений были уже совершенно непохожи на те, которые преобладали в XI и даже в XI—XII вв., когда Аральско-Уральские связи еще были реальностью. Основная особенность этого процесса заключалась в том, что зимние передвижения кочевников, постепенное сокращаясь, сошли во многих случаях на нет. Лишь в степных просторах Зауралья да в южных самарских степях в XVI в. башкиры продолжали еще кочевать круглый год, имея возможность перегонять стада далеко на восток, вплоть до Тобола, или на юг, в Волго-Яицкое междуречье. Иными словами, период с XI по XV век характеризуется постепенным переходом башкир от кочевого скотоводства к полукочевому с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте.

Кочевое или полукочевое скотоводство известно, согласно схеме С. И. Руденко, в трех вариантах⁷⁵:

1. Все племя или род кочует в течение года, перегоняя стада с места на место и нигде не имея постоянных жилищ. Эта форма «таборного» кочевания, замечает С. И. Руденко, наблюдалась в арало-каспийских степях и полупустынях, в забайкальских степях.

2. Все племя или род кочует с весны до поздней осени вместе со стадами, на зимнее время оставаясь на одном месте.

3. Племя, род, подразделение рода или группа семей имеет постоянную оседлость, «но часть семей более или менее продолжительное время года» кочует вместе со своими стадами.

Наш анализ показывает, что если в X в. башкиры вели кочевое хозяйство (первый вариант), то период XI—XV вв. характеризуется постепенным переходом к разным формам полукочевого скотоводства (второй и третий варианты). Ранние письменные сведения о постоянных жилищах-землянках башкир мы встречаем в шежере, описывающих события XIII—XIV вв.⁷⁶ Землянки, как ранние типы жилищ древних башкир, упоминаются во многих исторических рассказах и преданиях⁷⁷. По мере освоения лесных северных и горно-лесных восточных районов там появлялись небольшие постоянные зимние поселения с простыми полуземлянками или срубными жилищами, соответствующими местным климатическим условиям. Эти поселения сначала едва ли были прочными: они легко возводились и также легко оставались. Традиции кочевников были еще прочны. Однако перед мощной силой объективных условий, в частности, природно-климатических, традиционные формы хозяйствования

⁷³ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 7, стр. 116.

⁷⁴ «События в Уфимском крае до основания г. Уфы». Выписка из рукописи татарского переводчика М. Уметбаева лл. 3—4 (рукопись, хранится в секторе археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР).

⁷⁵ С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — «Материалы по этнографии», вып. 1. Л., 1961, стр. 3—4.

⁷⁶ «Башкирские шежере», стр. 31.

⁷⁷ Полевые записи 1958 г., стр. 18, 37; 1959 г., стр. 11, 40 и др.

ния начали рушиться. В северо-западных и северных районах, почти сплошь покрытых лесами и отдаленных от степных и лесостепных пастбищ, кочевое скотоводство в его прежних формах быстро угасало. Меняется здесь соотношение между различными традиционными занятиями. В частности, большое хозяйственное значение приобретает охота.

* *
*

Охота — древнейшее занятие башкир. С. И. Руденко отмечает, что «наиболее многочисленную, т а е ж н у ю группу» приемов и орудий охоты у башкир составляют преследование на лыжах по насту или глубокому снегу крупных зверей, ловля их ударными капканами или ловушками и стрельба зверю из лука и другие, характерные в XIX в. и раньше для северной и горно-лесной частей Башкирии. За пределами Башкирии эти виды охоты издревле были широко распространены во всей лесной полосе к западу от Урала, среди народов Волжско-Каспского бассейна (удмуртов, мари, коми-пермяков, татар, чувашей, а также русских) и среди племен «средней Оби» (манси, ханты). Вторая «степная группа» охотничьих приемов у башкир, характерная вообще для «азиатских кочевников-скотоводов», заключалась в охоте гоним (преследование зверей верхом на лошадях), с ловчими птицами (соколами, беркутами и др.). Эти виды охоты были в XIX в. распространены в степной и лесостепной частях Башкирии, главным образом в степях Зауралья⁷⁸.

Сочетание приемов охоты, характерных для таежной и степных зон, — глубоко традиционное явление в Башкирии. Это предопределяется географическим положением Башкирии в переходной зоне лесов и степей, где сожнулись и вступили в активное этническое взаимодействие племена различных хозяйственно-культурных типов. Соотношение таежно-лесного и степного видов охоты в Башкирии в разные эпохи было, конечно, различным.

Тюркские кочевники-башкиры, переселившиеся в IX—X вв. из Западной Сибири и Приаральских степей на Урал, принесли с собой азиатские, степные «облавные» способы охоты «гоном», с помощью ловчих птиц и т. п. Еще в конце XVIII в. охота гоним у степных башкир довольно часто фиксируется источниками: «... Бьют они (башкиры — Р. К.) волков, лисиц и зайцев по степям верхами, — говорится в «Топографическом описании Оренбургской губернии», составленном в последнем десятилетии XVIII в. губернским землемером Т. Афанасьевым. — Собравшись многим числом, загоняют зверей до того, что убивают их плетью и всю свою в том добычу делят поровну»⁷⁹. Облавные охоты башкир в XVIII в., подробно описанные также И. Лепехиным⁸⁰, по своим масштабам мало сравнимы с аналогичными грандиозными предприятиями хуннов или древних монголов, у которых охота гоним, кроме промыслового значения, преследовала цели военного обучения молодежи⁸¹. Однако сама традиция такой охоты у башкир и обычаи равного раздела добычи восходят к истокам тюрко-монгольской истории в Центральной Азии. В X в. у кочевников-башкир Приуралья и Зауралья преобладали, очевидно, приемы охоты, характерные для степняков. Но уже тогда, в той мере, в какой местные племена приняли участие в этногенезе башкир, не только растворившись в составе пришлых кочевников, но и оказав на них известное культурное влияние, охотничье хозяйство таежно-лесного типа получает распространение в этих районах. Этому способствовали природные условия края: густые леса левобережья Белой (в нижнем ее течении) и Камы изобиловали ценными породами пушных зверей (куница, бобр, соболь, горностай, белка, лисица). Крупными запасами пушнины, по сведениям арабских источников, обладали наряду с другими

⁷⁸ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 94—95.

⁷⁹ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 6, стр. 130 (рукопись, хранится в научном архиве ИИЯЛ БФАН СССР).

⁸⁰ И. И. Лепехин. Записки путешествия (1768—1772 гг.) «Полное собрание ученых путешествий по России», т. 4, ч. 3. СПб., 1822, стр. 4—5.

⁸¹ С. И. Руденко. Культура хуннов и Нонпулинские курганы. М.—Л., 1962, стр. 25—26; А. Рона-Таш. По следам кочевников. М., 1964, стр. 184.

северными народами и булгары⁸⁴, к востоку и к юго-востоку от которых долгое время обитали башкиры. В период расцвета Булгарского государства (X—XII вв.), когда оно распространило свои торговые связи далеко на север и на восток, приуральская Башкирия, а точнее северный лесной район Бугульминско-Белебеевской возвышенности, была одним из основных районов экспорта пушнины. Проникновение булгарской культуры в Башкирию, которое прослеживается по археологическим и эпиграфическим материалам⁸⁵, было следствием торговой экспансии булгар, которые прежде всего были заинтересованы в пушнине. Привлекает внимание то, что памятники ранней булгарской культуры распространены преимущественно в центральной и западной частях Башкирии и совсем не встречаются севернее нижнего течения р. Белой. По сообщению Шарафаддина Булгари, автора булгарской истории, могилы более чем 20 мусульманских проповедников, получивших духовное образование в Булгарах и направившихся с миссионерской целью к башкирам, расположены, главным образом, в долинах рек западной Башкирии: Белой, Уршака, Демсы, Чермасана, Ика⁸⁴. Это, очевидно, было связано с тем, что активная миссионерская деятельность проводилась в тех башкирских областях, в которых булгары экономически наиболее были заинтересованы, т. е. в лесных «охотничьих» зонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности (бассейн р. Большой Ик, левобережье р. Белой и т. д.). Любопытно в этом плане обратиться к этнографическому материалу, в частности, к преданиям и историческим рассказам башкир долины р. Б. Ик — племен биляр и буляр. Происхождение этих племен часто связывают с булгарами⁸⁵ и поэтому обычно относят их к древним земледельцам⁸⁶. Однако в действительности иские башкиры (кроме названных, племена еней и иректэ) в древности были скотоводами и охотниками. В старом предании рода буляр рассказывается: «Булярцы кочевали в степях; сюда на Ик они приходили лишь на охоту (*ицнарга*); здесь были кругом леса, разных животных было много и лес был богат бортами (*солот*). Однажды охотникам-булярцам надо было переправиться через небольшую речку; свалили для этого поперек речки большое дерево; когда оно упало, увидели, что дерево дуплистое и в нем много душистого меда. Понравился этот изобильный край старикам-булярцам, и постепенно весь род перекочевал сюда. Речку назвали Баллы (медовая); так же стала называться и деревня булярцев, которая со временем здесь появилась»⁸⁷. Аналогичные предания записаны у билярцев, енейцев, издавна населявших низовья р. Б. Ик: рассказ обычно начинается с упоминания о том, что здесь кругом стеной стоял густой лес, где предки башкир охотились на разного зверя⁸⁸.

Еще в домонгольский период, по мере повышения булгарского спроса на пушнину, башкиры-охотники уходили в леса далеко к северу от р. Белой. Многочисленные предания, топонимические названия совершенно достоверно устанавливают направление миграции башкир с юго-запада, с долины р. Ик и левых притоков Белой, на северо-восток — в бассейн р. Танып. Предание башкир таныпского племени тазлар повествует, что их родоначальник Таз-баба одним из первых пришел на эти земли: зимой он охотился, а летом занимался еще и бортничеством⁸⁹. Предок башкир племени иректэ Исен-баба жил когда-то по соседству

⁸⁴ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 114—115.

⁸⁵ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 21—22; А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 42—43; Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., стр. 111—117.

⁸⁶ Г. В. Юсупов. Указ. соч., стр. 111.

⁸⁷ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 329.

⁸⁸ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 32.

⁸⁹ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 7. Башкортостандия Бәйрән, Биләрет райондары башқорт халық иҗады буйынса материалдар, стр. 270 (р. Баллы—правый приток р. Б. Ик — Р. К.).

⁹⁰ Фольклорно-этнографические материалы башкир Мензелинского и Бугульминского районов Татарской АССР, собранные Н. Д. Шункаровым в 1964 г., стр. 1—2 (отчет хранится в секторе литературы в фольклора ИИЯЛ БФАН СССР).

⁹¹ Полевые записи 1959 г., стр. 1—2.

булярцами на р. Б. Ик (еще в XIX в. там была Ирехтинская дача); он был охотником и ради пушнины пришел с р. Ик на Танып, где поселился на землях, подаренных ему Таз-баба⁹⁰. Эти предания, несмотря на то, что их трудно или невозможно датировать, отражают, на наш взгляд, период освоения башкирами северной Башкирии и занятия первых переселенцев. С началом монгольского завоевания миграция башкир на север и восток (в горно-лесные районы) усиливается. Охотничьи угодья становятся теперь постоянными местами расселения. В золотоордынскую эпоху и позднее, когда ногайцы стали господствовать в степях и лесостепях от низовьев Камы на севере и до Прикаспия на юге, Бугульминско-Белебеевскую возвышенность, как уже выше отмечено, невозможно считать основным районом расселения башкир. Граница башкирской территории отодвинулась далеко на север и восток, охватив лесные и горно-лесные районы. Эти передвижения сопровождались существенными метаморфозами в хозяйстве башкир: кочевое скотоводство становится полукочевым, и в нем поднимается удельный вес занятий, связанных с лесом. Более того, в лесных районах к северу от Белой недостаток открытых пастбищ и трудность зимней тебеневки делали зачастую невозможным даже полукочевое скотоводство: здесь основным источником существования и главным занятием становятся охота и, кроме того, летом — бортничество. Некоторые башкиры севера происхождения племенных этнонимов (например *Сунарсы*, *Гунарсы* — охотник) объясняют древними занятиями своих предков⁹¹. Здесь, в иных условиях, чем на юге, не могли сохраняться и развиваться азиатские, степные способы охоты: ни природные условия, ни отсутствие развитого кочевое скотоводства не способствовали этому. В лесных и горно-лесных районах развиваются приемы и орудия охоты, характерные для всего Прикамья и Приволжья, приемы, первые навыки которых башкиры принесли еще с Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Существенное значение в этих условиях приобрело влияние охотничьих традиций камско-волжских народов.

Бортничество, так же как и охота, еще в домонгольское время у башкир западной области и в предгорьях имело, видимо, не только подсобное, но и промысловое значение. О развитии бортничества среди жителей Булгарского государства писал Ибн-Фадлан: «В их лесах много меду в жилищах пчел, которые они (жители) знают и отправляют для сбора этого...»⁹². Мед был одним из существенных статей торговли булгар: мед и воск, которыми торгуют хазары, по сведениям арабских источников X в., «ввозятся к ним из земель руссов и болгар»⁹³. Эти сведения и приведенные выше предания башкир-булярцев позволяют высказать предположение, что бортничество у башкир является традицией камско-волжского происхождения. Восприняв навыки лесного пчеловодства на обширной территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности от племен булгарского этнического круга, башкиры, поселившиеся в лесных и горно-лесных районах, превратили их в одно из основных занятий. Благоприятные природно-климатические условия, сохранение огромных лесных массивов, а также пример соседних финских народов, позволили Башкирии, по выражению С. И. Руденко, стать «классической страной пчеловодства»⁹⁴. Позднее, в XVII—XVIII вв., в западной Башкирии с порубкой лесов бортничество постепенно исчезло; его заменило пасечное пчеловодство. В лесных и горно-лесных районах севера и северо-востока бортничество во многих местах сохраняло значение до начала XX в.⁹⁵.

Итак, эволюция кочевое скотоводства в полукочевое была тесно взаимосвязана с повышением удельного веса в хозяйстве башкир охоты и бортничества. В этом процессе существенное значение играли природные условия. Башкиры восприняли те приемы и способы охоты и бортничества, которые соответствовали этим условиям. В целом хозяйство башкир

⁹⁰ Полевые записи 1959 г., стр. 2—3.

⁹¹ Там же, стр. 41.

⁹² «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 74.

⁹³ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X ввек по Р. хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане, I. Ал-Истахри. Тифлис, 1901, стр. 45.

⁹⁴ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 96.

⁹⁵ Там же, стр. 97.

уже с X в., тем более позднее, становится сложным сочетанием различных форм кочевого скотоводства азиатского происхождения, а также охоты, бортничества, приемы и способы которых были восприняты преимущественно у народов Волго-Камья.

* * *

Мысль о том, что северо-западные башкиры еще в домонгольский период были оседлыми земледельцами, опирается на два момента: на упомянутые выше находки зерен и земледельческих орудий в слоях бахмутинской культуры и на предполагаемое влияние болгарской земледельческой культуры на кочевническую периферию. Развитие оседлого земледелия, по словам К. В. Сальникова, «тем более вероятно для северо-западных районов, где была сильна связь с Болгарией, страной высоко развитого земледелия»⁹⁶. Однако такую постановку вопроса трудно считать бесспорной. Генетическая преемственность бахмутинской культуры с ранними башкирами не прослеживается. Но дело не только в этом: территорию к северу от Белой, т. е. район распространения бахмутинской культуры едва ли можно включать в зону активного воздействия болгарской культуры в пору ее подъема и расцвета. Политическая и культурная экспансия болгар на восток распространялась, как уже отмечено, главным образом, на центральную и южную части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, где во второй половине I тыс. н. э. обитали пришлые кочевники, которых Н. А. Мажитов объединяет в так называемую турбаслинскую культуру⁹⁷. По мнению Н. А. Мажитова, турбаслинцы были северной периферией древнетюркских кочевников, которые впоследствии сыграли активную роль в формировании башкирского народа⁹⁸. Однако в этой зоне активного болгарского влияния ни археологические, ни этнографические источники следов оседлого земледелия у ранних башкир пока не обнаруживают. Это обстоятельство заставляет несколько по-иному взглянуть на характер культурного влияния болгар; во всяком случае приходится отказаться от упрощенного взгляда, полагающего, что простое соседство или столкновение на одной территории различных типов хозяйства обязательно сопровождается разрушением одного и внедрением другого, более прогрессивного типа хозяйства. Эволюция хозяйства шла гораздо более сложным путем.

Представление о том, что башкиры-кочевники некогда совершенно «не знали» земледелия, требует уточнения. Едва ли когда-либо существовало развитое кочевое общество, которое бы «не знало» земледелия. Земледелие (культура проса) хорошо было известно хуннам; однако несмотря на находки в древнехунских курганах семян проса, сошников, зерно-терок, С. И. Руденко подчеркивает, что основой хозяйства хуннов было скотоводство⁹⁹. Посевы проса у печенегов, у кочевников хазарского каганата не раз отмечают арабские источники¹⁰⁰. Хозяйство племен Приаралья «тюркского периода до XI в.», т. е. района древнего обитания части древнебашкирских племен, С. П. Толстов рассматривает как скотоводческо-рыболовно-земледельческое с культивированием проса¹⁰¹. Кажется, нет оснований полагать, что башкиры отличались в этом отношении от других кочевников: небольшие посевы, главным образом проса, были среди кочевников древней традицией, которая повсюду сохранялась. Эль-Омари пишет о кипчаках XIV в.: «Чаще всего встречается у них просо, им они питаются, и по части произведений земли в нем заключается главная еда их»¹⁰². Башкиры

⁹⁶ К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. — АЭБ, т. 2, стр. 14—15.

⁹⁷ Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. — АЭБ, т. 1, стр. 104—105.

⁹⁸ Там же, стр. 110.

⁹⁹ С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы, стр. 28—29.

¹⁰⁰ «Об арабском путешественнике X века Абу-Долфея и странствии его по Средней Азии». Исследование В. Григорьева. СПб., 1872, стр. 27; Ф. Р. Вестберг. К анализу восточных источников. — ЖМНП, 1908, февраль, стр. 409.

¹⁰¹ С. П. Толстов. Города гузов. — СЭ, 1947, № 4, стр. 100.

¹⁰² В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. 1, стр. 233.

как и другие кочевники обширных степей Дешт-и-Кипчака, издавна засевали весной небольшие поля просом или ячменем; урожай исключительно шел в пищу. В шажере башкир-юрматинцев, в котором описываются события XIV—XVI вв., говорится: «Однажды года пришли голодные. Зима была долгая..., хлеба совсем не уродились»¹⁰³. Но такое земледелие отнюдь не было привилегией лишь северо-западных башкир и тем более следствием болгарского влияния: оно было известно всем башкирам, так же как и многим другим кочевникам. Не следует в то же время переоценивать масштабы и значение этих посевов в хозяйстве башкир; они были незначительны, периодически исчезали совсем, особенно в неблагоприятных для земледелия лесных и горно-лесных районах Башкирии. Основой хозяйства (кроме крайних северных районов) оставалось скотоводство, которое и в XVI в. было господствующим типом хозяйства на огромной территории между Камой на севере и Каспийским морем на юге. Дженкинсон пишет о кочевниках этих земель: «Они ничего не сеют и не едят хлеба...», «они, главным образом, скотоводы и имеют большое количество скота, который составляет их главное богатство»¹⁰⁴.

Таким образом, о древнейших корнях оседлого земледелия и сколько-нибудь активном земледельческом влиянии болгар на северо-западных башкир говорить не приходится. Чтобы «влиianie» приобрело материальную силу, необходимо, очевидно, условия внутреннего порядка; к ним прежде всего относится кризис господствующего типа хозяйства, что экономически стимулирует поиски новых путей хозяйственного развития. В X—XV вв. этих условий в большей части Башкирии не было. Земельные просторы, возможности путем набегов поддерживать хозяйство питали прочность традиций кочевого скотоводства, хотя формы его ведения постоянно менялись. Булгарскому государству, заинтересованному в притоке таких товаров, как пушнина, мед, воск, скот, было более выгодно развитие в Башкирии скотоводства, охоты и бортничества, нежели земледелия. Все это, конечно, не исключает возможности развития земледелия булгарского типа в башкирских районах, смежных с булгарами; но если оно и имело место (о чем достоверных источников не сохранилось), весьма сомнительно, чтобы эта тенденция получила дальнейшее развитие в монгольскую эпоху. Даже хозяйство самих булгар, по свидетельству Эль-Омари, с монгольским завоеванием утратило в значительной степени свои прежние достижения¹⁰⁵. Среди башкир же в период монгольского господства еще прочные традиции кочевого скотоводства возродились с новой силой; они надолго сломили даже те сравнительно небольшие навыки земледелия, которые, возможно, начали формироваться среди башкир. «Книга Большому чертежу», в которой о башкирах XVI в. говорится, что «кормля» их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют¹⁰⁶, в общем точно характеризует состояние башкирского хозяйства в момент присоединения Башкирии к Русскому государству.

Развитие хозяйства башкир в XVII — первой половине XIX в.

Присоединение Башкирии к Русскому государству открыло новую страницу в истории края. Уже с конца XVI и тем более в XVII в. башкиры вступают во взаимодействие с новым для них миром: на огромной территории от низовьев Камы до Тобола, от таежной Тулвы и до степной Самары башкиры-скотоводы и охотники с преобладающей у них тюркской кочевнической культурой сталкиваются во всех сферах жизни с оседлой земледельческой культурой русского крестьянства и крестьян-переселенцев из народов Поволжья и Прикамья. Сила этого взаимодействия, первоначально слабого и эпизодического, нарастала из десятилетия в десятилетие, пока к середине XVIII в., в связи с постройкой Оренбурга, закамской, яйцой и других крепостных линий, а также — активизацией кре-

¹⁰³ «Башкирские шажере», стр. 32.

¹⁰⁴ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 170.

¹⁰⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. 1, стр. 233.

¹⁰⁶ «Книга Большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года». СПб., 1839, стр. 139.

стьянской колонизации края, она не стала главным фактором в хозяйственной и культурной жизни коренных жителей края — башкир. Два с половиной столетия истории башкирского народа явились периодом постепенной эволюции его хозяйства в направлении приобретения навыков земледелия и полной оседлости. Пути этой эволюции, основные результаты которой окончательно обозначились лишь в XIX в., были чрезвычайно сложными, противоречивыми.

Современный уровень наших знаний позволяет подразделить рассматриваемый период в истории башкирского хозяйства на два этапа: XVII в.—30-е годы XVIII в.; с 30-х годов XVIII в. до середины XIX в.¹⁰⁷.

* * *

В XVII— начале XVIII вв. основой хозяйства по-прежнему остается полукочевое, а в некоторых районах даже кочевое скотоводство; в лесных и горно-лесных областях оно сочетается с охотой и бортничеством. Лишь в некоторых районах севера и северо-запада появляется и даже получает значительное развитие земледелие русского типа. В то же время в этот период происходит постепенное накопление предпосылок для крупных качественных изменений в хозяйстве башкир, которые произошли в XVIII— первой половине XIX вв. Главными факторами, подготовившими эти качественные сдвиги, были развитие производительных сил в самом башкирском обществе, колонизация Башкирии, рост пришлого земледельческого населения и сложение новой этнической карты края, хозяйственное и культурное взаимодействие башкир с переселенцами.

До 30-х годов XVIII в. все эти процессы развивались медленно. Как известно, кочевое или полукочевое скотоводство, промысловая охота и бортничество требуют больших пастбищных или лесных площадей. Рост численности населения на данной территории (как в результате естественного прироста, так и миграции) вносит в распределение полезных площадей существенные коррективы. Наиболее крупные хозяйственные изменения среди башкир (переход к земледелию и оседлости) первоначально имели место в районах с наибольшей плотностью коренного и особенно пришлого населения. Это естественно, так как здесь произошло постепенное перераспределение земельных площадей, исчезла или резко уменьшилась экономическая возможность вести прежние экстенсивные формы хозяйства.

Точных сведений о численности в Башкирии пришлого населения в XVII— начале XVIII вв. в источниках нет. По данным 1730 и 1739 гг., оно составляло около 60—65 тыс. человек; башкир в это время было более 250 тыс. человек¹⁰⁸. Как видим, масштабы крестьянской колонизации края, за исключением некоторых северных, северо-западных и центральных районов, где главным образом расселялись пришельцы, были еще незначительными. Соответственно, влияние пришлого земледельческого населения на башкир было ограничено лишь несколькими северными и центральными районами активной колонизации. Политика царской администрации в крае до 30-х годов XVIII в. вовсе не ориентировалась на внедрение среди башкир более производительных форм хозяйства. Основная забота царизма была направлена на достижение политической стабильности в этом «непокойном» крае, на борьбу с многочисленными выступлениями башкир против политической и национального гнета, за неприкосновенность земельных вотчин, против злоупотреблений царских чиновников.

Таким образом, примечательной особенностью хозяйственной жизни башкир до 30-х годов XVIII в. были не общие структурные изменения в их экономике (хотя и они в ряде районов имели место), а те крупные сдвиги, которые произошли внутри уже существую-

¹⁰⁷ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 142—146.

¹⁰⁸ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1. М.—Л., 1936, № 134, стр. 302. (Подробно о численности населения Башкирии в XVII—XVIII вв. см. в статье «Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв.» в настоящем томе, стр. 339—344).

щих, традиционных отраслей хозяйства и которые подготовили коренную перестройку башкирской экономики в целом в последующие десятилетия.

Башкирское скотоводство в рассматриваемый период окончательно перестало быть кочевым. Лишь в нескольких районах — в челябинском Зауралье, в междуречье Миасса и Уя, в степных долинах южных рек Ток и Уран, да кое-где на юго-востоке края башкиры продолжали в течение всего года передвигаться со своими стадами (рис. 4). Однако и здесь в конце XVII—начале XVIII вв. они постепенно переходили к полуседлости («*улытрак тормошка күсеп киткәндәр*»¹⁰⁹). Во всех остальных районах Башкирии скотоводство стало полукочевым. Полный переход к полуседлости был, очевидно, заключительным этапом длительной внутренней эволюции башкирского кочевого хозяйства. Этот процесс, медленно развивавшийся уже в XIV—XV вв., после присоединения Башкирии к Русскому государству быстро пошел к завершению. Здесь ускоряющую роль сыграли несколько взаимосвязанных факторов. В конце XVI и в XVII вв. земли были закреплены за башкирскими племенами и родами согласно «жалованным грамотам» русского царя¹¹⁰. Тем самым окончательно установились и получили юридическое оформление традиционные границы племенных, а зачастую и родовых земель. Это, а также коренные изменения в политической ситуации на южных и восточных границах башкирских земель, ставших одновременно и восточными пределами Русского государства, лишали башкир возможности перекочевывать на большие расстояния. Кочевники, таким образом, уже не могли, передвигаясь на сотни километров с севера на юг (в Приаралье или в Прикаспий) и с юга на север, смягчать для своих стад резкие климатические колебания времен года. Отныне основным, а в большинстве случаев и единственным районом кочевков становятся родоплеменные земли. Размеры же родовых территорий позволяли кочевать лишь на десятки, редко — на одну или две сотни километров. Теперь башкиры зимой и летом оставались в одних и тех же природно-климатических условиях; скотоводы стремились лишь рационально использовать имеющиеся пастбища: для зимней тебеневки оставлялись степные или открытые возвышенные места. Невозможно согласиться с проводимой в «Очерках по истории Башкирской АССР» мыслью, что «основным районом зимних кочевков» башкир в XVII в. были «горы Южного Урала»¹¹¹. Это было невозможно по природно-климатическим условиям: в горах тебеневка скота была сильно затруднена или невозможна. Этнографический материал по истории башкир, в частности, предания о расселении, убедительно свидетельствует о том, что даже значительно позже, в конце XVIII—начале XIX вв., горные пастбища были, главным образом, районом летних кочевков; на несколько зимних месяцев горцы скот зачастую перегоняли в предгорья¹¹².

Новые условия уже не требовали дальних переходов на зимние пастбища. С окончанием весенне-летне-осенних кочевков башкиры оставались, как правило, на одном месте, поблизости от зимних пастбищ; зимние становища, к которым кочевники возвращались из года в год, постепенно становились традиционными. Так возникают и оформляются первые постоянные аулы — прообразы будущих деревень. Первоначально это были небольшие поселения, состоящие в среднем из 5—20 семей¹¹³, с застройкой, имитирующей планировку летней кочевки. Зиму башкиры проводили в зависимости от природных условий района в утепленных войлочных юртах, примитивных срубках или землянках. Б. Г. Калимуллин — исследователь архитектуры башкирских деревень — считает, что в южных районах Башкирии первые деревни возникли в XIII—XIV вв.¹¹⁴. Трудно подтвердить или опровергнуть это утверждение: зимние стоянки у кочевников появлялись всюду, где они оставались на зиму. Но перерастание зимних стоянок кочевников в деревни с постоянными типами жилищ и

¹⁰⁹ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, ед. хр. 2, стр. 17.

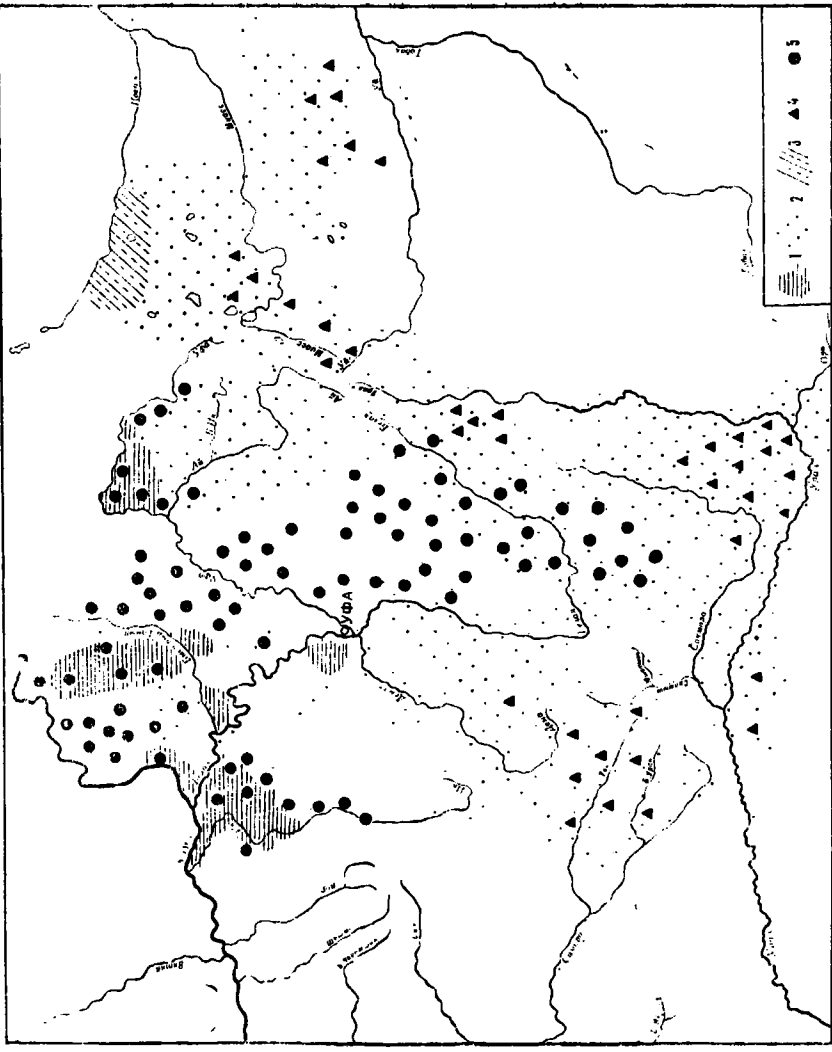
¹¹⁰ См. подробнее в кн.: Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 133—135.

¹¹¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 87.

¹¹² Полевые записи 1953 г., стр. 64—65, 87; 1958 г., стр. 91, 111.

¹¹³ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, № 15, стр. 85—86.

¹¹⁴ Б. Г. К а л и м у л л и н. Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959, стр. 16.

Р и с. 5. Хозяйство башкир в начале XVIII в.

1 — освоенные земли; 2 — полукочевое скотоводство; 3 — смешанное земледельческо-охотничье хозяйство; 4 — кочевые скотоводы; 5 — лесная охота, бортничество и участки лесных прогалин.

тем более с какой-либо устоявшейся планировкой был, очевидно, процессом длительным. В XVII в. этот процесс еще не завершился. Башкирские деревни, особенно на востоке, по-прежнему оставались небольшими поселениями, которые даже в XVIII в. нередко «рушились его обитателями»¹¹⁵, которые по тем или иным причинам покидали старые призмочные участки и обосновывались на новых. С переходом к полуседлости и возникновением деревень связано и дальнейшее освоение башкирами занятой ими территории. В некоторых отдаленных горно-лесных районах Южного Урала постоянные поселения башкир возникли лишь в конце XVII — начале XVIII вв.¹¹⁶.

Ограничение зимних перекочевок на обширные южные степные пастбища и соответственно уменьшение площадей, годных для зимней тебеневки, вызвало сокращение поголовья стада. Естественное для скотоводов стремление сохранить привычное количество скота в стадах заставляет их обратиться к новым формам хозяйствования. Одним из существенных последствий перехода башкир к зимней оседлости было появление и распространение заготовки сена на зиму. Суровая южноуральская зима с ее частыми выюгами и буранами, с глубокими снегами требовала большей, чем раньше, заботы по сохранению поголовья стада, особенно молодняка и крупного рогатого скота.

Точно датировать время появления у башкир с е н о к о ш е н и я пока нет возможности. А. П. Чулошников указывает на «частичное существование» у башкир «порядка заготовки сена для скота» со второй половины XVII в.»¹¹⁷. Развитие сенокосения, по словам А. П. Чулошникова, ускоряет «эволюцию всего башкирского скотоводческого хозяйства к полукочевому состоянию», которая завершилась, по его мнению, к середине или второй половине XVIII в.¹¹⁸. Наблюдения А. П. Чулошникова основываются преимущественно на материалах экспедиций П. Палласа, И. Лепехина и И. Георги, сведения которых, однако, относятся к южной и восточной Башкирии, т. е. к той части башкирского населения, переход которой к полуседлости, действительно, завершился лишь к концу рассматриваемого этапа в истории башкирского хозяйства или примерно к середине XVIII в. Что касается северной и северо-западной Башкирии, там переход башкир к полуседлости протекал значительно раньше. Естественным поэтому предположить, что развитие сенокосения у башкир началось с этого района, распространившись впоследствии по всей Башкирии. Это подтверждается бытованием в XVII в. и позднее среди башкир косы-горбуши¹¹⁹, издавна известной финским народам Прикамья и, напротив, совершенно прежде неизвестной среди тюркских народов к востоку от Урала. Даже казанские татары косой-горбушей почти не пользовались¹²⁰. Коса-горбуша еще в XIX в. хорошо была известна удмуртам, мордве, коми-зырянам и коми-пермякам¹²¹. В северо-западной Башкирии часто можно услышать рассказ о том, что «предки башкир» (*башкорттарзың бабалары*), пришедшие жить в пританайские леса, научились косить сено косой-горбушей у вотяков¹²². Башкиры вошли в хозяйственные и культурные контакты с финноязычными соседями Прикамья раньше, чем с русскими. Так, «из писцовой и межевой книги г. Свяжска и уезда» узнаем, что «мордва сурская» на беловолжской стороне, т. е. на башкирских землях, «наездом» издавна распахивали поля, но к 1565 — 1567 гг., видимо, в связи с обострением политической обстановки в этом районе, они «ту землю покинули»¹²³. Эти немногочисленные данные говорят, очевидно, о том, что коса-горбуша и сенокосение стали известны северо-западным башкирам еще до присоединения к Русскому государству от местных народов Прикамья. По мере перехода башкир к зимней

¹¹⁵ И. И. Лепехин. Записки путешествия..., стр. 11.

¹¹⁶ Полевые записи 1953 г., стр. 87—88, 109.

¹¹⁷ А. П. Чулошников. Феодальные отношения в Башкирии, стр. 5.

¹¹⁸ Там же, стр. 7.

¹¹⁹ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 110.

¹²⁰ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 92—93.

¹²¹ Там же; В. Н. Белцер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 55.

¹²² Полевые записи 1959 г., стр. 26.

¹²³ «История Татарии в документах и материалах», стр. 97—98.

оседлости сенокосение и коса-горбуша распространились по всей Башкирии и к концу XVII — началу XVIII вв. были известны повсюду.

Переход к полуседлости сопровождался дальнейшим повышением удельного веса охоты и бортничества в хозяйстве башкир. На взаимосвязь распространения полуседлого скотоводства с развитием охоты и бортничества в XVII в. впервые обратил внимание А. П. Чулошников¹²⁴. Этот процесс, начало которого, как показано выше, восходит еще к раннему средневековью, в XVI—XVII вв. приобрел некоторые новые особенности. Русское государство взимало ясак со своих новых подданных пушнина и медом. В «Грамоте из Приказа Казанского Дворца» уфимскому воеводе Д. Н. Головину в 1692 г. говорилось, что за «великих государей жалованные вотчины» башкиры Осинской, Казанской, Сибирской и Ногайской дорог «платят в нашу казну куничный и лисий ясак и медвяной оброк»¹²⁵.

В башкирских шежере нередко включались тексты или содержание жалованных грамот, полученных некогда башкирами от русских царей; в них обычно указывались размеры и вид ясака, который вносили те или иные роды в казну за свои вотчины: юрматынцы платили сто куниц; минцы — 171 куницу и 18 батман меда; бурзяне, кыпчаки, усерганы и тамьянцы доставляли царю «...мед, шкуры куницы, а некоторые — выдры и бобра» и т. д.¹²⁶. Уплата ясака натурой стимулировала со второй половины XVI и в XVII вв. дальнейшее развитие охоты и бортничества. В соответствии с хозяйственной необходимостью быстро развивается промысловая охота на пушных зверей, для которой были характерны приемы и орудия лова преимущественно таежного типа (см. рис. 5). Напротив, многие приемы степной охоты постепенно утрачивают хозяйственное значение. В горно-лесных районах Южного Урала, на северо-западе — в лесной зоне низовьев Белой и Бельско-Уфимского междуречья — промысловая охота, добыча пушнины, бортничество являются основным, порой единственным занятием башкир.

К концу XVII — началу XVIII вв. у башкир сохраняются, таким образом, все традиционные виды занятий; в то же время в них происходят изменения, знаменующие новые тенденции в хозяйственном развитии Башкирии. Эволюция кочевого скотоводства в полукочевое, возникновение постоянных поселений, развитие сенокосения, повышение значения промысловой охоты и бортничества — все эти изменения сами по себе были значительными. Но гораздо важнее по последствиям было то, что такое направление развития башкирского хозяйства не могло не вызвать изменений в самой структуре башкирского хозяйства.

Переход к полуседлости, ограничение сезонных передвижений стад сначала территории Южного Урала и Приуралья, а позднее — пространствами родоплеменных земель не могло не привести, как отмечено выше, к сокращению поголовья стад. Трудности зимней тебеневки скота лишь усугубляли положение. Сенокосение и заготовка кормов на зиму могли сберечь часть молодняка, облегчить зимовку крупному рогатому скоту, но существенным образом на сохранение, тем более на рост всего поголовья стада не влияли. Это естественно, так как башкиры «сено летом готовят токмо для мелкой скотины и для лошадей, которых берегут к войне», «... а большие стада лошадей и протчего скота ходят в степи без сена и очень от голоду худы, понеже они питаются всю зиму травой сухой, выкапывая копытом из-под снега»¹²⁷. Быстрые темпы развития охоты и бортничества должны были в какой-то степени, особенно в лесных районах, компенсировать потери хозяйства башкир от упадка скотоводства. Однако те же причины, которые вызвали серьезные метаморфозы в башкирском скотоводческом хозяйстве и некогда стимулировали подъем в развитии охоты и бортничества (колонизация края, уплата ясака в казну пушнина и медом и т. д.), со временем привели к упадку этих занятий. Хищническая охота, к которой постепенно присоединялись тысячи переселенцев, быстро истощала леса. Уже в конце XVII в.

¹²⁴ А. П. Чулошников. Феодальные отношения в Башкирии, стр. 7.

¹²⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, № 13, стр. 82.

¹²⁶ «Башкирские шежере», стр. 33, 53, 73.

¹²⁷ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3, № 546, стр. 485.

(1692 г.) башкиры всех четырех дорог писали в Приказ Казанского Дворца, что «от того их (т. е. переселенцев в Башкирию — Р. К.) многолюдства в вотчинах их всякой зверь: лось и медведи, лисицы и куницы, и белки отошли и бобровые вязы запустели и мы им зверя бить и рыбу ловить, и конских стад и скотины выпускать стало негде... и ясаку и всяких податей стало платить нечем»¹²⁸. Охота начинает терять экономическое значение. Царская администрация постепенно заменяет ясак натурой денежным эквивалентом. Таким образом, на рубеже XVII—XVIII вв. среди северных башкир складывается положение, когда традиционные занятия: скотоводство, ставшее полукочевым, охота и борничество не обеспечивают даже внутренних потребностей башкирского хозяйства, не говоря уже о том, что башкиры зачастую не в состоянии были платить даже тот сравнительно легкий ясак, который на них положен¹²⁹. Лишь в степных и лесостепных районах, где скотоводство несмотря на ограничение дальности зимних перекочетов, еще целиком господствовало, башкирское хозяйство не испытывало разрушительных потрясений. В остальных же районах, особенно в северной и некоторых районах центральной Башкирии, башкиры ищут новые источники повышения производительности своего хозяйства, иначе говоря — новых занятий.

В этих условиях наиболее перспективными становятся занятия земледелием. Не надо думать, однако, что земледелие сразу же завоевало прочные позиции в хозяйстве башкир. Более того, тогда земледелие для башкир не было единственной возможностью стабилизировать падающую доходность хозяйства. Можно отметить, по крайней мере, еще два источника дохода, которые с XVII в. начали играть существенную роль в хозяйстве северо-западных башкир; и тот и другой были связаны с осуществлением вотчинного права башкир на свои земли. Уже с начала XVII в. получает развитие институт п р и п у с к а, когда башкиры на условиях уплаты за них ясака или на каких-либо других условиях разрешили поселяться на их родоплеменных землях пришлым татарским, мишарским, чувашским, марийским, удмуртским и, реже, русским крестьянам. Припуск в Башкирии принял огромные масштабы: возникнув на западе и севере края, он к XVIII в. распространился по всей территории. Влияние припуска на развитие хозяйства башкир изучено слабо; принято считать, что поселение на башкирских землях крестьян — исконных земледельцев способствовало быстрому приобщению башкир к земледелию. Хотя в общей форме такое утверждение и является верным, однако оно больше касается конечных результатов процесса, чем его развития. Совершенно ясно, что на первых порах распространение припуска, взимание башкирами с припущенников оброка и покрытие им ясака (целиком или частично) тормозило приобщение башкир к земледелию, способствовало сохранению в течение некоторого времени традиционного уклада жизни. В том же XVII—начале XVIII вв. в лесных районах появляются л е с н ы е п р о м ы с л ы. Начавшись с обычной продажи леса с родовых вотчин, лесные промыслы постепенно принимают многообразные формы. По примеру финских народов Прикамья башкиры не только рубят и сплавляют лес, но начинают драть мочало, гнать деготь, изготавливать из дерева различные бытовые и хозяйственные изделия. По мере того, как охота постепенно утрачивала хозяйственное значение, лесные промыслы в северных лесных и позднее в горных районах приобретают все большее и большее значение.

Каковы были масштабы развития и территория распространения з е м л е д е л и я среди башкир в рассматриваемый период? В исторической литературе в последнее время устанавливается не совсем точное представление о степени приобщения башкир к земледельческому хозяйству в XVII в. Успехи земледелия среди башкир, особенно на севере края, преувеличиваются. «В северной части Башкирии, — говорится в «Очерках по истории Башкирской АССР», — главным занятием населения было земледелие»¹³⁰. Начиная со второй половины XVII в. в источниках, действительно, изредка встречаются сведения о наличии у баш-

¹²⁸ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, № 13, стр. 82.

¹²⁹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 100—101.

¹³⁰ Там же, стр. 87.

кир пашен, посевов. Сведения эти обычно исходят не от самих башкир, а зафиксированы в передаче от третьих лиц и требуют тщательного анализа и критического отношения. Так, в 1675 г. служилые иноземцы Е. Кинишмцев и И. Гречкин, побывавшие на Ногайской дороге, доносили в Уфимскую воеводскую избу якобы со слов самих башкир: «А той де Ногайской дороги все башкирцы пашню пашут и хлеб сеют по старым своим зимовьям и хоромы строят»¹²¹. Однако хорошо известно, что даже в середине XIX в. значительная часть башкир Ногайской дороги посевов не имела. Очевидно, «служилые иноземцы» распространили на «всех башкирцев» те, еще редкие, случаи перехода к частичной оседлости и земледелию, которые имели место в XVII в. среди башкир тех земель Ногайской дороги, которые прилегали к г. Уфе. Обобщать эти единичные сведения нет оснований. Более того, даже прочно утвердившийся в литературе тезис о господстве земледелия на протяжении всего XVII в. среди северных башкир вызывает сомнения. Исследователи обычно ссылаются при этом на грамоту 1680 г. из Приказа Большой Казны соликамскому воеводе С. Г. Кондыреву об освобождении от таможенных пошлин башкир, которые «ездят де... к Соли Камской и в иные города и возят с собой продавать хмель, воск и хлеб и всякую животину...»¹²². Этот документ толкуется в том смысле, что развитие зернового хозяйства у северных башкир в XVII в. достигло уже того уровня, при котором образуются товарные излишки, доставляемые ими на дальние рынки¹²³. Однако внимательное изучение этого и других источников показывает, что такое толкование неправильно. Дело в том, что башкиры, ради уплаты ясачных денег отвозившие на городские ярмарки всякие товары со своих вотчин, освобождались от уплаты таможенных пошлин; однако они привозили на ярмарку не только свои, но и товары «русских людей». Башкиры издавна развивали у себя извозный промысел; известны случаи, когда башкиры Сызгинской волости близ Красноуфимска заключали подряды на перевозку крупных партий зерна в г. Уфу¹²⁴. В Соликамск в 1680 г. они также привезли не свой хлеб; это видно из того же документа. Возражая против уплаты пошлин за привезенные товары, башкиры писали, что «тот де хмель и мед и воск они не покупают, собирают де в вотчинном своем лесу сами... и продают для платежа ясаков»¹²⁵. Как видим, в этом перечне «хлеб» не упоминается. Русская администрация отлично знала, чей хлеб башкиры привозят в Соликамск и в «иные города»; в грамоте Приказа Большой Казны вменяется в обязанность уфимскому воеводе П. Д. Скуратову «учинить башкирцам заказ крепкий», чтобы они продавали лишь свои товары, «а у русских людей в продажу товаров не имали»¹²⁶. Таким образом, даже в северной Башкирии, несмотря на то, что именно сюда была направлена наиболее активная колонизационная волна земледельческих народов, успехи земледелия среди самих башкир в XVII в. были скромные. В 1633 г. верхотурские башкиры писали в своей челобитной, что «пашен де у них нет...»¹²⁷. Значительно позднее, в 1672 г., у гайнинских башкир в вотчинных их землях перечисляются «зверинные и рыбные ловли», «обровные горы» и пр., однако нет упоминания о пашне, о посевах¹²⁸. Любопытно в этом плане предания и исторические повествования гайнинцев о том, что их предки занимались лесными промыслами, сплавливали плоты, охотились, собирали мед. Земледелием гайнинцы занялись позднее, «когда лесов стало меньше, зверь покинул эти земли, люди повырубили бортные деревья»¹²⁹. Такое время наступило в северной Башкирии, от Камы до Урала, в самом конце XVII начале XVIII вв.

Северная Башкирия, бывшие пермские, издавна служили путем для передвижения русского люда в Сибирь и Закамье. Заселение закамских и уральских земель продолжалось интенсивно на протяжении всего XVII в. как в виде правительственной, так и вольной

¹²¹ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, № 71, стр. 204.

¹²² Там же, стр. 75.

¹²³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 88.

¹²⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3, № 185, стр. 134.

¹²⁵ Там же, ч. 1, № 5, стр. 75.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же, № 1, стр. 69.

¹²⁸ Там же, № 4, стр. 74.

¹²⁹ Ш. Тульвинский. Гайнинские башкиры.— «Совет Башкортостан», 1959, 21 апреля.

колонизации. При этом вплоть до 30-х годов XVIII в. колониционная волна во внутреннюю Башкирию, в Приуралье и на Южный Урал была из-за частых башкирских восстаний незначительной. Здесь пришлое население скапливалось лишь вокруг городов Уфа, Бирск, Табынск. Основная часть переселенцев в XVII — начале XVIII вв. направлялась в северную Башкирию, оседая широкой полосой вдоль казанского пути в Зауралье и в Сибирь. Скопление населения в этом районе, частая его смена, интенсивная промысловая охота привели к довольно быстрому истощению лесов и упадку хозяйственного значения охоты. В лесных районах севера скотоводческое хозяйство невозможно было вести в тех же масштабах, как в степном Зауралье или в лесостепном юге. Поэтому уже само проникновение башкир на северные земли сопровождалось, как упоминалось выше, перестройкой их хозяйства, а именно: повышением значения охоты, бортничества, позднее — лесных промыслов и, наоборот, эволюцией скотоводства степного типа сначала в полукочевое, а затем в обычное домашнее скотоводство со стойловым содержанием скота зимой и заготовкой кормовых запасов. На всем севере Башкирии зимняя тебенежка скота никогда не практиковалась. С упадком хозяйственного значения охоты лесные промыслы, скотоводство и продажа на рынке таких продуктов, как воск, мед и другие, не могли, видимо, создать прочную экономическую основу башкирского хозяйства. В этих условиях северные башкиры малопомалу переходят к земледелию (см. рис. 5); этот процесс активным стал в самом конце XVII и в начале XVIII вв. в связи, видимо, с тем, что постепенная миграция пришлого населения на рубеже XVII—XVIII вв. достигла той ступени, при которой резко возросло ее воздействие на дальнейшее развитие экономики края.

Пришлое население — татары, мордва, марийцы, русские — перенесли на новые земли как способы ведения зернового хозяйства, так и земледельческую технику. По мере расширения зоны колонизации во внутренние районы Башкирии к земледелию приобщаются все новые и новые группы башкир. След за осинскими становятся земледельцами северо-западные башкиры, живущие в северной части Казанской дороги. Кунгурский бургомистр Юхнев, побывавший в 1725—1726 гг. во всех четырех башкирских дорогах, оставил, видимо, наиболее точное описание башкирского хозяйства к концу первого этапа рассматриваемого периода. Если, по Юхневу, башкиры Ногайской и основной части Сибирской дороги еще скотоводы-полукочевники, то совсем иная картина в Осинской дороге; «при оной живут башкиры все в домах. Хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи...». При Казанской же дороге башкиры также «сеют рожь и всякий хлеб без навозу», «...только половина из них летом кочует в степи...»¹⁴⁰. Таким образом, к 30-м годам XVIII в. лишь башкиры Осинской дороги да их восточные и юго-западные соседи достаточно прочно перешли к земледелию, или были на пути к этому. Во всей остальной Башкирии господствовало еще, хотя и сильно изменившееся, полукочевое, а местами, видимо, даже кочевое скотоводство. Конечно, небольшие очаги земледелия могли встречаться и в пределах южной и восточной Башкирии, однако там оно играло всецело ограниченную и подсобную роль.

Говоря о начальных этапах развития башкирского земледелия, важно подчеркнуть, что развивалось оно на основе русского земледелия. Системы земледелия, известные башкирам в XVIII в. (перелог, подсека, трехполье), набор культивируемых зерновых (ячмень, просо, овес, пшеница; позднее — озимая рожь), сельскохозяйственные орудия (соха-косуля, обыкновенная соха, позднее татарский сабан, бороны, серп, коса-горбуша и т. д.)¹⁴¹ ничем или почти ничем не отличались от распространенных среди земледельческих народов Поволжья и Прикамья. Русские, татарские, марийские, мордовские крестьяне принесли в Башкирию давние земледельческие традиции, которые и были восприняты башкирами. Сейчас нет никаких материалов, которые дали бы основание в башкирском земледелии усмотреть какие-то более древние черты. Если и были у башкир большие свое-

¹⁴⁰ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3, № 546, стр. 486—487.

¹⁴¹ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 113—123; Н. Ф. Демидова. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. — «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, стр. 27—30; Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 88.

образия в ведении земледельческого хозяйства (преобладание подсечной или переложной системы, преимущественное культивирование яровых и др.), то они находят исчерпывающее объяснение в особенностях природных условий и специфике земельных отношений края.

Дальнейшее распространение земледелия по всей территории Башкирии шло в том же направлении — башкиры перенимали и приспосабливали к природно-климатическим условиям и специфике земельных отношений земледелие русского типа. Это, конечно, не означает, что приемы и техника земледелия заимствовались только у русских крестьян. Напротив, есть основания полагать, что в XVII в. в этом более значительная была роль марийских, мордовских и особенно татарских крестьян. Среди северных башкир нередко можно услышать предание, подобное записанному нами в дер. Сурапаново на р. Танып: «Когда пришли в эти края деды башкир, кругом были леса и никто не знал хлебопашества; и вот однажды пришли 4 марийских парня (*сирмешлар*). Они умели и землю пахать и соху мастерить из дерева. От них наши деды и научились поднимать новину»¹⁴². Родство языка и культуры башкир и татар, естественно, облегчало не только культурные взаимосвязи, но и способствовало довольно быстрому смешению этих народов в зонах контакта и обмену навыками хозяйствования. Но татары, так же как и марийцы, мордовцы, принесли с собой навыки русского земледелия, распространившегося у них значительно раньше. Земледелие, так же как и переселенческая волна русских, татарских, марийских, мордовских и других крестьян, в сравнительно короткие сроки в XVII в. распространилось по всему северу Башкирии, а также в Зауралье и в Западной Сибири, включая земли по течению рек Исеть и Теча, заселенных башкирами¹⁴³.

Земледелие русских крестьян оказало огромное прогрессивное влияние на развитие хозяйства башкир. Однако процесс этого влияния был чрезвычайно сложен; было бы неверным полагать, что простое «культурное общение» было способно «повести дикое туземное население» «по пути прогресса», как это представлялось большинству дореволюционных историков¹⁴⁴. Основным в этом процессе было формирование хозяйственно-экономических предпосылок перехода к земледелию и земледельческой культуре. Без появления этих предпосылок «влияние» едва ли могло быть эффективным. Экономические предпосылки перехода к иным формам хозяйствования создавались постепенно, десятилетиями. В условиях северной Башкирии они заключались в основном в быстром притоке пришлых людей, росте численности населения и относительном обезземеливании башкирских общин, в отсутствии возможности вести скотоводческое хозяйство в тех же масштабах и формах, как в степной полосе края, в упадке хозяйственного значения охоты, в несоответствии к концу XVII в. размеров ясака производительности башкирского хозяйства. Следовательно, появляется экономическая необходимость новых средств существования, новых источников дохода. Поиски этих путей башкиры ведут не только в направлении освоения земледельческих навыков. Источники говорят, как упоминалось выше, о быстром и широком развитии припуска крестьян-переселенцев на общинные земли, расширении торговли продуктами со своих вотчин, распространении на огромной территории нового для башкир занятия — лесных промыслов и т. д. Возможность эксплуатировать вотчинные земли и леса и получать с них определенные доходы в какой-то степени оказало на первых порах даже тормозящее воздействие на темпы освоения северными башкирами земледельческих навыков. Именно поэтому приобретение прочных земледельческих традиций затянулось на севере до последних десятилетий XVII — начала XVIII вв. Но в конечном итоге земледелие оказалось наиболее перспективным путем хозяйственного развития. В этих и только в этих условиях влияние земледельческих народов приобрело

¹⁴² Полевые записи 1959 г., стр. 17.

¹⁴³ В. И. Шунков. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири XVII века. — Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952, стр. 226.

¹⁴⁴ В. А. Ефремов. Из истории Уфимского края. — «Вестник Оренбургского учебного округа», 1913, № 1, стр. 2.

первостепенное значение. Наблюдая опыт пришлых крестьян, видя его преимущества и не имея реальной возможности воскресить традиционные занятия, башкиры заимствовали у переселенцев готовый, выкованный веками тип хозяйства — земледелие.

Время с 30-х гг. XVIII в. и до середины XIX в. является тем этапом в хозяйственном развитии Башкирии, на котором определились основные контуры структуры башкирского хозяйства, сохранившиеся в главных чертах до Октябрьской революции. Это, собственно, был период, когда элементы перестройки хозяйства башкир, активно проявившиеся уже в XVII—начале XVIII вв. (эволюция в формах ведения скотоводческого хозяйства, развитие земледелия, уменьшение хозяйственного значения охоты и бортничества и, напротив, быстрое распространение лесных промыслов), достигли в своем развитии ступени, вызвавшей качественные изменения во всем хозяйстве. К середине XIX в. хозяйство коренного населения края представляло собой сложное переплетение традиционных занятий, постоянно теряющих свои позиции, и новых, интенсивных, которые, по крайней мере, среди одной трети башкирского населения полностью восторжествовали и продолжали успешно распространяться в среде остальной части народа.

Период, начиная с 30-х годов XVIII в., знаменуется крупными и сравнительно быстрыми переменами не только в области хозяйства башкир. Это период резкой активизации политики русского государства на востоке. Могучий толчок, сообщенный петровскими реформами экономическому развитию России, а также далеко идущие внешнеполитические проекты, рассчитанные на проникновение русского влияния в Казахстан, Среднюю Азию и далее на восток, требовали окончательного закрепления Башкирии в составе России, превращения ее во внутреннюю область страны, более эффективной эксплуатации ее неисчерпаемых природных богатств. Именно эти цели преследовала организация в 1734 г. Оренбургской экспедиции во главе с видным царским сановником обер-секретарем Сената И. К. Кирилловым. В течение нескольких десятилетий XVIII в. Башкирия была окружена цепью городов, крепостей и крепостных линий. Оренбургский край был широко открыт для земледельческой и промышленной колонизации. После постройки Оренбурга на Урале возникли десятки металлургических заводов. Только с 1735 по 1773 год на Южном и Среднем Урале было построено более 80 заводов¹⁴⁵. Все это сопровождается ростом переселенческого движения, которое то затухая, то вновь оживляясь, не прекращается на протяжении всего рассматриваемого периода.

Наибольшее значение в развитии хозяйства башкир имели рост земледельческой колонизации края, повышение плотности населения, потери башкирами земель в результате отвода крупных площадей под заводы и города, крепости и села, углубление социальной дифференциации в башкирском обществе и абсолютное или относительное обезземеливание рядовых башкир-общинников.

Характер и темпы многих хозяйственных перемен в Башкирии рассматриваемого периода находятся в тесном соответствии с направлением и масштабами переселенческого движения, с изменением в том или ином районе плотности и этнического состава населения. В XVIII—первой половине XIX вв. переселенческий поток на севере Башкирии усиливается.

С 30-х годов XVIII в. в связи со строительством Закамской и Яицкой линий и г. Оренбурга появляется и очень скоро становится многолюдным новый переселенческий поток, который захватывает западную и южную Башкирию. К последней четверти XVIII в. Башкирский край с севера, востока и юга был окружен плотным кольцом русских и казачьих поселений. С этого времени быстро увеличивается пришлое русское, татарское, марийское, мордовское, чувашское и другое население во внутренних районах Башкирии. Однако рост количества пришлого населения в различных районах Башкирии идет разными темпами. Западная Башкирия становится объектом особенно активной колонизации; сюда преиму-

¹⁴⁵ Л. Е. Иофан. Города Урала. М., 1951, стр. 139—157, 159.

шественно устремляется татарское крестьянство с соседних западных областей. В середине XIX в. общая численность татар в Башкирии (485 тыс. по данным 1850 г.) почти равнялась численности башкир (508 тыс. по данным 1851 г.¹⁴⁶; численность же пришлого татарского населения в западной Башкирии к этому времени заметно превышала численность башкир. Постоянный и быстрый рост всего населения края с 30-х годов XVIII в. хорошо иллюстрируют следующие цифры: в 1743 г. Оренбургскую губернию населяло 412 тыс. человек, в 1767 г.— 421 тыс., в 1781 г.— 520 тыс., в 1794 г.— 692 тыс., в 1800 г.— около 740 тыс., в 1811 г.— 788 тыс., в 1838 г.— 1771 тыс., в 1863 г.— 1843 тыс.¹⁴⁷. Наиболее крупные переселенческие волны имели место в предпоследнем десятилетии XVIII в. и особенно во втором и третьем десятилетиях XIX в. С 1811 по 1838 г., т. е. только за 17 лет, количество населения в крае, как видно из приведенных данных, возросло более чем в два раза. В середине XIX в. башкиры составляли меньше одной трети всего населения края. Если в южных и особенно восточных частях Башкирии башкиры по-прежнему расселялись компактными группами, то северо-западные и западные районы представляли теперь пеструю этнографическую мозаику многих национальностей, языков и культур.

С 30-х годов XVIII в. меняется и политика царского правительства в отношении перспектив хозяйственного развития Башкирии и башкир. Строительство городов, крепостей, заводов требовало больших запасов продовольствия и фуража. Но в Башкирии, несмотря на огромные просторы плодородных черноземных степей (особенно на лесостепном юге и юго-западе края), не было по существу товарного хлеба. Небольшое количество хлеба, которое начали производить башкиры некоторых районов, целиком ими же и потреблялось. Основная часть башкирского населения переходила к земледелию очень медленно. Поэтому, поощряя переселенческое движение в Башкирию, царизм преследует цель организовать здесь производство хлеба. В то же время царская администрация, особенно с конца XVIII и в первой половине XIX в., в период кантонной системы управления в Башкирии, принимает ряд мер, направленных на развитие земледелия среди башкир.

Совокупность сложившихся экономических и политических условий вызвала быстрое развитие и окончательное утверждение к середине XIX в. в ряде районов Башкирии земледельческого хозяйства.

* * *

В XVIII в. основной зоной развития земледелия Башкирии остается северная Башкирия. На всем ее юге, начиная от Зауралья на востоке и до белевских степей на западе, и даже в центральных районах края, по выражению П. И. Рычкова, было еще «мало прилежных земледельцев». П. И. Рычков в своей малоизвестной работе «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии», написанной в 1767 г. и впервые опубликованной в 1873 г. Р. Г. Игнатьевым, дает довольно точное представление об уровне и масштабах развития земледелия на основной части территории Башкирии. Даже в урожайные годы, пишет П. И. Рычков, Оренбургская губерния «удовлетворяет едва $\frac{1}{10}$ часть потребности в хлебе; из огромных просторов годных для земледелия земель... и сотая часть к пашне не употребляется»; башкиры, которые в те годы составляли в крае «наибольшее людство», «никакого почти рачения к тому (к земледелию.— Р. К.) не прилагают»¹⁴⁸. Однако и здесь, в степных и лесостепных районах южной и центральной Башкирии, П. И. Рычков видит успехи оседлой жизни «с того времени, как начался Оренбург...». Башкиры, по его

¹⁴⁶ См. статью «Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XIX вв.» в настоящем сборнике, табл. 6.

¹⁴⁷ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 256—257; С. М. Васильев. Башкирия в последней четверти XVIII в.— «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5, стр. 6; Г. А. Рашид и И. Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956, стр. 28.

¹⁴⁸ П. И. Рычков. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии.— «Памятная книга Уфимской губернии за 1873 г.», ч. 2. Уфа, 1873, стр. 132—133.

словом, «привыкли уже косить траву и довольно заготавливают ныне сена, чего у них прежде было весьма мало»; некоторые «сами собой к пашне охотятся», «особливо те, кои живут ближе к Уфе и к тем жителям, где издавна было и есть земледелие»¹⁴⁹. Таким образом, хотя к концу третьей четверти XVIII в. успехи земледелия были еще невелики, но уже начиная с 30-х годов в связи с постройкой Оренбурга, других городов и крепостей сдвиги в хозяйственном развитии были все же заметны, особенно на севере и в центральной Башкирии.

Наиболее крупные хозяйственные изменения произошли в конце XVIII и особенно в первой половине XIX в. В этот период определившиеся ранее районные различия в направлениях хозяйственного развития еще более углубляются. На всем севере Башкирии, как уже сказано, быстро развивается земледелие. Но и здесь наблюдаются местные различия. Весь север в этом отношении подразделяется на три района: а) север и северо-запад — сюда относится башкирское население долины рек Быстрый Танып, Буй, Пизь, Тулвы, Туй и некоторых других; б) северо-восток — башкиры лесостепных районов Уфимского плато вплоть до Уральского хребта (бассейны рек Ай и Юрюзаны), а также башкирское население бывшего Красноуфимского уезда и северных притоков р. Уфа (Бисерть и др.); в) северное Зауралье — башкиры, жившие по долинам рек Исеть, Синара, Теча, Караболка, а также по берегам многочисленных озер между течениями рек Миасс, Тобол и Уй.

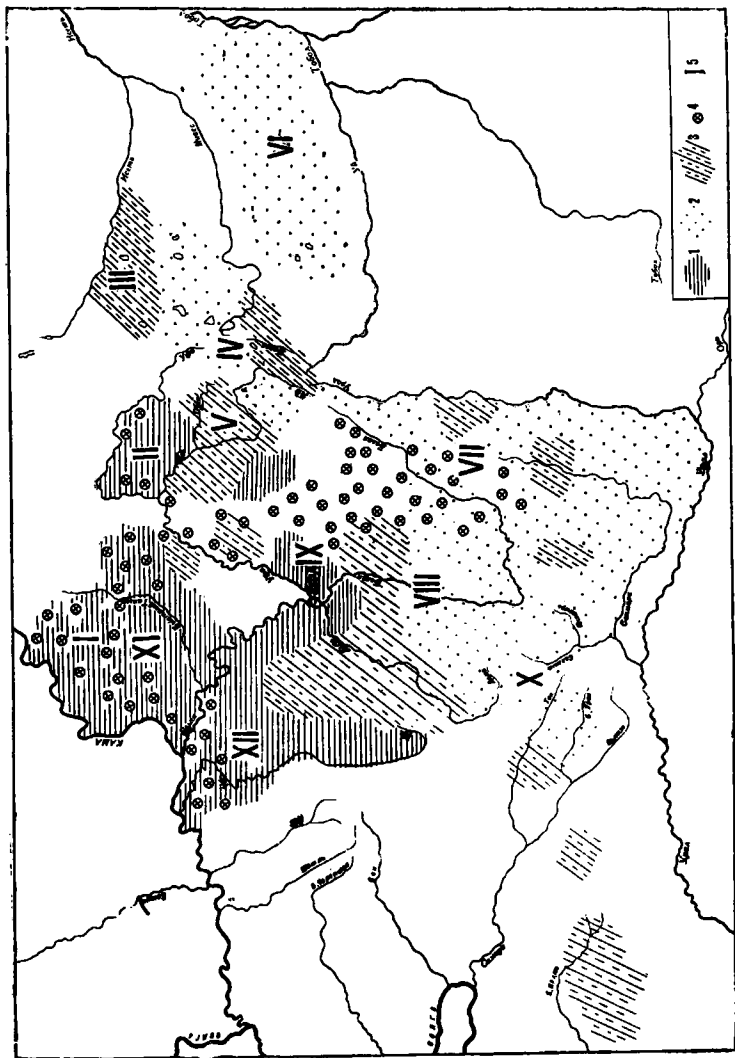
Преимущественно земледельческим к середине XIX в. становится башкирское население севера и северо-запада Башкирии (рис. 6). По описаниям Н. С. Полова, башкиры Пермского и Осинского уездов уже в начале XIX в. «постоянные имеют жилища», скот «кормят... всю зиму при своих домах», а сами «главное пропитание имеют от земледелия»¹⁵⁰. Но даже здесь, где земледельческое хозяйство окончательно утвердилось, оно еще долго сочеталось с традиционными занятиями. Летом пермские и осинские башкиры «живут в вежах», которые стоят поблизости от зимних жилищ¹⁵¹. Сохраняющийся обычай переходить на лето «в вежи» свидетельствовал, на наш взгляд, не только о давних скотоводческих традициях северных и северо-западных башкир, но и о приспособлении этих традиций к потребностям охотничьего и лесного хозяйства. Мигрировав в таежно-лесные районы долины Быстрого Таныла, Буя, Тулвы, предки башкир были вынуждены отказаться от привычных форм ведения скотоводческого хозяйства, но не от образа жизни. Летом они, как и их предки, переселялись на «кочевки», где занимались охотой, бортничеством, лесными промыслами. С упадком экономического значения охоты и бортничества и повышением удельного веса земледелия «вежи» все более и более приближались к зимним жилищам, пока, наконец, в середине XIX в. северные башкиры не стали «кочевать» просто на своей усадьбе, перебираясь на лето в своеобразную бревенчатую имитацию древней юрты.

Мы, очевидно, были бы неправы, если бы все башкирское население севера и северо-запада середины XIX в. считали земледельческим. Земледелие здесь стало к этому времени ведущей, господствующей, но все же не единственной формой хозяйства башкир. Какая-то часть башкир этого района продолжала заниматься лесными промыслами; земледелие для них было лишь подспорьем. Исторических и тем более статистических данных, которые позволили бы точно судить о масштабах бытования различных занятий среди северных и северо-западных башкир, к сожалению, нет, однако этнографические материалы, накопленные за последние годы, позволяют внести кое-какие коррективы в установившийся в литературе взгляд о давности и всеобщей распространенности среди северо-западных башкир земледелия. Судя по этим материалам, земледелие всецело господствовало в редких здесь в то время малолесных районах; в остальной части севера и северо-запада земледельцы отвоевывали пахотные участки в трудной борьбе с лесом. Среди башкир долин рек Буй, Танып, Гарейка и другие повсюду записано примерно одно и то же предание, которое гласит: «деды и прадеды их сеяли хлеб, выкорчевав или спалив лес» (*ата-баба,лар урмань кыр,*

¹⁴⁹ П. И. Рычков. Указ. соч., стр. 133—134.

¹⁵⁰ Н. С. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 3. СПб., 1813, стр. 3, 12.

¹⁵¹ Там же, стр. 9. (В е же и — примитивные срубы без окон, потолка и пола, крытые корой или дранницей; использовались в качестве летнего жилища в лесных районах Башкирии).

Р и с. 6. Хозяйство башкир в середине XIX в.

1 — оседлая земледелие; 2 — полупасторное скотоводство; 3 — смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство; 4 — лесные угодья; 5 — южные башкирские кочевья.

кып, яндырып, ағас төптәргән куптарып ташлап иген шкәндәр, ау аулагандар»¹⁵². Среди башкир долины рек Буй и Пизь записан следующий рассказ: «Раньше здесь кругом были необходимые леса. Негде было сеять. Люди сеяли хлеб, выкорчевывали лес. Кто где хотел, там расчищал землю от леса; эта земля затем принадлежала ему. Земледелем занимались не все: а те, которые занимались — сеяли мало. За 60 лет до революции большинство башкир хлеб не сеяли, картофель, овощи не выращивали. Уходили на реку Пизь, рубили лес, сплавляли плоты; тем жили... Некоторые корчевали сосны и гнали смолу¹⁵³. Даже в конце XIX в. в северной Башкирии и в Осинском уезде Пермской губернии, где жили башкиры племени гайна (*гайна*) довольно распространенным был порядок, согласно которому общинные земли переходили в пользование тому, кто расчищал их от леса и засеивал¹⁵⁴. Аналогичная картина была в верховьях Таныпа, в долине р. Гарейки и др. Здесь башкиры, кроме охоты, бортичества, «драли мочалу», «гоняли плоты», из мочалы «делали кули» на продажу и т. д. Но постепенно леса были сведены, и там, где некогда «стоял дремучий лес, появились хлебные поля»¹⁵⁵. Башкиры долины р. Тюй (правого притока р. Уфы) в середине XIX в. в равной степени занимались как земледелием, так и лесными промыслами. «Мой дед и прадед, — рассказал 75-летний житель дер. Кшлау-Елга в верховьях Таныпа, — как и все жители деревни, рубили и сплавляли лес, драли мочалу, вили веревки. Хлебопашеством занимались, подражая русским, но сеяли очень мало»¹⁵⁶.

Таким образом, общая хозяйственная картина в середине XIX в. на севере и северо-западе Башкирии не была однородной: при определяющей роли и прочных перспективах развития сельскохозяйственного хозяйства в силу природно-географических условий и недавних традиций еще значительная была роль лесного хозяйства. В некоторых районах северо-запада (долина рек Пизь, Буй, верховья Таныпа, Тюя и др.) лесные промыслы: рубка и сплав леса, гонка дегтя и смолы, заготовка мочалы, производство из дерева и мочалы различных хозяйственных товаров — в середине XIX в. еще конкурировали с земледелием и занимали в общем балансе хозяйства башкир хотя и убывающее, по все же еще видное место. Несмотря на большие масштабы истребления лесов, в середине XIX в. огромные территории севера и северо-запада Башкирии по-прежнему были лесными районами (см. рис. 3), и одно это обстоятельство обуславливало сохранение хозяйственного значения лесных промыслов в условиях активного развития и распространения земледелия.

Северо-восток Башкирии и к середине XIX в. стал преимущественно земледельческо-скотоводческим районом. До конца XVIII—начала XIX вв. к обработке земли и культивированию зерновых перешло большинство башкир Красноуфимского уезда и небольшое число башкирских деревень по левобережью низовьев р. Уфы и в лесостепной части среднего течения р. Юрюзян, т. е. крайние северная и южная части рассматриваемой территории. Еще И. И. Лепехин, побывавший в дер. «Казылбаево» (сейчас Больше-Кзылбаево), расположенной на северной излучине р. Ай, писал, что «до сих мест от самого Красноуфимска живут хлебопашцы и не втуне пользуются привольными местами...»¹⁵⁷. П. Паллас аналогичным образом характеризует хозяйство башкир юго-западной части Си-

¹⁵² Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 451. Научный отчет диалектологической экспедиции 1954 г., стр. 69.

¹⁵³ Там же, стр. 419—420. («Элек был тирә урман булған. Иген игерлек ер булмаған. Кешеләр урманды тазартып, яндырып ашыҡ сәскәндәр. Кем кайзан теләһә, шунда барып ер эрсегән, шул ер уныҡы булған. Ашыҡ сәсәү тигәс тә, бәтә кеше лә сәсмәгән, сәскәне лә бик аз сәскән. Революциянан 60 йылдан элек башкорттоң күбеһе икмәк сәсмәй ине, боранге-фәлән ултыртмай ине. Боз йылдаһы буйһа китә, ағас кырҡып, һал ағызып алып китә, уны һатып көп күрә... Кайһы берҙәре нарат тамырын аҡтарып, ысмала кайната»).

¹⁵⁴ Полевые записи 1965 г., стр. 107, 111.

¹⁵⁵ Рукописный фонд сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР, «Материалы Муллаяра Ганиева», стр. 5—6.

¹⁵⁶ Полевые записи 1959 г., стр. 47.

¹⁵⁷ И. И. Лепехин. Записки путешествия..., стр. 243.

бирской дороги. О жителях дер. Кубаул, расположенной в 20—30 км северо-восточнее Уфы, он писал: «Здесьние башкирцы, живущие летом и зимой в своей деревне неподвижно, сделались порядочными земледельцами...»¹⁵⁸. Значительные посевы в конце XVIII в. имели шайтан-кудейские башкиры по среднему течению р. Юрюзань. «Обитающие тут башкирцы, — пишет о них П. Паллас, — пашут много пашни и высевают от 40 до 50 пудов хлеба»¹⁵⁹. Остальная часть башкирского населения северо-востока занималась на рубеже XVIII—XIX вв. полукочевым скотоводством. Распространенное в литературе мнение о том, что башкиры бассейна р. Ай в то время были целиком земледельцами¹⁶⁰, основано на неточном толковании «Записок...» И. И. Лепехина, а точнее — следующей цитаты: «Да и самые башкиры на Ае переродились. Они столь же хорошие хлебопашцы, как и их соседи»¹⁶¹. Однако И. Лепехин в данном случае имел в виду башкир лишь нижнего течения р. Ай, а конкретно — дер. Казылбаево. Башкиры, живущие в 15—20 «верстах» южнее Казылбаево в деревнях Субинак (сейчас Сабанакowo), Сальчугут (Сальзегутово), Магаз (Магазовo), Тропкильде (Тропкильдино), посевов не имели и занимались полукочевым скотоводством. Рассуждая о перспективах развития земледелия среди айских башкир, И. И. Лепехин восклицает: «Однако всю башкирскую орду не мы, но наши внуцата в таком увидим порядке»¹⁶².

И. И. Лепехин в общем оказался прав; к середине XIX в. земледельческое хозяйство распространилось на весь айский бассейн, однако местные различия в масштабах развития земледелия и в сочетании его с другими занятиями на северо-востоке сохранились (см. рис. 6). По данным Н. С. Попова, в XIX в. более $\frac{1}{3}$ башкирского населения Красноуфимского уезда занималось земледелием; остальные вели полукочевое скотоводческое или лесное промысловое хозяйство в сочетании с элементами земледелия¹⁶³. Башкиры, например, деревень Артя-Шигири, Уфа-Шигири, Акбашево, имея посевы, в то же время рубили и поставляли лес на Артинский или Михайловский заводы по р. Уфе; башкиры дер. Шокурова и других близлежащих аулов, также имея небольшие пахотные участки, ранней весной на все лето уходили кочевать в горы¹⁶⁴.

В южных лесостепных районах северо-востока Башкирии, особенно по соседству с горными заводами (Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Миньярский и др.), к середине XIX в. земледелие также сделалось основным занятием. Однако в лесных районах по нижнему течению рек Юрюзань, Яман-Елга по-прежнему преобладали лесные промыслы, бортничество в сочетании (в ограниченных размерах) с земледелием¹⁶⁵. К середине XIX в. стали иметь посевы все или подавляющее большинство и айских башкир. Освоение ими навыков земледельческого хозяйства произошло преимущественно к концу рассматриваемого периода. Полевые этнографические материалы, собранные среди башкир — сартов, тырнаклинцев, дуванцев, айлинцев, катайцев и других, живущих в бассейне р. Ай, указывают, что их предки начали заниматься земледелием «около 100 лет назад»¹⁶⁶. Эта датировка легко подтверждается родословными (шежере), в которых обычно содержится конкретное указание о том, кто именно из предков впервые стал вспахивать и засеивать землю. Обычно пожилые информаторы (60—80 лет) сообщают, что первые посевы хлеба появились при их дедах или, реже, прадедах¹⁶⁷. Распространение земледелия в айском бассейне не сопровождалось исчезновением полукочевое скотоводства: летние выходы на кочевку в этом районе сохранялись еще

¹⁵⁸ П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773, ч. 2, стр. 26.

¹⁵⁹ Там же, стр. 64—65.

¹⁶⁰ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 205.

¹⁶¹ И. И. Лепехин. Записки путешествия..., стр. 243.

¹⁶² Там же, стр. 244.

¹⁶³ Н. С. Попов. Указ. соч., стр. 3, 13—14.

¹⁶⁴ Н. Л. Склязов. Очерк экономического положения башкир Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893, стр. 90.

¹⁶⁵ Полевые записи 1956 г., стр. 17.

¹⁶⁶ Там же, стр. 20, 38, 42, 48, 62, 79.

¹⁶⁷ Там же, стр. 26, 83.

то.го. Специфика хозяйственного развития этой части Башкирии заключалась в том, что здесь образовалось смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Как увидим ниже, это явление было характерно в целом для Башкирии: земледельческое хозяйство, распространяясь в районах кочевого или полукочевого скотоводства длительное время, а во многих местах вплоть до Октябрьской революции, не разрушало традиций кочевничества, а постепенно приспосабливала их к новым условиям.

Таким образом, хозяйственная карта северо-востока Башкирии была в середине XIX в. довольно пестрой (см. рис. 6). Башкиры Красноуфимского уезда по типу хозяйства и образу жизни примыкали к земледельческой северо-западной Башкирии, кроме нескольких деревень у подножья Уральских гор, жители которых еще не оставили традиций летних перекочевок. Во всем айском бассейне сложилось смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство, причем сроки летних кочевок здесь были постепенно подчинены земледельческому календарю. В лесных и лесостепных районах чередовались аулы, перешедшие к земледелию, с аулами, где лесные промыслы сохраняли еще большое значение.

Общая тенденция развития и распространения земледелия прежде всего в этнически смешанных районах отчетливо сказалась к середине XIX в. и в северном Зауралье¹⁶⁸. Северное башкирское Зауралье рано подверглось русской колонизации. Уже во второй половине XVII в. были построены Долматов монастырь, Китайский острог и Шадринская слобода на Исети. Эти укрепления, а также многочисленные русские слободы, возникшие на Пышме и Исети, знаменовали начало активного проникновения русских колонистов во внутренние районы башкирского Зауралья. Вскоре были построены Челябинская крепость, Царев-Курган. В XVIII в. кроме новых крепостей и слобод, со всех сторон окруживших места расселения башкир, на отрогах Уральского хребта были построены многочисленные заводы и рудники: Верхне-Кыштымский, Миасский, Каплинский, Уфалейский, Нязепетровский, Верхне-Сергинский и др.¹⁶⁹. Полоса этих заводов и рудников практически отделила зауральских башкир от основной территории Башкирии и, особенно, от северо-восточных башкир, с которыми они были раньше тесно связаны генетически и исторически. К середине XIX в. в северном Зауралье башкиры жили двумя крупными группами, плотно окруженными русскими и татарскими (преимущественно мишарскими) поселениями: одна группа занимала территорию по течению рек Исеть, Синара, Карabolка. Теча и верховьям Миасса; другая — обширный озерный край между Миассом на севере и Тоболом и его притоком Уй — на востоке и юге*. Относительно высокая плотность населения и постоянное сокращение земельных площадей обусловили переход части зауральских башкир к земледелию. Особенно значительны были успехи в земледелии башкир, живших по р. Исети и ее южным притокам, где плотность населения на 1 кв. версту к середине XIX в. была более 12 человек, то есть выше, чем в северо-западной Башкирии. Здесь к этому времени было распаханно более 30% всей земли, то есть больше, чем на земледельческом северо-западе Башкирии¹⁷⁰. Уже в начале XIX в. башкиры Екатеринбургского и Шадринского уездов, по словам Н. С. Попова, «производят и хлебопашество; имеющие достаток распахивают земли до 5 и более, маломощные же от 1 до 3 десятин...». «Сих хлебов, — продолжает Н. С. Попов, — не только достает им для собственного продовольствия, но при случае урожаю продают избытки оных в Екатеринбург и в заводах»¹⁷¹. К середине XIX в. запашки распространяются дальше на юг; земледелие было «развито в достаточных размерах» в «4-м кантоне», т. е. в прилегающих к Челябинску районах, а также в башкирских волостях, соседствующих с заводами и рудниками¹⁷².

¹⁶⁸ Подробно характеристику хозяйства башкир северо-востока Зауралья см.: Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Указ. соч., стр. 202—210.

¹⁶⁹ Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 82—83, 168.

*См. карту расселения зауральских башкир. ЛЭБ, т. 1, стр. 180.

¹⁷⁰ Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 300—302, карты 10 и 11.

¹⁷¹ Н. С. Попов. Указ. соч., стр. 16.

¹⁷² В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859, стр. 448

В целом, однако, переход зауральских башкир к земледелию совершался медленно. Башкиры, освоившие земледелие, в большинстве случаев не оставляли летние кочевки. В Екатеринбургском и Шадринском уездах «имеющие довольно количество скота, выезжая летом из юрт своих кочевания в Уральские горы...»¹⁷⁵. Здесь, следовательно, как и на северо-востоке, складывается смешанное хозяйство, которое сочетает земледелие с традиционными занятиями. Значительная часть башкир Челябинского уезда Оренбургской губернии, в том числе живущие по берегам озер между Миассом, Тоболом и р. Уй, в середине XIX в. земледелием еще не занимались. Полукошачье скотоводство было их «главным занятием»¹⁷⁶.

Всю южную и центральную Башкирию в природно-географическом и хозяйственном отношении удобно рассмотреть, подразделив на два больших района: а) запад и юго-запад, куда входит населенная башкирами Бугульминско-Белебеевская возвышенность; б) юго-восток — башкирское население Южного Урала и прилегающих к нему предгорий.

Запад и юго-запад Башкирии, или заселенная башкирами часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности, как выше отмечено, — район древнего кочевого скотоводства. К середине XIX в. здесь произошли существенные изменения как в способах ведения скотоводства, так и в самой структуре хозяйства. Западная Башкирия (особенно бассейн р. Б. Ик и территории, прилегающие с юга к нижнему течению Белой) была объектом широкой колонизации; здесь преимущественно расселялись пришлые татары. Общая плотность населения (15 человек на 1 кв. км) в низовьях Белой — Б. Ика была наиболее высокой¹⁷⁵. Значительной была колонизационная волна татарских, русских, чувашских крестьян в лесостепные районы верховьев Чермасана и Кармасана, нижнего и среднего течения рек Демы и Уршака примерно до линии Стерлитамак — Бузулук на юге. Лишь на самом юге, в верховьях Демы, Саелмыша, плотность расселения еще не превышала 3 человек на 1 кв. км, за исключением района, прилегающего к Оренбургу.

Западная Башкирия привлекала переселенцев выгодным географическим расположением, спокойным рельефом, плодородными, преимущественно черноземными, почвами. Резкий рост численности населения, развитие припуска, углубление социальной дифференциации в башкирском обществе, начавшийся процесс расхищения общинных земель вызвали постепенное перераспределение земельных площадей, относительное обезземливание рядовых башкир-общинников и существование подорвали экономическую основу господствовавшего здесь полукошачьего скотоводства. П. Небольсин, побывавший в середине XIX в. в Оренбургской губернии, приводит со слов самих башкир лобопытные расчеты размеров пастбищных площадей, необходимых для нормального ведения скотоводческого хозяйства с зимней тебеневкой. Чтобы «прокормить во всю зиму 4000 лошадей» около р. Илек (южный приток р. Урал ниже г. Оренбурга — *Р. К.*), где трава всегда хорошая, «потребно некошеной степи» 20 верст в длину и 20 — в ширину¹⁷⁶, т. е. на каждые 10 лошадей необходима одна квадратная верста, или около 100 га (если считать кв. версту примерно равной кв. км). В середине XIX в. башкирам принадлежало 12 976 093 десятины земли (в т. ч. 6 192 181 — под лесами, 482 250 — неудобной). Число башкир-вотчинников по VIII ревизии (1833 г.) было 149293 мужских души, следовательно, на каждого вотчинника приходилось около 87 десятин разных угодий¹⁷⁷. Надо учесть при этом, что башкиры на своих вотчинах имели припущенников, казенных и удельных крестьян, общая численность которых составляла (по VII ревизии) около 130 тыс. мужских душ¹⁷⁸. Кроме того, из тех же земель по указу 1832 г.

¹⁷⁵ Н. С. Попов. Указ. соч., стр. 5.

¹⁷⁴ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 142.

¹⁷⁵ Л. Е. Иoffee. Указ. соч., стр. 300—301, карта 10.

¹⁷⁶ П. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский края. СПб., 1852, стр. 28.

¹⁷⁷ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 141.

¹⁷⁸ Там же, стр. 141—142.

мишари и тептяри паделались тридцатидесятиным наделом¹⁷⁹. Таким образом, на одного вотчинника приходилось значительно меньше десятин «разных угодий». Уже в Указе 1832 г. это нашло отражение: официально был определен душевой надел башкирам в 40 десятин. Если в восточной и южной Башкирии, сравнительно слабо заселенной и пока мало колонизированной, где к тому же сохранялась общинная форма владения земельными вотчинами, башкиры еще имели возможность вести скотоводческое хозяйство, то в западной Башкирии (за исключением, может быть, некоторых южных и центральных ее районов) такая возможность исчезла или исчезала. На душевом наделе в 40 десятин скотоводческое хозяйство с зимней тебеневкой вести невозможно. Между тем ученые и путешественники XIX в. довольно часто отмечали, что башкирское скотоводческое хозяйство, имевшее от 10 до 20 лошадей, относилось к категории бедных¹⁸⁰. Эти данные позволяют сложить представление о той диспропорции, которая образовалась к середине XIX в. в Башкирии (особенно в западной ее части) между необходимыми площадями для ведения скотоводческого хозяйства, обеспечивающего существование башкирской семьи, и фактическими возможностями. Основная масса западных башкир к середине XIX в. утратила экономическую основу для ведения скотоводческого хозяйства в прежних масштабах и формах.

В этих условиях западные и юго-западные башкиры переходят к земледелию. К середине XIX в. земледелие распространилось по всей западной Башкирии, кроме крайних восточных и южных ее районов. Однако уровень развития земледелия в различных зонах запада страны был разным.

Одним из основных показателей масштабов развития земледелия является количество освоенных под пашню земель. В западной Башкирии показатели распаханности земель увеличивались с юго-востока на северо-запад: в Стерлитамакском уезде были распаханы всего 4—7% земель; южнее, в верховьях Демы, в долине рек Ток, Б. и М. Уран, — менее 3%; а в Белебеевском уезде, особенно в долине р. Б. Ик, под пашней находилось около 25—30% всех угодий¹⁸¹. В этом районе (см. рис. 6) земледелие получило развитие еще до 30-х годов XVIII в. Теперь оно стало главным занятием, целиком определяющим образ жизни башкир Мензелинского и части Белебеевского уездов. Занятия лесными промыслами сохранились лишь кое-где в нижнем течении Б. Ика и Белой¹⁸². Промысловое значение охоты было утрачено еще в XVIII в. Башкиры бассейна р. Демы, долины Уршака, верховьев Чермасана и Кармасана полукозовое скотоводство стали сочетать с земледелием. Как и на северо-востоке, образуется обширный район смешанного скотоводческо-земледельческого хозяйства. И, наконец, значительная часть башкир Стерлитамакского уезда, расселившаяся по рекам Куганак, Ашкадар и ее притокам и далее к югу к оренбургским степям, земледелием не занималась или почти не занималась. О башкирском населении этой части Оренбургского края В. М. Черемшанский писал, что они, «несмотря на уменьшение земли, рост населения, выгоды оседлой жизни, остаются в кочевом состоянии, свято храня перешедший от предков обычай кочевой жизни»¹⁸³.

По уровню хозяйственного развития к юго-западной Башкирии примыкали башкиры, живущие в Бузулукском и Оренбургском уездах Оренбургской губернии (по северным и южным притокам Сакмары — Току, Б. и М. Урану, Бузулуку и др.) и в пределах Самарской губернии (по рекам Каралык, Камелик, а также Б.Иргиз в его верхнем и среднем течении). Преобладающей формой хозяйства у ток-чуранских и иргиз-камеликских башкир было полукозовое скотоводство. Привольные степи по берегам рек Б. и М. Уран, Ток служили «и в зимнее и в летнее время пастбищем для башкирских лошадей»¹⁸⁴. Лишь начиная с 40-х годов XIX в. ток-чуранские башкиры переходят к оседлой жизни (...*ултырак тор-*

¹⁷⁹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 51—54.

¹⁸⁰ Н. С. Попов. Указ. соч., стр. 17.

¹⁸¹ Л. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 303, карта 11.

¹⁸² Полевые записи 1961 г., стр. 37—38.

¹⁸³ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 143.

¹⁸⁴ И. Красноперов. Самарская Башкирия, вып. 2, 1885, стр. 193.

мошка кускэннар...)¹⁸⁵ и начинают «местами... культивировать хлебные злаки»¹⁸⁶. Иргизо-камеликские башкиры, находясь в более плотном окружении русских поселений, также начинают переходить к земледелию, хотя в целом здесь, как и у ток-чуранских башкир, в середине X—IX в. господствует еще полукочевое скотоводство.

Башкирское население юго-восточной Башкирии к середине XIX в. подразделялось в хозяйственном отношении на две основные группы: численно преобладающая группа населения занималась полукочевым скотоводством; башкиры в горно-лесных районах Южного Урала — лесными промыслами. В то же время на огромной территории юго-востока имели место многие переходные и смешанные хозяйства, сам факт существования которых отражал активно идущий процесс хозяйственной эволюции. П. Небольсин в конце 1840-х годов побывавший в Оренбургской губернии, писал: «В вершинах рек Тобола и Урала мне... довелось видеть киргизов и башкирцев во всех видоизменениях их быта, от чисто-кочевого к постоянно оседлому»¹⁸⁷. Так же как и в других областях Башкирии, в зонах активного контакта башкир с пришлым населением, близости от заводов и рудников, появляются смешанные хозяйства, сочетавшие начатки хлебопашества с выходом «всей деревней на летние кочевки»¹⁸⁸. Районами смешанного скотоводческо-земледельческого хозяйства стали правобережье Белой южнее устья Инзера, среднее и нижнее течение р. Б. Ик — на юге; зоны такого типа хозяйства появились в конце XVIII— первой половине XIX в. в верховьях р. Урал между Миасским заводом и Верхнеуральском, в долине р. Сакмары. В целом же юго-восточная Башкирия оставалась в основном скотоводческой. «Хлебопашество, — по характеристике Игнатовича, — стоит здесь на самой низкой ступени»¹⁸⁹. Башкирские хозяйства, которые занимались земледелием, засевали не более 1-2 десятины. «Сеющий три десятины считается здесь богачом»¹⁹⁰. Даже эти небольшие посевы появились большей частью не в результате естественной эволюции кочевое хозяйство к оседло-земледельческому. Земледелие в юго-восточных районах «недавно стало вводится по принуждению начальства», — замечает Игнатович¹⁹¹, имея в виду мероприятия царской администрации (особенно активизировавшейся в этом направлении после указа 1832 г.), направленные на насильственное насаждение навыков земледелия и оседлой жизни¹⁹². Большинство юго-восточных башкир еще прочно придерживалось традиции полукочевое скотоводство и во многих случаях лишь «один страх наказания, которому они подвергаются за нерадение в хозяйстве, заставляет их посеять небольшое количество хлеба вблизи юрты...»¹⁹³. Попытки насильственно принудить башкир оставить прежний, сложившийся веками образ жизни, без учета приобретения навыков земледелия, не дало, да и не могло дать сколько-нибудь положительных результатов. Более того, трудно согласиться с мнением, что такая политика «все же содействовала развитию производительных сил края»¹⁹⁴, так как запрещение или строгая регламентация сроков и маршрутов кочевания подрывали традиционное башкирское хозяйство, а к усвоению новых форм хозяйствования башкирское население ни материально, ни психологически еще не было подготовлено. С отменой кантонной системы управления, там, где земельные площади позволяли вести полукочевое скотоводческое хозяйство, башкиры забросили даже те небольшие посевы, которые они принуждены были завести¹⁹⁵. Таким

¹⁸⁵ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, ед. хр. 4. Научный отчет фольклорной экспедиции за 1960 г., т. 2, стр. 411.

¹⁸⁶ И. Красноперов. Указ. соч., стр. 193.

¹⁸⁷ П. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. СПб., 1852 стр. 25.

¹⁸⁸ Полевые записи 1953 г., стр. 189.

¹⁸⁹ Игнатович. Башкирская бурзянская полость. СПб., 1863, стр. 45.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же, стр. 45.

¹⁹² Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 2, стр. 54—57.

¹⁹³ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 448—449.

¹⁹⁴ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 2, стр. 56.

¹⁹⁵ Полевые записи 1958 г., стр. 116.

образом, в отличие от западной и юго-западной Башкирии на юго-востоке к середине XIX в. не было целиком земледельческих районов. Там, где земледелие привилось, оно существовало рядом с полукочевым скотоводством.

* * *

Хотя скотоводство осталось ведущей формой хозяйства на юго-востоке и в ряде других районов Башкирии, но с 30-х годов XVIII до середины XIX в. в системе ведения скотоводства произошли существенные изменения. В хозяйстве кочевников-башкир лошади летом паслись косяками (в каждом косяке около 40 голов), а зимой косяки объединялись в табуны, в котором было до 400 и более лошадей¹⁹¹. В степных районах косяки (*өйөр, аркау*) и табуны (*йылкы көтөүе, өйөр*) были большими, в лесостепных, ближе к горам — меньшими. В конце XVIII — в первой половине XIX вв. вследствие социально-экономических процессов внутри башкирского общества количество скота сокращается, и даже на юго-востоке лишь богатые семьи имели собственные косяки или табуны. Основная масса башкир кочевала летом своими семейно-родственными группами или объединялась, в зависимости от количества скота, в пастбищно-кочевые группы; и в том и в другом случае лошади сгонялись в несколько общих косяков. В зимнее время табуны составлялись из лошадей жителей одной деревни или сельской общины, которая выделяла и пастухов для присмотра на тебеневке. В смешанных скотоводческо-земледельческих хозяйствах иногда даже для выхода на кочевку еле собирали несколько косяков или даже один косяк лошадей¹⁹², в этих случаях, естественно, родственные связи семей теряли значение и кочевые группы образовывались по чисто соседскому принципу.

Летом юго-восточные башкиры кочевали в горах «и около оных лежащих местах», «а осенью и зимою кочуют они по большей части в долинах...»¹⁹³. Карагай-кипчацкие башкиры горной деревни Аралбаево рассказывают, например, что раньше здесь деревни не было; сюда их предки приходили лишь на летние кочевки¹⁹⁴. Такой способ кочевки (летом — горы, зимой — долины, степь) был глубоко традиционным и диктовался необходимостью содержания стада круглый год на подножном корме. В середине XIX в. еще во всех скотоводческих районах Башкирии, по описанию В. М. Черемшанского, «скот... всю зиму гуляет в степи на тебеневке и лишь жеребят, да мелкий скот держится дома и кормятся сеном»¹⁹⁵. Однако в XIX в. возможности даже сравнительно дальних перекочевков постепенно уменьшаются или даже вовсе исчезают. Теперь часто степняки не могут кочевать в горах, а горы — в степях, так как земельные вотчины были фактически (а в западной Башкирии в большинстве случаев и юридически) поделены между общинами. Это лишает скотоводов главное условия, необходимого для нормального ведения их хозяйства — сохранения малоснежных степных пастбищ нетронутыми до зимней тебеневки. Разрушение этого условия требует одного из двух: или резкого увеличения сенокосения для зимней подкормки скота, или сокращения поголовья. В Башкирии происходит и то и другое, правда, в разных районах в разных пропорциях. Некоторая часть башкир, пытаясь полностью сохранить традиционное хозяйство, откочевывает из юго-восточной Башкирии (юрман-табынцы, бурзяне, кипчаки и др.) далеко на юг, где поселяются в оренбургских степях по долинам рек Ток, Б. и М. Уран и т. д. Однако и там в первой половине XIX в. развиваются те же процессы, что и на основной территории Башкирии.

Таким образом, нарушение традиционных маршрутов и территорий кочевков привело к серьезным метаморфозам в системе ведения скотоводческого хозяйства. Наиболее тяжелым последствием этого явления было сокращение поголовья скота. В. М. Черемшанский

¹⁹⁰ Полевые записи 1953 г., стр. 98, 117.

¹⁹¹ П. С. П а л л а с. Указ. соч., 1953, 1958 и 1961 гг.

¹⁹² П. С. П а л л а с. Указ. соч., кн. 2, ч. 2. СПб., 1786, стр. 9.

¹⁹³ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 7. Башкортостандыц Бөрийән, Биләрет райондары башкорт халык ижады буйынса материалдар, стр. 251.

¹⁹⁴ В. М. Ч е р е м ш а н с к и й. Указ. соч., стр. 149.

пишет: «... В суровые зимы башкиры лишаются скота»²⁰¹. Аналогичные сведения сообщает Игнатович, как и Черемшанский, лично наблюдавший жизнь кочевников-башкир в середине XIX в.: «Во время же снежных зим очень часто лошади умирают с голоду», «нигда в деревне... не остается ни одной скотины»²⁰². Снежные зимы, джугты, естественно, бывали и раньше, но тогда у башкир было все же больше возможностей использовать особенности географического ландшафта на большой территории и на зиму перегонять стада в малоснежные места.

Состав стада у башкир сохранился прежний: в нем преобладали лошади и овцы (в меньшей степени козы), более других животных приспособленные к зимней тебеневке. В зауральских степях и на юго-западе разводили в небольшом количестве верблюдов. Повсюду держали коров, число которых, однако, было сравнительно невелико. Соотношение различных видов скота в значительной степени зависело от степени «чистоты» скотоводческого хозяйства, от того, насколько оно далеко зашло в своем развитии к оседлости и земледелию. В Зауралье, как на севере, так и на юго-востоке, а также в южных степях, где в XVIII в., а в ряде районов и в первой половине XIX в., еще сохранялись условия для ведения прежних форм скотоводческого хозяйства, в стаде преобладали лошади. Количество овец было несколько меньше количества лошадей или равно ему. Крупный рогатый скот составлял примерно $\frac{1}{3}$ часть, а то и меньше, количества лошадей. Даже в богатых хозяйствах коров, кстати у башкир в прошлом весьма малопродуктивных, редко держали более 10—20. С формированием смешанных хозяйств это соотношение несколько меняется: с уменьшением количества лошадей и овец удельный вес коров в стаде поднимается.

* * *

По всей полосе горно-лесного Южноуральского хребта, протянувшегося на юго-востоке Башкирии с севера на юг, были широко развиты лесные промыслы. В отличие от северной Башкирии, где лесные промыслы в конце XVIII—первой половине XIX вв. обычно сочетались с земледелием, здесь лесные промыслы развивались рядом с полукочевым скотоводством. Однако соотношение их в различных горно-лесных районах было разным. На южных отрогах Южного Урала, в верховьях Сакмары, в меньшей степени — в верховьях Белой лесные промыслы имели подсобную роль в скотоводческом хозяйстве. К северу, в верховьях Нугуша, Зилима и особенно в бассейне рек Инзер, Лемеза и на правобережье Сима удельный вес лесных промыслов в башкирском хозяйстве резко повышается. «Земледелием башкиры почти совсем не занимаются, — пишет об инзер- и кузгун-катайцах Д. Никольский, — главное их занятие — это лесной промысел, которым занимаются они круглый год»²⁰³. Зимой рубили лес или заготавливали дрова для близлежащих заводов; с наступлением зимы начинали драть лыко. Из мочалы башкиры делали «веревки, рожи, сбрую и т. д.». Скотоводством здесь занимались мало. Лошадей башкир держат столько, «сколько необходимо для домашнего обихода»²⁰⁴. Для коров и овец на зиму заготавливали сено. Среди горно-лесных башкир по-прежнему большое место в хозяйстве занимали бортничество и охота. Охота в юго-восточной Башкирии была как степная (с ловчими птицами — ястребами, соколами, беркутами и с гоном волков), так и лесная на пушных зверей — с различного рода охотничьими снарядами, с луком и стрелами²⁰⁵.

Несмотря на ограниченные масштабы скотоводства, все горно-лесные башкиры сохраняли обычай выходить на летние кочевки. Кочевка горно-лесного башкира, особенно на Инзере, отличалась от летней кочевки степных или лесостепных башкир. Вместо юрт (войлочных кибиток) здесь «маленькие, низкие избушки.., покрытые драньем или лубом, с

²⁰¹ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 149.

²⁰² Игнатович. Указ. соч., стр. 44.

²⁰³ Д. Никольский. Из поездки к лесным башкирам, стр. 9.

²⁰⁴ Там же, стр. 10, 12.

²⁰⁵ Игнатович. Указ. соч., стр. 44; Д. Никольский. Указ. соч., стр. 12—13.

низкими дверями, всегда почти без окон»²⁰⁶. Нетрудно заметить сходство этих «избушек» с «вежами», описанными Н. С. Поповым у северо-западных лесных башкир.

Устойчивое сохранение традиции летнего кочевания у горно-лесных башкир объясняется не столько реальным значением в хозяйстве скотоводства (оно здесь не играло уже прежней роли), сколько тем, что земледелие в этих районах не получило (а по природно-географическим условиям и не могло получить) достаточного развития. Только устойчивое земледелие разрушало традиции кочевания, как это случилось на северо-западе и западе Башкирии. А в лесах Южного Урала кочевничество в одних случаях поддерживалось мощной силой исторической инерции, подкрепленной все же определенным хозяйственным значением скотоводства, в других — и это кажется главное — традиции летнего кочевания были приспособлены постепенно к потребностям новых занятий: лесных промыслов. На летние кочевые месяцы падал наиболее активный период лесных работ: рубка и сплав леса, заготовка различного рода сырья, поташное производство, гонка смолы и т. д.

* * *

Заканчивая обзор развития башкирского хозяйства с 30-х годов XVIII до середины XIX в., кратко остановимся на вопросе, имеющем общее значение: образовании и специфике смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Смешанное земледельческо-скотоводческое или скотоводческо-земледельческое хозяйство мало изучено, хотя на протяжении почти двух столетий оно было характернейшим явлением для башкир (как и для многих других в прошлом скотоводческих народов). Значительная часть башкирского населения, вынужденная в результате сложившихся новых экономических и политических условий начать обрабатывать землю, заимствуя навыки земледелия у пришлых крестьян, в то же время проявила устойчивую тенденцию к сохранению прежнего образа жизни. Это естественно, так как переход к земледелию не означал лишь смену типа хозяйства; речь шла о перестройке всего уклада жизни. Поэтому эта постепенная перестройка со многими переходными явлениями как в сфере хозяйственной и культурной жизни, так и в сфере общественных отношений составила целую полосу в истории башкирского народа.

Смешанные хозяйства в литературе отмечены уже в середине XVIII в. А во второй половине столетия И. Лепехин, имея в виду именно эту особенность башкирского хозяйства, писал, что «башкирцев можно почесть межуемками между дикими и градолюбивыми народами»²⁰⁷. К середине XIX в. смешанные хозяйства были распространены на огромной территории (см. рис. 6).

В наиболее отчетливом виде смешанное хозяйство к середине XIX в. сложилось на юго-западе Башкирии. По существу все башкиры в зоне распространения этой формы ведения хозяйства были оседлыми, но летом выходили на кочевку, однако уже не всей деревней, как раньше. Теперь кочевали лишь те, кто имел «достаточное число» скота. Иными словами, формирование смешанного хозяйства означало завершение эволюции скотоводческого хозяйства к тому варианту по классификации С. И. Руденко, когда кочевала лишь часть семей. Естественно, что те башкиры, которые и на лето оставались в деревне, навсегда оставив кочевание, имели тенденцию к постоянному численному росту. В первую очередь, это были богатая верхушка башкирского общества и бедняцкие низы. Бросали кочевку те, кто имел материальную возможность организовать более производительное земледельческое хозяйство, или те, кто, совершенно разорившись, вынужден был, чтобы не умереть с голоду, засеять клочок земли. По верному наблюдению П. Небольсина, «к хлебопашеству у кочевого племени бывает только две причины: или значительное богатство, или безысходная нищета»²⁰⁸. Впрочем, далеко не все бедняки, оставив кочевание, занялись земледелием; многие из них, не владея скотом и сельскохозяйственными орудиями, не имели такой возможности.

²⁰⁶ Д. Никольский. Указ. соч., стр. 2—3.

²⁰⁷ И. И. Лепехин. Записки путешественника..., стр. 36.

²⁰⁸ П. Небольсин. Отчет о путешествии..., стр. 26—27.

Жили они тем, что, сдавая в аренду свои вотчинные наделы, зачастую шли к своему же арендатору в наемные работники.

Конечно, по всем приведенным признакам смешанное хозяйство, сочетая элементы оседлого земледелия и полукочевьего скотоводства, было переходным. Однако в силу замедленности развития производительных сил, характерной для общества кочевников-скотоводов, оно существовало в ряде районов Башкирии много десятилетий и даже столетий. Смешанное хозяйство наложило своеобразный отпечаток на развитие материальной культуры в соответствующих районах и на общественные отношения. Тот отход от кочевнического быта и степной культуры, который этнографы фиксируют у западных и северных башкир, есть прежде всего результат описываемой трансформации в хозяйстве. Только в этом аспекте можно правильно толковать культурное влияние оседло-земледельческих народов на культуру и быт башкир. На базе смешанного хозяйства сложились чрезвычайно сложные, противоречивые общественные отношения. Сохраняющие реальное значение элементы патриархального уклада переплетались с феодальными отношениями двух типов: характерными, во-первых, для развитого кочевого скотоводческого общества и, во-вторых — для русского земледельческого общества с присущим ему крепостничеством. На эту без того сложную картину уже с XVIII в. наслаивались отношения товарно-денежные, которые имели хотя и медленную, но все же постоянную тенденцию к росту. Без учета всех этих своеобразий невозможно понять динамику социальных отношений и расстановку классовых сил в башкирском обществе в XVIII— первой половине XIX вв.

* * *

Обзор занятий всех групп башкир в XVII— первой половине XIX вв. позволяет бросить общий взгляд на хозяйственную карту Башкирии. Сложившиеся к середине XIX в. различия в хозяйстве башкир впервые отметили П. Небольсин и В. М. Черемшанский. Они делили башкир на оседлых и кочевых, а последние, в свою очередь, подразделялись на степных и горно-лесных²⁰⁹. Недостатком этой, весьма ценной для своего времени классификации является то, что образ жизни башкир (оседлость, кочевание) не всегда указывает на господствующий у них тип хозяйства. В хозяйственном отношении Башкирию в середине XIX в. сейчас можно подразделить на три основные области:

1. Земледельческую — начиная от Красноуфимского уезда и захватывая всю северо-западную Башкирию, она простиралась вплоть до верховьев р. Б. Ик (см. рис. 6).

2. Земледельческо-скотоводческую (или скотоводческо-земледельческую) — в основном в нее входили северо-восточная (Уфимское плато), центральная и юго-западная (долина р. Демы) Башкирия. Однако эта форма хозяйства имела тенденцию к быстрому распространению на восток и к середине XIX в. захватила значительную часть Зауралья.

3. Скотоводческую — в нее входили восточная и южная Башкирия от северо-востока до оренбургских степей.

Все три зоны к востоку и северу от р. Белой пересекались полосой горно-лесных и лесных районов, где широкое развитие получили лесные промыслы; последние на севере и северо-западе сочетались с земледелием, на юго-востоке — с полукочевым скотоводством, т. е. представляли по существу своеобразный тип смешанного хозяйства. В центральной полосе лесных районов по течению рек Инзер, Лемеза, Сим и некоторых других лесные промыслы имели ведущее значение в хозяйстве.

Структура стада, сложившаяся к середине XIX в., в общем отражала областные различия в хозяйстве (табл. I)²¹⁰.

В земледельческих кантонах (I, II, XI, XII) количество лошадей значительно меньше количества овец и коз. В кантонах, где преобладало смешанное земледельческо-скотовод-

²⁰⁹ П. Небольсин. Заметки о башкуртах. — «Отечественные записки», т. LXXIII, отд. VIII. СПб., 1850, стр. 3; В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 143.

²¹⁰ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 142.

Номера башкирских кантонов	Лошадей	Рогатого скота	Овец и коз
I	6086	4349	9143
II	14607	7462	18447
III	21900	9897	23405
IV	17129	3745	17782
V	11899	8954	11445
VI	56869	26670	53606
VII	69290	39661	28762
VIII	79160	27828	49882
IX	26745	14384	21964
X	143265	73379	111736
XI	38006	21734	78986
XII	28924	17854	52948
XIII	62000	37101	88915
Итого	569879	293617	567021

ческое хозяйство (III, IV, V, IX, XIII), количество лошадей было равным или приближалось к количеству овец и коз. В кантонах, где скотоводство оставалось еще ведущей формой хозяйства (VI, VII, VIII, X), количество лошадей явно преобладало. Конечно, эти оценки схематичны, так как в пределах отдельных кантонов, в территориальном и природном отношении огромных и разнообразных, могла сложиться разная картина. Но в них есть и преимущество, так как соотношение различных видов скота по кантонам хорошо отражает хозяйственную тенденцию в целом.

Важно выяснить хотя бы примерное численное распределение башкирского населения между различными зонами. В 1850 г. в 13 кантонах насчитывалось 497,6 тыс. башкир обоюбо пола²¹¹, в том числе в земледельческих кантонах—142,7 тыс., в кантонах, где преобладало смешанное хозяйство—128,5 тыс. и в скотоводческих кантонах—225,8 тыс. человек. При этом надо учесть, что в восточной «скотоводческой» Башкирии, хотя все или почти все башкирское население продолжало выходить на летние кочевки, часть башкир перешла к смешанному хозяйству или была на пути к этому. Таким образом, менее трети башкир жило в земледельческой области; примерно четвертая часть вела смешанное хозяйство; остальные занимались скотоводческим хозяйством, сочетая его в горно-лесных районах с лесными промыслами.

Таким образом, наиболее крупные качественные сдвиги в хозяйстве башкир падают на последние десятилетия XVIII и первую половину XIX вв. Это был период не только хозяйственной, но в какой-то степени и культурной перестройки в башкирском обществе. Именно в этот период, вслед за хозяйственными изменениями, происходит проникновение в область духовной и особенно материальной культуры новых явлений, подрывавших старые традиции и создававших новые. Этот процесс, в первую очередь, был характерен для районов распространения земледелия. Это и естественно, так как речь идет о последствиях перехода народа от одного типа хозяйства к другому, о перестройке всего образа жизни; в северо-западных и западных районах этот процесс завершился или почти завершился.

²¹¹ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 132.

Исторический процесс смены типов хозяйства башкир и соответственно постепенные крупные преобразования в культуре протекали медленно и тяжело. На это ушли многие десятилетия и даже не одно столетие; в этом имели значение многие факторы: географические, социально-экономические, политические, демографические, этнические, культурные. Совокупность и специфичность сочетания их и определяли характер, направление и темпы той постепенной перестройки башкирского хозяйства, которая к середине XIX в. захватила всю Башкирию.

Основные направления развития хозяйства башкир во второй половине XIX в.

Хозяйство башкир во второй половине XIX в. развивалось в тех же направлениях, которые определились к середине XIX в. Однако это развитие привело к серьезным качественным сдвигам в башкирском хозяйстве и к весьма существенным изменениям границ распространения тех или иных хозяйственно-культурных комплексов. Далеко на восток отодвинулась граница распространения оседлого земледелия. Кочевое и даже полукочевое скотоводство как тип хозяйства исчезло; на смену ему повсюду, даже в самых дальних уголках Башкирии, пришло оседлое смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство с сохраняющимися традициями выхода вместе со скотом на летние пастбища. На севере и северо-западе Башкирии хозяйственное значение лесных промыслов упало, а во многих районах эти занятия были вообще забыты. В горах Южного Урала, напротив, лесные промыслы приобрели значение специализированного хозяйства.

Среди многочисленных внешних факторов, воздействовавших на развитие башкирского хозяйства, наибольшее значение по-прежнему имели резкий рост численности населения в крае и углубившийся процесс расхищения у башкир земельной собственности. Если в 1851 г. в Оренбургской губернии проживало 1713 тыс. человек, то в 1897 г. на той же территории насчитывалось уже 3797 тыс.²¹². Особенно увеличилось население в северных и западных уездах края, где в некоторых районах плотность расселения превысила средний уровень по европейской части России. Такие темпы роста численности населения в крае объяснялись в значительной степени усилением крестьянской колонизации Башкирии в пореформенный период. Только в Уфимскую губернию, например, с 1861 по 1897 г. переселилось более 26 тыс. крестьянских семей²¹³. Одним из трагических для башкир последствий развития капитализма «вширь» было разграбление башкирских земель. За 1877—1905 гг., по подсчетам Х. Ф. Усманова, башкиры потеряли более 1,5 млн. десятин земли²¹⁴. Тесно связанные между собой колонизация Башкирии и обезземеление башкир сопровождались, естественно, углублением социальных противоречий внутри башкирского общества. Этот совокупный процесс не мог не наложить своеобразного отпечатка и на развитие хозяйства (хотя, с другой стороны, сложившаяся к этому времени структура хозяйства в разных районах Башкирии придавала социальным переменам определенную направленность).

Особенность развития хозяйства башкир в пореформенный период заключалась в следующем: в отличие от первой половины XIX в., когда, несмотря на явные признаки довольно существенной перестройки, все же преобладали медленные, естественные темпы эволюции башкирского хозяйства, во второй половине XIX в., особенно в последних его двух десятилетиях, имела место резкая ломка традиционной структуры хозяйства, поставившая значительную часть башкирского народа на грань полного разорения. Решающую причину этой ломки надо искать в особенностях и темпах развития капитализма в сельском хо-

²¹² А. Г. Рашид. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, стр. 28; «Первая всеобщая перепись...», 1897 г., т. XXVIII, стр. 7; т. XLV, стр. 10.

²¹³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 174.

²¹⁴ Х. Ф. Усманов. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. Рукопись, гл. IV, стр. 24; см. также «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 169—173.

зйстве Башкирии²¹⁵. Прошедшее перераспределение земельной собственности заставляет башкир на оставшихся у них угодьях искать пути интенсификации своего хозяйства. Однако этот процесс был чрезвычайно сложным и в различных районах Башкирии протекал по-разному.

Зона полной оседлости (рис. 7) к концу XIX в. распространилась на все те районы, где в предшествующий период господствовало смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Башкиры к западу от среднего течения р. Белой, а также на Уфимском плато и в Челябинском Зауралье в начале XX в. на летние кочевки не выходили или почти не выходили²¹⁶. Переход юго-западных башкир к полной оседлости произошел в последних десятилетиях XIX в. Еще в 1873 г. Н. В. Ремезов, побывавший в Стерлитамакском уезде, по левую сторону р. Белой, видел здесь степи, «поросшие ковылем, да возле речек кочевки башкир»; в деревнях, по его словам, «во все лето нельзя было пайти ни одной души». Уже менее чем через десятилетие, в 1881 г. Н. В. Ремезов, вновь побывавший в этих местах, «нигде не встречал кочевков...»²¹⁷. Примерно в то же время прекратились кочевки в северо-восточной Башкирии и среди зауральских башкир к северу от Челябинска²¹⁸. Даже белянковские башкиры, жившие у самых предгорий Среднего Урала и дольше других сохранявшие полукочевой быт, к концу XIX в. были «все оседлы»²¹⁹.

Уровень и масштабы ведения земледельческого хозяйства во всей этой зоне были, конечно, различными. В районах северо-западной и западной Башкирии, где земледельческие традиции были уже достаточно прочными, техническая оснащенность башкирского земледелия и масштабы его ведения ничем не отличались от аналогичных занятий местного татарского или русского крестьянства. Лишь кое-где на северо-западе (по долинам рек Тулова, Пизь, Тую и др.) земледелие сочеталось с лесными промыслами, однако в связи с истреблением лесов хозяйственное значение этих занятий все более и более падало.

Земледелие у башкир, которые недавно вели смешанное хозяйство, носило довольно примитивный характер. Как на юго-западе, так и на северо-востоке система полеводства была трехпольная, а в предгорных районах Красноуфимского и Шадринского уездов даже переолжняя. Поля не удобрялись. Размеры посевов у основной массы башкирских крестьян были незначительны, обычно не более 1—2, редко 3—4 десятины²²⁰.

Вспахивали землю сохой; запрягали по 2—3 лошади в оглобли; постромки появились позднее. Лишь в самом конце XIX в. повсеместно появился железный сабан (плуг), которым обычно поднимали целину. Убирали хлеб серпами; косить хлеб башкиры во многих районах юго-запада научились только на рубеже веков, переняв этот способ у русских крестьян²⁰¹. Сеяли преимущественно яровые: просо, ячмень, овес, пшеницу.

Несмотря на переход к оседлости, башкиры этих районов сохраняли в образе жизни, в материальной и духовной культуре многочисленные традиции кочевого скотоводческого быта. Среди демских и зауральских башкир сохранялась зимняя тебеневка скота: лошадей, а нередко даже овец и коров, хотя бы до половины зимы старались держать на подножном корму²²². На фоне всеобщего перехода к оседлой жизни в демском бассейне, на северо-востоке и в Зауралье еще оставались островки башкирских деревень, обитатели которых не оставляли летних кочевков. Кочевали зачастую в нескольких километрах от деревни, а то и

²¹⁵ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, главы II, III, V.

²¹⁶ Н. А. Гурвич. Статистические очерки Уфимской губернии, вып. 2. Скотоводство. Уфа, 1882, стр. 7.

²¹⁷ Н. В. Ремезов. Очерки из жизни дикой Башкирии, кн. 1. М., 1887, стр. 102—103.

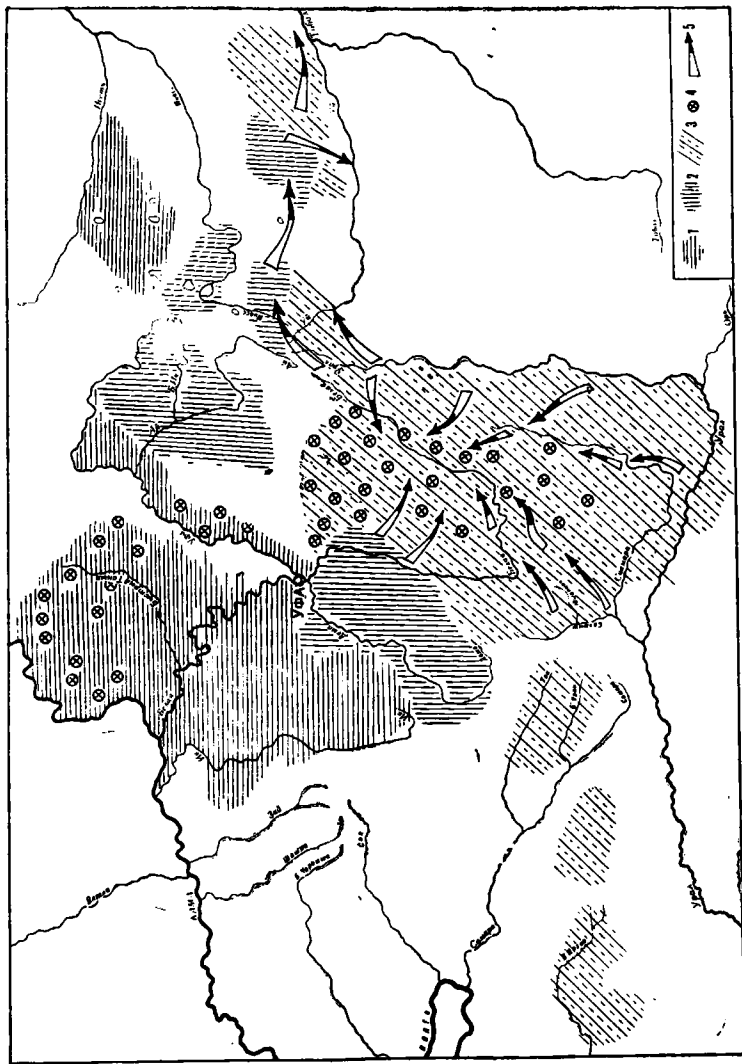
²¹⁸ И. Г. Остроумов. Объяснительная записка к этнографической карте Пермской губернии, составленной в 1891 г.— «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. 13, вып. 2. Екатеринбург, 1894, стр. 152; Н. Л. Скалозубов. Очерки экономического положения..., стр. 9.

²¹⁹ Н. Л. Скалозубов. Из заметок во время разъездов по Красноуфимскому уезду.— «Памятная книжка и Адрес-календарь Пермской губернии на 1893 г.». Пермь, 1892, стр. 24.

²²⁰ М. Плещинский. Башкиры. М., 1929, стр. 8; Н. Л. Скалозубов. Из заметок во время разъездов..., стр. 24.

²²¹ Полевые записи 1955 г., стр. 106—108.

²²² Там же, стр. 9—10.

Р и с. 7. Хозяйство башкир в конце XIX — начале XX в.

— освоенные земли; 2 — новые освоенные земли; 3 — смешанные земледельческо-скотоводческие хозяйства; 4 — лесные промыслы; 5 — направления летних кочевий.

совсем рядом, на виду от села²²³. В этих кочевках, продолжительность которых целиком регулировалась сельскохозяйственным календарем, как правило, не было хозяйственной необходимости; они свидетельствовали, с одной стороны, о незавершенности процесса оседания, с другой — о прочности и устойчивости давних традиций. Эти традиции в той или иной мере сказывались во всех сферах жизни и быта башкир новых сельскохозяйственных районов. Если башкиры отдельные деревень (Казакларкубово, Канлы-Туркеево, Туратбаш и другие на юго-западе; Ариево, Маржамгулово и другие на северо-востоке; Халитово и другие в Зауралье) даже в конце XIX в. на лето перегоняли стада на кочевки, то вся остальная масса башкирского населения новых сельскохозяйственных районов также продолжала «кочевать», но у себя на усадьбе. На лето башкиры перебирались в летние жилища (*аласык*), где пребывали до поздней осени. Несмотря на резкое уменьшение скота, башкиры медленно увеличивали размеры посевов. Значительная часть земель сдавалась в аренду, скромные доходы от которой позволяли все же поддерживать хотя бы видимость прежней степной жизни.

Отмеченная особенность показывает, что в новых сельскохозяйственных районах развитие земледелия и переход к полной оседлости — процессы не синхронные. Процесс полного оседания башкир в этих районах протекал медленнее, чем развитие хлебопашества. Конечно, переход к земледелию, который был следствием сложившейся экономической ситуации, вызывал оседание, но не сразу. Формировавшийся веками быт кочевников-скотоводов даже на последних стадиях существования сопротивлялся окончательному разрушению, приспосабливался к новым условиям. Именно этим объясняется тот факт, что материальная и духовная культура башкир рассматриваемых сельскохозяйственных районов накануне революции не была всецело сельскохозяйственного типа; по многим своим чертам она тяготела к кочевническому востоку. То внимание, которое мы уделяем особенностям хозяйственной жизни и быта новых сельскохозяйственных районов, чрезвычайно важно, так как исторический опыт убедительно свидетельствует о специфичности социальной организации и общественных отношений не только у кочевников, но и у тех народов или групп населения, где кочевой быт сохранился в той или иной пропорции.

В южной, юго-восточной Башкирии и в зауральских степных и лесостепных районах, где в середине XIX в. преобладало полукочевое скотоводство, к началу XX в. господствовало смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство (см. рис. 7). Здесь повсюду или почти повсюду в разных формах и, конечно, в разных масштабах сохранялись летние кочевки, зимняя тебеневка скота, в лесных районах — бортовое пчеловодство и охота. Однако башкирское скотоводство в конце XIX в. переживало тяжелый кризис. Поголовье скота неуклонно сокращалось; в 1864 г. на 100 жителей Оренбургской губернии в целом приходилось 120 голов скота, а на 100 башкир той же губернии — 172 головы; в 1897 г. на 100 жителей губернии приходилось лишь 55 голов скота. Это резкое уменьшение поголовья скота произошло в значительной степени за счет башкирских хозяйств, почти пятая часть которых к началу XX в. совершенно лишилась скота²²⁴. Главной причиной упадка скотоводства у башкир было расхищение башкирских земель, сокращение пастбищ, что подрывало экономические основы традиционного хозяйствования. За 1877—1905 гг. среднее количество земли, приходившееся на один двор башкир и тептярей, сократилось по Оренбургской губернии с 91 до 44 десятины, т. е. более чем вдвое. Однако и это количество земли находилось зачастую в собственности башкир лишь юридически, так как значительную часть вотчин разорившиеся крестьяне сдавали в долгосрочную аренду кулакам, лесопромышленникам, заводчикам²²⁵. Подавляющая часть башкир и этого района лишилась возможности вести скотоводческое хозяйство в прежних масштабах и формах и была вынуждена искать выход в занятиях земледелием. Уже в 1895 г. в Оренбургском, Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии на одного башкира

²²³ Полевые записи 1955 г., стр. 6, 17, 58; 1957 г., стр. 107—108.

²²⁴ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 171—178.

²²⁵ Там же, стр. 182.

приходилось 0,5 десятины посева, что свидетельствует о довольно значительных успехах земледелия²²⁶.

Такова была общая картина хозяйственного развития в южной и восточной Башкирии. Специфика же эволюции башкирского хозяйства заключалась в том, что земледелие в этом огромном районе к началу XX в. ни по масштабам развития, ни тем более по уровню ведения не смогло стать ведущей отраслью экономики. Основная масса башкир не была подготовлена к резкой перестройке хозяйства; несмотря на сокращение пастбищ и скота, бывшие кочевники, вынужденные во имя существования обрабатывать землю, продолжали сохранять в то же время устойчивую приверженность к традиционным формам хозяйствования. Складывается, таким образом, смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство, которое на значительной территории южной и восточной Башкирии господствует вплоть до Октябрьской революции. Длительному существованию смешанного хозяйства способствовали несколько обстоятельств. Прежде всего — это наличие у восточных и южных башкир, несмотря на огромные потери, все же значительных земельных площадей. Размеры наделов в разных уездах и волостях были различны. В некоторых волостях Верхнеуральского уезда, а также среди ток-чуранских и иргиз-камеликских башкир в Самарской губернии дворовые наделы достигали 60—70, а иногда и 100 десятин²²⁷. Конечно, башкирские вотчины в начале XX в. существенно образом уменьшились, однако наделы даже в 30—50 десятин, не давая возможности вести чисто скотоводческое хозяйство, позволяли все же наряду с земледелием придерживаться некоторых кочевых традиций. Существенное значение имело и то, что в южной и восточной Башкирии огромные пастбищные территории оставались в общинном владении, что позволяло башкирам сохранять хотя бы часть традиционных маршрутов летних перекочевок. И, наконец, восточная и южная Башкирия — район довольно компактного расселения башкир; сюда в значительно меньших размерах, чем на север и запад, докатилась переселенческая волна. Соответственно менее активным было хозяйственное и культурное взаимодействие с другими народами, что способствовало устойчивому сохранению многих атрибутов прежнего образа жизни.

Наиболее устойчиво летнее кочевание сохранилось в южной и юго-восточной Башкирии. Башкиры современных Абзелидовского и Баймакского районов (деревни I и II Иткулово, Абдулмаметово, Булатово и др.) выходили на летние кочевки до 1917—1918 гг., а места — вплоть до начала массовой коллективизации²²⁸. Ток-чуранские башкиры, а также башкиры по нижнему течению р. Сакмары и прилегающих с юга степей в 1908—1910 гг. кочевали еще «целыми деревнями»²²⁹. «Иргиз-камеликские башкиры, — говорится в «Списке населенных мест Самарской губернии...», — составляя исключительно земледельческое население губернии, в действительности... охотнее сдают свои земли в долгосрочную аренду, а сами ведут кочевую скотоводческую жизнь»²³⁰. В северном башкирском Зауралье традиции летнего кочевания в начале XX в. были еще устойчивы у курганских башкир²³¹, а также, в меньшей степени, в башкирских районах западнее Челябинска²³². Впрочем, здесь, как и повсюду, масштабы летних кочевок башкир находились в прямой зависимости от размеров их земельных вотчин. В малоземельных башкирских волостях (айлинцы, бала-катайцы) кочевки прекратились гораздо раньше, чем в многоземельных (каа-табынды, сызгинцы).

²²⁶ Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 179.

²²⁷ «Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 г.». Самара, 1890, стр. 15.

²²⁸ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 7. Башкортостандың Борһан, Ылһарет райондары башҡорт халыҡ ижады буйынса материалдар, стр. 6; Полевые записи 1958 г., тетрадь 2, стр. 3.

²²⁹ Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, ед. хр. 4, оп. 21. Фольклор башкир Оренбургской области, т. 2, стр. 406.

²³⁰ «Список населенных мест Самарской губернии...», стр. 15.

²³¹ Полевые записи 1959 г., тетрадь 3, стр. 63.

²³² Д. З е л е н и н. О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда. СПб., 1908, стр. 78.

²³³ Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, стр. 63, 85 и др.

Какие формы приняло ведение смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства в южной и восточной Башкирии? Башкиры, жившие по речным долинам Южного Урала или в предгорьях, на лето перегоняли стада на горные пастбища; степняки откочевывали на близлежащие сырты или просто удалялись от деревни на определенное расстояние. Направление летних кочевков, таким образом, по-прежнему определялось преимущественно сочетанием гор и степей. Если, например, башкиры восточного и юго-восточного Зауралья летом передвигались на запад и на север в горы Южного Урала, то башкиры Стерлитамакского уезда с той же целью шли на восток. Еще недавно старики совершенно точно помнили маршруты традиционных перекочевков: так, башкиры, населявшие долину р. Нугуш, ранней весной поднимались по течению этой реки и ее притокам в горы, т. е. перегоняли стада в восточном направлении; жители дер. Байдавлево в южной Башкирии углублялись в горы по р. Сурень, т. е. шли на север, а башкиры зауральской деревни Ташбулатово перекочевывали на горные пастбища по р. Малый Кизил (см. рис. 7)²³⁴. В северном Зауралье малоземельные айлинцы кочевали недалеко от степях, в пределах своих общинных земель, а башкиры родов табын, сызгы перегоняли скот на горные пастбища Урала. Летние кочевья курганских башкир находились к югу от мест их постоянного расселения на левобережье р. Уй²³⁵.

Каждая башкирская деревня имела устоявшиеся десятилетиями маршруты летних перекочевков; направление этих маршрутов редко нарушалось, что тесно было связано с сохранением в этой области общинного землепользования на все или на большую часть земельных угодий. Однако дальнейшие существенные изменения произошли в дальности и сроках летних перекочевков: эти изменения почти целиком диктовались появлением и расширением посевов. Самые дальние перекочевки на рубеже веков (дер. Ташбулатово, Қазмашево и др.) не превышали 30 км; обычно же башкиры удалялись от деревни примерно на 15—20 км, а в северном Зауралье (дер. Сары, Субиль, Давлетбаево и др.)—на 10—12 км и менее²³⁶.

Сроки выхода на кочевку зависели от расположения пахотных участков. Если посевы находились возле деревни (а в начале XX в. во многих случаях, особенно в северном Зауралье, так и было), то на летние пастбища откочевывали лишь в самом конце мая или даже в начале июня после завершения всех весенних сельскохозяйственных работ²³⁷. Нередки, однако, были случаи (особенно в юго-восточной и южной Башкирии), когда посевы находились на определенном (3—5 км) расстоянии от деревни. В таких деревнях подготовка к летним кочевкам и одновременно к весенним полевым работам начиналась с начала мая. Покидали деревню примерно в середине мая и сначала располагались вблизи от посевных площадей (*язгы йорт* или *язлау*). Здесь оставались лишь до завершения посевов, так как ближайšie к деревням пастбища старались сохранить для зимней тебеневки скота и сенокоса. Под пашню обычно старались отводить те земли, на которых в минувшем году пасли скот. Поэтому пахотные участки время от времени менялись. Землю вспахивали сохой или сабаном; зерно старались разбрасывать по вспаханному полю в ветреную погоду. Закончив сев, в конце мая башкиры перебрались на летние пастбища (*йэйләу*). В южной и юго-восточной Башкирии, опасаясь пожаров, старались в деревне никого не оставлять, однако в начале XX в. это удавалось редко. С каждым годом все больше и больше башкир, лишившихся скота, на все лето оставляли в деревне, занимаясь подсобными промыслами или нанимаясь в хозяйства русских богатеев. Особенно быстро этот процесс протекал в северном Зауралье, где уже в конце XIX в. во многих деревнях (Бурино, Метелево, Султаево и др.) на кочевки выходили лишь несколько состоятельных семей²³⁸. За все лето башкиры меняли стоянку несколько раз: там, где кочевки находились от деревни на близком расстоянии, стоянку меняли не более 1—2 раз за лето (дер. Сары, например, в северном Зауралье); если летние пастбища были удалены, новые кочевья разбивали до 3—4 раз. Каждая

²³⁴ Полевые записи 1953 г., стр. 240; Полевые записи 1958 г., тетрадь 1, стр. 4, 31 и др.

²³⁵ Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, стр. 87; тетрадь 3, стр. 47—48.

²³⁶ Полевые записи 1953 г., стр. 149, 233, 240; Полевые записи 1959 г., стр. 54.

²³⁷ Полевые записи 1959 г., стр. 54.

²³⁸ Полевые записи 1953 г., стр. 297—298.

деревня имела общие летние пастбища, но на кочевках располагались родовыми подразделениями (*ара, аймак*) в 1—2 км друг от друга²³⁹. Родовые подразделения, объединявшие 10—20 родственных семей, скот которых стонялся в общий табун (или в общее стадо), представляли собой социальные организмы, рожденные вековыми традициями кочевой или полукочевой жизни и проявившие в условиях южной и восточной Башкирии большую устойчивость. Однако там, где на летние кочевки выходила только часть жителей села, дальнейшее существование родовых подразделений как кочевых групп было подорвано. В этих случаях несколько неродственных семей объединялось в пастбищно-кочевую группу, которая внешне сохраняла признаки родовых подразделений. Члены родового подразделения или пастбищно-кочевой группы совместно присматривали за скотом, выполняли в случае необходимости и другие работы.

В начале июля башкиры оставляли летовки и постепенно приближались к сенокосам и посевам, поблизости от которых находились осенние пастбища (*кәзләк или кәзә йорт*)²⁴⁰. В сенокосе и уборке хлеба участвовали обычно все свободные от присмотра скота мужчины и женщины. Сначала косили сено и ставили стога, затем по мере вызревания хлеба приступали к уборке. В юго-восточной и южной Башкирии даже в конце XIX в. хлеб зачастую убирали серпами, молотили лошадьми²⁴¹. В северном Зауралье, а в начале XX в. и во многих районах юга и юго-востока способы уборки урожая и сельскохозяйственный инвентарь ничем не отличались от приемов, принятых среди местных русских или татарских крестьян.

В конце XIX—начале XX вв. с завершением осенних полевых работ обычно кончался и кочевой сезон. Башкиры возвращались в деревни, где оставались до весны, когда весь цикл возобновлялся снова. Однако в тех южных и юго-восточных зауральских башкирских деревнях, в которых заготавливали сравнительно небольшое количество сена, кочевание продолжалось до глубокой осени. Закончив полевые работы, башкиры вновь откочевывали подальше от деревень, где оставались в зависимости от погоды до конца сентября или даже середины октября. Это позволяло ближайшим к деревне пастбища сохранять для зимней теледевки. С наступлением первых заморозков башкиры окончательно возвращались в деревни.

Сочетание занятий земледелием с летними кочевками наложило яркий отпечаток на общественные отношения и культуру восточных и южных башкир, обусловив сохранение в их жизни многих патриархальных черт, исчезнувших или исчезающих в остальной Башкирии.

В центральной и восточной Башкирии, включая весь Южный Урал, в последних десятилетиях XIX—начале XX вв. значительное число хозяйств не имело посевов или имело посевы в размерах, не оказавших существенного влияния на характер основных занятий, которыми были полукочевое скотоводство, лесные промыслы или и то и другое одновременно. В районах распространения смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства отсутствие посевов у части башкир в начале XX в. объяснялось не столько силой традиций и нравственной неподготовленностью масс крестьян к крутой перестройке хозяйства (что конечно тоже имело существенное значение), сколько глубокими социальными процессами в башкирском обществе, обнищанием башкирского крестьянства, ломкой тех материальных предпосылок, которые совершенно необходимы для успешного перехода к новым занятиям. Только совокупность всех этих причин можно объяснить тот, например, факт, что в такой крупной по дореволюционным временам деревне как Иткулово (более 150 дворов) в 1914 г. имели посевы лишь 5—6 хозяйств²⁴². Аналогичная картина наблюдалась среди токучанских, курганских и других башкир. Эта часть башкир в начале XX в. оказалась осо-

²³⁹ Полевые записи 1959 г., стр. 54; 1958 г., стр. 31.

²⁴⁰ Полевые записи 1953 г., стр. 233, 240 и др.

²⁴¹ Т а м ж е, стр. 33, 240, 244.

²⁴² Научный архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 5. Научный отчет комплексной этнографической экспедиции 1958 г., стр. 251.

енно в тяжелом положении: посевов не было или почти не было, так как плохо обработанный небольшой участок, если даже он имелся, не обеспечивал нужд семьи; в то же время скотоводство окончательно потеряло для многих дворов прежнее значение. По подсчетам С. И. Руденко, «для обеспечения минимальных нужд средней скотоводческой семьи в 5 душ» необходимо было иметь такое количество скота, поголовье которого в общей сложности соответствовало бы 25 лошадям (из расчета: одной взрослой лошади соответствует 6/5 голов взрослого рогатого скота, 6 овец или коз)²⁴³. Такая обеспеченность скотом была лишь у сельских богатеев; остальная масса башкир кормилась тем, что уходила в отхожие промыслы, занималась к кулакам или баям, сдавала в аренду земли или влачила жалкое существование, пытаясь на развалинах своего хозяйства все же придерживаться традиционного образа жизни.

В горно-лесной зоне Башкирии земледелие мало распространено, главным образом, из-за сложности рельефа и более сурового климата²⁴⁴. Среди инзерских башкир вплоть до 20-х годов никаких посевов не было. Основным их занятием по-прежнему оставались лесные промыслы в сочетании с полукочевым скотоводством. В остальных районах горно-лесной зоны юго-востока к началу XX в. появились незначительные посевы: небольшие поля в горных долинах засевали ячменем, просом и овсом. По словам информаторов (дер. Ниж. и Сред. Серменево Белорецкого района, дер. Мурадымово Бурзянского района, дер. Тавокачево Архангельского района), урожай были плохие, да и тот зачастую не успевал созревать и оставался под снегом²⁴⁵. В горно-лесных районах скот из-за глубоких снегов зимой не тебевал; поэтому скота здесь держали немного, за исключением нижнего течения р. Инзер и прилегающих районов правобережья Белой, где благоприятный рельеф и сочные предгорные луга позволяли вести продуктивное животноводство²⁴⁶. Во всей горно-лесной Башкирии по-прежнему большое значение имело бортовое пчеловодство. Богатые башкиры по верховьям Белой и ее притокам, по Инзеру, Лемезе имели, как свидетельствуют информаторы, по 300—400 и более бортей; владение 30—40 бортиями было явлением обычным²⁴⁷.

Большинство горно-лесных башкир выходило на летние кочевья. Кочевание продолжалось с середины мая до первого снега. Каждая деревня имела 2—3 кочевки (*йэйләү*), на которых были поставлены примитивные срубы (*бурама*), служившие башкирам летним жилищем. Те, которые не имели бурама, ставили обыкновенный шалаш (*кыуыш, аласык*), который покрывали корой, дранцами и ветками. Дальняя кочевка отстояла от деревни в среднем на расстоянии 15 км, иногда 25—30 км. Весной откочевывали на дальнюю кочевку, а затем постепенно приближались к деревне. На летних кочевках занимались, главным образом, лесными промыслами: рубкой и вывозкой леса, заготовкой дров для заводов, производством мочалы, сидкой дегтя и т. д. В работах участвовали все: и мужчины и женщины. В середине лета на ближайшей к деревне кочевке косили сено. Зимой вывозили на заводы заготовленный летом лес, а также вили из мочалы веревки, ткали рогожные кули и мочальные попоны, мастерили различные деревянные изделия: санные полозья, колеса, дуги, коромысла и т. д.²⁴⁸

Итак, если взять хозяйство башкир в целом, то оно к началу XX в. не завершило своей многовековой эволюции и не стало полностью оседло-земледельческим. Развитие башкирского хозяйства в этом направлении к середине XIX в. окончательно завершилось лишь в северной и северо-западной Башкирии. К началу XX в. в основном земледельческими стали северо-восточные и юго-западные районы. Но в степных и лесостепных районах тра-

²⁴³ С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — «Материалы по этнографии», вып. 1. Л., 1961, стр. 5.

²⁴⁴ Полевые записи 1953 г., стр. 210—231; Лев-ф-Берхгольц. Горные башкиры-кайцы. — «Этнографическое обозрение», 1893, № 3, стр. 76.

²⁴⁵ Полевые записи 1958 г., тетрадь 2, стр. 97; тетрадь 3, стр. 6—7; Полевые записи 1953 г., стр. 229—230.

²⁴⁶ Полевые записи 1961 г., тетрадь 2, стр. 4.

²⁴⁷ Полевые записи 1953 г., стр. 228; 1961 г., тетрадь 2, стр. 6.

²⁴⁸ Полевые записи 1953 г., стр. 210—230; Лев-ф-Берхгольц. Указ. соч., стр. 76—78.

диционного скотоводства процесс трансформации хозяйства протекал чрезвычайно медленно. Только постепенность его могла обеспечить сравнительную безболезненность для башкир перестройки их хозяйства. Однако процесс оседания и перехода к земледелию здесь был ускорен разграблением башкирских земель, разорением башкир-скотоводов, резким и крутым сломом еще живых и реальных атрибутов древних приемов хозяйствования. Если северо-восточные и юго-западные башкиры с большим трудом и ценой огромных лишений все же вошли в новый ритм хозяйственной жизни, для башкирского населения южных и юго-восточных скотоводческих районов неожиданные перемены оказались тяжелыми. Для огромной массы бывших кочевников смена естественной эволюции хозяйства и вынужденный резкий переход к земледелию означал необходимость перестройки всего образа жизни: социальных институтов, культуры, пищевого режима, повседневного быта. Вот почему в южной и юго-восточной Башкирии башкиры хотя и занялись земледелием в результате ломки их традиционного хозяйства, но в условиях жестокого колониализма царской России этот тяжелый и мучительный для трудящихся башкир переход к новым занятиям по существу во многих случаях остался поверхностным и незавершенным.

* *

К концу XIX— началу XX вв. в Башкирии складываются, таким образом, следующие хозяйственные районы (см. рис. 7):

1. Район оседлого земледельческого хозяйства—север и северо-запад Башкирии. Кроме земледелия и домашнего животноводства, башкиры занимались здесь пасечным пчеловодством и по некоторым северным рекам — лесными промыслами.

2. Район нового оседлого земледельческого хозяйства — северо-восток и юго-запад Башкирии. Земледелие здесь хотя и стало господствующим типом хозяйства, но наряду с ним сохранялись табунное скотоводство, тебеневка скота на протяжении нескольких зимних месяцев, а иногда — особенно на юге — летние кочевки поблизости от села. Пчеловодство носило смешанный характер: наряду с развивающимся пасечным пчеловодством еще на забывалось бортничество.

3. Район смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства — восточная и южная Башкирия. Наряду со слабо развитым земледелием здесь по-прежнему сохранялись традиции летних перекочевок, зимой скот тебеневал. За исключением степных районов челябинско-курганского Зауралья и Самарской губернии, повсюду большое значение имело бортничество.

4. Район смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства — горно-лесные районы Южного Урала. Лесные промыслы, которые стали основным занятием башкир этого района, сочетались со скотоводством, с сохраняющимися традициями летних перекочевок. Значительное место в хозяйстве горно-лесных башкир занимало бортничество.

Чрезвычайно ценно было бы определить численное распределение башкирского населения между выделенными районами. Это имело бы существенное значение при анализе социально-экономических отношений в башкирском обществе накануне революции. Однако сделать это трудно, во-первых, потому, что границы хозяйственных районов довольно неопределенны и не совпадают с границами административных уездов, по которым мы располагаем демографическими сведениями; во-вторых, потому, что точность переписных материалов 1897 г. по башкирам вызывает серьезное сомнение. Не пытаюсь с большой точностью определить численное распределение башкир между хозяйственными районами, попытаемся все же на основании данных переписи 1897 г. сложить общее впечатление по этому вопросу^{2,9}.

^{2,9} «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. XXVIII, стр. 7; т. XLV, стр. 10; т. XXI, стр. 97; т. X, стр. 89; т. XXXVI, стр. 58. (В тех случаях, когда территория того или иного уезда расчленяется двумя разными хозяйственными районами, мы условно разделяем башкирское население уезда поровну между этими районами).

Таблица

Хозяйст. енные районы	Уезды	Башкиры в тыс. чел.	В%
1. Район оседлого земледельческого хозяйства	1. Мензелинский, Уф. губ.	123,0	
	2. Бирский, Уф. губ.	262,3	
	3. Белебеевский, Уф. губ. (половина уезда) . . .	116,5	
	4. Осинский, Красноуфимский, Екатеринбургский, Перм. губ.	85,4	
	5. Сарапульский, Вят. губ.	13,9	
Итого по району		600,1	45,9
2. Район нового оседлого земледельческого хозяйства	1. Белебеевский, Уф. губ. (половина уезда) . . .	116,5	
	2. Стерлитамакский, Уф. губ. (половина уезда) .	57,9	
	3. Уфимский, Уф. губ. (половина уезда)	57,2	
	4. Златоустовский, Уф. губ. (половина уезда) . .	25,7	
	5. Челябинский, Оренб. губ. (половина уезда) . .	25,3	
Итого по району		282,6	21,6
3. Район смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства	1. Оренбургский, Оренб. губ.	56,6	
	2. Орский, Оренб. губ.	88,5	
	3. Верхнеуральский, Оренб. губ. (половина уезда)	22,0	
	4. Троицкий, Оренб. губ.	14,8	
	5. Челябинский, Оренб. губ. (половина уезда) . .	25,3	
	6. Бузулукский, Бугурусланский, Самар. губ. . .	57,2	
Итого по району		263,4	20,1
4. Район смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства	1. Златоустовский, Уф. губ. (половина уезда) . .	25,7	
	2. Верхнеуральский, Оренб. губ. (половина уезда) .	22,0	
	3. Уфимский, Уф. губ. (половина уезда)	57,2	
	4. Стерлитамакский, Уф. губ. (половина уезда) . .	57,9	
Итого по району		162,8	12,4
Всего		1308,9	100,0

Таким образом, оседлость и прочные земледельческие навыки были характерны примерно для 46% башкирского населения; около трети башкир (32,5%) вели смешанное хозяйство, с присущим ему полуочевым бытом и патриархальными традициями. Одна пятая часть (21,6%) находилась на завершающей стадии эволюции хозяйства земледельческого типа. Однако, как показывает анализ переписных данных 1897 г., численность башкир, особенно по западным уездам Уфимской губернии, была в силу ряда обстоятельств* несколько

* См. подробно в статье «Численность башкир и некоторые вопросы этнической истории башкир в XVI—XIX вв.», стр. 355—356.

коза вышена. Это требует некоторой корректировки приведенной выше таблицы, главным образом, в направлении уменьшения общей численности башкирского населения в конце XIX в. до 900—950 тыс. человек, причем масштаб уменьшения по западным уездам будет значительно большим, чем по восточным. Такая корректировка, естественно, понизит удельный вес башкирского населения первого района и частично второго и, наоборот, повысит удельный вес башкир третьего и четвертого районов. С учетом такой корректировки башкирское население в конце XIX—начале XX вв. распределялось по хозяйственным районам примерно следующим образом: в оседло-земледельческом районе обитало около 40% башкир, в новом земледельческом районе — около 20% и в смешанных скотоводческо-земледельческом и скотоводческо-лесопромышленном районах — около 40%.

Этот расчет подтверждается данными о количестве башкир-вотчинников, имеющимися по Уфимской губернии за 1895—1896 гг.²⁵⁰, а по Оренбургской — за 1897 и 1901 гг.²⁵¹. Всего по этим сведениям в двух губерниях башкир-вотчинников было 600,5 тыс. человек обо-его пола, из них в районе оседлого земледельческого хозяйства проживало 220,5 тыс., или 36,7%, в районе нового оседлого земледельческого хозяйства — 110,1 тыс., или 18,3%, в районах смешанного земледельческо-скотоводческого и скотоводческо-лесопромышленного хозяйства — 269,9 тыс. человек, или 45%. Эти цифры требуют некоторой корректировки, так как отсутствуют сведения о башкирах-вотчинниках по Пермской и Вятской губерниям. Такая корректировка повысила бы удельный вес башкирского населения первого района и приблизила бы распределение башкир-вотчинников по хозяйственным районам к тому расчету, который выше сделан на основе официальных данных переписи 1897 г.

* * *

Основные итоги обзора развития башкирского хозяйства в X—XIX вв. сводятся к следующему:

1. Распространение в конце I—начале II тыс. кочевого скотоводческого хозяйства азиатского типа на южном, юго-западном Приуралья и в Зауралье связано с миграцией на эту территорию из Средней Азии и Западной Сибири тюркских племен и активным периодом формирования древнебашкирской этнической общности.

2. Расселение в XI—XVI вв. башкирских племен по всей современной территории обитания, сопровождавшееся их приспособлением к новым условиям природной среды, имело следствием усложнение структуры башкирского хозяйства, в котором наряду с сохранением преобладающих центральноазиатских черт (кочевое или полукочевое скотоводство, степная охота) появились и стали значительными черты волжско-камского происхождения (охота таежного типа, бортничество, лесные занятия).

3. Период с момента присоединения Башкирии к Русскому государству и до 30-х годов XVIII в. характеризуется завершением почти на всей территории края эволюции кочевого скотоводства в полукочевое. На фоне упадка прежних масштабов скотоводства повышается удельный вес охоты и бортничества, формируются основные контуры лесного хозяйства (в лесных и горно-лесных районах) и получает повсеместное распространение сенокосение. В северной Башкирии, где распространение кочевого или полукочевого скотоводства было ограничено природными условиями, возникли довольно обширные очаги оседлого земледелия, которое стало наиболее перспективным направлением хозяйственного развития.

4. Значительные изменения в структуре башкирского хозяйства происходят в период с 30-х годов XVIII в. до середины XIX в., когда складываются три основных хозяйственных района в Башкирии: земледельческий, земледельческо-скотоводческий и скотоводческий. Особенностью в развитии хозяйства этого периода было формирование смешанного земле-

²⁵⁰ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 7, ч. 1. Уфа, 1901, стр. 142—162.

²⁵¹ ГАОО, ф. 14, оп. 2, д. 161, лл. 14—15.

дельческо-скотоводческого хозяйства, в котором занятия земледелием совмещались с сохранившейся традицией выхода на летние кочевки. Во всех трех районах получили развитие лесные промыслы, которые в одних случаях сочетались с земледелием, в других — с полукочевым скотоводством. Население распределялось по основным хозяйственным районам следующим образом: в земледельческом районе проживало около одной трети башкир, в земледельческо-скотоводческом — около одной четвертой; остальное башкирское население вело полукочевое скотоводство, сочетая его в горно-лесной зоне с лесными промыслами, охотой и бортничеством.

5. Дальнейшее развитие башкирского хозяйства во второй половине XIX в. привело к исчезновению полукочевого скотоводства как типа хозяйства и к существенным изменениям границ распространения других хозяйственных комплексов. Полукочевое скотоводство сменяется смешанным земледельческо-скотоводческим хозяйством, а в бывших районах смешанного хозяйства утверждается оседлое земледелие. На рубеже XIX и XX вв. складываются следующие основные хозяйственные районы: оседлого земледельческого хозяйства, нового оседлого земледельческого хозяйства, смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства, смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства. Башкирское население по районам распределяется следующим образом: в оседло-земледельческом районе проживало около 40% башкир, в новом оседло-земледельческом районе — около 20, в двух районах смешанного хозяйства — около 40%.

6. Исторический процесс смены типов хозяйства в Башкирии происходил под воздействием различных внутренних и внешних факторов: географических, социально-экономических, политических, демографических, этнических и др. Совокупность и специфическое сочетание их и определяло характер, направление и темпы той перестройки, которая явилась основным содержанием истории башкирского хозяйства на протяжении нескольких столетий. Существенное значение в этом процессе имело влияние земледельческой культуры издревне оседлых народов, однако, сила и масштабы этого влияния зависели от конкретной исторической и хозяйственной обстановки в том или ином районе Башкирии.

7. Анализ социальной структуры и специфики социально-экономической организации башкирского общества в разные исторические эпохи необходимо проводить с учетом всей совокупности хозяйственной жизни народа, уровня развития и территориального распространения тех или иных типов хозяйства, имея в виду при этом, что общественные отношения и социальные институты специфичны не только у «чистых» кочевников, но и у тех народов или групп населения, где традиции кочевого быта охраняются в тех или иных масштабах.

Р. З. ЯНГУЗИН

О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ЗАУРАЛЬЕ В XIX ВЕКЕ

Башкирское население Учалинского, Абзелиловского, Баймакского и Хайбуллинского районов Башкирской АССР в литературе называют юго-восточными башкирами¹. Настоящая статья написана, главным образом, на основе материалов, собранных этнографической экспедицией МГУ, которая работала в юго-восточном Зауралье 1966 г.* Использованы также опубликованные архивные источники и имеющаяся литература.

Вплоть до Октябрьской революции основным занятием юго-восточных башкир было полукочевое скотоводство. С земледелием они познакомились, видимо, уже в XVIII в., когда близко соприкоснулись с пришлым русским сельскохозяйственным населением. Земледелие в юго-восточном Зауралье распространялось медленно. Представители Кипчакской, Бурзянской, Усерганской и Тамьянской волостей в 1763 г. писали оренбургскому губернатору Д. В. Волкову о возможности расширения земледелия следующее: «Для хлебопашества земель у нас довольно и пространно и скота достаточно имеем... Токмо мы пашни пахать много не навыкли»². Первые башкирские посевы зерновых появились в окрестностях недавно построенных заводов, в непосредственном соседстве с русскими поселениями.

Развитие земледелия у юго-восточных башкир шло неравномерно. Быстрее распространялось оно на территории современного Учалинского района, где из-за значительной плотности населения и недостатка пастбищ скотоводство еще в конце XVIII в. начало терять свою былую роль. Кроме того, этому способствовали сравнительная близость к северным сельскохозяйственным районам Башкирии и, главное, тесные контакты с русскими переселенцами. Башкиры Хайбуллинского, Абзелиловского и Баймакского районов БАССР даже в начале XX в. сеяли мало и в основном для удовлетворения своих потребностей.

¹ «Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1. Уфа, 1956; Р. Кузеев, Б. Юлдашбаев. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры.—«Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа, 1962, стр. 171—267.

* Экспедиция работала в составе: Р. З. Янгузин (начальник отряда), И. Л. Кинзябулатов (журналист) и Б. В. Исянгулин (студент мехмата МГУ).

² «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 4, ч. 2. М.—Л., 1956, стр. 44.

По сообщениям Юхнева (1725—1726 гг.) и П. Палласа (1770 г.), юго-восточные башкиры сеяли главным образом ячмень и овес³. В конце XVIII и начале XIX вв. распространяются, хотя и в незначительных размерах, рожь и пшеница. Намного раньше началось выращивание льна и конопли⁴.

В XIX в. у юго-восточных башкир преобладала переложная (или залежная) система земледелия. Примерно в конце XIX — начале XX вв. она была вытеснена сравнительно передовой, трехпольной системой, при которой вся площадь пашни делилась на три части; из них одна засеивалась озимым хлебом — рожью, реже — пшеницей, другая — яровым (овсом, пшеницей), третья находилась под паром. Этот способ использования земли был типичен для башкир и других районов, а также для русских, татар, мари и других народов Башкирии. По свидетельству информаторов, земля под озимые хлеба пахалась два раза: первый раз в мае или июне, а второй — примерно за 10 дней до начала сева; посев производился под деревянную борону. К севу яровых тоже готовились с осени. В августе — октябре землю распахивали, а весной этот же участок распахивался вторично, после чего засеивали его пшеницей. На следующий год это же поле перепаживалось и на нем сеяли овес. Третий год земля находилась под паром.

Пахотные орудия были те же, что и у соседних русских крестьян: соха-косуля, соха (*хука*) с двумя лемехами. Юго-восточным башкирам (особенно в Учалинском районе БАССР) был известен также татарский сабан, который в начале XX в. был вытеснен плугом. Здесь, как и в Зауралье, татарский сабан с колесчатым передком называют сохой (*хука*).

Плуги и сабаны были разных размеров: запрягали в них по три-четыре лошади. Бедному башкиру, не имеющему столько лошадей, плуг, естественно, был не по плечу. Поэтому бедняки часто устраивали «супряжки» для совместной вспашки своих полей. При этом на коренник запрягалась лошадь хозяина участка, а на пристяжки — остальные члены объединения.

Интересна обработка земли бедняками. Участок под посев не пахали, а копали. В качестве землекопалки использовался *салыр*. Он напоминает штыковую лопату очень маленького размера (рис. 1, 1). По словам 82-летнего информатора из дер. Сураман Учалинского района БАССР Шарипова Адигама Шариповича, такими орудиями 4—5 человек в день копали примерно 0,08 га. Бедняки сеяли мало (0,20—0,25 га) и всей семьей могли подготовить свой участок для сева за 3—4 дня.

Второй этап обработки земли — боронование.

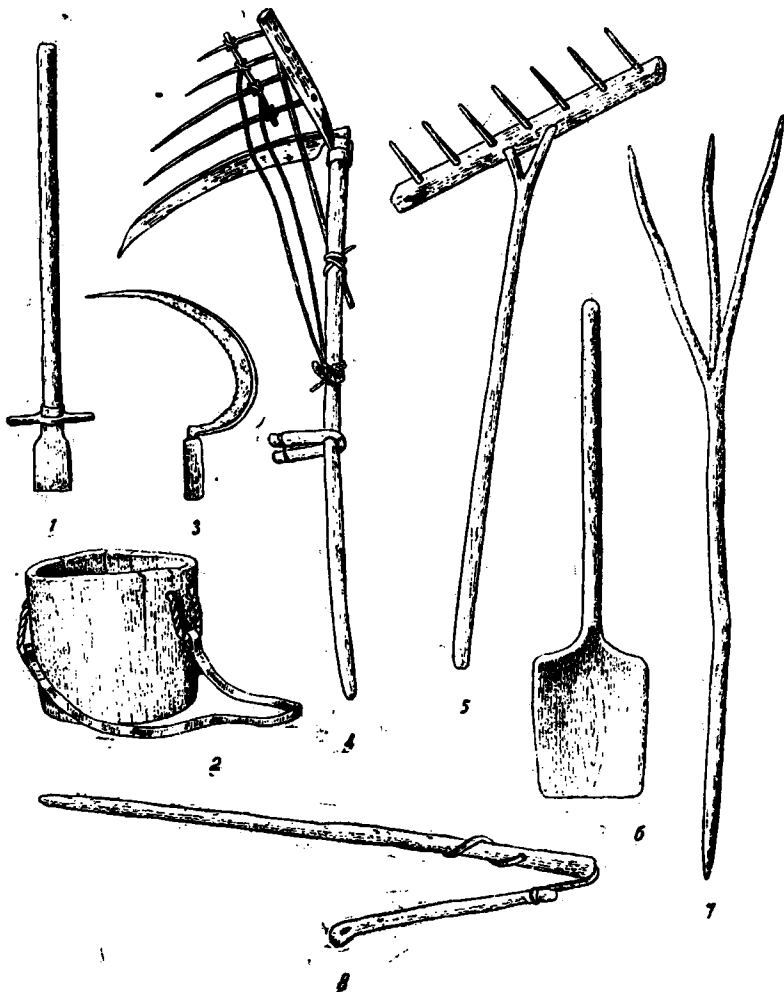
У юго-восточных башкир были распространены бороны двух типов. Первая — с железными зубьями. Состояла она из четырех или пяти брусков, скрепленных между собой двумя поперечными перекладинами. В просверленные в брусках и перекладинах отверстия вставлялись 20—25 железных зубьев. Размеры бороны были около 2 м длины и 1 м ширины. Вторая — с 20—25 деревянными зубьями. «Борона этого типа состояла из перекладины, а клинообразные ее зубья были закреплены ивовыми прутьями в узловых точках перекрещивающихся перекладин»⁵. К передней стороне подобной бороны прикреплялось крючок-кольцо, которое свободно передвигалось, обеспечивая маневренность при бороновании. Башкирские названия обеих типов борон — *ер тырмаһы*.

Сеяли зауральские башкиры вручную из лукошка (*тубал*, *тәпән* — см. рис. 1, 2) или подола (*итәк*). Самый опытный, обычно глава семьи, шел по пашне и разбрасывал равномерно зерно правой рукой, левой придерживал *тубал*. На 1 десятину земли семена засеивались примерно в следующем количестве: пшеница (*бойзай*) 8 пудов, рожь (*арыш*) —

³ П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, кн. 2, ч. 2. СПб., стр. 9; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3, стр. 486.

⁴ П. Паллас. Указ. соч., стр. 8.

⁵ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 117.

Р и с. 1. Сельскохозяйственные орудия юго-восточных башкир.

1 — землекопалка (*салыр*). Дер. Сураман, Учалинский р-н БАССР; 2 — лукошко (*тубал, тляк*). Дер. Наурузово, Учалинский р-н БАССР; 3 — серп (*урак*). Дер. Чынгызово, Беймакский р-н БАССР; 4 — коса (*салым*). Дер. Наурузово, Учалинский р-н БАССР; 5 — грабли (*тырма*). Дер. Турат, Хайбуллинский р-н БАССР; 6 — лопата (*корак*). Дер. Абишево, Хайбуллинский р-н БАССР; 7 — вилы (*лонка*). Дер. Ягулкино, Учалинский р-н БАССР; 8 — цеп (*сибарас*). Дер. Турат, Хайбуллинский р-н БАССР.

ячень (*арпа*)—8, овес (*һоло*)—6 пудов. Урожай пшеницы составлял около 40—50 пудов, ржи—40, ячменя—40, овса—20—25 пудов.

Уборка хлеба производилась серпом (*урак*) (см. рис. 1, 3). Косыба применялась в исключительных случаях, когда хлеб был травянистый и редкий. Скошенный хлеб вязали в снопы (*кәлтә*), которые укладывались в «сулоны» или «бабки»: снопы ставились на землю вертикально, плотно один к другому, колосьями вверх, обычно по 10—12 штук, а еще один покрывал их как шапка, колосьями вниз. Правда, местное население было знакомо с другими способами укладки снопов («крестцы» и «копи»), но они не получили широкого распространения.

Климатические условия часто заставляли убирать хлеб незрелым, от дождей он сырел. Для просушивания применялись шиши. Шиш — круглая яма, вокруг которой устанавливались жерди в конусообразной форме. Они обкладывались снопами, колосьями внутрь. В яме разводился огонь. На дыме сохли колосья. Шиш является одним из простейших приспособлений для огневой сушки хлебов. Он характерен только для народов Поволжья. Специфические природные условия Поволжья и отсталая техника, по-видимому, явились главной причиной возникновения подобного метода сушения хлеба.

Для молотыбы заранее готовили площадку — *ырзын*; в этих целях земля очищалась от трав, плотно утрамбовывалась. На *ырзын* клали развязанные снопы. У юго-восточных башкир применялось несколько способов обмолота хлеба: конный, цепом (рис. 1, 8) и, наконец, запряженными телегами, в которые нагружали камни. Особенно была распространена конная молотыба. Веяли хлеб лопатой (*кәрәк* — см. рис. 1, 6). Мякина (*мәкина*) шла на корм скоту. Зерно хранилось в амбаре (*келәт*).

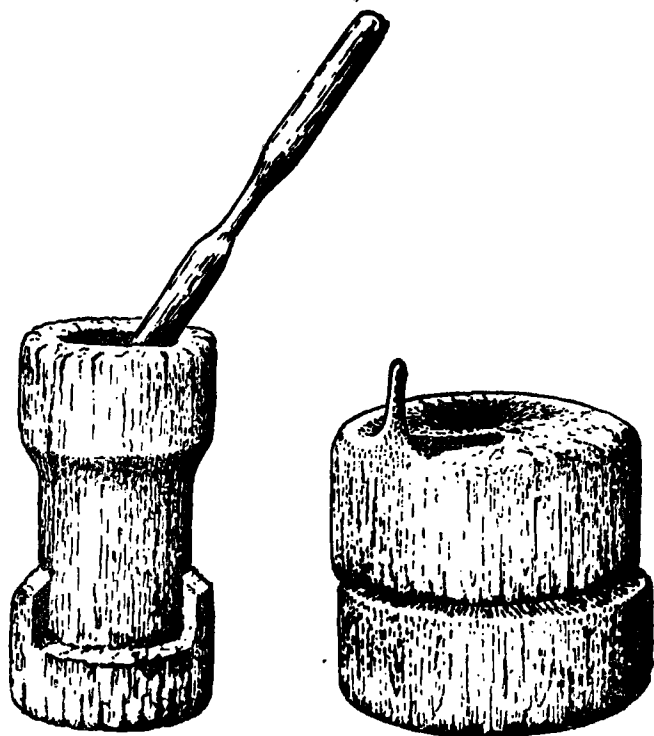
Распространение земледелия в юго-восточном Зауралье привело к возникновению определенных земледельческих обрядов. Во время сева вся семья была в поле. Дети старики угощали вареными яйцами, за что они должны были несколько раз сказать: «*Ямгыр ашлык үр, илгә бир, иң күбеген безгә бир*»*. Когда дети лакомились, женщины вспло-голоса молились: «*Эй, алла, безгә ашлык бөртөктәре ошо балалар ашаған күкәйзәр һымак эре булып үрһендәр инде*»**.

У юго-восточных башкир, как и у многих народов, был распространен обряд вызывания дождя — *теләк теләү*. Во время сильной засухи в назначенный стариками день вся деревня выходила к речке. Устраивалось ритуальное угощение (обычно резалась одна корова). Все, кроме детей, читали молитву (*намаз*), в которой просили всевышнего ниспослать дождь. Был известен также обряд остановки дождя. К речке или на ближайшую горку выходили только старики деревни. Никакого ритуального угощения не было. Они читали отрывки из корана, сопровождая чтение молитвами, в которых просили аллаха остановить дождь ради детей, ради народа. В этих обычаях нетрудно усмотреть переплетение мусульманских обрядов с какими-то более древними, видимо, языческими пережитками.

Размол зерна производили в юго-восточном Зауралье в ручных жерновах (*хул тирмәне*) (рис. 2, 2). Видимо, в конце XVIII и начале XIX в. сюда начинают проникать водяные мельницы. Их строили русские мастера. Со временем башкиры сами стали сооружать такие мельницы. В дер. Наурузово Учалинского района БАССР недалеко от р. Яика еще в начале XIX в. была водяная мельница. Она была сооружена местным мастером Султаном, имя которого и сейчас помнят не только в Учалинском, но и в других районах Башкирии. В изгибе р. Яика был прорыт канал длиной 250 м, шириной 2—2,5 м и высотой 2,8 м. Мельница была установлена на этом канале. Материалы для ее сооружения башкиры привезли с Урала на лошадях. Жернова были сделаны из природного уральского камня. Мельница действовала по следующему принципу: вода, поступавшая по каналу, крутила колесо с лопастями, насаженное на горизонтальный вал, который, в свою очередь, был соединен зубчатой передачей с вертикальной осью жерновов. Поступление воды регулировалось

* «Дождик — лей, хлеб — расти, обогати родину, самый богатый урожай отдай нам».

** «О, боже! Пусть зерна вырастут такими же, как яйца, которые едят дети».

1

2

Р и с. 2.

1 — стула с толкушкой (*кале һәм калештә*). Дер. Абишево, Хайбуллинский р-н БАССР; 2 — ручная мельница (*кул тирише*). Дер. Ягузино, Учалынский р-н БАССР.

перегородкой из досок, поставленной у реки. Если нужно было пустить в ход мельницу то перегородка открывалась, если остановить — закрывалась.

В конце XIX в. водяная мельница была построена мастером Альмухаметом на р. Кусабе (правый приток р. Сакмара), недалеко от дер. Чингизово Баймакского района БАССР. По сообщению 73-летнего информатора Юлдашбаева Мирзагаляе Гибатовича из с. Акъяр Хайбуллинского района БАССР, на р. Таналык было много водяных мельниц, но все были сооружены русскими мастерами.

Материалы о земледелии и сельскохозяйственных орудиях юго-восточных башкир показывают, что земледельческое хозяйство в этих районах мало отличалось от русского. Это свидетельствует о том, что прогрессивные формы хозяйства среди башкирского населения развивались под влиянием русского крестьянства.

Р. Г. КУЗЕЕВ

ЧИСЛЕННОСТЬ БАШКИР И НЕКОТОРЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БАШКИРИИ В XVI—XX вв.

Состояние изучения. Историческая и историко-этнографическая литература по башкирам, опубликованная во второй половине XIX—начале XX вв., насчитывает сотни названий. Однако даже в крупных исследованиях¹ нет точных обобщенных сведений о численности башкирского населения с момента присоединения Башкирии к России (вторая половина XVI в.) и до XX столетия. В отдельных работах содержатся правильные сведения о количестве башкир в те или иные конкретно рассматриваемые годы, однако не согласуясь, а чаще находясь в противоречии с данными других лет, они не дают возможности представить динамику численности башкирского населения за сколько-нибудь длительный период. Плохая репрезентативность статистических источников XVII—XVIII вв., некритический подход исследователей к оценкам количества башкир в XIX в. вызвали к жизни различные, нередко противоположные схемы, претендующие на объективный показ движения численности башкирского населения в XVI—XIX вв. В конце XIX—начале XX вв. в научной и особенно в публицистической литературе широко распространилось мнение о постепенном уменьшении численности башкир. Отчетливо выразили это мнение С. Мирасов и Х. Габитов². По С. Мирасову, в XIII—XV вв. башкиры насчитывали 7 млн. человек, в момент присоединения к Русскому государству — 3 млн., в 1735 г. — около 2,8, в 1744 г. — 2, в 1815—1817 гг. — 2,1, в 1850 г. — более 1,5 млн. человек³. В соответствии с этой схемой за 4—5 столетий имело место, следовательно, более чем четырехкратное уменьшение численности башкир.

В «Очерках по истории Башкирской АССР», в наиболее полной обобщающей работе по дореволюционной истории Башкирии, динамика численности башкир в XVII—XIX вв. выглядит иначе: в середине XVII в. было 50—60 тыс. башкир; в последней четверти

¹ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887; В. В. Витевский и Н. Н. Неплюев. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. 1—5. Казань, 1889—1897; Н. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1813; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859; Н. Филоненко. Башкиры. Оренбург, 1916.

² С. Мирасов. Башкортларның йән хисабы. — «Башкорт аймагы», 1925, № 1, 62—63 бит;

³ С. М. Мирасов. Указ. соч., стр. 63.

XVIII в.—110—140 тыс.; в 1800 г.—около 150 тыс.; в 1851 г.—497,6 тыс.; в 1858 г.—544,8 тыс., в 1897 г.—1311 тыс.⁴. Авторы «Очерков», в принципе правильно определив возрастающую динамику численности башкир, не подвергли тщательному критическому анализу статистические данные разных лет. Как увидим ниже, рост населения с середины XVII до конца XIX в. более чем в 20 раз в условиях Башкирии не мог иметь места. Несмотря на слабую аргументированность, предложенная «Очерками» схема считается в настоящее время общепринятой и повторяется целиком или в какой-то части другими изданиями⁵.

Таким образом, вопрос о численности башкирского населения в XVI—XX вв. в исторической литературе остается неясным. Многочисленные противоречивые цифровые данные и выкладки, резкие расхождения в статистическом материале разных лет сильно усложнили работу исследователя, пытающегося разобраться в обилии цифр и наметить хотя бы контурно общее решение вопроса.

Ошибки в определении численности башкирского населения в XVI—XIX вв. не могут не влиять на оценку тех или иных исторических событий и явлений. Люди, в соответствии с марксистско-ленинской концепцией исторического процесса, составляют необходимый и важный элемент производительных сил; без людей нет материального производства, следовательно, нет истории общества. Хотя рост или спад численности населения сам по себе не определяет ход и характер исторического процесса, но в конкретных условиях и на конкретной территории существенные сдвиги в количестве населения, изменения в его социальном или этническом составе и т. д. могут оказать то или иное воздействие на общественное развитие. В то же время здесь существует более тесное и более активное обратное воздействие: численность населения, ее динамика является результатом сложного процесса социально-экономического развития общества. Рост численности населения или ее убыль (естественное движение населения), миграции, их масштабы и темпы, а также в значительной степени этнические контакты, сопровождающиеся нередко «переливами» больших групп населения в иную этническую среду, являются следствием тех производственных отношений, которые сложились и развиваются в данном обществе. Только с учетом всех этих обстоятельств, которые в каждом отдельном случае и для каждого народа непременно будут специфичными, можно приступать к исследованию вопросов, связанных с демографией населения. «Условия размножения человека, — писал В. И. Ленин по этому поводу, — непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства⁶. Если иметь в виду это ленинское положение применительно к башкирскому обществу, можно быть уверенным, что невозможны сколько-нибудь точные анализы численности населения без учета развития и смен в Башкирии типов хозяйства и социально-экономических укладов, миграции из центральных районов России на Урал и Приуралье сотен тысяч людей разных национальностей и условий их земельного устройства на новых местах, разнообразных и активных этнических контактов башкир с пришлоим населением на протяжении более чем трех-четырёх столетий.

Отсутствие точных знаний о численности башкир мешает верно оценить некоторые события из прошлого Башкирии. В «Очерках», например, утверждается, «что к середине XVIII в. количество пришлого населения в Башкирии значительно превышало число башкир⁷. Этот вывод, однако, опирается на сильно преуменьшенную оценку численности башкир в середине XVIII в.; действительная цифра была в 2, 5—3 раза больше. В этом свете прежние представления о соотношении пришлого и коренного населения в середине XVIII в.

⁴ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 87, 255, 256, 257; т. 1, ч. 2. Уфа, 1959, стр. 9, 149.

⁵ «Очерки по истории СССР. XVII в.», М., 1955, стр. 796 и др.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 433 (изд. 4).

⁷ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 135.

существенным образом меняются, так же как соответственно нуждаются в уточнении наши знания о национальном составе и расселении населения края, о масштабах и направлении культурных контактов и т. д. Или другой пример: в «Очерках» численность башкирского населения в 1730—1740 гг. определяется примерно в 60—70 тыс. человек; в то же время указывается, что в процессе подавления восстания 1735—1740 гг. было уничтожено 7000 башкирских дворов⁸. Если принять цитируемые в «Очерках» сведения В. А. Новикова о том, что в 1739 г. башкир насчитывалось 7192 двора, или данные В. Н. Татищева, согласно которым в результате подавления восстания было казнено, изгнано, отправлено на каторгу около 60 тыс. башкир⁹, то пришлось бы прийти к выводу о полном уничтожении башкирского населения.

Существенные искажения в численности башкирского населения не могут в конечном счете не влиять на точность и правильность анализа сословно-классового состава народа, масштабов участия разных социальных слоев в политических движениях, т. е. коренных вопросов общественного развития.

К ряду этих же вопросов относится распространенный в литературе тезис о вымирании башкир до Октябрьской революции. Впервые этот вопрос возник в научной литературе в последней четверти XIX в., однако в трудах большинства историков и антропологов он был уже тогда поставлен не в той форме, которую приобрел впоследствии. Речь шла о постепенной утрате башкирами своих этнических особенностей, ассимиляции значительной части народа в татарской этнической среде¹⁰. Башкиры, — писал С. Сомье, — «это народ, предназначенный к исчезновению...» вследствие постоянного скрещивания с другими народами, прежде всего с различными этнографическими группами татар¹¹. Крупный ученый-антрополог второй половины XIX в. Н. М. Малиев писал об активном «примешивании» к башкирам многочисленных «посторонних элементов», в результате которого «тип народа утрачивает свои особенности»¹². Такая постановка вопроса об «исчезновении» народа была истолкована многими популяризаторами науки и некоторыми учеными как «вымирание», или «вырождение» башкир¹³. Широкому распространению этого мнения в литературе способствовали ужасающие картины нищеты и бедности башкирских крестьян, которые предстали перед демократически настроенными представителями русской интеллигенции, побывавшими в конце XIX в., в период интенсивного разграбления башкирских земель, в Оренбургской и Уфимской губерниях. Наиболее ярко эти настроения выразил выдающийся русский писатель, революционный демократ Глеб Успенский в своих замечательных очерках «От Оренбурга до Уфы»¹⁴.

Уже в конце XIX — начале XX вв. ряд исследователей, специально изучавших положение башкир с широким привлечением статистического материала, высказал сомнение в правильности тезиса о вымирании башкир¹⁵. Н. Л. Скалозубов, изыскания которого по экономическому положению башкир Красноуфимского уезда Пермской губернии отличаются тщательностью и обоснованностью, на большом цифровом материале показал, насколько

⁸ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 204.

⁹ В. А. Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879, стр. 203; В. Татищев. История Российская, т. 1. М., 1963, стр. 237.

¹⁰ Н. М. Малиев. Антропологический очерк башкир. — «Труды отделения этнографии Казанского университета», т. 5, вып. 5. Казань, 1876, стр. 6; С. Сомье. О башкирах. Екатеринбург, 1891, стр. 34; М. В. Флоринский. Башкирия и башкиры. — «Вестник Европы», кн. XII, 1874, стр. 729—730.

¹¹ С. Сомье. Указ. соч., стр. 34—35.

¹² Н. М. Малиев. Указ. соч., стр. 6.

¹³ Г. Уфальев. Башкиры, мешерики, тептари. — «Известия ИРГО», т. 13, вып. 2, 1877, стр. 118—119; Л. Сабанцев. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873, стр. 11.

¹⁴ Г. И. Успенский. От Оренбурга до Уфы. — «Башкирия в русской литературе», т. 2. Уфа, 1964, стр. 334—370.

¹⁵ Д. Н. Никольский. Башкиры. СПб., 1899, стр. 3—4; Н. Л. Скалозубов. Очерк экономического положения башкир Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893, стр. 24.

объективные данные второй половины XIX в. не вяжутся с широко распространившимся в литературе тезисом о «вымирании» башкир¹⁶. В те же годы или несколько позднее, в начале XX в., большинство крупных специалистов-антропологов и этнографов выступило против преувеличенного представления о масштабах и темпах ассимиляции башкир татарами! Как показал исторический опыт, этот процесс захватил главным образом северо-западную и западную Башкирию и протекал настолько специфично, что содержание и последствия этого процесса, по сути дела, еще далекого от завершения, требуют специального изучения со стороны языковедов, этнографов и социологов. К сожалению, такое изучение в настоящее время почти не проводится. За последнее десятилетие по этой теме опубликовано всего лишь несколько небольших работ и статей, которые к тому же в большей степени являются постановочными, нежели обстоятельным рассмотрением проблемы в целом¹⁷. Однако даже в этой весьма скромной литературе намечались различные точки зрения на историю этнического взаимодействия башкир и татар. Становится ясным, что внимательного и объективного изучения истории и современного состояния этнического и культурного взаимодействия башкирского и татарского населения требуют не только научные цели, но и практика сегодняшнего дня, связанная прежде всего с культурным строительством. Одним из многих в этой проблеме является аспект демографический; как увидим ниже, анализ имеющегося статистического материала вносит в наши прежние представления о масштабах, времени, темпах и глубине этнического взаимодействия башкир и татар некоторые новые моменты.

Возникшая на рубеже веков в научной литературе дискуссия о динамике численности башкир не прошла бесследно. Тяжелое экономическое положение трудящихся башкир в начале XX в., влияние на численность населения первой мировой и гражданской войн, и особенно голодных 1921—1922 гг., запутанность и противоречивость статистического учета способствовали возрождению и распространению тезиса о вымирании в прошлом башкирского народа. Впрочем, идея о «вымирании» в литературе о башкирах едва ли является новой или даже самостоятельной. Скорее всего, это — вариация более широкой идеи о вымирании «номадов» и «инородцев». Во второй половине XIX—начале XX вв. мысль о том, что «кочевая культура», «кочевой быт» являются «источником гибели и вымирания» казахов, киргизов и других скотоводческих народов, усиленно внедрялась в общественное сознание России царскими администраторами, землевладельцами, спекулянтами, расчитывавшими поживиться, как это случилось в Башкирии, на распродаже «лишних» земель перешедших к оседлости кочевников. Несмотря на то, что исследователями убедительно была доказана абсурдность идеи о «вымирании» кочевников¹⁸, она в том или ином виде продолжала жить в периодической печати. Особенную живучесть она проявила на башкирской почве; даже сейчас, несмотря на то, что за последние десятилетия новых публикаций, подтверждающих уменьшение башкирского населения в XVI—XX вв., не было, тезис о «вымирании» или «обреченности на вымирание» башкир до революции, по инерции очевидно, продолжает жить в научной литературе и особенно в публицистической печати.

Сказанное выше хорошо иллюстрирует мысль о том, что для правильного решения ряда крупных вопросов социально-экономической, политической и этнической истории башкирского народа существенное значение имеет установление возможно точной численности народа на разных исторических фазах его развития.

¹⁶ Н. Л. Скалозубов. Указ. соч., стр. 24—26.

¹⁷ Т. Г. Байшев. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955, стр. 24—41; Т. М. Гарипов. Об изучении разговорной речи западных башкир. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 47—51; А. Ю. Лдашев. К проблеме формирования башкирского национального языка. — «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 98—100; Р. Г. Кузеев. Как определить национальную принадлежность? (Об этнической принадлежности западных башкир). — «Советская Башкирия», 1959, 20 ноября, 26 ноября.

¹⁸ П. Погорельский, В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930, стр. 94—95, 124.

Источники (краткий обзор). В свете чрезвычайной противоречивости статистических данных по башкирам в разные периоды и годы, стало совершенно ясно, что даже тщательный анализ результатов только одной переписи не в состоянии дать правильное представление о численности башкир. Для получения объективных данных необходимо проследить динамику численности башкирского населения за длительный период, за 200—300 и более лет, положив в основу анализа демографические сведения, заслуживающие наибольшего доверия. Какими источниками для этого анализа мы владеем?

Наиболее важным источником по истории народонаселения Башкирии XVIII—первой половины XIX вв. являются материалы ревизий. Всего в России проведено десять ревизий (первая — в 1718—1727 гг., последняя — в 1856 г.). Все ревизии, кроме первой и второй, в той или иной мере охватили и башкир¹⁹. Однако богатейшие материалы ревизий пока очень слабо используются для исследования народонаселения Башкирии в XVIII—XIX вв. Изучение материалов ревизских учетов, хранящихся в архивах, практически еще не начато. Даже опубликованные в разное время данные ревизий, как правило, до сих пор остаются неиспользованными или используются без необходимого критического анализа. Замечательным образцом критического анализа материалов ревизий остается книга академика П. И. Кеппена, посвященная результатам девятой ревизии (1850 г.)²⁰. Она до настоящего времени является единственным исследованием, наиболее объективно, с критическим учетом всей совокупности социально-политической обстановки в Башкирии отражающим демографическую картину в середине XIX в. Обобщенные сведения о численности башкир по итогам восьмой ревизии (1833 г.) содержат другие исследования П. И. Кеппена²¹. Его выводы о численности башкирского населения в первой половине и середине XIX в., опирающиеся на материалы восьмой и девятой ревизий, дополненные и сверенные с данными военно-административного учета населения Оренбургской губернии, могут служить отправной основой для изучения и контроля демографических данных по Башкирии в предшествующий и последующий периоды.

В капитальном исследовании В. Э. Дена, посвященном анализу результатов пятой ревизии (1794—1795 гг.), рассматриваются все известные в то время источники по численности башкир в XVII—XVIII вв.²². Для нас особенную ценность имеют итоговые выкладки В. Э. Дена по численности башкирского населения в конце XVIII—начале XIX вв., в которых, кроме материалов пятой ревизии, он использовал данные из окладных книг 1797 и 1806 гг., а также другие (полученные административным путем) статистические данные²³.

С публикацией «Материалов по истории Башкирской АССР» в научный оборот вошли некоторые новые сведения о численности башкир в XVIII в. по результатам третьей (1761—1767 гг.), четвертой (1781—1782 гг.) и пятой ревизий²⁴. Некоторые материалы десятой ревизии (1856 г.), относящиеся к численности башкир, были опубликованы еще в конце прошлого века²⁵, а итоговые данные ее недавно обнаружены в Центральном

¹⁹ В. Н. Кабузан. Народонаселение в России в XVIII—первой половине XIX вв. М., 1962, стр. 51, 61, 67, 69, 72—73.

²⁰ П. И. Кеппен. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857, стр. 12, 37, 62—63, 97, 99—106, 115, 249.

²¹ П. И. Кеппен. О числе жителей в России в 1838 г. — «Журнал МВД», 1839, кн. IV, стр. 137—169; «Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена». СПб., 1852, стр. 4—5.

²² В. Э. Ден. Население России по пятой ревизии (подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVII века), т. 2, ч. 2. М., 1902, стр. 263—290.

²³ Там же, стр. 285—286.

²⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 4, ч. 2. (Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50—70 годы XVIII в.). М., 1956, стр. 11, 14; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5. М., 1960, стр. 6, 381, 680.

²⁵ «Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач», СПб., 1899, стр. 121.

государственном архиве БАССР²⁶. В Оренбургском архиве найдены сведения о численности башкир по материалам седьмой (1815—1817 гг.) ревизии²⁷. Таким образом, исследователи располагают сейчас данными о численности башкирского населения по материалам почти всех ревизий, в которых учет башкир производился. Исключение составляет лишь шестая (1811 г.) ревизия, однако остается пока неясным, были ли башкиры, числившиеся в то время в военном неподатном сословии, охвачены этой ревизией. Имеющиеся у нас материалы по всем (кроме шестой) ревизиям в одних случаях достаточно подробно разработаны (пятая и девятая), в других — представляют собой лишь суммарные данные. В совокупности они позволяют (при условии критического анализа) построить достаточно достоверную схему, показывающую динамику численности башкир в XVIII—первой половине XIX вв.

Для правильного использования материалов ревизий необходимо, однако, обязательно учитывать несколько обстоятельств. Как известно, главная, а во время первых ревизий и единственная, цель ревизских учетов состояла в переписи податных сословий Русского государства для упорядочения и регламентации налоговых поступлений в казну. Естественно, что башкиры, платившие в казну ясак, несшие военную службу и юридически относившиеся вплоть до второй половины XIX в. к неподатному населению²⁸, первыми двумя ревизиями вообще не были охвачены, а полнота и точность учета неподатных сословий в последующих нескольких ревизиях была далеко не всегда исчерпывающей²⁹. Представление «ревизских сказок» было возложено на башкирских старшин, которые давали сведения о количестве населения, как правило, в дворовом исчислении, что сильно затрудняло возможность правильного вычисления общего количества башкирского населения. Очень важно при этом, что старшины, главы семей, предводители родов и родоплеменных групп были заинтересованы в преуменьшении количества семей, так как башкиры платили ясак с земельных вотчин, а в пределах общины ясак распределяли по отдельным семьям. К тому же специфика хозяйственной жизни и социальной структуры башкирского общества в XVII—XVIII вв. вовсе не гарантировала одинаковое понимание башкирами и царской администрации терминов «двор», «семья». Впрочем, ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Начиная лишь с седьмой и особенно восьмой ревизий учет населения в Российской империи приобретает, в дополнение к главной фискальной цели, и некоторые общие статистические задачи. Восьмая и девятая ревизии, наряду с уже установившейся традицией тщательного учета податного населения, охватывают таким же учетом «для одного токмо счета» и население, относящееся к неподатным сословиям, в том числе башкир. Кроме того, по отношению к башкирскому населению данные этих ревизий заслуживают доверия еще и потому, что они были проведены в Башкирии в период сложившейся и довольно четко действующей кантонной системы, военно-административный управленческий аппарат которой обеспечивал сравнительно быстрое и точное представление статистических сведений³⁰. Немаловажно и другое обстоятельство: первая половина XIX в. в истории хозяйства башкир знаменовалась быстрым развитием и распространением земледелия, особенно в западных и северных районах. Развитие земледелия сопровождалось начавшимся с XVIII в. разделом пахотных и сенокосных общинных угодий между семьями по числу мужских душ. Это, безусловно, повышало заинтересованность башкирского населения (кроме некоторых юго-восточных районов, где разделы общинных земель не производи-

²⁶ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12025, л. 89. Отчет о состоянии башкирского войска (цитируется по: Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Новые сведения о численности башкир в XVIII—XIX вв. — Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ за 1965 год. Уфа, 1966, стр. 79).

²⁷ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 13923.17, лл. 5—18. (Цитируется по Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Указ. соч., стр. 79).

²⁸ Подробно социальную характеристику башкирского общества в XVIII—XIX вв. см. в «Очерках по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, гл. IV—V; ч. 2, гл. 1—III.

²⁹ В. Н. Кабузаян. Указ. соч., стр. 66—67, 72.

³⁰ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 33—42.

лись до второй половины XIX в.) в ревизском учете. Эту особенность последних ревизий отмечали некоторые ученые и в XIX в. «Так как отграничение земель, — писал о башкирах Н. Л. Скалозубов, — требовало самого тщательного определения числа ревизских душ, то сведения о них в актах можно вполне довериться»³¹.

Таким образом, если восьмая — десятая ревизии содержат, на наш взгляд, достаточно полные и точные данные о численности башкирского населения в первой половине и середине XIX в., то данные предшествующих ревизий требуют корректировки с привлечением дополнительного материала.

Вторую группу источников образуют материалы административных учетов, частных переписей и оценки численности населения царскими чиновниками. Сведения эти относятся главным образом к XVIII в.

До 30-х годов XVIII в. царская администрация не вмешивалась активно во внутреннюю жизнь башкирского общества, поэтому у нас почти нет данных о численности башкир до этого времени. Писцовые и переписные книги — основные источники по изучению численности населения России в XVII в. — в Башкирии не составлялись³². Не сохранилось также ясачных книг; до нас дошли лишь данные об ясачном окладе башкир в 1631—1632 гг., которые оказались включенными в один из документов XVIII в.³³ Кроме того, сохранились в передаче В. А. Новикова извлеченные им из разрядных книг сведения о количестве ясачных дворов башкир в XVII в. (1629 и 1635 гг.). Эти же сведения содержатся в работе В. Э. Дена³⁴. Конечно, данным о количестве дворов доверяться нельзя, и их совершенно недостаточно для расчета численности населения. Это было отмечено уже исследователями XIX в. Однако при условии критического анализа с учетом специфики социальной организации башкирского общества они могут быть использованы в нашей теме, особенно в сопоставлении с более поздними (и более точными) материалами.

Начиная с 30-х годов XVIII в., с организацией Оренбургской экспедиции и активизацией колониальной политики царизма в Башкирии, сведения о численности башкир (обычно в дворовом исчислении или в мужских душах) заметно увеличиваются. Наибольший интерес представляют материалы кунгурского бургомистра Юхнева (1726 г.), казанского губернатора А. П. Вольнского (1730 г.), начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кириллова (1737 г.), и одного из его преемников князя В. А. Урусова, который в 1739 г. начал, но из-за сопротивления башкир не смог закончить первый предпринятый администрацией учет численности башкирского населения³⁵. В последующем вплоть до конца XVIII в. Оренбургской канцелярией, а с 1781 г. — канцелярией вновь организованного Уфимского наместничества* периодически составлялись таблицы и рапорты о числен-

³¹ Н. Л. Скалозубов. Указ. соч., стр. 25.

³² «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 86.

³³ Там же, стр. 87.

³⁴ В. А. Новиков. Указ. соч., стр. 203—204; В. Э. Ден. Указ. соч., стр. 276.

³⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3, № 546, стр. 483—487; ч. 1, № 134, стр. 302; т. 5, № 389, стр. 381; В. Н. Кабузан. Указ. соч., стр. 57; «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 87, 135, 151, 152, 255—256.

*В административном отношении башкиры с 1708 г. входили в Уфимскую провинцию, но главе которой стоял воевода, подчинявшийся последовательно казанскому губернатору (1708—1727 гг.), Сенату (1728—1731), вновь казанскому губернатору (1731—1737), Оренбургской комиссии (1737—1744). С 1744 по 1781 г. Уфимская провинция входит в состав образованной тогда Оренбургской губернии. В 1744 г. в Оренбургскую губернию вливается и Исетская провинция (Зауральская Башкирия), до этого являвшаяся частью Сибирской губернии. В 1781 г. создается Уфимское наместничество в составе двух областей: Уфимской и Оренбургской, которое существует до 1796 г. С конца XVIII в. до 1851 г. вся Башкирия снова входит во вновь созданную Оренбургскую губернию. В 1865 г. в результате административной реформы Оренбургская губерния делится на две самостоятельные губернии: Уфимскую и Оренбургскую. Часть башкир остается также на территории Пермской, Самарской и Саратовской губерний. Эта административная структура сохранялась до 1919 г., когда был подписан декрет об образовании БАССР, сначала в границах Малой Башкирии. С 1926 г. устанавливаются современные границы республики. Все цифровые данные в статье представлены по возможности с учетом упомянутых административно-территориальных изменений в Башкирии.

ности и движения населения (в т. ч. башкирского) в крае. Часть этих материалов опубликована в упомянутом выше сборнике В. А. Новикова и некоторых монографиях³¹.

К источникам этой группы примыкают сведения о численности башкир, содержащиеся в исторических сочинениях В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, которые, будучи деятельными участниками Оренбургской экспедиции, очевидно, имели доступ к наиболее проверенным по тем временам материалам³². Интересные цифровые данные о численности «инородцев» в Уфимской провинции в первой половине XVIII в. содержатся в известной монографии В. Н. Витевского³³.

Третью группу образуют источники по численности башкир со второй половины XIX и до середины XX в. Основными из них, естественно, являются материалы переписей 1897, 1920, 1926, 1939 и 1959 гг.³⁴. Вспомогательную роль могут играть результаты подворной переписи крестьянских хозяйств в Уфимской губернии в 1912—1913 гг. и перепись 1917 г. в Оренбургской губернии³⁵. Однако если методика проведения и достоверность результатов переписей, проведенных в 1926, 1939 и 1959 гг., в общем не вызывают сомнений, этого нельзя сказать (в той части, в которой это касается численности башкирского населения) о переписи 1920 и особенно 1897 гг. Поэтому существенное значение имеют для нашей цели статистические издания второй половины XIX и начала XX вв.³⁶, а также немногочисленные исследования, так или иначе затрагивающие вопрос о численности башкир³⁷. Обилие статистических изданий второй половины XIX и начала XX вв., периодические публикации Уфимского губернского статистического комитета делают возможным путем сопоставления различных источников сравнительно легко получить относительно точные сведения по численности башкирского населения во второй половине XIX в. и на рубеже веков.

Таковы кратко те основные источники, которыми располагает исследователь, приступая к анализу численности башкир на протяжении нескольких столетий.

* * *

О численности башкир в XVI—XVII вв. Наиболее трудная задача — установление численности башкирского населения в XVI—XVII вв. Любая попытка при нынешнем состоянии источников не будет выходить за пределы г и п о т е з ы. Но в качестве основы для дальнейшей работы даже такой уровень решения задачи был бы, на наш взгляд, полезным.

³⁰ В. А. Новиков. Указ. соч., стр. 203—204 и др.; П. А. Фирсов. Положение инородцев в Московском государстве. — «Ученые записки Казанского университета», 1886, вып. 3, стр. 262.

³¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., стр. 237, 422; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 92.

³² В. Н. Витевский. Указ. соч., т. 3. Казань, 1897, стр. 395.

³³ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.». М., 1904, т. 14 (Уфимская губерния); т. 28 (Оренбургская губерния); т. 14 (Перская губерния); т. 38 (Саратовская губерния); т. 36 (Самарская губерния); «Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской и Азиатской России». — «Труды ЦСУ», т. 1, вып. 2. М., 1921, стр. 9, 14, 15; ЦСУ БАССР. Отдел демографический. Итоговые таблицы Всероссийской переписи населения 1920 г. по кантонам Башкирской АССР; ЦГА БАССР, ф. Р—473, оп. 1. Поволостные таблицы итогов переписи 1920 г.; «Всесоюзная перепись населения 1926 г. Башкирская АССР», отд. 1. М., 1928, стр. 312—323, 334; «Данные Всесоюзной переписи населения 1939 г.». Уфа, 1941 (ротанпринт); «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР» (сводный том). М., 1962, стр. 184; РСФСР. М., 1963, стр. 300, 308, 328.

³⁴ «Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг.». Уфа, 1914, стр. 254—255; С. А. Фиельструп. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926, стр. 36.

³⁵ «Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная его численность в 1878 г.». Издание Уфимского губернского статистического комитета, 1880; «Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 г.». Уфа, 1896; «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 7, ч. 1. Уфа, 1901, стр. 162 и др.

³⁶ Д. П. Никольский. Указ. соч., стр. 21—22; Н. Л. Скалозубов. Указ. соч., стр. 24—25; Г. Уйфальев. Указ. соч., стр. 119; Н. Ф. Катигов. Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 г. по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии. Казань 1898, стр. 11—12; М. П. Исаев и др. Башкиры. М., 1928, стр. 6—7; Х. Я. Тахаев. Башкирия (экономико-географическая характеристика). М., 1950, стр. 112 и др.

О количестве башкир в XVII в. имеется три свидетельства: в рапортах Уфимского воеводы в приказ Казанского дворца значатся в 1629 г. 888 дворов башкир, а в 1635—2217 дворов⁴³; в ясачные книги 1631—1632 гг. было включено 6188 башкир — основных плательщиков ясака⁴⁴. Цифры по дворовому исчислению в данном случае не могут служить даже основой для каких-либо построений: если, например, на двор положить в среднем по 7 душ, получилось бы, что в 1629 г. башкир насчитывалось 6216 человек, т. е. почти столько же, сколько в 1632 г. было основных плательщиков ясака, что совершенно невероятно. Иное дело цифра 6188; она связана с поступлением ясака в казну, т. е. с фискальной политикой правительства, и, безусловно, должна отражать в какой-то форме численность всего башкирского населения (к этому моменту зауральская и сибирская Башкирия также окончательно вошли в состав России).

Известно, что 6188 человек, отвечавших за сбор ясака с башкир, вносили в казну разное количество куниц: от 10 до 300—350. Совершенно ясно, что они представляли разные по количеству группы людей. Высказанное в «Очерках» мнение, что это были главным образом старшины, «отвечающие за сбор ясака с подвластных им башкир»⁴⁵, или иначе говоря — с родоплеменных волостей, несостоятельно: таких родов (аймаков или тюб), на основе которых образовывались административные волости в первой половине XVIII в., было⁴⁶ не более 150, а в XVII в. их должно было быть еще меньше, так как родовые организации имели тенденцию к сегментации. Думать, что это были главы семей⁴⁷, также неоснований, хотя бы потому, что трудно предположить существование семьи, способной платить ясак в 300—350 куниц. Это тем более очевидно, что башкиры относятся к народам, у которых большие семьи не были широко распространенным институтом ни в далеком, ни в недавнем прошлом. Правильный ответ на вопрос возможен лишь с учетом особенностей общественной организации башкир в XVI—XVII вв., в частности специфичной для башкир трехступенчатой родоплеменной структуры (племя — род — родовое подразделение)⁴⁸. В XVI—XVII вв. развитие феодальных производственных отношений разрушило или отодвинуло (особенно в западной Башкирии) на второй план хозяйственную и социальную функцию башкирского рода. Присоединение к России ускорило этот процесс: образование на базе родов и племен административных волостей лишь подчеркивало постепенную утрату родоплеменными организациями их прежнего социально-экономического содержания. Однако патриархально-родовой уклад проявил большую жизнеспособность, и основным его институтом в общественной жизни башкир было родовое подразделение. Родовое подразделение объединяло в среднем от 5 до 20 родственных семей; редко количество семей в родовых подразделениях доходило до 30—40. Одно подразделение обычно составляло один небольшой аул. В хозяйственном отношении родовые подразделения представляли обычно пастбищно-кочевую группу с совместным выпасом скота, с традициями взаимопомощи, коллективной охоты и т. д.⁴⁹. С присоединением к Русскому государству родовые подразделения, как наиболее жизнеспособные хозяйственные объединения, и стали той основной общественной ячейкой, с которой в соотвествии с ее размерами и эксплуатируемой ею территорией обычно взимался ясак. 6188 основных плательщиков ясака, внесенных в ясачные книги, были, очевидно, представителями (или главами) этих коллективов. Не исключена

⁴³ В. А. Новиков. Указ. соч., стр. 203.

⁴⁴ ЦГАДА. Дела Правительствующего сената по Соляной конторе, кн. 368/2851, л.л. 371 об.—372 (цитируется по «Очеркам по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 87).

⁴⁵ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 87, 100.

⁴⁶ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 80—96.

⁴⁷ Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М., 1950, стр. 4—5.

⁴⁸ Подробно о специфике родоплеменной структуры башкир см.: Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, стр. 26—32; Р. Кузеев, Н. Бикбулатов, С. Шитов. Зауральские башкиры. Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1959, стр. 175—177.

⁴⁹ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 91—122, 164—177.

также возможность, что в восточной Башкирии, где родовые традиции в XVII в. были еще весьма сильны, ответственные за уплату ясака лица выделялись большими родовыми коллективами (которые вносили в казну 300 и более кунн), и паоборот, в земледельческих районах северо-запада отдельные семьи или небольшие семейно-родственные группы выступали самостоятельной хозяйственной ячейкой и платили в казну по несколько кунн ясака. Учитывая все эти обстоятельства, можно допустить, что в среднем за каждым основным плательщиком ясака стояло родовое подразделение, состоящее из 5—10 семей, или примерно 40 душ обоого пола. Следовательно, в 1630—1631 гг. общее количество башкирского населения составляло примерно 250 тыс. (40 × 6188) человек. Точность и аргументированность такого расчета, конечно, трудно отстаивать, однако, кажется, это пока единственно возможный путь анализа. К тому же правильность полученной цифры, как увидим ниже, подтверждается более поздними (XVIII в.) данными.

Численность башкирского населения в середине XVI в., в момент присоединения к Русскому государству, не поддается определению. Однако попытаемся все же на основе некоторых исторических параллелей и сопоставлений предложить для дальнейшего обсуждения свою оценку количества башкир в указанный период. Известно, и это отмечали многие исследователи, что при кочевом скотоводческом хозяйстве с круглогодичным пребыванием скота на подножном корму на той или иной территории может содержаться определенное количество скота, что, естественно, лимитирует и численность населения⁵⁰. Увеличение населения требовало роста количества скота, а это, в свою очередь, было невозможно без расширения пастбищ. Эта основная проблема хозяйственной жизни кочевников решалась путем завоеваний новых пастбищ или путем перекочевок избыточного населения на другие, относительно свободные территории. Таким образом, площадь пастбищ, количество скота и численность населения являются в кочевых обществах взаимозависимыми величинами. Расчеты, наблюдения и исторические сведения показали, например, что в Восточном При Тяньшанье и на Тянь-Шане, т. е. на территории примерно в полтора-два раза большей современной Киргизской ССР, могло в среднем проживать не более 300—350 тысяч кочевников-скотоводов. Как в XV, так и в начале XIX в. численность населения на этой территории (при сохранении кочевого скотоводства) оставалась примерно на одном уровне⁵¹.

Исходя из этих предпосылок и определив размеры занимаемой башкирами территории, можно рассчитать сугубо приближенную их численность в середине XVI в. Однако здесь, кроме природно-хозяйственных условий, надо учитывать и ряд моментов политической и этнической истории той эпохи. Южный Урал и Приуралье в XIV—XVI вв. были не для всех скотоводов замкнутым хозяйственным районом: для части кочевников прохладные долины гор и предгорий были, главным образом, местами летовок; суровые зимы и глубокие снега заставляли на зимний период отгонять стада далеко на юг, в Волжско-Яицкие степи, а иногда до Прикаспийской низменности. На всей этой огромной территории в XV—XVI вв. жили преимущественно ногайцы и башкиры. Несмотря на то, что основные территории обитания ногайцев и башкир были в общем-то различные, однако, как отмечают шежере, в степях южной и юго-восточной Башкирии, на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, на правобережье Белой, в долинах рек Яик, Сакмара и другие, они кочевали смежно, практически сообщая (особенно в летний период) эксплуатируя эти территории⁵². Ногайцы в период возвышения Ногайской орды занимали на этих просторах лучшие пастбища, оттеснив башкир на менее удобные земли, или в горы, в леса и далее на север⁵³. Англичанин Антоний Дженкинсон, совершивший в 1558 г. путешествие по Волге, от-

⁵⁰ П. Погорельский, В. Батраков. Указ. соч., стр. 106—107; К. И. Петров. Киргизо-кыпчакские отношения (к вопросу о переселении и этногенезе киргизов). — Известия АН Кир. ССР, серия общественных наук, т. 3, вып. 2. Фрунзе, 1961, стр. 89—90.

⁵¹ К. И. Петров. Указ. соч., стр. 90.

⁵² «Башкирские шежере». Уфа, 1960, стр. 31—32, 43, 52—53, 95, 108.

⁵³ А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960, стр. 40—41

мечает, что территория «по левую сторону Волги от Камы до Астрахани» «...носит название страны мангат или ногаев»⁵⁴. Таким образом, анализируя численность башкир в XV—XVI вв., надо иметь в виду, что на значительной части территории башкиры кочевали совместно или смежно с ногайцами.

В источниках и исследованиях последних лет, хотя и изредка, но все же можно встретить косвенные данные о численности населения Золотой Орды, а с XV в. — Ногайского ханства, в состав которых входила основная часть территории Башкирии. Это прежде всего сведения о численности войск того или иного хана. Сведения о размерах войска и военных потерях не относятся к числу надежных; средневековые хроникеры в стремлении возвысить могущество того или иного ханства нередко преувеличивали количество воинов в войске или число погибших в битве. Однако это обстоятельство, предостерегая от некритического использования этих сведений, не должно быть причиной отказа от попыток их анализа в свете нашей темы. При отсутствии других источников, данные о числе воинов все же могут служить основой для воссоздания демографической ситуации той эпохи; даже преувеличенные цифры о военной мощи средневековых ханств, хотя и несколько искаженно, но все же отражают, как нам кажется, историческую действительность.

Во время правления хана Узбека (первая половина XIV в.) Золотоордынское государство могло выставить войско численностью до 300 тыс. человек⁵⁵. Не очень расходятся по средневековым масштабам с этой цифрой сведения о численности войск золотоордынского хана Тохтамыша в период его борьбы со среднеазиатским эмиром Тимуром. На р. Кундурча (приток р. Сок в Куйбышевской области), где 18 июня 1391 г. произошло решительное сражение, войска Тохтамыша и Тимура насчитывали примерно по 200 тыс. человек⁵⁶. Только в войсках Тохтамыша число погибших в этой битве составило якобы около 100 тыс. человек⁵⁷. В XV—XVI вв. степи Дешт-и-Кипчака по-прежнему оставались довольно многолюдными. В первой половине XVI в. правители Ногайской орды считали, что они могут собрать войско, состоящее из 200—300 тыс. всадников⁵⁸. Приведенные цифры прямого отношения к определению численности башкир в эпоху средневековья, казалось бы, не имеют, но они помогают нам сложить хотя бы приближенное представление о населении Золотоордынского государства в XIV—XV вв. и Ногайского ханства в XV—XVI вв. А это, в свою очередь, позволяет составить в какой-то степени обоснованное мнение о плотности населения Башкирии.

В кочевом обществе воинами являлись практически почти все взрослые мужчины. Во времена больших войн и крупных сражений войско кочевников могло составлять примерно четвертую часть народа (если исключить женщин — около 50 %, мальчиков до 15—16 лет и стариков — около 20 %, мужчин, оставшихся для поддержания скотоводческого хозяйства — около 5 %). Таким образом, приблизительная численность всего населения Ногайской Орды в первой половине XVI в. определяется в 800—1200 тыс. человек. Судя по размерам военных сил Узбека и Тохтамыша, многолюдность Ногайской Орды восходит еще к золотоордынскому времени. Башкирия, точнее ее центральные и южные области, представляла собой лишь часть территории Ногайского ханства, простиравшегося от Волги на западе до Иртыша — на востоке и от Тобола — на севере до Каспийского моря — на юге. Установить численность населения отдельных областей Ногайского ханства невозможно, но, как показывают источники, районом, наиболее плотно заселенным

⁵⁴ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Л., 1937, стр. 169—170, 171 (разрядка наша — Р. К.).

⁵⁵ М. Г. Сафаргалев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 71.

⁵⁶ Там же, стр. 153.

⁵⁷ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 171.

⁵⁸ Г. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках (черки из истории края его колонизации). М., 1877, стр. 136; Н. А. Усманов. Указ. соч., стр. 41.

ногайцами и подвластными им племенами, было Волго-Яицкое междуречье от Среднего Урала и низовьев рек Белой и Камы на севере до Прикаспия — на юге. Об этом свидетельствует, например, описание упомянутым выше Антонием Дженкинсоном междоусобной борьбы ногайцев, «сопровождавшейся голодом, чумою и всякими моровыми поветриями», в результате которых в 1558 г. «погибло свыше 100 000 человек из этого народа»⁵⁹. Маршрут путешествия Дженкинсона не оставляет сомнений в том, что речь идет о кочевниках, обитавших в Приволжских степях⁶⁰. Многолюдными также были ногайские родоплеменные группы на башкирских землях. Башкирские шежере, сохранившие наиболее достоверные сведения именно об этом периоде истории Башкирии, этноним «ногай» (*нугай*), как правило, сопровождают эпитетом «бесчисленные» (*сансыз нугай*)⁶¹.

Итак, в XV—XVI вв. общая численность ногайцев и подвластных им народов составляла многие сотни тысяч человек, т. е. плотность населенности кочевого государства на восточных окраинах возвышающегося Русского государства была по тем временам довольно внушительной. Однако к середине XVI в. историческая судьба ногайцев круто изменилась. Оставшиеся после жестокой междоусобицы, небывалого голода, чумы, а также борьбы с Русским государством ногайцы рассеялись: частью переселились в Крым или ушли в Закавказье, частью осели на Северном Кавказе или, особенно, в восточных землях ханства и влились в состав формирующихся там народностей.

Ногайские родоплеменные группы, кочевавшие в Башкирии, после падения в 1552 г. Казани покинули прежние места кочевок и, увлекая за собой часть башкир, переселились в низовья Волги и на Северный Кавказ⁶². Однако ушли далеко не все ногайцы; многие из них остались на Южном Урале и в Приуралье и явились одним из существенных компонентов на завершающих стадиях башкирского этногенеза. В исторической литературе сложилось не совсем точное представление о взаимоотношениях башкир и ногайцев, якобы враждебных на всем протяжении пребывания последних в Башкирии. В истории ногайцев и башкир, особенно в середине XVI в., накануне присоединения Башкирии к Русскому государству, действительно было много жестоких столкновений. Собственно присоединение многих башкирских племен к России было следствием этой борьбы⁶³. Однако источники, главным образом этнографические, заставляют обратить внимание и на другое: длительное пребывание на одной территории, близость языка, активное взаимодействие на базе родственной кочевой культуры способствовали сближению и этническому взаимодействию башкир и ногайцев. Более того, в XV в. процесс формирования башкирской народности еще не завершился. О башкирах, как о вполне сложившемся народе, можно говорить не ранее, чем с середины XVI в., когда башкирские племена в сложной политической обстановке приняли русское подданство, впервые после нескольких столетий политической раздробленности объединив свои земли в составе Русского государства. В XV в., хотя и существовали башкирское и ногайское племенные объединения с уже определенными этническими признаками, но взаимопроникновение ногайцев и башкир было чрезвычайно активным. Этот процесс продолжался и в дальнейшем. Поэтому в середине XVI в., когда ногайские ханы решили навсегда оставить Башкирию и откочевать на юг, многие ногайские роды не только не последовали за своими соплеменниками, но очень скоро стали называться «иштяками», т. е. башкирами (... *иштэк аталдылар*)⁶⁴. Этническим смешением с ногайцами, очевидно, надо объяснять распространенный в прошлом среди среднеазиатских народов обычай называть башкир и казанских татар «ногайцами»⁶⁵. Особенно активную роль

⁵⁹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 169.

⁶⁰ Там же, стр. 169—173.

⁶¹ «Башкирские шежере», стр. 29, 33 и др.

⁶² Там же, стр. 36, 43, 51, 52.

⁶³ А. Н. Усманов. Указ. соч., стр. 40—49, 95—112.

⁶⁴ «Башкирские шежере», стр. 70; Подробно о значении этнонима *иштэк* см. в статье «К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э.» в настоящей книге.

⁶⁵ В. А. Новиков. Указ. соч., стр. 7; С. Сомьяев. Указ. соч., стр. 34.

сыграли ногайцы в этническом оформлении южных, юго-восточных и юго-западных башкир: из 11 родов племени мин по меньшей мере 3 — ногайского происхождения⁶⁶; роды «ногай» входят в состав племен бурзян и юрматы, а родовые подразделения «ногай» — в состав почти любого рода южной и центральной Башкирии⁶⁷.

Как эти процессы отразились на численности башкир? Башкиры, конечно, уступали ногайцам в численности; однако, если судить по тому, что в середине XVI в. они в жестокой схватке сумели противостоятъ им⁶⁸, а позднее, после присоединения к России, быстро ассимилировали оставшиеся в Башкирии ногайские родоплеменные группы, — можно думать, что они также были сравнительно многочисленным народом и превосходили численно ту часть ногайцев, которая в XVI в. кочевала на территории Башкирии. Важно подчеркнуть: с момента присоединения Башкирии к Русскому государству оставшихся здесь ногайцев надо считать в составе башкир, хотя, конечно, окончательное их растворение в башкирской этнокультурной среде завершилось позднее.

Таким образом, оценивая численность башкир в середине XVI в., надо исходить из следующих моментов: башкиры обитали на обширной территории площадью примерно 200—250 тыс. кв. км (учитывая области Башкирии, входившие в состав Казанского и Сибирского ханства); значительную часть этой территории, наиболее удобную для ведения кочевого скотоводства, башкиры на протяжении многих десятилетий эксплуатировали сообща с ногайцами; многие родоплеменные группы ногайцев в середине XVI в., навсегда оставшись на Южном Урале и в Приуралье, влились в состав башкирской народности. Конечно, даже совокупность всех этих фактов и наблюдений не дает возможности точно определить численность башкир в середине XVI в., однако они (наряду с изложенными выше соображениями об общей численности населения Ногайской орды) позволяют установить примерный диапазон, в пределах которого эти цифровые определения могут колебаться. Дохода основной части ногайцев на юг и Северный Кавказ на этой территории кочевало около 250—350 тыс. человек, т. е. примерно 1—1,5 человека на 1 кв. км, что соответствует той плотности расселения, которую отмечают исследователи относительно других кочевых и охотничьих народов⁶⁹. Эта оценка не противоречит и приведенной выше общей численности населения Ногайской орды в XVI в. После откочевки ногайцев, вследствие голода, чумы и междоусобиц население в этом районе могло сократиться, как показывают аналогичные события в истории других народов, примерно на 25—30 %⁷⁰. Следовательно, в момент присоединения к России башкир вместе с оставшейся частью ногайцев насчитывалось около 180—240 тыс. человек. Эту цифру можно сопоставить с приведенной выше оценкой численности башкир в 1631—1632 гг. Такой ретроспективный прием служит дополнительным аргументом в пользу правильности нашей оценки. За 70—80 лет после присоединения к России численность башкир возросла на сравнительно небольшую цифру. В то же время связанная с присоединением к России относительная стабилизация политической обстановки в Поволжье способствовала окончательной консолидации башкирского народа и примкнувших к нему этнических групп на сравнительно компактной территории.

* * *

Численность башкир в XVIII в. XVIII век характеризуется активизацией колониальной политики царизма на востоке, в частности, в Башкирии. Осуществление этой политики требовало более полных и точных знаний о хозяйстве, социальных институтах и численности окраинных народов России. Поэтому начиная с 20-х и особенно 30-х годов XVIII в. количество сведений о численности башкир заметно возрастает. Одна-

⁶⁶ «Башкирские шежере», стр. 59, 191, 223—224.

⁶⁷ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 49, 51, 57.

⁶⁸ «Башкирские шежере», стр. 78—79; Н. А. Усманов. Указ. соч., стр. 95—104.

⁶⁹ Ф. Д. Маркузон. Население мира от начала н. э. до середины XX в. — «Вопросы экономики, планирования и статистики». М., 1957, стр. 390; К. И. Петров. Указ. соч., стр. 90.

⁷⁰ Ф. Д. Маркузон. Указ. соч., стр. 390.

ко сведения эти очень разноречивы. Отсюда тот разницей в определении численности башкир в XVIII в., который имеет место в научных трудах разных исследователей: беря в основу разные источники, они, естественно, приходили к разным итогам.

При определении численности башкирского населения в XVIII в. обычно ссылаются на следующие сведения:

Казанский губернатор А. П. Волынский в записке, представленной в 1730 г. в Сенат, писал, что в начале XVIII в. «прямых башкирцев» было не больше 35—40 тыс. человек, а в 1730 г. вместе «с беглецами стало больше 100 000»⁷¹. В 1737 г. начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов определил численность башкир в 40 тыс. человек⁷². Он, видимо, заимствовал эти сведения из записки Волынского; если бы предпринял собственную попытку установить численность башкир, то абсолютного совпадения оценки, очевидно, не было бы. Кроме того, в 1737 г., когда Башкирия была охвачена восстанием, не было возможности провести сколько-нибудь точный учет населения. Лишь после подавления выступления башкир, когда в крае было восстановлено относительное спокойствие, царская администрация сочла возможным приступить к переписи населения. Однако по переписи 1739 г. населения в Башкирии оказалось лишь 84 655 душ обоего пола, в т. ч. башкир — около 20 тыс. человек⁷³. Правда, эта перепись не была завершена, а многие башкирские волости вообще не пустили к себе переписчиков. П. И. Рычков, опираясь на «сказки старшин», определил численность башкирского населения в 50-х годах XVIII в. в 106 176 душ обоего пола⁷⁴.

Во второй половине XVIII в. башкиры были учтены тремя ревизиями: III (1761—1767 гг.), IV (1781—1782 гг.) и V (1794—1795 гг.). По результатам III ревизии Оренбургской губернской канцелярией в 1767 г. был составлен «Генеральный табель...», в котором численность башкирского населения («башкирцов» и «тарханов») определена в 105 938 душ обоего пола⁷⁵. В 1782 г., по данным IV ревизии, башкир стало 137 407 человек⁷⁶. В «Ведомости...», составленной по результатам IV ревизии канцелярией Уфимского и Симбирского наместнического правления, имеются сведения о распределении башкир по округам. Эти данные (табл. 1) представляют интерес с точки зрения территориального

Таблица 1

Название округов	Кол-во башкир
Уфимский	15 205
Бирский	31 392
Белебеевский	14 790
Стерлитамакский	19 217
Бугульминский	3 035
Челябинский	16 953
Оренбургский	16 090
Верхнеуральский	20 625
Итого	137 407

⁷¹ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, № 134, стр. 302.

⁷² ЦГАДА, Дела Правительствующего Сената по Кабинету, кн. 87/1164, лл. 72—72об. (цитируется по «Очеркам по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 87).

⁷³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 87.

⁷⁴ П. И. Рычков о в. Топография Оренбургской губернии, стр. 92—93.

⁷⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 4, ч. 2, № 353, 354, стр. 9, 11, 14.

⁷⁶ Там же, т. 5, № 389, стр. 382; «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 256.

размещения башкирского населения в XVIII в.⁷⁷. По итогам V ревизии башкир, по оценке В. Э. Дена, было 88 500 муж. душ, или примерно 177 тыс. человек⁷⁸. Не очень сильно расходятся с этой оценкой и сведения, представленные в 1800 г. на основании данных V ревизии Оренбургским губернским правлением сенатором М. Г. Спиридонову и И. В. Лопухину, ревизовавшим Оренбургскую губернию: башкир вместе с мишарями было 100 255 душ мужского населения или 200 500 человек. За вычетом мишарей, которых в 1782 г. в Башкирии было 28 049 человек, а в 1800 г. — около 30—35 тыс., башкир остается 165—170 тыс. человек⁷⁹.

Если верить приведенным данным, численность башкир в течение XVIII в. возросла примерно от 40 до 170 тыс. человек, или на 325% за одно столетие. Такой рост, однако, в Башкирии XVIII в., охваченной восстаниями, сопровождающимися жестокими подавлениями и истреблением населения, не мог иметь места. Даже в относительно спокойные годы высокая рождаемость почти полностью перекрывалась высокой детской смертностью, гибелью населения во время периодически повторяющихся эпидемий, голода в годы джунта* и т. д. Естественный прирост повышался очень медленно, а в иные периоды (особенно в годы подавления восстаний или эпидемий) численность населения даже сокращалась. Для сравнения укажем, что население всей Европы и азиатской части СССР с 1650 по 1800 год, т. е. за полтора столетия, возросло лишь на 86,4%, а население всей зарубежной Азии — на 82,5%⁸⁰. Все это вызывает сомнения в точности приведенных цифр. Впрочем, неточность статистических сведений XVIII в. по башкирам отмечали еще современники. Неплюев, сообщая в Сенат в 1753 г. о том, что башкир вместе с мешерьяками 123 122 человека, огорчивался: «Но так или нет, на то документов иметь не можно»⁸¹.

В XVIII в. численность населения определялась, как отмечалось выше, на основании «сказок старшин», которые из-за фискальных соображений были заинтересованы в преуменьшении количества населения в своей волости. Важно при этом то, что старшины, как правило, подавали сведения в дворовом исчислении. Даже в конце XVIII в. попытки провести подшумную перепись успеха не имели: в годы IV ревизии, например, Уфимский губернатор И. В. Якоби, опасаясь сопротивления башкир переписи и возникновения беспорядков, «приказал сделать им перепись на основании прежнего обряда по дворам, полагая в каждом примерно 4 души»⁸². Однако башкиры, с одной стороны, царская администрация — с другой, как и прежде, по-разному понимали термин «двор». Если царская администрация, как видно из приказа И. В. Якоби, под термином «двор» имела в виду обычную семью, то башкиры-кочевники подразумевали более широкую хозяйственно-общественную организацию, а именно — семейно-родственную группу. П. И. Рычков — лучший знаток истории башкир в XVIII в., писал, что «в каждом дворе их живет обыкновенно по нескольку семей»⁸³. Отсюда видно, насколько ненадежен способ определения численности башкир на основании количества дворов, без специального анализа степени репрезентативности этих сведений. Это хорошо иллюстрируется табл. 2, в которой сведены все основные данные о дворовом исчислении башкир в XVII—XVIII вв.⁸⁴.

⁷⁷ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5, № 389, стр. 381—382.

⁷⁸ В. Э. Ден. Указ. соч., стр. 286—287.

⁷⁹ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5, № 389, стр. 382; «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 256—257.

* Джунта — обледенение снежной поверхности после оттепели.

⁸⁰ Численность и расселение народов мира». М., 1962, стр. 14.

⁸¹ В. Э. Ден. Указ. соч., стр. 278.

⁸² «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5, № 389, стр. 382.

⁸³ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 93.

⁸⁴ Для составления таблицы использованы: «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3, № 546, стр. 485; т. 4, ч. 2, № 353, стр. 11; № 354, стр. 14; т. 5, № 389, стр. 382; В. А. Новиков. Указ. соч., стр. 203—204; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 93—100; е го ж е. История Оренбургская. Оренбург, 1896, стр. 82; В. Э. Ден. Указ. соч., стр. 278, 283; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2. СПб., 1799, стр. 94; «Экстракт о башкирском народе, составленный в Оренбургской губернской канцелярии... в 1775 г. по приказанию графа П. И. Панина». — «Памятная книжка Уфимской губернии, Уфа, 1873, стр. 139—140.

Таблица 2

Годы	Кол-во дворов
1629	888
1635	2217
1725 - 1726	28655
1739	7192
1745	8395 (кроме 1431 «старханских дворов»)
1750	11859
1767	14607
1770	24882 (без башкир Исетской провинции)
1771	15989
Последняя четверть XVIII в.	13597

Как видно из таблицы, с 1629 до 1770 г. количество башкирских дворов все время возрастает, что, на первый взгляд, как будто отражает постоянный рост населения. Однако резко нарушают эту постепенную эскалацию цифр сведения о количестве башкирских дворов за 1725—1726 гг. Лишь данные за 1770 г. вплотную приближаются к сведениям 1725—1726 гг., однако уже в 1771 и 1772 гг., т. е. через год-два, снова наступает резкий спад. Чем объяснить эти колебания? Дело в том, что данные 1725—1726 гг. и 1770 г. основаны на визуальных наблюдениях: в первом случае — кунгурского бургомистра Юхнева, который объехал почти всю Башкирию и побывал в 53 (из 60) башкирских волостях; во втором — академика И. Г. Георги, возглавлявшего одну из экспедиций Российской Академии наук в восточные районы страны. Сведения всех остальных лет опираются на «сказки старшин»; а волостные старшины, как говорилось выше, с одной стороны, были заинтересованы в заниженном показе количества дворов, с другой (и это главное) — имели несколько иные представления о понятии «двор», чем царские администраторы. Многие из старшин полагали, что родовое подразделение или просто группа родственных семей как раз и составляет ту хозяйственную и общественную ячейку, на которую должно возложить обязанности по выплате ясака. Впрочем, эти представления (иногда реальные, иногда умышленные) у башкирских старшин по мере социально-экономического развития общества менялись. С распространением земледелия, с дроблением родообщинных земельных вотчин распадались и теряли свое хозяйственное значение и родовые подразделения. В северо-западной и западной Башкирии к концу XVIII в. хозяйственные функции семейно-родственных групп были в значительной степени утрачены; единицей учета здесь, как и у податного русского и татарского населения, не только по форме, но и по существу становится индивидуальная семья. Это, естественно, вносит в дворовое исчисление башкирского населения заметное изменение: количество дворов постепенно растет.

Но рост числа башкирских дворов далеко не всегда означал рост населения, как это представлялось чиновникам царской администрации⁸⁵ и как это кажется некоторым современным исследователям. Он отражает, в первую очередь, серьезные сдвиги в социально-экономической организации общества, дальнейший распад патриархально-родовых институтов, увеличение числа выделов, углубление классовых отношений. Этот процесс распада традиционных родовых институтов и, как его следствие, — увеличение количества башкир-

⁸⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5, № 389, стр. 382.

ских дворов, зафиксировал в середине XVIII в. П. И. Рычков: «Дворовое число их (башкир — Р. К.) ежегодно прибывает тем», что отделяя «дети от отцов и братья от братьев в особые дома (т. е. хозяйства — Р. К.) переходят»⁸⁶. В этом свете не может не обратить внимание близость цифровых данных Юхнева и Георги, хотя экспедицию Георги отделяет от экспедиции Юхнева почти полстолетия. Сведения Юхнева и Георги, лично побывавших в башкирских волостях, наблюдавших на месте особенности быта и общественной организации народа, собравших статистические материалы самостоятельно и имевших возможность проверить их достоверность, на наш взгляд, заслуживают доверия.

Из анализа специфики дворового исчисления в Башкирии следует еще один вывод: применявшийся царской администрацией, а позднее — некоторыми исследователями метод оценки количества башкирского населения из расчета 4—5 человек на двор, никак не может привести к правильным результатам. Ошибочность расчетов Вольтского, Кириллова и других объясняется, главным образом, этой неверной методикой исчисления. В XVIII в. на значительной территории Башкирии сохранилось хозяйственное и общественное значение родовых подразделений. Кроме того, даже в XIX в. имели довольно широкое распространение так называемые неразделенные семьи, состоящие из трех поколений: родителей, женатых сыновей и их детей. С учетом всех этих обстоятельств в литературе сложилось обоснованное мнение о том, что в среднем на башкирский двор в XVIII в. приходилось 8—9 душ⁸⁷. Точность этой оценки хорошо аргументируется материалами бургомистра Юхнева, который полагает на каждый башкирский двор «по 3 человека мужского пола, которые могут воевать, кроме хлопцев»⁸⁸. Численный состав семьи, в которой трое взрослых мужчин, должен составлять не менее 9 человек, так как количество женщин, детей и стариков более чем в два раза превосходило число работающих мужчин. В этом случае численность башкирского населения в 1725—1726 гг. составит $(9 \times 28\,655 = 258\,795)$ примерно 260 тыс. человек. В 1770 г. количество башкир, согласно сведениям Георги $(9 \times 24\,882 = 223\,938)$, равнялось 224 тыс. человек, а с учетом неохваченных экспедицией Георги башкир Исетской провинции, где по данным 1797 г. (Троицкий, Челябинский, Екатеринбургский и Красноуфимский уезды) было около 33 тыс. (16 421—муж. душ) человек⁸⁹, оно также приближалось к 260 тыс.

Правильность этих выкладок можно проверить и скорректировать с привлечением других материалов. По расчетам Юхнева, во всех 60 башкирских волостях было 85 967 мужчин, «которые могут воевать»⁹⁰. Эти сведения Юхнева не означают, что у башкир именно таких размеров было или могло быть войско; в этом случае нам пришлось бы для установления общей численности народа количество мужчин-воинов помножить по крайней мере на четыре, как это сделано выше. Но в данном случае речь идет о численности взрослых работоспособных мужчин, могущих в случае надобности взять в руки оружие. Эта часть производительного мужского населения составляла около трети всего народа (за вычетом женщин — около 50%, мальчиков до 15—16 лет и стариков — около 20%), т. е. численность башкир составляла примерно $(85\,967 \times 3 = 257\,901)$ 260 тыс. человек.

В последующие десятилетия XVIII в. общая численность башкир изменялась, видимо, мало. Ниже приведены материалы, подтверждающие это.

К сведениям Юхнева близки данные В. Н. Татищева. «Их (башкир — Р. К.), — пишет Татищев, имея в виду время до начала башкирского восстания 1735 г., — могло годных к войне собраться до 60 000» человек⁹¹, т. е. в целом численность народа составляла примерно 240 тыс. человек.

⁸⁶ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 93.

⁸⁷ «Материалы к истории башкир». Составитель Ф. Тухватуллин. Уфа, 1928, стр. 44.

⁸⁸ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3, № 546, стр. 485.

⁸⁹ В. Э. Д. е. п. Указ. соч., стр. 287.

⁹⁰ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3, № 546, стр. 485.

⁹¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. 1, стр. 237.

В 1743 г., по сведениям, собранным вице-губернатором Уфимской провинции полковником Лютковым, инородцев (башкир, татар, мишарей и др.) в провинции насчитывалось 336 896 человек⁹². На территории Башкирии в середине XVIII в. числилось мишарей 1530 дворов, тептярей и бобылей — 12 202 двора, т. е. из расчета по 5 человек на двор примерно 70 тыс. человек⁹³. Здесь не учтены татары и другие «инородцы», которых в середине XVIII в. было около 50—60 тыс. человек⁹⁴. Таким образом, пришлое «инородцев» насчитывалось в общей сложности 120—130 тыс. человек, следовательно, численность башкир в Уфимской провинции составляла 210—220 тыс. человек, а с учетом башкирского населения Исетской провинции — около 240—250 тыс.

В составленном в 1775 г. для графа П. И. Панина «Экстракте о башкирском народе» говорится, что башкир «мужеска полу душ по одному разведыванию, а не по переписи в Уфимской провинции 86 364, а в Исетской 19 792, всего же 106 156 душ⁹⁵. Следовательно, в двух провинциях проживало около 212 тыс. человек. С учетом башкир Пермской губернии (Осинский, Красноуфимский уезды), которых в конце XVIII—начале XIX вв. было более 20 тыс. душ обоого пола⁹⁶, общее количество башкир во второй половине XVIII в. составляло примерно 230—240 тыс. человек.

В конце XVIII—начале XIX вв., по расчетам В. Э. Дена, который, кроме материалов V ревизии, опирается на данные государственных окладных книг 1797 и 1806 гг., а также на другие источники, в Оренбургской губернии башкир было 80 240 муж. душ, в Пермской — 11 084, в Вятской — 819, а всего — 92 143 муж. душ, или около 185 тыс. душ обоого пола⁹⁷. Хотя эта цифра значительно выше прежних официальных оценок, однако в целом она занижена. Надо иметь в виду, что соотношение мужчин и женщин не всегда бывает 1 : 1, хотя при определении общей численности населения обычно пользуются этой пропорцией. В конце XVIII в. после многочисленных восстаний, сопровождавшихся гибелью, казней, ссылкой или откочевкой из Башкирии тысяч мужчин, это соотношение в башкирском обществе нарушается. При окончательном установлении количества башкир в этот период приходится, таким образом, учитывать известное превышение числа женщин над мужчинами. Но дело не только в этом: в расчетах В. Э. Дена не приняты во внимание около 20 тыс. башкир Белебеевского и Бугурусланского уездов, отошедших целиком или частично к Самарской губернии; не вошли в общее число около 2 тыс. служивых тарханов, а также 2 тыс. сартов и аюкинских калмыков, которые также служили наравне с башкирами и вскоре этнически растворились в их среде⁹⁸. Вместе с семьями общее число тарханов, сартов и калмыков составляло примерно 30—40 тыс. человек. Кроме того, сведения, представляемые для составления окладных книг, башкирские старшины по возможности, как и в прежние годы, занижали. С учетом всех этих обстоятельств можно полагать, что башкир в самом конце XVIII в. было около 250—275 тыс. человек. Эти цифры не очень расходятся с данными Ф. А. Фиельструла: по его расчетам, в 1796 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях было башкир 106 тыс. мужских душ, или 212 тыс. человек, в Пермской — 22 104, а в общей сложности около 235 тыс. человек⁹⁹. С учетом населения Самарской губернии, а также высказанных выше соображений, общую численность башкир на рубеже XVIII—XIX вв. и по Ф. А. Фиельструлу можно определить в пределах 250—275 тыс. человек. Именно эти цифры не противоречат более точным данным первой половины XIX в., которые мы рассмотрим несколько ниже.

⁹² В. Н. В и т е в с к и й. Указ. соч., т. 3. Казань, 1891, стр. 395.

⁹³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 135. (Плотность по 5 человек на двор для мишарей и тептярей, в общественной жизни которых элементы патриархально-родового уклада практически отсутствовали, является максимальной).

⁹⁴ Ф. А. Ф и е л ь с т р у л. Указ. соч., стр. 36.

⁹⁵ «Памятная книжка Уфимской губернии», стр. 140.

⁹⁶ В. Э. Д е н. Указ. соч., стр. 286; Н. П. О п о в. Указ. соч., стр. 1—2.

⁹⁷ В. Э. Д е н. Указ. соч., стр. 285—287.

⁹⁸ Т а ж ж е, стр. 287, 289—290; Г. Г е о р г и. Указ. соч., ч. 2, стр. 93.

⁹⁹ Ф. А. Ф и е л ь с т р у л. Указ. соч., стр. 11, 14.

Таким образом, в XVII—XVIII вв. изменения в общей численности башкирского населения были незначительны: они колебались в пределах 230—275 тыс. человек. Относительная стабильность этих цифр не означает, что численность башкир на протяжении двух столетий почти не менялась. Можно полагать, и итоговые цифры дают некоторую основу для этого (см. табл. 13), что в истории башкирского народа были периоды роста численности, которые сменялись годами, а то и десятилетиями демографической депрессии. Так, в XVII в. и до начала 30-х годов XVIII в. имел место очень медленный, но все же некоторый рост количества башкир. В 30—70-е годы наблюдается даже некоторое уменьшение их численности. Лишь к самому концу XVIII в. естественный прирост, видимо, повышается и намечается более или менее заметная тенденция к постоянному увеличению численности башкирского населения.

Каковы основные причины замедленного роста численности башкир в XVII—XVIII вв.? Это было, во-первых, обусловлено низким уровнем развития производственных сил. Кочевое или полукочевое скотоводческое хозяйство башкир целиком зависело от климатических условий. Периодически повторяющиеся засухи или джугы приводили к массовому падежу скота и гибели людей. Засуха часто сопровождалась эпидемиями чумы или холеры, которые уносили в могилу тысячи людей. Несмотря на высокую рождаемость, население почти не увеличивалось, так как высокий естественный прирост в благоприятные годы целиком перекрывался высокой смертностью в годы засухи, джуга, болезней и голода. Имело значение и то, что башкирское скотоводческое хозяйство постепенно утрачивало прежние классические черты. XVII—XVIII вв. были периодом глубоких изменений в структуре хозяйства башкир, которые сопровождалась обнищанием и разорением части бывших кочевников, что не могло как-то не отразиться на уровне рождаемости, детской смертности и т. п. Развитие земледельческого хозяйства создавало более благоприятные возможности для роста численности населения. Такие условия во второй половине XVIII в. сложились в северо-западной и западной Башкирии. С XVII—XVIII вв. в этих районах Башкирии по мере распространения земледелия плотность населения приобретает тенденцию к росту¹⁰⁰, однако она нейтрализуется условиями социально-экономической и политической жизни башкир. Присоединение Башкирии к России несколько ослабило междоусобицы, хотя взаимные набеги, угон скота и захват пленных между башкирами и казахами, башкирами и калмыками продолжались. Особенно отрицательные воздействия на динамику численности башкирского населения оказали восстания XVII—XVIII вв. (1662—1664, 1681—1683, 1705—1711, 1735—1740, 1755 и 1773—1774 гг.). Сдерживало рост численности башкир не только жестокое подавление царизмом этих восстаний, но и то, что в период восстаний часть башкир покидала родные места и уходила в казахские степи, откуда возвращались далеко не все беглецы. Особенно жестоким было подавление восстания в 1735—1740 гг., когда, по словам В. Н. Татищева, «погибло, казнено, от голода померло и разрезано более 60 000 человек»¹⁰¹. А. Н. Усманов на основании новейших источников уточняет эту цифру: по его мнению, общее число пострадавших башкир в период восстания 1735—1740 гг. составляет около 50 тыс. человек, в том числе «истреблено» 16 893 человека, роздано детей и жен «хочим людям» 9 182, сослано «во флот в матросы и в Остзейские полки и в работу в Рогервик» 236 человек¹⁰². Во время восстания 1755 г. в казахские степи откочевало около 10 тыс. человек; немало башкир в XVII—XVIII вв. бежало «за камень», т. е. в Зауралье, где они стремились затеряться в бескрайних степях Западной Сибири. Таким образом, активная вооруженная борьба башкир против царизма в XVII—XVIII вв. и подавление этой борьбы сопровождалась истреблением и утечкой населения, что и явилось, наряду с низким уровнем развития производитель-

¹⁰⁰ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 86—90, 124—127, 259—262.

¹⁰¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. 1, стр. 237, 422.

¹⁰² А. Н. Усманов. Башкирия в третьей четверти XVIII в. Рукопись, стр. 118, 135 (хранится в секторе истории ИИЯЛ БФАН СССР).

ных сил, одной из главных причин отсутствия заметного роста численности башкир в рассматриваемый период.

* * *

Численность башкир в дореформенный период XIX в. XIX век был периодом существенных изменений в численности башкир.

В 1815—1817 гг., по данным VII ревизии, было 129 520 башкир мужского пола или примерно 260 тыс. человек¹⁰³. Седьмой ревизией были учтены лишь башкиры-вотчинники; по расчетам Х. Ф. Усманова, сюда не вошли около 50—60 тыс. башкир, потерявших или не имевших вотчинных прав¹⁰⁴. Следовательно, общая численность башкирского населения в 1815—1817 гг. составляла около 310—320 тыс. человек.

В 1834 г., по данным VIII ревизии, в Оренбургской губернии было всего 332 358 башкир; с учетом башкирского населения Пермской губернии (40 146 человек) общая численность народа достигла 392 072 человека¹⁰⁵.

В 1849—1850 гг. в 13 башкирских кантонах ^{*)} насчитывалось 245 858 мужских душ, или всего более 490 тыс. человек. Это соответствует также расчетам В. М. Черемшанского, Н. М. Малнева и П. Небольсина, которые оценивают численность башкир в 1850 г. в 497 619 человек¹⁰⁶. В. М. Черемшанский приводит данные о численности башкир по кантонам (табл. 3). Сведения Черемшанского представляют интерес с точки зрения территориального размещения башкир и плотности их расселения в различных зонах Башкирии в середине XIX в.

В 1851 г., в соответствии с анализом материалов IX ревизии академиком П. Кеппеном, в 13 башкирских кантонах насчитывалось 259 976 мужчин, 248 233 женщины, а всего — 508 209 человек, а в 4-х мишарских кантонах—86 800 человек¹⁰⁷. Хотя известно, что в башкирских кантонах жили и наряду с башкирами несли военную службу калмыки, сарты, казахи и др. (общей численностью около 20 тыс. человек), однако количество населения в башкирских кантонах по оценке Кеппена мы принимаем как общую численность башкир. Это вполне перекрывается тем, что небольшая группа башкир (около 10—20 тыс. человек) не учитывалась в составе башкиро-мещерякского кантонного войска, так как несла службу в составе Оренбургского казачьего войска. «...Чистые башкирцы, — писал по этому поводу П. Небольсин, — находятся не в одном башкирском войске; ... например есть башкирцы в Оренбургском казачьем войске. И наоборот, в собственно башкирских кантонах живут и вместе с башкирцами несут казачью службу и люди других племен: татары, киргизы, мишари, омусульманенные калмыки и потомки выходцев из дальних земель Средней Азии, в половине прошлого столетия расселенных в разных местах Оренбургской губернии»¹⁰⁸. Впрочем на протяжении XIX в. многие из перечисленных Небольсиным этничес-

¹⁰³ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 1392/3 17, лл. 5—18; Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов в Указ. соч., стр. 77.

¹⁰⁴ Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов в Указ. соч., стр. 77, 79.

¹⁰⁵ «Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена». СПб., 1852, стр. 3; Ф. А. Филельс в Указ. соч., стр. 36.

¹⁰⁶ В 1798 г. в пределах существующей административной системы (с учетом всех последующих ее изменений) была введена кантонная система управления башкирским (а позднее и мишарским) населением, просуществовавшая с некоторыми изменениями до 1865 г. Башкиры и мишари несли кантонную (военную) службу на пограничных линиях, крепостях, а также снаряжали полки для участия в войнах, которые вела Россия. Башкиры были разделены на 13 кантонов, расположенных преимущественно в Оренбургской и частично в Пермской и Вятской губерниях. В 1855 г. кантонная система была реорганизована: в нее были включены и тептяри; вместо 13 башкирских было создано 28 башкиро-тептярских кантонов. В 1865 г. кантонная система управления в Башкирии была отменена.

¹⁰⁷ П. Небольсин. Заметки о башкурах. — «Отечественные записки», 1850, кн. 73, стр. 3; В. М. Черемшанский и Я. Указ. соч., стр. 131—132; Н. М. Малнев в Указ. соч., стр. 27—28.

¹⁰⁸ П. Кеппен. Девятая ревизия..., стр. 12.

¹⁰⁹ П. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. — «Вестник РГО», ч. 4, кн. 1. СПб., 1852, стр. 16—17.

№ кантонов	Кол-во населения	Уезды и губернии, в которых расположены кантоны
I	17 086	Осинский у. Пермской губ.
II	13 038	Екатеринбургский у. « Красноуфимский у. «
III	17 954	Шадринский у. «
IV	11 864	Троицкий у. Оренбургской губ.
V	12 047	Троицкий у. «
VI	34 874	Челябинский у. «
VII	54 147	Верхнеуральский у. «
VIII	47 268	Стерлитамакский у. «
IX	25 580	Уфимский у. «
X	89 477	Стерлитамакский у. « Бузулукский у. « Оренбургский у. «
XI	58 858	Бирский у. «
XII	53 693	Сарапульский у. Вятской губ. Елабужский у. » Мензелинский у. Оренбургской губ.
XIII	61 033	Бугурусланский у. « Бугульминский у. « Белебеевский у. «

Итого . . . 497 619

ких групп полностью растворились в среде башкир, что сказалось на росте их численности. В 1857 г. по результатам X ревизии башкир насчитывалось уже 544 843 человека¹⁰⁹.

Таким образом, в дореформенный период XIX в. происходит заметный рост башкирского населения. Если считать, что в 1800 г. башкир насчитывалось 250—275 тыс., то за 50—60 лет численность башкир возрастает примерно в два раза. (Население Европы с 1800 по 1850 год возросло на 43%, Азии — на 24, Европейской России — на 46,3%)¹¹⁰. Это, безусловно, существенный рост, требующий объяснения.

Первая половина XIX в. в истории башкирского народа целиком совпадает с кантонной системой управления. В истории башкирского народа кантонный период характеризуется, пожалуй, сравнительной стабильностью системы административного управления, значительными масштабами развития земледельческого хозяйства, меньшим размахом политической борьбы и карательных действий царизма. Линия крепостей по восточным и южным границам башкирских земель (Закамская, Ново-Закамская, Яицкая) еще в XVIII в. существенно ограничила откочевки башкир в казахские и оренбургские степи и взаимные набеги кочевников. Все эти обстоятельства способствовали, несмотря на тяжесть военной

¹⁰⁹ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 9255, лл. 84—108. Отчет командующего башкирским войском (цитируется по Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Указ. соч., стр. 77, 79).

¹¹⁰ «Численность и расселение народов мира», стр. 14; С. Маркузов. Указ. соч., стр. 390—391; А. Г. Рашид. Население России за 100 лет. (1811—1913 гг.). М., 1956, стр. 41.

службы и фискального гнета, численному росту башкир. Однако высокие темпы роста башкирского населения в первой половине XIX в. имели место не только за счет естественного прироста*, но и за счет инфильтрации в башкирскую этническую среду пришлого населения.

Несмотря на довольно большую литературу, исследователям еще предстоит сложная и кропотливая работа по изучению характера, масштабов и темпов переселенческого движения в Башкирию в разные исторические периоды (а также этнических процессов, которыми это движение сопровождалось). Прежде всего, эта проблема требует цифровой характеристики, что при нынешнем состоянии источников очень трудно сделать. В этой статье вопрос затрагивается лишь в той степени, в какой это необходимо для освещения основной темы.

Переселения в Башкирию из центральных и волжских районов страны начались, очевидно, с давних времен, хотя до XVIII в. их масштабы были не очень велики. К сожалению, пока нет достоверных цифровых данных, характеризующих ход этого процесса до середины XVIII в. Первые сведения о численности пришлого населения Башкирии принадлежат вице-губернатору Люткину: по его данным (в передаче В. Н. Витевского)¹¹¹ в 1743 г. в Уфимской провинции обитало 412 080 человек, в том числе инородцев (башкир, татар, мишарей, татар и др.) — 336 896, русских, «включая сюда и войска» — 75 185. По расчетам, приведенным выше, в середине XVIII в. численность мишарей, татар и других инородцев не превышала 120—130 тыс. человек; следовательно, вместе с русскими общее количество пришлого населения составляло примерно 200 тыс. Это означает, что в середине XVIII в. количество пришлого населения еще не превышало численности коренных жителей края, тем более оно не могло «значительно превышать» число башкир. С учетом русского крестьянского населения Исетской провинции, не принятого во внимание Люткиным, можно полагать, что в середине XVIII в. численность башкирского и пришлого населения была примерно одинаковой, а именно: по 240—250 тыс. человек. Этот вывод весьма важен: он несколько иначе позволяет взглянуть на этническую карту Башкирии в середине XVIII в., на характер и глубину этнических процессов, которые лишь в XIX в. приобрели особенно крупные масштабы.

Во второй половине XVIII в., главным образом в последние два десятилетия, переселения в Башкирию заметно возрастают: общая численность населения Оренбургской губернии в 1767 г. составляет¹¹² 421 119, в 1781 г. — около 520 тыс.¹¹³, в 1794 г. — 816¹¹⁴, в 1800 г. — около 740 тыс. человек¹¹⁵. Несмотря на то, что эти цифры несколько занижены (в связи с ошибками в учете башкирского населения), они хорошо иллюстрируют рост пришлого населения в последние два-три десятилетия XVIII в. Этот быстрый прирост почти целиком идет за счет переселенцев. К 1780 г. или даже несколько раньше пришлое население, действительно, численно превосходит коренных жителей края — башкир. Это хорошо иллюстрируется также следующими цифрами: в 1781 г. на территории Оренбургской губернии было около 350 тыс., а в 1800 г. — уже 470 тыс. человек податного населения¹¹⁶. Активное заселение Башкирии пришлым людом в последние десятилетия XVIII в. было частью обширной программы правительства Екатерины II по превращению этого края во внутреннюю область России.

* Рост численности башкир за полстолетия примерно на 100% был бы возможен, если бы средний годовой прирост составлял 1,4%. Между тем этот показатель по Европейской России за 1811—1863 гг. равнялся лишь 0,73% (А. Г. Рашиди. Указ соч., стр. 41). Это свидетельствует о том, что действительный прирост башкирского населения в первой половине XIX в. был выше естественного.

¹¹¹ В. Н. Витевский. Указ. соч., т. 3, стр. 395.

¹¹² С. М. Васильев. Башкирия в последней четверти XVII века. — «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5. М., 1960, стр. 6.

¹¹³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 256.

¹¹⁴ С. М. Васильев. Указ. соч., стр. 6—7.

¹¹⁵ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 257.

¹¹⁶ Там же, стр. 135, 151—152; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5, № 389, стр. 381; Ф. А. Фельдструп. Указ. соч., стр. 9.

Социально-экономическая и политическая обстановка в Башкирии в последней четверти XVIII в. способствует более активным этническим контактам башкир с тептярями и мишарями и активизирует начавшийся еще раньше процесс их этнического смешения. После поражения Крестьянской войны 1773—1775 гг. часть тептярей, жестоко преследуемая карательными отрядами, объявила себя башкирами и, действительно, постепенно растворялась в башкирской этнической среде. В одном из циркуляров графа Панина говорится: «С тептярей и бобылей, если они участвовали в восстании на стороне башкир, то кроме ясака брать с них еще хлебом..., а которые вошли в башкирское имя, о тех до времени умолчать»¹¹⁷. Масштабы этого процесса в XVIII в. едва ли были значительны; но важно подчеркнуть, что процесс этот наметился и с каждым десятилетием возрастал.

Первая половина XIX в. — это период еще более активного притока пришлого населения в Башкирию. Если в 1800 г. общая численность населения Оренбургской губернии составляла около 740 тыс. человек, то к 1863 г. она увеличилась до 1843,4 человека, т. е. за 60 лет население края возросло в 2,5 раза. Переломное движение в Оренбургский край было особенно активным в 1811—1838 гг.; за это время население губернии выросло с 787,6 тыс. до 1771,4 тыс. человек¹¹⁸. Большой частью пришлого люда были русские крестьяне из центральных и поволжских областей России; значительные по численности группы составляли татары, тептяри, мишари. Если в 1781—1782 гг. мишарей в Башкирии насчитывалось 28 772 человека, то в 1794—1795 гг. их было уже 46 300, а в 1851 г. — более 100 тыс. человек¹¹⁹. Еще более быстрыми темпами росло в Башкирии количество тептярей: в 1754 г. их было немногим более 60 тыс. человек, а в 1850 г. стало 262 тыс.¹²⁰. Татар в 1850 г. в Башкирии было 118 417 человек¹²¹.

Считают, что тептяри представляли собой многонациональную группу населения. К сожалению, пока нет возможности точно установить, какую часть тептярей составляли татары, марийцы, мордва, чуваш и др. Однако имеющиеся сведения о соотношении различных национальностей в тептярской группе к концу XIX в. позволили исследователям прийти к выводу, что подавляющую часть тептярей (не менее 90%) и раньше составляли татары; угро-финский элемент в тептярской группе был очень малочислен¹²². Следовательно, к середине XIX в. в Башкирии пришлое тюркское население — тептяри, мишари и собственно татары — составляли около 450 тыс. человек, что приближалось к численности башкир. В западных и северо-западных районах Башкирии, где преимущественно расселялись тюркоязычные переселенцы, они численно стали преобладать над башкирами. Это придало этническим процессам в этих районах определенную направленность. Башкиры северных и северо-западных районов постепенно стали воспринимать язык и культуру пришлых родственных им этнических групп (хотя, с другой стороны, пришлое население, прежде всего тептяри, испытывали этнокультурное воздействие башкир). Своеобразие этого процесса заключалось в том, что эти изменения в языке и культуре не только не сопровождалась разрушением национального самосознания башкир, но, наоборот, часть пришельцев — тептярей и мишарей — стала называть себя башкирами. Очевидно, объяснение этой особенности надо искать в условиях социально-экономической жизни общества. Башкиры, будучи служилым сословием, обладали в кантонный период некоторыми

¹¹⁷ «Памятная книжка Уфимской губернии», стр. 143 (разрядка наша. — Р. К.).

¹¹⁸ А. Г. Рашид. Указ. соч., стр. 28.

¹¹⁹ П. Кеппен. Девятая ревизия..., стр. 1; Ф. А. Фельдструп. Указ. соч., стр. 11. (Из 100 тыс. мишарей 86800 были в составе башкиро-мешеряцкого войска).

¹²⁰ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 135; П. Кеппен. Девятая ревизия... стр. 95—96.

¹²¹ Ф. А. Фельдструп. Указ. соч., стр. 12 (более ранних сведений о численности татар в Башкирии найти не удалось).

¹²² С. М. Васильев. К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения Башкирии в конце XVII — в начале XVIII вв. — «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству», Уфа, 1957, стр. 131 — 132.

привилегиями: неся военную службу, они не платили подушных податей и, кроме того, имели традиционные права на земли. Это создает стремление у части пришельцев, обязанных платить подушную подать, перейти в неподатное «башкирское» сословие. Этот процесс был замечен еще П. Небольсиным. Описывая военное-кантонную службу, которую вместе с башкирами несли тептяри, мишари, казахи, калмыки, он указывает, что «все они в смысле лиц войскового сословия называются башкирцами»¹²¹. Создается положение, когда наименование «башкир» одновременно приобретает два значения: этническое и сословное. Отсюда в какой-то мере и то своеобразие в этнических процессах, которое особенно ярко проявилось в северо-западной Башкирии. В этом одно из объяснений необычайно быстрых темпов роста численности башкир в первой половине XIX в. Происходил как бы процесс инфильтрации, просачивания пришлых этнографических групп в башкирскую этническую среду; этот процесс подвергал в ряде районов внутренней перестройке культуру и, особенно, хозяйственный быт башкир, не разрушая их национального самосознания.

В первой половине XIX в., в связи с некоторыми отмеченными выше специфическими для Башкирии моментами социально-экономического и политического развития, довольно резким изменением численного соотношения, процесс этнического смещения башкир и тептярей стал протекать в таких активных формах, следствием которых было постепенное исчезновение к середине XIX в. отчетливых этнокультурных различий между некоторыми, преимущественно северо-западными, группами татар и башкир, стирание этнических границ, появление у части башкирского и тептярского населения неустойчивости в определении своей национальности. В этих условиях сословно-административная принадлежность приобретает существенное значение при определении национальной. В целом же к середине XIX в. сложное этническое взаимодействие башкир и татар достигло кульминации, хотя окончательно направление и результаты развития этого процесса определились лишь во второй половине столетия.

* * *

Численность башкир во второй половине XIX в. После X ревизии официальный учет численности населения был произведен лишь в 1897 г. во время первой всеобщей переписи в России. Согласно переписи общая численность башкир или точнее людей, считающих, что они говорят на башкирском языке, в 1897 г. составила 1 311 017 человек, в том числе в Уфимской губернии — 899 910, в Оренбургской — 254 561, Пермской — 85 395, Вятской — 13 909, Самарской — 57 242 человека¹²². Получается, что башкирское население за 47 лет (с 1850 г.) возросло более чем в 2,5 раза (на 160%, или средний годовой прирост за 47 лет составил бы 2,1%). Снова встает вопрос: могло ли такое резкое увеличение башкирского населения произойти за счет естественного прироста? Обобщенных статистических данных о темпах естественного прироста башкирского населения во второй половине XIX в. не имеется, однако некоторые сохранившиеся сведения по отдельным годам и районам позволяют сложить на этот счет общее, на наш взгляд, достаточно объективное представление. Н. Л. Скалозубов приводит данные о темпах прироста башкир Красноуфимского уезда за 1858 — 1890 гг., т. е. за 32 года: в среднем за год прирост составил 1,42%¹²³. В целом по Пермской губернии ежегодный прирост населения за тот же период составил 1,12%¹²⁴. Эти цифры можно сравнить с общероссийскими: за 1861 — 1913 гг. средний годовой прирост в Европейской России составил 1,49%¹²⁵. Таким образом, темпы естественного прироста башкирского населения северной Башкирии (Красноуфимского уезда) были почти такие же, как и в Европейской России, но выше, чем в среднем по Пермской губернии. На остальной территории, хотя они и были относительно высокими, но в масштабах всей второй половины XIX в. были несколько ниже, чем у остального населения

¹²³ П. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край, стр. 17.

¹²⁴ «Первая Всеобщая перепись... 1897 г.», т. 28, стр. 7; т. 45, стр. 10; т. 21, стр. 97; т. X, стр. 89; т. 26, стр. 58.

¹²⁵ Н. Л. Скалозубов. Указ. соч., стр. 24.

¹²⁶ Там же, стр. 22; А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 218.

¹²⁷ А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 47, 218.

края. Это подтверждается следующими косвенными данными. Н. М. Малиев, который анализировал статистические данные об уровне рождаемости и детской смертности в Белебеевском уезде, т. е. в западной Башкирии, пришел к выводу, что темпы естественного прироста башкирского населения во второй половине XIX в. существенно не отличались от средних общероссийских. Уровень рождаемости среди башкир был сравнительно высок, однако ему сопутствовала высокая детская смертность. Н. М. Малиев приводит следующие характерные для 70-х годов XIX в. примеры: 24 женщины дер. Казангулова Белебеевского уезда до достижения 50-летнего возраста родили в общей сложности 182 ребенка (т. е. в среднем по 7—8 детей), из них умерло 114 (около 70%), осталось в живых 68; в дер. Ниж. Лемезы того же уезда охваченные учетом 30 женщин в возрасте 50—55 лет родили в среднем по 9—10 детей, из них 5—6 умерли и только 4 остались в живых¹²³. Высокая детская смертность среди башкир и являлась во второй половине XIX в. причиной несколько пониженного уровня естественного прироста.

В Уфимской губернии среднегодовой естественный прирост за 1866—1895 гг. составил 1,61%, а по Оренбургской губернии за 1861—1895 гг.—1,67%¹²⁴. Таким образом, если все же допустить, что средний годовой естественный прирост в целом у башкир был выше, чем 1,42%, полученный Н. Л. Скалзубовым для башкирского населения Красноуфимского уезда, тем не менее этот показатель был, видимо, несколько ниже или равен общему уровню по Уфимской и Оренбургской губерниям. Не будет, очевидно, ошибкой допустить, что в среднем годовой естественный прирост башкирского населения во второй половине XIX в. колебался в диапазоне 1,4—1,6%. В этом случае за 46 лет (с 1851 г.) башкирское население увеличилось бы примерно на 400—450 тыс. и составило к 1897 г. около 900—950 тыс. человек.

Становится ясным, что рост численности башкир, показанный переписью 1897 г. (1311 тыс.), не мог быть целиком следствием естественного прироста населения. Надо, следовательно, искать другие причины.

Необычайно быстрый «рост» численности башкир по итогам переписи 1897 г. объясняется тем, что в составе башкир были учтены несколько сот тысяч телтярей и мишарей.

Как известно, до 1855 г. существовало башкиро-мещерякское войско. Указом от 19 апреля 1855 г. к нему были присоединены и телтяри. Было создано объединенное военное управление и введено административное деление¹²⁵. Все войско стало именоваться «Башкирским войском» и было разделено на 28 кантонов. По данным 1856 г., в 28 кантонах было башкир 480 317 человек*, мишарей—110 595, телтярей—260 975, а всего 851 887 человек¹²⁶. В 1858 г. «Башкирское войско» насчитывало уже 981,3 тыс. человек, в т. ч. башкир 544,8 тыс. и припущенников 436,5 тыс. человек¹²⁷. С этого момента во многих статистических описаниях, особенно в военно-статистических сборниках, становится обычным включение народностей, входивших в «Башкирское войско», в одну группу. При этом представители царской администрации не проводят каких-либо этнических или языковых различий между этими родственными народами и учитывают их всех под общей рубрикой «башкиры». К тому же в северо-западных районах Башкирии языковые и вообще этнокультурные различия между телтярями и башкирами были ослаблены. Так, по данным военно-статистического сборника за 1871 г. численность башкир уже достигла 1 076 тыс. человек¹²⁸. Ясно, что исходной цифрой для этого определения явилась общая численность «Башкирского войска». Включение телтярей в кантонную систему управления и

¹²³ Н. М. Малиев, Указ. соч., стр. 25—26.

¹²⁴ А. Г. Рагин, Указ. соч., стр. 218.

¹²⁵ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 40—41.

* Некоторое уменьшение количества башкир по сравнению с 1850 г. объясняется неточностью учета или тем, что часть башкир временно перешла в телтярское сословие.

¹²⁶ П. Кеппен, Десятая ревизия..., стр. 12, 99—100.

¹²⁷ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 149.

¹²⁸ Н. М. Малиев, Указ. соч., стр. 28.

объединение родственных народов — башкир, мишарей, тептярей — под общим названием «Башкирское войско», безусловно, сыграло в тот момент существенную роль в смещении у части мишаро-тептярского населения понятий об этнической принадлежности. Еще более осложнили картину условия отмены кантонной системы управления. В указе от 14 мая 1863 г. говорилось: «...обитающих в губерниях Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской башкир и других инородцев, составляющих вместе с ними нынешнее башкирское войско, уравнив в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями...». Однако условия «уравнения» были разные: за башкирами на правах общинной собственности сохранились их вотчинные земли; военные припущенники, т. е. входившие в «Башкирское войско» мишари, тептяри, получали по 30 десятин, а гражданские припущенники — по 15 десятин на душу VII ревизи¹³⁴. Военных припущенников, в отличие от гражданских, стали называть «повобашкирами». Первоначально термин «новобашкир» использовался лишь представителями царской администрации, но постепенно он распространился и среди населения. Как и в первой половине XIX в., этноним «башкир» в этот период не имел однозначного содержания; он употреблялся, с одной стороны, в смысле административно-сословном, с другой — в этническом. Это отмечается и в документах XIX в.¹³⁵ В особенно смешанных районах резких граней в принадлежности к той или другой группе не было: как башкиры, потерявшие вотчинные права, могли стать припущенниками, так и припущенники (особенно военные), приобретая тем или иным путем вотчинные права, могли стать «башкирами». Так, один из исследователей XIX в. следующим образом характеризует проникновение в башкирскую этническую среду мишарей: «.. Слитие мешчеряков и башкир в один этнографический элемент, — есть этнографически совершившийся факт, против которого бессильны какие бы то ни было административные или фискальные мотивы разъединения»¹³⁶.

Предпринятый выше обзор позволяет, таким образом, указать по крайней мере на три источника необычайно быстрого роста численности башкир во второй половине XIX в.: а) естественный прирост; б) учет в составе башкир т. н. «новобашкир», т. е. тептярей и мишарей, некогда входивших в «Башкирское войско» и получивших при ликвидации войска некоторые земельные привилегии; в) инфильтрация в башкирскую этническую среду и ассимиляция в ней этнографических групп тептярей и мишарей.

Возможные пределы увеличения численности башкирского населения в 1850—1897 гг. в результате естественного прироста мы установили выше. Теперь попытаемся определить примерную численность той группы тептярей и мишарей, которые в 1897 г. были включены в состав башкир, а впоследствии вновь учитывались в составе соответствующих этнографических образований или были объединены в одну группу с татарами. Показательна в этом плане табл. 4¹³⁷. Обращает внимание резкий спад в 1897 г. численности тептярей и мишарей: численность тептярей по сравнению с 1850 г. уменьшается на 205 тыс. человек, а мишарей по сравнению с 1879 г. — на 113 тыс., а всего — на 318 тыс. человек. Эта цифра в действительности должна быть большей, так как с 1850 по 1897 г. количество тептярей, как это показывают (приведенные в таблице для сравнения) даже неполные данные 1912—1913 гг., увеличилось. Это же относится и к мишарям: сведения 1879 г. и 1912—1913 гг. учитывают мишарей лишь в Уфимской губернии (данных по Оренбургской губернии нет), а в 1897 г. — охватывают и оренбургских мишарей. Таким образом, если бы мы распола-

¹³⁴ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 150—152.

¹³⁵ «Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная его численность в 1878 г.» «Рукопись»; хранится в Башкирской республиканской книжной палате. № 15705, стр. 4—5.

¹³⁶ Там же, стр. 7—8.

¹³⁷ Для составления табл. 4 использованы: «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 135, 151—152, 256; П. К е п е н. Десятая ревизия..., стр. 96; «Ведомость о числе народонаселения Уфимской губернии по племенам к 1876 г.», л. 1 (рукопись; хранится в секторе истории ИИЯЛ БФАН СССР); Ф. А. Ф и е л ь с т р у п. Указ. соч., стр. 9, 11—12; «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. 28, стр. 7, т. 14, стр. 3, 10; «Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг.» Уфа, 1914, стр. 254—255.

Годы	Тептяри	Мишари	Татары
1743—1747	57 500	10 100	—
1754	61 010	—	—
1781—1782	—	28 772	—
1794—1795	—	46 300	—
1833	—	73 615	—
1850	261 824	—	118 413
1851	—	105 546	—
1856	—	110 595	—
1865	—	—	89 733
1870	—	—	101 231
1879	189 700**	138 900**	107 300**
1897	56 407	25 855	277 743
1912—1913	305 124*	150 879**	210 333**

* Суммированные данные по Уфимской и Оренбургской губерниям.
 ** Данные по Уфимской губернии.

гали более полными данными о численности тептярей и мишарей в Башкирии накануне переписи 1897 г., то имели бы возможность убедиться, что численность тептярей и мишарей в 1897 г. уменьшилась не на 318 тыс. человек, как показывает таблица, а примерно на 350—400 тыс.

В чем причина резких изменений в статистике тептярей и мишарей? Предположение о том, что тептяри и мишари в 1897 г. были целиком учтены в составе татар, не подтверждается. В 1879 г. татар лишь в Уфимской губернии зафиксировано 107 тыс.; сведений по Оренбургской губернии нет, однако если исходить из того, что в 1850 г. татар в Башкирии (в Оренбургской губернии) было 118 тыс., то вполне логично полагать, что в 1879 г. их численность в Уфимской и Оренбургской губерниях приближалась в действительности к 200 тыс. Это самое минимальное предположение, так как в 1912—1913 гг. только в Уфимской губернии татар оказалось 210 тыс. человек. Следовательно, 277 тыс. татар, охваченных переписью 1897 г. по двум губерниям, если и включают тептярей и мишарей, то в очень незначительных размерах. Происшедшие изменения в численности татар вполне укладываются в темпы естественного движения этой группы населения. Следовательно, 350—400 тыс. тептярей и мишарей учтены в составе башкир. Других возможных путей «исчезновения» столь значительной группы населения не имеется. Это положение, довольно серьезно меняющее наши прежние представления о численности башкир в конце XIX в., поддается более развернутой аргументации.

Обратимся к соотношению башкирского и татарского населения в крае за прошедшее столетие. Как видно из табл. 6, в середине XIX в. общая численность пришлого тюркского населения в Оренбургской губернии (татар, тептярей и мишарей) приблизилась к численности башкир. Это соотношение в течение XIX в. остается более или менее постоянным. С образованием БАССР (по переписи 1920 г.) это соотношение несколько меняется (удельный вес башкир повышается), так как, во-первых, в состав Башкирской АССР, кроме современной территории, были включены населенные башкирами районы, находящиеся в пределах Челябинской и Оренбургской областей, а плотно заселенный преимущественно татарами Мензелинский уезд отошел к Татарской АССР; во-вторых — в 1920 г. по инерции

1897 г. некоторая часть не ассимилировавшихся в башкирской среде тептярей и мишарей все еще учитывалась в составе башкир. Однако уже в 1926 г., в связи с переходом башкирских Аргаяшского и Ялан-Катайского кантонов в состав Челябинской области, Ток-Чуранского — в состав Оренбургской, это соотношение в пределах Башкирской АССР вновь уравнивается и до настоящего времени остается сравнительно стабильным. Существенное значение имела и более четкая методика учета национальности во время переписи 1926 г. На этом фоне резкое изменение соотношения численности башкир и татар в 1897 г. (по Уфимской и Оренбургской губерниям это соотношение составило 30,3 и 9,2%) невозможно объяснить естественной динамикой населения. Следовательно, в конце XIX в. в официальной статистике имел место существенный перевес населения из одной национальности в другую, а конкретно — из тептяромिशарской в башкирскую.

Еще более убедителен этот вывод, если обратиться к соотношению башкир и татар в Уфимской губернии. Большинство татар в Приуралье живут, как хорошо известно, в западных и северо-западных районах Башкирии, составляющих основную часть территории Уфимской губернии. Однако по переписи 1897 г. удельный вес башкир и татар в общей массе населения губернии был соответственно 41 и 11%, что явно не соответствовало действительному положению вещей. Особенно это бросается в глаза, если взглянуть на соотношение башкир и татар в 1897 г. по уездам Уфимской губернии (табл. 5)¹³⁹. Численность татар во всех уездах (кроме, возможно, Златоустовского) оказалась приуменьшенной, а башкир — соответственно приувеличенной. Характерно, что даже в таких уездах, как Бирский, Белебеевский и Уфимский, издавна густо населенных татарами, тептярями и мишарями, общая их численность в первом случае оказалась меньше 1% на 262264 башкира в Бирском уезде переписью 1897 г. учтено всего 4 848 татар, тептярей и мишарей), а во втором и третьем — около 13 и 4%¹³⁹. Особенно низким оказался в этих уездах удельный вес тептярей и мишарей.

Т а б л и ц а

Уезды	Башкиры в % к обще- му количе- ству населе- ния	Татары в % к обще- му количе- ству населе- ния	В составе татар, в %		
			собств. татар	тептярей	мишарей
Уфимский	39,7	3,93	1,21	2,41	0,31
Белебеевский	53,78	13,45	11,26	1,59	0,6
Бирский	52,69	0,98	0,47	0,09	0,42
Златоустовский	27,69	5,23	1,05	2,66	1,52
Мензелинский	32,38	32,08	28,17	3,91	
Стерлитамакский	35,37	11,09	6,17	1,16	3,76

Несмотря на резкое изменение соотношения количества башкир и татар в 1897 г., динамика их общей численности на протяжении более чем столетия таких резких колебаний не показывает. Доля башкиро-татарского населения в крае, как видно из табл. 6, резко не менялась, за исключением случаев, связанных с существенным изменением территорий, в пределах которых велся учет населения. В среднем удельный вес башкиро-татарского населения в Башкирии уже с конца XIX в. остается относительно стабильным и колеблется в диапазоне 45—50%. Это обстоятельство является еще одним доказательством того, что резкие колебания в численности и соотношении башкир и татар в Башкирии происходили за счет внутренних перегруппировок населения по национальностям.

¹³⁹ «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. 14. Уфимская губерния, тетрадь 2, стр. VII—VIII, 3.
¹⁴⁰ Там же, стр. 3.

Все эти материалы и наблюдения достаточно убедительно показывают, что перепись 1897 г. учла в составе башкир около 350—400 тыс. тептярей и мишарей, а именно, преимущественно ту их часть, которая некогда входила в башкирское войско. Эта группа тептярей и мишарей уже с крестьянской подворной переписи 1912—1913 гг., и тем более в переписях последующих лет, начинает снова постепенно учитываться в соответствующих этнографических группах или в составе татар.

* * *

С учетом сделанного анализа можно приступить к определению численности собственно башкирского населения в 1897 г. Если количество мишарей и тептярей, учтенных в составе башкир, было около 350—400 тыс. человек, следовательно, численность башкирского населения равнялась примерно (1311 тыс.—350 тыс.—400 тыс.) 910—960 тыс. человек. Эти цифры совпадают с другими данными: если, как отмечено выше, в среднем темпы годового естественного прироста башкир составляли 1,4—1,6%, то с 1851 г. население в 500 тыс. человек возросло бы к 1897 г. примерно до 910—960 тыс. Статистические данные и результаты периодических учетов населения второй половины XIX в. также подтверждают правильность этой оценки. Так, по данным 1865 г., башкир было 619,7 тыс.¹⁴⁹. Д. П. Никольский приводит подсчет Риттиха, который считал, что в 1875 г. башкир было примерно 750 тыс.¹⁴¹. Несмотря на то, что эти данные оценочные, они сравнительно мало расходятся между собой, показывают постепенный численный рост башкир и тем самым подтверждают свою близость к действительному положению вещей. Впрочем, есть возможность проверить точность этих оценок статистическими данными о численности населения Уфимской губернии в 1879 г. (табл. 7); сведения эти, согласно которым башкир в губернии насчитывалось

Таблица 6.

Годы	Всего населения в тыс.	В т. ч. башкир в тыс.	Башкир в % к общему населению	В т. ч. татар в тыс.	В т. ч. в тыс.			Татар в % к общему населению	Общее число башкир и татар в тыс.	Башкиры и татары в % к общему населению края
					собств. татар	тептярей	мишарей			
1850—1851 (Оренбургская губ.)*	1713,0	508,0	29,6	485,0	118,0	262,0	105,0	28,3	993,0	57,9
1879 (Уфимская губ.)	1626,0	455,7	28,0	425,9	107,3	189,7	138,9	26,2	881,6	54,2
1897** (Уфимская губ.)	2197,0	899,9	41,0	245,6	184,8	39,9	20,9	11,2	1145,5	52,2
1920*** (Большая Башкирия)	3290,0	901,0	27,4	579,6	466,8	146,6	166,2	17,6	1480,6	45,0
1926 (БАССР)	2665,8	625,8	23,5	621,3	462,0	23,3	136,0	23,3	1247,1	46,8
1939 (БАССР)	3144,7	671,2	21,3	777,2	777,2	—	—	24,7	1448,3	46,0
1959 (БАССР)	3341,6	777,7	22,1	768,6	768,6	—	—	3,0	1506,3	45,1

* Данные о численности башкир и татар за 1850—1851 гг. взяты по Оренбургской губернии, за 1879 г. — по Уфимской, за 1897 г. — по Уфимской, за 1920 г. — в границах Большой Башкирии, за 1939 и 1959 гг. — в границах современной БАССР, а за 1926 г. — с включением Аргаяшского кантона (см. табл. 11).

** Официальные данные переписи.

*** Подробный анализ численности башкир в XX в. см. в следующем разделе.

¹⁴⁰ «Племенной состав населения Уфимской губернии...», стр. 4—8.

¹⁴¹ Д. П. Никольский. Указ. соч., стр. 22.

456 тыс., подготовлены Уфимским губернным статистическим комитетом на основании тщательного административного учета населения на местах и обобщения этого материала. Сведений о численности башкир в 1879 г. по Оренбургской губернии не имеется; по переписи 1897 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 254 тыс. человек. Учитывая прирост населения за 18 лет, можно считать, что в 1879 г. в Оренбургской губернии проживало не более 200 тыс. башкир. Следовательно, численность башкирского населения двух губерний в 1879 г. не превышала 650 тыс. человек, а общее количество башкир с учетом проживающих в Пермской и Саратовской губерниях равнялось примерно 700 тыс. человек. Это не расходится с приведенным выше расчетом Риттиха (750 тыс.), так как, по замечанию Д. П. Никольского, в это число «вошли и другие народности»¹⁴². При естественном приросте в 1,4—1,6% в год башкиры с 700 тыс. в 1879 г. к 1897 г. могли возрасти до 910—960 тыс. человек, что еще раз подтверждает правильность приведенного анализа численности башкир в XIX в.

Таблица 7*

Уезды	Численность башкир
Уфимский	59 600
Стерлитамакский	99 073
Белебеевский	134 671
Мензелинский	73 321
Бирский	47 478
Златоустовский	41 580
Всего по Уфимской губернии	455 723

* «Ведомость о числе народонаселения в Уфимской губернии по уездам к 1870 г.», л. 1.

* *

Повышенные темпы естественного прироста башкир в XIX в. объяснялись не только внутренним развитием башкирского общества. Существенное значение в увеличении населения имели этнические процессы; иными словами, рост численности башкир к 1897 г. до 910—960 тыс. произошел также вследствие дальнейшего проникновения в башкирскую этническую среду, а нередко и ассимиляции башкирами пришлых этнографических групп. В этом процессе надо строго различать два момента.

Этнографические группы, которые полностью ассимилировались в составе башкир, восприняв их язык и культуру и сохранив лишь некоторые особенности прежнего быта, являются органической частью народа, и сейчас нет возможности восстановить их численность и определить долю их участия в численном росте башкирского народа. Хотя ассимиляция башкирами большинства этих этнографических групп завершилась во второй половине XIX в., этот процесс, без всякого сомнения, шел издавна, с XVII или XVIII, а иногда и с XVI в. К этим этнографическим группам относятся калмыки и сарты, образовавшие еще в XVIII в. сарт-калмыкскую волость в Зауралье, часть тептярей в современном Учалинском и других районах БАССР, группы казахов, тезиков^{**}, каракалпаков и мишарей в южной и горной Башкирии.

¹⁴² Д. П. Никольский. Указ. соч., стр. 22—23.

** Тезик (тажик) — в данном случае тюркоязычные пришельцы из Средней Азии.

Несколько иной характер имел процесс инфильтрации в башкирскую этническую среду основной массы пришлых тевтярей и мишарей. Их проникновение в башкирскую этническую среду в XIX в. в большинстве случаев невозможно обозначить термином «ассимиляция» (хотя процессы такого рода также имели место). Значительная часть тевтярей в разное время принимала этническое название «башкир», однако их язык и культура, испытав влияние башкирского языка и культуры, в конечном счете сохранили свою прежнюю структуру. В этом своеобразном процессе, который протекал главным образом в западной и северо-западной Башкирии, надо различать несколько этапов.

В XVII—XVIII вв., когда количество пришлого населения относительно было невелико, пришлых тевтярей и мишарей башкиры обычно «принускали» в свои общинные владения на равных правах с остальными общинниками или разрешали им пользоваться частью общинных угодий на условиях внесения в казну определенной доли положенного на башкир ясака, а также выполнение ими других повинностей или уплаты общинникам оброка¹⁴³. В середине XVIII в. количество тевтярей в Башкирии составляло около 60 тыс. человек, а вместе с мишарями — около 75 тыс. Численное превосходство башкир, определенная зависимость (особенно в землепользовании) пришлых групп от башкирских общинников обусловили направленность этнического взаимодействия: тевтяри и мишари испытывают языковое и культурное влияние коренного населения. Особенно сильно сказалось башкирское влияние на тевтярях; на материалах языка это хорошо показано в тюркологических изысканиях последних лет¹⁴⁴. Тевтяри, происхождение которых преимущественно связано с различными этнографическими группами татар, в Башкирии расселились не компактно, а группами, что также способствовало сравнительно быстрому воздействию на них башкирской этнокультурной среды. Этот процесс продолжался до конца XVIII — начала XIX вв. К этому моменту тевтяри уже не представляли собой, как в XVII и начале XVIII вв., конгломерат различных этнографических групп и даже национальностей, объединенных лишь одинаковыми условиями их социального положения в Башкирии. Это была уже самостоятельная и довольно многочисленная этнографическая группа, язык и культуру которой можно квалифицировать как результат смешения и длительного взаимодействия языка и культуры татар и башкир.

Что касается мишарей, то те из них, которые поселились в Башкирии в XVI—XVII вв. или раньше в порядке свободной крестьянской колонизации, как уже упоминалось, ассимилировались в башкирской среде (например, мишар-юрматинский род); мишари, состоявшие в XVIII в. на военной службе у царского правительства¹⁴⁵ и разместившиеся в основном в населенных пунктах казанской крепостной линии (а впоследствии расселившиеся по всей Башкирии), сохранили особенности своего языка и культуры и мало подверглись башкирскому этническому влиянию. В то же время обратное воздействие служивых мишарей в XVIII в. на культуру башкир и в целом на их этнический облик также прослеживается слабо.

С конца XVIII в., особенно в XIX в., положение меняется; в этот период, судя по приведенным выше демографическим данным, переселенческий поток в Оренбургский край резко возрастает. Вскоре количество башкир и различных этнографических групп татар становится в северо-западных и западных областях Башкирии примерно равным, а в ряде районов численность татарского населения в целом начинает превышать численность коренных жителей края. Именно в этот период сложилось, а к середине XIX в. закрепились различия между тевтярями, как уже сложившейся местной этнографической группой, и собственно татарами, которые в XIX в. селились в Башкирии совсем на иных социальных и экономических условиях, чем некогда тевтяри. Башкиры обычно татар в отличие от тевтярей называли «казанскими» (*казанлылар*).

¹⁴³ С. М. Васильев. К вопросу о землепользовании..., стр. 135—137.

¹⁴⁴ А. Юлдашев. Язык тевтярей. Автореферат канд. диссертации. М., 1950, стр. 10—14.

¹⁴⁵ С. М. Васильев. К вопросу о землепользовании..., стр. 132.

Существенное значение в историческом развитии северо-западной и западной Башкирии сыграло то, что в конце XVIII в. сложились условия для завершения процесса перехода башкир этих областей к земледельческому хозяйству, формы ведения которого они заимствовали у пришлого населения, в т. ч. татар. Вследствие изменения количественного соотношения башкирского и татарского населения, а также в связи с новым направлением хозяйственного развития к концу XVIII в. характер этнического взаимодействия постепенно меняется. Воздействие татарского языка и татарской культуры становится более сильным. В языке и культуре северо-западных и западных башкир под татарским этническим влиянием происходят заметные изменения. Сила и направление этого влияния с середины XIX в. закрепляется такими мощными факторами духовного развития, как школа, печать и литература, функционировавшими здесь на татарском языке. Активность татарской торговой буржуазии способствует дальнейшему углублению этого процесса. К концу XIX в. различия в языке и культуре северо-западных и западных башкир и татар были уже несущественными.

Какова была роль тептярей в этом процессе? В связи с изменением этнического состава, численного соотношения населения, а также хозяйственных условий, с конца XVIII в. этнокультурное воздействие башкир на тептярей ослабевает. Тептяри, успевшие заметно сблизиться в языковом и культурном отношении с башкирами, теперь сами вместе с коренными жителями края начинают испытывать воздействие новой сильной волны переселенцев-татар. В XIX в. этническая история тептярей в северо-западной и западной Башкирии развивалась практически параллельно этнической истории башкир этих районов. Если учесть при этом активные перекрестные браки между башкирами и тептярями, совместное расселение в одних и тех же районах и населенных пунктах, станет понятным быстрое исчезновение между ними языковых и культурных различий.

Остается выяснить, как эти процессы отразились на этнической статистике. Преобладающая часть башкир и тептярей рассматриваемых областей Башкирии, не говоря уже о татарах, как в XIX, так и в начале XX в. устойчиво сохраняло чувство национального самосознания. В связи со слабой изученностью вопроса сейчас трудно сказать, каковы были причины этой особенности этнического процесса в Башкирии XIX в. Возможно, в этом сказывалась (и сейчас еще сказывается) незавершенность процесса, хотя многие исследователи не раз отмечали глубокую нивелировку этнической характеристики башкир и тептярей. Возможно, также значительной была роль разных социальных и политических факторов. В XVIII в., например, существенным критерием для различения башкир, тептярей и мишарей было их отношение к земельной собственности. Во всяком случае, в XIX и в начале XX в. тептяри в статистических обзорах, в официальных документах фигурируют в одном ряду с самостоятельными народами, так же как, впрочем, и мишари. Говорить о крупных переливах башкир в татарскую группу вообще нет оснований, так как численность башкир, как мы видели, в XIX в. постоянно возрастает. Однако если в основной массе населения Башкирии этническое самосознание оставалось достаточно устойчивым, то у царской администрации ясности в понимании национальной структуры края не было. Для нее большее значение имели иллюзорные в конце XIX в. особенности в землепользовании, нежели реальные этнические процессы. Нельзя, конечно, не учитывать и близость башкирского и татарского языков и отсутствие существенных различий в разговорной речи тептярей и башкир в северо-западных и западных районах. Этими обстоятельствами и надо объяснить то, что около 350—400 тыс. тептярей и мишарей (а это, главным образом, население северо-западной и западной Башкирии) было учтено в составе башкир. В XX в., как увидим ниже, когда после Октябрьской революции переписи стали объективно отражать национальную структуру населения, статистические показатели по башкирам претерпели новое резкое изменение, на этот раз, естественно, в сторону уменьшения.

Было бы неверно не брать во внимание и то, что происходящие этнические процессы более глубоко затронули часть тептярского и башкирского населения; ослабление или даже исчезновение в сознании населения этнических критериев, различавших башкир и тептярей,

способствует появлению неустойчивости в определении национальной принадлежности. Особенно это было характерно для смешанных башкиро-тептярских семей, в которых новое поколение не видело разницы в отношении себя к тептярям или к башкирам, так же как не придавало значения тому, считать ли свой разговорный язык башкирским или татарским. Основным критерием для определения национальности в этих условиях становится воспринятый в историческом аспекте сословный признак: бывшая принадлежность предков к башкирскому войску, бывшие привилегии во владении земель в составе башкирских родовых или сельских общин, в некоторых случаях — сохранившиеся остатки реальных преимуществ в землепользовании и т. д. Группа башкиро-тептярского населения с неустойчивым этническим самосознанием имела тенденцию к расширению. Многие тептяри (сюда входила и часть мишарей) в 1897 г. отнесли себя к башкирам, хотя с изменением условий, с разрушением прежних пережиточных представлений о сословной принадлежности или земельных привилегиях они могли объявить себя и татарами. Но эта тенденция, как мы увидим в следующем разделе статьи, определилась в основном в XX в. Для XIX в. была характерна хотя и медленная, но постоянно возрастающая инфильтрация тептярей в башкирскую среду, что и обусловило повышенные темпы роста башкирского населения, особенно северо-западных и западных районов. Чтобы убедиться в правильности этого вывода, интересно обратиться к табл. 8¹⁴⁶, иллюстрирующей темпы роста численности башкир в западной и восточной Башкирии*.

Сведений, позволяющих группировать башкирское население XVIII—XIX вв. по областям, очень мало, однако даже те официальные данные, которые удалось сгруппировать

Таблица 8

Годы	Численность башкир	
	западная Башкирия	восточная Башкирия
1725—1726	89 496	168 405
1775	5 767 дворов	8 325 дворов
1782	56 916	80 390
1849	216 250	280 709
1851	261 000	328 500
(данные по башкирам и мишарям)		
1897	832 068**	478 952
(официальные данные переписи)		
1920	524 337***	377 055
1926	324 740	301 105

** Включая Мензелинский уезд.

*** Без Мензелинского уезда.

¹⁴⁶ Для составления табл. 8 использованы: «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 5, № 389 стр. 381—382; В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 131—132; П. Кепеев. Девятая ревизия... стр. 249; «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. 28, стр. 7; т. 45, стр. 10; т. 21, стр. 97; т. 10, стр. 89; т. 26, стр. 58; ЦГА БАССР, ф. Р—473, оп. 1. Поволжские таблицы переписи населения 1920 г.; «Всесоюзная перепись 1926 г. Башкирская АССР», отд. 1. М., 1928, стр. 334, табл. 10.

*К западной Башкирии отнесены Казанская и Осинская дороги, к восточной — Ногайская и Сибирская (сведения 1725—1726 и 1775 гг.); в остальных случаях к числу западных отнесены уезды Осинский, Бирский, Сарapulьский, Елабужский, Бугурусланский, Бугульминский, Белебеевский, Мензелинский, к числу восточных — Екатеринбургский, Красноуфимский, Шadrинский, Троицкий, Челябинский, Верхнеуральский, Стерлитамакский, Оренбургский, Златоустовский; западная часть Уфимского уезда отнесена к западной, восточная — к восточной Башкирии.

в приведенной таблице, хорошо показывают, как постепенно меняется соотношение численности западных и восточных башкир. В начале XVIII в. численность восточных башкир значительно превышает численность башкир западных районов. К середине XIX в. количество восточных и западных башкир почти уравнивается, а во второй половине XIX в. соотношение меняется. Если учесть, что подавляющая часть теңтарей и мишарей, учтенных в 1897 г. в составе башкир, населяла западные районы Башкирии, разница в численности западных и восточных башкир была не такой резкой, как показано в таблице, но все же была. Новое соотношение, свидетельствующее о значительно более быстрых темпах роста численности западных башкир и о происходящих в их среде сложных этнических процессах, продолжала сохраняться и в XX в.

* *
*

Численность башкир в XX в. В Оренбургской и Уфимской губерниях, как и в России в целом, с 1897 до 1913 г. имел место общий рост населения. Так, по расчетам Х. Я. Тахаева, среднегодовой прирост населения в Башкирии за 1897—1917 гг. был равен 1,68%¹⁴⁷. Для сравнения укажем, что по Европейской России за 1896—1913 гг. естественный прирост в среднем за год составил 1,65%¹⁴⁸. По Оренбургской и Уфимской губерниям показатели среднегодового прироста населения за 1896—1913 гг. были значительно выше, чем в России (соответственно 2,10 и 1,94%)¹⁴⁹, однако в последующие годы в связи с первой мировой и гражданской войнами, а также механическим движением населения, произошел спад, что снизило общий уровень среднего годового прироста за 1897—1917 гг. до 1,68% в год. Как указывалось, во второй половине XIX в. в среднем ежегодный естественный прирост башкирского населения составлял 1,4—1,6%. После 1897 г. в дореволюционной Башкирии этот показатель, вероятно, остался на прежнем уровне или был несколько ниже. Два момента свидетельствуют о верности такого предположения: уровень естественного прироста в 1897—1917 гг. всего населения Башкирии (1,68%) и утверждение ряда авторитетных специалистов о том, что как общие, так и многие региональные демографические данные по дореволюционной России, относящиеся к периоду после переписи 1897 г., оказались преувеличенными¹⁵⁰. Последнее может означать, что темпы естественного прироста населения нашего края (в т. ч. башкир) могли быть ниже установленных в соответствии с официальной статистикой. Но здесь уместно подчеркнуть следующее: если у нас есть определенные основания считать, что темпы роста башкирского населения в начале XX в. оставались прежними или были несколько ниже, чем по региону в целом, в то же время нет достаточно убедяющих аргументов, что никакого якобы прироста башкирского населения в эти годы не было и даже имел место существенный спад численности. В действительности такого спада в численности башкир в 1897—1917 гг. не было. Кроме приведенных выше официальных данных о темпах естественного движения, об этом достаточно убедительно свидетельствуют показатели общего роста населения в крае. Так, в шести уездах Уфимской губернии в 1897 г. проживало 2 196 642 человека, а в 1920 г. — 2 688 327¹⁵¹. Что касается башкирского населения, то анализ смертности, который М. Птуха провел по 11 народностям России (на материалах переписи 1897 г.), убедительно показал, что хотя детская смертность среди башкир была высокая, она в конце XIX в. не превышала средних показателей по стране. Так, в списке 11 народностей (русские, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, евреи, башкиры, татары и чуваша) по смертности среди детей до 1 года башкиры стояли на 5-м месте (после русских, чувашей, татар и украинцев), от 1 до 2 лет — также на 5-м (после русских,

¹⁴⁷ Х. Я. Тахаев. Башкирия. Уфа, 1950, стр. 112.

¹⁴⁸ А. Г. Рашид. Указ. соч., стр. 47.

¹⁴⁹ Там же, стр. 218.

¹⁵⁰ Там же, стр. 149.

¹⁵¹ «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. 45, стр. 10; «Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г.» — Труды ЦСУ, т. 1, вып. 2. М., 1921, стр. 14.

молдаван, белорусов и евреев), от 2 до 3 лет — на 3-м (после русских и белорусов), от 3 до 5 лет — на 4-м месте (после чувашей, белорусов и татар). Начиная с 10-летнего возраста жизнеспособность башкир резко увеличивается, и по смертности среди 11 народностей они занимают лишь 8—11 места¹⁵³. В начале XX в. эти показатели едва ли существенно изменились. Снижение темпов прироста и даже уменьшение численности имело место только в результате империалистической и гражданской войн, разрушительные последствия которых башкир, видимо, коснулись больше, чем остального населения края. В целом же приведенные данные не только опровергают тезис о постепенном вымирании башкирского народа, но и свидетельствуют, по выражению М. Птуха, «о весьма высокой жизнеспособности башкир»¹⁵³.

Таким образом, хотя некоторые различия в темпах естественного прироста (и особенно в уровне рождаемости) разных национальностей края в 1897—1920 гг. наблюдались однако они не были резкими.

* * *

Сведения о численности башкир по переписи 1920 г. находятся в противоречии с официальными данными о темпах естественного роста и движения населения Оренбургской и Уфимской губерний в 1897—1917 гг.

Восстановление численности башкирского населения по данным переписи 1920 г.—чрезвычайно трудная задача. Перепись проходила в сложной политической обстановке и в связи с гражданской войной в нескольких районах не была закончена. Период ее проведения и обработок результатов совпал в Башкирии с годами становления Башкирской Автономной Республики и многократными преобразованиями, уточнениями и изменениями административных границ. Подсчет количества населения в разных территориальных пределах породил, естественно, различные оценки численности башкир, а специального изучения этого вопроса никто не проводил.

Проф. Р. М. Раимов общее количество населения в 1917 г. «на территории, которая вошла в Башкирию», определяет в 3 134 тыс. человек, в т. ч. башкир —1186 тыс., или 36,4% населения республики, а татар —459,6 тыс., или 15%. Данные эти, по словам Р. М. Раимова, выведены «путем сложения итогов переписи 1920 г. по восточной Башкирии и по пяти уездам Уфимской губернии, вошедшим в 1922 г. в состав Башкирии»¹⁵⁴. Оценка Р. М. Раимовым численности башкирского населения в 1920 г. считается в настоящее время общепринятой. Однако в подсчете Р. М. Раимова сказались некоторые погрешности, связанные с изменениями в 1920—1922 гг. территориально-административных границ. Восточная, или Малая Башкирия в 1920 г. включала кантоны: Аргаяшский, Табынский, Кудейский, Яланский, Тамьян-Катайский, Юрматынский, Бурзян-Тангаурский, Кипчак-Джетеуровский, Усерганский, Токчуранский, Дуван-Кущинский. Р. М. Раимовым численность башкирского населения Малой Башкирии была учтена в таком составе. В июне 1922 г. Яланский кантон (ныне Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области) отошел к Челябинской губернии, так же как и Златоустовский уезд, в пределах которого проживала часть башкир соседних кантонов. Кудейский кантон был присоединен к Уфимскому уезду, Юрматынский и Табынский — к Стерлитамакскому. Башкирское население этих кантонов было учтено Р. М. Раимовым, видимо, дважды: в составе Малой Башкирии, а затем в составе «пяти уездов» Уфимской губернии. В том же 1922 г. Усерганский и Бурзян-Тангауровский кантоны были объединены в Зилаирский, а Дуван-Кущинский — переименован в Месягутовский. Таким образом, к 1922 г. границы Малой Башкирии претер-

¹⁵³ М. Птуха. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев, 1928, стр. 21, табл. 4; стр. 25, табл. 5.

¹⁵⁴ Там же, стр. 26.

¹⁵⁵ Р. М. Раимов. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952, стр. 24. (Шестой Мензелинский уезд Уфимской губернии вошел в 1920 г. в состав Татарской АССР).

пели изменения, которые необходимо учесть при определении численности населения. В Центральном государственном архиве БАССР хранятся «Поволостные таблицы итогов переписи населения 1920 г.», которые дали возможность составить табл. 9¹⁵⁵, более точно отражающую численность башкирского населения так называемой Большой Башкирии*. Подсчет итогов переписи 1920 г. произведен в пределах административных границ, установившихся к 1922 г.

Таблица 9

Кантоны и уезды	Кол-во башкир
Аргаяшский кантон	56 605
Тамьян-Катайский кантон	31 633
Килчак-Джетеуровский кантон	37 329
Зилайрский кантон	81 246
Ток-Чуранский кантон	15 342
Месягутовский кантон	57 312
Стерлитамакский кантон	88 211
Златоустовский уезд	9 377
Белебеевский уезд	224 063
Уфимский уезд	71 160
Бирский уезд	229 114
Итого	901 392

Как видно, Большая Башкирия в 1922 г. включала почти все районы, заселенные башкирами и учтенные переписью 1897 г. в составе Уфимской, Оренбургской, Пермской и Самарской губерний. Исключение составляют лишь Яланский кантон, где по переписи 1897 г. было около 15 тыс. башкир, Мензелинский уезд Уфимской губернии (123 тыс.) и прилегающие к нему башкирские села Вятской губернии (13,9 тыс.). Таким образом, общее количество башкир в 1920 г. должно было бы составить с учетом коррективы на неохваченные территории и естественного роста этой части населения около 1050 — 1100 тыс. человек. Однако в действительности коррективка примерно на 150—200 тыс., основанная на официальных данных переписи 1897 г., для 1920 г. является преувеличенной. Дело в том, что перепись 1920 г. (по сравнению с официальными данными 1897 г.) показала отсутствие изменений в численности башкир по восточной Башкирии и совершенно определенное уменьшение — по западной и центральной. Так, в 1897 г. во всех пяти уездах Оренбургской губернии башкир насчитывалось 254 тыс., а в 1920 г. в Малой Башкирии без Тамьян-Катайского и Бурзян-Тангауровского кантонов их оказалось 312 тыс.¹⁵⁶. С учетом пример-

¹⁵⁵ ЦГА БАССР, ф. Р—473, оп. 1. Поволостные таблицы итогов переписи населения 1920 г.

* Территория Большой Башкирии в границах 1922 г. охватывала всю бывшую Уфимскую губернию, кроме Мензелинского уезда, и Малую Башкирию, в которую входили башкирские районы бывшей Оренбургской губернии (около 2/5 ее территории), включая Аргаяшский кантон в быв. Челябинском и Ток-Чуранский кантон в бывшем Оренбургском уезде (с учетом изменений, происшедших к 1922 г.). Кроме того, в состав республики были включены населенные башкирами районы Осинского, Екатеринбургского и Шадринского уездов Пермской губернии и Юмран-Табанская волость Самарской губернии. (Б. Х. Ю л д а ш б а е в. Образование Башкирской АССР. Уфа, 1958, стр. 65, 125, 127, 129, 132—135).

¹⁵⁶ ЦГА БАССР, ф. Р—473, оп. 1. Распределение населения 9 кантонов Малой Башкирии по национальности.

ной оценки башкирского населения указанных кантонов в 60—65 тыс. человек (в качестве исходных взяты данные 1897 г. по Троицкому и Верхнеуральскому уездам), башкирское население Малой Башкирии составляло в 1920 г. около 372—377 тыс. человек. Это заметный рост, особенно если иметь в виду, что данные 1897 г. и по восточной Башкирии несколько преувеличены. Но если учесть, что в состав Малой Башкирии включена часть башкир Уфимского, Златоустовского, Стерлитамакского уездов Уфимской губернии и Екатеринбургского, Красноуфимского, Шадринского уездов Пермской губернии, то более верным будет вывод о том, что количество башкир в восточной Башкирии, видимо, осталось на прежнем уровне или даже несколько уменьшилось. Уменьшение в численности западных башкир можно проследить по уездам (которые в 1922 г. назывались кантонами—табл. 10).

Таблица 10

Уезды или кантоны	Кол-во башкир	
	1897 г.	1920 г.
Уфимский	114,5	71,7
Белебеевский	233,0	224,0
Бирский	262,2	229,1

Спад в численности башкир в западной Башкирии резким назвать нельзя, тем не менее он дает достаточно оснований думать, что аналогичных масштабов уменьшения башкир имели место в Мензелинском уезде и в Вятской губернии. Эти соображения заставляют снизить взятую нами корректировку до 50—100 тыс. и определить общую численность башкир по данным 1920 г. в 950—1050 тыс. человек.

Эта оценка и сведения о численности башкир в Большой Башкирии, представленные в табл. 9, находят подтверждение в сводных таблицах, составленных уже после некоторых территориальных изменений; численность башкир в республике после передачи Ток-Чуранского кантона в Оренбургскую и отчасти Самарскую губернии и изменения границ Месягутовского кантона составила 833 тыс. человек¹⁸⁷.

Таким образом, сведения об общей численности башкир в 1920 г. оказались значительно ниже официальных итогов переписи 1897 г. Здесь мы сталкиваемся со своеобразным положением, когда зафиксированные источниками темпы естественного прироста населения не только не сопровождаются в официальных данных ожидаемым абсолютным ростом численности народа, но, наоборот, дают заметное ее снижение. Это обстоятельство требует разъяснения.

Несмотря на трудные условия еще не закончившейся гражданской войны, разруху, недостаток подготовленных кадров переписчиков и т. п., на территории Башкирии переписью были охвачены почти все районы, за исключением Бурзян-Тангауровского, Тамьян-Катайского и частично Усерганского кантонов, численность населения в которых была определена ориентировочно по данным прежних оценок и переписи. Конечно, это обстоятельство не могло не повлиять на качество переписных материалов, однако в целом результаты переписи 1920 г. в Башкирии по полноте охвата населения отражают реальную картину. Они дают возможность с учетом некоторых корректировок сложить достаточно обоснованное представление об общей численности башкир в 1920 г. Следовательно, отме-

¹⁸⁷ ЦГА БАСССР, ф. Р—473, оп. 1. Перепись населения в 1920 г.; ЦСУ БАСССР, отдел демографический. Перепись населения в 1920 г.; Сводки по форме № 2 в границах Большой Башкирии с изменением границ Месягутовского кантона.

Общая численность населения Большой Башкирии равнялась 3290 тыс. человек, в т. ч. в пяти уездах Уфимской губернии 2221 тыс., в Малой Башкирии 1069 тыс. («Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г.»— «Труды ЦСУ», т. 1, вып. 2, стр. 14., табл. 1).

ченное расхождение между темпами естественного прироста и абсолютным ростом численности населения надо искать, главным образом, не в недостатках и ошибках переписи 1920 г., а в объективных условиях того времени.

Здесь сыграли роль многие причины. Во-первых, существенное значение имело снижение темпов естественного движения населения в 1914—1920 гг., когда в связи с первой империалистической и гражданской войнами, разрухой и голодом прирост прекратился и местами даже имела место убыль населения. Официальными статистическими данными об убыли башкирского населения в 1914—1920 гг. мы не располагаем. По расчетам Х. Я. Тахаева, в 1914—1922 гг. ежегодная убыль населения в Башкирии составляла 1,42%¹⁵⁸. Однако основная доля этой убыли приходилась на голодные 1921—1922 гг. В 1914—1920 гг. численность башкирского населения оставалась, скорее всего, на одном уровне или имела место небольшая убыль; учитывая более или менее устойчивый рост населения в 1897—1914 гг., в общей сложности мы должны были иметь к 1920 г. хотя бы очень незначительный рост численности. Именно такой, сравнительно небольшой рост башкирского населения можно установить, если исходить не из официальных итогов переписи, а из нашей оценки численности башкир в 1897 г. в 910—960 тыс. человек. Правда, сразу же оговариваемся: как и в оценках численности башкир в XIX в., в итоговых данных 1920 г. (960—1050 тыс.) учтена часть тептярей, имевшая тенденцию к ассимиляции в башкирской среде, но как показала перепись 1926 г., все же не успевшая окончательно утратить сознание своей этнической принадлежности. В то же время в 1920 г. существенно возросла по сравнению с 1897 г. численность татар в Башкирии (360 тыс. в Оренбургской и Уфимской губерниях в 1897 г. и 579,6 тыс. только в Большой Башкирии в 1920 г.)¹⁵⁹.

Эти материалы говорят о том, что основное воздействие на новое изменение национальной структуры населения Башкирии оказали социально-экономические и политические причины. Большие социальные изменения в башкиро-татарской деревне, обезземеливание десятков тысяч башкирских и татарских крестьян и т. д.¹⁶⁰ создали условия, в которых этноним «башкир» постепенно утратил свое сословное значение. Теперь в западной и северо-западной Башкирии редко кто связывал понятие «башкир» с вотчинными правами или, тем более, с повышенными земельными наделами. Образовавшаяся в XIX в. неустойчивость национального самосознания части населения, так же как существующая среди нее тенденция воспринимать этноним «башкир» как сословное наименование, соответствующим образом отреагировали на эти социально-экономические сдвиги. В этнической истории тептярей как бы начался обратный процесс. Часть тептярей и тем более мишари, по тем или иным причинам учтенные в 1897 г. или в другие более ранние годы в составе башкир, сейчас снова стали регистрироваться в соответствующих этнографических группах или отнесли себя к татарам. Это уже отразилось в результатах подворной крестьянской переписи 1912—1913 гг. (в Уфимской губернии в 1912—1913 гг. татар оказалось 623,9 тыс. против 184,8 в 1897 г.) и еще более отчетливо проявилось в переписи 1920 г. Особенно убедительным будет выглядеть этот тезис, если проследить изменения в численности западных башкир: по официальным данным переписи 1897 г., в западной Башкирии (без Мензелинского уезда, не вошедшего в состав Большой Башкирии) башкир было 709 тыс. человек, татар — всего 52,3 тыс. человек. В 1920 г. в западных районах Большой Башкирии башкир стало 524,3 тыс., зато татар — более 400 тыс.¹⁶¹. Конечно, неверно было бы думать, что в 1920 г. этот процесс закончился и все этнические группы окончательно определились. Было бы совершенно безнадежным занятием пытаться сейчас точно определить в цифровом выражении — сколько тептярей и мишарей, учтенных в 1897 г. в составе башкир,

¹⁵⁸ Х. Я. Тахаев. Указ. соч., стр. 112.

¹⁵⁹ ЦСУ БАССР. Отдел демографический. Перепись населения в 1920 г. Сводки по форме № 2 в границах Большой Башкирии с изменением границ Меслятовского кантона.

¹⁶⁰ Х. Ф. Усманов. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958, стр. 137—152.

¹⁶¹ «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. 14, стр. 10; ЦГА БАССР, ф. Р—473, оп. 1. Поволостные таблицы итогов переписи 1920 г.

вновь перешли в 1920 г. в свои этнические* группы. Определенно можно сформулировать лишь два основных положения, касающихся изучения нашего вопроса:

а) с 1897 по 1920 год рост численности башкир был незначительным, что объясняется спадом рождаемости и потерями в 1914—1920 гг.;

б) в связи с изменениями в социально-экономических условиях в Башкирии начинается процесс «возврата» тептярей и мишарей, учтенных в 1897 г. и ранее в составе башкир, в свои этнические группы; процесс этот, однако, окончательно определился лишь во время переписи 1926 г.

* * *

Перепись 1926 г. показала резкий спад численности башкирского населения; в абсолютных цифрах количество башкир в 1926 г. (713 684, в т. ч. 625, 8 тыс. в БАССР) уменьшилось по сравнению с 1920 г. примерно на 300 тыс. человек¹⁶², а с учетом высоких темпов прироста 1923—1926 гг., покрывших часть потерь 1921—1922 гг., эта цифра была несколько выше. Численность населения БАССР по данным переписи 1926 г. в целом и в национальном разрезе представлена в табл. 11¹⁶³.

Таблица 11

Кантоны	Всего населения	В том числе		
		русских	башкир	татар
Уфимский	568 494	309 068	57 552	98 906
Аргаяшский	100 851	31 897	40 984	27 602
Белебеевский	556 681	142 470	118 152	192 719
Бирский	535 647	148 536	177 812	121 238
Зиланрский	195 036	81 894	80 784	10 884
Месягутовский	160 219	86 371	41 521	27 173
Стерлитамакский	429 490	194 054	73 187	89 613
Темьян-Катайский	119 419	70 417	35 854	12 483
Итого по республике	2 665 837	1 064 707	625 846	580 618

Причин резкого уменьшения численности башкир с 1920 по 1926 год несколько. Прежде всего, спад объясняется тяжелейшими 1921—1922 гг., когда небывалая засуха, голод, тиф и холера поразили Среднее Поволжье и Южный Урал, и без того разоренные в период империалистической и гражданской войн. Масштабы трагедии 1921—1922 гг. характеризуются следующими цифрами: в Уфимской губернии убыль всего населения составила, по официальной оценке того времени, 19,25%, в Малой Башкирии — 26,92%¹⁶⁴. Смертность среди восточных башкир была выше, чем среди остального населения края. Х. Я. Тахаев приводит данные об уменьшении населения по некоторым восточным башкирским кантонам:

¹⁶² «Численность и расселение народов мира», стр. 64, 86; М. П л и с е ц к и й. Указ. соч., стр. 6*

¹⁶³ «Всесоюзная перепись 1926 г. Башкирская АССР», отд. 1, стр. 312—325.

¹⁶⁴ «Отчет III-му Всебашкирскому съезду Советов (июль 1921—ноябрь 1922)». Уфа, 1922, раздел «Борьба с голодом и его последствиями», стр. 5.

Зилаирском кантоне — на 21%, в юго-восточных кантонах на 30—31%¹⁶⁵. В целом в 1921—1922 гг. численность башкирского населения уменьшилась на 22,1%, или примерно на 220—230 тыс. человек¹⁶⁶.

Засуха, голод, болезни имели тяжелые последствия для всего населения края, однако смертность среди восточных башкир оказалась, как видно, более высокой. Повышенная смертность среди части башкирского населения в 1921—1922 гг. объясняется особенностями социально-экономической и политической истории края: конец XIX—начало XX вв. совпал с завершением резкой ломки сложившегося веками типа хозяйства и культуры башкир. К началу XX столетия процесс обезземеливания и пауперизации башкирского крестьянства достиг той ступени, когда в восточной Башкирии исчезла всякая возможность продуктивно вести традиционное полукочевое скотоводческое хозяйство. В конце XIX в. в Уфимской губернии, например, почти пятая часть (19,3%) башкирских хозяйств не имела скота, и почти треть хозяйств (29,9%) были безлошадными. Обнищание восточных башкир было еще более глубоким. Так, в населенном главным образом башкирами Орском уезде Оренбургской губернии в 1905 г. безлошадные и однолошадные хозяйства составляли 37%¹⁶⁷. В то же время в горно-лесных и горно-степных районах восточной Башкирии в 1920 г. 80% хозяйств не имели посевов, хотя скотоводство здесь также давно утратило свою былую роль¹⁶⁸. Однако дело не только в том, что полукочевое скотоводческое хозяйство перестало быть экономической основой жизни; земледельческое хозяйство, к которому перешли многие восточные башкиры, из-за слабой технической оснащенности и отсутствия навыков велось на низком уровне: сборы урожая не обеспечивали потребностей населения. Иначе говоря, разрушение традиционного типа хозяйства и культуры в восточной Башкирии далеко не всегда сопровождалось в условиях царизма органическим и естественным вхождением башкир в сферу земледельческого хозяйства и культуры. Многие и многие хозяйства, имеющие посевы и зафиксированные местной статистикой как земледельческие, в действительности продолжали летние кочевки, подчиняя их сроки и маршруты земледельческому календарю. Естественно, что продуктивность таких хозяйств была низкой. На этом фоне чрезвычайно тяжелыми оказались потрясения, которые испытали хозяйства башкир в годы первой империалистической и гражданской войн. Особенно сильному разорению подверглось хозяйство башкирского населения восточной Башкирии, которая была в годы гражданской войны ареной упорной борьбы. В Юрматынском, Табынском, Тамьян-Катайском, Бурзян-Тангаурском и Кипчак-Джетеуровском кантонах Малой Башкирии в 1918—1919 гг. было разорено и разрушено около 7 тыс. крестьянских хозяйств, уничтожено 650 деревьев. Во время отступления колчаковцы только в трех кантонах — Табынском, Юрматынском и Тамьян-Катайском — отобрали у крестьян более 100 тыс. пудов хлеба, 17 тыс. пудов мяса, угнали с собой 15 тыс. лошадей, около 30 тыс. коров и еще большее число мелкого скота. На территории Малой Башкирии без крова, голодных и разутых оказалось более 157 тыс. человек. По сравнению с довоенным периодом в 1920 г. в Уфимской губернии поголовье скота сократилось на 50%, а посевная площадь — на 43%, в Малой Башкирии за тот же период поголовье скота — на 55,3, посевная площадь — на 60,9%¹⁶⁹.

Таким образом, испытания 1921—1922 гг. застали башкир в момент, когда прежние традиции в хозяйстве были разрушены, а новые еще не были восприняты достаточно прочно и глубоко. В этом, безусловно, одно из тяжелейших наследий царизма, последствие гру-

¹⁶⁵ Х. Я. Тахаев. Указ. соч., стр. 112.

¹⁶⁶ «Отчет III-му Всебашкирскому съезду Советов», стр. 4, 5; Г. Х. Гумеров. Борьба за восстановление народного хозяйства Башкирии (1920—1928 гг.). — «Советская Башкирия». Уфа, 1957, стр. 112.

¹⁶⁷ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 303.

¹⁶⁸ Тахаев, стр. 301; Г. Х. Гумеров. Борьба за восстановление народного хозяйства Башкирии, стр. 112—113.

¹⁶⁹ «Советская Башкирия. Исторические очерки». Уфа, 1957, стр. 111—112; Ф. Ф. Муромов. Башкортостан тыныс төзөлөшкә күсеу осоронда. Өфө, 1958, 7—9 бит.

ных, варварских форм проникновения капитализма в башкирскую деревню. Разруха войны нанесла еще один, очень сильный удар по экономическому положению башкир.

Трудно представить возможные масштабы трагедии 1921—1922 гг., если бы не победа Октябрьской революции и установление в Башкирии Советской власти, организовавшей энергичную и действенную помощь голодающему населению. Деятельность созданной Советским правительством организации «Башкиропомощь», достаточно подробно и всесторонне описанная в литературе, не только сохранила жизнь тысячам людей, но и содействовала восстановлению и развитию разрушенного войной хозяйства башкирских крестьян¹⁷⁰.

Отмечая тяжелые последствия 1921—1922 гг., в то же время надо иметь в виду, что резкое уменьшение численности башкир к 1926 г. произошло не только вследствие голода, болезней и разрухи. Снова имели место переливы населения из одной группы в другую в результате воздействия различных политических и этнических факторов. С 1920 г. на результаты переписи начинает оказывать воздействие такой важный политический фактор, как образование и развитие Башкирской автономной советской государственности. К 1926 г. этот фактор сказался уже достаточно ощутимо. В западной Башкирии, где значительная часть населения была с переходными формами быта, культуры и неустойчивым национальным самосознанием, сам факт образования Башкирской и Татарской АССР (1920 г.) начал оказывать воздействие на формирование более прочного чувства этнической принадлежности как у башкирской, так и у татарской части населения. Конкретные проявления этого процесса были различные, в зависимости от района расселения той или иной группы населения, степени и глубины смешанности культур и т. д.

Определяющая тенденция развития в тот период была такова, что северо-западные и западные группы тентяро-мишарского населения с неустойчивым в прошлом национальным самосознанием под влиянием отмеченных политических факторов, а также в силу воздействия быстро распространяющихся грамотности и обучения на татарском языке, вновь стали относить себя к татарам. Это, конечно, совершенно не исключало иных процессов: в ряде мест тентяры и мишари испытали настолько существенное воздействие башкирской культуры, что эта часть тентяро-мишарского населения прочно и, очевидно, навсегда осталась в составе башкирской национальности. Но уже в те годы и даже раньше сформировалась в качестве наиболее перспективной другая линия — многие северо-западные и западные башкиры, культуру и быт которых мы называем переходной, имея в виду присутствие в них наряду с башкирской по происхождению основной многочисленных и даже преобладающих элементов татарской культуры, — постепенно, правда, очень медленно, стали ассимилироваться в татарской этнической среде. Эта линия, как увидим ниже, в дальнейшем не получила быстрого развития. Во всяком случае, результаты переписей 1939 и 1959 гг. этого не отразили. Анализ развивающихся в северо-западных и западных районах глубинных процессов, не зафиксированных официальной статистикой, требует исследования по специально разработанной программе. Пока можно лишь отметить, что основными факторами, приостановившими или сильно замедлившими здесь на многие десятилетия ассимилятивный процесс, были образование и развитие Башкирской АССР и стабилизация в условиях бурного национально-культурного строительства такого признака, как национальное самосознание. Иная картина сложилась с той частью башкирского населения, которая была включена в состав ТАССР. Мензелинские башкиры в условиях Татарской АССР стали причислять себя к татарам. По данным переписи 1926 г., на территории ТАССР (в бывшем Мензелинском уезде) башкир оказалось всего 1752 человека¹⁷¹ (вместо 193 тыс. в 1897 г.). Это было, собственно, одним из заключительных этапов ассимиляции самой западной части башкир в татарской среде.

На результатах переписей 1926 г. и последующих лет сказались, безусловно, и инструктории, обеспечивающие свободное определение национальной принадлежности и родно-

¹⁷⁰Г. Х. Гумеров. Борьба за восстановление народного хозяйства Башкирии, стр. 115—120; Ф. Фурманов. Башкортостан тыныс төзөлөшкә күсөү осоронда, 59—66 бит.

¹⁷¹М. Пл и с е ч к и я. Указ. соч., стр. 7.

го языка. Если перепись 1920 г. еще не проводила четкой грани между различными этнографическими группами татарского населения Башкирии, в 1926 г. инструкции на этот счет были уже совершенно определенными. В «дополнительной инструкции», разработанной Башкирским ЦСУ и утвержденной ЦСУ СССР, говорилось: «Особенное внимание необходимо обратить на регистрацию татаро-башкирской части населения. Здесь нужно твердо отграничить башкир от татар, мещеряков от тептярей, причем предписывалось тептярей, как группу, «образовавшуюся из смешения разных национальностей», стремиться распisać по тем этническим образованиям, к которым они в действительности принадлежали¹⁷². Результаты такой методики не замедлили сказаться (см. табл. 6): в Большой Башкирии в 1920 г. татар было 579,6, а в 1926 г. в БАССР, которая территориально была меньше Большой Башкирии,—621,3. Не может не обратить внимание то, что рост татар происходит несмотря на голодные 1921—1922 гг., которые коснулись татар в такой же сильной степени, как и остальное население края. Это противоречивое, на первый взгляд, явление можно объяснить только одним: основная часть тептярей и мишарей на этот раз была учтена в составе татар. В этом свете любопытные метаморфозы происходят с количественным соотношением западных и восточных башкир (см. табл. 8): в 1926 г. это соотношение в связи с резким уменьшением башкир в западных районах Башкирии становится почти таким же, как и в середине XIX в. Между тем известно, что физическая убыль башкирского населения в земледельческих западных районах была сравнительно меньшей. Следовательно, единственно возможное объяснение этой метаморфозы — исключение тептярей и мишарей, в большинстве живущих в северо-западных и западных районах, из числа башкир. В этом свете становятся ясными причины уменьшения башкир в 1926 г. на значительно большую цифру, чем потери 1921—1922 гг.

* * *

В 1939 и 1959 гг. этнографические группы мишарей и тептярей отдельно не учитывались, а относились: первые — к татарам, вторые — к национальностям в соответствии с их национальным самосознанием (преимущественно опять же к татарам).

Переписи 1939 и 1959 гг. и учет населения последующих лет показали устойчивый рост численности башкир (табл. 12)¹⁷³.

Т а б л и ц а 12

Годы	Численность башкир, в тыс.	В том числе в БАССР
1939	843	671,1
1959	989	731,7
1965	1100	

Победа социализма в стране, рост материального благосостояния населения дали (несмотря на тяжелые потери войны 1941—1945 гг.) значительный прирост населения¹⁷⁴. Отсутствие опубликованных статистических данных по отдельным районам или областям БАССР пока лишает нас возможности анализировать динамику численности башкирского населения во взаимосвязи с современными этническими процессами в Башкирии, однако некоторые связанные с ними моменты уже сейчас могут быть отмечены. В результате переписей 1939 и 1959 гг. еще более отчетливо проявилось значение национальной государ-

¹⁷²«Всесоюзная перепись 1926 г., Башкирская АССР». Пояснительные замечания к тому.

¹⁷³«Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., СССР». М., 1962, стр. 184, 202; «Население земного шара». Справочник. М., 1965, стр. 33.

¹⁷⁴П. Г. Подъячих. Население СССР. М., 1961, стр. 17, 21.

ственности в развитии национального самосознания тех или иных групп населения. Башкирское население, находящееся за пределами БАССР, к западу, к северу и к югу от ее границ, постепенно ассимилируется в татарском этническом окружении. Мензелинские башкиры, видимо, окончательно ассимилировались татарами. По переписи 1959 г., на территории ТАССР, так же как в Кировской (Вятской) области, башкир нет совсем. Не учтены башкиры также в пределах Куйбышевской и Саратовской областей¹⁷⁵, хотя здесь это обстоятельство может быть объяснено не только процессом татарской ассимиляции, но и несовершенностью методики переписи. Относящиеся к 1962—1963 гг. материалы этнографических экспедиций в эти области показывают, что значительная часть иргизо-камеликских башкир в пределах Саратовской и Куйбышевской областей отчетливо сохраняет национальное самосознание и специфические особенности в культуре и быте.

В пределах БАССР наблюдается иная картина: несмотря на то, что в северо-западной Башкирии татарский язык и многие элементы татарской культуры восприняты значительной частью башкирского населения, заметных сдвигов в национальном самосознании этой части населения после переписи 1926 г. не происходит. Об этом свидетельствует хотя бы то, что начиная с 1926 г. соотношение башкирского и татарского населения в Башкирии почти не меняется. Некоторые изменения в этой области, правда, имеют место (см. табл. 5): в 1939 г. наблюдалось небольшое повышение удельного веса татар в республике, однако по результатам переписи 1959 г. фиксируется обратный процесс; доля башкир в общей массе населения БАССР поднимается, а доля татар понижается. Однако делать какие-либо выводы из этого факта преждевременно; будущая перепись покажет, имеем ли мы дело с временным отклонением от намечившегося еще на рубеже веков процесса перехода части западных башкир в татарскую национальность, или же это признак закрепления у этой части населения в условиях дальнейшего развития советской автономии башкирского национального самосознания. Специального толкования в этом же свете потребует и специфика изменения численности башкир, считающих родным языком татарский: в 1926 г. 44,4% башкир в БАССР назвали родным языком татарский; в 1939 г. удельный вес этой группы возрос до 46,9%, а перепись 1959 г. зафиксировала обратный процесс: родным языком татарский назвали лишь 41,4% башкир, проживающих в республике. Соответствует этим наблюдениям и то, что национальное самосознание всех групп башкир, проживающих в пределах современных границ БАССР, по данным переписи 1959 г., не только не разрушается, но есть основания предполагать, что некоторые небольшие группы проживающих в республике татар стали называть себя башкирами.

* * *

Основные выводы следующие:

1. Результаты анализа источников обобщены в табл. 13. Таблица впервые показывает динамику численности башкир за столь длительное время. Именно поэтому она, на наш взгляд, в целом верно отражает картину, хотя мы охотно допускаем (с накоплением новых материалов) возможность уточнения некоторых ее данных.

2. Динамика численности башкир в XVI—XX вв. не была однолинейной. С XVI до конца XVIII в. численность башкирского населения изменялась мало, что находит объяснение в особенностях социально-экономической и политической истории народа. В XIX в. имел место существенный рост башкирского населения как за счет естественного движения, так и за счет инфильтрации в состав башкир пришлого этнического компонента, главным образом этнографических групп татар. Несколько замедлившийся в начале XX в. естественный рост населения сменился периодом резкого спада численности, вызванного голодом, разрухой и эпидемиями 1921—1922 гг., усугубленных в восточной Башкирии незавершившимся процессом перехода башкир от традиционных форм скотоводческого хозяйства

¹⁷⁵ «Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. РСФСР». М., 1963, стр. 320.

Таблица 13

Годы	Численность башкир, в тыс.
Середина XVI в.	180—240
1630—1631	~ 250
1725—1726	~ 260
1743	240—250
1775	230—240
1800	250—275
1815—1817	310—320
1834	392
1851	508
1857	545
1865	620
1885	750
1897	910—960
1920	960—1050
1926	714
1939	843
1959	989
1965	1100

к земледелию. В годы советской власти, в новых социально-экономических и политических условиях определился устойчивый рост численности башкирского народа.

3. Изменения численности башкир в XVI— начале XX вв. тесно связаны с этнической историей народа. В XVI в., на заключительном этапе сложения башкирской народности существенным этническим компонентом в составе южных башкир явились ногайские родо-племенные группы. В XVII—XVIII вв. на территорию Башкирии кочуют и ассимилируются в составе башкир группы сартов, калмыков, казахов, каракалпаков и др. Процесс ассимиляции этих групп в составе башкирской народности завершается в XIX в. Длительным и сложным было этническое взаимодействие башкир с этнографическими группами татар (особенно с тептярями). Языковые и культурные контакты оставили глубокие следы в этническом облике как башкир (северо-западная и западная Башкирия), так и тептярской группы татар.

4. Распространенный в литературе тезис о вымирании башкир в XVIII— начале XX вв. не подтверждается. В истории Башкирии были периоды относительной стабильности численности населения (XVI—XVIII вв.), были периоды быстрого его роста (XIX в.), сменявшиеся застоєм или даже резким спадом (1921—1922 гг.) Динамика изменения численности башкир находит объяснение в условиях социально-экономической и политической жизни общества, а также в специфике этнических процессов в Башкирии. В целом же башкирский народ, начавший в конце XIX в. складываться в нацию, обнаружил в процессе исторического развития высокую жизнеспособность, особенно активно проявившуюся в истории классовой борьбы трудящихся башкир, венцом которой было участие башкирского промышленного и сельского пролетариата в Октябрьской революции и в гражданской войне, в борьбе за установление в крае Советской власти.

Р. Г. КУЗЕВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ БАШКИР В XIX в. И ИСТОРИЯ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Общая характеристика этнографических групп и принципы их выделения

В теоретическом плане вопрос об этнографических группах разработан слабо. Только в последнее время, в связи с развернувшейся на страницах советских исторических журналов дискуссией о нации, в статьях, преимущественно этнографов, в общей форме затрагивается вопрос об этнографических группах как этнических общностях таксономически более низкого порядка, чем народность¹. Между тем в изучении этнической истории народов характеристика данных групп и уточнение принципов их выделения имеет важное значение.

Общие положения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, сформулированные в 50-х годах² и получившие в последующие годы широкое признание в конкретных исследованиях, могут с успехом использоваться и при выделении этнографических групп. Однако существенное различие заключается в том, что понятия «хозяйственно-культурный тип» и «историко-этнографическая область» введены в научный оборот для группировки (объединения) в обширный комплекс нескольких или многих различных по происхождению народов со сходными чертами в хозяйстве и культуре, тогда как понятие «этнографическая группа» обозначает в большинстве случаев часть народа, обладающую в пределах общей этнической характеристики известным культурным и языковым своеобразием. Следовательно, выделение этнографических групп неизбежно связано с поисками специфических элементов в культуре и быте населения, своеобразий в его языке.

Точно определить признаки этнографической группы, которые были бы применимы во всех условиях и во все времена, едва ли возможно. В историческом плане, например в эпо-

¹ Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — «Советская этнография», 1967, № 4; С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. — «Вопросы философии», 1964, № 1; В. И. Козлов. О понятии этнической общности. — «Советская этнография», 1967, № 2; Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей. — «Вопросы истории», 1967, № 1; его же. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов. — «Советская этнография», 1968, № 1.

² М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ, 1955, № 4; «Очерки общей этнографии (общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка)». М., 1957, стр. 41—56.

ху древности и средневековья, а в ряде мест и значительно позднее (например, на Северном Кавказе, Алтае), этнографическая группа могла представлять собой самостоятельное этническое образование, имевшее тенденцию развиваться в народность или, напротив, слиться с другой, более широкой и более устойчивой этнической общностью. В сущности, этнографическими группами были и большинство тех многочисленных объединений эпохи ранней средневековья, которые в литературе обычно принято называть «племенными союзами» или «большими племенами» (Großstämmе), но которые в действительности включали в свой состав различные по происхождению, но близкие по языку и культуре племена (башкиры в составе печенегов в конце I тыс. н. э.; табынцы в составе Золотой Орды в XIII в.; айлинцы в составе башкир в XIV—XVI вв. и др.). Этнографические группы, представляющие часть народа, должны по тем или иным показателям отличаться от самостоятельных этнических образований. Однако в большинстве случаев речь может идти об уровне (или степени развитости) одних и тех же показателей (например, хозяйственно-культурной обособленности, своеобразий в языке), измерить которые количественно не представляется возможным. Выразительность этих показателей, естественно, меняется в разные исторические эпохи в зависимости от направления этнических процессов на данной территории. Одна и та же этнографическая группа может, очевидно, выступать в разное время как самостоятельное этническое образование или как часть народа (например, тубалары, челканцы, кумандинцы, теленгиты, телеуты и другие группы, консолидировавшиеся в XIX—XX вв. в алтайскую народность; мишари, теңтяри — в составе татар).

При конкретном анализе в основу выделения этнографической группы необходимо, видимо, брать совокупность признаков, отчетливость которых может хорошо восприниматься лишь в сравнении с аналогичными показателями более широкой этнической общности. Этнографической группе должны быть присущи компактное расселение на единой территории, своеобразие культуры и быта, отражающее специфику хозяйственной жизни этнической истории, особенности языка. При этом основным критерием при выделении группы являются специфичность хозяйственно-культурных связей, так как в ряде случаев при местных особенностях в культурно-бытовых традициях заметные различия в языке в пределах одной народности не обнаруживаются или если все же имеются, то могут не совпадать с границами распространения культурных явлений. Это замечание относится к тем современным национальностям, языковая консолидация у которых достигла высокого уровня при заметном сохранении региональных особенностей в культурно-бытовом укладе (например, азербайджанцы). Однако в большинстве случаев эти особенности дополняются более или менее отчетливыми своеобразиями в разговорном языке. Если границы распространения локальных хозяйственно-культурных и языковых явлений (диалекта, наречия) совпадают, то, следовательно, общие очертания этнографической группы являются более глубокими и резкими.

В последнее время в печати появились новые термины для обозначения этнических общностей, предшествовавших народностям: «этнолингвистическая», «улусная» и др.³ В сложную историческую эпоху перехода от родового строя к классовым отношениям возникли и длительное время существовали различные формы этнических образований, общей чертой которых было сочетание еще прочных и действительных родо-племенных связей с нарастающими и многосторонними территориальными связями. В зависимости от их соотношения, размеров этнического образования и внутренней структуры целесообразно, очевидно, применять для их обозначения различную терминологию, пока еще недостаточно четко разработанную. Обширные этнолингвистические общности (например, огузы, печенеги, кипчаки) включали в свой состав более мелкие и более сплоченные («улусные», по терминологии Л. П. Лашука). Если в эпоху раннего средневековья под «улусной» можно подра-

³ Н. П. Чебоксаров. Указ. соч.; С. А. Токарев. Уз. соч.; В. И. Козлов. Указ. соч.; Л. П. Лашука. О формах донациональных этнических связей; е го же. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов.

зубовать тип этнической общности, сочетающей в разных соотношениях родо-племенные и территориальные связи, то позднее, в иных условиях, в обстановке постепенного ослабления племенной солидарности и формирования «раннефеодальных» народностей, «улусная» общность, если она сохраняет свою обособленность, становится ничем иным, как этнографической группой со всеми присущими ей признаками. Впрочем, если отвлечься от специфических условий средневековой истории чокчаков, то этнографическая группа предстает весьма древним социально-этническим институтом, характерным на протяжении многих веков всем или почти всем современным народам. Различия в природе этнографических групп тех или иных эпох заключаются лишь в том, что в период раннего средневековья в их основе была родоплеменная организация (например, несколько родственных племен, которые концентрировались вокруг себя родовые и территориальные объединения иного происхождения), а в более поздние века этнографическая группа представляет собой совокупность разных по происхождению родо-племенных, а еще чаще — территориальных образований, объединенных в силу ряда исторических обстоятельств. Сказанное позволяет, на наш взгляд, считать термин «этнографическая группа» применимым, наряду с другими, для обозначения некоторых типов этнических общностей, предшествовавших формированию народностей.

Как и любая другая форма этнической общности, этнографическая группа — категория историческая. Облик ее складывается в течение длительного времени под воздействием многих независимых друг от друга факторов: природно-географических, хозяйственных, этнических, исторических, демографических, политических. В плане разработки этнической истории особое значение имеют культурные контакты этнографической группы с другими народами, этнические передвижения, ассимиляция в ее составе пришлого населения. В соответствии с таким подходом сложившиеся этнокультурные признаки можно условно подразделить на «генетические» и «приобретенные». Условность такого деления определяется хотя бы тем, что применительно к этнографическим группам XIX — XX вв. под «генетическими» подразумеваются признаки вообще древнего происхождения. При этом надо, конечно, иметь в виду, что в древности или в эпоху раннего средневековья признаки, воспринимаемые сегодня как «генетические» (племенные), могли сложиться исторически. Под «приобретенными» удобно подразумевать те стороны этнокультурной характеристики, которые сложились сравнительно недавно, в новое время, под влиянием преимущественно взаимодействия с соседними народами и адаптации данной группы к местной природно-географической среде. Несмотря на условность такого деления, оно помогает расширить характеристику этнографической группы и использовать полученный материал при изучении этнической истории народа. В зависимости от соотношения и сочетания «генетических» и «приобретенных» признаков, которые в каждой конкретно-исторической ситуации определяются отдельно, можно сделать заключения о времени формирования этнографической группы, о тех этнокультурных образованиях, которые оказали определяющее воздействие на ее формирование, о направлении и силе культурных контактов в разные периоды и, наконец, о природе самой группы. В последнем случае имеются в виду истоки формирования этнографической группы как этнического образования: в этом плане они в пределах той или иной народности подразделяются на два вида. К первому относятся такие группы, в основе которых лежат древние племенные объединения (или древние этнографические группы), но их полная ассимиляция в пределах более широкой этнической общности (народности) не завершилась в силу тех или иных исторических причин. В этом случае должны преобладать или четко просматриваться «генетические» признаки. К таким группам, например, относятся юго-восточные банширы, в культуре, быте и языке которых до недавнего времени фиксировались признаки, восходящие к племенам Приаралья и Южной Сибири. Ко второму виду относятся этнографические группы, которые сформировались сравнительно недавно. Это обычно часть уже сложившегося народа, этнокультурный облик которой в определенных исторических условиях и, как правило, под воздействием внешней этнической среды претерпел заметную трансформацию, в той или иной степени отклонив-

шись от общего направления культурного развития народности. В этом случае четко просматриваются «приобретенные» признаки. Примером такого типа этнографических групп могут служить северо-западные башкиры, которые в течение последних двух-трех столетий испытали сильное влияние татарской культуры и татарского языка. Само собой разумеется, что далеко не во всех случаях можно четко определить природу (происхождение) этнографической группы, так как ее обычно характеризует сложнейшее переплетение «приобретенных» и «генетических» признаков. Однако исследование в этом направлении всегда дает плодотворные результаты в плане более глубокого раскрытия этнических вопросов.

Этнографическая группа не есть нечто законченное; она постоянно развивается или в направлении полной консолидации в составе народности, или, напротив, большей степени обособления (в последнем случае процесс рано или поздно может завершиться ассимиляцией этой группы в составе другой народности, как это часто наблюдается в зонах контакта разных национальностей). Этнографическая группа — подвижная и динамичная категория. История знает примеры, когда она на протяжении нескольких десятилетий исчезала полностью, растворявшись в более широкой этнической среде и утратив специфические признаки в культуре и языке. Точно так же при соответствующих исторических условиях сравнительно быстро возникали, особенно в результате процессов смешения в зонах контакта родственных по языку и культуре народов, новые этнографические группы с переходными формами культуры. Это, конечно, вовсе не исключает того факта, что в большинстве случаев они являются древними образованиями и несут на себе в одних случаях более, в других — менее отчетливые следы «генетических» признаков. Однако указанное обстоятельство означает, что этнографические группы в составе народа, выделенные применительно к конкретным, исторически обозримым периодам, нельзя интерполировать на другие, более ранние эпохи, так как при известных обстоятельствах на протяжении всего лишь одного столетия общие очертания этнографической группы и те или иные ее признаки могут существенным образом измениться. Тем более совершенно бесспорными являются попытки устанавливать на основе археологических материалов связь между этнографическими группами, скажем, XVIII—XIX вв. и археологическими культурами эпохи раннего средневековья. Если даже учесть тот очевидный факт, что многие существующие группы сформировались в период средневековья (например, в составе башкир, казахов, туркмен), все равно постоянная изменчивость границ их расселения, разная степень отчетливости своеобразий в хозяйственно-культурном облике и трудности в установлении преемственной связи между культурами отдаленных друг от друга эпох подкашивают необходимость изучения этнической структуры народов применительно к разным историческим эпохам.

Добавим, что изменчивость признаков этнографической группы (границ расселения, специфических особенностей в культуре и языке) непосредственно связана с процессом формирования народностей, одним из основных моментов в сложении которых была консолидация родственных по языку и культуре этнографических групп более раннего периода. Такая роль их в формировании и дальнейшей консолидации народностей, к стати очень слабо изученная, несомненно с представлениями о слабой изменчивости этих социально-этнических образований на протяжении исторически длительного периода.

Изучение этнографических групп имеет, таким образом, большую ценность в плане исследования этнической истории народа как на ранних, так и на поздних ее этапах. Хозяйственно-культурная и языковая характеристика этнографической группы, анализ соотношения «генетических» и «приобретенных» признаков и выяснение времени ее формирования и т. д. открывают обладающие перспективы глубокого исследования этнической истории народа. Тщательный анализ этнического и родо-племенного состава этнографических групп и последовательное изучение их истории с момента становления до современного состояния дает возможность установить роль и удельный вес различных этнических компонентов в происхождении и формировании народа, в частности башкирского.

В связи с перспективой таких исследований возникает еще один вопрос: правомерно ли рассматривать современные народности как историческую совокупность этнографических групп или же эти группы сохраняются (или вновь возникают) лишь на периферии в целом монолитной этнической общности? Однозначно на этот вопрос ответить невозможно, однако общая закономерность здесь такова, что народы с недостаточно высокой степенью консолидации по существу расчленяются на большее или меньшее число этнографических групп, тогда как высокий уровень ее стирает границы этих объединений, а порой и вовсе их ликвидирует.

Историко-этнографические районы Башкирии

Разнообразие территориальных особенностей в хозяйстве, культуре и физическом типе башкир привлекли внимание еще исследователей XVIII—XIX вв. Известный антрополог Н. Малиев разделял башкир на степных и лесных⁴. Ф. Нефедов, П. Небольси и другие различали башкир оседлых и кочевых⁵. Несмотря на ценность этих наблюдений, они не отражали в действительности гораздо более сложной картины историко-этнографической характеристики башкирского народа, так как, с одной стороны, в основу классификации брался лишь один какой-либо признак (особенности физического типа или хозяйство), с другой — выводы опирались на материалы, которые, в сущности, имели локальное значение и не характеризовали башкир в целом.

Огромную работу по историко-этнографическому районированию Башкирии выполнил на основе многолетних полевых исследований в начале XX в. С. И. Руденко. В соответствии с профилирующим типом хозяйства и особенностями материальной и духовной культуры территория расселения башкир разделена им на четыре области (рис. 1)⁶.

1. **Восточная область** — зауральские и южные степи с прилегающими предгорьями. Башкиры восточной области на рубеже XIX—XX вв. вели преимущественно скотоводческое хозяйство и сохраняли традицию летнего кочевания. Широко были распространены охота и ловля птиц. Культура в определяющих чертах соответствовала хозяйству. В пище преобладали молочные и животные продукты. Повсюду была распространена кожаная посуда. Постоянные жилища, в связи с отсутствием глубоких традиций оседлости, были примитивными: обычно это была небольшая бревенчатая изба без крыши, с полом над самой землей. В безлесных местах были известны плетневые, пластовые и саманные избы. Из летних жилищ особенно типичными для восточных башкир были решетчатые юрты как монгольского, так и тюркского (казахского) типов. В пределах восточной области по некоторым особенностям материальной культуры С. И. Руденко выделяет северную подобласть. Здесь бывал монгольский тип решетчатой юрты и отсутствовал тюркский; более широко были распространены пластовые и саманные избы.

2. **Горная область** — центральная часть Южного Урала. Культура и быт горных башкир, весьма близкие к образу жизни восточных, имели некоторые своеобразия, обусловленные территориальной замкнутостью горной области и значительной ролью в хозяйстве лесных промыслов. В пище горных башкир преобладали молочные продукты. Еще в конце XIX в. широко была распространена кожаная посуда, но в начале XX в. стала преобладать деревянная утварь. Зимой горные башкиры жили в бревенчатых избах с полом над самой землей, покрытых обычно дранницей; летом, на кочевьях — в срубках — *бурама*, лубковых шалашах.

⁴ Н. Малиев Антропологический очерк башкир. — «Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете», т. 5, вып. 5. Казань, 1876, стр. 15.

⁵ П. Небольси и Заметки о башкуртах. — «Отечественные записки», т. 73, стр. 67; Ф. Нефедов. В горах и степях Башкирии. — «Русская мысль», СПб., 1882, № 2, 5, 12.

⁶ С. И. Руденко Башкиры (Опыт этнологической монографии), ч. 2. Л., 1925, стр. 320—325

3. Юго-западная область — обширная, преимущественно лесостепная территория к западу от горных башкир и среднего течения р. Сакмары. Башкиры здесь в начале XX в. были оседлыми; повсеместно занимались земледелием. Культура сохраняла многочисленные элементы сравнительно недавних скотоводческих традиций, но в то же время находилась в стадии постепенной перестройки в соответствии с успехами земледелия и навыками оседлости. В пище преобладали молочные и растительные продукты. Кожаная посуда, обычная в XIX в., в начале XX в. была вытеснена деревянной и встречалась редко. Жили юго-западные башкиры в бревенчатых избах с полом, расположенным невысоко от земли, и покрытых преимущественно соломой. В степных районах строили плетневые дома. Семьи, еще выходившие на летние кочевки, пользовались войлочными юртами тюркского (казахского) типа или (на западных склонах Южного Урала) лубковыми балаганами. Южную часть области, где сохранялись еще традиции летних кочевков и более отчетливые элементы скотоводческой культуры, С. И. Руденко выделяет в южную подобласть.

4. Северная область — территория к северу от широты г. Уфы и к западу от Уральского хребта. Северные башкиры были издавна оседлыми земледельцами. В культуре много общих черт с культурой соседних татар и финских народов. Кожаной посуды здесь почти не было; изготавливали многочисленные виды деревянной посуды, а также изделия из бересты, лыка, мочалы. Жили в бревенчатых избах с полом, расположенным высоко от земли; покрывались дома на востоке области тесом, на западе — соломой. На востоке области, в бассейне р. Ай, в начале XX в. сохранялись значительные признаки былой скотоводческой культуры, что позволило С. И. Руденко выделить этот район в восточную подобласть.

В 1955 г. при переиздании монографии С. И. Руденко повторил разработанное им районирование, дополнив характеристику выделенных областей некоторыми языковыми данными⁷.

За последнее десятилетие накоплен и обобщен обширный полевой материал, позволивший продолжить работу по историко-этнографическому районированию территории, населенной башкирами⁸. Изучение показало, что этнографическое районирование Башкирии — задача чрезвычайно трудная, обусловленная прежде всего сложностью этнической истории башкирского народа. Башкиры, находясь территориально на стыке нескольких обширных этнокультурных зон — тюркского, финно-угорского, а позднее и русского, — испытали в течение столетий культурное воздействие многих народов. При этом масштабы изменений в различных сферах материальной и духовной культуры, естественно, были разными. Наиболее крупными оказались преобразования в области жилища башкир. Исконные кочевники-скотоводы по мере постепенного перехода к другим занятиям — оседлому земледелию, охоте, лесным промыслам — заимствовали уже выработанные местными народами типы постоянных жилищ и приспособляли их к местным природно-климатическим условиям. Типы башкирских жилищ подробно описаны и классифицированы С. И. Руденко, а также целиком учтены им в качестве одного из признаков при выделении перечисленных выше областей⁹. Несколько иная картина сложилась в таких традиционно устойчивых областях культуры, как народная одежда (особенно женская) и народное декоративно-прикладное искусство. Женский костюм и покрой отдельных его элементов, женские украшения, приемы ткачества, вышивки и аппликации, способы орнаментации деревянных, металлических, кожаных и прочих изделий, узоры орнамента и т. д. еще недавно, в конце XIX в., обнаруживали поразительную жизненность и, как правило, несли в себе признаки, восходящие к древним этапам этнической истории отдельных групп баш-

⁷ С. И. Руденко Башкиры. Историко-этнографические очерки. М., 1955, стр. 344—347.

⁸ «Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа, 1962; т. 2. Уфа, 1964; см. также настоящий том.

⁹ С. И. Руденко Башкиры. Историко-этнографические очерки, 1955, стр. 250—251.

кирского народа. Как показали недавние исследования¹⁰, широкое и всестороннее изучение народной одежды, прикладного искусства и истории их формирования позволяет внести некоторые коррективы в историко-этнографическое районирование, разработанное С. И. Руденко. При этом надо, конечно, всегда помнить, что когда речь идет о выделении этнографических районов в пределах единой территории уже давно сформировавшегося народа, различные части которого постоянно находились и находятся в состоянии взаимодействия, будучи связанными бесчисленными путями хозяйственных, культурных и иных контактов, — границы между соседствующими этнографическими районами почти всегда неизбежно будут расплывчатыми. Однако дело не только в этом. Не исключена возможность, что неопределенность границ этнографического района является показателем незавершенности активно происходящей здесь в данный период хозяйственной и культурной перестройки. Именно с такого рода явлениями мы сталкиваемся при попытке очертить пределы этнографических районов на территории расселения башкир в XIX в. Так, башкиры восточной подобласти северной области и южной подобласти юго-западной области (по классификации С. И. Руденко) по своим культурно-бытовым признакам еще в конце XIX в., по крайней мере, в равной степени тяготели как к восточным башкирам, так и соответственно к населению своих областей. В момент изучения (начало XX в.) в указанных «подобластях» происходил процесс проникновения и утверждения культуры, характерной для западной и северной Башкирии. Основываясь на этой нарастающей тенденции, С. И. Руденко отнес эти территории соответственно к северной и юго-западной областям, но учитывая сохранение там еще значительных общих культурных черт с восточными башкирами, выделил их в самостоятельные «подобласти». Если же подойти к вопросу ретроспективно, то вполне логично полагать, что в сравнительно недалеком прошлом (как увидим ниже, даже в середине XIX в.) башкирское население упомянутых «подобластей» характеризовалось хозяйственно-культурный комплекс, значительно более близкий к восточным башкирам, нежели к северным или к западным. Условно также, с точки зрения хозяйственно-культурной характеристики, выделение горных башкир в самостоятельную область: их близость (особенно в прошлом) к восточным башкирам настолько очевидна, что возникает мысль о целесообразности их отнесения, пользуясь терминологией С. И. Руденко, к особой, «горной» подобласти восточной области.

Таким образом, те коррективы, которые могут быть внесены в схему этнографического районирования территории Башкирии, вызываются прежде всего тем, что в целях более развернутых этногенетических разработок мы стремимся ухватить основные очертания этнографических районов и этнографическую характеристику их населения до периода широкого распространения (а местами даже — до завершения) тех хозяйственно-культурных процессов, с основными результатами которых в начале XX в. столкнулся С. И. Руденко.

Картографирование наиболее характерных видов народной одежды (верхней одежды, украшений, головных уборов), бывавшей в конце XIX — начале XX вв., позволили С. Н. Шитовой выделить семь костюмных комплексов*, каждый из которых характерен для определенного района: юго-восточный, северо-западный, юго-западный, самаро-иргизский, северо-восточный, центральный и восточный (зауральский)¹¹. Указанные комплексы сложились в разное время: в од-

¹⁰ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; С. Н. Шитова. Народная одежда башкир (в настоящем томе); и е же. Башкирские костюмные комплексы XIX — начала XX вв. и районы их распространения. — Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 г., Уфа, 1966. стр. 80—84; и е же. Формирование и развитие башкирского народного костюма. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968.

* См. рис. 24 в статье С. Н. Шитовой «Народная одежда башкир» (в настоящем томе).

¹¹ Подробно см. С. Н. Шитова. Формирование и развитие башкирского народного костюма, стр. 10—13.

них случаях их формирование теряется в глубине веков, в других — они являются позднейшим сочетанием элементов костюма тех групп башкирского и небашкирского населения, преимущественно татар, которые в условиях относительной территориальной изоляции обособились в самостоятельные группы. С. Н. Шитова наиболее своеобразными считает юго-восточный и северо-западный комплексы. Это хорошо подтверждается материалом. Юго-восточный комплекс (верхняя одежда — *казэки, елан, сакман*; обувь — *ката, сапоги*; головные уборы мужчин — меховые шапки, малахаи, женщины — *кашмау, тафтар*; женские нагрудные украшения из коралла, бисера и монет), воспринимаемый сегодня как наиболее типичная башкирская народная одежда, многочисленными элементами связана с ковчинским миром. В северо-западном комплексе (верхняя одежда — *бешмэт, сыба*; головные уборы — шляпы, меховые шапки — *бурк*, у женщин — колпачки, платки, тканевые шали; женские украшения — ожерелья из монет и блях, перевязи, косники), наряду с древними, по определению С. Н. Шитовой гуннскими чертами, преобладают элементы, общие для земледельческих народов Среднего Поволжья, в частности татар.

Из других комплексов наибольшей специфичностью некоторых элементов костюма выделяются северо-восточный и юго-западный. В северо-восточном комплексе много общего с северо-западным, однако, по заключению С. Н. Шитовой, северо-западные элементы в нем не преобладают. К этому можно добавить, что в костюме пермских и соседних с ними северных башкир наблюдаются особенности, характерные для северо-восточного комплекса (например, в женских нагрудных украшениях). Общие черты в костюме северо-восточных и северных башкир свидетельствуют об активных процессах взаимодействия и смешения этих групп башкирского населения главным образом в сравнительно позднее время (XV—XIX вв.), а не об исторической принадлежности их к единому территориальному культурному комплексу. В костюмном комплексе северо-восточных башкир немало и самобытных, специфических черт древнего происхождения (кожаная и меховая обувь с холщовым верхом, женские покрывала — *кушъяулык*, налобные повязки — *кашук* и другие женские украшения), свидетельствующие о самостоятельном пути этнокультурного развития населения этих районов. Аналогичное заключение напрашивается по юго-западному (демскому) комплексу. В нем преобладают черты, общие с юго-восточным комплексом, но одновременно значительна примесь элементов северо-западной одежды. В то же время в юго-западном комплексе, по характеристике С. Н. Шитовой, «много своеобразного» (в женских и девичьих украшениях, в сочетании различных элементов одежды, в способах их ношения), что свидетельствует о наличии древнего слоя, составляющего специфическую региональную особенность культуры демских башкир.

Самаро-иргизский комплекс одежды сложился сравнительно поздно (XVI—XIX вв.) в результате переселений и смешения в этом районе юго-восточных и юго-западных групп башкир. Хотя костюмный комплекс самаро-иргизских башкир в одинаковой степени тяготеет к юго-восточному и юго-западному комплексам, по общему культурному облику и территориально они в большей степени примыкают к башкирам бассейна Демы, которые в конечном итоге оказали на них определяющее влияние. В центральном (или горном) комплексе соседствуют черты, сходные с одеждой юго-восточных и северо-восточных башкир. Но судя по сходству наиболее оригинальных и древних элементов одежды (женское покрывало — *кушъяулык*, кожаная обувь с суконым голенищем и др.) с костюмом северных и восточных башкир, можно предположить, что исторически этот комплекс более тяготеет к северо-восточному и восточному (зауральскому) комплексам. Юго-восточные черты в центральном комплексе легко объясняются влиянием южных соседей, к которым горные башкиры территориально были значительно ближе, чем к родственным родо-племенным группам, расселившимся далеко на северо-востоке. Характеристика восточного (зауральского) комплекса приводит нас к аналогичному выводу: хотя здесь имеет место причудливое сочетание северо-восточных, юго-восточных и центральных черт, которое сложилось в результате переселения и взаимодействия различных групп башкир в XVI—XVIII вв., но преобладающее воздействие элементов, общих

для северо-восточного и центрального комплексов, прослеживается достаточно отчетливо (горничная и натальная одежда - платья, камзолы, фартуки, *кушъялуык*, *сарык* и др.).

Таким образом, выделенные костюмные комплексы не равнозначны ни в смысле историко-этнической оригинальности истоков их формирования, ни по времени сложения. В плане историко-этнографического районирования территории Башкирии имеется возможность подразделить костюмные комплексы по 4 основным областям: а) юго-восточная; б) северо-восточная, которая четко подразделяется на три района: северный (айско-юрюзянский), центральный (горный) и восточный (зауральский); в) юго-западная с подразделением на два района: демский и самаро-иргизский; г) северо-западная, в которой в предварительном плане выделяются также три района: северный, нижнебельский и икский. Несмотря на то, что материальная культура башкир этих районов сходна, в историческом плане в них просматриваются явления, общие в первом случае (северный район) с северо-восточными, а в третьем (икский район) — с юго-западными башкирами.

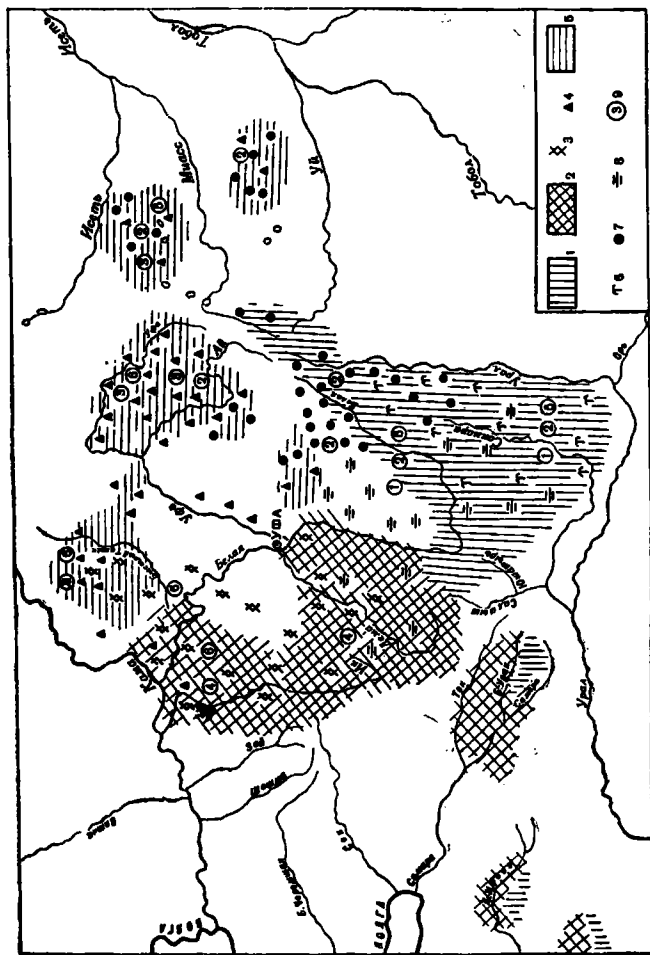
Сопоставление приведенной выше группировки костюмных комплексов с районами распространения традиционных видов народного прикладного искусства и орнаментальных комплексов (рис. 2) подтверждает сделанные наблюдения¹². Наиболее контрастными и своеобразными и в этом случае являются юго-восточная и северо-западная области. Для юго-восточных башкир характерны преимущественно виды искусства и производства изделий, необходимых в условиях полукочевого быта, для северо-западных башкир — в условиях оседлого земледельческого хозяйства. На юго-востоке изготовляли шерстяные паласы с рисунком в полоску (*буй балас*) на ткацких станах без рамы, вышивали ковой сеткой узоры кускарного типа, широко распространенного в кочевническом мире. Здесь мало были известны или совсем не бывали браное и закладное ткачество, характерное соответственно для северного и икского районов северо-западной области. Северо-западная область по материалам прикладного искусства более четко подразделяется на три района. Браная (или выборная) техника тканья распространилась как раз в тех северных районах северо-западной области, которые находились в тесной этнокультурной связи с северо-восточными областями, где эта техника до настоящего времени сохраняет прежнее значение. В икском бассейне и в низовьях р. Белой получила развитие выделка ковров с геометрическим орнаментом, центром наибольшего развития которой является юго-западная область (бассейн р. Демы). Специфику прикладного искусства юго-запада, кроме производства ковров (*килем*) с геометрическим орнаментом, составляет закладное ткачество (известное также в икском бассейне), украшение женской одежды тамбурной вышивкой и резьба по дереву (выделка кошвов для кумыса), распространенная также на всем юге и юго-востоке Башкирии. Северный район северо-восточной области отличается от других богатым украшением женской одежды красочной тамбурной вышивкой. В то же время в историческом плане просматриваются явления, которые позволяют обобщить все районы северо-восточной Башкирии: распространенное на рубеже XIX—XX вв. в горной и зауральской Башкирии искусство аппликации, по мнению С. И. Руденко, в прошлом было известно еще и в долине р. Ай¹³.

Значительный интерес представляет территориальное распространение орнаментальных комплексов, которые объединяют однотипные мотивы орнамента, связанные с определенными приемами их исполнения и с тем или иным кругом бытовых предметов. В башкирском искусстве выделено всего шесть комплексов.

Первый комплекс, включающий простейшие геометрические фигуры и представленный в основном в резьбе по коже, в деревянной росписи и отчасти в вышивке, является древнейшим в декоративном искусстве башкир. Он характерен для искусства ряда народов Сибири, Средней Азии и Восточной Европы.

¹² С. А. Авижапская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч., гл. I, II, III, V, VII, IX.

¹³ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки, 1955, стр. 161.

Р и с. 2. Распространение некоторых видов декоративно-прикладного искусства и орнаментальных комплексов башкир в конце XIX — начале XX вв.

1—районы распространения тканых шерстяных ковров с рисунком в полоску; 2— районы распространения тканых ковров с геометрическим орнаментом; 3— районы распространения ковров с рисунком в виде креста; 4— районы распространения ковров с рисунком в виде ромба; 5— районы распространения резьбы по дереву; 6— районы распространения резьбы по дереву; 7—районы распространения резьбы по дереву; 8— районы распространения резьбы по дереву; 9— районы распространения резьбы по дереву.

Второй комплекс восходит к древнему тюрко-монгольскому миру Южной Сибири и представлен преимущественно в искусстве аппликации тканей, вышивке косой сеткой и тамбуром, серебряной насечке. Узоры этого комплекса — рогообразные и спиралевидные фигуры, бегущие волны и производные от них мотивы.

Третий комплекс включает довольно сложные растительные узоры, которые используются в тамбурной вышивке для украшения преимущественно женской одежды. Эти узоры применяются также в технике тиснения по коже и в различных способах украшения металлических изделий. Этот комплекс, весьма распространенный среди казанских татар и характеризуемый обычно как типично татарский, в действительности уходит истоками к искусству кочевых тюркских племен Приаральских и Прикаспийских степей.

Второй и третий комплексы близки друг к другу и восходят к общему корню; третий комплекс возник, видимо, на основе второго, но сравнительно поздно — примерно в конце I тыс. н. э., т. е. до переселения основных башкирских племен на Южный Урал.

Четвертый комплекс объединяет группу сложных геометрических узоров, используемых, как правило, в ковроделии, в закладном и браном ткачестве. Узоры четвертого комплекса типичны для искусства народов Средней Азии, особенно для туркмен и киргизов.

Пятый комплекс включает узоры из противостоящих птиц, животных или производные от них мотивы. Этот комплекс находит интересные аналогии в искусстве обских угров, чувашей и финноязычных народов Поволжья. Происхождение пятого комплекса восходит, видимо, к древнему финно-угорскому населению края.

Шестой комплекс состоит из геометрических узоров, распространенных в искусстве народов на всей обширной территории Восточной Европы и Азии: в основе узоров различные квадраты, ромбы, восьмиконечные звезды и всевозможные их комбинации. Мотивы этого комплекса связаны с браным ткачеством, со счетной и строчевой вышивкой. В башкирском народном искусстве шестой орнаментальный комплекс сложился под влиянием культуры пришлых народов Поволжья и русского населения.

В искусстве башкир юго-восточной области наиболее характерными являлись мотивы первого, второго и пятого комплексов, т. е. наиболее древние и уходящие корнями к культуре тюрко-монгольского мира Южной Сибири и угро-финского мира Приуралья и Поволжья. В северо-западной Башкирии распространены узоры третьего, четвертого и шестого комплексов (любопытно, что орнаментальные комплексы этих двух областей совершенно не совпадают), причем третий комплекс, тесно связанный с тамбурной вышивкой, бытует в северных районах области, четвертый, используемый в ковроделии и закладном ткачестве, — среди башкир долины р. Ик. Шестой комплекс известен во всей северо-западной области.

В северо-восточной области распространены второй, третий, пятый и шестой комплексы. Самый устойчивым в северном (бассейн р. Ай) районе области является третий комплекс, что подтверждает показанные другими материалами древние связи этой группы башкир с Приаралем и Средней Азией. Узоры второго комплекса, хорошо известные в Зауралье и в горной Башкирии, лишь изредка встречаются в долине Ая. Для ковродельческого искусства юго-западной Башкирии наиболее характерными были узоры четвертого комплекса.

Границы распространения как видов искусства, так и орнаментальных комплексов, конечно, почти всегда расплывчаты, так как медленно, но постоянно менялись под воздействием различных факторов. Устанавливаются, собственно, не границы распространения тех или иных культурных явлений, а районы преимущественного их бытования. Применительно к XVI—XIX вв. подчеркнем решающее воздействие двух взаимосвязанных факторов. В направлении с северо-запада на восток и юго-восток распространялось земледелие и сельскохозяйственная культура, вызывая существенные изменения в соотношении различных видов традиционного искусства и принося в него новые отрасли. В направлении с севера

на юг активно действовала миграционная волна, причем на северо-западе преобладали поселения различных групп татар, на северо-востоке, в том числе в горные и зауральские земли, — русских крестьян. Эти процессы, конечно, разрушили чистоту ранее существовавших комплексов народной одежды, украшений, орнаментики и т. д., способствовали формированию новых сочетаний элементов культуры, изменяли территорию их распространения. В этом свете можно считать, что очертания этнографических областей оформились сравнительно недавно, хотя сквозь нагромождение вековых культурных явлений просматривается специфическое и этническое своеобразие культуры каждой территории.

Этнографические группы башкир в XIX в. и некоторые вопросы истории их формирования

Этнографические районы очерчиваются, таким образом, на основе специфических особенностей культуры населения определенной территории. Для изучения этнической истории народа большое значение имеет, однако, выделение этнографических групп. В соответствии с определением, данным этнографической группе в начале статьи, необходимо дополнить наш анализ рассмотрением хозяйственного районирования территории Башкирии и языковой карты башкир в конкретный исторический период.

Башкиры до Октябрьской революции не относились к народам с высоким уровнем консолидации. Это обстоятельство, однако, объясняется не только слабым развитием капиталистических отношений в башкирском обществе. Здесь имели существенное значение социально-политическая обстановка в условиях царской России и миграционные процессы, которые особенно отчетливо стали сказываться в этническом облике башкир с середины XIX в. Судя по состоянию источников, этнографические группы в составе башкирского народа целесообразно выделить применительно именно к этому времени — середине XIX в. По более ранним периодам отсутствует достаточно точно датированный этнографический материал, а к концу XIX — началу XX вв. в этнографической характеристике значительной части башкир произошли настолько заметные сдвиги, что они лишают возможности ретроспективно восстановить весьма важные для изучения этнической истории более ранние процессы.

В середине XIX в. территория Башкирии в хозяйственном отношении подразделяется на 3 основные области¹⁴: а) земледельческую (север и северо-запад); б) земледельческо-скотоводческую (юго-запад, северо-восток и северное Зауралье); в) скотоводческую (восток и юг). Все три области к северу и востоку от р. Белой пересекала широкая полоса лесных и горно-лесных районов, где значительное развитие получили лесные промыслы. В северо-западной Башкирии и в низовьях р. Уфы занятия лесными промыслами башкиры сочетали с ведением земледелия; на востоке и юго-востоке (в горах Южного Урала) — с полукочевым скотоводством.

Распространение различных комплексов культуры (жилище, одежда, народное искусство) следующим образом коррелируется с хозяйственными областями: северные комплексы в середине XIX в. существовали на основе оседлого земледелия, южные — полукочевого скотоводства. Особенности культуры юго-западных башкир зависели от смешанного скотоводческо-земледельческого хозяйства, в котором занятия земледелием сочетались с летними кочевками. При этом с запада на восток и с севера на юг в юго-западной Башкирии значение земледелия в хозяйстве уменьшалось. В долине Ашкардара и в самаро-оренбургских степях башкиры, как и на юго-востоке, вели полукочевое скотоводство. Северо-восточные культурные комплексы, сами по себе не однородные, базировались на различных формах хозяйства. Наиболее типичным здесь в середине XIX в. было также смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство (северный район и челябинское Зауралье), причем удельный вес земледелия падал с севера на юг. В горно-лесном районе полукочевое скотоводство сочеталось не с земледелием,

¹⁴ Подробно см. Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (в настоящем томе).

где его развитие затруднялось природно-климатическими условиями, а с лесными промыслами.

Основные направления хозяйственного развития наложили заметный отпечаток на культурный облик различных групп башкир. Прежде всего это коснулось поселений и жилищ, но в значительной степени также народной одежды и изобразительного искусства. В конечном итоге хозяйственные преобразования отразились на этнографическом облике населения в целом. Следовательно, отмеченные выше комплексы и территориальные особенности были не только культурными, но и хозяйственными.

Хозяйственно-культурные комплексы на определенных территориях сложились исторически; в XIX в. в культуре любой области Башкирии, наряду с древней субстратной основой, был значителен слой, приобретенный в период формирования на данной территории. В этом плане ценно проследить эволюцию башкирского хозяйства за несколько столетий, на протяжении которых, как теперь доказано, существенным образом менялись не только территория распространения тех или иных занятий, но и сам тип хозяйства. Современный уровень исследования этого вопроса позволяет зафиксировать хозяйство башкир на 4—5 стадиях его развития.

В X в. башкиры были кочевниками-скотоводами. Расселяясь главным образом в лесах Бугульминско-Белебеевской возвышенности и степях Зауралья, они сохраняли еще обычай весьма дальних перекочевков.

Расселение башкир в последующие столетия (X—XV вв.) на всей современной территории обитания имело следствием усложнение структуры башкирского хозяйства, в котором, наряду с сохранением преобладающих центральноазиатских черт (кочевое и полукочевое скотоводство, степная охота), появились и стали значительными черты волжско-кавказского происхождения (таежная охота, бортничество, лесные занятия). Уже к этому времени складываются первые предпосылки к современному хозяйственному районированию территории Башкирии. В северо-западной Башкирии, в то время сплошь покрытой густыми лесами, ведение традиционного кочевое скотоводства в прежних масштабах было невозможно. Там получают развитие таежная промысловая охота, бортничество, которые сочетались в небольших размерах с полукочевым скотоводством.

После присоединения Башкирии к Русскому государству (XVI—XVIII вв.) в основном завершается эволюция кочевое скотоводства в полукочевое. На фоне постепенного упадка кочевое скотоводства еще более поднимается удельный вес в хозяйстве многих групп башкир промысловой охоты и лесных занятий. В северо-западной Башкирии на базе охотничьего и лесного хозяйств возникают очаги оседлого земледелия, которое стало наиболее перспективным направлением хозяйственного развития.

К середине XIX в. эти тенденции быстро углубляются, земледельческая, смешанная земледельческо-скотоводческая и скотоводческая области получают совершенно отчетливые очертания.

Во второй половине XIX в. в силу ряда исторических причин происходит резкая ломка традиционных форм хозяйства. Кочевое и полукочевое скотоводство как тип хозяйства исчезает. Полукочевое скотоводство на юго-востоке Башкирии сменяется смешанным земледельческо-скотоводческим, а в бывших районах смешанного хозяйства прочно утверждается оседлое земледелие. Таким образом, к началу XX в., когда С. И. Руденко вел исследования среди башкир, повсюду (кроме юго-востока и горно-лесной зоны Южного Урала, где лесные промыслы получили дальнейшее развитие) ведущей формой хозяйства стало оседлое земледелие. Это обстоятельство, естественно, отразилось на проведенном им этнографическом районировании.

Обзор эволюции хозяйства позволяет сделать вывод о том, что в целом культура башкир возникла и формировалась на основе кочевое скотоводческого хозяйства. Зафиксированные в XIX в. территориальные различия в наиболее древних чертах отражают племенные особенности культуры групп населения, вошедших в состав башкирской народности. В

течение многих столетий юго-восточные, северо-восточные, горные, юго-западные башкиры сохраняют в той или иной степени скотоводческую основу своей культуры, а культура северо-западных башкир постепенно перестраивается: сначала (до XVI в.) на основе лесного хозяйства и промысловой охоты, а затем — оседлого земледелия. Сформировавшийся на новой основе северо-западный хозяйственно-культурный комплекс с самого начала имел сильную тенденцию вместе с навыками земледелия распространяться дальше на восток. В лесостепной зоне юго-западной Башкирии и в оренбургско-самарских степях это нарастающее влияние вплоть до середины XIX в. как бы поглощалось обширным, сравнительно редконаселенным пространством, и поэтому культура юго-западных башкир еще долго сохраняла во многом отчетливые скотоводческие черты. Во второй половине XIX в. картина меняется, и юго-запад вместе с переходом к оседлости и земледелию теряет многие традиции кочевнической культуры. На северо-востоке, особенно в северной части, где колонизационное движение активно развивалось уже с XVI—XVII вв., воздействие переселенцев и земледельческой культуры сказалось к середине XIX в. сильнее, чем на юго-западе. В этом же направлении оказывало влияние и заводское строительство на Урале. Однако в отличие от северо-запада Башкирии здесь не столь мощной была волна переселенцев-татар, смешение с которыми было одним из существенных факторов перестройки культуры северо-западных башкир. Все группы северо-восточных башкир, в том числе горно-лесные, сохранили в XIX в. ряд специфических особенностей культуры, восходящих в основе к древнему и средневековому миру кочевников Средней Азии, Приаралья и Южной Сибири.

Интересен в свете этнической истории вопрос о соотношении древних и более поздних черт в культуре различных групп башкир. Ясно, что развитие даже таких устойчивых форм культуры, как одежда и декоративное искусство, хотя и с некоторым отставанием, следует общему направлению хозяйственных изменений. В соответствии с изменением типа хозяйства постепенно трансформируются и формы культуры; исчезают или ослабевают традиционные ее элементы, появляются новые. В первую очередь эти изменения захватывают орудия производства, жилища, поселения, затем одежду, украшения, декоративно-прикладное искусство. Новшества вместе с вещами проникают даже в такую область, как орнаментика. Все это означает, что существующие сегодня областные хозяйственно-культурные особенности окончательно сложились здесь, а с о в р е м е н н о й т е р р и т о р и и Б а ш к и р и и, и наиболее решающим этапом в их формировании был период после {присоединения края к Русскому государству. До XVI в. областные различия хотя и были, но они еще территориально столь четко не оформились, как в XIX в. С другой стороны, в культуре всех областных групп башкир прослеживаются древние черты, которые характеризуют те племенные образования, которые некогда легли в их основу. Но всегда трудно установить, каково происхождение и каковы были в прошлом масштабы бытования специфических особенностей культуры той или иной группы башкир, каково в их культуре соотношение древних («генетических») и поздних («приобретенных») черт. Выяснение этих вопросов означало бы проникновение в самую суть этнической истории данной группы. В общей форме можно, конечно, уже сейчас сказать, что в культуре юго-восточных башкир отчетливо прослеживаются черты южносибирского и приаральского происхождения, а в культуре северо-восточных башкир — среднеазиатского. Но одновременно в культуре как юго-восточных, так и северо-восточных башкир просматриваются общие, порой более древние, центральноазиатские черты, характерные для всего тюрко-монгольского кочевнического мира. Еще сложнее характеристика в этом же плане культуры северо-западных башкир. Те древние элементы в их культуре, которые зафиксированы и в конечном итоге также связаны со скотоводческой культурой, подсказывают довольно неожиданный вывод: культура и быт северо-западных башкир несколько столетий назад (тем более до XVI в.) была ближе к культуре юго-восточных, юго-западных и отчасти северо-восточных башкир. Начиная с XV—XVI вв., вследствие исторических (близость Казанского ханства и политическая зависимость от него части западных

башкир), хозяйственных и демографических причин, постепенно нарастал процесс, с логическим завершением которого мы сталкиваемся в XVII—XIX вв. Таким образом, вовсе не исключена возможность, что образование северо-западной хозяйственно-культурной обособленности — результат позднейших процессов, хотя в то же время вопрос о бывшей этнической характеристике башкирского населения этой области требует дальнейшего изучения.

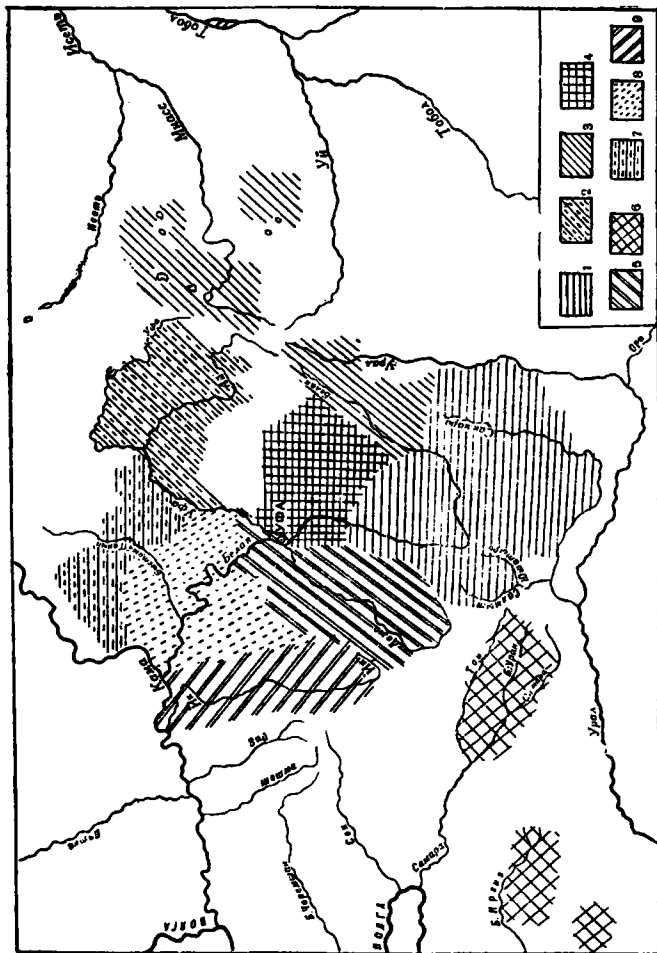
По классификации Н. А. Баскакова¹⁵, башкирский язык относится к тюркским языкам, в которых «членение диалектов основано главным образом на территориальных признаках, хотя в этническом составе сохранились следы родо-племенной структуры». При этом языковые признаки внутри территориального диалекта (например, характеристика говоров) находят, как правило, объяснение в родо-племенной принадлежности данной группы населения. Такая особенность диалектов башкирского языка отражает сложное переплетение древних и поздних явлений в этнической истории народа. Если диалекты сложились на современной территории расселения башкир в результате консолидации различных по происхождению групп населения, то говоры в пределах диалекта продолжают сохранять племенные особенности, восходящие к древним викам. Следовательно, изучение диалектов и говоров дает обширный новый материал для изучения всех этапов этнической истории башкир с истоков их формирования до сложения народности. Корреляция с диалектной системой хозяйственно-культурных областей позволяет не только очертить контуры этнографических групп башкир в XIX в., но и дает возможность вплотную приблизиться к детальному изучению этнической истории составных частей башкирского народа.

В башкирском языке два основных диалекта¹⁶: ю ж н ы й с говорами ик-сакмарским (по Дж. Киекбаеву — икско-юшатырский), средним и демским (по Дж. Киекбаеву — демско-караидельский); в о с т о ч н ы й с говорами айским, миасским (Дж. Киекбаев объединяет эти говоры в один — айско-яикский), аргаяшским, сальзегутским (по Дж. Киекбаеву — синаро-карабулакский), кизильским (по Дж. Киекбаеву — сакмаро-кизильский). В составе южного диалекта Дж. Киекбаев выделяет северо-западный говор, который, по его же заключению, башкирским можно назвать лишь условно, в историческом плане, так как северо-западные башкиры своим родным языком считают татарский.

Сопоставление хозяйственно-культурных комплексов с районами распространения диалектов и говоров обнаруживает много совпадений. Ю г о - в о с т о ч н ы е башкиры говорят на ик-сакмарском говоре, а ю г о - з а п а д н ы е — на демском говоре южного диалекта, что подтверждает наблюдающиеся по данным материальной культуры устойчивые, по меньшей мере, исторические и территориальные взаимосвязи между этими двумя этнографическими группами. Смешанное башкирское население Оренбургской, Саратовской и Куйбышевской областей (самаро-иргизские башкиры) пользуются частью ик-сакмарским, частью — демским говорами южного диалекта. С е в е р о - в о с т о ч н ы е башкиры говорят на восточном диалекте, причем башкиры долины р. Ай (северный район области) — на айском говоре, а зауральские башкиры, родо-племенной состав которых исключительно сложный, — на аргаяшском, сальзегутском (башкиры Челябинской и Курганской областей), миасском и кизильском говорах. Особняком стоят г о р н ы е башкиры, которые в хозяйственно-культурном отношении сочетают в себе особенности обеих областей, а исторически более близки к северо-восточным башкирам, говорят в то же время на среднем говоре южного диалекта. Однако Н. Х. Максютова считает средний говор по языковым особенностям «связующим звеном» между двумя диалектами, так как лексика горных башкир

¹⁵ Н. А. Б а с к а к о в. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. М., 1964, стр. 4—7.

¹⁶ Н. Х. М а к с ю т о в а. Диалектография башкирского языка. — Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 г., Уфа, 1966, стр. 42—43; Ж. Г. К и е к б а е в. Башкорт диалектәре һәм улардың тарихена хысаса ипеш. — «Ученые записки БГУ», вып. 3. Башкирская филологическая серия, № 2. Уфа, 1958, стр. 44—66.

Р и с. 3. Этнографические группы Башкир в XIX в.

1 — юго-восточная группа; 2 — северная (айско-орозанская) подгруппа; 3 — зауральская подгруппа; 4 — центральная (горная) подгруппа; юго-западная группа; 5 — денская подгруппа; 6 — южная подгруппа; северо-западная группа; 7 — северная подгруппа; 8 — нижнебельская подгруппа; 9 — ильская подгруппа.

обнаруживает много общего с северо-восточной группой говоров восточного диалекта¹⁷. Северо-западные башкиры говорят на татарском языке, причем северные и восточные части этой группы имеют в разговорном языке признаки, характерные для восточного диалекта и среднего говора южного диалекта башкирского языка, а на юге северо-западной области (в частности, в долине р. Ик) диалектологами зафиксированы многочисленные рудименты, восходящие к южному диалекту (демскому говору). Если говоры южного и особенно восточного диалектов несут отчетливые признаки бывшего рода-племенного состава башкир этих районов, то местные языковые особенности северо-западных башкир бытуют исключительно на территориальной основе.

Основные выводы

а) Анализ районов распространения различных типов хозяйства и культурных явлений и корреляция этих признаков с башкирскими диалектами и говорами подтверждает существование в составе башкир следующих этнографических групп (рис. 3).

Юго-восточная группа.

Северо-восточная группа, подразделяющаяся на подгруппы: северная (айско-юрюзанская), зауральская и горная. По ряду признаков, а также в связи с обособленностью территории расселения горные башкиры могут быть выделены и в самостоятельную этнографическую группу.

Юго-западная группа с подгруппами демской и южной (оренбургские, саратовские и куйбышевские башкиры).

Северо-западная группа с подгруппами: северной, нижнебельской и икской.

б) Этнографические группы и их хозяйственная, культурная и языковая характеристики формировались постепенно и сложились в современных очертаниях сравнительно поздно — в XVIII—XIX вв. Их этнический облик в разной степени и в разных соотношениях отражает как древние (племенные) черты, так и поздние, сложившиеся в результате территориального взаимодействия различных групп башкирского и небашкирского населения.

в) Сила воздействия различных факторов (хозяйственных, политических, демографических, этнических, культурных...) на формирование этнографических групп в разные эпохи менялась. Если после XVI в. наиболее сильным было воздействие оседло-земледельческого хозяйства и мощной волны переселенцев, то в более раннее время в сложении региональных особенностей культуры и языка решающее значение имела родо-племенная принадлежность составных частей складывающихся этнографических групп. Вот почему важно поставить задачу изучения этнического состава и истории формирования каждой этнографической группы; синтез результатов таких исследований позволит внести ясность в еще многие вопросы этнической истории не только башкир, но и других древних и современных народов Южного Урала и сопредельных территорий.

¹⁷ Н. Х. Махсүтова. Научный отчет о предварительных результатах диалектологической экспедиции 1964 г., стр. 2.— Архивный фонд сектора языка ИИЯЛ БФАН СССР.

АНТРОПОЛОГИЯ

М. С. АКимова

МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОГО УРАЛА

В начале I тыс. до н. э. в степях восточнее Дона, в Заволжье и южном Приуралье развивается савроматская, а потом сарматская культура. Развитие этой культуры продолжалось в степях Урала и Поволжья непрерывно на протяжении целого тысячелетия — с VI в. до н. э. по IV в. н. э.

В антропологическом отношении савроматы и сарматы разных районов изучены неравномерно. Лучше всего в настоящее время определены особенности сарматов Поволжья. О типе сарматских групп Южного Урала известно очень мало. В литературе имеются данные по небольшой серии черепов, собранных в разных местах Оренбургской области. Из районов южной Башкирии не известно ни одного черепа этого времени. Между тем такой материал представляет большой интерес в связи с вопросом о роли сарматских племен в формировании более позднего населения, в частности башкир. Так, С. И. Руденко допускает связь савроматов с древними башкирами южной и восточной территории¹. По мнению А. П. Смирнова, сарматы внесли изменения в этнический состав населения и северной Башкирии². В связи с этим большой интерес приобретают новые материалы савроматского и сарматского времени, которые получены в последние годы.

В данную работу включены серии черепов из могильников Мечет-Сай и Новый Кумак с территории Оренбургской области и могильника Старые Книшки из Кармаскалинского района Башкирской АССР.

Савроматы и сарматы своим происхождением тесно связаны с племенами степной бронзы. Поэтому не будет лишним дать обзор небольшого материала эпохи бронзы, происходящего с территории оренбургской области.

Череп эпохи бронзы

Два черепа древнейшей культуры добыты в 1964 г. при раскопках курганного могильника Герасимовка I оренбургской экспедицией АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова.

Череп из кургана 5 погр. 2— мужской и принадлежал субъекту пожилого возраста. Об этом свидетельствуют полностью заросшие венечный и сагиттальный швы и частично

¹С. И. Руденко. Башкир. Историко-этнографические очерки. М., 1955, стр. 351.

²А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. — МИА, 1957, № 58, стр. 104.

заросший ламбловидный. Почти все зубы на верхней челюсти отсутствуют, и ячейки целиком заросли. Череп без нижней челюсти и основания. Характерным является вытянутая мозговая коробка, покаты лоб с умеренно развитым рельефом лобной кости. Лицо узкое и средневысокое, сильно профилированное (табл. 1). Вследствие заросших ячеек передних зубов лицевые углы и угол выступания носа не измерялись.

Другой череп из кургана 7 погр. 1 — также мужской. Возраст его определяется в 30—35 лет. На черепе отсутствуют основание, затылочная кость, участки скуловых дуг, вследствие чего многие размеры не определены. Этот череп отличается от первого большой шириной мозговой коробки, довольно сильно развитым рельефом, очень широким и хорошо профилированным лицом, сильным выступанием носа. По морфологическим особенностям этот череп близок к черепу из Увака³. Оба они обнаруживают сходство с черепами древнейшей культуры Нижнего Поволжья. Первый же череп отличается своей грацильностью. Это проявляется в значительно меньших широтных размерах мозгового и лицевого отделов, в несколько меньшем развитии надбровья.

Эпохой бронзы датируются 3 мужских и 3 женских черепа из того же могильника. Эта небольшая серия характеризуется длинной и высокой мозговой коробкой и небольшой или средней ее шириной (см. табл. 1). Лицо также средних размеров и сильно профилировано в горизонтальной плоскости. Лоб на мужских и женских черепах наклонный, рельеф развит значительно, особенно на мужских черепах. Выступание носа сильное. Все черепа, бесспорно, европеоидные.

Какое место занимают исследованные черепа среди других краниологических серий эпохи бронзы? Для сравнения привлечены материалы этого времени с территории Казахстана, андроновской культуры Минусинской котловины и срубной культуры Поволжья⁴. Как показывает сравнительная табл. 2, черепа из герасимовских курганов заметно отличаются от черепов бронзовой эпохи Казахстана и Минусинской котловины. Они имеют значительно меньшую величину поперечного диаметра черепной коробки и черепного указателя, более узкое и несколько более высокое лицо с сильно выраженной горизонтальной профилировкой и сильнее выступающим носом. По всем этим признакам мужские черепа из Герасимовки I сближаются с сериями срубной культуры Поволжья. На женских черепах различия идут в том же направлении, но выражены меньше.

Таким образом, можно сделать вывод, что какая-то часть населения современной Оренбургской области в эпоху бронзы по своему типу была близка к населению срубной культуры Поволжья. К какой группе черепов, Среднего или Нижнего Поволжья, ближе исследованная серия — сказать трудно. По высоте лица наблюдается сходство с серией с территории Нижнего Поволжья, по ширине лица и углу выступания носа намечается большая близость с черепами Среднего Поволжья. При таком малом количестве материала приходится иметь в виду прежде всего общее направление отличий, которое в данном случае указывает на сближение не с восточными, а западными группами. Эти выводы хорошо увязываются и с археологическими данными. К. Ф. Смирнов указывает, что в южной части бассейна р. Белой, а также в районе Оренбурга — Орска — Актюбинска андроновские памятники приобретают яркие черты сходства со срубными. Очевидно, следует предположить, пишет К. Ф. Смирнов, проникновение отдельных групп поволжского населения в южноуральские степные районы. Имело место продвижение племен и в обратном направлении, с востока на запад. В конце II тыс. до н. э. на археологи-

³Т. С. Ко н д у к т о р о в а. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области. — «Вопросы антропологии», вып. 2, 1962, стр. 50.

⁴В. В. Г и н з б у р г. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. — «Труды ИИАЭ АН Казахской ССР», т. 1, Археология, 1956; В. П. А л е к с е е в. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. — «Труды ИЭ АН СССР», новая серия, т. 71, 1961, стр. 136; Г. Ф. Д е б е н. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. — МИА, 1954, № 42, стр. 488.

Индивидуальные измерения и средние величины черепов бронзовой эпохи из Герасимовских курганов

Признаки	Культура															М (N)	М (N)			
	древняя					бронзовая					железная									
	М погребения					М погребения					М погребения									
	к	5	н	2	п	1	к	8	п	8	к	12	к	14	к			11	к	15
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1. Продольный диаметр	181	—	185	184	189	180	176	182	184,8 (4)	179,3 (3)	180	180	180	180	180	180	180	180	180	180
8. Поперечный диаметр	129	146	137	129	132	139	133	—	134,6 (5)	136,0 (2)	139	139	139	139	139	139	139	139	139	139
17. Высотный диаметр базно-брегма	—	—	137	145	132	—	—	136	138,0 (3)	136 (1)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5. Длина основания черепа	114	—	109	110	108	—	—	110	109,0 (3)	110 (1)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20. Высота горно-брегма	96	99	96	90	98	93	94	90	95,8 (5)	92,3 (3)	93	93	93	93	93	93	93	93	93	93
9. Наименьшая ширина лба	—	—	112	—	113	110	106	—	113,0 (4)	109 (1)	110	110	110	110	110	110	110	110	110	110
10. Наибольшая ширина лба	122	—	124	—	122	129	—	—	122,7 (3)	129,0 (1)	129	129	129	129	129	129	129	129	129	129
8:1 Черепной указатель	71,3	—	74,1	70,1	69,8	77,2	75,6	—	71,3 (4)	76,4 (2)	77,2	77,2	77,2	77,2	77,2	77,2	77,2	77,2	77,2	77,2
17:1 Выотно-продольный указатель	—	—	100,0	112,4	100,0	—	—	—	74,2 (3)	74,7 (1)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17:8 Выотно-поперечный указатель	74,4	—	67,8	70,1	69,8	74,2	70,7	—	104,1 (3)	—	74,2	74,2	74,2	74,2	74,2	74,2	74,2	74,2	74,2	74,2
9:8 Лобно-поперечный указатель	—	—	—	—	—	—	—	—	71,3 (5)	68,8 (2)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40. Длина основания лица	—	—	—	—	—	—	—	—	100 (1)	—	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
45. Скуловой диаметр	130	143	132	126,2	135	129	126,2	126,7	133,2 (5)	127,7 (3)	129	129	129	129	129	129	129	129	129	129
46. Верхняя высота лица	71	71	67,7	72	69	69	68	69	70,0 (5)	68,7 (3)	69	69	69	69	69	69	69	69	69	69
47. Полная высота лица	—	—	118	113	121	112	112	109	118,7 (4)	111,0 (3)	112	112	112	112	112	112	112	112	112	112
43. Верхняя ширина лица	109	110	111	—	103	107	101	96	108,2 (4)	101,3 (3)	107	107	107	107	107	107	107	107	107	107
46. Средняя ширина лица	—	—	101	97	—	95	—	88	97,7 (3)	99,0 (2)	95	95	95	95	95	95	95	95	95	95
55. Высота носа	52	55	51	50	50	50	48	51	51,6 (5)	49,7 (3)	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50
54. Ширина носа	23,7	29,1	26,0	22,7	23,9	24,0	25,9	26,7	25,1 (5)	25,0 (3)	24,0	24,0	24,0	24,0	24,0	24,0	24,0	24,0	24,0	24,0
51. Ширина орбиты от максиллофронтале	45,3	43,6	41,2	41,0	45,6	42,0	39,8	39,2	43,3 (5)	40,3 (3)	42,0	42,0	42,0	42,0	42,0	42,0	42,0	42,0	42,0	42,0
51a. Ширина орбиты от лакриона	43,3	40,7	39,2	39,3	43,5	40,3	36,6	36,7	41,2 (5)	37,9 (3)	40,3	40,3	40,3	40,3	40,3	40,3	40,3	40,3	40,3	40,3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
52. Высота орбиты		35,0	31,8	30,4	32,5	31,0	31,0	34,0	32,3	32,1 (5)	32,4 (3)
50. Максимальная высота хорды		21,2	—	21,4	—	16,7	20,4	21,7	15,7	19,8 (3)	19,3 (3)
Максимальная высота		6,7	—	10,0	—	9,0	7,5	6,1	8,3	8,6 (3)	7,3 (3)
Дакриальная хорда		23,0	—	23,0	—	18,6	20,6	24,5	18,0 ²	21,53 (3)	21,03 (3)
Дакриальная высота		11,1	—	13,3	—	14,4	12,3	11,4	12,5 ²	12,93 (3)	12,07 (3)
Симметричная хорда		7,5	—	8,6	—	9,0	6,4	10,8	6,7	8,37 (3)	7,97 (3)
Симметричная высота		2,9	—	4,7	—	4,4	3,0	2,8	4,2	4,0 (3)	3,33 (3)
48 : 45. Верхне-лицевой указатель		54,6	49,7	50,8	57,1	51,1	46,5	53,1	54,8	52,7 (5)	51,5 (3)
54 : 55. Носовой указатель		45,6	52,9	51,0	45,4	47,8	48,0	54,0	49,0	48,5 (5)	50,3 (3)
52 : 51. Орбитный указатель I		77,3	72,9	73,8	79,3	68,0	73,8	85,4	82,4	74,3 (5)	80,5 (3)
52 : 51a. Орбитный указатель II		80,8	78,1	77,6	82,7	71,3	76,9	92,9	88,0	78,1 (5)	85,9 (3)
Дакриальный указатель		48,3	—	57,8	—	77,4	59,7	46,5	89,4	61,2 (3)	68,5 (3)
Симметричный указатель		38,7	—	54,7	—	48,9	46,9	25,9	62,7	47,4 (3)	45,2 (3)
40 : 5. Указатель выступающая лица		—	—	—	—	92,6	—	—	—	92,6 (1)	—
48 : 17. Вертикальный фациоцефальный указатель		—	—	48,9	49,6	52,3	—	—	50,7	50,3 (3)	50,7 (1)
Назальный угол		139	140	135	—	134	137	132	140	137,0 (4)	136,3 (3)
Зигмаксиллярный угол		125	122	130	116	121	131	116	118	122,8 (5)	121,7 (3)
32. Угол лба назнон-метопион к горизонталю		76	83	83	—	731	80	83 ²	—	78,8 (4)	81,5 (2)
Угол лба глабелла-метопион к горизонталю		71	73	75	—	66	75	76 ²	—	71,3 (4)	75,5 (2)
72. Общий угол лица		—	82	87	—	89	83	85	—	86,0 (3)	84,0 (2)
73. Угол средней части лица		—	84	89	—	90	87	86	—	87,7 (3)	86,5 (2)
74. Угол альвеолярной части лица		—	74	79	—	85	71	82	—	79,3 (3)	76,5 (2)
75. Угол носовых костей к горизонталю		51	50	53	—	52	59	53	45	51,5 (4)	52,3 (3)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля		—	32	34	—	37	24	32	—	34,3 (3)	28,0 (2)

Продолжение табл. 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
65. Мышеловная ширина	—	—	—	124	120	116	116	113	—	120,0 (3)	114,5 (2)
66. Вигонная ширина	—	—	—	107	99	—	100	102	—	103,0 (2)	101,0 (2)
68. Длина нижней челюсти от углов	—	—	—	87	87	76	78	83	—	83,3 (3)	80,5 (2)
68 (1). Длина нижней челюсти от мышелков	—	—	—	114	113	102	108	109	—	109,7 (3)	108,5 (2)
70. Высота ветви	—	—	63	56	60	66	57	51	57	61,3 (4)	55,0 (3)
71a. Наименьшая ширина ветви	—	—	37	38	38	33	34	36	35	36,5 (4)	35,0 (3)
69. Высота подбородка	—	—	35	35	37	33	31	32	30	35,0 (4)	32,0 (3)
79. Угол наклона ветви нижней челюсти	—	—	—	121	119	118	127	124	—	119,3 (3)	125,5 (2)
79 (1) Угол подбородка	—	—	—	69	74	75	65	55	76	72,7 (3)	65,3 (3)
Надбровье (1—6)	3	4	4	5	3	5	2	2	2	4,0 (5)	2,0 (3)
Надбровные дуги (1—3)	3	3	3	3	2	3	2	1	1	2,8 (5)	1,33 (3)
Клыковая ямка в мм	7,0	5,0	5,0	5,2	4,1	—	8,4	4,2	5,2	5,32 (4)	5,93 (3)
Передне-носовая ось (1—5)	—	—	—	3	3	3	2	3	—	3,0 (3)	2,5 (2)
Наружный заглавный бугор (0—5)	1	—	—	1	2	2	0	0	1	1,5 (4)	0,33 (3)
Сосцевидный отросток (1—3)	2	3	2	2	2	3	2	2	1	2,4 (5)	1,67 (3)
Нижний край грушевидного отверстия	ant	ant	ant	ant	inf	ant	inf	ant	ant		

Сравнение черепов эпохи бронзы

	Мужская										Женская										
	Бронза					Срубная					Бронза					Срубная					
	Оренбург-ская обл. Персиановка I	Казахстан	Минусин-ская котловина	Среднее Поволжье	Оренбург-ская обл. Герасимовка I	Казахстан	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	Алтай	
1. Продольный диаметр	184,8(4)	185,2(10)	187,2(20)	190,8(21)	188,6(41)	179,3(3)	175,8(14)	177,0(13)	180,2(20)	181,9(23)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)	182,0(1)
8. Поперечный диаметр	134,6(5)	142,2(10)	145,0(22)	139,6(20)	138,4(36)	136,2(2)	136,4(14)	142,3(12)	134,1(20)	136,1(22)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)	136,2(1)
17. Высотный диаметр	139,0(3)	136,8(7)	138,7(21)	138,1(15)	136,2(21)	136,0(1)	132,6(7)	132,0(13)	134,2(16)	130,9(17)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)	132,0(1)
7. Длина основания черепа	109,0(3)	103,8(6)	106,3(21)	105,8(13)	107,1(21)	110,1(1)	97,0(7)	98,6(13)	100,5(16)	101,8(17)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)	100,5(1)
9. Наименьшая ширина лба	95,8(5)	98,9(10)	100,9(23)	98,3(19)	97,8(10)	92,3(3)	94,7(12)	96,8(14)	94,4(20)	93,8(23)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)	92,3(1)
8 : 1. Черепной указатель	71,3(3)	76,8(10)	77,5(22)	73,2(20)	73,5(36)	76,4(2)	77,7(14)	80,5(12)	74,4(20)	74,8(22)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)	76,4(1)
17 : 1. Выотно-поперечный указатель	74,2(3)	73,4(7)	74,1(20)	73,0(15)	72,3(21)	68,8(2)	75,9(7)	74,7(13)	74,6(16)	72,0(17)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)	74,7(1)
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	71,3(5)	100,0(6)	101,4(19)	101,5(18)	102,0(17)	102,0(1)	94,0(6)	95,7(11)	96,6(16)	97,7(13)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)	95,7(1)
40. Длина основания лица	133,2(5)	139,2(8)	141,5(20)	134,7(17)	136,6(38)	127,7(3)	128,9(9)	128,2(11)	124,9(18)	127,6(19)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)	127,7(1)
45. Скuloвая ширина	70,0(5)	67,9(8)	68,3(20)	72,3(17)	70,3(32)	68,7(3)	66,4(11)	68,6(13)	65,4(20)	65,7(17)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)	68,7(1)
48. Верхняя высота лица	32,1(5)	31,7(19)	31,7(19)	32,4(19)	32,4(3)	32,4(3)	33,5(4)	33,5(4)	32,5(14)	32,5(14)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)	32,5(1)
52. Высота орбиты	52,7(5)	48,8(8)	48,1(19)	54,4(15)	51,5(32)	51,5(3)	53,0(8)	53,6(10)	53,3(18)	51,6(17)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)	51,5(1)
48-45. Верхний лицевой указатель	21,5(3)	22,3(17)	22,3(17)	21,4(10)	21,0(3)	21,0(3)	21,0(3)	20,5(11)	20,9(15)	20,5(17)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)	20,5(1)
Дакриальная высота	12,9(3)	13,4(17)	13,4(17)	14,9(10)	12,1(3)	12,1(3)	12,1(3)	11,8(11)	12,6(15)	12,6(15)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)	12,6(1)
Дакриальная хорда	8,4(3)	9,1(18)	9,1(18)	8,6(11)	8,0(3)	8,0(3)	8,0(3)	7,9(11)	7,8(16)	7,8(16)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)	7,8(1)
Симметрическая хорда	4,0(3)	4,7(18)	4,7(18)	5,9(11)	3,3(3)	3,3(3)	3,3(3)	3,9(11)	4,0(16)	4,0(16)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)	4,0(1)
Дакриальный указатель	61,2(3)	60,3(5)	62,1(17)	68,9(10)	65,8	68,5(3)	54,5(6)	58,2(11)	60,8(15)	60,6	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)	58,2(1)
Симметрический указатель	47,4(3)	50,5(5)	53,7(18)	66,4(11)	57,9	45,2(3)	47,7(7)	50,0(11)	54,3(16)	51,3(11)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)	45,2(1)
Низомаллярный угол	137,0(4)	141,2(5)	139,2(18)	133,1(15)	137,0(27)	136,3(3)	140,0(6)	140,2(10)	136,2(16)	137,7(11)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)	136,3(1)
Зигмаксиллярный угол	128,8(5)	129,0(5)	128,1(18)	124,6(12)	128,3(19)	121,7(3)	128,5(6)	125,8(6)	123,1(15)	125,5(11)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)	121,7(1)
Угол лба наклон-челюстной	78,8(4)	85,3(7)	83,3(16)	81,6(19)	81,5(26)	81,5(2)	86,8(7)	87,5(11)	84,0(18)	83,7(15)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)	81,5(1)
Угол носовых костей	34,3(3)	29,3(7)	31,9(16)	36,9(13)	33,9(23)	28,0(2)	24,7(6)	25,2(11)	28,6(18)	29,7(13)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)	28,0(1)
Надбровес (1—6)	4,0(5)	3,5(11)	3,86(21)	3,85(20)	3,6(24)	2,0(3)	2,2(14)	2,0(13)	2,35(20)	2,09(23)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)	2,0(1)
Глубина кляковой ямки в мм	5,32(4)				5,88(34)	5,93(3)															

ческом материале констатируется проникновение андроновских племен в Нижнее Поволжье⁸. Таким образом, в конце эпохи бронзы на Южном Урале жили племена срубной и андроновской культур, которые вошли составной частью в более позднее сарматское население.

Черепав сарматского периода

Три сарматских черепа, 2 мужских и 1 детский, были получены при раскопках могильника Новый Кумак в 1962 г. (раскопки М. Г. Мошковой). Мозговая коробка еще одного сарматского черепа добыта у хут. Барышникова в 1963 г. (раскопки К. Ф. Смирнова). Кроме того, 4 черепа из более ранних раскопок на Ново-Кумакском могильнике были исследованы Т. С. Кондукторовой⁹. В 1965 г. при исследовании III Аландской курганной группы К. Ф. Смирновым обнаружено еще несколько черепов сарматского времени. Пригодными для обработки оказались 3 мужских, 1 женский и 1 детский череп. Ново-Кумакский и Аландский памятники в археологическом отношении близки, поэтому для получения большей информации опубликованный и новый материал из этих могильников был объединен. В результате получилась серия из 9 мужских, 3 женских и 2 детских черепов. Все черепа в той или иной степени разрушены, в результате чего на большинстве из них не удалось определить высоту мозговой коробки, длину основания черепа и некоторые другие признаки.

В изученной сарматской серии преобладают черепа со средним размером продольного диаметра и большим размером поперечного (табл. 3). По черепному указателю серия является брахикранной. Высотный размер, измеренный на двух черепах, на одном имеет малую величину, на другом — большую. Высота черепа, измеренная от ушной точки, характеризуется средней величиной этого признака при наличии значительных индивидуальных вариаций. Ширина лба по абсолютному размеру и по отношению к поперечному диаметру небольшая, наклон его умеренный. Степень развития области глabella определяется баллом выше среднего. Размеры высоты и ширины лица средние, только на одном черепе отмечено широкое лицо. На всех черепах наблюдается сильная профилированность верхней части лица и умеренная или сильная профилировка на уровне зигомаксиллярного угла. В вертикальной норме лицо на всех черепах ортогатно. Носовая область характеризуется небольшими высотными и широтными размерами. Высота переносья значительная. Угол выступания носа, измеренный на шести черепах, умеренный.

Приведенная общая характеристика позволяет считать исследованные черепа европеоидными, но с нерезко выраженными чертами этой расы. Рассматривая черепа по отдельности, можно убедиться, что признаки европеоидной расы выражены не на всех черепах в равной степени. На двух черепах из кургана 14 погр. 1 и кургана 26 погр. 1 Ново-Кумакского могильника бросается в глаза низкий угол выступания носа, высокие орбиты. Кроме того, на первом из них можно отметить малый размер симиотической высоты, уплощенность лицевого скелета на уровне зигомаксиллярного угла, а на втором — низкое переносье на уровне дакриальных точек. Некоторая уплощенность лицевого скелета на среднем уровне и встречается и на других черепах. Присутствие этих признаков свидетельствует, по-видимому, о небольшой примеси монголоидного элемента. По этим особенностям новокумакские черепа отличаются от двух сарматских черепов из могильников Увак и Тара-Бутака, найденных также на территории Оренбургской области, на которых отсутствуют какие-либо монголоидные особенности. Кроме того, они отличаются от исследованных значительно большими размерами продольного диаметра, ширины и высоты лица.

За пределами Оренбургской области сарматские черепа известны с территории Нижнего Поволжья, Волгоградской и Саратовской областей. Исследованные черепа по некоторым признакам заметно отличаются от нижеволжских, особенно из Быкова и Ило-

⁸ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. — СА, 1957, № 3, стр. 8.

⁹ Т. С. Кондукторова. Указ. соч., стр. 43 и далее.

Размеры черепов из могильников Новий-Ку мак и III Атанаского

Могильник	№ погребений	Культура	Пол	Возраст	1. Пролонный диа-метр	8. Поперечный диа-метр	17. Высота диа-метр от основания черепа	5. Длина основания черепа	20. Высота диа-метр от основания черепа	9. Наименьшая ши-рина диа-	40. Длина основания лица	45. Скуловой диа-метр	14. Верхняя высота лица	47. Полная высота лица	55. Высота носа
Новий-Ку мак	к 6 п 1	сарматская	м	30—35	—	—	—	—	116	96	—	133?	74	119	56
	к 8 п 1	«	«	35—40	178	147	—	—	110	90	—	135	69	113	50
	к 12 п 1	«	«	35—45	177	149	—	—	111	94	—	135	72	118	50
	к 15 п 1	«	«	40—45	—	155?	—	—	112	90	—	132	67	110	45
	к 14 п 1	«	«	60—70	183	138	—	—	116	91	—	132	74	—	53
	к 26 п 1	«	«	40—45	—	145	—	—	119	100	—	133?	69	120	49
III Атанаский	Ал. к 2 п 1	сарматская	м	25—35	185	152	—	—	115	94	—	130	72	117	49
	Ал. к 2 п 2	«	«	30—35	182	155	140	105	116	104	98	142	72	116	52
	Ал. к 5 п 1	«	«	40—50	184	150	130	—	117	103	—	135	—	—	—
	Ал. к 1 п 1	«	ж	20—25	174	144	122	—	109	98	91	136	68	—	50
Среднеарифметические величины (мужчины)															
Число случаев					181,5	148,9	135,0	105	114,7	95,8	98	134,1	71,1	116,1	50,6
Новий-Ку мак	к 20 п 1	раннесармат-ская	м	больше 60	180	143	132	100	114	94	—	133	71	—	50
	к 24 п 1	IV в. до н. э.	«	30—35	172	150	—	—	112	101	—	128?	77	123	54
	к 34 п 1	«	«	50—60	188	159	125	99	113	108	—	146?	74	—	52
	к 20 п 2	«	ж	25—30	—	137	137	99	118	95	95	126	75	—	53
Среднеарифметические величины (мужчины)															
Число случаев					180,0	150,7	128,5	99,5	113,0	101,0	—	135,7	74,0	120,3	52,0

Ул. Ул. Носовых ко- стен	Назоват. улоа	Зикомакларный улоа	Надленосе (1-6)	Надворе (1-3)	Нижний край груше- ного отверстия	Перезе-носная оств (1-6)	Наружный датлок- ный групп (0-5)	Сосеянный отро- сток (1-3)	8. 1. Черепной ука- ангаль	17. 1. Висотно-про- дольный укагаль	17. 8. Висотно-поп- речный укагаль	9. 8. Лобно-попереч- ный укагаль	48: 45. Лицевой ука- ангаль	54: 55. Носовой ука- ангаль	52: 51. Орбитный укагаль I	52: 51a. Орбитный укагаль II	40: 5. Укагаль вы- ступивший лица	48: 17. Филляр- ный укагаль	Дарквалый укаг- аль	Симонический укаг- аль
—	138	—	3	—	ant	—	—	3	—	—	—	—	55,6	53,2	80,0	—	—	—	—	62,5
—	134	133	3	—	ant	3	3	2	82,3	—	—	61,2	51,1	40,0	85,3	—	—	—	—	68,8
33	137	123	3	—	ant	5	3	2	84,2	—	—	63,1	53,3	46,5	84,8	—	—	72,6	70,0	
32	140	136	3	—	ant	3	—	3	—	—	—	58,1	50,8	44,4	71,4	—	—	75,8	51,3	
22	137	135	2	2	f. pr	—	3	3	75,4	—	—	65,9	56,1	45,3	86,0	—	—	52,6	31,3	
22	140	130	3	2	ant	2	—	2	—	—	—	69,0	51,9	53,3	77,6	—	—	49,5	41,0	
26	130	123	3	2	ant	3	1	2	82,2	—	—	61,8	55,4	43,3	77,6	—	—	67,4	63,6	
37	138	126	4	3	ant	2	2	3	85,2	76,9	90,3	67,1	50,7	47,5	66,5	—	93,3	59,6	48,9	
—	141	—	5	3	—	—	3	3	81,5	70,7	86,7	68,7	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	131	2	1	ant	4	0	2	82,8	70,1	84,7	68,1	50,0	44,0	83,3	—	—	55,7	—	
28,7	137,2	129,4	3,22	2,40	—	3,0	2,50	2,56	81,8	73,8	88,5	64,4	53,1	46,7	78,7	—	93,3	51,4	62,9	54,7
6	9	7	9	5	—	6	6	9	6	2	2	8	8	8	8	6	1	1	6	8
35	140	137	3	2	ant	3	2	2	79,4	73,3	92,3	65,7	53,4	51,8	83,5	—	—	53,8	71,0	45,8
26	140	124	2	2	f. pr.	4	2	3	87,2	—	—	67,3	60,2	46,7	77,6	—	—	—	72,4	65,4
30	—	126	4	3	ant	—	2	3	84,6	66,5	78,6	67,9	50,7	48,3	—	—	—	59,2	50,2	32,6
—	142	128	2	1	ant	3	1	2	—	—	100,0	69,3	59,5	49,1	85,8	—	96,0	54,7	—	—
30,3	140,0	129,0	3,0	2,33	—	3,5	2,0	2,67	83,7	69,9	85,4	67,0	54,8	48,9	80,5	—	—	56,5	64,5	47,9
3	2	3	3	3	—	2	3	3	3	2	2	3	3	3	2	2	—	2	3	3

Сравнение савроматских черепов

Признак	Область		
	Оренбургская	Волгоградская	
	могильник		
	Новый-Кумак Аландский	Дережновка и др.	Быково, Иловатка
	автор		
Акимова Кондукторова	Фирштейн	Глазкова, Чтецов	
	М (N)	М (N)	М (N)
1 Продольный диаметр	181,5 (6)	184,7 (7)	183,8 (5)
8 Поперечный диаметр	148,9 (8)	142,6 (7)	143,2 (5)
17 Высотный диаметр	135,0 (2)	135,5 (4)	134,4 (5)
5 Длина основания черепа	105,0 (1)	105,3 (4)	108,2 (5)
9 Наименьшая ширина лба	95,8 (9)	101,0 (7)	97,6 (5)
8 : 1 Черепной указатель	81,8 (6)	77,4 (7)	78,0 (5)
17 : 1 Высотно-продольный указатель	73,8 (2)	74,9 (4)	73,1 (5)
9 : 8 Лобно-поперечный указатель	64,4 (8)	70,9 (7)	68,2 (5)
40 Длина основания лица	105,0 (1)	98,5 (4)	103,6 (5)
45 Скуловая ширина	134,1 (9)	135,5 (7)	139,2 (4)
48 Верхняя высота лица	71,1 (8)	71,7 (7)	67,3 (5)
52 Высота орбиты	32,6 (8)	34,3 (7)	32,8 (5)
48 : 45 Верхний лицевой указатель	53,1 (8)	52,9 (7)	48,5 (5)
Дакриальная хорда	20,2 (6)	20,8 (6)	20,9 (3)
Дакриальная высота	12,6 (6)	12,5 (6)	13,3 (2)
Симотическая хорда	7,5 (8)	9,1 (7)	8,9 (5)
Симотическая высота	4,1 (8)	4,5 (7)	5,3 (5)
Дакриальный указатель	62,9 (6)	60,6 (6)	40,9 (1)
Симотический указатель	54,7 (8)	52,5 (7)	60,7 (5)
Назональный угол	137,2 (9)	141,2 (7)	139,4 (5)
Зигмаксиллярный угол	129,4 (7)	132,2 (6)	126,3 (14)
32 Угол лба назон-метопион	80,7 (7)	83,7 (6)	82,3 (13)
75 (1) Угол носовых костей	28,7 (6)	27,5 (6)	30,5 (12)
Надбровье (1—6)	3,22 (9)	3,57 (7)	3,2 (5)
Глубина клыковой ямки в мм	4,80 (8)	5,7 (7)	—

ватки¹. Первые в отличие от вторых имеют более короткую и широкую мозговую коробку, в соответствии с этим и черепной указатель у них больше (табл. 4.) При большой ширине черепа лоб на новокумакских черепах узкий. Еще более заметная разница наблюдается в размерах лица, которое на исследованной серии из могильников Новый-Кумак и Аланд-

¹Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. — МИА, 1960, № 78, т. 2, стр. 287.

ского значительно более узкое и высокое, более уплощенное с меньшим выступанием носа и более слаженным рельефом. Таким образом, намечается целый комплекс признаков, по которым савроматские черепа Оренбургской области отличаются от черепов из Быкова и Иловатки с территории Волгоградской области. По этим же признакам и в том же направлении новокумакские и аландские черепа отличаются от савроматского черепа из Комаровского кургана⁸ и от двух черепов того же времени с территории Западного Казахстана⁹. С черепами из Бережновки и других памятников Волгоградской области¹⁰ исследованные черепа имеют различия только в размерах мозгового отдела, по другим же признакам, напротив, отмечается сближение этих групп. Это сближение прослеживается в размерах ширины и высоты лица и, что особенно важно отметить, в наличии черепов с низким углом выступления носа и уплощенным лицом на уровне зигомаксиллярного угла.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют выделить два типа среди савроматских черепов. Один тип характеризуется крупными размерами мозговой коробки, широким лицом, сильно выступающим носом. К этому типу относятся черепа из Быкова и Иловатки, из Комаровского кургана с территории Нижнего Поволжья, два черепа, найденных у ст. Сайхин в Западном Казахстане и два черепа из Увак и Тара-Бутака из Оренбургской области. Сходный облик имеет один череп из Аландского могильника (курган 2, погр. 2).

Другой тип савроматских черепов отличается меньшей длиной черепной коробки, более узким, высоким и несколько уплощенным лицом, меньшим углом выступления носа. К этому типу принадлежит, прежде всего, черепа из Ново-Кумакского и Аландского могильников и близкие к ним по размерам лица и углу выступления носа черепа из Бережновки и других могильников с территории Волгоградской области. Оба типа представлены на территории Оренбургской области, что дает основание предполагать неоднородность в антропологическом отношении населения Южного Урала в савроматское время. Присутствие черепов со слабым выступанием носа и уплощенным лицом в могильниках Новый Кумак и Бережновка может свидетельствовать о проникновении монголоидных элементов в районы Южного Урала, а возможно, и далее на запад, в Нижнее Поволжье.

Монголоидная примесь была отмечена Г. Ф. Дебецом в еще более раннюю эпоху на некоторых черепах срубной культуры с территории Куйбышевской области¹¹. В отношении происхождения этого монголоидного компонента Г. Ф. Дебеч приходит к выводу, что он принадлежал древнему населению, распространенному в Прикамье еще в доананьинское время. Это население частично было ассимилировано племенами срубной культуры при продвижении их на север.

Что касается савроматов Оренбургской области, то они скорее всего испытывали влияние не с севера, а с востока. На это дают указание и археологические материалы. М. Г. Мошкова отмечает, что в раннесарматский, прохоровский период развития по сравнению с савроматским изменяется характер керамики. Появляются большие круглодонные или с чуть уплощенным дном сосуды, изменяется погребальный обряд. Эти изменения, по мнению М. Г. Мошковой, заставляют предполагать возможность этнических передвижений территории Казахстана в Приуральские степи. Вновь пришедшие племена и принесли с собой новые черты погребального обряда и круглодонную керамику¹².

При изучении антропологического типа савроматских племен необходимо коснуться вопроса об их происхождении, о степени участия в их сложении населения андроновской

⁸М. М. Герасимова. Савроматский череп из Нижнего Поволжья. — «Советская антропология», 1958, № 1, стр. 52—53.

⁹В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана. — МАЭ, т. XVIII, 1958, стр. 392 и далее.

¹⁰Б. В. Фирштейн. Савроматы Нижнего Поволжья. — Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. 21, 1961, стр. 66 и далее.

¹¹Г. Ф. Дебеч. Указ. соч., стр. 493.

¹²М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. — МИА, 1962, № 115, стр. 227.

и срубной культур. К. Ф. Смирнов, анализируя археологический материал, приходит к выводу, что в материальной культуре савроматов сохраняется много элементов как срубных, так и андроновских¹³. Это находит подтверждение и в антропологическом материале. Б. В. Фирштейн в работе о савроматских черепах Нижнего Поволжья из могильников по р. Еруслан пишет, что в сложении савроматских племен приняли участие племена срубной культуры Нижнего Поволжья и племена эпохи бронзы Казахстана¹⁴. Один сарматский череп с р. Усы с территории Нижнего Поволжья, по мнению М. М. Герасимовой, обнаруживает большое сходство с андроновскими¹⁵. Андроновский элемент, наряду со срубным, отмечен Н. М. Глазковой и В. П. Чтецовым на черепах быковской группы¹⁶. Таким образом, и антропологические данные дают свидетельства об участии андроновского и срубного населения в формировании савроматских племен.

В отношении населения, оставившего могильник Новый Кумак, Т. С. Кондукторова пришла к выводу о большой близости трех черепов с андроновской серией¹⁷. Новые материалы дают основание высказать другое соображение. Как известно, андроновские черепа в отличие от срубных имеют больший поперечный и несколько меньший продольный диаметры, благодаря чему и черепной указатель у них выше. Лицо на них шире и ниже, лоб менее покаты, меньше угол выступания носа и менее профилировано лицо в горизонтальной плоскости.

Сравнение по этим признакам новокумакских и аландских черепов с андроновскими и срубными показывает, что по одним признакам первые сближаются со срубными черепами, по другим — с андроновскими. Сходство со срубными наблюдается по абсолютным размерам и по пропорциям лица (рис. 1). Только на одном аландском черепе отмечена большая ширина лица, сходная с таковой на андроновских. Новокумакские и аландские черепа

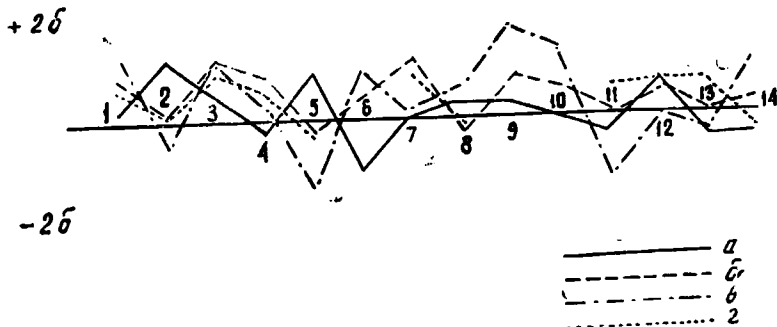

Рис. 1. Савроматские черепа в сравнении с черепами андроновской и срубной культур Среднего Поволжья и бронзы Казахстана.

а — савроматы, б — андроновская, в — срубная, г — бронза Казахстана.

- 1 — продольный диаметр, 2 — поперечный диаметр, 3 — высотный диаметр, 4 — наименьшая ширина лба, 5 — черепной указатель, 6 — лобно-поперечный указатель, 7 — ширина лица, 8 — высота лица, 9 — дакриальная высота, 10 — симметрическая высота, 11 — изомаллярный угол, 12 — зигмаксиллярный угол, 13 — лобный угол, 14 — угол носовых костей.

¹³К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 182—188.

¹⁴Б. В. Фирштейн. Указ. соч., стр. 81.

¹⁵М. М. Герасимова. Указ. соч., стр. 53.

¹⁶Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов. Указ. соч., стр. 287.

¹⁷Т. С. Кондукторова. Указ. соч., стр. 48.

близки к срубным и по углу наклона лба и развитию надбровья. По ширине черепной коробки, высоте переносья и углами профилировки лица прослеживаются значительные расхождения со срубными черепами и меньше — с андроновскими. Однако вряд ли на этом основании можно безоговорочно думать, что основным компонентом населения, оставившего указанные памятники, был андроновский. Такой вывод в какой-то мере был бы оправдан, если бы серия была бесспорно европеоидной. Но, как уже выше указывалось, в ней прослеживаются черты монголоидного типа. Поэтому более вероятно объяснить уплощение лицевого скелета и понижение угла выступающего носа на некоторых новокумакских черепах результатом смешения именно с монголоидным компонентом. Это тем более кажется правдоподобным, что по этим признакам новокумакские черепа отличаются не только от срубных, но и от андроновских в направлении большей выраженности монголоидности.

Следовательно, можно предполагать, что Ново-Кумацкий и Аландский могильники были оставлены потомками местного населения, близкого по типу к племенам срубной культуры Поволжья. В савроматское время это население претерпело некоторые изменения в своем типе, по-видимому, в результате смешения с пришлыми племенами, которые характеризовались монголоидными особенностями. Тип населения, представленный в Ново-Кумацком могильнике, не был единственным на территории Оренбургской области. Черепа из Увака и Тара-Бутака имеют особенности, сближающие их с андроновскими. Поэтому вполне вероятно и участие андроновского типа в сложении других групп савроматского населения Южного Урала.

Череп раннесарматского периода

Сарматская эпоха представлена более значительным количеством палеоантропологического материала, который весь относится к ранней, прохоровской, стадии развития сарматской культуры. Скелетные остатки собраны в трех могильниках: Мечет-Сай, Новый Кумак и Старые Кишишки.

Череп из могильника Мечет-Сай

Материал из этого могильника собран в 1961 г. Оренбургской археологической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова. Серия включает 9 мужских, 12 женских черепов, 1 череп подростка и 2 детских. Большая часть их имеет хорошую сохранность, но на некоторых разрушено основание или другие участки мозгового или лицевого отделов.

М о з г о в о й о т д е л. Мужские и женские черепа этой серии характеризуются средними величинами продольного диаметра и большими поперечного (табл. 5). По черепному указателю вся серия является брахикранной. Вариации этих признаков сравнительно небольшие, о чем свидетельствуют низкие величины квадратического уклонения, особенно в мужской группе. Высотный диаметр на мужских черепах характеризуется очень малой величиной, на женских этот размер располагается на границе малых и средних вариантов. Из шести мужских черепов, на которых определен этот признак, ни на одном не отмечена большая величина его. На одном черепе высота его настолько мала, что выходит за пределы групповых вариаций этого признака. Можно предполагать, что малая высота черепа в этой серии не является случайной. Мало вероятно, что сохранились только низко-головые черепа. В женской серии встречаются черепа с малой, средней и большой величиной этого признака. Высота черепа от ушной точки на мужских черепах средняя, на женских располагается на границе средних и больших величин. Средней величине продольного диаметра соответствует и средний размер длины основания черепа.

Лоб по абсолютному размеру широкий, а по отношению к поперечному диаметру среднеширокий. Наклон его умеренный; только один из черепов в мужской группе имеет сильно наклонный лоб (70°). Область глабеллы и надбровные дуги имеют значительное развитие. Об

Средние размеры и показатели сарматских черепов из могильника Мечет-Сай

№ по Мэртину	Признаки	Мужские				Женские			
		N	M	m(M)	σ	X	M	m(M)	σ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Продольный диаметр	8	182,6	1,91	5,40	7	173,1	1,99	5,26
8.	Поперечный диаметр	7	152,0	1,65	4,36	7	141,9	2,13	5,22
17.	Высотный диаметр базно-брегма	6	124,5	2,25	5,50	5	126,0	1,62	3,62
5.	Длина основания черепа	6	101,0	1,07	2,61	4	96,0	1,47	2,94
20.	Высота порнон-брегма	8	115,1	1,29	3,64	9	112,2	0,99	3,14
9.	Наименьшая ширина лба	9	101,6	1,26	3,78	10	95,3	0,79	2,49
10.	Наибольшая ширина лба	9	125,1	2,28	6,85	7	118,1	1,59	4,50
11.	Ушная ширина	8	134,9	1,94	5,49	5	123,0	2,01	4,93
12.	Ширина затылка	4	119,5	1,50	3,00	5	107,8	0,96	2,14
23.	Горизонтальная окружность	6	535,3	6,40	15,67	5	495,8	3,96	8,85
8:1	Черепной указатель	7	82,9	0,81	2,15	7	82,1	1,61	3,95
17:1.	Высотно-продольный указатель	5	67,9	1,72	3,85	4	74,4	1,57	3,13
17:8.	Высотно-поперечный указатель	5	81,1	1,71	3,84	4	88,0	0,43	0,85
9:8.	Лобно-поперечный указатель	7	67,1	0,91	2,42	6	66,4	0,90	2,21
40.	Длина основания лица	6	100,8	2,09	5,11	2	96,0	—	—
45.	Скуловой диаметр	7	144,1	2,09	5,52	7	130,1	2,41	6,82
48.	Верхняя высота лица	9	72,0	1,37	4,12	11	67,5	0,98	3,40
47.	Полная высота лица	9	117,4	1,94	5,83	5	111,0	2,34	5,72
43.	Верхняя ширина лица	9	112,4	1,35	4,04	8	105,9	1,29	3,87
46.	Средняя ширина лица	9	95,9	1,70	5,11	7	95,1	3,61	10,82
62.	Длина неба	7	46,6	1,25	3,31	6	44,2	1,19	3,15
63.	Ширина неба	6	40,3	0,85	2,07	10	37,8	0,67	2,21
55.	Высота носа	9	50,9	0,95	2,85	11	48,9	0,73	2,53
54.	Ширина носа	9	24,7	0,40	1,19	11	23,7	0,53	1,84
51.	Ширина орбиты от максиллофронтале	8	44,4	0,87	2,45	11	42,9	0,50	1,74
51.a	Ширина орбиты от дакриона	7	42,8	0,73	2,06	11	41,0	0,51	1,76
52.	Высота орбиты	9	34,1	0,69	2,07	11	33,4	0,21	0,73
50.	Максиллофронтальная ширина	8	19,9	0,86	2,87	10	19,1	0,46	1,46
	Максиллофронтальная высота	8	8,2	0,50	1,42	10	7,7	0,28	0,89
	Дакриальная хорда	7	21,5	1,15	3,05	8	20,7	0,60	1,80
	Дакриальная высота	7	12,0	0,68	1,81	8	11,8	0,49	1,47
	Симптическая хорда	8	7,6	0,32	0,91	11	7,5	0,41	1,41
	Симптическая высота	8	4,3	0,56	1,57	11	4,0	0,17	0,59
48:45.	Верхне-лицевой указатель	7	50,3	1,29	3,42	7	50,9	1,25	3,54
54:55.	Носовой указатель	9	48,7	1,18	3,55	11	48,6	1,00	3,48

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
52:51.	Орбитный указатель I	8	77,1	2,33	6,58	11	77,7	0,99	3,44
52:51a.	Орбитный указатель II	8	80,1	2,40	6,78	11	81,4	0,90	3,11
	Дакриальный указатель	7	57,1	5,15	13,62	8	57,2	2,27	6,82
	Симотиический указатель	8	55,6	5,69	16,08	11	53,3	1,49	5,16
40:5.	Указатель выступления лица	6	99,7	1,80	4,40	2	98,5	—	—
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	6	59,1	1,19	2,91	5	52,6	1,25	2,80
	Назоназальный угол	8	139,6	1,80	5,10	9	140,4	1,61	4,83
	Зигмаксиллярный угол	9	131,3	2,42	7,27	7	132,6	2,22	5,88
32.	Угол лба назнон-метопион к горизонтали	8	79,9	1,49	4,22	9	83,4	1,58	5,01
	Угол лба глабелла-метопион к горизонтали	8	71,9	1,47	4,17	9	77,2	1,39	4,41
72.	Общий угол лица	7	87,0	1,13	3,00	8	86,4	2,59	7,33
73.	Угол средней части лица	7	90,6	0,87	2,30	8	88,0	0,95	2,86
74.	Угол альвеолярной части лица	7	78,0	2,47	6,53	7	77,4	2,14	5,65
75	Угол носовых костей к горизонтали	7	57,9	1,87	4,95	8	59,4	2,13	6,40
75(1).	Угол носовых костей к линии профиля	8	29,9	2,33	6,58	11	27,6	1,47	4,66
65.	Мышелковая ширина	6	118,8	1,05	2,56	7	113,4	2,01	5,32
66.	Бигонимальная ширина	8	101,5	2,36	6,67	9	97,4	1,73	5,20
68.	Длина нижней челюсти от углов	7	81,0	0,87	2,31	8	76,2	1,35	3,81
68(1).	Длина нижней челюсти от мышелков	7	106,3	0,91	2,42	7	103,6	1,57	4,16
70.	Высота ветви	9	63,6	2,29	6,86	10	58,8	1,67	5,27
71a.	Наименьшая ширина ветви	9	34,4	1,23	3,68	12	33,1	0,69	2,39
69.	Высота подбородка	9	33,1	1,06	3,18	12	30,4	0,78	2,70
79.	Угол наклона ветви нижней челюсти	7	118,1	1,18	3,13	8	122,8	2,00	5,65
79(1).	Угол подбородка	9	65,9	2,02	6,07	11	62,5	2,37	8,20
	Надпереносье (1—6)	9	3,44	—	—	12	2,17	—	—
	Надбровные дуги (1—3)	9	2,56	—	—	12	1,50	—	—
	Клыковая ямка (0—4)	9	3,67	—	—	11	2,30	—	—
	Клыковая ямка (в мм)	9	6,02	—	—	10	4,08	—	—
	Передне-носовая ось (1—5)	8	2,50	—	—	6	2,34	—	—
	Наружный затылочный бугор (0—5)	9	1,67	—	—	11	0,45	—	—
	Сосцевидный отросток (1—3)	9	2,67	—	—	11	1,64	—	—
	Нижний край	6	66,7	—	—	10	83,3	—	—
	грушевидного	3	33,3	—	—	1	8,3	—	—
	отверстия	—	—	—	—	1	8,3	—	—

этом свидетельствует довольно большая разница между лобными углами, измеренными от точек назиона и глабеллы, составляющая в мужской группе почти 8°. Степень выраженности сосцевидных отростков также определяется баллом выше среднего. Во многих черепах заметное развитие имеет и наружный затылочный бугор. Все это дает представление о значительном развитии рельефа на изучаемых черепах.

Контуры черепов в вертикальной форме встречаются различные, но преобладают сфероидные формы. На одном мужском черепе в области обелиона отмечено углубление в теменных костях. Возможно, оно является результатом лечебной трепанации. На двух мужских и одном женском черепе имеется метопический шов. На женском черепе из кургана 6 погр. 4 заметна искусственная деформация.

Лицевой отдел. Верхняя высота лица на мужских и женских черепах характеризуется средней величиной, но в мужской группе встречаются черепа с высоким и очень высоким лицом. Что касается ширины лица, то этот размер характеризуется большой величиной, особенно в мужской серии (см. табл. 5). Только на одном мужском черепе отмечена средняя ширина лица, на всех остальных этот размер отличается большой или очень большой величиной. И в женской группе на большей части черепов широтный размер лица оказался также значительным. Такие пропорции лицевого скелета определили и сравнительно низкую величину лицевого указателя. Относительно двух других размеров, характеризующих ширину лица, можно сказать следующее: и мужские, и женские черепа при очень широкой верхней части лица имеют малую величину средней ширины лица.

Размеры высоты и ширины носа в исследованной серии лежат на границе малых и средних величин, по указателю нос в обеих группах мезоринный. Область переносья, определяемая дакриальными и симитическими размерами, характеризуется средними величинами широтных размеров и большими — высотных. И дакриальный и симитический указатели очень велики. В общем для всей серии характерно высокое или очень высокое переносье. Низкое переносье отмечено только на одном мужском черепе.

Орбиты и в мужской, и в женской группах очень широкие и средневысокие, по указателю мезококонные.

Углы профилировки. По вертикальным углам лица мужские и женские черепа ортогнатны, но на некоторых черепах отмечена тенденция к прогнатности альвеолярной части лица. В горизонтальной плоскости вся серия отличается средней профилированностью, но на отдельных черепах встречаются значительные величины этих углов, что свидетельствует о некоторой уплощенности лица на них. Угол выступления носа над линией профиля лица характеризуется сравнительно большой величиной. Однако несколько черепов имеют слабо выступающий нос. Особенно выделяется череп из кургана 3, погр. 16. На нем очень слабо выступающий нос (17°) сочетается с выраженной уплощенностью всего лицевого скелета, с очень низкими дакриальной и симитической высотами. Таким образом, на этом черепе целый комплекс монголоидных особенностей. Среди мужских черепов имеется еще один с пониженным углом выступления носа и уплощенным лицевым скелетом. Подобные черепа встречаются и в женской группе (курган 3 погр. 14 и курган 5 погр. 10).

Передняя носовая ось имеет среднюю степень развития. Нижний край грушевидного отверстия на большей части черепов заостренной формы. Клыковая ямка довольно глубокая.

В целом исследованные сарматские черепа из могильника Мечет-Сай характеризуются брахикранной, очень низкой мозговой коробкой, средневысоким и широким, слегка уплощенным лицом, довольно сильно выступающим носом, низкими и широкими орбитами. Эти особенности позволяют отнести серию из могильника Мечет-Сай к европеоидному типу. Но, как уже выше отмечалось, имеется и небольшая примесь монголоидного компонента.

Череп из могильника Новый-Кумак. Серия из этого могильника включает 3 мужских и 1 женский череп, раскопанных в 1962 г. М. Г. Мошкова, производившая раскопки

этого памятника, датирует их IV в. до н. э. Черепа в общем хорошей сохранности. Мужская серия суммарно характеризуется неравномерным развитием основных диаметров мозгового отдела. Продольный диаметр у них средний, поперечный — большой, высотный — малый (см. табл. 3). По черепному указателю они являются брахикранными. Следует, однако, отметить большие индивидуальные вариации этих признаков. Лоб широкий, на мужских черепах сильно наклонный. Развитие рельефа лобной области определяется средним баллом.

Ширина лица средняя. Этот признак также показывает значительные индивидуальные вариации. Высота лица в общем большая, что определило и значительную высоту орбит. Высоту переноса возможно было измерить только на мужских черепах. Величина этого признака на всех черепах большая. Угол выступления носовых костей также большой, но на одном мужском черепе этот угол несколько понижен. Глубина клыковых ямок в общем значительная.

Горизонтальная профилировка лица на трех черепах выражена сильно, на одном — ослабленно. В целом небольшая серия из могильника Новый Кумак может быть охарактеризована как европеоидная. Особенностью их является большая высота лица.

Череп из могильника Старые Кишки. Этот могильник располагается в Кармаскалинском районе Башкирской АССР. Раскопки его производились М. Х. Садыковой в 1957—1958 и 1960 гг. Она датирует могильник III—II вв. до н. э.

Антропологический материал представлен 19 мужскими, 12 женскими и 3 детскими черепами. Серия характеризуется средним размером продольного диаметра, большим — поперечного и малой величиной высотного (табл. 6). По черепному указателю серия в целом брахикранная. Низкая и средняя величина черепного указателя отмечена только в трех случаях. С такими пропорциями связано и преобладание сфероидных очертаний, которые являются наиболее специфичными для широкой формы мозговой коробки.

Лоб средней ширины, по отношению к поперечному диаметру — узкий. Угол наклона лба умеренный. Область надбровья развита выше среднего. Лицо в мужской серии широкое и низкое. На женских черепах лицо сравнительно выше при большей ширине. По лицевому указателю вся серия относится к категории низколидых; значительная высота лица отмечена только на двух мужских черепах. Следует отметить, что вариации лицевых размеров на женских черепах значительно меньше по сравнению с мужскими. На это указывают и меньшие величины квадратных уклонов.

Углы вертикальной профилировки большие и характеризуют серию как ортогнатную. В горизонтальной плоскости серия в целом отличается средней профилированностью, но на некоторых черепах наблюдается небольшая уплощенность лицевого скелета. Клыковая ямка средней глубины.

Орбиты широкие и низкие как по абсолютным величинам, так и по указателям.

Размеры носа в мужской серии небольшие, в женской — средние. Переносье характеризуется средними широтными и большими высотными показателями. Ни в одном случае не отмечено низкое переносье. Угол выступления носовых костей средний, но встречаются черепа с пониженным углом выступления носа. На одном женском черепе угол носа оказался равным всего 19°. Широкое лицо, высокие орбиты и слабо вступающий нос придают этому черепу монголоидный облик. Передняя носовая ость выражена не сильно.

Изученный материал из Кишкинского могильника дает все основания для заключения о европеоидном характере населения, оставившего этот памятник. Низкое, хотя и широкое, лицо, средняя профилированность, довольно сильно вступающий нос — признаки, подтверждающие сделанный вывод. Однако не исключена возможность очень незначительной примеси монголоидности.

Сравнение исследованных сарматских черепов

Череп из могильников Мечет-Сай и Кишки отличаются друг от друга по ряду важных признаков. Как видно из табл. 7 и рис. 2, мужские черепа из Мечет-Сая имеют значительно более низкую мозговую коробку, более широкий и наклонный лоб. Лицо на них

Средние размеры и показатели черепов из могильника Старые Книжки

Таблица 6

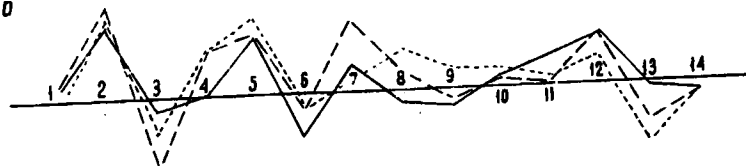
№ по Мзрину	Признаки	Мужские				Женские			
		х	М	т (М)	σ	Н	М	т (М)	σ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Продольный диаметр	16	182,1	1,54	6,15	11	173,5	0,82	2,73
8.	Поперечный диаметр	17	150,1	1,24	5,10	11	144,4	1,67	5,54
17	Высотный диаметр базис-брегма	11	130,9	1,06	3,53	6	125,5	1,78	4,37
5	Длина основания черепа	10	100,3	0,47	1,49	6	94,5	1,98	4,85
20	Высотный диаметр порион-брегма	17	115,2	0,92	3,81	11	114,5	1,06	3,50
9.	Наименьшая ширина лба	18	97,4	1,20	5,08	11	97,4	1,02	3,38
10	Наибольшая ширина лба	18	123,9	1,23	5,21	10	121,5	1,50	4,74
11	Ушная ширина	17	130,4	1,51	6,21	8	126,0	1,39	3,93
23	Горизонтальная округлость	8	535,9	2,00	5,67	5	516,0	1,98	4,42
8:1	Черепной указатель	15	82,6	1,28	4,97	11	83,2	1,07	3,56
17:1.	Высотно-продольный указатель	10	72,2	1,11	3,50	6	72,5	1,36	3,33
17:8	Высотно-поперечный указатель	11	86,8	1,11	3,68	6	86,1	2,00	4,91
9:8	Лобно-теменной указатель	17	65,3	0,67	2,78	10	67,0	0,77	2,44
40	Длина основания лица	10	95,1	1,08	3,41	5	93,6	1,21	2,70
45	Скуловой диаметр	16	137,9	1,14	4,55	10	132,7	1,04	3,30
48	Верхняя высота лица	17	68,8	1,06	4,38	12	65,3	0,93	3,23
47	Полная высота лица	16	113,8	1,48	5,91	10	107,2	1,56	4,94
43	Верхняя ширина лица	17	107,4	1,07	4,40	12	106,7	1,00	3,45
46	Средняя ширина лица	15	95,9	1,03	3,98	11	92,2	1,32	4,38
55	Высота носа	17	50,2	0,66	2,73	2	48,3	0,66	2,27
54	Ширина носа	17	24,4	0,37	1,52	12	24,4	0,41	1,43
51	Ширина орбиты от максиллофронтале	17	43,3	0,52	2,14	11	42,3	0,67	2,22
51a	Ширина орбиты от дакриона	15	41,3	0,51	1,99	11	40,4	0,72	2,39
52	Высота орбиты	17	33,0	0,61	2,53	12	32,4	0,75	2,60
50	Максиллофронтальная ширина	15	19,4	0,62	2,39	9	19,8	0,55	1,66
	Максиллофронтальная высота	14	7,8	0,18	0,68	8	6,8	0,35	0,98
	Дакриальная хорда	14	20,7	0,75	2,79	8	20,7	0,47	1,34
	Дакриальная высота	13	11,9	0,18	0,65	8	10,7	0,45	1,27
	Симотическая хорда	14	8,3	0,65	2,44	9	8,3	0,31	0,92
	Симотическая высота	14	4,4	0,27	1,00	9	3,7	0,30	0,89
48:45	Верхний лицевой указатель	16	49,8	0,87	3,47	10	49,1	0,73	2,32
54:55	Носовой указатель	17	48,9	1,17	4,81	12	50,7	1,21	4,20
52:51	Орбитный указатель I	17	76,6	1,82	7,50	11	75,8	1,58	5,24
52:51a	Орбитный указатель II	15	80,5	1,78	6,91	11	79,3	1,46	4,83
	Дакриальный указатель	13	57,1	2,25	8,10	8	51,7	2,02	5,71
	Симотический указатель	14	55,6	4,10	15,35	9	44,7	3,91	11,73

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
40 : 5	Указатель выступления лица	10	94,8	1,02	3,22	5	97,1	0,78	1,74
48 : 17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	10	51,0	1,32	4,18	6	50,9	1,09	2,68
	Назональный угол	17	141,9	1,11	4,59	12	141,6	0,99	3,42
	Зигмаксиллярный угол	15	131,7	1,85	7,17	11	132,5	1,69	5,61
32	Угол лба назион-метопион к горизонтали .	16	82,9	1,28	5,10	12	84,3	1,23	4,25
	Угол лба глабелла-метопион к горизонтали	16	74,8	1,50	5,98	12	79,2	1,40	4,86
72	Общий угол лица	16	86,3	0,68	2,70	10	85,2	0,83	2,62
73	Угол средней части лица	16	88,6	0,71	2,83	10	88,0	0,76	2,40
74	Угол альвеолярной части лица	16	78,3	1,02	4,09	10	75,0	1,61	5,08
75	Угол носовых костей к горизонтали	14	56,2	1,18	4,41	8	59,0	2,73	7,73
75(1)	Угол носовых костей к линии профиля . .	14	30,4	1,15	4,29	9	26,3	2,48	7,45
65	Мышелковая ширина	11	122,5	1,73	5,75	8	116,3	1,57	4,43
66	Бигонимальная ширина	12	98,7	1,38	4,79	11	94,0	1,72	5,69
68	Длина нижней челюсти от углов	14	81,1	1,26	4,73	11	77,4	1,86	6,17
68(1)	Длина нижней челюсти от мышелков	12	107,1	1,48	5,14	8	102,0	1,72	4,87
70	Высота ветви	16	61,1	1,12	4,47	11	56,4	1,39	4,61
71a	Наименьшая ширина ветви	16	34,8	0,69	2,74	12	32,9	0,63	2,19
69	Высота подбородка	18	30,9	0,48	2,04	12	28,2	0,59	2,05
	Надпереносье (1—6)	19	3,4	0,25	1,07	12	1,7	0,20	0,71
	Надбровные дуги (1—3)	19	2,5	0,12	0,51	12	1,7	0,14	0,49
	Клыковая ямка (в мм)	17	5,2	0,41	1,67	12	4,7	0,44	1,54
	Передне-носовая ость	12	2,9	0,31	1,08	8	2,6	0,18	0,52
	Наружный затылочный бугор (0—5)	15	1,3	0,23	0,90	10	0,9	0,23	0,74
	Сосцевидный отросток (1—3)	18	2,4	0,16	0,70	12	2,2	0,21	0,72
	Нижний край								
	грушевидного								
	отверстия								
	f. pr.	5	29,4	—	—	1	8,3	—	—
	ant.	11	64,7	—	—	9	75,0	—	—
	inf.	1	5,9	—	—	2	16,7	—	—

более высокое и значительно более широкое. Разница по последнему признаку составляет 6 мм. Такая же большая разница наблюдается и в длине основания лица. В женских сериях по некоторым из указанных признаков сохраняется то же направление отличий, но разница значительно меньше. Различия в широтных размерах лба и лица на женских черепах по сравнению с мужскими идут в противоположном направлении, а именно: лоб и лицо на женских черепах из Мечет-Сая не шире, как это наблюдается в мужской серии, а уже по сравнению с кишкинскими; правда, расхождение невелико.

Отмеченная разница между исследованными сериями позволяет считать, что население раннесарматской эпохи с территории Оренбуржья и Башкирии относилось к различным антропологическим типам в пределах большой европеоидной расы. Это находит подтверждение и в археологическом материале. К. Ф. Смирнов считает, что сарматская группа, оставившая могильник у дер. Старые Кишки, определенно южно-уральского происхож-

+ 2б

- 2б

— а
 - - - б
 в

Р и с. 2. Сравнение исследованных сарматских серий.

а — Старые Кишки, б — Мечет-Сай, в — Новый-Кумак.

1 — продольный диаметр, 2 — поперечный диаметр, 3 — высотный диаметр, 4 — наименьшая ширина лба, 5 — черепной указатель, 6 — лобно-поперечный указатель, 7 — ширина лица, 8 — высота лица, 9 — дакриальная высота, 10 — симиотическая высота, 11 — назомалирный угол, 12 — зигомасиллярный угол, 13 — лобный угол, 14 — угол носовых костей.

дения, но не связана с илেকскими сарматами, оставившими Мечет-Сайский могильник. Между этими двумя группами имеются большие различия в погребальном обряде: для староквиштинской группы характерны прямоугольные и продолговатые грунтовые могилы, для илেকской — могилы с заплечиками и подбойно-катакомбные¹⁸.

Таким образом, можно сказать, что исследованные черепа двух сарматских групп имели разное происхождение. В их формировании принимали участие различные компоненты. При преобладании европеоидного типа среди них отмечается также присутствие и монголоидного элемента.

Серия черепов из могильника Новый Кумак также имеет свои особенности, которые отличают ее как от киштинских, так и от мечетсайских черепов. К таким особенностям относится, прежде всего, значительная высота лица и связанная с этим размером сравнительно большая высота орбит. Следует отметить также на этих черепах более высокое переносье, более сильную профилированность лица на уровне зигомасиллярного угла (см. рис. 2). По высотному диаметру мозговой коробки мужские черепа из могильника Новый Кумак занимают промежуточное положение между киштинскими и мечетсайскими сериями, приближаясь, однако, к первым. По ширине лица отмечается сближение новокумакских черепов с киштинскими.

Из приведенного сравнения напрашивается, таким образом, вывод о своеобразии сарматской группы, оставившей могильник Новый Кумак. Правда, по некоторым признакам намечается, как выше указано, сближение с черепами из Киштинского могильника. Однако к этому выводу следует относиться с большой осторожностью. Его можно рассматривать как очень предварительный, так как черепов из могильника Новый Кумак очень мало.

Какое место занимают сарматы Башкирии и Оренбургской области среди других сарматских групп? В настоящее время палеоантропологический материал по сарматам известен с территории Западного Казахстана¹⁹, из разных районов Нижнего Поволжья²⁰ и Украины. Небольшой материал опубликован и с территории Оренбургской области. Эти сравнительные данные показывают, что мужские черепа из могильника Старые Кишки

¹⁸К. Ф. Смирнов. Савроматы.

¹⁹В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн. Указ. соч., стр. 390—407.

²⁰В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья. — МИА, 1959, № 60, стр. 588—591.

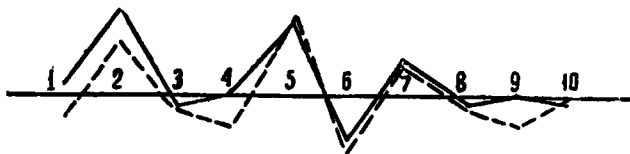
Сравнение исследованных серий ранних сарматов

Признаки	Ст. Книжки		Мечет-Сай		Новая-Кумак	
	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)
	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	182,1(16)	173,5(11)	182,6(8)	173,0(7)	180,0(3)	178,0(1)
8. Поперечный диаметр	150,1(17)	144,4(11)	152,0(7)	141,9(7)	150,7(3)	143,0(2)
17. Высотный диаметр	130,9(11)	125,5(6)	124,5(6)	126,0(5)	128,5(2)	126,5(2)
5. Длина основания черепа	100,3(10)	94,5(6)	101,0(6)	96,0(4)	99,5(2)	98,5(2)
9. Наименьшая ширина лба	97,4(18)	97,4(11)	101,6(9)	95,3(10)	101,0(3)	95,0(2)
8: 1. Черепной указатель	82,6(15)	83,2(11)	82,9(7)	82,1(7)	83,7(3)	83,7(2)
17: 1. Высотно-продольный указатель	72,2(10)	72,5(6)	67,9(5)	74,4(4)	69,9(2)	65,2(1)
9: 8. Лобно-поперечный указатель	65,3(17)	67,0(10)	67,1(7)	66,4(6)	67,0(3)	66,5(2)
40. Длина основания лица	95,1(10)	93,6(5)	101,8(6)	96,0(2)	—	95,0(1)
45. Скуловая ширина	137,9(16)	132,7(10)	144,1(7)	130,1(7)	135,7(3)	132,0(2)
48. Верхняя высота лица	68,8(17)	65,3(12)	72,0(9)	67,5(11)	74,0(3)	75,0(1)
52. Высота орбиты	33,0(17)	32,4(12)	34,1(9)	33,4(11)	35,1(2)	34,7(2)
48: 45. Верхний лицевой указатель	49,8(16)	49,1(10)	50,3(7)	50,9(7)	54,8(3)	59,5(1)
Дакриальная хорда	20,73(14)	20,69(8)	21,53(7)	20,70(8)	20,57(3)	—
Дакриальная высота	11,85(13)	10,66(8)	12,04(7)	11,81(8)	12,97(3)	—
Симотическая хорда	8,34(14)	8,30(9)	7,63(8)	7,46(11)	9,77(3)	—
Симотическая высота	4,44(14)	3,68(9)	4,32(8)	4,02(11)	4,60(3)	—
Дакриальный указатель	57,1(13)	51,7(8)	57,1(7)	57,2(8)	64,5(3)	—
Симотический указатель	55,6(14)	44,7(9)	55,6(8)	53,3(11)	47,9(3)	—
Назональный угол	141,9(17)	141,6(12)	139,4(8)	140,4(9)	140,0(2)	144,0(2)
Зигомаксиллярный угол	131,7(15)	132,5(11)	131,3(9)	132,6(9)	129,0(3)	128,0(1)
32. Угол лба назнон-метопион	82,9(16)	84,3(12)	79,9(8)	83,4(9)	78,0(3)	83,5(2)
75 (1). Угол носовых костей	30,4(14)	26,3(9)	29,9(8)	27,6(11)	30,3(3)	—
Надбровье (1—6)	3,37(19)	1,75(12)	3,44(9)	2,17(12)	3,00(3)	2,0(2)
Глубина клыковой ямки в мм	5,2(17)	4,7(12)	6,08(9)	4,08(10)	5,73(9)	3,2(1)

наибольшее сходство обнаруживают с астраханской группой (табл. 8), описанной Г. Ф. Дебецом²¹. Объединяют эти две группы небольшая высота мозгового и лицевого отделов черепа, брахикрания, почти одинаковая ширина лица, что хорошо видно на рис. 3. Именно по перечисленным признакам эти две серии отличаются от всех других. Однако о полном тождестве говорить не приходится. При наличии сходного черепного указателя башкирская серия отличается от астраханской более крупными абсолютными размерами продольного и поперечного диаметров, более широким и прямым лбом, силь-

²¹Г. Ф. Дебец. Материалы по антропологии СССР. Нижнее Поволжье.— «Антропологический журнал», 1936, № 1, стр. 69—73.

+ 26

- 26

Р и с. 3. Черепа из могильника Старые Киньши в сравнении с астраханской серией.

а — Старые Киньши, б — астраханская серия.

1 — продольный диаметр, 2 — поперечный диаметр, 3 — высотный диаметр, 4 — наименьшая ширина лба, 5 — черепной указатель, 6 — лобно-поперечный указатель, 7 — ширина лица, 8 — высота лица, 9 — лобный угол, 10 — угол носовых костей.

нее развитым рельефом лобной области. Правда, различия по указанным признакам невелики. По-видимому, можно говорить в данном случае о близких вариантах единого антропологического типа.

Что касается серии черепов из Мечет-Сая, то она по некоторым особенностям существенно отличается от всех известных сарматских черепов. Ни одна из сравниваемых серий не имеет такую низкую мозговую коробку, как мечетсайская (см. табл. 8). Даже самая малая разница по этому признаку, наблюдающаяся между мечетсайской и астраханской группой, составляет 6 мм. Между первой и другими группами эта разница еще больше. Другими особенностями, отличающими мечетсайские черепа, является большая ширина лица, сравнительно высокие орбиты, наиболее широкий и наклонный лоб.

По размерам продольного и поперечного диаметров мозговой коробки, по размерам лица, углу наклона лба черепа из могильника Мечет-Сай обнаруживают большое сходство со сборной серией, происходящей также с территории Оренбургской области (рис. 4). Эти черепа получены из разных могильников, но как отмечает Т. С. Кондукторова²³, изучавшая их, они довольно сходны между собой. Заметная разница между сравниваемыми сериями наблюдается только по одному признаку — высоте мозговой коробки, которая на 10 мм выше в сборной серии. Можно также отметить большую выраженность европеоидных особенностей на черепах сборной серии. Это проявляется в более высоком переносье, в большей величине угла выступления носа и, наконец, в большей профилированности лица в горизонтальной плоскости, особенно на уровне назамалярного угла. Правда, по всем отмеченным признакам разница небольшая и не превышает 3 единиц. Исключение составляет только величина разницы в высотном диаметре.

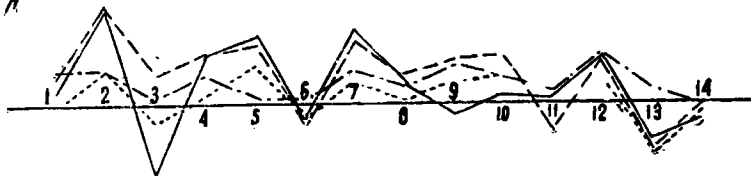
Таким образом, приведенные материалы позволяют выделить в сарматской общности оренбургскую группу, отличающуюся некоторыми морфологическими особенностями. Для нее является характерным очень широкое и средневысокое лицо, брахикrania, сравнительно широкий и наклонный лоб. Следует, однако, отметить, что эти наблюдения относятся только к мужским черепам. Женская группа черепов из могильника Мечет-Сай не вы-

²³ Т. С. Кондукторова. Указ. соч., стр. 48.

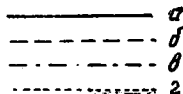
Сравнение мужских сарматских серий черепов

Признаки	в в е с т р									
	Старые Копиши	Мечет-Сай	Оренбургская обл.	Западный Кавказ	Саратовское Заволжье	Гнибург	Волгоградское Заволжье	Астраханский район		
	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	Десис
1. Продольный диаметр	192,1(16)	182,6(8)	184,6 (7)	185,6 (26)	186,6 (22)	182,7 (15)	180,8 (16)	177,9 (8)		
8. Поперечный диаметр	150,1(17)	152,0(7)	152,4 (7)	145,9 (25)	149,9 (22)	145,3 (15)	146,0 (16)	146,9 (8)		
17. Высотный диаметр	130,9(11)	124,5(6)	135,3 (11)	132,7 (10)	135,3 (13)	132,3 (7)	130,2 (12)	130,5 (6)		
5. Длина основания черепа	100,3(10)	101,0(6)	103,8 (4)	104,1 (10)	103,7 (12)	101,5 (6)	100,8 (13)	100,8 (6)		
9. Наименьшая ширина лба	97,4(18)	101,6(9)	101,8 (7)	99,6 (26)	98,2 (22)	96,5 (15)	97,9 (21)	94,6 (8)		
8:1. Черепной указатель	82,6(15)	82,9(7)	82,6 (7)	78,9 (25)	80,3 (22)	79,7 (15)	80,7 (16)	82,9 (8)		
17:1. Высотно-продольный указатель	79,2(10)	67,9(5)	73,7 (4)	72,1 (10)	72,1 (13)	72,4 (7)	72,9 (12)	73,1 (6)		
9:8. Лобно-поперечный указатель	65,3(17)	67,1(7)	66,9 (7)	68,5 (25)	65,5 (21)	66,5 (15)	67,1 (16)	64,6 (8)		
40. Длина основания лица	95,1(10)	100,8(6)	101,2 (4)	100,7 (10)	97,9 (11)	96,5 (6)	96,4 (12)	98,3 (6)		
45. Скуловая ширина	137,9(16)	144,1(7)	142,7 (7)	138,2 (24)	140,0 (20)	134,4 (15)	137,2 (15)	137,2 (8)		
48. Верхняя высота лица	68,8(17)	72,0(9)	72,4 (7)	71,5 (26)	70,0 (20)	71,0 (15)	70,2 (18)	69,4 (8)		
52. Высота орбиты	33,0(17)	34,1(9)	32,5 (7)	33,2 (24)	—	33,4 (15)	33,0 (19)	—		
48.45. Верхний лицевой указатель	49,8(16)	50,3(7)	50,7 (7)	52,4 (24)	50,0 (19)	52,3 (15)	50,3 (15)	50,2 (8)		
Дакриальная хорда	20,7(14)	21,5(7)	22,7 (7)	21,5 (18)	—	20,4 (12)	22,1 (15)	—		
Дакриальная высота	11,9(13)	12,0(7)	13,6 (7)	13,5 (18)	—	11,9 (12)	12,9 (15)	—		
Симметричная хорда	8,3(14)	7,6(8)	8,9 (7)	8,7 (21)	—	8,6 (12)	8,3 (17)	—		
Симметричная высота	4,4(14)	4,3(8)	5,3 (7)	4,6 (21)	—	4,5 (12)	4,7 (17)	—		
Дакриальный указатель	57,1(13)	57,1(7)	60,7 (7)	63,2 (18)	—	59,2 (12)	60,2 (15)	—		
Симметрический указатель	55,6(14)	55,6(8)	62,7 (7)	52,7 (21)	—	53,5 (12)	59,7 (16)	—		
Насолярный угол	141,9(17)	139,6(8)	136,8 (7)	140,2 (26)	—	—	140,3 (17)	—		
Зигмаксиллярный угол	131,7(15)	131,3(9)	130,7 (6)	131,4 (23)	—	—	126,9 (15)	—		
32. Угол лба назнон-метопион	89,9(16)	79,9(8)	79,0 (7)	84,0 (22)	83,9 (14)	84,1 (15)	78,7 (13)	80,9 (8)		
75 (1). Угол носовых костей	30,4(14)	29,9(8)	31,7 (7)	31,4 (18)	30,4 (16)	28,4 (12)	31,4 (19)	31,2 (8)		
Надбровье (1—6)	3,4(9)	3,4(9)	3,7 (7)	3,8 (26)	3,6 (23)	3,0 (15)	3,3 (19)	2,5 (8)		
Глубина клыковой ямки в мм	5,2(17)	6,02(9)	5,6 (7)	—	—	—	—	—		

+ 2δ

- 2δ

Р и с. 4. Черепа из могильника Мечет-Сай в сравнении с краниологическими сериями с территории Оренбургской области, Западного Казахстана и Волгоградского Заволжья.

а — Мечет-Сай, б — Оренбургская область, в — Западный Казахстан, г — Волгоградское Заволжье.

1 — продольный диаметр, 2 — поперечный диаметр, 3 — высотный диаметр, 4 — наименьшая ширина лица, 5 — черепной указатель, 6 — лобно-поперечный указатель, 7 — ширина лица, 8 — высота лица, 9 — акриальная высота, 10 — симиотическая высота, 11 — назомалярный угол, 12 — зигмаксиллярный угол, 13 — лобный угол, 14 — угол носовых костей.

деляется теми особенностями, которые были отмечены на мужских. Они обнаруживают поразительное сходство с женскими черепами с территории Западного Казахстана (табл. 9). Это сходство можно отметить почти по всем признакам, а по некоторым имеются совершенно одинаковые показатели. Мужские черепа с указанных территорий, напротив, по многим признакам дают очень заметные различия. Так, разница в поперечном диаметре составляет 6 мм, в высотном — 8 мм, в ширине лица — 6 мм, в угле наклона лба — 4°. Объяснить этот факт трудно. Можно предположить, что мужская часть населения по сравнению с женской была более смешанной и включала различные по происхождению компоненты.

Теперь посмотрим, прослеживается ли на имеющемся материале связь между более поздним и ранним населением, т. е. сармат с савроматами. В этом плане особенно интересным представляется Ново-Кумажский могильник, откуда имеются черепа обоих периодов. При сравнении средних величин черепов сарматской и савроматской эпох из этого могильника можно отметить некоторые отличия. Так, на сарматских черепах более широкая и короткая мозговая коробка и поэтому более высокий черепной указатель. Лоб также значительно шире. Лицо более крупных размеров, нос выступает сильнее. В целом черепа сарматов в отличие от савроматов кажутся более европеоидными. Следует, однако, отметить, что разница по всем перечисленным признакам невелика. Кроме того, трудно сказать, насколько надежны и эти отличия при такой небольшой численности, особенно сарматской серии. При анализе индивидуальных данных можно видеть, что черепа с близкими показателями встречаются в обоих сериях. Можно предполагать, что население, оставившее могильник Новый Кумак в савроматский и раннесарматский периоды, было близко по антропологическому составу.

Что касается черепов из могильника Мечет-Сай, то можно с полной уверенностью говорить об отсутствии связи между ними и савроматскими черепами из могильника Новый Кумак. Существенную разницу можно отметить, прежде всего, в ширине лица, которое на мечетсайских черепах на 11 мм шире. Большая разница наблюдается и в других широтных размерах черепа. Так, лоб шире на 8 мм, мозговая коробка — на 5 мм. Мечетсайская серия отличается более заметным развитием рельефа и большим углом выступания носа. В таком же направлении идут отличия от черепов из Бережновки с территории Волгоградской

Сравнение женских сарматских серий черепов

Признаки	Старые	Мечет-Сай	Оренбург-	Западный	Волгоград-	Волгоград-
	Киньки		ская обл.	Казахстан	ское За-	ское За-
	а в т о р					
	Акимова	Акимова	Кондукто-	Гинзбург	Гинзбург	Глазкова
		рова	Фирштейн		Чтецов	
	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)	М (N)
1. Продольный диаметр	173,5(11)	173,1(7)	178 (1)	174,7(13)	174,5(15)	175,7(14)
8. Поперечный диаметр	144,4(11)	141,9(7)	145 (1)	142,5(11)	141,5(15)	142,0(14)
17. Высотный диаметр	125,5(6)	126,0(5)	127 (1)	125,5(11)	128,6(8)	128,1(7)
5. Длина основания черепа	94,5(6)	96,0(4)	99 (1)	96,2(11)	99,4(8)	98,0(8)
9. Наименьшая ширина лба	97,4(11)	95,3(10)	92 (1)	95,7(16)	95,1(15)	95,9(15)
8 : 1. Черепной указатель	83,2(11)	82,1(7)	81,5(1)	81,6(11)	82,2(15)	81,2(14)
17 : 1. Выотно-продольный указатель	72,5(6)	74,4(4)	71,3(1)	71,7(11)	73,1(8)	73,0(7)
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	67,0(10)	66,4(6)	63,4(1)	66,4(11)	67,2(15)	67,5(14)
40. Длина основания лица	93,6(5)	96,0(2)	97 (1)	92,5(11)	96,4(8)	94,3(7)
45. Скуловая ширина	132,7(10)	130,1(7)	125 (1)	130,1(14)	126,1(15)	132,1(10)
48. Верхняя высота лица	65,3(12)	67,5(12)	66 (1)	68,4(15)	64,7(15)	68,1(11)
52. Высота орбиты	32,4(12)	33,4(11)	30 (1)	33,4(14)	32,1(15)	32,8(12)
48 : 45. Верхний лицевой указатель	49,1(10)	50,9(7)	52,8(1)	52,6(14)	51,4(15)	51,9(10)
Дакриальная хорда	20,7(8)	20,7(8)	20,3(1)	20,4(12)	19,5(13)	20,1(9)
Дакриальная высота	10,7(8)	11,8(8)	11,8(1)	11,3(12)	11,4(13)	12,4(9)
Симотическая хорда	8,3(9)	7,5(11)	6,2(1)	8,5(12)	8,7(13)	10,1(12)
Симотическая высота	3,7(9)	4,0(11)	2,3(1)	3,7(12)	4,0(13)	4,8(13)
Дакриальный указатель	51,7(8)	57,2(8)	58,2(1)	56,3(12)	59,3(13)	61,4(9)
Симотический указатель	44,7(9)	53,3(11)	38,0(1)	43,7(12)	46,5(13)	48,9(12)
Назомаллярный угол	141,6(12)	140,4(9)	141 (1)	143,0(15)	—	138,7(11)
Загомаксиллярный угол	132,5(11)	132,6(7)	140 (1)	133,6(12)	130,1(15)	126,9(10)
32. Угол лба назион-метопион	84,3(12)	83,4(9)	79 (1)	84,2(10)	85,2(15)	83,4(9)
75(1). Угол носовых костей	26,3(9)	27,6(11)	28 (1)	27,3(9)	24,7(13)	27,0(10)
Надбровье (1—6)	1,7(12)	2,17(12)	3 (1)	1,81(16)	2,2(15)	2,0(14)
Глубина клыковой ямки в мм	4,7(12)	4,08(10)	6,0(1)	—	—	—

области. По ширине лица намечается сближение с черепами из Быкова и Иловатки, но по другим признакам мечетсайские черепа существенно отличаются от них. От черепов из Увака и Тара-Бутака исследованные черепа отличаются более низким лицом. Таким образом, мечетсайские черепа трудно увязать с какой-либо савроматской серией

Сопоставление мечетсайских черепов с краниологическими сериями бронзовой эпохи указывает на более заметную близость их по некоторым признакам к черепам андроновской культуры, чем срубной. Это сближение прослеживается в ширине лица, в углах горизонтальной профилировки, в угле выступления носа. При наличии признаков, сближающих сравниваемые серии, имеются и значительные различия между ними, причем пос-

ледние нельзя объяснить процессом эпохальной изменчивости. К таким признакам относится низкая мозговая коробка, большая ширина лица. Следовательно, можно предполагать, что в формировании сарматского населения, оставившего могильник Мечет-Сай, принимали участие кроме андроновского и другой, или даже другие компоненты.

Исследованный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Черепа бронзовой эпохи из могильника Герасимовка I являются европеоидными и обнаруживают большое сходство с черепами срубной культуры.

2. Савроматские черепа из Ново-Кумакского и Аландского могильников по своему типу близки к черепам срубной культуры. При преобладании европеоидных черт на новокумакских черепах имеются и некоторые монголоидные особенности. По комплексу признаков вся серия сближается с савроматскими черепами из Бережновки и других могильников Волгоградской области и отличается от других, в том числе и от черепов из Увак и Тара-Бутак.

3. Сарматские черепа из могильников Мечет-Сай, Новый Кумак и Старые Кишки различаются между собой по некоторым признакам. Все три группы представляют варианты большой европеоидной расы. В мечетсайской и кишкинской сериях имеются черепа с монголоидными особенностями.

Черепа из могильника Старые Кишки по некоторым признакам обнаруживают сходство с астраханской группой сармат.

Мужские черепа из Мечет-Сая близки к сборной серии Оренбургской области. Женские черепа из этого могильника обнаруживают поразительное сходство с черепами из Западного Казахстана.

4. Можно предполагать связь сарматского населения, оставившего могильник Новый Кумак, с более ранним, савроматским.

5. Черепа из могильника Мечет-Сай отличаются от известных сарматских серий. По некоторым признакам намечается сближение их с более ранними андроновскими черепами. Кроме андроновского в формировании населения, оставившего этот памятник, принимали участие и другие компоненты.

43. Векна на мита	46. Средна шир- рина мита	42. Динна мита	43. Ширна мита	55. Висота моста	54. Ширна моста	51. Ширна опр- та от максимал- на ширнина	52. Висота опр- та	50. Максимална шир- рина	Максимална висота	42. Височина на опр-та	Висота на моста над близината	Зимовна височина на моста	Висота сукнина на моста	Дължина на моста
105	97	—	42,5	38,0	37,4	14,1	7,5	97,5	16,8	97,5	16,8	93,3	26,0	—
106	92	—	40,4	—	36,8	—	—	91,1	14,7	91,1	14,7	91,0	23,7	17,3
108	—	—	44,0	—	27,6	—	8,0	98,0	17,1	98,0	17,1	—	—	—
105	94	46	43,4	41,7	31,4	20,8	8,2	97,6	15,5	97,6	15,5	89,7	21,0	18,5
106	94	45	41,5	38,6	35,0	17,0	8,0	96,3	17,0	96,3	17,0	89,7	22,0	18,5
108	95	—	43,2	40,8	32,6	18,8	7,8	96,7	16,0	96,7	16,0	93,8	18,3	23,6
115	101	—	42,7	45,8	34,9	21,3	7,0	107,0	20,3	107,0	20,3	97,6	21,5	22,3
111	94	46	40,5	42,7	35,7	19,0	8,7	101,8	16,9	101,8	16,9	96,7	19,0	18,0
105	99	43	40,5	39,8	31,0	18,2	9,3	95,6	16,1	95,6	16,1	96,0	21,3	18,2
104	98	—	43,0	40,2	32,3	16,0	—	94,0	12,3	94,0	12,3	96,0	19,9	18,0
108	98	46	43,0	42,2	32,2	20,2	8,3	99,0	15,4	99,0	15,4	97,0	16,7	16,3
103	90	—	42,6	40,8	31,0	19,0	7,0	94,6	18,8	94,6	18,8	89,2	15,4	20,2
108	92	43	42,2	40,3	32,4	18,9	7,6	99,0	12,2	99,0	12,2	89,2	23,8	20,0
107	97	—	42,4	40,3	35,3	21,9	7,1	97,2	16,0	97,2	16,0	94,1	15,8	20,5
115	105	—	42,8	44,0	30,6	21,6	7,8	107,0	22,7	107,0	22,7	106,0	18,8	25,0
112	94	—	43,0	41,7	33,5	22,8	8,4	102,5	18,8	102,5	18,8	96,4	26,7	24,6
108	—	47	43,6	42,2	32,0	—	—	100,5	19,0	100,5	19,0	95,4	25,3	23,9
111	101	47	45,1	43,6	35,0	19,6	6,6	100,0	16,3	100,0	16,3	97,2	22,7	19,5
109	93	46	44,3	42,6	33,2	21,8	7,2	103,0	16,8	103,0	16,8	93,8	18,2	22,7
109	91	44	40,5	38,4	31,4	22,3	8,0	99,7	17,0	99,7	17,0	86,4	19,7	21,6
103	88	—	38,6	37,2	31,0	17,4	5,1	93,0	16,1	93,0	16,1	86,6	16,2	20,5
104	87	—	43,2	41,6	33,0	18,0	6,0	95,6	17,2	95,6	17,2	85,2	22,7	19,2
113	96	—	45,3	42,2	30,8	19,7	6,9	104,0	19,8	104,0	19,8	92,3	20,2	20,4
104	89	—	45,3	42,2	30,8	19,7	6,9	97,3	18,7	97,3	18,7	88,0	22,0	20,4
106	96	—	42,4	40,8	32,3	18,4	6,5	98,5	16,3	98,5	16,3	88,0	22,0	19,4
105	87	42	43,6	42,8	35,1	20,6	—	97,1	16,5	97,1	16,5	89,0	21,1	—
105	83	38	40,5	38,9	33,9	20,6	—	96,4	13,8	96,4	13,8	89,0	16,7	—
109	93	44	41,6	39,8	27,6	20,3	8,0	99,3	16,7	99,3	16,7	89,0	16,3	22,2
102	—	35	40,0	36,6	29,0	—	—	92,2	19,2	92,2	19,2	—	—	—
102	87	38	40,0	38,4	33,0	20,4	4,6	93,0	16,2	93,0	16,2	88,0	23,5	21,0
100	85	—	41,3	38,5	31,1	18,4	7,9	92,4	18,1	92,4	18,1	82,4	23,8	20,1
97	87	38	41,6	40,1	33,2	15,0	6,3	90,0	16,8	90,0	16,8	84,6	21,8	16,2
95	—	—	39,0	—	32,9	—	—	87,1	15,2	87,1	15,2	—	—	—

Дарьяна 1 на н-сота	Смолтческая хопла	Смолтческая м-сота	32. Угол ала на-этон к топнотан	Угол ала табел-на-этон к топнотан	72. Общая угол ала	73. Угол среднел частн ала	74. Угол альбео-арнон частн ала	75. Угол носомл костел к топнотан	75(1). Угол носомл костел к топнотан	Назовлаярнл уло	Зитонкасларнл уло	65. Мызкавола ширна	66. Вязолавола ширна	68. Длинна нмжвел частнот от улол	69(1). Длинна нмжвел частнот от улол
12,8	6,1	6,1	81	70	84	86	78	55	29	142	121	—	—	—	—
—	9,5	5,2	85	77	88	90	78	60?	28?	144	125	132	107	80	106
12,2	8,8	5,1	84	80	91	94	76	60	31	139	129	120	97	86	110
11,3	7,8	4,0	87	87	87	88	84	48	39	139	130	117	96	80	106
12,7	6,5	3,8	89	79	84	87	76	53	31	143	137	—	—	—	—
10,3	10,1	3,5	81	74	84	87	74	56	28	138	132	131	98	79	103
11,1	8,5	4,0	81	74	84	87	85	57	32	143	132	125	101	82	111
11,6	5,7	4,0	83	76	89	93	77	64	25	142	135	122	94	78	104
—	—	—	88	80	85	87	73	—	—	150	141	123	91	77	94
12,5	7,2	4,0	83	70	89	91	80	56	33	145	144	120	93	90	110
11,3	6,9	3,2	83	76	84	86	80	58	26	136	123	112	—	84	110
11,4	6,5	3,7	83	71	89	91	80	52	37	152	141	—	—	—	—
12,4	9,0	5,0	91	87	88	90	82	62	29	143	136	121	100	76	107
12,2	8,8	4,0	69	61	84	85	80	55	29	134	126	125	105	82	111
11,8	15,4	6,6	77	71	84	85	80	31	33	140	124	125	100	82	111
—	—	—	82	71	82	87	69	—	—	138	—	—	102	72	—
10,0	7,9	3,6	83	78	82	86	69	63	19	144	130	120	99	75	99
10,9	10,0	3,6	79	91	86	90	73	56	30	144	139	122	102	72	105
12,8	7,8	4,2	95	75	88	90	81	46	42	142	130	118	99	77	106
9,6	8,3	2,1	88	83	86	89	74	66	20	142	139	111	101	83	107
9,6	8,0	3,2	87	84	85	88	69	65	20	140	124	—	91	72	107
12,4	6,8	3,2	84	77	83	87	70	52	31	138	132	116	97	85	106
—	8,0	5,4	81	75	83	87	82	56	27	138	126	—	89	80	—
—	—	—	85	81	83	84	82	—	27	143	130	—	86	75	—
—	—	—	82	77	82	85	73	—	—	142	129	111	92	71	93
—	—	—	81	74	82	85	80	—	—	148	139	112	89	81	99
10,0	8,6	4,0	85	77	89	91	80	68	21	143	139	120	89	80	101
—	—	—	82	77	88	90	79	—	—	135	—	—	—	—	—
7,0	6,8	1,4	86	82	82	84	75	55	27	141	125	104	83	73	93
10,4	7,0	4,8	81	86	84	86	75	61	23	137	120	113	88	80	98
8,5	8,0	4,2	85	81	84	86	86	62	26	139	128	111	96	67	91
—	9,5	4,1	88	86	88	89	—	—	—	141	—	—	86	64	81

70. Высота ветви	71а. Пниевшая ши- шина ветви	69. Высота подбора- ка	79. Угол наклона вет- ви нижней части	79а. Угол накло- на рога	Напереносе (1-6)	Надрывные дуги	Кликовья явка в км	Нижняя край груп- пного отверстия	Плоская-посовая ость (1-5)	Надрывный ратноч- ный бугор (0-5)	Соединяющий отр- сток (1-3)	8:1. Черепной уха- зател	17:1. Высота про- дольной узелател	17:8. Высота попе- речной узелател	9:8. Любно-попереч- ный узелател	48:45. Верхний ки- пешов узелател	54:55. Нисовой уха- зател	52:55. Орбитный уха- зател I	52:52a. Орбитный II	Давральный уха- зател	Синотический уха- зател	44:2. Узелател ви- с ушной ямки	48:17. Вертикальный фациоопорный узелател
— 62	31	33	—	—	3	2	4,0 ant	ant	—	—	2	76,8	89,4	63,4	—	—	40,0	88,0	—	—	—	—	—
50	35	31	55	55	4	3	3,3 ant	ant	4	2	1	89,2	82,9	65,0	55,9	41,1	91,1	97,0	74,0	100,0	—	—	—
62	37	31	117	65	3	2	5,2 ant	inf	2	1	2	84,6	91,9	69,9	45,1	45,0	62,7	—	—	54,7	90,0	95,1	55,9
60	33	31	120	56	3	2	7,4 ant	—	4	1	2	81,6	84,8	63,3	49,6	48,2	72,3	75,3	66,0	58,0	96,1	47,8	53,1
70	39	33	114	62	2	2	4,5 ant	—	2	1	2	81,4	88,3	63,4	50,7	48,0	80,3	90,7	60,5	51,3	99,0	55,0	55,0
62	35	34	—	77	4	3	6,3 ant	—	4	1	3	83,7	84,0	64,3	48,9	75,5	79,9	76,2	60,5	58,5	—	93,9	48,1
58	35	29	115	62	3	3	5,2 f.pr	f.pr	2	0	2	88,6	84,0	66,6	44,7	56,0	71,7	76,2	48,4	35,0	—	92,1	57,4
57	35	32	129	62	3	3	8,7 ant	f.pr	2	1	3	87,7	86,0	64,7	51,8	51,6	81,9	83,6	58,4	47,1	—	92,1	57,4
60	37	28	106	70	3	2	5,0 ant	—	5	0	2	84,3	82,2	69,3	47,5	49,6	77,9	80,3	64,0	70,2	95,9	49,6	47,1
65	40	31	111	76	5	3	4,6 ant	—	2	3	3	74,9	92,0	69,3	48,6	46,7	73,1	80,3	—	—	96,1	47,1	47,1
60	36	31	120	64	3	2	4,2 f.pr	—	2	3	3	71,8	86,6	66,7	51,8	54,2	72,8	76,0	62,5	55,6	—	—	—
58	32	31	130	62	2	2	7,4 ant	—	4	1	3	80,6	86,0	66,7	46,8	43,7	76,0	80,4	56,5	57,0	—	50,4	50,4
62	36	33	124	58	5	3	5,2 ant	—	4	1	3	85,2	82,2	63,9	51,1	48,6	83,3	87,6	49,6	55,6	—	—	—
61	33	34	125	64	2	2	6,1 ant	—	2	1	2	—	86,6	67,6	50,7	51,3	64,0	69,5	49,6	45,5	—	—	—
65	32	27	127	57	5	3	4,5 f.pr	—	—	—	1	85,6	91,2	63,3	45,2	46,2	78,0	80,3	49,4	43,0	—	—	—
57	35	119	78	—	1	1	3,5 inf.	inf.	—	1	3	84,6	85,2	69,6	50,7	46,5	77,6	80,3	51,3	45,6	—	—	—
45	30	28	131	65	2	2	6,5 ant	—	2	1	3	86,6	86,2	64,4	48,9	54,7	74,9	77,9	48,0	36,0	—	95,8	52,0
49	32	27	133	54	2	2	5,9 ant	—	3	0	3	82,0	85,6	66,4	45,0	58,4	77,5	81,8	59,3	53,8	—	96,9	47,2
64	35	29	130	60	1	2	5,3 inf.	—	2	0	2	82,8	95,0	67,9	50,4	55,1	80,3	83,3	47,0	25,3	—	95,7	48,9
56	29	30	125	71	2	2	4,5 ant	—	0	1	2	82,6	87,2	69,7	52,0	47,1	76,4	79,3	50,0	40,0	—	—	—
63	36	31	116	63	2	1	3,7 ant	—	3	0	2	81,5	87,2	70,9	47,5	51,6	68,0	73,0	61,0	47,1	—	—	—
52	32	25	118	51	2	1	5,5 ant	—	—	—	2	—	—	—	46,4	46,4	78,2	80,3	67,3	—	—	—	—
51	32	28	116	77	1	1	6,0 ant	—	3	—	2	87,7	—	66,4	50,0	50,4	68,0	79,2	52,0	47,1	—	—	—
58	31	118	63	—	2	2	1,7 ant	—	—	1	3	87,2	83,3	63,3	51,1	51,4	80,5	82,0	—	—	—	—	—
57	35	29	111	75	2	2	4,3 ant	—	2	0	3	80,2	83,3	63,4	50,0	49,3	83,7	87,1	—	—	—	—	—
58	34	25	115	51	2	2	6,4 ant	—	2	1	3	86,1	80,5	66,4	53,2	53,2	66,3	69,3	45,0	46,5	—	—	—
58	34	25	115	51	2	2	2,9 ant	—	3	2	2	75,4	69,4	66,4	45,8	44,3	79,5	79,2	45,0	46,5	—	—	—
46	33	26	120	73	1	1	3,1 f.pr	f.pr	1	0	1	77,3	91,9	71,3	50,4	52,3	82,5	85,9	33,3	20,6	—	—	—
55	32	28	121	68	2	1	4,9 ant	—	3	1	2	80,5	88,5	66,2	53,8	52,8	80,8	82,8	51,7	60,9	—	—	—
44	32	25	123	72	1	1	4,5 ant	—	1	0	1	81,3	88,5	68,3	52,5	55,0	79,8	82,8	52,5	52,5	—	—	—
44	30	23	115	75	1	1	3,0 inf	—	—	1	1	81,3	88,5	68,9	48,2	—	84,4	—	—	43,2	—	—	—

Индивидуальные измерения сарматских черепов из могильника Мечет-Сай

Приложение 2

№ кургана и могила	Пол	Возраст	Индивидуальные измерения черепов														
			1. Подолный диаметр	6. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр от башки	5. Длина основания черепа	20. Высотный диаметр от лобного	9. Наибольший диаметр лба	10. Наибольший диаметр затылка	11. Угловая ширина лба	12. Ширина затылка	22. Горизонтальная окружность	24. Поперечный диаметр лобно-носовой	25. Сопоставляемый диаметр	40. Длина основания лба		
Кург. 6, погр. 2	м	44-45	177	—	—	—	—	100	118	—	—	—	—	—	—	—	—
Кург. 7, погр. 6	с	30-35	—	—	124	102	112	100	123	135	—	—	—	—	—	—	99
Кург. 9, погр. 2	с	50-60	180	157	124	97	120	109	134	139	117	543	387	365	368	94	—
Кург. 6, погр. 3	с	50-55	178	151	132	101	118	101	132	128	—	527	337	368	368	96	—
Кург. 6, погр. 2	с	35-45	186	156	123	100	111	97	122	142	—	—	—	—	—	106	—
Кург. 3, погр. 16	с	35-40	184	148	1171	101	110	98	127	135	—	530	311	355	355	106	—
Кург. 6, погр. 9	с	35-40	188	150	—	—	117	102	118	135	123	538	319	377	377	—	—
Кург. 6, погр. 6	с	45-55	177	146	—	—	117	101	118	126	117	514	324	—	—	—	—
Кург. 9, погр. 3	с	45-55	191	156	127	105	116	106	134	139	121	560	338	383	383	104	—
Кург. 6, погр. 4	ж	35-45	—	—	—	—	111	93	114	—	—	—	—	—	—	—	—
Кург. 8, погр. 4	с	25-30	173	142	126	100	109	95	118	119	105	499	308	336	336	97	—
Кург. 3, погр. 14	с	30-35	173	137	—	—	107	91	116	118	108	491	300	—	—	—	—
Кург. 3, погр. 15	с	50-60	174	146	—	—	116	98	117	131	111	508	319	362	362	—	—
Кург. 6, погр. 10	с	40-45	173	138	123	95	114	96	114	121	108	497	311	346	346	95	—
Кург. 3, погр. 9	с	35-40	170	151	132?	—	116	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кург. 3, погр. 6	с	30-35	166	145	126	96	110	94	120	126	107	484	309	350	350	—	—
Кург. 9, погр. 1	с	50-60	—	—	—	—	113	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кург. 7, погр. 3	с	45-55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кург. 8, погр. 5	с	25-30	—	—	123	93	114	97	128	—	—	—	328	—	—	—	—
Кург. 7, погр. 9	с	50-60	—	—	—	—	—	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кург. 8, погр. 1	с	35-40	183?	134	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кург. 7, погр. 11	с	16-18	—	—	—	—	109	92	119	121	—	—	318	—	—	—	—

Эпикаклипсия хоры (по Абнелу)	Высота сфинксане над эпитаклип- ной хорой	Назокарыйя уло	Эпикаклипсий уло	Дакрлыная хоры	Дакрлыная высота	Синотчская хоры	Синотчская высота	32. Уло аба мазон- метонин к горсон- тан	Уло аба габала- метонин к горсон- тан	72. Обшир уло ани	73. Уло среани частн ани	74. Уло абакар- ной частн ани	75. Уло носох по- стер к горсонтан	73(1). Уло носох костен к аниин про- филе	65. Машагован ширина
93,9	19,4	141	135	—	—	6,7	3,7	—	—	—	90	82	56	—	—
90,6	26,5	129	119	19,0	13,0	8,6	5,5	78	72	88	90	82	56	32	—
93,2	18,2	141	137	20,3	12,2	8,8	5,4	83	73	92	94	84	54	38	120
90,1	17,5	145	137	18,6	12,9	7,0	3,1	83	78	88	92	78	63	25	114
96,5	26,6	—	122	—	—	—	—	70	64	—	—	—	—	34	118
101,7	19,0	143	138	27,0	8,5	6,5	1,9	81	74	84	91	69	67	17	120
87,8	23,5	138	125	20,0	13,8	8,1	5,7	81	73	86	87	83	53	33	120
98,0	20,5	139	135	21,6	12,7	8,0	6,2	81	72	88	92	78	55	33	121
104,8	22,0	141	134	24,2	11,2	7,3	3,1	82	70	84	88	72	57	27	—
95,0	23,0	131	128	22,8	15,0	10,0	5,3	79	70	90	92	85	60	30	116
87,1	20,5	142	129	18,7	12,0	7,4	3,6	78	68	84	88	72	56	28	107
94,3	16,3	141	141	22,2	11,5	6,9	4,0	82	75	84	88	70	62	22	112
93,5?	19,3	135	135	21,2	13,5	7,8	4,5	85	80	87	90	78	57	30	—
97,2	22,2	145	131	20,4	11,0	5,4	3,2	85	77	88	91	80	69	19	—
95,4	18,1	145	138	21,5	11,5	7,8	3,9	92	87	—	—	—	—	27	119
—	—	139	—	—	—	9,3	4,0	85	80	88?	90	—	60	28?	121
—	—	142	—	20,0	10,5	8,1	4,2	81	76	81	84	75	51	30	—
—	—	—	—	—	—	6,4	3,4	—	—	—	84	75	60	31	110
81,6	20,5	144	126	19,1	9,9	5,1	3,1	87	82	89	91	82	60	29	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	7,9	4,0	—	—	—	—	—	—	—	109
86,0	22,5	137	124	17,5	11,8	6,9	4,0	90	82	91	94	83	71	20	—

66. Высота нижних частей от углов	66. Длина нижних частей вышележа	70. Высота ветви	71a. Наибольшая ширина ветви	69. Высота подбора	79. Угол наклона ветви к нижней части	79(1). Угол подбора	Наперевес (по Мартину 1-6)	Надровные дуги (1-3)	Кликовая ямка (глубина 0-4)	Кликовая ямка (в мм)	Нижний край грядки шедного отверстия	Перегне-послевет (1-5)	Наружная закладка ветви (0-5)	Сосцевидный отросток (1-3)
93	—	58	31	30	—	59	2	2	3	5,3	ant	2	1	2
98	84	67	33	29	113	61	4	3	4	6,0	ant	—	4	3
115	78	57	33	28	120	62	4	3	4	6,4	f. pr	5	2	2
105	79	711	31	35	122	62	2	2	4	6,0	ant	2	2	3
96	82	701	34	36	116	77	4	3	4	6,5	ant	3	1	3
101	82	59	33	35	121	69	3	2	4	6,9	f. pr.	2	0	2
102	79	59	34	34	118	67	3	2	4	6,7	ant	3	1	3
102	83	57	39	35	117	73	5	3	3	4,9	f. pr.	2	3	3
—	—	74?	42	36	—	63	4	3	3	5,5	ant	1	2	3
99	73	59	33	30	123	64	3	2	2	3,7	ant	2	0	2
86	84	62	35	30	118	59	3	2	3	5,0	inf.	2	0	1
97	78	58	33	31	123	69	2	2	2	3,8	ant	2	1	2
—	—	68	36	30	—	66	2	1	1	3,3	ant	—	1	2
96	72	48	31	33	132	68	2	2	2	4,0	ant	2	1	2
97	75	60	33	31	116	71	2	2	2	4,0	f. pr.	3	0	1
98	76	55	34	27	121	52	2	1	2	3,7	ant	—	0	1
—	—	57	38	27	—	67	2	2	4	6,5	ant	2	1	2
98	78	58	30	34	130	65	2	1	4	—	ant	—	1	2
—	—	—	30	—	—	65	2	1	3	4,0	ant	—	0	1
106	—	—	32	32	—	45	2	1	—	—	ant	—	—	—
100	74	63	32	29	119	61	2	1	2	2,8	ant	—	0	2
—	—	—	—	25	—	74	2	1	1	2,3	inf.	2	—	1

8:1. Черепной указатель	17:1. Высотно-пролонгный указатель	17:8. Высотно-поперечный указатель	9:8. Лобно-теменной указатель	48:46. Верхний указатель	54:53. Носовый указатель	58:55. Орбитальный указатель I	52:51a. Орбитальный указатель II	Дакрило-зальный указатель	Слюноточный указатель	40:5. Указатель выступающей лба	48:17. Верхний указатель ширины разный указатель
—	—	—	—	—	47,9	71,8	73,8	—	55,2	—	—
—	—	—	—	—	45,2	83,4	84,8	68,4	64,0	97,1	85,1
87,2	68,9	79,0	69,4	46,9	48,1	81,0	83,4	60,1	61,4	96,9	55,6
84,8	74,2	87,4	66,9	55,3	45,6	81,9	83,5	69,4	44,3	95,1	59,1
83,9	66,1	78,8	62,2	54,1	46,5	—	—	—	—	106,0	64,2
80,4	63,6	79,1	66,2	47,4	55,6	74,6	76,9	31,5	29,2	104,9	59,0
79,8	—	—	68,0	51,5	48,2	94,2	90,7	65,4	70,4	—	—
82,5	—	—	69,2	48,2	53,6	73,9	77,9	58,8	77,5	—	—
81,7	66,5	81,4	67,9	48,4	47,5	65,7	69,6	46,3	42,5	99,1	58,3
—	—	—	—	53,1	50,4	78,2	83,6	65,8	53,0	—	—
82,1	72,8	88,7	66,9	52,4	48,5	79,0	82,5	64,2	48,6	97,0	51,6
79,2	—	—	66,4	52,7	49,0	75,3	81,6	51,8	58,0	—	—
83,9	—	—	67,1	45,7	50,4	75,8	78,4	63,7	57,7	—	—
79,8	71,1	89,1	69,6	56,0	51,0	78,3	83,0	53,9	59,3	100,0	56,9
88,8	77,7	87,4	62,9	—	45,1	75,8	80,4	53,5	50,0	—	52,3
87,4	75,9	86,9	65,3	46,6	53,5	79,7	82,5	—	43,0	—	50,0
—	—	—	—	—	52,9	74,9	76,9	52,5	51,9	—	—
—	—	—	—	—	40,0	77,7	82,9	—	53,1	—	—
—	—	—	—	49,6	48,7	81,0	82,0	51,8	60,8	—	52,0
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
73,2	—	—	—	—	45,3	79,3	81,9	—	50,6	—	—
—	—	—	—	53,0	47,7	87,6	90,4	67,4	58,0	—	—

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ	— «Археология и этнография Башкирии»
БКМ	— Башкирский краеведческий музей
ВАУ	— «Вопросы археологии Урала»
ВЭМ	— Венгерский этнографический музей в г. Будапеште
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГМЭ	— Государственный музей этнографии народов СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ИАК	— «Известия археологической комиссии»
ИНЯЛ БФАН СССР	— Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— «Советская археология»
СЭ	— «Советская этнография»

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Творческий путь Константина Владимировича Сальникова...

7

АРХЕОЛОГИЯ

Г. Н. Матюшин О южных связях мезолита Урала	15
В. С. Стоколос. Поселение эпохи бронзы Черняки II	32
Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк. Камышлы-Тамакский могильник	38
А. Х. Пшеничнюк. Охлебининский могильник	59
А. Х. Пшеничнюк. Уфимский курганный могильник	105
Г. И. Матвеева. Памятники I тыс. н. э. левобережья р. Белой	113

ЭТНОГРАФИЯ

С. Н. Шитова. Народная одежда башкир.....	125
✓ Р. Г. Кузеев. Этнической истории башкир в конце I — начале II тыс. н. э.....	228
Л. П. Лашук. Некоторые аспекты истории древнего скотоводства...	249
✓ Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от ко- тевого скотоводства к земледелию)	261
Р. З. Янгузин. О земледелии в юго-восточном Зауралье в XIX в.....	322
✓ Р. Г. Кузеев. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI— XX вв.....	327
Р. Г. Кузеев. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования	371

АНТРОПОЛОГИЯ

М. С. Акимова. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала	391
---	-----

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Башкирский филиал
Институт истории, языка и литературы

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ, т. 3

Редактор Л. А. Булгакова
Корректор В. П. Гушина

Сдано в набор 6 II 1968 г. Подписано к печати 26 XII 1968 г.
Формат 84×108. Физ. печ. л. 26,75. Уч.-изд. л. 41.
П00385. Тираж 900. Цена 3 руб. Заказ № 197.

Полиграфкомбинат Управления по печати при Совете Министров БАССР.
г. Уфа, 1, проспект Октября, 2.

О П Е Ч А Т К А

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
372	26—27 сверху	хозяйственной жизни этни- ческой истории	хозяйственной жизни и эт- нической истории